

РУССКОЕ СЛОВО.

IV.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—ВЕЗВОРОДКО.

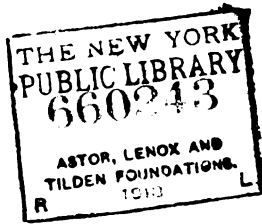
1861.

ap

А П Р Ъ Л Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ ТИВЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 22-го Апрѣля 1861 года.

Ценсоры: *Е. Волковъ.*

Ө. Разманчиковъ.

Отъ редакціи.

Получая частыя жалобы на позднее доставленіе книжекъ, редакція считаетъ долгомъ увѣдомить г.г. подписчиковъ, что Почтовымъ Вѣдомствомъ сдѣлано распоряженіе объ отправленіи журналовъ по тяжелой почтѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ **СТЕПНАЯ ОХОТА** (разказы) П. Б—НА.
ТРЕТЬЕ СОСЛОВІЕ ВО ФРАНЦІИ (окончаніе). П. А. БИБИКОВА.
ЭЛЕГІЯ (стих.) Кондр. Р—ВА.
- ✓ **ДѢДЫ** (поэма Мицкевича, ч. IV) А. С.
ЭЛЕГІЯ (стих.) Кондр. Р—ВА.
- ✓ **К. Р. ДАШКОВА** (изъ записокъ С. Н. ГЛИНКИ).
- ✓ **ЮБИЛЕЙ БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Н. РЕННЕНКАМПФА.**
НЕВОЛННИЧЕСТВО ВЪ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ. А.
ТОПОРОВА.

ОТДѢЛЪ II.

- ПОЛИТИКА.** ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ. Г. Б. 1
ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. Р. ГАРРИСОНА 8
- ✓ **РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.** ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. *Θ. Буславеа.* Изд. *Д. Е. Кожанчикова.* Спб. 1861. (окончаніе)
Д. Л. МОРДОВЦОВА 1
- ✓ **ИДЕАЛИЗМЪ ПЛАТОНА.** (Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ).
Д. И. ПИСАРЕВА 38
- АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССИИ, Н. Калачова. Н. И. КОСТОМАРОВА** 64
- ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.** ДОКУМЕНТЫ И ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ, ОСТАВЛЕННЫЯ ДАНИЛОМЪ МАНИНИ, СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ г. Плана-де-ла-Фэй. **В. П. ПОПОВА** 1

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНОСТЕЙ АВСТРИИ. С. Н. ПАЛАУЗОВА	23
--	----

ОТДѢЛЪ III.

СНѢСЪ. Письмо съ Кавказа. Н. ЮХОТНИКОВА.	1
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» И «РУССКОЙ РѢЧИ». Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА	19
ФЕЛЬЕТОНЪ. Дневникъ темнаго человека.	25
ШАХМАТНЫЙ ЛИСТЪ. В. М. МИХАЙЛОВА.	

✓ Въ приложеніи: Монте-Бени, романъ *Натаніеля Готорна*
(пер. съ англійскаго).

СТЕННАЯ ОХОТА.

(РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕЙ МОЛОДОСТИ.)

I.

НИКОЛАЕВСКАЯ СЛОБОДА И МИКОЛА ДЕРГАЧЬ. СУМАСШЕДШАЯ. ЗАВОЛЖСКАЯ СТЕПЬ.

Стенной берегъ Волги совсѣмъ не то, что берегъ нагорной стороны. Ступивъ на него, вы почувствуете близость пустыни и совершенно иной природы. Отъ самой воды, едва замѣтнымъ возвышеніемъ тянется песчаное пространство. Вся растительность берега ограничивается рѣдкой и тощей травкой, мѣстами мелкимъ тальникомъ, да изрѣдка увидишь развѣ одинокую иву, или группу толстыхъ уродливыхъ ольхъ и бѣлой тополи. По такой то мѣстности мы едва двигались шагомъ; колеса по ступицу тонули въ сыпучемъ пескѣ, бѣдныя лошади хрипѣли отъ непосильной тяжести. Но вотъ песокъ сдѣлался мельче; свободнѣе зашагали наши кони; еще саженъ пятьдесятъ—и мы выѣхали на выгонъ Николаевской слободы,—чистаго, опрятнаго малороссійскаго селенія, вовсе непохожаго на наши грязныя русскія села (*).

(*) Малороссы-переселенцы въ Саратовской губерніи, также какъ иностранные колонисты, сохранили свой образъ жизни, свои обычаи и обряды, свой

—Смотрите-ка, Николай Федоровичъ, вѣдь это батько, нашъ старикъ идетъ намъ навстрѣчу, обратился къ намъ сидѣвшій на козлахъ молодой Гаврило Дергачъ.

И въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли, въ полуверстѣ отъ насъ, шедшаго пѣшкомъ старика въ высокой бараньей шапкѣ, съ длинною палкою въ рукахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы подѣхали къ нему и надо было видѣть радость старика при свиданіи съ моимъ товарищемъ! Николай Федоровичъ выскочилъ изъ тарантаса, и они обнимались, какъ родные братья, — какъ истинные друзья.

Намъ необходимо покороче познакомиться съ Николаемъ Федоровичемъ.

Отецъ его—въ полномъ смыслѣ слова русскій баринъ, питомецъ екатерининскихъ временъ,—владѣлецъ 4000 душъ, былъ женатъ на княжнѣ Д....й. Дѣтей было у нихъ много, но въ живыхъ остался одинъ любимецъ ихъ,—первенецъ Коко. Поэтому Коко баловали страшно, и воспитывали его оригинальнѣйшимъ образомъ. Когда ему было 6 лѣтъ, его окружали уже Французъ, Англичанка, Нѣмецъ музыкантъ, карлица, отличный шутъ, старуха сказочница, маленькій казачекъ и двѣ дѣвочки, которыхъ онъ могъ для потѣхи щипать, заставляя плясать или прыгать лягушкой. У него были голуби, канарейки, кролики, маленькія собачки и такая же лошадка съ приличными экипажами и упряжью. У Коко спрашивали съ утра, что ему угодно кушать? Онъ могъ дѣлать что ему угодно;—все было хорошо,—все нравилось его нѣжнымъ родителямъ. Съ десятилѣтняго возраста, начали бесѣдовать съ Коко ученѣйшіе профессора, которымъ поставлялось въ обязанность набивать маленькую голову ребенка всевозможнымъ вздоромъ; а когда минуло ему 16 лѣтъ, отецъ его уже былъ въ разводѣ съ матерью, а онъ поступилъ юнкеромъ въ гвардію и былъ однимъ изъ красивѣйшихъ и самыхъ ловкихъ юнкеровъ. Все

національный языкъ; но разговорный языкъ ихъ сдѣлался какой-то смѣсью, зависящей отъ мѣста ихъ поселенія. Такъ напримѣръ, живущіе между Русскими говорятъ уже почти по-русски, съ нѣкоторою только примѣсью малороссійскихъ словъ, а поселенные въ другихъ мѣстахъ приняли многое изъ говора своихъ сосѣдей: Нѣмцевъ, Казмыковъ, Моравы и другихъ.

это было наканунѣ памятныхъ всѣмъ событій отечественной войны. Коко участвовалъ въ всѣхъ походахъ, гдѣ то легко раненъ въ ногу, и въ 1816 году былъ уже поручикомъ гвардіи, украшеннымъ двумя крестиками и двумя медалями, а папенька его еще за два года передъ тѣмъ, обкушавшись осетрины да страсбургскаго пирога съ трюфелями,—сошелъ въ могилу. Какъ водилось въ то время и какъ не рѣдко еще бываетъ и теперь, на 22 году Коко влюбился, женился, а маменька его послѣ этого отправилась за границу, подъ покровительство какого-то 25-лѣтняго доктора, какъ говорили злые люди,—чтобы лѣчиться отъ неестественной полноты.

Послѣ свадьбы, мѣсяца черезъ три, Николай Федоровичъ вышелъ въ отставку, и объѣхалъ съ молодой женой свои вотчины Саратовской губерніи. Ему досталось отъ опеки около 1000 душъ, и то разоренныхъ; поскучавъ съ небольшимъ годъ въ деревнѣ, онъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, а оттуда за границу. Но ни гдѣ ему не жилось; — впослѣдствіи оказалось, что прекрасная супруга его любила другаго, а вышла за него замужъ только потому,—что всѣ считали его очень богатымъ человѣкомъ, не зная, вѣроятно, что все богатство ихъ семейства ушло на пироги и трюфели папеньки, и на блонды и докторовъ маменьки. За границей жена его встрѣтилась съ предметомъ своей любви, и «*comme de raison*», говорилъ самъ Николай Федоровичъ, отправилась съ нимъ куда-то въ Аркадію, а я махнулъ на все рукой, взялъ себѣ въ Парижѣ *M-le Hélène*, и прикатили мы съ ней вотъ въ это самое имѣніе, гдѣ прожили три года какъ отшельники; и все, казалось, шло хорошо, но *M-le Hélène* вздумала потомъ женить меня на себѣ, а какъ увидала, что это было не совсѣмъ легко, то стала меня обирать: дѣлать было нечего! Я далъ ей пять тысячъ рублей на заведеніе магазина, и отправилъ ее въ Москву.»

Съ тѣхъ поръ пожилъ Николай Федоровичъ еще года три или четыре, не выѣзжая рѣшительно никуда и не имѣя никакого знакомства, кромѣ сосѣда своего Ухарцева, оставшаго ротмистра, страстнаго охотника, постояннаго товарища его полеваній; да часто навѣщалъ его молодой Нѣмецъ, уп-

*

равлявшій большимъ сосѣднимъ имѣніемъ; ему очень нравились знаменитыя наливки Николая Федоровича; и ради ихъ Нѣмецъ сдѣлался даже псовымъ охотникомъ.

Но такая жизнь надоѣла наконецъ Николаю Федоровичу: онъ познакомился почти со всѣми сосѣдами, сталъ по зимамъ ѣздить въ Саратовъ, играть въ карты, являться въ клубъ и гостиныхъ, щеголять французскимъ языкомъ и пикниками.

Въ городѣ Николай Федоровичъ совершенно переродился. Изъ простаго деревенскаго барина онъ дѣлался самымъ щепетильнымъ поклонникомъ свѣтскихъ приличій. «Когда мы въ городѣ, любезнѣйшій, говаривалъ онъ: тамъ свѣтъ — владыко, о здѣсь, въ своей деревнѣ — я самъ себѣ господинъ; тамъ я жму руку всякому мерзавцу, а здѣсь я въ домъ не пуцую, кто мнѣ непо-сердцу. Здѣсь я весь на раслапку, — что на умѣ, то и на языкѣ.» И Николай Федоровичъ, дѣйствительно, былъ другой человекъ въ деревнѣ.

Здѣсь онъ ходилъ, обыкновенно, въ широкихъ шароварахъ, въ красной шелковой рубахѣ съ косымъ воротомъ, и въ какомъ-то коротенькомъ кафтанчикѣ особаго покроя, похожаго немного на извѣстный французскій пальто. Этотъ же самый костюмъ, съ измѣненіями по погодѣ и времени года, употреблялъ онъ на охотѣ.

Все, что можно только придумать для разнообразія пріятной жизни въ деревнѣ, все было у Николая Федоровича, и всѣмъ занимался онъ съ любовью и интересомъ. Поведеть ли онъ васъ въ садъ — все говоритъ вамъ, что хозяинъ знатокъ этого дѣла; оранжереи хотя небольшія, но всего въ нихъ много, и все въ удивительномъ порядкѣ, а парники? — это исключительная его страсть, такъ и говорить объ нихъ нечего. Была у него и библіотека; онъ выписывалъ множество журналовъ и газетъ. По вечерамъ онъ забавлялся музыкой: оркестръ состоялъ изъ десяти человекъ, но весьма удовлетворительно игралъ лучшія піесы знаменитыхъ мастеровъ, а пѣсенники, въ томъ числѣ пять или шесть дѣвушекъ, одна лучше другой, были такіе, что просто заслушаться. Былъ у Николая Федоровича и конный заводъ, которымъ можно было полюбоваться; былъ у него и ручной медвѣдь,

и косою шутъ Потапъ, котораго обыкновенно звали Полкой, а иногда Потапомъ Касьяновичемъ. Послѣ всего этого нужно ли что нибудь говорить о его кухнѣ, погребѣ и хлѣбосольствѣ? Но всего болѣе онъ любилъ охоту, съ ружьемъ, съ собаками, съ ястребомъ, любилъ ловить рыбу удочкой и неводомъ. Познакомившись съ Николаемъ Федоровичемъ въ Саратовѣ, я сошелся съ нимъ на самой дружеской ногѣ, и когда мнѣ приходилось проѣзжать близъ его деревни, я никогда не упустилъ случая навѣстить его. Однажды,—это было весной,—онъ пригласилъ меня на охоту, хотѣлъ показать мнѣ дикую прелесть заволжскихъ степей и ихъ раздолье. Я охотно принялъ предложеніе его и мы переправились за Волгу, къ старому его пріятелю, Дергачу, также страстному охотнику, заранѣе извѣщенному о нашемъ пріездѣ.

Ну вотъ вамъ и мой Никола Дергачъ, о котомъ я вамъ такъ часто говорилъ; полюбите старика, онъ стоитъ этого,—говорилъ мнѣ Николай Федоровичъ.

— Много благодаренъ вамъ на добромъ словѣ, Николай Федорычъ; прошу насъ любить да жаловать,—не знаю какъ имя и отчество, обратился старикъ ко мнѣ.

— Меня зовутъ Павломъ Федоровичемъ, сказалъ я, вылѣзая изъ тарантаса; очень радъ познакомиться съ тобой, почтеннѣйшій Николай Дмитриевичъ.

— Да ужъ онъ не братецъ ли вамъ будетъ, Николай Федорычъ?

— Братъ не братъ, а хорошій пріятель, да такой же охотникъ въ душѣ, какъ и мы съ тобой, тезка.

— Грѣшный человекъ, не могу отстать отъ этой окаянной охоты; вонъ и борода побѣлѣла, и силы-то уже ослабли, а все такъ и тянетъ въ степь!

— Ну и сѣрый живъ? и собаки все еще тѣ же? спрашивалъ Николай Федоровичъ.

— Все по старому, батюшка мой; да что же мы тутъ закалякались? Надожъ ѣхать, старуха—чай уже и самоваръ наставила. Извольтека садиться.

— Да и ты, тезка, — садись съ нами; мѣсто все въ бу-
детъ.

И Дергачъ действительно помѣстился съ нами; но какъ ни уговаривали мы его, онъ никакъ не хотѣлъ сѣсть рядомъ съ нами, а усѣлся на козлы, къ намъ лицомъ. Тутъ только разсмотрѣлъ я наружность этого старика, которая такъ и просится на полотно.

Только снѣжная бѣлизна длинной бороды и клочка волосъ, лежавшихъ на лысой головѣ его, свидѣтельствовали о старости Миколы Дергача. Прекрасное открытое лицо его было еще полно жизни, а большіе, свѣтлыя, голубые глаза загорались огнемъ при малѣйшемъ движеніи души. Во всѣхъ и приемахъ старика виденъ былъ характеръ живой, энергической. Дергачъ старался сохранить степенность и солидность приличную своимъ лѣтамъ; но едва только увлекался какимъ нибудь разговоромъ, какъ удалство и молодечество его такъ и порывались наружу.

Смеркалось, когда мы ѣхали слободой; но я замѣтилъ, что всѣ встрѣчавшіеся намъ низко кланялись, и конечно поклоны эти относились не къ намъ, а къ Дергачу, потому что не разъ слышались крики ребятишекъ, громко приветствовавшихъ своего диду Миколу.

— Видно тебя всѣ знаютъ и любятъ въ слободѣ? заговорилъ я съ старикомъ.

— А какъ же не знать имъ меня, Павло Федорычъ! вѣдь осьмой десятокъ доживаю съ ними, да и атаманомъ, головой, то есть, ходилъ года три; а спросите-ка, сколько у меня крестниковъ на слободѣ? такъ право не скажу,—грѣшный человѣкъ;—уже счетъ потерялъ,—въ иныхъ дворахъ и отцовъ крестилъ; и хлопцевъ ихъ крестилъ и спасибо имъ, не знаю за что, а кажись любятъ и слушаютъ меня старика!

— А вы скажите-ка мнѣ лучше, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, зачѣмъ вы называете меня Дмитричемъ? у насъ, у хохловъ этого не водится; и малые ребятишки называютъ меня дидо Никола.

— Ну такъ и я буду тебя называть дѣдушкой: такъ что ли, дѣдушка?

— Вотъ се гарно будетъ; то будетъ по нашему, по хохлацки; такъ что ли, Миколай Федорычъ? и старикъ засмѣялся.

— Такъ зачѣмъ же ты насъ, дѣдушка, называешь по отчеству?

— А же вы вѣдь Москали, панови, а не хохлы, то и дило другое! И старикъ смѣялся еще болѣе.

— Слушай тезка, какъ же мы уладимъ насчетъ лошадей?

— Это, то есть въ степь, къ Воронѣ ѣхать? Вѣстимо какъ уладимъ, — опять по прошлогоднему. Вѣдь и тогда было у васъ два тарантаса; ну да объ этомъ въ хатѣ столкуемся, чай погостите же у меня хоть денекъ?

— Нѣтъ тезка; этимъ разомъ никакъ нельзя; развѣ забылъ ты, что я не одинъ?

— Ну такъ я имъ буду кланяться. На первомъ знакомствѣ, авось, уважать стариковскую просьбу? Не заставь, Павло Федорычъ, старую спину ломать да въ ноги кланяться! обратился старикъ ко мнѣ. Вѣдь и у насъ есть чѣмъ потѣшиться: всего съ версту отъ слободы около Поганьева озера, вы вѣдь знаете, Миколай Федорычъ, говорятъ, этого дуэля видимо невидимо; — ну вотъ заутро и потѣшились бы, прибавилъ онъ очень убѣдительно.

Между тѣмъ мы вѣхали на полныхъ рысяхъ въ ворота Дергачева двора, который, казалось, былъ полонъ народу. Старикъ проворно соскочилъ съ тарантаса и обратился къ своей семьѣ: «допрежь всего слушайте вы вси, жинка, сынови, хлопцы и дивчата — вси сюда! да кланяйтесь пановьямъ вмѣсто меня старика, да просите ихъ, щобы поночевать и погостить остались у насъ,» — и старикъ заливался громкимъ смѣхомъ, пока мы вылѣзали изъ тарантаса. Какова семья у меня, Павло Федорычъ! все наши дити, да внуки! говорилъ старикъ, указывая на встрѣчавшихъ насъ и кланяющихся такъ привѣтливо, ласково, какъ бы встрѣчали ближайшихъ родственниковъ послѣ долгой раздуки. А Николай Федоровичъ между тѣмъ обнимался уже съ старухой, которая не находила достаточно словъ, чтобы выразить ему свою радость свиданія, и повторяла только безпрестанно: «милостивецъ ты нашъ! благодотворитель ты нашъ!» Я не успѣлъ еще уяснить себѣ этихъ дружескихъ отношеній Николая Федоровича къ семейству Дергача, какъ пораженъ былъ новымъ, загодочнымъ явленіемъ: когда мы вылѣзали изъ эки-

пажа, ко мнѣ подбѣжала чрезвычайно красивая, молодая женщина, въ бѣлой рубашкѣ, взглянула только на меня какимъ-то дикимъ взглядомъ;—въ движеніяхъ ея было что-то странное; въ рукахъ держала она завернутаго младенца, а окружающіе насъ безпрестанно повторяли ей:—«это не онъ, это не онъ, Гапа, стулай себѣ до хаты;» и старались удержать ее за руку.

— А що же ты жинка пановъ до хаты не просишь? закричалъ наконецъ старикъ, и мы взошли на чистое крыльцо, на которомъ встрѣтила насъ со свѣчей въ рукахъ молодая, красивая хохлушка въ праздничномъ нарядѣ, въ разнообразныхъ монистахъ (*), и свѣтила намъ на пути къ хатѣ, уже совершенно приготовленной для нашего помѣщенія. Какъ только вошли мы въ нее, Дергачъ повторилъ свою неотступную просьбу, и мы не могли отказать гостепріимному старику; не было возможности не исполнить такого искренняго, радушнаго желанія. Мы рѣшили, что не только ночуемъ, но останемся у него до обѣда другаго дня. Старикъ былъ въ восторгѣ; онъ хлопоталъ и бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; все было придумано и сдѣлано для нашего удобства.

Занимаемая нами большая комната, составлявшая пристройку къ дому, была чисто выбѣлена, въ-половину оклеена пестрыми бумажками, полъ былъ только-что вымытъ. Въ переднемъ углу стоялъ поставецъ съ образами въ серебрянныхъ и фольговыхъ ризахъ, и все это было убрано бумажными цвѣтами и пучками душистыхъ травъ; а передъ ними висѣла лампадка, и бумажный голубокъ, постоянно качавшійся на поддерживавшей его тонкой ниткѣ. Большая скамья въ переднемъ углу, двѣ кровати съ ситцевыми занавѣсками, два большихъ сундука, покрытые мохнатыми разноцвѣтными коврами, два стула, столъ, на которомъ были поставлены размалеванныя тарелки, одна съ разрѣзаннымъ арбузомъ, другая съ пирогомъ, два ножа и двѣ ложки; вотъ все, что было въ комнатѣ. Какъ-то легко, свободно дышалось этимъ чистымъ, душистымъ воздухомъ; пріятна для глазъ эта бѣлизна, опрятность малороссійской хаты, въ ко-

(*) Монисты — ожерелье, бусы.

торой уже, конечно, не увидишь ни русскаго, ни прусскаго таракана и тому подобныхъ принадлежностей грязной жизни.

Когда все было выбрано изъ экипажей и намъ подали чай, — пошли толки о предстоящей охотѣ. Дергачъ сообщилъ намъ, что есть слухи съ воронина хутора, будто верстахъ во 100 отъ него видѣли уже большое стадо сайгаковъ; что Ворону одолѣли волки, — что между Ярусланомъ и Таргуномъ много стрепетовъ, и такъ далѣе. Было рѣшено, что мы ѣдемъ туда на другой день, тотчасъ послѣ обѣда; что Дергачъ подѣ мой тарантасъ дастъ свою тройку хоть на десять дней, что экипажъ Николая Федоровича повезутъ на ямскихъ, а самъ старикъ съ сыномъ и внукомъ отправляются также съ нами, но на особыхъ дрогахъ и берутъ еще съ собою верховую лошадь.

Все было переговорено, улажено. Старикъ Дергачъ, пожелавъ намъ покойной ночи, пошелъ радиться съ своими хлопцами; слѣдовательно можно бы и намъ на покой! Такъ и сдѣлалъ Николай Федоровичъ.

Онъ легъ, и черезъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ уже на мои вопросы. Особаго рода горловые и носовые звуки возвѣщали о его крѣпкомъ снѣ. Но не такъ было со мной. Я не могъ заснуть отъ волненія и отъ занимавшихъ меня мыслей. Образъ въ полумракѣ видѣнной мною женщины не оставлялъ меня; ея дикое, но все-таки прекрасное лицо живо врѣзалось въ моемъ воображеніи, и воображеніе сильно работало, помогаясь въ ея потухшихъ голубыхъ глазахъ прочитать исторію ея прошедшаго. Я догадывался, что въ отношеніяхъ Николая Федоровича къ семейству Дергача должно быть что нибудь особенное; но чѣмъ болѣе старался я объяснить себѣ эту загадку, тѣмъ болѣе путался въ предположеніяхъ! Долго ворочался я на моей мягкой постели; много мыслей смѣнилось въ моей головѣ, но всѣ они не привели меня ни къ какому заключенію. Уснуть я не могъ, а голова тяжелѣла! Я радъ былъ, что мѣсяцъ, поднявшійся изъ-за крыши сосѣдняго дома, ворвался своимъ свѣтомъ въ окно нашей хаты; я начиналъ уже засыпать, какъ вдругъ на дворѣ подѣ окномъ услышалъ я разговоръ о какой-то сумасшедшей!

Проворно вскочилъ я съ постели, подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что слуги наши, Семень и Илья, поужинавъ, вѣроятно, въ другой хатѣ, вынесли кормъ собакамъ, и продолжали начатый разговоръ;—я присѣлъ на сундукъ.

— Да скажите же пожалуйста, Семень Петровичъ, какъ же это она съ ума сошла? вѣдь, право, безъ жалости нельзя смотрѣть на нее. А должно быть больно хороша была? спрашивалъ мой Илья. — Ужъ чего не хороша!—отвѣчалъ Семень; такъ хороша была, Илья Денисычъ, что, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать! Вѣдь мы ее съизмала знаемъ. Годовъ пятнадцать сюда ѣздимъ.

— Да отчего съ ума-то она сошла? развѣ вашъ баринъ не того-ли? вѣдь, говорятъ, онъ ходокъ?.. прибавилъ Илья чуть слышно.

— Нѣтъ, шалишь! Года четыре тому назадъ, мы какъ прѣехали сюда, ей только-что стукнуло 16 лѣтъ, такъ онъ дѣйствительно такъ-было и растаялъ; да нѣтъ! да и самъ этакъ, знаете, видно совѣстно было, по дружбѣ-то есть съ старикомъ;—вѣдь она ему' родная внучка!

— Такъ отчего же съ ума-то сойти? настаивалъ Илья.

— А вотъ, кажется, Данило идетъ? попросите-ка его, чтобъ онъ разсказалъ вамъ всю эту исторію, какъ сестра его съ ума сошла; онъ, говорятъ, всю подноготную знаетъ. Послушайка, Данилушка, обратился Семень къ подходившему красивому парню, какъ бы намъ, дружнице, этакъ сѣнца маленько, т. е. для постели?

— Аже сейчасъ принесу, отвѣтилъ расторопный услужливый парень и бѣгомъ скрылся въ сараѣ.

Скоро возвратился онъ съ большой вязанкой сѣна, и сталъ разстилать его на указанномъ мѣстѣ подлѣ таранасовъ; сбѣгалъ въ хату за полостью и ковромъ, и устраивая изъ нихъ постель для своихъ гостей, приговаривалъ «вотъ такъ гарно».

— Скажи пожалуйста, Данилушка, обратился къ нему Семень, неужели вашей Ганѣ нѣтъ ничего легче, все такъ же горюеть?

Нѣтъ, Семень Петровичъ! отвѣчалъ Данило, тяжело

вдохнувъ; видно такъ уже ей и до могилки быть! да и не долго, должно быть, промается, теперь уже и спать-то рѣдко.

— Эхъ, жаль бѣдную! свозить бы ее въ городъ, авось, помогли бы....

— Нѣтъ, Семенъ Петровичъ! перебилъ опять Данило; ничѣмъ уже не поможешь, серденько-то у нея вовсе изныло! По зимѣ какъ-то смотрѣлъ ее камышинскій ликарь; нѣтъ, говоритъ, «ничего нельзя сдѣлать!»; видно такъ уже Богу угодно! и опять вдохнулъ онъ тяжело и грустно покачалъ головой.

— Да скажи, пожалуйста, Данилушка, какъ это съ ней приключилось?

— Аже вы знаете, Семенъ Петровичъ; дидо вѣдь рассказывалъ вамъ тогда....

— Рассказывать-то рассказывалъ онъ; но я все какъ-то въ толкъ не возьму; да рассказывалъ онъ тогда все барину, а меня-то раза три высылали, такъ многого и не понималъ.

— Пожалуй, я расскажу все какъ было; а вы бы ложитесь пока, а я возлѣ васъ присяду.

— Такъ ужъ ты слушай-ка, Данилушка: расскажи ты намъ все по порядку; я-то хоть кое-что знаю, а вотъ Илья Денисычъ ничего еще не слыхалъ.

Семенъ и Илья послѣдовали совѣту Данилы, а самъ Данило помѣстился на подножкѣ близъ стоявшаго тарантаса, и я слышалъ слѣдующій рассказъ о несчастной Ганѣ (*).

— Такъ слушайте-же! началъ Данило, опять вдохнувъ. Жила тутъ у насъ на слободѣ вдова Черениха; былъ у нея сынъ Михайла, годомъ только постарше меня. Съ этимъ Мишей Черенинымъ ходили мы, каждый день, къ дьячку Матвѣю учиться грамотѣ, да ужъ такъ привыкли другъ къ другу, что жили съ нимъ душа въ душу, какъ братья родные. Бывало, если мы въ школѣ, не за букваремъ сидимъ, такъ или онъ къ намъ придетъ, или я къ нему въ хату

(*) Рассказъ Данилы я постараюсь передать вполне, но думаю, что читатели мои будутъ довольны, если я мало повѣтныя для нихъ малороссійскія слова замѣню русскими.

уйду. Такъ ходили мы въ школу больше двухъ лѣтъ; мнѣ было годовъ 14, а ему, видно, пятнадцать. Разъ, это было кругъ вешняго Микола, сидимъ мы съ Мишей у воротъ ихней хаты, а дидо идетъ мимо насъ изъ приказа до дома, остановился да и говоритъ намъ такъ смѣясь: слушайте, хлопцы, хочу васъ обоихъ вмѣстѣ везти въ Саратовъ; что же, ладно, дидо, отвѣтили мы оба, довольные шуткой. Но шутка не въ шутку вышла. Къ осени передъ покровомъ насъ и взаправду отвезли въ писарскую школу. Тамъ мы съ Мишей какъ односторонники подружились еще больше, но скоро привелось намъ разстаться; около года я пробылъ въ школѣ, да такъ сталъ хворать, что лекаръ сказалъ что надо отпустить меня до дома. А сказать правду, самому то мнѣ вовсе не хотѣлось изъ школы ѣхать домой.

«Ну вотъ взяли меня и повезли, помню, передъ самымъ Рождествомъ; какъ разъ въ сочельникъ, приѣхали мы въ слободу, а Миша оставался еще болѣе двухъ лѣтъ. Года, видно, четыре тому назадъ, слышимъ мы, что Миша нашъ посланъ помощникомъ писаря въ балашевскій уѣздъ; а послѣ этого не больше, какъ черезъ полгода, его перевели сюда, къ намъ, т. е. въ Николаевскую, опять же помощникомъ къ нашему писарю Сергѣю Миколаичу. Вотъ бы посмотрѣли вы, какая у насъ была радость, какъ мы опять свидѣлись! а старуха Черениха такъ ревомъ и реветъ бывало, сама не знаетъ о чемъ, и всѣмъ это показываеетъ своего сына, т. е. хвастаетъ; и не грѣшно было хвастать! Мишѣ было въ ту пору 19 годовъ да что и за красавецъ былъ, рассказать невозможно. Ростомъ на полъ головы выше меня, да такой складный! волосы черные да курчавые, усики этакъ маленькіе, а самъ то,—бѣлый, румяный, точно кровь съ молокомъ, а глаза то,—ну да чего тутъ! просто писанный молодецъ! да еще же и скромникъ такой—что твоя красная дѣвка! Бывало по улицѣ идетъ, — ништо уже дивчатамъ, а то и нашему брату, любо бывало смотрѣть на него.

— Да не долго привелъ Богъ намъ имъ любоваться!

— Приѣхалъ онъ къ намъ въ слободу, помнится мнѣ, передъ первымъ Спасомъ, а передъ Покровомъ, помню, у насъ завелось сватовство въ семьѣ. Головой былъ у насъ въ ту

пору душегубъ, не тѣмъ будь помянуть, Семень Горковенко, богатѣйшій человѣкъ; не то что въ слободѣ, а въ иномъ городѣ пожалуй и купца такого не найдешь; и человѣкъ то онъ этакой былъ гордый да нравный. Вотъ онъ-то и задумалъ женить своего меньшака Семку на сестрѣ моей Ганѣ. Такое рыло и уродъ, прости Господи, что и теперь, какъ вспомнишь, такъ зло беретъ! Вы бы посмотрѣли въ ту пору на нашу Ганю, такъ просто бы ахнули! вѣдь такой красавицы и промежъ пановъ не сыскать бѣ; видалъ я, бывало, въ соборѣ и чиновницъ, этихъ и купчихъ, богатыхъ и всякихъ другихъ, и разряженныхъ и нарумяненныхъ, да что это? все дрянъ, просто дрянъ — передъ нашей Ганей. Бывало какъ выйдетъ она на улицу, или въ храмъ Божій войдетъ, — такъ какъ есть — крадя! На што бабы завидуци на чужую красу, да и тѣ бывало глядятъ на нее да любуются. Ну такъ Семкѣ-ли уроду владѣть такой красотой? а вѣдь тудаже полѣзъ; думалъ богатъ молъ я, такъ выдадутъ; анъ врешь и на деньги твои не поластались, и на батьку твоего не посмотрѣли!

— Вотъ на канунѣ самага Покрова пришелъ старикъ Горковенко переговорить объ этомъ съ дидомъ нашимъ, а тотъ прислалъ за отцомъ, ну и пошли у нихъ толки и ряды, а мы въ тотъ вечеръ ничего и не знали. Только на другой уже день, т. е. въ самый Покровъ, пошелъ я въ церковь, да думаю, дай зайду я въ приказъ за Мишей, чтобы вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, а приказъ то былъ въ то-время почитай у самой церкви. Только подхожу я такъ къ крыльцу, смотрю, а Михайло выбѣжалъ изъ приказа точно угорѣлый: блѣдный такой, что страсть! увидалъ меня, да какъ бросится мнѣ прямо на шею, — я такъ и обмеръ! Что съ тобой? спрашиваю его; а онъ точно не понимаетъ: смотрѣлъ такъ на меня, смотрѣлъ, да какъ захныкаетъ вдругъ, индо страшно мнѣ стало, схватилъ такъ меня за руку, да только сказалъ: «пойдемъ!» и потащилъ меня проулкомъ къ огородамъ, а самъ такъ торопится, что мы-чуть не бѣгомъ бѣжимъ. Только что вышли мы изъ проулка, онъ остановился, да вдругъ какъ захохочетъ, да такъ страшно, что у меня по кожѣ мурашки побѣжали. Ну, думаю себѣ, должно быть рехнулся мой Миша, или испортилъ злой человѣкъ. Стою такъ, смотрю на

него, а онъ хохоталь, хохоталь, потомъ приутихъ, облокотился на плетень — стоитъ, молчитъ; долго молчалъ; я и приободрился, да и больно жаль мнѣ стало моего Мишу, я подошелъ къ нему, взялъ его за руку, да и спрашиваю его: что это съ тобой случилось, Миша? а онъ повернулъ ко мнѣ голову, да такъ на меня взглянулъ, что не знаю уже, что это такое будто сердце у меня просто оторвалось, и я самъ то чуть не заплакалъ. Онъ посмотрѣлъ этакъ на меня, взглянулъ на небо, да и говоритъ:» всѣ вы будете отвѣчать на небѣ предъ Богомъ за христіанскую душу.» Я хоть и не понялъ, что это онъ говоритъ, да обрадовался уже, что хоть голосъ-то его услыхаль! Да скажи ты ради Бога Миша, что это съ тобой приключилось?

Наконецъ увидалъ онъ, что я ни про што не знаю, и рассказала мнѣ, что пришелъ онъ утромъ передъ обѣдней въ приказъ, а волостной-то и говоритъ ему: Слышаль ты, «Черенинъ, голова то нашъ свадьбу затѣваетъ, высваталъ за своего Семена внучку Дергача? Какъ онъ мнѣ это сказалъ, я такъ и покотился со смѣху, да и говорю ему: что ты, Миша, съ ума сошелъ что-ли? нашу красавицу Ганю чтобы отдалъ дидъ за вашего урода Семку горбуна!?. Не знаю отъ словъ ли моихъ, или отъ моего смѣха, только измѣнился какъ-то въ лицѣ мой Михайло, да и спрашиваетъ меня этакъ въ раздумьи: «да что же это такое? неужели все это неправда?» Да какъ услыхаль отъ меня, что все это вздоръ, что все это бабьи сплетни, такъ и бросился онъ мнѣ на шею, да сталъ меня цѣловать и въ лицо-то и въ темя, ну просто чуть не задушилъ; да и говоритъ мнѣ: ну братъ, Данило, ожилъ я теперь! а не попадись ты мнѣ навстрѣчу,—грѣшный человекъ, пожалуй и руки наложилъ бы на себя.»—Ну тутъ мы уже разговорились все дальше да дальше, все дальше да больше и узналъ я подь-конецъ, что мой Михайло такъ полюбилъ нашу Ганю, что и сказать нельзя. Да что же ты, дурень, не засылалъ сватовъ до сихъ поръ? спросилъ я его.

— Не я, а ты дурень, Данило; что же пошлю я сватовъ кланяться, когда не знаю еще, любъ •я твоей сестрѣ, вѣдь мнѣ негдѣ было съ ней и слова перемолвить. На вечерницы она еще не ходитъ; говорятъ еще молода, мать не пускаетъ, такъ

только и радости, что у обѣдни на нее полюбоваться, да у воротъ развѣ при людяхъ увидишь; разъ какъ-то, недѣли двѣ тому назадъ, случилось-было намъ переговорить, да и тутъ опять помѣшали. Да еще вотъ что скажу тебѣ, Данило: вѣдь твой дидь, Микола, не отдастъ за меня вашу Ганю: вы люди богатые, а я что?—байгушь, почитай бобыль, только и есть что синій кафтанъ на плечахъ, да хатенка меньше гусинаго клева. Толковали мы съ нимъ этакъ долго, ужъ и къ достойной ударили, а мы все сидимъ у плетня, да толкуемъ. Вотъ и порѣшили подь-конецъ, чтобы я все разузналъ насчетъ головы, т. е. его сватовства, чтобы переговорилъ съ Ганей, чтобы сказалъ ей, какъ ее любитъ Михайло; ну и отъ нея чтобы развѣдалъ все какъ есть, а Михайлѣ чтобы часа чрезъ два придти къ нашей изгородкѣ; значитъ я узнаю пока все, а тамъ ему и перескажу.

— Такъ мы и разошлись. Михайло пошелъ черезъ огороды, чтобы ближе къ своей хатѣ пройти; а я вышелъ на улицу въ самую ту пору, какъ народъ изъ церкви шель; иду себѣ и весело мнѣ на душѣ и думаю: вотъ хорошо то будетъ, какъ женится Михайло на Ганѣ и будетъ мнѣ братомъ, да ужъ и парочка будетъ, какой на бѣломъ свѣтѣ не найти! Иду этакъ, все думаю, а самъ не знаю, какъ бы все это узнать насчетъ головы, да и съ сестрой-то какъ бы поскорѣе переговорить; подошелъ уже къ своему дому, глядъ, а вся наша семья какъ разъ передо мною, только-что въ ворота заворачиваетъ; омотрю, а Ганя наша идетъ повѣся головку, да блѣдная такая, что краше въ гробъ кладутъ. Я сейчасъ же къ ней, да на ушко ей шепнулъ, чтобы она скорѣе вышла ко мнѣ на огородъ; она посмотрѣла этакъ на меня, чудно какъ-то; какъ будто и слезы навернулись на глазахъ, да и вошла въ хату. Такъ меня какъ будто ошпарило чѣмъ! стою у крыльца какъ дурень какой, да и самъ не знаю что мнѣ дѣлать? а напи-то всѣ въ это время убрались по хатамъ. Вотъ я постоялъ этакъ, не знаю сколько; стало мнѣ такъ тяжело на сердцѣ, я и пошелъ въ огородъ, такъ какъ будто вовсе одурѣлый, а серденько-то такъ и сосеть, точно змѣй въ него вцѣпился! Только вдругъ слышу, кто-то зоветъ меня потихоньку; я обернулся, а Га-

ня стоитъ точно мертвая, что того и смотри съ ногъ свалится. Какъ услыхалъ я ея то голосоь,—какъ будто опаматовался; подбѣжалъ къ ней да и говорю: Ганя ты моя, серденько ты мое, что это ты такъ запечалилась? А она опять посмотрѣла на меня; горько, горько заплакала и, слышу, шепчетъ: «прошла моя доля радостная, пусть гибнетъ моя краса дѣвичья». Полно Ганя, говорю я ей; не плакать, а радоваться тебѣ надо! А она мнѣ слова не дала домолвить; хороша, говорить, радость,—за немиллага замужь выходить. Тутъ-то только понялъ я, что видно дѣло съ Горковенками на самомъ дѣлѣ ладится; и Ганя рассказала мнѣ, что утромъ, только-что я ушелъ, а наши пошли къ обѣднѣ, ее позвали въ большую хату и дидо сказалъ ей, что старикъ Горковенко приходилъ вечеръ спрашивать, можно-ли сватовъ засылать, что такъ и такъ, хочеть онъ ее за своего Семку взять; что дидо сказалъ ему, что отвѣта до утра не дастъ, что переговорить съ семьей да съ Ганей, а назавтра, т. е. у обѣдни скажетъ ему отвѣтъ; а теперъ, покончила Ганя, какъ выходили мы изъ церкви, дидо сказалъ видно головь, чтобы вечеромъ сватовъ присылали.

Я такъ и обмеръ! Да что же это такое? спрашиваю ее; да развѣ ты уже согласилась?—«А мнѣ что же, говорить она: если съ милымъ не жить, такъ не все ли равно за кого замужь идти, а тутъ, по крайности, родительскую волю выполнила»; да знаете? говорить все это, а сама такъ и заливається слезами. Я посмотрѣлъ этакъ на нее, да и думаю себѣ: о какомъ это милдомъ она номянула? дай—моль попытаю ее.

«Взялъ я ее за руку, а рука холодная, прехолодная; видно кровь—то вся внутрь прилила; да и говорю ей: эхъ Ганя, Ганя! что это ты надѣлала? чѣмъ за урода за Семку—то выходить, я—бъ тебѣ такого жениха красавца сыскалъ, какого и днемъ съ огнемъ не найдешь; да и любить же онъ тебя пуще матери родной, пуще жизни своей! Я ей это говорю, а она плакать—то перестала, да глазами такъ и уперлась на меня; а ротикъ—то немножко этакъ открыла; ну, такъ, что мнѣ и любо и страшно стало на нее смотрѣть. Что это ты на меня уставилась Ганя? говорю опять, а она все молчитъ, а глазкомъ—то не моргнетъ даже.

Молчала, молчала, да потихоньку и спрашиваетъ меня: «ты о комъ это, Данило, говорилъ сейчасъ?» Вѣстимо о комъ! говорю опять; чай и сама замѣтила, что Михайло какъ привороженный. Не успѣлъ я, знаете, выговорить Михайло, она какъ бросится мнѣ на шею, да такъ и повисла.

«Ну, думаю себѣ, дѣло-то ладно; далъ я ей немножко уходить, да и отвелъ ей руки отъ моей шеи; смотрю, а она вмѣсто блѣдной-то, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, а какъ взглянула на меня, глазенки-то у нея такъ и играютъ, а по щекамъ текутъ слезы такія свѣтленькія, что, видно, не горе, а радость ихъ выжали! Потупилась она глазами въ землю, да и говоритъ мнѣ: «что-же намъ теперь дѣлать, братико ты мой милый? Научи ты меня, горемычную!» Вотъ и стали мы совѣтываться, а я смотрю все за плетни, да и вижу подь-конецъ, что Михайло мой уже тутъ; стоитъ въ проулкѣ, прислонился къ нашему плетню, а картузь-то его и торчитъ поверхъ, — значитъ и видно его, а недалече отъ насъ-то, всего шаговъ въ двадцать. Вотъ я подумалъ маленько, да и крикнулъ ему подь-ка ты сюда, Михайло! Только что этакъ вскричалъ, а дѣвка-то моя такъ и опалѣла! одной рукой лицо закрыла, а другой ухватилась за меня, такъ что ажъ больно стало. А Михайло-то межъ тѣмъ перелѣзъ черезъ плетень, да идетъ этакъ къ намъ, едва ноги переставляетъ, точно будто подь розги его ведутъ.—А ты ступай скорѣе, дурень! кричу ему; время немного, сейчасъ обѣдать позовутъ. Подошелъ онъ къ намъ, и стоитъ опять, какъ одурѣлый, красивый такой, а самъ, т. е., не знаетъ что дѣлать; а Ганя уткнулась носомъ чуть не въ землю, молчитъ и головки не подымаетъ. Усмѣхнулся я этакъ, глядя на нихъ; и весело мнѣ стало на сердцѣ, и говорю имъ: ну, что же вы стоите, какъ столбы на большой дорогѣ? Полюбились другъ другу, такъ нечего думать, — жениться надо! Взялъ ихъ этакъ обоихъ за руки; ну, говорю, поцѣлуйтесь, да и по домамъ!

При этихъ словахъ рассказчикъ замолчалъ, взглянулъ на людей, лежавшихъ на приготовленной имъ постелѣ, назвалъ по имени одного, потомъ другаго, и убѣдясь, что оба спятъ

сномъ безпробуднымъ, бѣ покаялъ головой и какъ бы съ досадою медленно пошелъ къ своей хатѣ. Но я проворно накинулъ на плечи халатъ и выбѣжавъ на крыльцо, умоляя его докончить начатый имъ разговоръ; и онъ, казалось мнѣ, былъ этимъ очень доволенъ.

— А вонъ хлопцы-то ваши позаснули! видно, чужое горе не мѣшаетъ спать; не сестра видно имъ безсчастная Ганя! замѣтилъ онъ грустно.

Успокоивъ его увѣреніемъ, что во мнѣ найдетъ онъ слушателя очень заинтересованнаго судьбой его Гани, я упрямилъ его наконецъ сѣсть со мной на крыльцо и продолжать начатый разговоръ.

— «Ну, ладно, ладно, заговорилъ опять Данило; вы вѣдь помните, на чемъ я остановился? — какъ на огородѣ я ихъ свелъ и заставилъ поцѣловаться. Какъ они тутъ миловались, такъ этого пересказать нельзя! Я и радовался, на нихъ глядя, и страхъ-то меня бралъ; да и завидно было, зачѣмъ Ганя-то мнѣ сестра? и что не найду я себѣ такой-же красавицы! Ну, вотъ мы и порѣшили, чтобы тотчасъ-же идти къ дяду, и все это ему объявить. Миша пошелъ до дому, а мы скорѣе на свой дворъ.

«Пришли мы въ большую хагу, а семья-то уже вся собралась, т. е. обѣдать пора. Помолились мы Богу, да и сѣли за столъ. Смотрю я на Гаңю, а она и за ложку не беретъ, сидитъ такая красная, точно въ огнѣ горитъ; и стали этакъ всѣ на нее поглядывать да спрашивать, что такое съ ней приключилось? а она все только «ничего» говоритъ, а сама глазъ ни на кого не подымаетъ. Такъ просидѣла она за обѣдомъ, одной крошки не съѣла. Послѣ обѣда всѣ вышли изъ хаты, остались только отецъ съ матерью да старики дяды наши; да и спрашиваютъ они все у Гани, не больна-ли она чѣмъ, а она все молчала, да вдругъ и повалилась матери въ ноги.

— «Матушка ты моя родимая, будь ты мнѣ заступницей передъ отцомъ и дядями нашими, говоритъ этакъ, а сама плачетъ, точно рѣка льется. Старики такъ глаза и повытаращили, стоятъ и ничего не понимаютъ, а Ганя то одному, то другому въ ноги. Родные вы мои, не погубите вы

моей дѣвичьей молодости, не вѣнчайте меня съ немилымъ мнѣ, не кладите меня въ гробъ прежде времени! — не люблю я Семку Горковенку! и опять все этакъ же голосить, т. е. плачетъ, такъ за душу и деретъ.

— «Да что же ты, Ганя, давеча утромъ не говорила? спросилъ дидо и строго и ласково, а отецъ какъ-то недобре посмотрѣлъ на нее.

— «Глупость моя, дидо, глупость! я еще сама не знала поутру, какъ люблю я Михайлу, и что Михайло любитъ меня пуще жизни своей.

«Какъ сказала она это, дидо ничего, стоитъ, молчитъ, а отецъ съ матерью какъ напустятся на нее бѣдную, такъ просто страсти Божіи, того и гляжу я, что стануть бить ее. Жаль мнѣ ее стало, не вытерпѣлъ я, да только слово молвилъ, а отецъ какъ схватилъ меня за вихры, и ну толкать, да все приговариваетъ: это ты все, пострѣлъ, сестру смутилъ, любовника ей подвелъ. Кабы не дидо, бѣда-бы была. Да уже онъ, дай Богъ ему много лѣтъ, схватилъ батюку за руки и все его уговариваетъ да усовѣщеваетъ,— а тотъ, точно бѣшенный, разсвирѣпѣлъ такъ, что ничего не слышитъ, знай таскаетъ меня, да какъ-то и толкнулъ самого дидо. Только видно уже и дидо осерчалъ; какъ вдругъ закричитъ этакъ на батюку-то: вонъ изъ хаты и со двора долой сынъ нечестивый! да такъ это грозно закричалъ старикъ, что убавки видно и руки и поджилки затряслись; онъ выпустилъ меня изъ рукъ, да и стоитъ самъ точно столбъ, уже и не знаетъ, что дѣлать; а мать и бабка точно въ лихоманкѣ трясутся; вѣдь всѣ какъ грозы боятся нашего дидо Миколу, значить человекъ-то онъ уже больно правѣдный.

«Вотъ утихъ маленько старикъ, сталъ въ резонъ все приводить, и видимъ мы съ Ганей, что дѣло идетъ маленько какъ будто на нашу сторону. Толковали, толковали, ну такъ, что уже и къ вечернѣ ударили, и рѣшилъ подь-коонецъ дидо, что надо послать къ Горковенкамъ сказать-моль, чтобы они сватовъ не засылали. А когда батюка сталъ опять кричать, что онъ за Мишку Ганю не отдастъ, что Мишка-де байгушъ и бездомникъ, и такой и сякой, дидо и говорить: все ты врешь, Гаврикъ, уже если я сказалъ, что быть такъ,

*

такъ и будетъ; а Мишкѣ я выстрою передъ свадьбой кату какъ слѣдуетъ, да дамъ ему плугъ, быновъ, да тысячу рублей денегъ, такъ онъ и будетъ не бѣднѣ тебя, а голова-то у него почище твоей пустой башки.

«Только-что услыхалъ я эти слова, какъ угорѣлый бросился вонъ изъ хаты, позабылъ и шапку, побѣжалъ какъ на пожаръ, чтобы порадовать скорѣ моего Мишу. Вбѣгаю къ нему въ хатенку, а онъ стоитъ вмѣстѣ съ матерью на колѣнахъ, т. е. видно Богу они молились, мать-то у него такая богомольная была!

«Какъ рассказалъ я имъ все какъ было, Миша обхватилъ меня за шею: и меня-то цѣлуетъ, и крестится самъ, и прыгаетъ, точно съ ума сошелъ; а мать-то его, смотрю я, стоитъ опять на колѣнахъ, да такъ и заливается слезами, да все земные поклоны кладетъ:

«Вотъ такъ порадовались мы всѣ вмѣстѣ, а Миша и говоритъ:

— «Слушай, мамочка моя: вѣдь мы съ тобой сироты на божьемъ свѣтѣ, какъ есть одни! Нѣтъ у насъ никакихъ сродственниковъ; такъ гдѣ-же взять намъ и сватовъ? Пойду я самъ одинъ къ диду Миколѣ, да повалюсь ему прямо въ ноги, а тамъ поклонюсь и Гаврику, поклонюсь и жинкамъ ихъ.

«Такъ и порѣшили; мать благословила Михайлу, и мы вмѣстѣ пошли на нашъ дворъ; да видно все это скоро сдѣлалось: входимъ мы съ нимъ въ большую хату, а тамъ наши-то всѣ вмѣстѣ, какъ я ихъ покинулъ.

«Какъ только взошли мы, Михайло и повалился диду въ ноги, а Ганя всплеснула руками, да такъ и ошалѣла, ни жива ни мертва стоитъ. Но видно дидо уломалъ воѣхъ ихъ и Михайлу такъ приласкали, какъ роднаго, да тутъ-же послали за Михайловою матерью; взялъ дидо съ поставца образъ, благословилъ жениха съ невѣстой, а за нимъ благословили и всѣ прочіе. И пошла у насъ въ хатѣ радость неопи-санная. Сбѣжалась вся семья, а семья-то у насъ съ хлопцами да дивчатами—двадцать-два человекъ, такъ есть кому порадоваться, не чужихъ людей созывать!

«Ну вотъ, кажись, уладилось какъ нельзя лучше; да не

такъ думали у Горковенко. Какъ узнали они про все на другое утро, такъ такая пошла суматоха по цѣлой слободѣ, что упаси Господи! Съ самыхъ позаранковъ въ нашей хатѣ отъ народа отбоя не было. Кто придетъ и на самомъ дѣлѣ порадоваться съ нами, а кто только такъ, чтобы все разузнать; а другіе стращать приходили, да рассказывать про Горковенкову ярость; говорили, что онъ будто-бы поклялся передъ образомъ, доканать всю нашу семью, а Мишку просто извести. Да и сдержалъ это окаанный, прости Господи, свою клятву.

«Въ это-же утро, т. е. на другой день Покрова, приходитъ душегубецъ это въ приказъ, а Миши на своемъ-то мѣстѣ въ приказѣ нѣтути. Онъ зашелъ значить туда, сказалъ волостному, да и пошелъ съ матерью въ церковь; просили они, видите-ли, отца Сяміона отслужить молебень Пресвятой Богородицѣ. Только-что молебень кончился, Миша въ приказъ, а голова такъ его съ кулаками и встрѣтилъ. Началь его ругать этакъ самыми бранными словами, да все пуще, въ резонъ ничего не принимаетъ, а такъ и лѣзетъ на бѣднаго Мишу. Ну, а тотъ, должно быть, не сдержалъ что-ли, не въ моготу видно пришло, сказалъ ему что-то такое, голова еще пуще разолился, да и вскричалъ, чтобы розогъ подали. Какъ только розги-то принесли, да взяли за его кафтанъ, а у него видно и въ глазахъ помутилось, онъ и бросься на голову-то, а тому только этого и надоть было. Сейчасъ же притащили кандалы, заковали его, заперли въ кутузку, приставили трехъ караульныхъ, чтобы никого къ нему не подпускать, а самъ голова на лошадей—да въ городъ.

«А у насъ въ хатѣ никто и не предувствовалъ всего этого, такъ-то все весело да шумно, гостей, подомъ дворъ—точно праздникъ какой! Придвинулось этакъ время и къ обѣдамъ, дядо и говоритъ: «что это Михайло долго нейдетъ, видно дѣла въ приказѣ много, да вѣдь не ждать намъ его до вечеренъ», хотѣли уже было за борщъ и за голушекъ, какъ вдругъ прибѣжалъ старшина Шпакъ Василь, человекъ онъ добрый, дай Богъ ему здоровье, да какъ поразказалъ онъ все, что тамъ у нихъ было—такъ все и обмерли, а Гая

какъ стояла, такъ и повалилась на землю, насилу-насилу въ умъ привели.

«Вѣстимо, вмѣсто обѣда, ужь до ѣды-ли тутъ, пошли мы, т. е. дидо, отецъ да я, пошли мы въ приказъ къ головѣ. Голова, говорятъ, уѣхалъ; мы къ Мишѣ, чтобы переговорить т. е. съ нимъ,—куда тебѣ!—и близко къ дверямъ не подпускають. Караульные бы и того, вѣдь они, какъ и всѣ православные, нашего дидо любятъ и уважають пуще головы,—а волостной говорить: нѣтъ, Николай Дмитріевичъ, никакъ нельзя! Дидо-было съ нимъ и поспорилъ, ну да что же тутъ сдѣлаешь? Пошли мы опять домой, чтобы голову изъ города дожидаться; идемъ по улицѣ, смотримъ, а въ проулкѣ у Мишиной хатенки народъ собрался, и многіе другіе туда-же бѣгутъ; ну, вѣстимо, и мы за ними, да издали уже и слышимъ плачь, голоса т. е. такъ у меня сердце и ёкнуло. Пришли мы это въ хату, а старуха лежитъ уже на скамейкѣ, она и безъ-того была старушенка-то слабенькая, а тутъ какъ ей сказали только, что съ Михайлой-то случилось, она повалилась, да тутъ же Богу душу и отдала. Вотъ ее-то первую зарѣзалъ этотъ душегубецъ! Чтобы ему и въ вѣчномъ огнѣ мѣста не было!...

«Ну, тутъ и пошло одно горе за другимъ, продолжалъ Данило, немного помолчавъ и тяжело вздохнувъ. — Вѣстимо, приплелась вся наша семья хлопотать насчетъ въ похоронъ Черенихи, а мы съ Ганей такъ безотлучно сидѣли ихней хатѣ. Сдѣлали покойницѣ и гробъ крашенный, какъ слѣдуетъ, и псалтирщика наняли; ждемъ только, чтобы голова пріѣхалъ, чтобы т. е. сына выкупить къ похоронамъ, а сынъ-то еще и не знаетъ, что мать въ гробу лежитъ.

«На другой день къ вечеру пріѣхалъ и голова. Дидо тотъ же часъ къ нему, а онъ такая бестія, прости Господи, ни слова про сватовство да про Мишу, а принялъ дидо такъ-то ласково, все—Миколай Дмитріевичъ да Миколай Дмитріевичъ! и на первое мѣсто посадилъ, а объ Мишѣ-то все ни полслова. Ну, вотъ заговорилъ самъ нашъ дидо; а голова-то ему: «ты, Миколай Дмитріевичъ лучше и не толкуй объ немъ; ты видно не знаешь, какой онъ преступникъ,—просто обѣда, на каторгу пойдетъ». Дидо было ему и такъ и сякъ, и совѣстью,

и угрозой—ни што не беретъ. Дидо плюнулъ этакъ, да говорить ему: «да не будь же безбожникомъ, вѣроотступникомъ! выпусти же ты его хоть на утро, дозвожь ему хотя проводить родную мать до могилы. Подумай ты хорошенько, вѣдь весь міръ проклянетъ тебя! Вспомни ты хоть часъ-то послѣдній, придется же тебѣ предстать предъ судъ Божій; не откупнись ты тамъ твоимъ богатствомъ; не почествуютъ тебя тамъ головою!» Ну, видно все это покорило его маленько, позадумался онъ этакъ, да и говорить какъ-бы съвозъ зубы: «ну, ладно Миколай Дмитріевичъ, на утро отпущу, только съ карауломъ, да на твою поруку, а то какъ-бы самому бѣды не нажать.

— Ну вотъ приготовили все къ похоронамъ; отецъ Симіонъ отслужилъ съ вечера понаѣиду; наши всѣ ушли до дома, а мы съ Ганей сидимъ возлѣ гроба да слушаемъ какъ дьячекъ псалтирь читаетъ.

— Не прошло этакъ и двухъ часовъ кажись, еще первые пѣтухи не пропѣли,—прибѣгаетъ къ намъ дядя Петро, это то есть меньшакъ изъ отцовскихъ братьевъ; выиваль меня въ сѣни да и говорить: мнѣ «ты не знаешь ничего, Данило, а вѣдь друга твоего Михайлу сейчасъ въ городъ везутъ, вся наша семья къ приказу пошла». Я такъ и всплеснулъ руками: ахъ разбойники вы этакіе, душегубцы окаянные!—и такое зло взяло меня, что я опрометью выбѣжалъ изъ сѣней. Выбѣжалъ да и самъ не знаю куда и зачѣмъ бѣгу; а дядя Петро за мной. Вотъ мы подбѣжали къ приказу, а наши уже всѣ идутъ, повѣся головы; опоздали молъ, говорятъ, и Мишу увезли и самъ голова уѣхалъ въ городъ.

— Что же тутъ было дѣлать?—поругались, поговорили, да и пошли по домамъ.

— На другой день схоронили Черениху, цѣлый день промаялись съ Ганей; только къ вечеру уже Богъ далъ какъ будто опаматовалась маленько; дали ей тутъ крещенской водицы испить, ну и полегчало, стала и говорить и все какъ слѣдуетъ.

— Прошло этакъ дня три, не ворочается голова изъ города и объ Мишѣ нѣтъ никакой вѣсточки, а Ганя все плачетъ да плачетъ. Разъ, сидимъ мы этакъ съ ней у во-

ротъ, а она и говорить мнѣ: «слухай ты, братенько ты мой миленькій, серденько ты мое: утѣшь ты меня горемычную, пойдемъ со мной до города, щобы на Мишу взглянуть».

— Что ты? говорю я ей; какъ это возможно? ну и то и другое, уговариваль я ее, уговариваль, да и успокоилъ тѣмъ, что заутро отпрошусь я у отца и поѣду молъ въ городъ, и узнаю тамъ все какъ есть.

— Такъ вотъ и сдѣлали; только не я одинъ, а вмѣстѣ съ дядей Петромъ поѣхали мы въ городъ. Стали узнавать тамъ какъ и что? и добились подь-конецъ, что голова живеть все еще тамъ, и хлопочеть, и деньгами сорить такъ, что упаси Господи; мы-было къ нему, ну да съ нимъ чего!— и говорить не сталъ; дядя только разругался съ нимъ, плюнулъ ему этакъ чуть не въ рожу, и вышли мы отъ него ни съ чѣмъ, а Миша тутъ же на дворѣ у него сидитъ въ особой избѣ, и узнали мы, что голова нанялъ къ нему отставныхъ какихъ-то для караула, щобы никого т. е. къ нему не пускать, только кандалы-то съ ногъ сняли.

— Позвольте-ка однако, обился я маленько и забылъ вамъ сказать, что въ ту самую пору, какъ на бѣду, была у насъ некрутчина, и какъ разъ съ Покрова, стали брить и въ нашемъ городѣ, т. е. свое некрутокое присутствіе остроили. Такъ вотъ и хлопоталъ голова, щобы безъ всякихъ слѣдствій Михайлѣ-то нашему лобъ забрить, т. е. въ некруты.

— Вотъ разузнали мы тамъ все, какъ и что? и хотѣли уже домой ѣхать, смотримъ, идетъ къ намъ на фатеру нашъ волостной писарь, вотъ мы и съ нимъ покалякали, оставили ему полштофъ сладкой, ну онъ и разболтался какъ добрый человѣкъ, и говорить намъ, что голова уже тысячи полторы разговаль, а все молъ ничего не можетъ сдѣлать, да и врядь-ли, говорить, добьется онъ своей мести. Ну мы какъ будто и посумнились, а все-таки на сердцѣ какъ-то легче стало.

— Приѣхали домой, поразказали все это своимъ, ну и ждемъ, что молъ будетъ? а Ганя все груститъ, да груститъ, да такъ избивается, что ину пору ажно жалъ смотрѣть на нее. День прошелъ, слуху нѣтъ никакого; другой день про-

шелъ, все еще ничего, да ужъ подь вечеръ, почитай въ самыя сумерки, пришли мы съ гумна, т. е. пшеницу убирали, да стоимъ съ дядей Петромъ еще на дворѣ, глядимъ, кто-то въ ворста скользнулъ, а это Голяковъ Васька, тоже пріятель Мишинъ, подбѣжалъ къ намъ запыхавшись, да и говорить намъ: «что вы, дурни, стоите и не знаете, что Мишкѣ-то нашему лобъ забрили!» Такъ мы и обмерли. Какъ да что? толковать, толковать и не вѣримъ ему; а Васька говоритъ: своими глазами видѣлъ, значить онъ самъ въ городѣ былъ, и только въ это же утро его забрили и къ прісягѣ повели. Я только-что повернулся, чтобы сказать объ этомъ нашимъ старикамъ, гляжу, а Ганя-то стоитъ у крылечка; ну, думаю себѣ, значить она все слышала. Подошелъ я къ ней, а она стоитъ, подперлась локоткомъ объ столбикъ, блѣдная такая, что страсть, — а ничего, стоитъ себѣ твердо.

— Вотъ горе-то моя Ганечка! говорю я ей. А она какъ-то чудно улыбнулась да и говорить мнѣ: что это за горе, Данило? я такъ и одурѣлъ; а она все улыбается да говоритъ такъ твердо: что же за бѣда, Данило, что въ некруты его отдали? будетъ онъ служить Царю-батюшкѣ какъ Богъ велитъ—но совѣсти, возьмутъ его въ Питеръ въ первые полки, вѣдь такихъ красавцевъ чай и въ Питерѣ въ царской службѣ не много? и посмотри ты, заживемъ мы съ нимъ такъ, что любо-дорого будетъ, а тамъ, пожалуй, и офицеромъ сдѣлаютъ.

— Слушаль я все это, слушаль, и ничего въ толкъ не прибравъ; гляжу я все на нее, а она все ухмыляется, помолчала немного, да такъ-то тяжело вдохнула, да и говоритъ опять: одна только бѣда, братецъ ты мой миленькій, тяжело будетъ мнѣ вотъ съ вами-то разставаться, — а то все въ Божьихъ рукахъ.

— Ганечка, серденько мое, что это ты замышляешь? спрашиваю ее.

— Какъ что? да вѣдь же я невѣста ему, такъ съ нимъ же пйду, — солдаткой буду, — не останусь же я адѣсь одна безъ него, какъ другія солдатки.

— Много мы съ ней все этакъ толковали, а межъ тѣмъ

въ семьѣ-то уже всѣ узнали; стали собираться кругъ насъ, только дидо съ батюкой въ большой хатѣ радились. Вотъ слышимъ, зоветь бабуся и насъ всѣхъ туда же, ну вотъ и пошли тамъ у насъ толки и рады. Кто говорить что надо съ деньгами ѣхать въ Саратовъ, чтобы тамъ хлопотать насчетъ Миши; кто говорить надо некрута купить вмѣсто него; дядя Петро—голова-то такая бѣшеная, говорить, что допрежь всего надо побить душегубца Гарковенку; а Ганя наша твердить себѣ одно, что она завтра же уйдетъ къ своему жениху, а вы, говорить, дѣлайте какъ знаете.

— Какъ не уговаривали Ганю, какъ не толковали ей, что некрута вѣнчать нельзя, но порѣшили все-таки на томъ, что наутро ѣхать намъ въ городъ навѣстить Михайлу.

— Собрались раненько, дидо, отецъ, мать, Ганя да я съ дядей Петромъ, приѣхали мы всѣ это въ городъ и тутъ же отыскивали некрутскій дворъ и нашего Мишу. Ганя-то какъ увидѣла его—и дѣвичій стыдъ забыла, такъ и бросилась ему на шею, и уже ласкались, ласкались они! такъ что и весело и жутко было смотрѣть на нихъ, а она все это только шепчетъ ему: «повѣнчаемся да ужъ вмѣстѣ и пйдемъ куда Богъ велить». А онъ-то ей говорить: «не покинь только ты меня, Ганя, а то и въ полку будетъ намъ хорошо, пригодится, Богъ дастъ, моя грамота и все чему я учился». Ну посидѣли видно долго у нихъ на дворѣ, а тамъ пошелъ Миша провожать насъ до фатеры; тутъ опять потолковали; все больше говорили о смерти и похоронахъ старухи Черенухи; Миша-то уже зналъ обо всемъ этомъ, хотѣлъ только видно погоревать еще разъ, да видно слезы больно душили его, такъ выплакаться ему хотѣлось. Погоревали и мы съ нимъ еще разъ; дидо приказалъ самоваръ поставить, и чаю мы напились. Тутъ Ганя наша маленько задумалась, да и говорить старикамъ: слушайте вы мои родненькіе, въ чемъ я вамъ кланяться стану: оставьте вы меня съ братомъ ночевать здѣсь; наутро пйдемъ мы до начальства, и будемъ Христа ради просить, чтобы дозволили намъ повѣнчаться, ажъ, може, и сжалятся паны надъ моими слезами; а коли нельзя уже буде, толи въ Саратовѣ хлопотать будимо. Сначала отецъ съ матерью объ этомъ и слышать не хотѣли, и такъ-то бы-

ло напустились на бѣдную Ганю, а дидо все молчалъ, да думалъ, да и говоритъ подь-конецъ: что се пожалуй добре будетъ; вынулъ пятьдесятъ рублей, все синенькими бумажками, отдалъ ихъ мнѣ да и говоритъ: «оставайся ты съ сестрой здѣсь, и Петро останется съ вами же, завтра дѣлайте какъ она хочетъ, а нужно будетъ, гдѣ деньгами поклоняться начальству, такъ тоже не жалѣйте, да слушь, Петро, ихъ военное начальство не забудьте, закончилъ дидо, обращаясь къ своему любимому меньшаку.

— Ну этакъ еще долго, долго толковали мы. Уже въ сумерки самыя выпроводили мы нашихъ-то за ворота, и остались на фатерѣ Ганя, я, да Миша, а дядя пошелъ на некрутскій дворъ за унтерами, чтобы ихъ т. е. поноштовать. Ну, угостили его начальство, они и позволили Мишѣ у насъ остаться, просидѣли мы всю ноченьку подь сараемъ; все радились какъ бы лучше сдѣлать.

Наутро пошли до пановъ, кланялись, кланялись, и плакала-то бѣдная Ганя, и денегъ-то сулили, толка все не добились; говорятъ-тѣ одно, что некруту нельзя жениться, что молъ уже законъ такой; не знаю уже, въ самомъ ли дѣлѣ такъ, или это Горковенко такъ подстроилъ, только на этомъ мы и остались; ночевали въ городѣ еще ночь, да съ тѣмъ до дома и вернулись:

— Послѣ этаго ѣздили мы въ городъ еще раза два. Дидо ѣздилъ и до Саратова, а все толку никакого не было. Съ недѣлю видно послѣ Казанской, стала Волга-матушка мерзнуть; значить нѣтъ никакой переправы; ну и нельзя намъ никому въ городъ побывать.

— Вотъ собрались мы этакъ въ большой хатѣ всѣ вмѣстѣ, то есть пора ужъ было къ ужину, да только за молитву хотѣли, вдругъ межъ нами, какъ изъ земли выросъ нашъ Миша. Вѣстимо, сначала радости, а тамъ—какъ молъ и что? Вотъ Миша и говоритъ, что ихнюю партію выслали въ Саратовъ, что онъ пойдетъ въ царскую гвардію, а какъ партіи-то идти до Саратова восемь дней, такъ онъ и далъ начальству десятирублевую и отпустили его на пять дней къ намъ погостить, а чтобы передъ Саратовомъ верстъ хоть за тридцать надоть ему партію-то уже догнать.

— Ну, порадовались, пообнимались, да тутъ же и порѣшили, что всѣ мы поѣдемъ тогда Мишу провожать,—а и не чуяли тогда, что надъ головами у насъ новая бѣда стрясается.

— Прошла этакъ ночь; наутро Ганя наша точно изъ мертвыхъ ожила, была такая блѣдная да скучная, а тутъ повеселѣла и зарумянилась, что твой маковъ цвѣтъ,—красше татарскаго мыла (*) стала.

— Вотъ прошелъ и другой день, перебивали у насъ всѣ наробки, то есть Мишины приятели, приходилъ къ намъ и Стеченко, котораго съ Михайлой вмѣстѣ на побывку пустили. Все это хорошо да весело; передъ ужиномъ дидо попоштовалъ всѣхъ горилкой, да четверть пива приказалъ принести. Поужинали какъ слѣдуетъ, разошлись всѣ по угламъ, улеглись на ночевку; а мы, то есть Ганя, я да Миша, сѣли вонъ у большаго амбара на крылечко, да все толкуемъ, да толкуемъ себѣ. Какъ теперь помню, ночь была морозная, да что твой день—свѣтлая; мѣсяць лысый во всѣ глаза смотрѣлъ на насъ, а звѣздочки праведныя только помигивали, да инья съ мѣста на мѣсто перелетывали.

— Сидѣли мы этакъ долго, пропѣли пѣтухи первые, слышимъ мы, за дворомъ какъ будто разговариваютъ, то есть человѣческіе голоса слышны, и голосовъ—то какъ-будто ужъ очень много. Мы этакъ замолчали, значить потрусили маленько; Ганѣ я шепнулъ, чтобы она до хаты убиралась, а сами стали прислушиваться.

— Вотъ слышимъ, зашептали и у воротъ, а что говорить, ничего не разберешь. Видимъ мы, что дѣло что нибудь не ладно, а Миша и говоритъ мнѣ: «знаешь что Данило? вѣдь это душегубецъ Горковенко за мной пришелъ; влѣзу я на верхъ на амбаръ, чай вѣдь можно?

— Не обдумались мы этакъ хорошенько; я только что помочь ему влѣзть, а самъ побѣжалъ до хаты, чтобы то есть дядю Петро разбудить, а въ ворота-то въ это время уже и стучатъ; выбѣжали мы это съ дядей Петромъ на дворъ, и слышимъ головинъ голосъ; отоприте, кричить, а то

(*) Татарское мыло—красавица въ зелени,—цвѣтокъ.

ворота спибу. А дидо отворилъ окно да спрашиваетъ его, чего ему надоть. Тутъ выбѣжали къ намъ и отецъ и дядя Семень. Просто переполошились всѣ, одурѣли и не знаемъ что дѣлать! Только слышимъ, сталъ дидо съ нимъ разговаривать, и реветъ это голова: «всѣхъ васъ въ Сибирь сошлаю, вы бѣглыхъ у себя прячете; ломай ворота, кричить да и только! а дидовыхъ-то словъ и не слышать намъ.

— Смотримъ, и вышелъ дидо блѣдный такой, что страшно смотрѣть на него; молча, да такъ-то скоро подошелъ онъ къ воротамъ, отперъ ихъ, а у воротъ-то народу человекъ десять, коли не больше.

— Какъ это вышелъ дидо, остановился въ воротахъ да и спрашиваетъ, а самъ такъ и дрожить какъ въ лихоманкѣ: «Чего вамъ нужно, православные? что вы по ночамъ съ этимъ душегубцемъ ходите, да честныхъ людей тревожите?»

— Ну народъ-то такъ и спѣшилъ, повѣсили всѣ головы, а Гарковенко, окаянный, точно бѣшеная собака, такъ и бросился на дидо. Какъ только это онъ было на нашего старика съ кулаками, а дядя Петро не далъ осквернить старика, такого ему поднесъ, что онъ было и съ ногъ долой, а тутъ и я не стерпѣлъ, да въ бороду его!—и пошло у насъ!.. Только не успѣли мы натѣшиться, какъ изъ-за угла бросился на насъ сотскій съ народомъ, да сыновья Горковенки. Ну, вѣстимо—сила солону ломить!—не успѣли мы еще опамтоваться, какъ скрячили намъ руки назадъ, а во дворѣ пошли шнырять во всѣхъ углахъ; позажгли фонари, полѣзли по всѣмъ подлавамъ. Видитъ Михайло, что рано или поздно, а доберутся до него: самъ и соскочилъ, дурень, съ амбара; да прямо этакъ къ головѣ: «на, тебѣ душу мою, говорить, а живой въ руки не дамся»; да уже было бросился на него, съ толстой претолстой палкой, такъ бы и раскроилъ ему черенъ, но дидо схватилъ его за руку, а съ другой стороны отецъ подскочилъ, ну и удержали его кое-какъ, а онъ точно звѣрь на цѣпи, такъ и мечется.

— Ну вотъ связали и его по-рукамъ; всѣхъ троику насъ привели въ приказъ, перековали въ желѣзы, да тутъ же и на телѣги; а свѣтатъ стало, мы уже выбѣжали изъ слободы, и какъ есть, вся улица была покрыта народомъ. За околицу

на выгонъ вышла—было вся наша семья, чтобы проститься то есть, не позволили и слова молвить, не остановились даже ни на минуточку, только дядя Семенъ догналъ насъ верхомъ, и сказалъ, что дидо съ отцомъ и Ганей вслѣдъ за нами приѣдутъ въ городъ.

— Привезли насъ въ городъ; дядю Петра, да меня тутъ же посадили въ острогъ, а Мишу на другой день отправили подъ карауломъ въ Саратовъ.

— Сидимъ мы этакъ день, другой и недѣлю, а изъ нашихъ все никого не видимъ, думаемъ, что ихъ не допускаютъ до насъ, а вышло другое: дидо обманули то есть, ему сказали что насъ всѣхъ троихъ увезли въ Саратовъ: они туда и погнали.

— Хлопоталъ тамъ дидо дня три; кланялся тратился, да видить, что толку все нѣтъ и дѣло-то выходитъ больно плохое, — вотъ онъ оставилъ отца съ Ганей въ Саратовѣ, а самъ къ Миколаю Федоровичу. Миколай-то Федорычъ значить дружбу водилъ съ губернаторомъ и съ предводителемъ и другими прочими, и всѣ его любили и уважали. Ну вотъ Миколай-то Федорычъ, дай Богъ много лѣтъ здравствовать!—прискакалъ съ дидомъ въ Саратовъ, да сейчасъ-же въ Камышинъ, да опять отселъ въ Саратовъ, хлопотать значить; просилъ какъ за свою родню. Кабы не Миколай Федоровичъ, какъ есть погибнуть бы и намъ съ Петромъ! Ну, а его просьбу уважили, насъ обоихъ тутъ-же и выпустили, а бѣднаго Мишу, межъ тѣмъ, за побѣгъ, вишь, такъ отстегали, что онъ въ горячку слегъ, да на девятый день Богу и душу отдалъ. Каковы окаянные! сдѣлали это какъ будто онъ въ бѣгахъ былъ значить; отперлись, подлецы, унтера, которые его отпустили.

— Мы этого ничего еще не знали; какъ выпустили насъ изъ острога, пришли мы это домой, а дома-то мать наша лежитъ при смерти, значить въ ту то ночь — въ тревогу — такъ перепугалась что-ли, что слегла, да такъ ужъ и не вставала, маялась она недѣли четыре, да и померла передъ самымъ Миколой, а наканунѣ-то ея смерти приѣхали наши изъ Саратова, и привезли нашу бѣдную Ганю, вотъ почитай, такую же какъ она и теперь. Толь-

жо теперь вотъ иногда хотъ слово молвить, а тогда-то съ годъ почитай никто голоса ея не слыхалъ, молчитъ да и только. Рассказывалъ это послѣ дидо, что когда померъ Михайло, она все хохотала, хохотала дня два, и день и ночь не спавши, а тутъ маленько уснула, да какъ проснулась — ни кого и не узнаеть.

— Неужели же цѣлый годъ она рѣшительно ничего не говорила? спросилъ я Данилу.

— Какъ есть, слова одного не вымолвила; мы думали уже, что у ней языкъ совсѣмъ отнялся. Сидитъ, бывало, да только покачивается. Дадутъ ей что съѣсть или испить — хорошо, и съѣсть иногда маленько, а не дадутъ, такъ хотъ два дня просидитъ — не спроситъ. Ну, а какъ смеркнется, такъ каждый день выдетъ этакъ на дворъ да все на небо смотреть, и если не отвестъ ее въ хату, такъ простоятъ, бывало, хотъ сутки; раза три, руки и ноги себѣ морозила.

— Такъ-то прожила она съ годъ, видно. На другую уже осень, опять какъ-то кругъ Покрова, дожди лили недѣли двѣ, грязь сдѣлалась непроходимая. Она и вышла по своей привычкѣ опять на дворъ. Не спохватились какъ-то ее вскорѣ-то, должно быть, а какъ привели ее въ хату, глядимъ, а она совсѣмъ окоченѣла, значить на дворѣ-то она стояла босая и въ одной рубахѣ, а дождь-то въ то время какъ изъ ушата лилъ.

— Вотъ къ утру-то послѣ этаго, повалилась она на постеленку, да и не встаетъ, жаръ сдѣлался въ ней такой, что отъ тѣла-то ея точно отъ печки пышетъ; а къ вечеру-то она и заговорила, и все это несетъ чушь какую-то и про то, и про другое, а все вмѣшиваетъ и Мишу, и милуетъ и какъ будто ласкаетъ его, да все про какого-то младенца толкуеть.

— Ну, мы всѣ, было порадовались хотъ тому, что она заговорила. И проговорила она этакъ дня три почти безъ умолку, и все на постелькѣ-то металась, а тутъ стала тише да тише; лежитъ бывало себѣ, спать не спитъ, а такъ себѣ: то откроетъ глаза, посмотреть такъ-то чудно, да

и опять закроетъ; Ёсть-то уже вовсе перестала; ну а нить бывало подавай сколько хочешь.

— Прошло этакъ дней десять должно быть, посмотримъ мы на нее—что она глазъ-то вовсе не открываетъ? стала ее старуха наша этакъ ослушивать, да ощупывать, да и говорить намъ: а вы тише теперь, хлопцы, уснула моль Ганя, да и потомъ облилась, значить Богъ дастъ и полегчаетъ. Вотъ проспала она этакъ съ вечерень да почитай до самаго свѣта; проснулась—ни рукой ни ногой пошевелнуть не можетъ, а шепчетъ это, чтобы бабушка подошла, да и говорить ей: подайте моль моего ребенка. Бабушка перекрестила ее. Господь съ тобой, говоритъ, что съ тобой это Ганя, какого это тебѣ ребенка? а она смотритъ да все шепчетъ: ребенка, ребенка!

— Ну, ужъ и помучились мы тутъ съ ней, просто какъ есть бѣда! Къ счастью нашему, дня черезъ три послѣ того въѣхалъ къ намъ въ слободу лекарь — лошадей смѣнять; дидо пошелъ къ нему, далъ ему красную и привелъ съ собой. Посмотрѣлъ онъ этакъ на нее, подержалъ ее за руки, отецъ рассказалъ ему какъ все это было, вотъ и говоритъ лекарь, что болѣзнь это съ ней была горячка, а теперь моль у нея сумашествіе; далъ это онъ какого-то лекарствія да приказалъ чтобы ее тѣшили какъ малаго ребенка, да при себѣ же и попыталъ: сдѣлали ей это чучелу изъ старой плахты, закрутили его какъ ребяту пеленають, завернули въ пеленку да и дали ей, ну она тутъ же и утихла, положила это чучело возлѣ себя и ну его ласкать. Вотъ видите-ли, говоритъ лекарь, вотъ такъ и надо ее тѣшить.

— Послѣ этаго оправилась опять наша Ганя, окрѣпла и въ тѣлѣ подородѣла и говорить иногда, только какъ-то все не складно. Нявчаетъ себѣ чучелу, зоветъ его Мишей, а какъ слышитъ колокольчикъ, закричитъ: «офицеръ мой пріѣхалъ» и, точно шальная, бѣжитъ на дворъ, али на улицу кого-то встрѣчать.

— Неужели-же никогда не приходитъ она въ сознаніе? спросилъ я опять Данилу.

— Въ умъ-то? память то-есть? Нѣтъ, бываетъ иногда;

если она уснетъ какъ нибудь ночью часа три, али побольше; ну какъ проснется, такъ кажется что и совсѣмъ здорова; только уже такая грустная она въ то время, что такъ посидитъ, посидитъ, да и залется слезами, а тутъ ужъ опять и безпамятуетъ,—и схватитъ свое чучело.

— Теперь ужъ попривыкли мы къ ней маленько, а первое—то время, не повѣрите, вся семья какъ есть съ ногъ смаялась. А еще и теперь такая красавица, что....» Данило не кончилъ начатой фразы, всталъ съ крыльца, тяжело вздохнулъ и сказавъ: «пора и заснуть маленько,» направился—было къ своей хатѣ.

— А ты самъ, Данило, женатъ или нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не женатъ, да и охоты къ этому нѣтъ; отвѣчалъ онъ, остановившись по срединѣ двора.

— Ну, а что же случилось съ Горковенкой, неужели послѣ всего этого его выбрали еще разъ въ головы?

— И теперь еще головой, да еще кафтанъ съ галунами носить! Али вы на нашемъ міру правды захотѣли? Пой миръ виномъ, да не жалѣй денегъ, такъ вѣкъ въ головахъ просидишь и награды получать будешь.

— Ну, а васъ не тревожитъ онъ теперь?

— И радъ бы тревожить, да дай Богъ здоровья Миколаю Федоровичу, онъ такъ налугаль его въ ту пору, что теперь, кажись, что бы ни сдѣлали Дергачи, на все молчать станеть. Аль, можетъ быть, и совѣсть—то его мучаетъ, вѣдь четыре души погубилъ, окаянный.

Данило махнулъ рукой, закачалъ головой и пошелъ въ свою хату; а я, встревоженный его разговоромъ, прошелся еще по двору. Ночь была превосходная; мнѣ слышались ея весенніе вздохи, говоръ дѣятельно неутомимой природы; луна ярко свѣтила на крыльцо амбара, какъ бы помогая мнѣ отыскать какіе нибудь слѣды послѣдняго свиданія Миши и несчастной Гани. Долго не могло успокоиться мое воображеніе, ставившее передо-мною въ рядъ тѣни трехъ жертвъ горковенковой злобы.

Пѣтухъ, захлопавшій крыльями передъ обычной полу-

ночной перекличкой, заставилъ меня подумать о томъ, что надо же немного отдохнуть, передъ охотой, предстоящей на-завтра. Я вошелъ въ комнату, легъ, но долго еще не могъ заснуть; висѣвшая у печи бѣлая свита (*) казалась мнѣ какъ бы двигавшеюся фигурой; въ хралѣннѣ Николая Феодоровича мнѣ слышалось хриплѣе умирающаго; а вѣтка ветлы, бившая по стеклу, напоминала мнѣ злое лицо Горковенки, нѣкогда вторгавшагося въ ворота и внесшаго столько горя въ эту несчастную семью.

Наконецъ я заснулъ, но и сонъ мой былъ не мертвый сонъ беззаботной молодости, а тревожное забытье, полное тяжелыхъ сновидѣннй; поэтому я былъ очень доволенъ, услышавъ голосъ проснувшагося Николая Феодоровича, который, поднявъ окно, будилъ нашихъ людей. А вслѣдъ за тѣмъ явился въ комнату старикъ Дергачъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Доброга утра вамъ, панове! якъ же спалося вамъ? а вотъ же, Миколай Федорычъ, принесъ вамъ показать меньшаго хлопца моей семьи, вы его еще не знаете.

— Это чей же мальчуганъ? спросилъ онъ ласково.

— А то меньшака Петра сынишко; да такой швыткой мальчишка, что бѣда! а собаку увидить — не оттащишь.

— Видно въ дѣда будетъ, замѣтилъ я.

— И въ дида и въ батьку и во вою семью, отвѣтилъ Дергачъ, добродушно улыбаясь. А я-жъ вамъ, Федорычъ, и коней приготовилъ; прикажете что-ли впрягать? али чайку накушаетесь? прибавилъ старикъ. Въ это время самоваръ уже кипѣлъ на столѣ; Петро и Данило раза два заглядывали въ двери, и скрылись только тогда, какъ старикъ сказалъ, чтобы скорѣе запрягать дроги.

Въ нѣсколько минутъ чай былъ готовъ; на скорую руку выпилъ я мои два стакана, надѣлъ на себя все принадлежности охоты и оставивъ стариковъ бесѣдовать о быломъ, съ ружьемъ въ рукахъ вышелъ на крыльцо;

(*) Свита—верхняя одежда малороссiанъ, обыкновенно изъ бѣлаго сукна.

Илья отвявывалъ отъ колеса Немврода, а Данило и Петръ торопились запрягать лошадей. Наконецъ все было готово. Четверо охотниковъ съ ружьями и Данило, правившій лошадьми, всё мы усѣлись на длинныя дроги. Немвродъ и Дергачевы собаки, прыгая, лаяли отъ удовольствія, и отъ нетерпѣнія ловили лошадей за морды, а несчастная собака Николая Федоровича жалобно завывала на веревкѣ, какъ бы жалуясь всёму, что ее не взяли на охоту.

Проѣхавъ не болѣе версты отъ селенія, мы подъѣхали къ едва замѣтной низменѣ версты въ три шириною, идущей отъ Волги въ степь на десятки верстъ. Средину луга занимало большое озеро, окаймленное камышами и покрытое множествомъ утокъ различныхъ породъ. Когда на вопросъ Петра: хочутъ ли я охотиться за утками? я отвѣтилъ, что мнѣ пріятнѣе была бы охота на дупелей, мы скорою рысью поѣхали вдоль озера, до самаго конца его степной стороны.

Сначала встрѣчали насъ по-одиначкѣ: то пестроперый веретенникъ (*) съ своимъ жалобнымъ крикомъ, то сѣрый кроншнепъ съ своимъ громкимъ протяжнымъ свистомъ, и каждый изъ нихъ, сдѣлавъ кругъ или два надъ нашими дрогами, улеталъ опять куда-то далеко.

Но вотъ наконецъ, проѣхавъ версты три, мы остановились въ концѣ озера, гдѣ впадала въ него небольшая степная рѣчка. Только-что слѣзли мы съ дрогъ, изъ-за рѣчки въ различныхъ мѣстахъ поднялись сотни разнородныхъ куликовъ, веретенниковъ и чибисовъ, и все это съ крикомъ летѣло намъ навстрѣчу, вилось надъ самыми собаками, опускалось на землю и опять поднимаясь летѣло въ даль. Отъ самыхъ дрогъ началась уже охота по этимъ несчастнымъ, безпрестанно налѣтавшимъ чуть не на самое дуло. Только послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, когда паръ девять или болѣе лежало уже въ ягташахъ, чадолюбивые кулики какъ-бы поняли угрожающую имъ опасность и только вдали, перекликаясь, перелетывали съ мѣста на мѣсто.

(*) Веретенникъ нетигель.

Мы перешли рѣчку въ бродъ, и очутились на прекраснѣйшемъ огромномъ лугу, мѣстами прорѣзанномъ маленькими протоками вешней воды; на всемъ пространствѣ однообразной яркой зелени отдѣлялись только въ немногихъ мѣстахъ куртины мелкаго тальника и куровника, (*) и кое гдѣ виднѣлась, около небольшихъ кочекъ, жесткая черемица, на четверть поднявшаяся изъ земли. Кто не бывалъ въ Саратовской или Воронежской губерніи, кто не охотился на дупелей во время ихъ токовъ, тотъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о невѣроятномъ количествѣ, въ которомъ случается иногда найти эту птицу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ во время лѣтней высыпки и осеняго пролета не по чемъ сдѣлать выстрѣла.

Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ и этотъ огромный лугъ, на которомъ мы нашли дупелей, конечно не сотни, а тысячи. На первомъ-же току, къ которому подвелъ меня мой Немвродъ, ихъ было такъ много, что я, въ полномъ смыслѣ этого слова, не успѣвалъ заряжать ружья,—десятками разлетались они въ разныя стороны! Не болѣе какъ въ четыре часа времени, мы съ Ильей моимъ убили около ста штукъ дупелей, и были оторваны еще отъ охоты, по крайней мѣрѣ на полчаса, для промывки ружей.

Я такъ увлекся этой охотой, что и не замѣтилъ какъ время подвинулось къ полудню, а я общалъ Николаю Федоровичу, ровно въ двѣнадцать быть дома. Чуть не бѣгомъ возвратились мы къ нашимъ дрогамъ. Данило, все время слѣдившій за ходомъ нашей охоты, съ какимъ-то восторгомъ передавалъ намъ свои наблюденія, удивляясь и мѣткости нашей стрѣльбы и смышлености моей собаки.

Черезъ полчаса мы были уже дома. Сидѣвшіе на крыльцѣ Николай Федоровичъ и Дергачъ встрѣтили насъ распросами объ охотѣ; въ отвѣтъ имъ—была высыпана на землю вся дичь изъ ягташей и дрогъ. Съ удивленіемъ насчитали они всего болѣе ста тридцати штукъ, и тутъ только при-

(*) Куровникъ-божье дерево, душистый, низкорастущій кустарникъ,

шло мнѣ въ голову, что эта дичь погублена понапрасну, что мы не можемъ сдѣлать изъ нея никакого употребленія; но Николай Федоровичъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что всѣхъ дупелей мы можемъ замариновать въ уксусѣ, какъ только придемъ на хуторъ Вороны; крупная же дичь была отдана почти вся пріятелю нашему Дергачу.

Обѣдъ былъ готовъ, а проворный Семенъ успѣлъ уже уложить все въ тарантасы. По желанію дѣда, мы обѣдали въ большой хатѣ, вмѣстѣ съ его семьей. Въ эти немногія минуты я познакомился короче съ домашнимъ бытомъ Дергача. Семья его состояла изъ трехъ женатыхъ сыновей и вдовца Гаврилы, отца Данилы и Гани; у втораго сына его было двое взрослыхъ дѣтей: дочь, Матя чрезвычайно красивая дѣвушка лѣтъ семнадцати и сынъ Николай, годомъ старѣе ея; затѣмъ было въ хатѣ человѣкъ восемь маленькихъ хлопцевъ и дѣвчатокъ. Гаврикъ съ своими дѣтьми, и третій братъ съ женой жили въ особомъ домѣ, на другой сторонѣ воротъ. Второму сыну Семену съ его большой семьей былъ выстроенъ особый домъ на томъ же дворѣ, а любимецъ Петръ съ женой помѣщались въ комнатѣ занимаемой нами. Въ такъ-называемой большой хатѣ, состоящей изъ комнаты аршинъ въ двѣнадцать длины и ширины и, изъ двухъ коморокъ при ней, было помѣщеніе стариковъ дидовъ, общая кухня и столовая, куда собиралась вся семья нетолько къ обѣду и ужину, но и при всѣхъ особенныхъ случаяхъ.

Съ какимъ-то невыразимымъ пріятнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на это благословенное семейство, когда оно набожно молилось передъ обѣдомъ, повторяя за мальчикомъ лѣтъ десяти, громко читанныя имъ молитвы. Какая-то патриархальная простота и искренность, какая то неуловимая торжественность проявлялась во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ его членовъ. И окончательно былъ пораженъ я нѣжностью и заботливостью, съ котораго пріятель мой Данило ухаживалъ во время обѣда за сидѣвшею около него несчастною Ганею; и не менѣе того дѣятельности и вниманія старухи хозяйки, которая знала, чѣмъ

она можетъ угодить каждому изъ близкихъ ея любящему сердцу.

Вскорѣ послѣ обѣда лошади были готовы; мы простились съ семейю Дергача и, въ сопровожденіи дѣда, сына его Петра и пріятеля моего Данилы, пустились въ дальнѣйшій путь, насильно усадивши старика въ тарантасъ Николая Федоровича.

Какъ только выѣхали мы изъ слободы, я снова навелъ разговоръ на семейство Дергача, и рассказалъ Николаю Федоровичу о слышанномъ мною въ прошедшую ночь.

Полноте, любезнѣйшій! прервалъ меня Николай Федоровичъ, когда я съ удивленіемъ говорилъ о признательности и преданности къ нему этого семейства. Что значить мое участіе въ ихъ несчастномъ дѣлѣ? Что же сдѣлалъ я для нихъ особенное?—Я не успѣлъ даже спасти ихъ бѣднаго Мишу. Положеніе несчастной Гани на всю жизнь мою будетъ живымъ упрекомъ совѣсти. Я могъ все это предупредить, пожертвовавъ только одной безсонной ночью, а я и этого не сдѣлалъ!—Не останься я, для моего спокойствія, почевать одну ночь въ Камышинѣ, я успѣлъ бы предупредить наказаніе Миши; онъ былъ бы живъ и Ганя не сошла бы съ ума; слѣдовательно, вы видите, что я виновникъ всѣхъ этихъ несчастій! а эти добрые люди считаютъ еще меня своимъ благодѣтелемъ! Николай Федоровичъ тяжело вздохнулъ и задумался. Вы вѣдь не знаете, мой любезнѣйшій, всѣхъ отношеній моихъ къ Дергачу, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; вы не знаете, что этотъ добрѣйшій, благороднѣйшій хохоль сдѣлалъ для меня; вы не знаете, чѣмъ я ему обязанъ, такъ вамъ и кажется, что я Богъ—знаетъ чѣмъ пожертвовалъ для нихъ, побезпокоивъ свои барскія кости недалеко поѣздкою да нѣсколькими поклонами.

Всѣ эти отрывистыя слова, тяжелые вздохи и задумчивость Николая Федоровича возбудили въ высшей степени мое любопытство; но мнѣ казалось нескромнымъ запрашивать на объясненія. Черезъ нѣсколько минутъ я замѣтилъ, однако, что прерванный разговоръ и молчаніе были для ста-

рика не менѣе тягостны какъ и для меня, поэтому я рѣшился опять заговорить.

Признаюсь вамъ откровенно, Николай Федоровичъ, что въ моей недолгой еще жизни не встрѣчалъ лица болѣе симпатичнаго, болѣе располагающаго въ свою пользу.....

— Какъ у старика Дергача? перебилъ меня Николай Федоровичъ. А я къ этому вотъ что еще прибавлю: какъ ни прекрасно его открытое, добродушное лицо, какъ ни много рѣчивы его свѣтлые, голубые глаза, но не отражаютъ они въ себѣ вполнѣ возвышенной его души.

Если васъ заинтересовала эта личность, хотите, я расскажу вамъ два, три его поступка?

— Конечно, сдѣлаете одолженіе, былъ мой отвѣтъ.

— Прежде я расскажу вамъ одинъ изъ его поступковъ со мною. Я знакомъ съ Дергачемъ съ перваго года моего прїѣзда въ Саратовскую губернію, слѣдовательно болѣе 20 лѣтъ. Каждый годъ, весною или осенью, я непременно бывалъ у Дергача, и мы вмѣстѣ отправлялись охотиться. Два раза былъ старикъ и у меня въ деревнѣ. Полюбили мы другъ друга такъ, что онъ подарилъ мнѣ къ именинамъ свою лучшую собаку, за которую предлагали ему двѣсти рублей. Шесть лѣтъ тому назадъ, прїѣзжаю я, по обыкновенію въ маѣ мѣсяцѣ, къ Дергачу, и въ разговорѣ о хозяйствѣ рассказываю ему о моемъ горѣ, что у меня въ теченіи двухъ недѣль пало болѣе ста штукъ рогатаго скота, и въ томъ числѣ до тридцати паръ рабочихъ быковъ. Дергачъ погоревалъ со мною вмѣстѣ, покачалъ головою, но никакъ не могъ понять, какъ я, при моемъ имѣніи, могъ быть до такой степени безъ денегъ, что не имѣю возможности тотчасъ же купить нужныхъ для меня воловъ. Да—какъ же это, Николай Федоровичъ? повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ, какъ же быть безъ быковъ, вѣдь этакъ пашня у васъ станетъ! И долго не хотѣлъ онъ вѣрить, когда я говорилъ ему, что дѣлать нечего,—нѣтъ денегъ,—такъ надо годъ потерпѣть, а тамъ, Богъ дастъ, справимся. Въ теченіи вечера проведеннаго мною съ нимъ, онъ нѣсколько разъ возвращался къ это-

му разговору, и всякой разъ начиналъ его словами: да какъ же это вы будете безъ быковъ? Видно было, что мысль эта его сильно тревожила. На другой день утромъ я только-что проснулся, входитъ Дергачъ ко мнѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, вижу я, что старикъ какъ-то сконфуженъ, какъ будто хочетъ что-то сказать, начнетъ говорить, остановится. Да что съ тобою сдѣлалось? спрашиваю его.

А вотъ что, Николай Федорычъ! вы не сердчайте на меня старика; вѣдь я это отъ любви моей, т. е. отъ дружбы; если не понравится это вамъ, такъ не гнѣвайтесь на мою глупость, я вѣдь....

— Да что такое? говори прямо, тезка!

— Да вотъ все насчетъ быковъ-то, Николай Федорычъ! Всю ночь я это думалъ, думалъ, да вотъ что и придумалъ въ моей хохлацкой башкѣ. Не сердитесь, Николай Федорычъ! а я вѣдь Гаврика услалъ въ Карповку; тамъ, какъ разъ теперь ярмарка, такъ и послалъ его насчетъ быковъ.

— Ну такъ что же?

— Такъ велѣлъ ему купить для вашей милости быковъ десятковъ пять, али шесть.

— Да на какія же деньги?

— Какъ на какія? я далъ ему съ собой двѣ тысячи съ половиной; а онъ у меня на это парень ловкій! посмотрите, какую скотину купить; да уже и не передастъ, дешевле всякаго другаго купить.

Вы конечно поймете мое удивленіе и мое положеніе, мой любезнѣйшій, продолжалъ Николай Федоровичъ, поймете, что я не только не могъ отказать отъ такого искренняго, дружественнаго одолженія, но что я, баринъ, помѣщикъ, дворянинъ, былъ просто уничтоженъ этимъ поступкомъ необразованнаго простаго хохла! Признаюсь откровенно: въ первыя минуты, я не зналъ, что мнѣ дѣлать! броситься-ли мнѣ ему на шею и благодарить его? оскорбиться-ли мнѣ, какъ бы подобало истому барину? или обратить все это въ шутку? Но достаточно было взглянуть на это прекрасное лице, полное любви, участія и какого-то нетерпѣливаго ожиданія для

того, чтобы разсѣять всякое недоумѣніе и дружески протянуть руку, обнять добраго, благороднаго старика! И надо было видѣть его радость, когда онъ понялъ мои чувства, когда онъ увидѣлъ, что планъ его удался: что онъ можетъ сдѣлать мнѣ угодное? — Онъ же благодарилъ меня!

— Ну, спасибо за это, говорилъ онъ, спасибо, что не побрезгалъ моею хохлацкою дружбою.

Насчетъ денегъ и не толкуй! черезъ годъ-ли, два-ли отдашь, коли будутъ.

Черезъ три недѣли послѣ этого, когда я съ охоты возвратился домой, Гаврило ожидалъ уже меня съ шестьюдесятью быками, купленными имъ изумительно дешево.

Конечно, слѣдующія Дергачу деньги я отдалъ ему съ величайшею благодарностію не далѣе какъ чрезъ три мѣсяца; но въ ту же зиму мнѣ встрѣтилась надобность въ деньгахъ: до-зарѣза нужны были пять тысячъ рублей, которыхъ я нигдѣ не могъ достать въ скоромъ времени. Я рѣшился написать Дергачу, и что же вы думаете?—не позже, какъ черезъ недѣлю, является ко мнѣ самъ старикъ, и привезъ не пять тысячъ, а всѣ деньги, сколько было у него въ халишности; и къ этому прибавьте еще, что о какихъ либо процентахъ старикъ и слышать не хотѣлъ!

Спрашиваю васъ, въ нашемъ-то образованномъ дворянскомъ обществѣ много-ли вы найдете людей, способныхъ на такіе поступки? Или кто изъ насъ сдѣлаетъ то, что сдѣлалъ этотъ же Дергачъ въ 1833 году, когда, въ эту страшную годину голода, онъ роздалъ своимъ односельцамъ не только весь хлѣбъ, бывшій у него въ закромахъ и на хуторѣ, всего около 600 четвертей, но остановилъ тысячу кулей муки, готовой уже къ отправкѣ въ Астрахань, роздалъ и ее всю; и сдѣлалъ все это не изъ какихъ либо выгодъ, а давалъ каждому нуждающемуся займы безъ всякихъ процентовъ. Отдай столько же, когда уродитъ Господь,» говорилъ онъ каждому, насыпая мѣшокъ пшеницы или муки! А спросите-ка въ слободѣ, сколько вдовъ и сиротъ живутъ постоянно его помощію! Нѣтъ, мой любезнѣйшій, заключилъ торжественно Николай Федоровичъ, Дергачъ

такая личность, передъ которой наша братья должна склонять выю! Это во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необыкновенный. Узнайте-ка его покороче, ознакомьтесь съ его понятіями о религіи, съ его покорностью къ судьбѣ, такъ и черезъ тридцать лѣтъ вы мнѣ скажете опять, что все еще не встрѣчали такого человѣка, какъ мой старыи другъ, Никола Дергачъ.

П. Б—ЦЪ.

ТРЕТЬЕ СОСЛОВІЕ ВО ФРАНЦІИ ДО РЕВОЛЮЦІИ.

(Окончаніе).

Отрѣшеніемъ законнаго наслѣдника отъ престола лига изъ тайнаго общества для охраненія церкви стала партіей революціонной. Собрана была армія, многія провинціи поднялись въ пользу кардинала, дяди короля наваррскаго, объявленнаго ближайшимъ наслѣдникомъ престола вопреки закону и только потому, что онъ былъ католикомъ. Послѣ него первымъ лицомъ былъ герцогъ Гизъ, душа возстанія. Король принужденъ былъ согласиться на все, и уничтожилъ всѣ договоры, заключенные съ кальвинистами. За отступничество отъ католичества объявлена была смертная казнь. Начальникамъ еретиковъ приказано было оставить страну въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, прочимъ протестантамъ въ продолженіи полугода; послѣдующимъ же указомъ срокъ этотъ сокращенъ до пятнадцати дней для тѣхъ, кто не захочетъ отказаться отъ еретическаго исповѣданія. Имѣнія гугенотовъ предполагалось конфисковать и употребить на расходы для войны, которую король въ союзѣ съ лигой обязывался начать всѣми своими средствами. Такъ началась самая продолжительная и кровавая гражданская война, открывшаяся отлученіемъ Генриха отъ престолонаслѣдія и освобожденіемъ

отъ присяги ему и на будущее время. Къ вопросу о терпимости присоединились притязанія папы на верховную власть надъ королевствомъ и большая часть Французовъ готова была пожертвовать національной независимостью изъ ненависти къ еретикамъ. Но изъ среды третьяго сословія раздался голосъ негодованія, протестовавшей противъ общаго убѣжденія.

18 іюля 1585 года парламентъ послѣ многихъ предостереженій вписалъ въ журналъ актъ изгнанія протестантовъ. Когда же черезъ три мѣсяца предложена была булла объ стстраненіи законнаго наслѣдника отъ престола,—представлены были болѣе энергическія опасенія: парламентъ говорилъ языкомъ, достойнымъ Лопиталя: «Государь, преступленіе, которое вы хотите карать, связано съ убѣжденіями совѣсти, для которыхъ ничего не значать мечъ и огонь... Еслибъ вся партія гугенотовъ была соединена въ одномъ лицѣ, и тогда ни одинъ изъ насъ не произнесъ бы противъ него смертнаго приговора, пока судъ не признаетъ, а лице не сознается въ великомъ уголовномъ преступленіи. Кто же рѣшится безъ суда опустошить столько городовъ, разорить столько провинцій и превратить государство въ кладбище? Кто осмѣлится произнести смертный приговоръ столькимъ милліонамъ людей, женщинъ, дѣтей безъ всякой видимой причины, кромѣ обвиненія въ ереси, которая еще не доказана и сомнительна, которую они поддерживали и защищали не безуспѣшно противъ знаменитѣйшихъ теологовъ вашего королевства, въ которой они родились и воспитывались впродолженіи тридцати лѣтъ съ дозволенія вашего и покойнаго короля, вашего брата...» Что касается до папской буллы, объявившей право во имя своего божественнаго происхожденія судить государей, то ее встрѣтилъ парламентъ съ негодованіемъ, какъ покушеніе на свободу короля и независимость націи. Онъ представилъ слабому государю примѣръ его предшественниковъ и совѣты тѣхъ, которые хорошо знали законы и хранили ихъ. «Мы не находимъ, говорилъ парламентъ, въ нашихъ журналахъ съ самыхъ древнихъ временъ, чтобы французскіе государи подлежали папскому суду, ни того, чтобы подданные учились вѣрѣ у своихъ государей.» Парламентъ объявилъ,

что самъ онъ не честно служилъ общественному дѣлу, увидѣвъ столько клятвенныхъ договоровъ и рѣшилъ, что идти далѣе онъ не можетъ. Это предостереженіе осталось бесполезнымъ и для короля, и для народа. Ни страсти, ни ненависти нисколько не успокоились еще въ продолженіи двадцатипятилѣтняго междоусобія. Дѣло свободы совѣсти казалось потеряннымъ. Его поддерживалъ только героизмъ протестантской арміи и ея предводителя, рѣшившагося умереть за свою вѣру и за свои права.

Впрочемъ Генрихъ всегда былъ готовъ на миръ. Послѣ самой рѣшительной побѣды (при Куртре) онъ требовалъ только свободы вѣроисповѣданія и восстановленія прежнихъ эдиктовъ. Начальникъ лиги съ своей стороны неуклонно шелъ къ цѣли—овладѣть королемъ и его совѣтниками, сковать его волю собраніемъ государственныхъ чиновъ, и захватить престолъ въ свои руки. Король колебался, чувствовалъ свое униженіе; онъ не имѣлъ достаточно энергіи выйти изъ него и оставлялъ себѣ до поры настоящее свое оружіе: предательство и убійство. При такихъ обстоятельствахъ разыгралась одна изъ великихъ историческихъ драмъ, начавшаяся въ 1588 баррикадами въ Парижѣ и окончившаяся вторымъ блуасскимъ собраніемъ и убійствомъ герцога и кардинала Гизовъ. Созваніе королемъ государственныхъ чиновъ было дѣломъ направленнымъ имъ противъ самого себя. Оно было слѣдствіемъ одержавшаго побѣду волненія, а само собраніе представляло не цѣлую страну, а только католическую Францію. Цѣлью его было утвержденіе преимуществъ власти собранія надъ королевской властью. Въ первый періодъ, до смерти Гиза, государственные чины, имѣя въ головѣ представителей третьяго сословія, вели борьбу противъ короля объ основаніяхъ верховной власти; они объявили, что засѣдаютъ не вслѣдствіе того, что были созваны, а вслѣдствіе собственнаго своего рѣшенія и признали основными государственными законами только тѣ, которые изданы при ихъ участіи. Несмотря на видимое подчиненіе древнему монархическому принципу, они грозили королю созданіемъ новой власти, которую намѣревались отдать въ будущемъ подъ опеку народнаго представительства, а въ настоящее время поручить на

*

чальнику лиги. Во второй периодъ собраніе подѣ влияніемъ страха оставляетъ свои энергическія нападенія и представляетъ сопротивленіе пассивное, въ которомъ скрывалось только желаніе перенести свои засѣданія на почву болѣе удобную для открытаго возстанія. Въ журналахъ его записаны слѣдующія статьи: указы, издаваемые по предложенію собранія, неизмѣнны и не имѣютъ надобности проходить чрезъ парламентъ, но на всякіе другіе указы парламенты имѣютъ право представлять свои замѣчанія и могутъ не вносить ихъ въ журналъ; парламентъ не имѣетъ права предлагать законъ, необсужденный провинціальнымъ прокуроромъ, для чего и избирается прокуроръ въ каждой провинціи; безъ согласія государственныхъ чиновъ не назначается ни одинъ налогъ, подать или пошлина; еретики преслѣдуются законами Франциска I и Генриха II; король наваррскій лишается права наследовать престолъ, а имѣнія его конфискуются. Прочія статьи журнала служатъ повтореніемъ требованій, высказанныхъ въ 1576 и 1560 годахъ, поэтому мы ихъ и не приводимъ, но замѣтимъ, что представители дворянства почти не расходятся въ своихъ предложеніяхъ съ депутатами третьяго сословія, и это объясняется тѣмъ, что какъ тѣ, такъ и другіе принадлежали къ лигѣ.

Ожиданія короля не оправдались; положеніе его не стало лучше по убіеніи герцога Гиза (*maintenant je suis roi!*). Онъ думалъ, что нанесъ страшный ударъ всей лигѣ и между тѣмъ какъ издавалъ прокламацію за прокламаціей въ свое оправданіе, въ Парижѣ вспыхнуло возстаніе и разлилось по всей странѣ. Противъ королевской власти образовался союзъ. Революціонныя стремленія лиги приводились въ исполненіе подѣ влияніемъ распаленныхъ страстей. Взоры всѣхъ обратились къ швейцарскимъ кантонамъ, чтобы устроиться по ихъ образцу. Парижская демократія отмѣнила въ судебныхъ актахъ имя короля и назначила герцога майенскаго генералъ-лейтенантомъ королевства и короны. Генрихъ III не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Наконецъ, когда въ его власти осталась только часть береговъ Луары, онъ рѣшился соединиться съ государемъ, котораго лишилъ престолонаслѣдія и противъ котораго издалъ актъ изгнанія; онъ рѣшился отдать

свою корону подъ защиту еретиковъ, въ уничтоженіи которыхъ еще такъ недавно онъ видѣлъ единственную славу и призваніе. Четыре мѣсяца послѣ убійства Генриха Гиза, Генрихъ Валуа и Генрихъ Бурбонъ свидѣлись въ Плесси, обнялись и заключили союзъ королевской власти съ кальвинистской партіей. Арміи ихъ соединились и двинулись къ Парижу, гдѣ царствовала лига и дѣйствовала оттуда на провинціи. Въ послѣднихъ числахъ іюля окончены были приготовления къ приступу, который назначенъ былъ на 2-е августа. Король французскій не дожидъ до этого дня: онъ легъ подъ ножомъ фанатика, молодаго доминиканскаго монаха, Жака Клемана и получилъ такимъ образомъ возмездіе за убійство Гиза и мучениковъ парижской кровавой свадьбы. Предъ смертію онъ не забылъ впрочемъ своего королевскаго долга и сдѣлалъ наконецъ распоряженіе въ пользу примиренія. Онъ призвалъ короля наваррскаго и сказалъ ему: «Братъ мой, корона принадлежитъ вамъ, послѣ того какъ совершится надо мной воля Божія» и заставилъ колѣнопреклоненныхъ принцевъ и дворянъ принести клятву въ вѣрности и повиновеніи законному наслѣднику. Въ 1589 Генрихъ былъ признанъ королемъ начальниками арміи, а въ 1594 принялъ самъ католичество—(Paris vaut bien une messe) и вошелъ въ Парижъ. По мѣрѣ того, какъ король, вынуждаемый необходимостью, завоевывалъ свое королевство, фанатическая нетерпимость удалялась въ самую глубь страны, въ самыя низшіе слои народа. Тамъ она хранилась въ первоначальной чистотѣ первыхъ дней религіозной борьбы. Въ настоящее время она была источникомъ геройства Парижа, достойнаго лучшей доли; она дала силы выдержать тѣсную четырехлѣтнюю осаду и она же наконецъ призваніемъ короля испанскаго представила чудовищный примѣръ демократической и въ то же время антинаціональной партіи.

Попытку лиги присвоить себѣ право избранія короля были безуспѣшны и ограничились только отстраненіемъ его, пока онъ не войдетъ въ лоно католической церкви. Послѣдній актъ ея есть собраніе государственныхъ чиновъ, назначенное на 1590-й годъ и состоявшееся не ранѣе 1593. Небольшое число прибывшихъ депутатовъ тотчасъ очутилось

подъ вліяніемъ испанскимъ, требовавшимъ, во имя интересовъ церкви, пожертвованія основными законами и государственной независимостью. Испаніей послѣдовательно одѣлано было три предложенія: объявить королевою по праву рожденія инфанту Изабеллу, дочь Филиппа II и внучку Генриха II, вопреки основному салическому закону; объявить королемъ обрученнаго съ принцессой эрцгерцога Эрнеста Австрійскаго, или наконецъ выдать инфанту за французскаго принца и обоихъ объявить владѣтелями короны. Въ представителяхъ народа пробудилось наконецъ патріотическое чувство. Они безусловно отвергли два первыя предложенія, но остановились на третьемъ. Парламентъ пошелъ далѣе собранія и объявилъ, что всякій, сдѣланный теперь или въ будущее время актъ объ избраніи иностраннаго принца или принцессы противузаконенъ и рѣшились лучше умереть, чѣмъ измѣнить свое рѣшеніе. Когда же, мѣсяць спустя, въ С. Дени Генрихъ перешелъ въ католичество, то собраніе государственныхъ чиновъ разошлось, и королю ни что уже не мѣшало занять престоль.

Генрихъ IV былъ вооруженный Лопиталь. Принципы его были тѣ же, что и знаменитаго канцлера Карла IX. Онъ былъ одной изъ тѣхъ личностей, которыя являются для возстановленія государства послѣ кризиса, приведшаго его на край гибели. Ему было достаточно двѣнадцати лѣтъ царствованія, чтобы залечить всѣ раны, нанесенныя странѣ гражданской войной, и положить начала новой политикѣ. Вся дѣятельность побѣдителя лиги клонилась къ тремъ цѣлямъ: къ введенію свободы совѣсти и дарованію гражданскихъ правъ диссидентамъ, къ возстановленію порядка и матеріальнаго благосостоянія и къ упроченію новой политики, основанной на уваженіи и независимости всякой народности. Всѣ издававшіеся прежде указы о терпимости имѣли характеръ временныхъ мѣръ до будущаго общаго соединенія обоихъ исповѣданій, которыя поэтому не могли ни слиться, ни уничтожить другъ друга. Генрихъ ввелъ ихъ въ постоянные, основные законы знаменитымъ нантскимъ эдиктомъ 1598. Главныя основанія его заключаются въ дозволеніи протестантамъ жить во всѣхъ мѣстахъ королевства и свободно исповѣдывать свою

религію; въ дарованіи имъ права занимать всѣ гражданскія должности; въ освобожденіи ихъ отъ обрядовъ и формъ приояги, несомвѣстныхъ съ ихъ ученіемъ; въ правахъ судиться въ трибуналахъ, составленныхъ поровну изъ судей обоихъ исповѣданій; въ дозволеніи издавать религиозныя книги, учреждать школы и госпитали, имѣть доступъ въ университеты и коллегіи королевства, а больнымъ и бѣднымъ въ древнія богадѣльни; домашнее богослуженіе объявлено свободнымъ по всей землѣ; а публичное дозволено въ извѣстныхъ только мѣстахъ, назначенныхъ по договору 1577 года. Хартія эта сдѣлалась гражданскимъ кодексомъ для людей обѣихъ религій и на основаніи ея управляли сынъ и внукъ Генриха до того времени, когда послѣ—90 лѣтней терпимости, снова возбудено было фанатическое гоненіе на кальвинистовъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на взаимныя отношенія сословій въ эту эпоху. Сближенію верхнихъ слоевъ третьяго сословія съ дворянствомъ содѣйствовало: во первыхъ занятіе имъ публичныхъ должностей, въ особенности судебныхъ и наслѣдственное на нихъ право (*); во вторыхъ огромныя его богатства, явившіяся вслѣдствіе развитія промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и наконецъ въ третьихъ, образованіе, становившееся все болѣе дѣйствительною силой и правомъ на всякаго рода дѣятельность. Что касается до городского населенія, то оно было проникнуто всѣми новыми идеями и волненіями вѣка; люди всѣхъ состояній и занятій пришли въ взаимное столкновеніе и перемѣшались. Въ особенности этому содѣйствовала лига: въ ея совѣтахъ постоянно встрѣчаются ремесленникъ и чиновникъ, мелкій торговецъ и знатный сеньоръ. Возвращаясь въ среду свою, люди эти не теряли сознанія силы и собственнаго достоинства и жили тѣми же увлекавшими ихъ на служебномъ поприщѣ интересами. Полевое населеніе въ XVI вѣкѣ всюду освобожде-

(*) Служащему можно было передать свою должность всякому способному и испытанному кандидату, сдѣлавъ только объявленіе объ этомъ не менѣе какъ за 40 дней до своей смерти; въ противномъ случаѣ мѣсто переходило въ руки правительства. Генрихъ IV уничтожилъ этотъ срокъ и объявлялъ должности просто наслѣдственными за ежегодную плату шестидесятаго процента съ цѣны мѣста.

но изъ тяжкаго, унижительнаго рабства; обязанности къ помѣщику были строго ограничены и опредѣлены; еще съ XV вѣка оно получило долю политическихъ правъ, доказывающихъ его освобожденіе. При каждомъ созваніи государственныхъ чиновъ собирались первоначально всѣ жители прихода и рѣшали съ своими повѣренными, какія требованія и указанія внести въ журналъ и кого избрать въ представители. Это участіе сельскаго населенія въ выборахъ началось съ 1484 года и было основною причиною сплоченія всего народонаселенія въ одно политическое тѣло; оно же положило конецъ опеки городовъ надъ деревнями.

Что касается до главнаго ядра третьяго сословія, буржуазіи, то исторія ея съ XIV вѣка представляетъ двѣ противоположности: съ одной стороны развитіе и прогрессъ, съ другой потерю свободы. Въ то время, какъ она пріобрѣтала все большее значеніе вслѣдствіе занятія судебныхъ и административныхъ должностей, развитія торговли, промышленности, наукъ и искусствъ, муниципальная ея свобода клонилась къ упадку. XV вѣкъ отнялъ у нея право имѣть вооруженную силу, XVI-й гражданское судопроизводство и стѣснилъ уголовное, подчинилъ болѣе или менѣе тяжкому контролю финансовое управленіе. Королевская власть смотрѣла на муниципальныя права какъ на феодальныя привилегіи и не щадила ихъ въ своемъ стремленіи подвести все подъ одинъ общій уровень, подъ одинъ молотъ. Но каждая побѣда королевской власти была побѣдой въ пользу; хотя каждый шагъ ея былъ шагомъ впередъ къ централизаціи. Дворянство теряло и каждая его потеря была невозвратима; потери третьяго сословія были болѣе кажущимися, чѣмъ дѣйствительными: когда закрывали передъ нимъ одинъ путь, то ему открывались новые, болѣе широкіе. Постоянное развитіе его есть историческій фактъ; онъ неотразимъ, устранить его невозможно; въ пользу его работали и работаютъ даже тѣ, которые думаютъ, что работаютъ на его погибель. Такимъ историческимъ путемъ шла судьба третьяго сословія и когда насталъ день, въ который можно было на вопросъ «что оно такое въ политическомъ отношеніи?» отвѣчать «ничто», то за этимъ днемъ наступилъ другой, въ который оно дѣйствительно было «все».

Между фискальными мѣрами, на которыя вынужденъ былъ Генрихъ IV огромнымъ дефицитомъ въ финансовомъ управленіи и долгомъ, лежавшимъ на странѣ, была одна, имѣвшая весьма важныя послѣдствія. Это такъ называемая «*paulette*», состоявшая въ ежегодной подати съ каждой судебной и финансовой должности (*). Такъ какъ чиновники и судьи стали наследственными по праву, то слѣдствіемъ этой мѣры съ одной стороны была дороговизна судопроизводства, а съ другой еще болѣе значеніе класса чиновниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ со времени утвержденія наследственности должностей, какъ это право вызвало страсти и вражду сословій. Дворяне были устранены отъ него, одни по бѣдности, происшедшей отъ дѣлений наследства или расщепленности, другіе по недостатку образованія, и это въ то время, когда они поняли ошибку своихъ отцевъ, отказавшихся, вслѣдствіе отвращенія къ ученію, отъ занятія служебныхъ должностей и предоставившихъ ихъ буржуазіи. Вотъ причина первыхъ столкновеній соперничества между «людьми шпаги и людьми длиннаго платья». Первые негодовали, потому что потеряли силу и власть, которую имѣли въ своихъ рукахъ и отъ которой отвернулись сами, другіе выказывали уже гордость, независимость, собственное достоинство, между тѣмъ какъ права на эти чувства издавна исключительно принадлежали дворянству. Во время релігиозныхъ войнъ соперничество это не выказывалось; его заглушали другіе, болѣе живые интересы. Въ собраніяхъ 1576 и 1588 годовъ не было поднято ни одного несогласія между депутатами сословій. Но по окончаніи войны раздоръ обнаружился и первая четверть XVII вѣка представляетъ борьбу и соперничество дворянства и третьяго сословія, доведенныя до крайности. Первое непріязненное столкновеніе произошло въ собраніи государственныхъ чиновъ 1614, созванномъ во время несовершеннолѣтія Лудовика XIII, чтобы пріискать средства выйти изъ того положенія, въ которое бросили

(*) Отъ имени откупщика Paulet, взявшаго откупъ. Она состояла изъ шестидесятой части суммы, въ которую оцѣнено мѣсто.

страну расточительность и безсмыслие четырехлѣтняго регентства.

Чины собрались въ монастырѣ августиновъ въ Парижѣ, и раздѣлились на три палаты. Представителями третьяго сословія были большею частью члены судебныхъ корпорацій и королевскіе чиновники. Съ самаго начала засѣданій уже видны были признаки вражды и зависти. Третье сословіе въ первый разъ почувствовало оскорбленіе въ томъ, что дворянству было отдано внѣшнее предпочтеніе (*). Ораторъ дворянства энергически произнесъ въ своей рѣчи: «Дворянство, столь униженное теперь нѣкоторыми изъ низшаго сословія, должно получить прежній блескъ свой. Они скоро увидятъ, какая разница между ними и нами». Во всѣхъ сношеніяхъ обѣихъ палатъ дворянство, какъ и всегда, отличалось спѣсью и недоступностью, третье сословіе излишнею щепетильностью и обидчивостью. Когда послѣдному представляли предложеніе, составленное въ двухъ другихъ согласныхъ палатахъ, то оно отвергало его безъ всякой видимой причины, хотя бы предложеніе было дѣльно и полезно. Дворянство первое сдѣлало нападеніе. Оно рѣшилось просить у короля отстрочки своихъ засѣданій, а потомъ уничтоженія *paulette* и на это прошеніе получило согласіе и содѣйствіе духовенства. Предложеніе это представлено было на обсужденіе третьяго сословія, которому оставалось или присоединиться къ двумъ другимъ сословіямъ и просить короля объ уничтоженіи *paulette* и въ такомъ случаѣ уступить дворянству лучшія и почетнѣйшія мѣста и должности, или несогласиться и подвергнуться всеобщему порицанію за эгоистическое пристрастіе къ нелюбимой народомъ привилегіи, увеличивавшей злоупотребленія продажности судопроизводства.

Третье сословіе вело себя хорошо. Оно отказалось отъ податей, дававшихъ наследственное право на должности и для большей послѣдовательности предложило вообще унич-

(*) Канцлеръ, открывавшій собраніе рѣчью, снималъ свою четырехугольную шапочку, когда обращался къ дворянству и духовенству и не дѣлалъ этого, когда обращался къ третьему сословію.

тоженіе продажности судопроизводства. Но взаѣмнъ своей уступки оно потребовало жертвы отъ обоихъ другихъ сословій, именно отмѣны пенсій, сумма которыхъ удвоилась въ послѣдніе четыре года и отяготила народъ налогами. Въ прошеніи своемъ третье сословіе соединило три требованія: уменьшенія на предстоящій годъ четверти всѣхъ платимыхъ податей, уничтоженія *paulette* и вслѣдствіе этого продажнаго судопроизводства и отмѣну пенсіоновъ, платимыхъ казначействомъ. Дворянство было поражено этимъ прошеніемъ и, далеко не столь великодушное какъ его противники, требовало раздѣлить вопросы и заняться исключительно вопросомъ о наслѣдственности должностей; совѣщанія же о другихъ предложеніяхъ—отложить. Къ нему присоединилось и духовенство послѣ того, какъ не успѣло никакими доводами примирить противниковъ.

Вуржуазія, послѣ новыхъ совѣщаній, рѣшила не раздѣлять вопросовъ и поручило объявить свое намѣреніе одному изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ своей палаты, Жаку Саварону. Энергическій ораторъ два раза говорилъ предъ духовенствомъ, чтобы вызвать его содѣйствіе. Вторая рѣчь его кончалась словами: «Когда вы предлагаете уничтоженіе ежегодной подати за должности, не нападаете ли вы этимъ на занимающія эти должности лица, между тѣмъ какъ молчите о томъ, чего болѣе всего должны просить, отмѣны пенсій, влекущихъ за собой еще худшія послѣдствія. Вы хотите отнять у короля мильонъ шесть сотъ тысячъ ливровъ, получаемыхъ имъ ежегодно за *paulette* и оставляете государство обремененнымъ пятью мильонами ливровъ, выданныхъ королемъ ежегодно, на пенсіи. Какое добро, какую пользу принесетъ королевству уничтоженіе *paulette*, если останется продажность суда, влекущая за собой всякую несправедливость?... Милостивые государи, надобно вырвать этотъ проклятый корень, надобно задушить это чудовище, потому что оно удаляетъ лица достойныя и способныя и даетъ преимущество тѣмъ, кто безъ всякаго другаго права, кромѣ денегъ, заслоняетъ дорогу имѣющимъ, по божьей волѣ, посредственное состояніе. Вслѣдствіе этого мы умоляемъ васъ не отказывать намъ въ содѣйствіи такому правому дѣлу; мы работаемъ для народа».

Съ дворянствомъ Саваронъ говорилъ съ чувствомъ собственного достоинства, гордо; въ словахъ его слышалась иронія и угроза. Онъ доказывалъ, что дворянамъ закрыты должности не ежегоднымъ налогомъ, а неспособностью самихъ дворянъ и продажною судопроизводствомъ, объ уничтоженіи котораго имъ слѣдуетъ просить короля; что три требованія, предложенныя третьимъ сословіемъ, раздѣлить невозможно; что злоупотребленія пенсій дошли до того, что безъ нихъ никто не хочетъ служить королю, что пенсіи опустошили казну и разорили народъ. Дворянство отвѣчало на эти честныя слова ропотомъ и бранью; духовенство одобрило предложеніе, но отказало въ содѣйствіи. Предоставленное своимъ силамъ, третье сословіе рѣшилось представить просьбу королю и, составивъ изъ нея статью для журнала, послало ее въ Лувръ съ депутаціей изъ двѣнадцати членовъ. Саварону поручено было говорить въ пользу народа. Вотъ какъ онъ началъ: «Что бы сказали вы, государь, еслибы увидѣли въ вашей Гіеннѣ или Оверни людей, питающихся какъ скотъ травою? Эта новость и неслышанная нищета на вашей землѣ не произвели ли бы въ душѣ вашей жаданія помочь столь великому бѣдствію? А между тѣмъ это дотога справедливо, что я предлагаю конфисковать все мое состояніе, если меня удичать во лжи.» Потомъ онъ изложилъ подробно просьбу третьяго сословія и съ полною откровенностью объяснилъ причины несогласія его съ другими сословіями: «Ваши чиновники, государь, согласно съ намѣреніями духовенства и дворянства, рѣшились просить ваше величество объ уничтоженіи ежегодной пошлыны съ ихъ должностей, пошлыны, поднявшей дотога цѣны на нихъ, что доступъ къ нимъ открытъ только тому, кто обладаетъ богатствомъ, хотя и не имѣетъ необходимыхъ способностей и достоинствъ. Предложеніе объ уничтоженіи этого зла весьма похвально, но оно направлено противъ лицъ и цѣль его не благо вашего королевства, ибо для чего просить объ уничтоженіи *paulette*, если вы не уничтожите продажу судопроизводства?.. Не ежегодная подать была причиной, что дворянство лишено чести занимать судебныя должности, а его предубѣжденіе, что наука и занятія ослабляютъ мужество и обращаютъ

великодушіе въ трусость. Васъ просятъ, государь, отми́нить *paulette*, отказаться отъ полутора миліоновъ ливровъ, которые вы получаете ежегодно и не говорятъ ни слова объ отми́нѣ пенсій, которыя возрасли дотого, что многія большія и могущеественныя государства не получаютъ такого дохода, какой вы даете вашимъ подданнымъ, въ видѣ этихъ пенсій. Еслибы пять съ половиною миліоновъ, ежегодно выходящихъ изъ казны, были обращены на облегченіе народа, какъ бы онъ благословлялъ васъ! А между тѣмъ объ этомъ и не упоминаютъ, не хотятъ включить въ журналъ и настаиваютъ только на уничтоженіи *paulette*. Третье сословіе уступаетъ одно и неотступно проситъ другаго».

Дворянство пришло еще въ пущее негодованіе отъ этой рѣчи и рѣшилось жаловаться королю. Оно просило духовенство присоединиться къ нему, но послѣднее вызвалось быть только посредникомъ и послало своего члена въ засѣданіе третьяго сословія объявить о неудовольствіи дворянства и просить удовлетворенія. Когда депутатъ кончилъ, Саваронъ всталъ и гордо отвѣчалъ ему, что онъ не имѣлъ намѣренія обидѣть дворянство ни словомъ, ни дѣломъ, что прежде занятія имъ теперешней должности самъ онъ носилъ оружіе и готовъ дать всякое удовлетвореніе. Но чтобы избѣжать разрыва, который могъ прекратить занятія собранія, третье сословіе приняло посредничество духовенства и согласилось обратиться къ дворянству съ словомъ примиренія; но примиренія не было. Аристократическая заносчивость оскорбилась даже тѣмъ, что депутатъ буржуазіи, Демемъ, сравнилъ сословія Франціи съ тремя братьями одной семьи. Дворянство отвѣчало на это такъ: «Мы не хотимъ, чтобы сыновья сапожниковъ называли насъ братьями; между нами и ими такое же различіе, какое между господами и слугами».

Третье сословіе спокойно выслушало и замолчало. Духовенство пыталось еще разъ примирить вражду и тотчасъ же получило въ отвѣтъ, что представители третьяго сословія вовсе не имѣли въ виду оскорблять дворянство, что духовные могутъ объявить имъ объ этомъ, а имъ самимъ нѣтъ времени и необходимо заняться составленіемъ своего журнала. Такимъ образомъ разрывъ не прекращался; прави-

тельство не хотѣло быть судьей; но хлопотало о прекращеніи вражды, и буржуазіи было приказано королемъ сдѣлать шагъ къ примиренію. Между тѣмъ журналъ третьяго сословія перецѣлъ въ совѣтъ короля. Дворянство и духовенство утверждали всѣ статьи его, кромѣ той, которая послужила причиной разрыва. Первымъ министромъ, впрочемъ, обѣщано было, что пенсіи будутъ уменьшаемы ежегодно на одну четверть, а бесполезныя вовсе отиѣнены. Эта уступка открыла путь къ примиренію. Третье сословіе благодарило два другія за содѣйствіе. Его посланные высказали еще разъ, что они не имѣли намѣренія нанести обиды. Имъ отвѣчали прилично. Такъ кончился этотъ первый раздоръ, изъ котораго, правда, не могло выйти ничего важнаго въ политическомъ отношеніи, но который яавилъ, что у буржуазіи есть сила противодѣйствующая аристократической привилегіи. Въ этомъ раздорѣ всенародно предъ дворянскою гордостью стала гордость плебейская, выросшая незамѣтно и воспитанная въ школахъ служебной дѣятельности...

Вскорѣ родилось болѣе серьезное несогласіе, въ которомъ не принимали участія никакіе личные интересы, и раздѣлило сословія. Причиною ихъ былъ принципъ независимости престола отъ церкви, предложенный болѣе чѣмъ за триста лѣтъ тѣмъ же третьимъ сословіемъ. Составляя общій журналъ изъ провинціальныхъ, представители буржуазіи внесли въ него первую статью прошеніе къ королю постановить основнымъ, неизмѣннымъ закономъ независимость королевской власти, и объявить всякое вмѣшательство въ нее церкви, какъ напримѣръ освобожденіе подданныхъ отъ присяги, противозаконнымъ. Основной законъ этотъ долженъ быть объявленъ и распространенъ по всему королевству. Предложеніе это было не по сердцу духовенству; оно обратилось за помощью къ дворянству и получило обѣщаніе содѣйствія, но сопротивленіе ихъ осталось безуспѣшно; третье сословіе не хотѣло ни уступить, ни измѣнить статьи и рѣшительно отказалось отъ предложенія послѣдовать рѣшенію констанскаго собора о цареубійствѣ, которымъ рѣшался вопросъ, поставленный во Франціи лигою и оставшійся неразрѣшеннымъ Генрихомъ, вопросъ о законности королевской власти

отдѣльно по праву и по православію. Статью своего журнала третье сословіе съ президентомъ палаты и двѣнадцатью президентами провинціальныхъ бюро препроводило въ Лувръ. Хотя Лудовикъ XIII былъ уже совершеннолѣтній, но отвѣчала королева-мать, что такъ какъ статья о самодержавной независимости относится къ королю, то не помѣщать ее въ журналъ, но король принимаетъ ее согласно съ желаніемъ третьяго сословія. Это нарушеніе правъ собранія произвело замѣшательство. Въ продолженіи трехъ дней совѣщались, какъ поступить и остановились на двухъ мнѣніяхъ: или удержать статью въ журналѣ и протестовать противъ лицъ, окружавшихъ короля и стѣснявшихъ его свободу, либо подчиниться приказанію королевы и представить только предостереженія. Большинство было бы за первое мнѣніе, еслибы не предложено было подавать голоса по провинціямъ (*). Сто двадцать депутатовъ, между коими были Саваронъ и Демемъ, объявили себя противъ мнѣнія собранія, такъ какъ оно выражало мнѣніе меньшинства. Начался шумъ и беспорядокъ. Наконецъ избранъ былъ средній путь: рѣшили не вписывать статью въ текстъ журнала, но оставить для нея мѣсто. Дѣйствительно, на древнихъ копіяхъ съ журнала подъ рубрикою «основные государственные законы» оставалось пустое мѣсто и замѣчаніе: Первая статья, извлеченная изъ протокола палаты третьяго сословія, отдѣльно отъ журнала представлена королю по приказанію его, который обѣщаль отвѣчать. Но отвѣта не было. Слабость королевы, окруженной иностранцами, отсрочила на 67 лѣтъ вопросъ о независимости престола и страны отъ домогательствъ церкви и притязаній римскаго двора. Знаменитое объявленіе духовенства 1682 года было только слѣдствіемъ настоящаго предложенія и заключало въ себѣ не только главный смыслъ, но и многія выраженія журнала 1615 года. Мы видѣли, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала третьему сословію. Между тѣмъ какъ привилегированные классы получали по-

(*) Провинціи весьма различались числомъ представителей. Вотированіе по уѣздамъ (baillage, въ которыхъ заставлялъ уѣздный судья) было почти равносильно поголовному.

здравленія изъ Рима, всё ясныя, здоровыя умы были на сторонѣ потерпѣвшихъ поражение (*).

Подъ той же рубрикой основныхъ государственныхъ законовъ въ журналѣ одного только третьяго сословія помѣщено требованіе собраній трехъ сословій всякіе десять лѣтъ. Вообще журналъ 1615 года, по значенію статей въ немъ помѣщенныхъ, напоминаетъ совѣщанія 1560 года, но превосходитъ ихъ полнотой и многосторонностью обсуждаемыхъ вопросовъ, поднятыхъ эпохой.

Въ нихъ нельзя не видѣть стремленія къ гражданскому равенству передъ закономъ и къ свободной торговлѣ, стремленія, достойнаго нашего времени. Въ нихъ снова заявлено было требованіе о прежней муниципальной свободѣ: права избирать представителей безъ участія и присутствія королевскихъ чиновниковъ; права хранить ключи городскихъ воротъ, налагать и взимать подати безъ правительственнаго контроля и проч. Журналъ третьяго сословія несравненно менѣе разнится отъ журнала духовенства, чѣмъ отъ журнала дворянства и это произошло не вслѣдствіе согласія этихъ двухъ сословій, а вслѣдствіе того, что духовенство никогда не избирало прямой дороги. Оно подавало мнѣніе то за общинное право, за интересы плебейскіе, за освобожденіе бѣдныхъ, угнетенныхъ классовъ, то стояло за частныя права и защищало дворянство. Эта шаткость мнѣній происходила отъ столкновенія личныхъ, эгоистическихъ интересовъ съ либеральнымъ для того времени духомъ его ученія. Оно расходилось съ третьимъ сословіемъ въ вопросахъ о папской власти, о свободѣ галликанской церкви, о религіозной терпимости, о іезуитахъ, а въ прочихъ статьяхъ соглашалось.

Между обоими свѣтскими сословіями, мы уже видѣли, былъ полный разрывъ. Журналъ 1615 года есть обширная программа реформъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приведены въ

(*) Известное четырехстишіе повторялось тогда всѣми и его можно назвать пророческимъ:

O noblesse, o clergé, les aînés de la France,
Puisque l'honneur du roi si mal vous maintenez,
Puisque le tiers-état en ce point vous dévance,
Il faut que vos cadets deviennent vos aînés.

исполненіе государственными людьми XVII вѣка, исполненіе другихъ осуществилось въ 1789 году. Журналы дворянскихъ засѣданій заключали требованія о возстановленіи всего, что ггло или должно было погибнуть вслѣдствіе всеобщаго прогреса и развитія. Въ немъ обозначились прежнія стремленія и прежняя сословная нетерпимость. Дворянство, какъ и всегда, пыталось не только защищать оставшіяся за нимъ привилегіи, но вернуть Францію къ стариннымъ преданіямъ феодальной эпохи и отнять у третьяго сословія тѣ мѣста, которыми оно завладѣло. Такъ оно потребовало возобновленія всѣхъ дворянскихъ должностей при дворѣ и войскѣ, исключительно дворянскаго состава парламента, возвращенія себѣ мѣсть даже и по муниципальному управленію, права вести торговлю съ удержаніемъ преимуществъ своего сословія и проч. На послѣднее требованіе особенно несогласно было третье сословіе, и требовало запрещенія торговли для привилегированныхъ классовъ.

Это сословное соперничество, особенно характеризующее собраніе государственныхъ чиновъ 1614 года, было причиною его безсилія. Оно не имѣло никакого непосредственнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Да еслибы дворъ молодаго короля и имѣлъ въ виду народную пользу и благотворныя реформы, то ему трудно и опасно было бы что нибудь сдѣлать, потому что требованія сословіи расходились и противорѣчили другъ другу. Чтобы извлечь что нибудь истинно полезное изъ хаоса представленныхъ требованій, нужны были и энергія, и умѣнье. Дворъ же короля имѣлъ въ виду только благопріятный случай воспользоваться раздоромъ сословіи, чтобы поддержать выгодные для него безпорядки и злоупотребленія. Опасаясь, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство не дало почувствовать враждующимъ сторонамъ необходимость единодушія, онъ торопиль представленіемъ журналовъ, обѣщая отвѣчать на нихъ прежде распушенія собранія. Но депутаты требовали не обѣщанія, а права не расходиться до полученія отвѣтовъ короля на свои журналы. Дворъ отвѣчалъ уклончиво, и журналы трехъ сословіи были торжественно представлены королю 23 февраля 1615 года, послѣ четырехмѣсячныхъ засѣданій. На дру-

гой день депутаты собрались въ урочный часъ въ монастырѣ августиновъ, но нашли свою залу безъ мебели: стулья, скамьи, конторки были вынесены. Президентъ объявилъ, что король и канцлеръ закрываютъ собраніе. Напрасно удивленные представители обвиняли короля и дворъ, обвиняли самихъ себя въ слабости, въ недостаточной настойчивости. «Что мы такое?—говорили они; какой стыдъ, какое оскорбленіе нанесено всей странѣ въ нашемъ лицѣ; такими ли входили мы вчера въ бурбонскую залу съ нашимъ журналомъ? что намъ дѣлать?» Черезъ 174 года (*) на этотъ вопросъ, при такихъ же обстоятельствахъ, раздался голосъ Сіея: «сегодня мы то же, что были вчера. Будемъ засѣдать стоя.» Но въ началѣ XVII вѣка не могло быть ничего подобнаго. Депутаты ежедневно приходили въ монастырь, дѣлали предположенія, что предпринять, но болѣе всего они желали, чтобы ихъ распустили по домамъ изъ города, въ которомъ нечего было дѣлать. Ихъ удерживало впрочемъ чувство долга; они знали, что во дворцѣ готовился отвѣтъ на журналы и были убѣждены, что если ничего или очень мало сдѣлано будетъ въ пользу народа, съумѣютъ всю вину сложить на ихъ отсутствіе; наконецъ отъѣздомъ ихъ могли воспользоваться два другія сословія и вымолить себѣ разнаго рода преимущества. Они рѣшились остаться и ожидать отвѣта короля, собирались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, пока 24 марта не были потребованы въ Лувръ. Тамъ передали имъ, что количество статей въ журналахъ не позволяетъ королю отвѣчать такъ скоро, какъ бы онъ этого хотѣлъ, но чтобы показать свое расположеніе къ сословіямъ, онъ объявилъ, что принимаетъ главныя ихъ предложенія, уничтожаетъ продажу должностей, отменяетъ пенсіи и наряжаетъ судъ надъ злоупотребленіями финансоваго управленія, а объ остальномъ обѣщаль позаботиться тотчасъ же; послѣ чего депутаты получили дозволеніе разѣхаться. Правительствомъ ловко избраны были три эти статьи, ибо на нихъ примирялись всѣ партіи. Дворянство довольно было уничтоженіемъ наследст-

(*) 20 іюня 1777 въ залѣ Jeu de paume.

венности и продажности должностей; третье сословіе видѣло облегченіе народа въ отнѣніи пенсій; оба сословія желали равно преслѣдованія злоупотребленій финансовыхъ чиновниковъ. Уничтоженіемъ *paulette* тоже все были довольны: дворянство изъ личныхъ интересовъ, духовенство по симпатіи къ дворянамъ, третье сословіе гордилось своимъ великодушнымъ пожертвованіемъ. На остальные требованія даны были обыкновенныя обѣщанія, которыя и повезли съ собою депутаты въ провинціи. Разумѣется, что обѣщанія эти не были исполнены.

Какъ бы то ни было, собраніе государственныхъ чиновъ 1614 года представляетъ весьма замѣчательный фактъ въ исторіи третьяго сословія. Имъ заключился рядъ великихъ собраній средневѣковой монархіи во Франціи. Третье сословіе выказало здѣсь въ полномъ свѣтѣ возрастающее значеніе, нравственную силу и политическое безсиліе. Этимъ собраніемъ замкнулась эпоха монархіи, соединенной съ представительствомъ, лишеннымъ народной и законной опоры, въ которомъ третье сословіе принимало участіе не по праву, не вслѣдствіе побѣды, а призваніемъ королевской власти. Вошедши въ собраніе недоувѣрчиво, безъ борьбы, не заявивъ своей силы, оно само не придавало особой цѣны своему участію, но всегда приносило въ собраніе массу новыхъ идей, которыя изъ его журналовъ въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ входили въ королевскіе указы. Но такъ какъ дѣйствительной, положительной силы третье сословіе въ собраніи не имѣло, такъ какъ стремленія его къ реформамъ парализировались противодѣйствіемъ привилегированныхъ сословій, то, наученные многолѣтними опытами, плебейскіе классы вовсе перестали придавать значеніе своимъ политическимъ правамъ. До революціи XVIII вѣка государственныя чины не собирались ни разу и общественное мнѣніе не побуждало къ тому правительство. Третье сословіе съ полнымъ довѣріемъ отдалось королевской власти, выросшей исключительно при его содѣйствіи и оставалось въ такомъ положеніи болѣе полутора ста лѣтъ, пока не почувствовало несостоятельности порядка, приведшаго страну на край бездны и не убѣдилось въ своемъ собственномъ заблужденіи—

*

на такомъ порядкѣ основывать благоденствіе страны. Интересы королевской власти и третьяго сословія послѣ побѣды надъ феодальнымъ правомъ разошлись совершенно и не имѣли уже болѣе ничего общаго.

Съ распущеніемъ послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ начинается новый періодъ исторіи третьяго сословія, въ продолженіи котораго роль собранія принимаетъ на себя парижскій парламентъ. Призванное въ важныхъ случаяхъ къ участию въ политической жизни государства, это верховное судебное мѣсто, члены котораго назначались королемъ, съ XVI вѣка воспользовалось этимъ обыкновеніемъ и стало считать себя представительнымъ собраніемъ, когда государственные чины перестали созываться. Невыполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію, было причиною, что ожиданія и надежды народныя были перенесены на парламентъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ много данныхъ для симпатіи третьяго сословія: члены его выбирались изъ среды буржуазіи, они занимали высшія правительственныя мѣста. Не разбирая, насколько законны были его стремленія къ овладѣнію законодательствомъ и къ противодѣйствию иногда королевскимъ повелѣніямъ, его любили за всегдашнюю нелюбовь къ дворянству, за привязанность къ національнымъ преданіямъ, за охраненіе государства отъ иноземныхъ вліяній и за защиту свободы галликанской церкви. Его называли сенатомъ, опекуномъ короля, отцемъ государства; власть его и права считались священными и неприкосновенными, какъ власть и права короля. Продажа должностей и наследственность ихъ не уменьшали, а еще увеличивали эти симпатіи къ нему, ибо въ этихъ злоупотребленіяхъ видѣли новую силу для защиты плебейскихъ интересовъ, а несмѣняемость лицъ, стоящихъ за эту защиту, была болѣею гарантіею, чѣмъ временныя и непрочныя собранія государственныхъ чиновъ. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что оппозиція парламента не была осно-

вана на такихъ широкихъ и безпристрастныхъ началахъ, какъ оппозиція собраній.

Недостатки парламента, его дворянскія замашки, эгоистическій взглядъ и полное отсутствіе политическаго такта не мѣшали третьему сословію считать его своимъ, членовъ его своими людьми, которые не могли не желать общаго блага. Впрочемъ надежды народа и на этотъ разъ были обмануты; да и не могло быть иначе. На что могъ опираться свободный голосъ парламента? Въ сущности члены его не были народными представителями и какъ только приходила пора дѣйствовать, противиться, онъ оказывался безсильнымъ и по необходимости обращался за содѣйствіемъ то къ принцамъ крови, то къ недовольнымъ придворнымъ, или къ аристократіи. Когда онъ отказывался, во имя общественныхъ интересовъ, внести въ свой журналъ королевскій указъ, несмотря на то, что членамъ его грозили изгнаніемъ или тюремнымъ заключеніемъ, то съ приведеніемъ угрозы въ исполненіе, роль его кончалась, если онъ не успѣвалъ заключить какого нибудь прочнаго союза. По крайней мѣрѣ нерѣдко такъ кончалась его оппозиція, то есть тюрьмой или междоусобной войной, въ которой онъ противъ воли служилъ личнымъ интересамъ вельможъ. Этотъ плачевный исходъ часто самыхъ благородныхъ стремленій отнималъ и искажалъ вѣру въ его гражданскую доблесть, подчиняя его дѣятельность мелкимъ интригамъ и возстаніямъ дворянъ. Въ такой недостойной борьбѣ изжилъ свою силу и энергію парламентъ, благородными побужденіями котораго не умѣли и не хотѣли воспользоваться.

Четыре дня спустя по распущеніи послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ, парламентъ предложилъ голосъ принцамъ, герцогамъ, перамъ и королевскимъ чиновникамъ въ его засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ о государственныхъ нуждахъ, о службѣ королю и объ облегченіи участи народа. Это приглашеніе, сдѣланное безъ королевскаго повелѣнія, было неслыханнымъ дѣломъ; оно возбудило въ обществѣ надежды на исполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію. Королевскій совѣтъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ нововведеній и запретилъ приглашеннымъ лицамъ являться на

совѣщанія. Парламентъ повиновался, но тотчасъ принялъ рѣшеніе составить актъ о своихъ предложеніяхъ. Новый указъ совѣта запретилъ составленіе его. На этотъ разъ парламентъ не уступилъ и когда актъ былъ готовъ, то просилъ аудіенціи у короля. Его настойчивость перепугала министровъ; но, несмотря на старанія ихъ не допустить короля до слушанія парламентскихъ предложеній, аудіенція была дана. На ней между прочимъ было сказано: «Государь, допущеніе въ это собраніе вельможъ вашего королевства было предложено для вашей пользы, чтобы представить вамъ при содѣйствіи тѣхъ, кто хорошо съ этимъ знакомъ, увеличивающіеся съ каждымъ днемъ безпорядки, указать вамъ существующее зло, чтобы вы могли почерпнуть въ вашей мудрости лекарства противъ него... Тѣ, которые хотятъ ослабить власть этого собранія, силятся вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у него дарованную издавна вашими предшественниками свободу предлагать все, что оно найдетъ полезнымъ для вашего государства. Мы осмѣливаемся предостеречь васъ отъ совѣтовъ, побуждающихъ начать первый годъ вашего совершеннолѣтія самодержавными повелѣніями и приучить себя къ мѣрамъ, которыми такіе добрые короли, какъ вы, государь, пользуются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.» Изложивъ съ своей точки зрѣнія свою исторію и основанное на ней право вмѣшиваться въ общественныя дѣла, парламентъ предложилъ внести свои предложенія въ журналъ, просилъ короля возвратиться въ внутренниехъ и внѣшнихъ дѣлахъ къ политикѣ своего отца, сохранить свою независимость отъ притязаній римскихъ и независимость королевства отъ чужеземнаго вліянія; потомъ раскрылъ безпорядки по управленію, расстройство финансовъ, расточительность, огромные подарки и пенсіоны, преграды, положенныя правосудію дворомъ и дворянствомъ, потворство королевскихъ чиновниковъ откупщикамъ и ненасытное корыстолюбіе министровъ. Въ перспективѣ онъ указалъ на возстаніе доведеннаго до отчаянія народа и кончилъ слѣдующими словами: «Мы умоляемъ васъ, государь, дозволить исполненіе данныхъ обѣщаній; но чтобы они не были затерты совѣтами и интригами тѣхъ, кому не нравятся,—парламентъ, для очищенія своей совѣсти предъ людьми и Бо-

гомъ, для блага вашего и всей страны, готовъ объявить имена всѣхъ виновниковъ безпорядка и раскрыть предъ обществомъ всѣ ихъ злоупотребленія.»

На другой день указомъ королевскаго совѣта парламенту приказано было вычеркнуть изъ журнала всѣ предложенія и не совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ безъ королевскаго повелѣнія. Парламентъ просилъ новой аудіенціи; ему отказали и повторили тѣ же приказанія. Онъ медлилъ, ссылаясь на разныя формальности процедуры. Между тѣмъ принцъ Конде, герцоги вандомскій, бульонскій, майенскій и другіе вельможи подняли свои провинціи во имя молодаго короля для освобожденія его изъ-подъ насильственной опеки министровъ и привлекли на свою сторону кальвинистовъ, недовольныхъ связями правительства съ римскимъ и испанскимъ дворами. Разумѣется, что протестантская партія компрометировала себя сочувствіемъ возстанію вельможъ и такимъ образомъ начала цѣлый рядъ ошибокъ и неловкостей, которыя окончились взятіемъ Ларошели и потерю всѣхъ правъ, которыми они пользовались по нантскому эдикту. Междоусобная война, загорѣвшаяся подъ предлогомъ защиты парламентскихъ предложеній, окончилась послѣ страшныхъ неистовствъ, произведенныхъ солдатами возставшей партіи, мирнымъ договоромъ въ Луденѣ. Уничтоженіе статей изъ парламентскаго журнала было отмѣнено и король черезъ три мѣсяца отвѣчалъ на требованія послѣдняго собранія и на блуасское предложеніе о независимости королевской власти. Но снова ничего не было исполнено, кромѣ тайныхъ статей, по которымъ начальники возстанія получили выговоренныя себѣ мѣста, должности и шесть миліоновъ ливровъ. Дѣла пришли въ прежнее анархическое положеніе. Это былъ просто заговоръ, чтобы привести Францію въ положеніе худшее, чѣмъ оно было до Генриха IV. Внутри безпорядки, а вовнѣ отсутствіе всякаго политическаго значенія — вотъ что представляла Франція во времена молодости Лудовика XIII, когда правленіе перешло въ руки государственнаго человѣка, которому суждено было оставить по сесѣ глубокой слѣдъ въ исторіи этой страны.

Кардиналъ Ришелье не былъ министромъ въ настоящемъ

значеніи этого слова. Онъ былъ уполномоченный всей королевской властью правитель. Монархія не переставала существовать и въ то же самое время страна находилась подъ диктатурой не короля, а посторонняго человѣка, его подданнаго, даже не внесшаго въ свои цѣли никакихъ личныхъ или семейныхъ интересовъ. Лудовикъ XIII, съ слабымъ, уступчивымъ нравомъ, не былъ лишенъ здраваго смысла. Это была одна изъ натуръ, требовавшихъ непремѣнно опеки и опоры. Онъ выбиралъ и бросалъ многихъ министровъ, пока не нашелъ такою, который по его мнѣнію повелъ государство къ цѣлямъ, представлявшимся ему самому лучшими и благородными въ его меланхолическихъ мечтахъ. Воспитанный въ школѣ своего отца, онъ, казалось, сознавалъ свои обязанности, для исполненія которыхъ онъ жертвовалъ своей свободой, человѣческой и королевской. Нѣсколько разъ пытался онъ освободиться изъ—подъ добровольно—наложеннаго на себя ига, но всякій разъ добровольно же подчинялся ему, убѣждаясь болѣе и болѣе въ способностяхъ человѣка, который далъ государству внутреннее спокойствіе и внѣшнюю силу.

Въ своихъ планахъ Ришелье далеко опередилъ самаго Генриха. Онъ такъ подвинулъ впередъ дѣло королевской власти, что, кажется, она не могла уже идти назадъ. Для достиженія своихъ цѣлей ему необходимо было сломить дворянство, особенно высшее, прекратить вооруженное положеніе въ государствѣ протестантской партіи и освободить Францію отъ чужеземныхъ вліяній, то есть дать ей возможность свободно выбирать союзниковъ. На осуществленіе этихъ плановъ Ришелье употребилъ всѣ свои способности, всѣ силы, весь гений и всю растяжимость своей совѣсти. Вся его жизнь есть постоянная борьба съ дворянами, съ королевскимъ семействомъ, съ верховными совѣтами. Чтобы подвести все подъ одинъ уровень, онъ поднялъ королевскую власть выше ея семейныхъ интересовъ, отдѣлилъ ее отъ всего, возвелъ въ идею, въ религіозный культъ.

Съ этой точки зрѣнія онъ одѣлъ королевскую власть въ безстрастную логику, въ беспощадную строгость. Онъ не зналъ помилованія, какъ не зналъ страха и не обращалъ

вниманія на обычныя юридическія формальности. Онъ заставлялъ своихъ комиссаровъ произносить смертныя приговоры, казнилъ стоящихъ на ступеняхъ трона враговъ монархіи, которыхъ считалъ своими личными врагами. Никто не можетъ сказать, насколько участвовала въ этихъ преслѣдованіяхъ его личная ненависть: никто не заглядывалъ въ его душу. Но что-то мрачное соединено съ его именемъ; онъ все принесть въ жертву для достиженія своей цѣли, попираетъ правила нравственности и человѣчества, и не знаетъ границъ своему деспотическому нраву.

Прежде чѣмъ приводить въ исполненіе свои замыслы, Ришелье хотѣлъ подвергнуть ихъ всеобщему обсужденію, чтобы придать имъ характеръ народной воли. Послѣ послѣднихъ размолвокъ сословіи онъ мало надѣялся на собраніе государственныхъ чиновъ; поэтому онъ рѣшился собрать въ 1626 по своему назначенію 55 нотаблей (12 отъ духовенства, 14 отъ дворянства, 27 совѣтниковъ высшихъ судебныхъ инстанцій, министра финансовъ и городского главу Парижа), подъ предсѣдательствомъ брата короля. Въ собраніе не было призвано ни одного герцога, пера, ни одного губернатора провинціи. Предъ этимъ собраніемъ, въ которомъ болѣе чѣмъ на-половину было лицъ третьяго сословія, новый министръ изложилъ планъ внутренней политики. Реформы предложены были такимъ образомъ отъ самого правительства и заключались въ слѣдующемъ: подати не должны обременять производительные классы; въ промышленности и торговлѣ заключается благосостояніе страны, слѣдовательно онѣ преимущественно должны поощряться; для поддержанія могущества государства необходима постоянная армія, въ которой мѣста и чины должны быть доступны всѣмъ и которая распространяла бы и поддерживала военный духъ и въ неблагородныхъ классахъ; даны были обѣщанія уменьшить государственные расходы, увеличить морскія силы, учредить комерческія компаніи и предпринять въ странѣ канализацію; обѣщана также безопасность рабочимъ классамъ отъ самоуправства военныхъ людей введеніемъ дисциплины и правильной выдачи жалованья; наконецъ предложено было уничтоженіе во всѣхъ провинціяхъ крѣпостей и зам-

ковъ, существованіе которыхъ было бесполезно для защиты государства.

Тотчасъ по распущеніи нотаблей приступлено было къ собранію законовъ и къ изданію новыхъ, которые должны были соотвѣтствовать журналамъ 1615 года, и разрѣшено было привести въ исполненіе обѣщаніе уничтожить во всемъ государствѣ крѣпости и замки, эти соколиныя гнѣзда всегда готоваго на возмущеніе дворянства. Онъ поручилъ исполненіе этого смѣлаго дѣла провинціямъ и городамъ и по всей странѣ поднялись народныя толпы и своими руками разрушали и разносили эти всегдъ ненавистныя зубчатыя стѣны, защищавшія столько вѣковъ рабство, тиранію и разбой. Рвы были засыпаны, стѣны опрокинуты; пощажены были немногіе, безопасныя, которые и остались памятниками средневѣковыхъ временъ.

Между тѣмъ законодательство шло своимъ чередомъ и плодомъ его былъ указъ 1629 года. Составленный по мысли Ришелье, онъ ясно показываетъ, что законодатель старался примирить противоположныя требованія сословій и ставилъ дѣло реформы въ опредѣленныя границы. Такъ, на примѣръ, указъ уничтожаетъ помѣщичье право и незаконную барщину, но не отмѣняетъ вымороченнаго права. Время совершенной свободы деревень еще не наступило, а время городовою свободой уже миновало! Отвѣты на требованія о восстановленіи муниципальнаго права уклончивы и стремятся только къ введенію единообразнаго управленія по образцу парижскаго. Высшіе слои третьяго сословія приглашеніемъ къ торговымъ занятіямъ и привилегіями отвлечены отъ исключительнаго стремленія къ занятію служебныхъ должностей. Въ то же время дѣятельность Ришелье, особенно въ послѣдніе годы, была направлена къ развитію торговли, физическаго и нравственнаго труда. Онъ признавалъ равнымъ себѣ, стоящему на верхней ступени престола, только писателя и мыслителя. Шапеленъ и Гомбо говорили съ нимъ съ покрытыми головами. Но между тѣмъ какъ онъ расширилъ кругъ дѣятельности третьяго сословія, въ то же время онъ ломалъ все свободныя, городскія учрежденія, все преимущества провинцій, прибрѣтенныя въ героическій періодъ муниципальной

жизни. Эти мѣры были необходимы для введенія всесторонней централизаціи.

Но эта крутая и деспотическая воля, сокрушившая все, что стояло въ разрѣзъ съ ея желаніями, возбудила общее отвращеніе къ себѣ и реакція третьяго сословія противъ министерской диктатуры подала поводъ къ гражданской войнѣ, извѣстной подъ именемъ фронды. Четырехлѣтнее междоусобіе состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпохъ: одна составляетъ по крайней мѣрѣ по вѣдшимъ признакамъ, характеръ революціи, другая возстаніе, подобное временамъ малолѣтства Лудовика XIII или деги. Мы скажемъ нѣсколько словъ о первой, такъ какъ она имѣетъ тѣсную связь съ исторіей третьяго сословія. Въ іюнѣ 1648 г. четыре высшихъ правительственныхъ мѣста заключили сначала союзъ во имя частныхъ выгодъ, для введенія и поддержанія наслѣдственности должностей еще на девять лѣтъ, но вскорѣ приняли на себя защиту общихъ интересовъ и потребовали преобразованій. Къ нимъ присоединились всѣ недовольные диктаторскимъ положеніемъ новаго министра. Поднялись не только задавленные интересы, но предъявлены были и новыя требованія. Это были жалобы народа на тягость налоговъ и дворянства на отчѣну привилегій, преданія о собраніи государственныхъ чиновъ, потеря муниципальной свободы провинцій и городовъ, желаніе болѣе широкихъ и законныхъ гарантій, наконецъ примѣръ, поданный Англіей — вотъ причины, вызвавшія междоусобіе. Въслѣдствіе этого, шестьдесятъ депутатовъ высшихъ правительственныхъ совѣтовъ предложили королю хартію. По формѣ она представляетъ насильно захваченную законодательную власть, а по содержанию она заключаетъ въ себѣ основныя положенія новѣйшихъ хартій. Собраніе присвоиваетъ себѣ право veto въ финансовыхъ вопросахъ и относительно учрежденія новыхъ должностей. Такимъ образомъ почти вся верховная власть переходила въ его руки.

Дворъ по обыкновенію сдѣлалъ уступку, которая оказалась позднею. Потомъ онъ хотѣлъ возвратитъ потерянное арестомъ начальниковъ недовольной партіи; въ Парижѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе, извѣстное подъ именемъ

journée des barricades. Печальныя сцены временъ лиги повторились. Вотъ что пишетъ объ этомъ днѣ кардиналъ де-Рецъ въ своихъ мемуарахъ: «Всѣ безъ исключенія взяли за оружіе; можно было встрѣтить шестилѣтнихъ дѣтей съ кинжалами въ рукахъ и матерей, приносящихъ имъ оружіе. Въ Парижѣ построено было 1200 баррикадъ въ продолженіи двухъ часовъ: онѣ увѣнчаны были знаменами; люди вооружены были оружіемъ, оставшимся у нихъ со временъ лиги. На улицѣ *Neuve-Notre-Dame* я встрѣтилъ между прочимъ мальчика восьми или десяти лѣтъ, тащившаго копье, вѣроятно временъ послѣдней войны съ Англичанами». Но если оружіе было временъ лиги, то идеи, во имя которыхъ взялся за него парижскій народъ, были новыя, хотя и не настала еще пора ихъ осуществленія. Король въ указѣ 24 октября выразилъ желаніе уступить, но его уклончивость отняла всякое довѣріе къ нему. Въ рукахъ парламента и магистратовъ сосредоточилось все управленіе Парижа, и они приняли тотчасъ энергическія мѣры для возстановленія общественнаго спокойствія: собрали подати, вооружили народъ, привели городъ въ оборонительное положеніе, организовали полицію и сдѣлали воззваніе ко всѣмъ городамъ и провинціальнымъ парламентамъ. Но въ то же время сдѣлана была ошибка, вынужденная обстоятельствами, именно заключенъ союзъ съ высшимъ дворянствомъ. Должно было ожидать, что этотъ союзъ выведетъ на ложную и безчестную дорогу. Такъ и случилось; по крайней мѣрѣ заслуга парламента состояла въ томъ, что онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ на предложеніе обратиться за защитой народнаго дѣла къ внѣшнимъ врагамъ правительства. Поставленный въ необходимость выбрать одно изъ двухъ, парламентъ рѣшился лучше примириться съ королемъ, чѣмъ заключить союзъ съ Испаніей. Король объявилъ, что созоветъ государственныя чины, но это обѣщаніе было принято болѣе чѣмъ равнодушно третьимъ сословіемъ; ни городское, ни сельское населенія не приняли участія въ выборахъ, потому что не имѣли болѣе политической вѣры ни въ нихъ, ни въ самое собраніе, въ которомъ на одинъ ихъ голосъ было два голоса привилегированныхъ сословій и рѣшились лучше отдать судьбу свою въ руки магистратовъ.

Послѣдніе тотчасъ признали верховную власть парламента. Магистратъ парижскій со всѣми своими отдѣленіями принялъ на себя исполнительную власть и овладѣлъ Бастиліей.

Днемъ гордости для парижскаго населенія и парламента былъ тотъ день, въ который принцъ крови, Конти, пришелъ стать подъ ихъ знамена, чтобы защищать общее дѣло, въ который лучшіе генералы принесли присягу фрондѣ, а великолѣпныя, блистающія красотой и происхожденіемъ дамы поселились въ Hôtel de Ville, какъ заложницы вѣрности своихъ мужей. Но это было и днемъ ошибки. Парламентъ потерялъ свое собственное достоинство, когда приняли участіе въ фрондѣ интересы и духъ партіи мятежныхъ придворныхъ. Сень-жерменскій миръ заключилъ первую половину эпохи фронды, въ продолженіи которой побужденія ея клонились къ введенію постоянныхъ законовъ и къ уничтоженію личнаго произвола. Послѣднимъ актомъ ея уступлено парламенту право вмѣшательства въ государственныя дѣла, въ особенности относительно налоговъ и податей. Но это не принесло ожидаемыхъ плодовъ, а родило новые безпорядки, потому что парламентъ не имѣлъ силы привести въ исполненіе сдѣланныхъ ему уступокъ, и невольно обратился въ орудіе своихъ придворныхъ союзниковъ. Вопросы народныя уступили мѣсто личнымъ интересамъ, патриотизмъ — узкому эгоизму. Знаменитые люди, какъ Тюреннъ и Конде, играли своею честью, какъ и честью страны, мѣняя партіи и призывая чужеземныя войска во Францію. Это былъ трехлѣтній хаосъ страстей и мнѣній, окончившійся избитіемъ высшей буржуазіи людьми, подкупленными принцами. Принципъ неограниченной монархіи былъ восстановленъ и дѣло Ришелье, шатавшееся въ рукахъ Мазарини, могло теперь спокойно перейти въ руки короля. Со дня смерти Генриха IV до дня, въ который Лудовикъ XIV объявилъ, что будетъ царствовать безъ полномочнаго министра, прошло полвѣка. Въ это время политическое воспитаніе Франціи не подвинулось впередъ, но умственная жизнь сдѣлала огромные успѣхи. Ее руководили Декартъ, Корнель и Паскаль. Развитіе философіи, литературы и искусствъ имѣли непосредственное вліяніе на измѣненіе нравовъ. Образован-

ные люди, какого бы они ни были происхожденія, получили доступъ въ верхніе слои общества и перестали играть въ нихъ, ромъ слугъ, покровительствуемыхъ вельможами. Предметы разговоровъ въ гостинныхъ стали болѣе серьезнаго содержанія и такимъ образомъ явилось новое средство для распространенія мысли, столько же могущественное какъ и книги. Однимъ словомъ буржуазія получила и въ свѣтскомъ мірѣ такое же вліяніе какъ и въ правительственныхъ дѣлахъ. Изъ нея же вышли политическія волненія во времена фронды и движенія религиозныя, высказавшіяся въ яansenизмъ. Последнее ученіе, поддерживаемое лучшими умами того времени, играетъ не маловажную роль въ исторіи третьяго сословія. Въ союзѣ съ парламентской оппозиціей оно усиливало и поддерживало ее до половины XVIII столѣтія, пока, подкопанное философскимъ анализомъ, само не погибло въ революціи 1789 года.

Царствованіе Лудовика XIV есть последнее слово, послѣднее слѣдствіе долгихъ, систематическихъ усилій королевской монархіи—привести все къ единству власти и административныхъ формъ. Дѣло, начатое Лудовикомъ Святымъ и Филипомъ—Августомъ, было закончено и мы видѣли, какимъ путемъ оно шло и что приобрѣтало въ каждомъ вѣкѣ, черпая изъ народа необходимые ему элементы. Такимъ образомъ выросъ принципъ неограниченной королевской власти, этотъ символъ французскаго единства, олицетвореніе государства въ лицѣ короля. Передъ нимъ падаетъ всякая индивидуальная свобода; подъ нимъ замираетъ средневѣковое преданіе, а съ нимъ и муниципальная независимость.

Такова была власть, принятая, послѣ 38-лѣтняго управленія двухъ министровъ, молодымъ королемъ, до того времени неприимавшимъ никакого участія въ дѣлахъ управленія. «Я рѣшился на будущее время быть своимъ первымъ министромъ, сказалъ король въ совѣтъ.... Вы будете мнѣ содѣйствовать своими совѣтами, когда я обращусь къ вамъ за ними.... Я прошу господина канцлера и повелѣваю ему ничего не скрѣплять печатью безъ моего приказанія, а вамъ,

господа государственные секретари, и моему министру финансовъ я повелѣваю ничего не подписывать безъ моего разрѣшенія». Это значило работать и работать ежедневно. Король сдержалъ свое слово, и это, быть можетъ, самая лучшая черта его царствованія.

Лудовикъ XIV любилъ трудъ и желалъ изучить сложный механизмъ государственнаго управленія до мельчайшихъ подробностей, но ему недоставало ни воли, ни самостоятельнаго взгляда, ни энергіи, ни добросовѣстности. Принявъ разъ въ основаніе принципъ, что собственное его благополучіе и благоденствіе государства тождественны, онъ смѣшивалъ себя съ государствомъ (*L'état c'est moi*). Такимъ образомъ часто голосъ страстей своихъ онъ принималъ за голосъ долга; въ интересахъ своего семейства видѣлъ интересы страны, силы которой онъ приносилъ въ жертву своему безграничному честолюбію, страстной привязанности къ блеску, къ славѣ. Продолжительное его царствованіе представляетъ великолѣпную декорацію, за которой скрывается отвратительная бѣдность страны, насиліе и огромный долгъ, оставленный его потомкамъ. Поэтому царствованіе его представляетъ странные контрасты, непонятную игру иллюзій и мистификацій.

Первая половина дѣятельности Лудовика XIV отмѣчается именемъ Кольбера: онъ былъ душой внутренняго управленія, оживилъ его своимъ умомъ и замѣчательно-твердой волей. Какъ челоуѣкъ системы, и притомъ упornaго характера, онъ шелъ до послѣдней крайности и въ своихъ ошибкахъ и въ полезныхъ предиріятіяхъ. Мы опускаемъ здѣсь подробную характеристику Кольбера, уже извѣстную на страницахъ «Русскаго Слова». (1860. Февраль).

Но смерть этого министра, подконецъ стѣснявшаго необузданный произволъ короля, и отмѣна нантскаго эдикта составляютъ поворотъ къ новой эпохѣ царствованія Лудовика XIV. Разумѣется, что эта эпоха тѣсно связана съ первой, но въ ней личная воля короля играетъ главную роль и прежнія ошибки обращаются въ злодѣянія. Фанатизмъ выступаетъ на сцену. Руководствуясь не религіознымъ возрѣніемъ, а совѣтами ханжей и развратнаго двора, Лудовикъ

XIV открываетъ гоненіе противъ протестантовъ. Это были люди дѣятельные, честные, болѣе или менѣе образованные, промышленные и торговые ужъ потому, что служебныя мѣста имъ были менѣе доступны. Пока раздавался въ королевскомъ совѣтѣ голосъ Кольбера, защищавшаго терпимость, до тѣхъ поръ король отстаивалъ ихъ противъ католическаго духовенства. Но лишь только онъ почувствовалъ, что пересталъ быть руководимъ гениемъ Кольбера, тотчасъ же вздумалъ обратить отщепенцовъ въ лоно католичества, и какими мѣрами? — насиліемъ, окончившимся отмѣной свободы совѣсти и исповѣданій: 17 октября 1785 года есть одинъ изъ печальныхъ, черныхъ дней французской исторіи. Извѣстно, какой смертельный ударъ нанесла эта мѣра цивилизаціи и благоденствію страны: тысячи ремесленниковъ, изобрѣтателей, самыхъ полезныхъ и трезвыхъ, торговыхъ людей, моряковъ, капиталистовъ оставили Францію и унесли съ собою лучшую часть силъ въ чужія земли. И въ какое время это было сдѣлано? Послѣ почти вѣковой свободы и терпимости, которыя клятвенно подтвердили два предшествующіе короля, въ странѣ, гдѣ, казалось, прочно отдѣлено было дѣло церкви отъ дѣла государства. Религіозная свобода гугенотовъ и равенство ихъ гражданскихъ правъ съ католиками, были извѣстны только во Франціи. И въ ней же первой они такъ безумно были разрушены. На самовластный и безразсудный актъ короля историкъ смотритъ нетолько какъ на преступленіе противъ страны, но и какъ на громадную политическую ошибку. Оправданіемъ его не можетъ служить отсутствіе терпимости въ другихъ странахъ, потому что Франція не только признавала свободу совѣсти, но въ ней она существовала на дѣлѣ, какъ мы уже замѣтили, около вѣка. Нельзя защитити реакцію и съ католической точки зрѣнія; Ришелье и Мазарини умѣли бороться съ протестантской партіей слишкомъ тридцать лѣтъ, а король безъ сомнѣнія имѣлъ болѣе средствъ въ своемъ самодержавіи. Протестанты въ его время не составляли опасной партіи, католики не были настойчивѣе чѣмъ прежде, а король сдѣлался между тѣмъ безпощаднымъ гонителемъ и завѣщалъ Францію восемнадцатому вѣку съ цѣлымъ кодексомъ систематическаго преслѣдованія свободы совѣсти.

Такимъ образомъ царствованіе Лудовика XIV представляетъ апогею въ исторіи развитія монархіи. Власть его была поднята такъ высоко, что стала выше всякаго государственнаго принципа, разошлась съ его интересами и погубила страну на долгое время. Съ Лудовикомъ все измѣняется: народные интересы уступаютъ мѣсто личнымъ и семейнымъ выгодамъ, общественная польза обращается въ привилегію, сословія — въ касты и корпораціи.

Вотъ истинныя причины, объясняющія нарушеніе политическаго равновѣсія въ пользу французской гегемоніи, новое стремленіе ко всемірной монархіи, возобновленное послѣ попытокъ Карла V и Филиппа II, сумасбродныя предпріятія въ родѣ голландскихъ войнъ, интриги для полученія германской короны, покровительство Іакову II, принятіе испанскаго престола для принца, неотказавшагося отъ короны французской и проч. Тѣмъ не менѣ несостоятельность государственнаго принципа была очевидна. Когда царствованіе, начавшееся при такихъ счастливыхъ условіяхъ, обмануло общія ожиданія, когда увидѣли среди безплодныхъ побѣдъ все увеличивавшіяся народныя бѣдствія, когда государство было разорено, промышленность пала, торговля насякла, когда народъ обратился въ толпу нищихъ, горькое отвращеніе замѣнило энтузіазмъ къ королю, и недовѣріе выразилось въ безчисленныхъ, язвительныхъ жалобахъ современниковъ (*). Разумѣется, что тогдашнее общество не сознавало всей глубины и свойствъ кризиса, не подозрѣвало, что это только прелюдія къ будущему; тѣмъ не менѣ рѣзкое различіе между двумя эпохами царствованія Лудовика XIV представляетъ окончательный результатъ исторически проведеннаго принципа. Далеко онъ идти не могъ, потому что исчерпалъ все свое со-

(*) Фенелонъ въ письмахъ своихъ къ королю говоритъ: «народъ вашъ, котораго вы должны любить какъ отецъ и который до сихъ поръ любилъ васъ, умираетъ съ голоду. Земледѣліе оставлено; города и деревни обезлюдѣли; торговля уничтожена. Слѣдовательно вы уничтожили половину дѣйствительныхъ силъ вашего государства для призрачныхъ завоеваній. Самый народъ (надобно все высказать), такъ любившій васъ, такъ вѣрившій въ васъ, начинаетъ терять къ вамъ расположеніе, довѣріе, уваженіе даже. Всюду поднимается возмущеніе. Они думаютъ, что вы нисколько не сочувствуете ихъ бѣдствіямъ и любите только вашу власть и вашу славу.

держаніе. Но какъ моментъ смерти есть всегда моментъ новой жизни, то въ это же самое время родились другія, противоположныя стремленія, которыя болѣе или менѣе распространялись, охватили все общество, чтобы вести его къ другимъ, еще невѣдомымъ результатамъ.

Когда королевская власть во Франціи дошла до *plus ultra* своего абсолютизма, ей принесены были въ жертву всѣ древнія учрежденія, независимость сословій и мѣстностей, свобода провинцій и городовъ, могущество государственныхъ чиновъ и парламента и наконецъ всякое значеніе стиравшагося предъ ней народа. Она не оправдала надеждъ и ожиданій его и изъ цѣли обратилась въ средство для достиженія иныхъ результатовъ, стала звѣномъ, связывающимъ эпоху минувшую съ наступающей. Началась новая работа, цѣль которой уже не постройка новаго зданія изъ развалинъ стараго, не уничтоженіе также и народнаго единства, но закрѣпленіе его инымъ началомъ — личной, гражданской свободой. Это было дѣломъ того вѣка, начало котораго составляютъ послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV, а ближайшимъ осуществленіемъ было соединеніе всѣхъ сословій въ одно цѣлое въ верховномъ собраніи народныхъ представителей. На этой точкѣ останавливается исторія развитія третьяго сословія. Оно шло, какъ мы видѣли, рука объ руку съ монархической властью до тѣхъ поръ, пока эта власть не отдѣлилась окончательно отъ народной жизни. Тогда третье сословіе, замкнувшись въ касту, потеряло связь съ другими сословіями и, по закону враждебныхъ политическихъ силъ, наконецъ явилось притѣснителемъ того же самаго народа, изъ среды котораго вышло. Собраніе государственныхъ чиновъ, окончившееся революціей 1789 года, поглотило въ себѣ частные интересы третьяго сословія, потому что принципами этого собранія является раціональное право. Историческія преданія были отодвинуты на второй планъ; выводы логическіе отнимали всякое достоинство у историческихъ и подкапывали уваженіе къ нимъ. Быть можетъ, это была ошибка, но тѣмъ

не менѣ она увлекла всѣхъ и все. Да и что было беречь изъ принятаго наслѣдства? Всякое право носило на себѣ печать привилегіи; соединеніе всѣхъ ихъ въ настоящей гражданской свободѣ могло быть предметомъ желаній двухъ первыхъ сословій, но не третьяго. Понятно, что послѣднее отказалось отъ прошедшаго и всего ожидало отъ будущаго. И это движеніе, въ критическую эпоху общаго разгрома, еще не имѣло характера ревнивыхъ стремленій къ выгодамъ исключительнымъ; третье сословіе, увидѣвъ себя однимъ передъ лицомъ страшной реформы, опять обратилось къ классамъ, осужденнымъ на вѣчную работу, для доставленія благосостоянія нѣсколькимъ, избраннымъ. Мы встрѣчаемъ даже между дворянствомъ и духовенствомъ личности, стоящія за этотъ несчастный народъ и за его освобожденіе и въ ихъ стремленіяхъ видны уже зачатки новаго соціального порядка и характеръ будущаго переворота. Даже при дворѣ короля, вокругъ его внука, мы встрѣчаемъ людей, проникнутыхъ симпатіей къ народнымъ страданіямъ. Король былъ одинъ среди націи, ему подвластной; онъ далеко не былъ выраженіемъ государства. Онъ готовъ былъ снова возвратиться къ феодальному преданію, чтобъ найти въ немъ опору; но, къ счастью, исторія не привыкла ни повторять себя, ни отступать назадъ, вмѣсто того, чтобы двигаться впередъ.

Съ смертью дофина погибла и послѣдняя надежда на новое и лучшее царствованіе. Лудовику XIV не были извѣстны планы сына. Онъ радовался талантамъ и прекраснымъ душевнымъ свойствамъ принца, а объ остальномъ онъ не заботился столько же по безпечности, сколько и по деспотизму. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ безукоризненность началъ, завѣщанныхъ ему предками и въ ихъ могущество. Среди праздниковъ онъ по-своему все сравнивалъ и открывалъ новыя стези произволу верховной власти.

По смерти Лудовика XIV, повидимому, отдѣльныя сословія должны были сблизиться и слиться въ одномъ политическомъ ничтожествѣ; но какъ скоро монархія отпустила немного свои бразды, третье сословіе возвысилось. Муниципальное право уцѣлѣло почти нетронутымъ: правда, къ нему былъ приставленъ самый бдительный надзоръ королев-

скихъ чиновниковъ, но свободный принципъ его, основанный на избраніи, остался неприкосновеннымъ. Въ такомъ видѣ муниципальное право сохранилось до Лудовика XIV. Онъ первый нанесъ ему чувствительный ударъ, захвативъ въ свои руки магистратуру, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, обративъ ихъ должности въ наследственные и продажныя тѣмъ частнымъ лицамъ, которые могли дать дороже. И это распоряженіе, подобно другимъ, было вызвано финансовой эксплуатаціей со стороны королевской власти. Поэтому городское управленіе представляло странное смѣшеніе и несообразныя противоположности. Многіе города, которые были въ состояніи выкупить свои преимущества, удержали право выборовъ, другіе имѣли управленіе наследственное, въ третьихъ одни должности были избирательныя, другія наследственныя. Эти безпорядки и противорѣчія были вопіющимъ протестомъ противъ правительственнаго произвола. Въ 1716 г. регентъ, управлявшій страной во имя малолѣтняго Лудовика XV, возстановилъ воѣ муниципальныя права и городское управленіе въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до 1690, не обращая вниманія, были ли они выкуплены или нѣтъ. Мѣра эта, какъ бы оправдывавшая общія жалобы на сдѣланную городамъ несправедливость, казалось, упрочивала ихъ свободу на будущее время. Но это была только иллюзія. Правительство не забыло, что его финансовая операція удалась вполне, что города охотно выкупили свои дорогія права и не поднимали знамя возстанія. А потому, не болѣе какъ черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи городамъ ихъ свободы, ее снова у нихъ отняли. Новый королевскій указъ говорилъ: «Необходимость заботиться о правильномъ вносѣ недоимокъ и о потушеніи государственнаго долга вынуждаетъ насъ прискаты для того приличныя мѣры и мы находимъ самое вѣрное и менѣе тяжелое для народа средство въ возстановленіи различныхъ должностей, упраздненныхъ при нашемъ вступленіи на престолѣ». По крайней мѣрѣ правительство было на этотъ разъ чистосердечно, говорило прямо, что это чисто финансовая спекуляція. Тѣмъ не менѣе опредѣлена была на будущее время судьба этихъ конфискацій: онѣ стали послѣднимъ средствомъ до-

быть деньги въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Продажа должностей и возвращеніе ихъ сдѣлались какъ бы игрушкой правительства, которое страдало введеніемъ наслѣдственныхъ должностей и брало выкупъ, вводило ихъ, несмотря на свои обѣщанія о ихъ неприкосновенности и все-таки брало деньги, наконецъ давало свободу и снова продавало ее. До самой революціи не проходило и шестнадцати лѣтъ, чтобы съ городовъ не брали выкупа за свободу. Всѣ выборы производились, имѣя уже купленные у правительства бланки на занятіе каждой должности. Древнее муниципальное право, какъ ни дорожили имъ города, перестало быть живой струей, изъ которой выходило развитіе третьяго сословія и всего народа.

Съ древнихъ временъ оно было колыбелью политическаго значенія низшихъ сословій, но въ настоящую эпоху роль его кончилась, значеніе было утрачено. Всѣ усилія городовъ выкупать свое право цѣною огромныхъ пожертвованій не приносили никакой видимой пользы, и жалобы, раздававшіяся противъ нарушенія муниципальной свободы, показывали оскорбленное чувство гражданъ и ихъ любовь къ городскимъ льготамъ, считавшимся народной святыней.

Но если муниципальное право не могло оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему Людовикомъ XIV, то этого не могло случиться съ великимъ судебнымъ учрежденіемъ, въ которомъ наиболѣе выразился духъ третьяго сословія. Парламентъ, рѣдко остановленный королемъ, когда онъ заявилъ политическія требованія, поддался только на-время и послѣ смерти короля возсталъ еще съ большей противъ прежняго энергіей. Могущество свое черпалъ онъ какъ изъ преданій своей исторической жизни, такъ и изъ стремленій демократическихъ. На основаніи первыхъ онъ поддерживалъ свои корпоративные и семейные интересы вслѣдствіе наслѣдственности должностей; на основаніи вторыхъ онъ не переставалъ выказывать симпатію къ сословію, изъ котораго вышелъ. Последнимъ объясняется любовь къ нему народа за его служеніе общему дѣлу, гражданскому равенству и національной независимости. Онъ присвоилъ себѣ мало-по-малу право считать себя народнымъ покровителемъ и защит-

никомъ, посредникомъ между королемъ и страной, между престоломъ и церковью, хранителемъ законовъ. Его стремленія, сдержанныя министерствомъ Ришелье, еще рѣзче и шире выказались, какъ мы видѣли, во времена фронды. Объявивъ вначалѣ свое мнѣніе, что оно въ маломъ видѣ есть постоянное собраніе государственныхъ чиновъ, когда послѣднее потеряло довѣріе народа, онъ сталъ считать себя выше собранія, какъ намъ ни покажется парадоксальнымъ съ виду такое стремленіе.

Смуты во время молодости Лудовика XIV, одѣлавшія на него неизгладимое впечатлѣніе, возбудили въ немъ ненависть къ парламенту за его оппозицію. Въ 1655 году, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ, и когда онъ не принималъ еще правленія въ свои руки, онъ узналъ въ Венсенѣ о преніяхъ въ парламентѣ по случаю его указа о монетѣ. Министръ предполагалъ, что такъ какъ учрежденъ особенный совѣтъ о монетномъ дѣлѣ, то королевскій указъ не подлежитъ обсужденію парламента. Лудовикъ сѣлъ на коня, прибылъ въ Парижъ, вошелъ въ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукахъ въ собраніе и обратился къ президенту такъ: «Всѣмъ извѣстны бѣдствія, причина которыхъ ваши засѣданія; я повелѣваю прекратить тѣ, которыя начались по случаю моихъ указовъ. Господинъ президентъ, я запрещаю ихъ, а вамъ, сказалъ онъ, обратившись къ совѣтникамъ, я запрещаю требовать ихъ». Поступокъ этотъ въ высшей степени характеризуетъ короля. Когда онъ принялъ въ свои руки власть, то на парламентъ тотчасъ посыпались удары, если не такіе рѣзкіе и суровые, то болѣе положительные и прочные. Прежде всего Лудовикъ перемѣнилъ его названіе «верховнаго совѣта» на «высшій совѣтъ», потомъ отнялъ у него право дѣлать представленія прежде внесенія въ журналъ. Это значило отнять у него всякую политическую роль и обратить его просто въ высшее судебное учрежденіе. Парламентъ протестовалъ:—это былъ послѣдній крикъ умиравшей свободы. Въ продолженіи остальныхъ сорока двухъ лѣтъ царствованія не было и тѣни оппозиціи парламента; всѣ указы вносились въ журналы безусловно, а слѣдовательно и приводились въ исполненіе безотлагательно и

безъ всякихъ преній. Но это молчаніе не означало политической смерти парламента: на другой день по смерти короля онъ схватилъ свое прежнее значеніе и добылъ потерянную свободу. Онъ уничтожилъ завѣщаніе короля, какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ уничтожилъ завѣщаніе его отца, принялъ снова и сохранилъ съ тѣхъ поръ свое почетное названіе верховнаго совѣта, которое, казалось, давало ему право участвовать въ дѣлахъ королевскій власти. Вмѣшательство его въ государственныя дѣла никогда не было такъ часто и опозиція такъ упорна. Могущество его, основанное на сочувствіи къ нему общественнаго мнѣнія, усиливалось по мѣрѣ того, какъ королевская власть слабѣла. Парламентъ остался единственнымъ уцѣлѣвшимъ съ древнихъ временъ учрежденіемъ. Онъ не потерялъ ни силы, ни народной любви и составлялъ естественное законное звено, связывавшее эпоху неограниченной монархіи съ эпохою собраній государственныхъ чиновъ, призванныхъ имъ въ послѣдній разъ предъ открытіемъ революціи, въ которой самъ онъ распустился.

Изъ представленнаго очерка исторической судьбы третьяго сословія до такъ-называемой первой французской революціи можно видѣть, что главныя основы и фазы развитія его заключаются въ слѣдующемъ: третье сословіе выросло изъ сѣмянъ германскаго происхожденія, развившихся на почвѣ римской; прежде оно составляло весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій; въ борьбѣ съ феодальными учрежденіями оно искало опоры въ королевской власти и болѣе всего способствовало развитію ея въ новѣйшую монархію; оно почти постоянно шло въ тѣсномъ союзѣ съ ней, потому что въ ней одной видѣло возможность достигнуть до исполненія самыхъ пламенныхъ своихъ стремленій. Стремленія эти заключались: въ общемъ единствѣ или равенствѣ гражданскихъ правъ, для полученія котораго оно жертвуетъ даже личной политической свободой, въ единствѣ административномъ, стиравшемъ всѣ мѣстныя областныя отличія, въ единствѣ религіозномъ, и наконецъ въ политической независимости какъ церкви, такъ и государства; однимъ

словомъ, во всемъ томъ, что разумѣется въ настоящее время подъ именемъ централизаціи. Олицетвореніе этихъ стремленій, осуществленіе шестивѣковой работы происходитъ въ царствованіе Людовика XIV.

И вдругъ все это рушится: цѣль народной жизни и общественныхъ стремленій оказывается несостоятельной; найденная форма не имѣетъ содержанія, задача далеко не разрѣшена, вѣрованія подкочаны и убиты. Что же это было? Историческій капризъ, неизвѣдый повидимому никакого рациональнаго основанія? Шестивѣковая историческая ошибка народа? Ни то, ни другое, это была общая и непрѣмная судьба народа, который строилъ свое зданіе сверху, не положивъ подъ него твердаго основанія, И народъ, къ сожалѣнію поздно, увидѣлъ, что дальнѣйшая судьба его вовсе не связана такъ тѣсно съ его политическими вѣрованіями, какъ онъ воображалъ. И какъ всегда бываетъ, онъ ударился въ противоположную крайность—онъ отрицалъ совершенно тотъ принципъ, надъ которымъ самъ же работалъ нѣсколько вѣковъ; онъ положилъ другой въ основу своего будущаго развитія, наполнившій собой всѣ послѣдующія стремленія къ общественному пересозданію; это принципъ самоуправленія въ обширномъ значеніи этого слова. И эти крайнія убѣжденія, последнее слово всякой исторической жизни, несмотря на свою непріимчивость, понятны, объясняются логически, особенно, если принять во вниманіе характеръ самаго народа. Но почему же новымъ идеямъ тотчасъ же не занять должнаго имъ мѣста въ политическомъ устройствѣ общества? что мѣшаетъ, или что можетъ мѣшать ихъ осуществленію? Неужели не покончена еще борьба съ феодальными предрасудками. Вотъ тутъ-то и встрѣчаемся мы лицомъ къ лицу съ тѣми ошибочными, эгоистическими стремленіями третьяго сословія, исказившими главный характеръ его, бывшій единственной причиной его успѣховъ, значенія, могущества, власти. Эта ошибка есть разъединеніе третьяго сословія, распаденіе его на касты, которыя заняли такое же положеніе въ обществѣ, какъ касты феодальнаго періода. Если окончательно было убито, уничтожено древнее французское дворянство, съ его исключительными политическими пра-

вами, то на его развалинахъ выросло дворянство третьяго сословія, такъ—называемая буржуазія, и, занявъ его мѣсто, приняла его недостатки и страстное желаніе исключительной власти. Если она не усвоила отъ него той же замкнутости, недоступности въ свой кругъ, если удержала прежнюю отличительную черту свою,—допущеніе въ ряды свои всѣхъ, успѣвшихъ приобрѣсть свободу и власть, то тѣмъ не менѣе свобода и власть получались не на прежнемъ основаніи: значеніе, права, власть покупались за деньги; прежнее стремленіе всего народа къ участію въ общественныхъ дѣлахъ исказилось, явились стѣсненія экономическія, ценсъ, явилось завистливое желаніе людей капитала и административнаго значенія удержатъ власть исключительно за собой. Вопросъ гражданскій обратился въ экономическій и соціальный.

П. БИБИКОВЪ.

ЭЛЕГИЯ.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокия страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ:
За страсть вполнѣ я награжденъ;
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ;
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной,
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ ночью хладной
Полузавялый василекъ.

К. Р—ВЪ.

ДѢДЫ. (*)

ПОЭМА А. МИЦКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Jch hob alle mürbe Leichenschleier auf, die in Särgen lagen—ich entfernte den erhabenen Trost der Ergebung, bloss um mir immerfort zu sagen: «ach! so war es ja nicht!—Tausend Freuden sind auf ewig nachgeworfen in Gräfte und stehest allein hier und überrechnest sie!» Dürftiger! Dürftiger! schlage nicht das ganze zerrissene Buch der Vergangenheit auf.... Bist du noch nicht traurig genug?

Jean Paul.

Жилище священника. Накрытый столъ. Только-что оконченъ ужинъ. — Священникъ. Пустынный. Дѣти. — Дѣтъ свѣчи на столѣ. Лампада передъ образомъ Пресвятой Дѣвы. Стѣнные часы.

Священникъ.

Нашъ ужинъ оконченъ ужъ, дѣти.
Теперь, передъ ликомъ святымъ,
За хлѣбъ нашъ насущный на свѣтѣ
Молитвой Творцу воздадимъ.

Сегодня въ церквахъ возсылаютъ моленья
За души усопшихъ отцовъ и друзей,
Которые — съ жизнью разставшись своей —
Въ чистилищѣ терпятъ мученья.

(*) Вторая часть этой поэмы была напечатана въ Русскомъ Словѣ, 1860 г., № 10.

(раскрывая книгу)

Вотъ здѣсь поученье, приличное намъ;
За братій помолимся Богу.

Дѣти (читаютъ)

Во время.....

Священникъ.

Стучатся! кто тамъ?

(входитъ пустынный, странно одѣтый)

Дѣти.

О, Господи!

Священникъ.

Кто тамъ стоитъ у порогу?

(съ замѣшательствомъ)

Кто ты? и зачѣмъ ты явился сюда?

Дѣти.

Мертвецъ это! упырь!..... бѣда!
Во имя Отца, пропади, удалися!

Священникъ.

Но кто ты, скажи наконецъ!

Пустынный (медленно и печально)

Мертвецъ я..... да, дѣти! вы правы: мертвецъ.

Дѣти.

Ахъ, папа! мертвецъ тебя съѣстъ! берегися!

Пустынный.

Я умеръ..... о нѣтъ!

Я только умершій для свѣта:

Я бѣдный пустынный, покинувшій свѣтъ.....

Понятно вамъ это?

Священникъ.

Откуда идешь ты ночью порой,

И кто ты такой?

Открой свое имя, скажи же.....

И странно: когда посмотрю я поближе, —

Мнѣ кажется, будто тебя я видалъ.

Скажи, изъ какого ты дома и рода?

Пустынный.

О да! я бывалъ здѣсь, когда-то бывалъ!
Давно..... передъ смертью.....тому ужъ три года.....

На что тебѣ имя и родъ?

Видалъ ты, какъ нищій за гробомъ идетъ;
«Кто умеръ?» у нищаго спросить прохожій.....

(голосомъ нищаго)

«Что въ имени? лучше молитву прочти!»

Для свѣта вѣдь умѣрь я тоже:

Что въ имени? лучше молитву прочти!

А имя..... *(смотритъ на часы)*

Нѣтъ, рано..... открыть не могу я.

Теперь издалека иду я,

Откуда—и самъ не могу я сказать:

Быть можетъ—изъ ада, быть можетъ—изъ раю,

А путь мой—туда же, къ тому же все краю.....

Не можешь ли ты этотъ путь указать?

Священникъ (съ добродушной улыбкой)

Но мнѣ неприлично, служителю Бога,

Показывать къ смерти пути;

(съ твердостью)

Мы только блуждающихъ ложной дорогой

Желаемъ на истинный путь навести.

Пустынный (печально)

Иные блуждаютъ весь вѣкъ безпріютно,

А ты здѣсь живешь въ своей хатѣ уютной;

И что тамъ на свѣтѣ — гроза ли войны,

Придутъ ли на царствѣ невзгоды,

Влюбленный ли гибнетъ, иль стонуть народы, —

Ни что не нарушить твоей тишины.

Сидишь ты съ дѣтьми у камина безопасно;

А я въ непогоду, во мракѣ ночномъ,

Брожу безъ пристанища вѣчно.....

Чу! слышишь ты бурю и громъ?

И молнія—видишь—блеститъ поминутно!

(оглядываясь).

О! счастливъ ты здѣсь, въ своей хатѣ уютной!

*

(поеть)

«Кто любви не знаетъ, тотъ живетъ счастливо: (*)
 «Дни его спокойны, ночи не тоскливы,
 «Въ мирномъ уголкѣ.

«Ко мнѣ, другъ желанный, изъ пышной палаты (**)
 «Въ убогую хату сойди.
 «Цвѣты полевые найдешь у меня ты
 «И пылкое сердце въ груди.

«Насъ птички привѣтствуютъ пѣсней живою,
 «Журчить серебристый потокъ;
 «Два любящихъ сердца подъ хатой простою
 «Пріютный найдутъ уголокъ.»

Священникъ.

Когда ты такъ хвалишь мой домъ и каминъ,
 Взгляни—вотъ служанка огонь разложила:
 Садись и погрѣйся, мой сынъ.
 Ночная дорога тебя утомила, —
 Ты здѣсь у огня отдохнешь.

Пустышникъ.

Погрѣйся..... да, правда! совѣтъ твой хорошъ.

(поеть, показывая на грудь)

«О, какой здѣсь жаръ ужасный
 «Въ зимній холодъ, въ день ненастный
 «Все пылаетъ ежчасно!
 «Я хватаю снѣгу, льду
 «И на грудь себѣ кладу:
 «Снѣгъ растаетъ, ледъ растаетъ,
 «А въ груди несносный жаръ
 «Все попрежнему пылаетъ,
 «Изъ груди клубится парь!
 «Растопилъ бы этотъ пламень
 «И металлъ, и твердый камень.
 «Онъ сильнѣй того огня, (показываетъ на каминъ)
 «Онъ сильнѣе жжетъ меня.....

(*) Народная пѣсня.

(**) Изъ Шиллера.

«Снѣгъ растаетъ, ледъ растаетъ,
«Изъ груди клубится паръ,
«А въ груди все жаръ пылаетъ!

Священникъ (въ сторону)

Меня онъ не слышитъ, онъ все о своемъ.

(пустыннику)

Однакожь ты страшно измокъ подъ дождемъ,
Какъ листъ ты трясешься, озябшій, усталый:
Ктобъ ни былъ,—навѣрно, прошелъ ты не мало.

Пустынникъ.

Кто я?..... еще рано..... пора не настала.....
Откуда иду я,—не знаю я самъ:
Быть можетъ—изъ ада, быть можетъ—изъ раю,
А путь мой—туда же, къ тому же все краю.....
Послушай, какой я совѣтъ тебѣ дамъ.

Священникъ (въ сторону)

Что дѣлать съ нимъ, право не знаю.

Пустынникъ.

Послушай, скажи мнѣ—какимъ бы путемъ
Скорѣе добраться къ могилѣ?

Священникъ.

Я все бы радъ сдѣлать, что въ силѣ,
Но въ вѣкъ цвѣтушемъ твоемъ
Путь длиненъ и длиненъ къ могилѣ.

Пустынникъ (въ помѣшательствѣ и грустно, про себя)

Ахъ, быстро прошелъ я тѣмъ длиннымъ путемъ!

Священникъ.

Зачѣмъ ты такой утомленный, унылый.
Тебѣ закусить принесу я сейчасъ,
Сядись, подкрѣпи свои силы.

Пустынникъ (въ помѣшательствѣ)

А послѣ пойдемъ до могилы?

Священникъ (съ улыбкой)

Но надобно взять на дорогу запасъ,
Не правда ли?

Пустынникъ (разсѣянно)

Правда.

Священникъ.

Ну, дѣти, смотрите:

Пойду я,—здѣсь странникъ у насъ,—
Его разговоромъ займите. *(уходитъ)*

Дѣти (осматривая пустытника)

Скажи намъ, зачѣмъ ты такъ странно одѣтъ?

Какъ будто страшилище, будто бродяга:

Изъ разныхъ лоскутьевъ серяга,
Заплатки, заплатки, и счету имъ нѣтъ,
Кругомъ головы все трава и листочки.....

(зампачаетъ кинжалъ; пустыникъ прячетъ его)

Зачѣмъ у тебя этотъ ножъ?

И четки, и лентъ разноцвѣтныхъ кусочки.....

Ну, право, на призракъ ты очень похожъ.

(дѣти хохочутъ)

Пустыникъ (вскакиваетъ, и какъ бы припоминая)

Грѣшно вамъ смѣяться надъ страждущимъ, дѣти!

Послушайте: зналъ одну женщину я;

Ей выпало то же несчастье на свѣтѣ,

Такая жъ судьба, какъ моя,

Лохмотья и листья такіе жъ, какъ эти;

Когда по селу она шла, торопясь,

Навстрѣчу ей всѣ выбѣгали,

Дразнили ее и кричали,

И пальцемъ указывалъ каждый, смѣясь.

Я разъ только, разъ подшутилъ надъ убогой.....

Кто знаетъ..... быть можетъ, за это одно.....

О, праведенъ судъ всемогущаго Бога!

И могъ ли я думать, что мнѣ суждено

Въ такія жъ одѣться заплаты!

А былъ я такъ счастливъ, такъ счастливъ

когда-то!

(поетъ)

«Кто любви не знаетъ, тотъ живетъ счастливо:

«Дни его спокойны, ночи не тоскливы.

(священникъ приноситъ кушанье и вино)

Шустыинникъ (съ кривою веселостью)

А любишь ты грустныя пѣсни подь-часъ?

Священникъ.

Случалось мнѣ слышать ихъ много.

Но что жъ! не теряй лишь надежды на Бога, —
За горемъ пошлетъ онъ и радость для насъ.

Шустыинникъ (поетъ)

«Трудно къ ней пріѣхать, (*)

«Тяжело уѣхать.

Вотъ пѣсня простая, но смыслъ въ ней хорошъ.

Священникъ.

Теперь не до пѣсень,—закусимъ скорѣе.

Шустыинникъ.

Да, пѣсня простая! въ романахъ найдешь

И лучше ея и нѣжнѣе.

(съ улыбкой, перебирая книги въ шкафу)

Отецъ мой, ты жизнь Элоизы читалъ?

Слышалъ ты, какъ Вертеръ любилъ и страдалъ?

(поетъ)

«Столько слезъ и мученья (**)

«Здѣсь испытано мной,

«Что я жду утѣшенья

«Лишь отъ смерти одной.

«Если робкой любовью

«Я тебя оскорбилъ,

«Я бы собственной кровью

«Ту обиду омылъ! (обнажаетъ кинжалъ)

Священникъ (удерживая его)

Опомнись! что хочешь ты дѣлать, мой другъ!

Схватите! кинжалъ отнимите изъ рукъ!....

Несчастный! безумною страстью

Твой умъ омраченъ!

Вѣдь ты христіанинъ,—ты знаешь законъ?

(*) Народная пѣсня.

(**) Изъ Гёте.

Пустынный.

Ты знаешь несчастье?

(прицѣтъ книжалъ)

Но такъ! роковая пора на землѣ

Еще не совсѣмъ для меня наступила:

(смотритъ на часы)

Сейчасъ только девять пробило

И три еще свѣчки горятъ на столѣ.

(поетъ)

«Столько слезъ и мученья

«Здѣсь испытано мной,

«Что я жду утѣшенья

«Лишь отъ смерти одной.

—

«Если робкой любовью

«Я тебя оскорбилъ,

«Я бы собственной кровью

«Ту обиду омылъ.

—

«И зачѣмъ такъ прекрасна,

«Такъ мила ты собой!

«И зачѣмъ взоръ твой ясный

«Повстрѣчался со мной!

—

«Лишь *тебя*, другъ сердечный,

«Я избралъ..... но съ другимъ

«Въ свѣтѣ скована вѣчно

«Ты кольцомъ роковымъ!

—

Читалъ ли ты Гёте?.... Какъ пѣла она

Тѣ пѣсни подь звукъ фортепяно!

Но ты..... лишь обѣтамъ священнаго сана

Вся дума твоя отдана; *(перебиралъ книги)*

Однакожь ты свѣтскія любишь творенья.....

(бросаетъ книгу)

Ахъ, это злодѣйскія книги! онѣ,

Онѣ, моей юности рай и мученье,

Свихнули мнѣ крылья, свихнули ихъ мнѣ.....

И я,—я не могъ ужъ спуститься мечтою

Къ юдоли земной съ высоты;
 Безумецъ,—влюбился я пылкой душою
 Въ созданье своей же мечты,
 И я отвернулся съ досадою тревожной
 Отъ жалкихъ твореній природы ничтожной,
 Отъ всѣхъ этихъ дрязговъ земной суеты.
 Безумное сердце искало созданья,
 Какого не сыщешь на лонѣ земли,
 Какое въ заоблачномъ мірѣ мечтанья
 Создать только пылкія грезы могли
 Со всей полнотою обаянья.

Но въ вѣкъ нашъ холодный, пустой
 Исчезли давно идеалы земные, —
 И я настоящее прѣзрѣлъ душой
 И думой унесся въ вѣка золотые,
 Въ мечтательномъ небѣ поэтовъ виталъ.....

Напрасно! и тамъ не видалъ
 Я цѣли кипучихъ надеждъ и стремленій.....
 И я ужъ готовъ былъ упасть,
 Готовъ былъ предаться во власть
 Порочныхъ земныхъ наслажденій.....
 Еще разъ взглянулъ я съ тоскою вокругъ,
 И что же увидѣлъ я вдругъ?
 Увидѣлъ *ее* предъ собою,
 Увидѣлъ *ее*.... чтобъ утратить опять!

Священникъ.

Несчастный! мнѣ жаль тебя всею душою!
 Но впрочемъ не надо надежды терять.....
 Скажи мнѣ, давно ли ты болѣвъ?

Пустынникъ.

Я болѣвъ?!

Священникъ.

Давно-ли *ее* потерялъ?

Пустынникъ.

Давно ли?..... но слово я далъ, —
 Сказать я не воленъ;
 Пусть скажетъ тебѣ кто иной.....
 Да! здѣсь мой товарищъ со мной,
 Такой же скиталецъ, какъ я, безпріютный.
 (*осматривается*)

Здѣсь такъ хорошо, такъ уютно,
 А тамъ непогода и вѣтеръ ночной.
 Мой бѣдный товарищъ теперь у порога,
 Навѣрно, прозябъ и промокъ, —
 Насъ гонить обоихъ безжалостный рокъ.....
 Отецъ мой, прими его ради Бога.

Священникъ.

Мой домъ для убогихъ отворенъ всегда.

Пустынный.

Постой же, его приведу я сюда. *(уходитъ)*

Дѣти.

Какой онъ забавный: хлопочетъ и бьется,
 Толкуеть, — Богъ знаетъ о чемъ;
 Въ какомъ онъ нарядѣ смѣшномъ!

Священникъ.

Дѣти, кто надъ бѣднымъ смѣется,
 Тотъ самъ будетъ плакать потомъ.
 Онъ болѣнъ, несчастный; оставь свои шутки.

Дѣти.

Онъ болѣнъ! а съ виду совсѣмъ не больной.

Священникъ.

Онъ тѣломъ здоровъ, но страдаетъ душой.

Пустынный *(таща въѣвъ ели)*

Иди сюда, братъ!

Священникъ *(дѣтлѣ)*

Онъ не въ полномъ разсудкѣ.

Пустынный *(обращаясь къ ели)*

Хозяинъ здѣсь добрый, — не бойся, иди!

Дѣти.

Ахъ, что это? папа, гляди:

Онъ точно разбойникъ — съ глубиной предлинной.

Пустынный *(священнику, показывая въѣвъ)*

Пустынный товарища можетъ найти

Лишь въ дебри пустынной.....

Не правда ли, — много есть страннаго въ немъ?

Священникъ.

Но въ комъ же?

Пустынникъ.

Да въ другъ моемъ.

Священникъ.

Какъ? въ этой дубинѣ?

Пустынникъ.

Да, онъ неуклюжъ: онъ воспитанъ въ пустынѣ.....

Ну, кланяйся! *(подымаетъ ель)*

Дѣти.

Что ты! губитель, злодѣй!

Ахъ, папа! убьетъ онъ, — бѣги поскорѣй!

Пустынникъ.

Да, правда, о дѣти! онъ страшный губитель,
Но губить онъ только себя самого.

Священникъ.

Опомнись! къ чему эта ель, для чего?

Пустынникъ.

Ель!.... гдѣ же?.... о, мудрый учитель!

Ужели не можешь узнать ты? взглядишь:

Вѣдь это не ель, — кипарисъ.

То памятникъ нашей разлуки унылой,

Эмблема всей жизни моей.

(беретъ книгу)

Возьми эту книгу, и въ ней

Прочтешь ты, что въ древности было:

Два дерева Грекъ обожалъ;

Любовникъ, счастливый любовью отвѣтной,

Чело свое миртомъ вѣнчалъ.....

(помолчалъ)

А вотъ кипарисъ мой завѣтный!

Онъ сорванъ мнѣ ею и поданъ мнѣ ей,

Какъ памятникъ нашей печальной разлуки;

Я взялъ его, спряталъ, на память о ней.

Безчувственъ, но лучше лукавымъ людей:
Его не смѣшать мон слезы и муки,
Одинъ онъ остался отъ многихъ друзей!
Всѣ тайны мои, и любовь, и утрата
Извѣстны ему,—я открылся во всемъ.
И если ты хочешь развѣдать о томъ, —
Спроси его, этого друга и брата,
Спроси его, — я вась оставлю вдвоемъ.

(обращаясь къ вѣтви)

Скажи, какъ давно я лишился покоя, —
Давно ужъ, а все же забыть я не могъ.
Когда кипарисъ этотъ взялъ отъ нея я,
Онъ былъ лишь ничтожный — такой вотъ — листокъ;
Я взялъ, и его посадилъ я въ песокъ,
Его поливалъ я слезами моими, —
И вотъ; посмотри,—какъ онъ выросъ подъ ними,
Какъ густъ и высокъ!

Когда же мое прекратится мученье, —
Я скроюсь отъ грознаго неба очей
Въ могилѣ подъ тихую тѣню
Моихъ кипарисныхъ вѣтвей....

(съ грустной улыбкой)

Ахъ, точно такія же кудри у ней.....
Не хочешь ли видѣть? сейчасъ покажу я.
(мицетъ за пазухой)

Но только никакъ не могу я
Завязку—вотъ тутъ—отстегнуть.
(все больше и больше стараясь)

Нѣжна та завязка.....то локонъ дѣвицы.....
Но только его положилъ я на грудь, —
Меня обхватилъ онъ, какъ сѣть власяницы,
И въ грудь мнѣ вонзился и въ тѣло проникъ.....
Все глубже и глубже.....стѣсняеть дыханье.....

Охъ, тяжело страданье!
То правда и грѣхъ мой великъ!

Свѣщенникъ.

Мой сынъ, успокойся, прими утѣшенье!
Хоть, можетъ, велики твои прегрѣшенья;
Но вѣрь, за страданія здѣшнія—тамъ
Господь правосудный воздастъ по дѣламъ.

Шустыиницъ.

Но въ чемъ же, скажите, мои преступленья?
 Любовь? но ужели она
 Достойна тяжелыхъ мученій на вѣки?
 И эта свитая любовь въ человѣкѣ
 Вѣдь тѣмъ же Творцомъ зажжена,
 Кѣмъ прелесть земная на свѣтъ создана.
 Нетлѣнною цѣпью влеченья
 Онъ души родныя на вѣки сковалъ,
 И прежде, чѣмъ къ жизни воззвалъ онъ творенья,
 Онъ ихъ межъ собою связалъ.
 Когда разлучаетъ насъ злая судьбина, —
 Растянется цѣпь, но не рушится связь;
 Сердца наши, тщетно другъ къ другу стремясь,
 Хоть слиться не могутъ никакъ во-едино,
 Но скованы цѣпью одною вдвоемъ —
 Вращаются вѣчно единымъ путемъ.

Священникъ.

Когда васъ небесныя узы связали,
 То люди не могутъ разрознить сердецъ;
 Надѣйтесь: быть можетъ, и ваши печали
 Получать желанный конецъ.

Шустыиницъ.

Тамъ развѣ, гдѣ скинемъ земныя одежды,
 Сердца наши вмѣстѣ сольются опять;
 Но *здесь*, здѣсь погибли всѣ наши надежды,
 Другъ друга ужъ намъ не видать!
 (помолчавъ)
 Мигъ нашей разлуки, тотъ мигъ безотрадный
 Я въ мысляхъ своихъ сохранилъ:
 Настала ужъ осень.... былъ вечеръ прохладный.....
 И я..... накануне отъѣзда..... бродилъ
 По саду, задумчивъ, угрюмый,
 И тщетно искалъ я тревожною душой
 Оплота, который бы сердце прикрылъ,
 Чтобъ вынести послѣдній огонь ея взгляда.
 Глухими тропинками сада
 Безъ цѣли, безъ мысли брожу.....
 Ночь чудная.... точно теперь я гляжу:

Былъ дождь незадолго, земля освѣжилась,
 Листы серебрились росой,
 Долина туманомъ, какъ снѣгомъ, покрылась,
 На западѣ двигалась туча съ грозой,
 И мѣсяцъ выглядывалъ блѣдный съ востока,
 И звѣзды тонули въ лазури далекой.....
 Гляжу я—какъ разъ надо мной въ вышинѣ
 Мерцаетъ восточная звѣздочка мнѣ.....
 Съ тѣхъ поръ я ту звѣздочку помню и знаю,
 Ее я, что вечеръ, привѣтомъ встрѣчаю.....
 Взглянулъ я на землю, и вижу—она
 Стоитъ у бесѣдки въ аллеѣ,
 Какъ мраморъ могильный недвижна, блѣдна:
 Вся въ бѣломъ, межъ темныхъ деревьевъ бѣгая.....
 И вотъ, будто вѣтра дыханье, бѣжить,
 Бѣжить она.... въ землю глаза опустила....

Ко мнѣ не глядитъ.....

Лицо ея смертная блѣдность покрыла.....
 И я наклоняюсь, въ глаза ей смотрю,
 И вижу—въ глазахъ у ней слезка мелькнула.....
 Я завтра уѣду!—я ей говорю.....

«Прощай!» мнѣ чуть слышно шепнула,
 «Забудь!»..... Мнѣ забыть! о, легко приказать!
 Вели своей тѣни, чтобъ мигомъ пропала,
 Чтобъ вслѣдъ за тобой не бѣжала!

Легко приказать!

Забудь!! (поетъ)

«Перестань тосковать и грустить,
 «Намъ различная доля дана;
 «Вѣчно буду тебя..... (останавливается) вспоминать,
 (киваетъ головой)

«Но твоею я быть не властна!
 Итакъ—вспоминать только!.... завтра же въ путь!.....
 Беру ея ручки, кладу ихъ на грудь!

(поетъ)

«Другъ прекрасный, будто ангелъ рая, (*)
 «Между всѣми прелестью цвѣтеть;

(*) Изъ Шиллера.

«Взоръ небесный свѣтитъ солнцемъ мая,
«Отраженнымъ въ лонѣ чистыхъ водъ.

—
«Поцѣлуй—чувства упоенье,
«Будто пламя съ пламенемъ горитъ,
«Будто арфа съ арфой въ сладкомъ пѣньи
«Неземной гармоніей звучить.

—
«И сольется сердце съ сердцемъ неизмѣнно,
«И уста, дрожа, горять огнемъ,
«И въ потокѣ счастья для четы блаженной
«Тонуть небо и земля кругомъ.

—
Но нѣтъ! этихъ мыслей тебѣ не понять!
Ты сладости нѣжныхъ лобзаний
Ни разу не могъ испытать.
Пусть мѣръ будетъ жертвою грѣшныхъ желаній,
Пусть сходитъ съ ума молодой человекъ, —
Ты чистъ, заглушилъ ты всѣ страсти земныя!.....
О милая! въ небѣ погибъ я на вѣкъ,
Когда я вкусилъ поцѣлуй твой впервые.

(поетъ)

«Поцѣлуй—чувства упоенье,
«Будто пламя съ пламенемъ горитъ,
«Будто арфа съ арфой въ сладкомъ пѣньи
«Неземной гармоніей звучить.

(Схватываетъ дитя и хочетъ поцѣловать; дитя убѣгаетъ).

Священникъ.

Не бойся! вѣдь онъ человекъ, какъ и мы.

Шутышкинъ.

Несчастнаго всякій бѣжить, какъ чумы,
Бойтся его, какъ злодѣя!
Ахъ, такъ и она убѣжала въ тотъ разъ!
«Прощай!» прошептала, и въ длинной аллеѣ
Какъ молнія скрылась изъ глазъ. (отъѣзжаетъ)
Скажите, зачѣмъ же она убѣжала?
Иль словомъ ее оскорбилъ я какинь,
Движеньемъ, иль взглядомъ своимъ?

Дай, всожню!..... Какъ смутно все въ памяти стало!....
 Пить,—воню все ясно, какъ будто теперь,—
 Ни взгляда не могъ я забыть никакого,
 Ни жеста..... я только сказалъ ей два слова:

(съ горестью)

«Прощай! уѣзжаю!» два слова, повѣрь.....
 Она отломилъ мнѣ вѣтку, блѣднѣя:
 «Вотъ все, что на свѣтѣ осталось для насъ!
 «Прощай!» прошептала, и въ длинной аллеѣ
 Какъ молнія скрылась изъ глазъ.

Священникъ.

О другъ мой, мнѣ жаль тебя всею душою!
 Но слушай,—есть много гонимыхъ судьбою,
 Которыхъ и больше страдать суждено.
 Я самъ уже многія вынесъ утраты, —
 И мать, и отца я оплакалъ давно,
 И двое дѣтей моихъ на небо взяты;
 Ахъ, тамъ и подруга трудовъ и заботъ,
 Жена моя! рано лишился тебя я!
 Что дѣлать! Господь подаетъ и беретъ, —
 Да будетъ во всемъ его воля святая!

Пустынникъ (громко)

Жена?

Священникъ.

Ахъ, какъ душу сжимаетъ тоской!

Пустынникъ.

Всѣ плачутъ о женахъ, всѣмъ дороги жены.....
 Но тутъ я не знаю вины за собой:
 Я здѣсь не встрѣчался съ твоею женой.
(спохватившись)
 Но слушай: утѣшься, супругъ огорченный!
 Она прежде смерти своей умерла.

Священникъ.

Какъ?!

Пустынникъ (еще громче)

Да, лишь дѣвица женой назовется, —
 Она уже заживо въ гробъ легла:

Отъ матери, брата, отца отречется
И даже отъ..... словомъ, для свѣта умереть,
Какъ скоро подъ кровлю чужую войдетъ.

Священникъ.

Слова твои спутаны мракомъ печали;
Но та, о которой ты плачешь, жива ли?

Пустынникъ (иронически).

Жива ли? да, можно утѣшиться въ томъ!
Не вѣришь? Когда такъ сомнѣнье тревожитъ, —
Готовъ присягнуть я, поклясться крестомъ:
Она умерла, и воскреснуть не можетъ!.....

(помолчавъ, медленно)

Но въ свѣтѣ есть разные роды смертей.
Одна изъ нихъ—общая всѣмъ безъ изъятія,
Какой умираютъ отцы наши, братья
И дѣти,—ну, словомъ, десятки людей —
Она похищаетъ у насъ ежечасно.....

Такъ точно не стало Маруси несчастной, —
Ты знаешь, навѣрно, о ней?

(поетъ)

«Гдѣ быстрый потокъ протекаетъ,
«Въ широкомъ раздольи полянъ, —
«Тамъ видѣнъ зеленый курганъ;
«Его, какъ вѣнцомъ, окружаетъ
«Малинникъ, и тернъ, и бурьянъ.

(переставъ пѣть)

Ахъ, какъ эта смерть намъ страшна,
Когда красота, еще въ жизненномъ цвѣтѣ,
Едва показавшись на свѣтѣ,
Ужъ съ свѣтомъ любимымъ проститься должна!

Взгляни—вотъ она при кончинѣ,
Блѣдна, какъ вечерній туманъ на долинѣ, —
И съ плачемъ ея окружаютъ кровать
Печальный священникъ, прислуга,
И грустная плачетъ подруга,
И всѣхъ ихъ печальнѣе мать, —
Но всѣхъ ихъ грустнѣе влюбленный.....

Взгляни, какъ краса убѣгаетъ съ ланитъ
И гаснетъ ужъ взоръ омраченный,
Но все-еще, все-еще искрой блеститъ;

Отд. I.

Уста, что какъ роза алѣли, бывало,
 Увили, утратили прелесть коралла,
 И словно засохшій піона листокъ
 Ихъ цвѣтъ посинѣлъ и поблекъ.....
 Взгляни—вотъ она поднялась на постели,
 Глаза ея грустно на насъ посмотрѣли,
 И снова на ложе упала она,
 Лицо ея стало бѣлѣй полотна,
 Рука холодѣеть, а сердца биенье
 Все тише и рѣже при каждомъ мгновеньи....
 Замолкло..... ужъ больше не встанетъ она!
 А очи, горѣвшія солнечнымъ свѣтомъ.....
 Вотъ перстень,—взгляни на него поскорѣй,
 Онъ мнѣ остается на память о ней.....
 Какъ здѣсь, въ перстнѣ этомъ
 Брильянты горять,
 Такъ точно когда-то горѣлъ ея взглядъ.
 Но искра души ужъ исчезла изъ ока,
 И свѣтитъ оно, какъ гнилушка въ потьмахъ,
 Какъ капля росы, одиноко
 Дрожащей на блеклыхъ листахъ.....
 Она поднялась на постели,
 Глаза ея грустно на насъ посмотрѣли,
 И снова на ложе упала она,
 Лицо ея стало бѣлѣй полотна,
 Рука холодѣеть, а сердца биенье
 Все тише и рѣже при каждомъ мгновеньи.....
 Замолкло..... ужъ больше не встанетъ она!

Дѣти.

Скончалась! ахъ, жалость какая!
 Я плакалъ, какъ слушалъ тебя.
 То, вѣрно, подруга твоя,
 А можетъ, сестрица родная?
 Но впрочемъ утѣшься въ потерѣ своей, —
 Дай Богъ ей блаженства на будущемъ свѣтѣ,
 Мы будемъ молиться о ней.

Шутишки.

То первая смерть, мои дѣти!
 Но есть и другая, гораздо страшнѣй:
 Она не мгновенно людей умерщвляетъ,

Но медленно точить и долго томить,
И смерть эта разомъ двоихъ поражаетъ,—
Во *мнѣ* — всѣ надежды мои разрушаетъ,
А *ей* — она вовсе почти не вредить.
Живетъ она, ходитъ, какъ прежде бывало,
Порой развѣ слезку уронить она,
Но чувства въ ней ржавѣютъ мало-по-малу,
И вскорѣ—какъ ледъ холодна.

Ахъ, смерть эта разомъ двоихъ поражаетъ!
Во *мнѣ*—всѣ надежды мои разрушаетъ,
А *ей*—она вовсе почти не вредна.
Цвѣтетъ она жизнью, свѣжа и здорова.....
Такъ точно скончалась..... кто?..... тише! ни слова!
Не правда ли, дѣти, вѣдь это страшнѣй:
Мертвецъ, а съ открытыми — такъ вотъ — глазами?
(дѣти отбѣгаютъ)

Однакожъ скончалась..... Когда жъ я по ней
Терзаюсь и горькими плачу слезами, —

Сбѣгаются люди толпами,
Всѣ тянутся, лѣзутъ впередъ;
Одни обо *мнѣ* повторяютъ: онъ жжетъ,
Другіе кричатъ *мнѣ* съ насмѣшкой презрѣнья:
Она вѣдь жива, — погляди-ка, глупецъ!.....,
(священнику)

Не вѣрь имъ, тѣмъ дерзкимъ нахаламъ, отецъ!
Хоть тысячу разъ пусть тѣрдятъ увѣренья, —
Ты слушай, что скажетъ лишь сердце мое,
Что нѣтъ ужъ Маріи, что нѣтъ ужъ ея!
(помолчавъ)

Есть третій родъ смерти, о дѣти!
То вѣчная смерть, какъ писанье гласить.
О, горе тому человѣку на свѣтѣ,
Кого эта смерть поразитъ!
И я этой смертью умру, безъ сомнѣнья.....
О! тяжки, велики мои прегрѣшенья!

Священникъ.

Предъ свѣтомъ и противъ тебя самого
Твой грѣхъ тяжелѣе, чѣмъ противу Бога.
Не слезы иль радость—удѣлъ нашъ убогій,
Но благо обратій и свѣта всего.
Когда тебѣ Богъ ниспослалъ испытанье,

*

Забудь о своей порошинкѣ земной,
 И думай о цѣломъ созданьи:
 И вѣрь мнѣ, — предъ мыслию той
 Замрутъ мелочныя страданья.
 Избранникъ трудится до позднихъ годовъ;
 Одинъ маловѣрный, утративши силу,
 Спѣшитъ малодушно укрыться въ могилу,
 Откуда лишь встанетъ на общій всѣмъ зовъ.

Шустышникъ (въ удивленіи)

Но это—волшебство! нельзя, чтобъ случайно!
 (въ сторону)

Онь, вѣрно, колдунъ, чародѣй,
 Или, можетъ, подслушалъ насъ тайно.

(священнику)

Я все это слышала, бесѣдая съ ней;
 Отъ слова до слова — ея выраженья,
 Въ саду, при прощаньи, въ тотъ памятный часъ.....

(иронически)

Вотъ выбрала время читать наставленья!
 Да, много тутъ громкихъ услышала я фразъ:
 «Отечество, слава, друзья и науки».....

Но все это было горохомъ къ стѣнѣ.
 Теперь ужъ спокойно дремлю я отъ скуки,
 А нѣкогда—дивной поэзіи звуки

Всю кровь волновали во мнѣ,
 И грезились лавры героя во свѣѣ,

(поетъ)

О юность! взлети ты надъ прахомъ земнымъ,
 «И окомъ орлинымъ своимъ,
 «Весь міръ необъятный кругомъ обзирая,
 «Проникни отъ края до края!

Но эти гигантскія грезы мои
 Развѣялись вмигъ отъ ея дуновенья,
 И сдѣлались призракомъ, легкою тѣнью,
 Ничтожной былинкой въ пыли,
 Которую сгложетъ букашка простая,
 Которую съ воздухомъ втянешь, вдыхая.
 Она же — на этой пылинкѣ потомъ
 Построить громадныя замки желала,

И — сдѣлавъ меня комаромъ —
 Въ гиганта меня превратить возмечтала,
 Въ Атланта, держащаго небо плечомъ.....
 Но все было тщетно!
 Одна только искра горитъ въ насъ, одна;
 Лишь разъ она въ юности вспыхнетъ привѣтно!....
 Зажжется ль дыханьемъ Минервы она, —
 Тогда надъ толпою, изъ темнаго лона,
 Блеснетъ лучезарно свѣтило Платона....
(помолчавъ, медленно)

Когда же порой оживитъ
 Ту искру небесное око дѣвицы, —
 Сама себѣ свѣтитъ, собою горитъ,
 Какъ лампа подъ сводами римской гробницы.

Священникъ.

Несчастный мечтатель! твой горестный стонъ,
 Который таится въ груди истомленной,
 Докажетъ, что ты не злодѣй ослѣпленный,
 Что та, отъ которой твой умъ помраченъ,
 Не внѣшней одной красою прекрасна.
 Такъ страстно старайся, какъ любишь ты страстно,
 Усвоить и мысли и чувства ся.
 Злодѣй, существо полюбившій святое,
 Исправилъ бы сердце свое;
 Тѣмъ болѣе ты не рѣшайся на злое.
 Пусть здѣсь вы разрознены горькой судьбой:
 Такъ звѣзды другъ къ другу съ таинственной силой
 Стремятся, хотъ мгла затемнитъ ихъ порой,
 Развѣется мгла, и звѣзда со звѣздой
 Сольются въ одно вѣковое свѣтило.....
 И цѣпь та, которая васъ тяготитъ,
 Разрушится вмѣстѣ съ одеждой земною,
 И снова вы встрѣтитесь тамъ надъ землею;
 А страсть, хотъ излишнюю, Богъ вамъ проститъ.

Пустынникъ.

Вотъ странность! откуда ему все извѣстно?
(подражая тону священника)
 «Она какъ лицомъ, такъ и сердцемъ прелестна;
 «И цѣпь та, которая васъ тяготитъ,

«Спадетъ съ васъ подобно тѣлесной одеждѣ.....
(своимъ голосомъ)

Ты знаешь! ты, вѣрно, подслушалъ насъ прежде?
Ты выманилъ тайну, которую я
Скрывалъ въ своемъ сердцѣ такъ свято,
Которой не знали и даже друзья.
Вѣдь мы поклялись съ ней когда-то —
Рука на груди, а въ другой кипарисъ —
Мы оба молчать поклялись,
И сердце ту клятву на-вѣкъ сохранило.

—

Но впрочемъ я помню минуту одну,
Какъ нѣкогда—кисти волшебною силой—
Черты ея передалъ я полотну,
И вынесъ къ товарищамъ ликъ этотъ милый.
Но имъ мои чувства казались смѣшны,
Мое восхищенье нелѣпо.....

Безумцы! ихъ око душевное слѣпо,
Не можетъ духовной прозрѣть глубины.
Хотятъ они циркулемъ мѣрять бездушнымъ
Прелестнаго лика черты,

На небо глядятъ равнодушно,
Не чувствуя сердцемъ его красоты,
Глядятъ, будто звѣрь или астрономъ ученый, —
Но иначе смотреть поэтъ и влюбленный.

—

Я чту такъ глубоко божественный ликъ,
Къ нему прикасаться губами не стою;
Когда съ ней прощаюсь, и если въ тотъ мигъ
Покой освѣщенъ или свѣчей, или луною, —

Не смѣю открыть свою грудь,
Не смѣю на шеѣ платокъ отстегнуть
Пока кипарисомъ тотъ ликъ не покрою.
А эти друзья..... вотъ гдѣ дружба видна!....

Замѣтивъ восторгъ мой обычный,
Одинъ, чуть скрывая свой смѣхъ неприличный,
Зѣвая сказалъ: не дурна!

Другой говоритъ мнѣ: ребенокъ ты, право!.....
Охъ, этотъ старикъ, разсуждающій здраво,

Съ премудростью жалкой своей!

Онъ, вѣрно, злодѣйски насъ предалъ:

(въ помѣшательствѣ)

Онъ все разсказалъ предъ толпою людей,

И, вѣрно, одинъ изъ толпы или дѣтей

Пришелъ, и всю тайну тебѣ исповѣдалъ.....

(въ изступленіи)

Быть можетъ, меня спросилъ ты, старикъ?

Священникъ.

Къ чему намъ такіе распросы, уловки?

Хоть рѣчи твои и темны и неловки;

Но тотъ, кто заглядывать въ душу привыкъ,

Тотъ тайну твою безъ труда бы проникъ.

Пустынникъ.

Да, правда! но вотъ что мнѣ кажется странно:

Чѣмъ сердце тревожно волнуется днемъ,

То ночью на память приходитъ неожиданно,

И бредимъ во снѣ мы,—Богъ знаетъ, о чемъ.

Со мной уже случаи были такіе.

Въ тотъ день, какъ я съ ней увидался впервые, —

Вернувшись, я рано отправился спать.

Полутру, когда меня встрѣтила мать:

«Ты нынче совсѣмъ измѣнился» —

Она мнѣ сказала — «какъ набоженъ сталъ!

Всю ночь ты вздыхалъ,

И Дѣвъ Пречистой молился.»

Я понялъ, и сталъ запираеть свою дверь....

Но такъ осторожнымъ нельзя быть теперь:

Теперь я скиталецъ безъ дома и крова,

Гдѣ ночь ни застигнетъ,—постель мнѣ готова,

И часто я брежу во снѣ,

И мысли, какъ волны, несутся во мнѣ.....

Ряды безконечныя бурь и волненій

Мелькнуть и исчезнуть долой,

И много неясныхъ видѣній

Въ чудовищный образъ сольются порой,

И снова исчезнуть какъ тѣни.

Одинъ только образъ со мною вездѣ:

Бросаюсь ли на землю и тамъ подъ землею

Онъ свѣтитъ, какъ мѣсяца отблескъ въ водѣ;

Достать не могу я, но онъ предо мною.

На небо ль взгляну, —

И слѣдомъ за взоромъ, съ лазури небесной,

Тотъ образъ прелестный

Все дальше и дальше плыветъ въ вышину.

И словно парящій орелъ издалека

(смотритъ вверхъ)

Видѣтся въ тучѣ и смотритъ съ высотъ,

И прежде, чѣмъ онъ на добычу падетъ,

Ее убиваетъ онъ молніей ока;

И вотъ онъ, чуть видный, недвижно стоятъ,

Какъ будто опутанъ сѣтями,

Какъ будто бы къ небу прибитый крылами.....

Такъ точно она надо-мною блестить.

(поетъ)

«Горитъ ли въ небѣ солнца свѣтъ,

«Иль ночь покроетъ землю мглою, —

«За ней слѣжу, ей шлю привѣтъ,

«Она при мнѣ, но не со мною.

Гуляю ли въ полѣ иль въ рошѣ, и вотъ

Плыветъ надо-мною тотъ образъ воздушный;

Хочу промолчать, но языкъ непослушный

Невольно промолвитъ, ее назоветъ.....

А врагъ и подслушалъ.....Такъ точно случилось

Сегодня поутру.....сейчасъ расскажу:

Свѣтало.... какъ будто теперь я гляжу....

Былъ дождь незадолго, земля освѣжилась,

Листы серебрились росой,

Долина туманомъ, какъ снѣгомъ, покрылась,

И звѣзды тонули въ лазури ночной,

Одна лишь восточная звѣздочка ясно —

Я вижу — горитъ надо мной въ вышинѣ,

Съ тѣхъ поръ она стала подругою мнѣ, —

И вотъ у бесѣдки.... *(спохватывается)* ба! что я, несчастный!

Вѣдь это не вечеромъ, нѣтъ!

Охъ, этотъ шальной романическій бредъ!

Онъ спуталъ мнѣ мысли, я сбился.....

(припоминаетъ)

Да, утромъ, — мечталъ я, терзался тоской.....

Былъ вѣтеръ и дождь проливной,

И я подъ кустомъ пріютился.....

(съ добродушной улыбкой)

И тутъ-то подслушалъ, навѣрное, онъ.....

Но только не знаю: одинъ ли мой стонъ,

Иль самое имя подслушалъ украдкой, —

Вѣдь кустъ былъ такъ близокъ.....

Священникъ.

Но кто же былъ онъ?

Скажи намъ, не мучь насъ загадкой.

Пустынникъ *(таинственно)*

А вотъ кто: одинъ небольшой червячекъ,

Который проползъ надъ моею головою,

Червякъ-свѣтлячокъ.

Ахъ, какъ онъ былъ вѣжливъ и ласковъ со мною!

Подползъ и давай говорить

(Онъ, вѣрно, доставить хотѣлъ утѣшенье):

«Бѣдняжка! къ чему эта скорбь и мученье?

«Эхъ, полно отчаянемъ сердце крушить!

«Ну, кто виновать, что дѣвица прекрасна,

«Что ты такъ влюбился? — вина не твоя.

«Взгляни — продолжалъ мой червякъ — на меня:

«Смотри, какъ весь кустъ освѣщается ясно

«Той искрой, которой красуюся я.

«Я прежде считалъ эту искру красую,

«Теперь же считаю несносной бѣдою:

«Она привлекаетъ враговъ;

«Ужъ сколько изъ братьевъ моихъ свѣтляковъ

«Добычею ящерицъ стало!

«Теперь проклиная я гибельный свѣтъ,

«Причину несчастій и бѣдъ,

«Хотѣлъ бы, чтобъ искра горѣть перестала.....

«Но что же мнѣ дѣлать? моя ли вина?

«Пока я живу, не погаснетъ она! —

(показывая на сердце)

Такъ точно: я живъ, и не гаснетъ она.

Дети.

Ахъ, папа! ты слышалъ о чудѣ?

Вотъ чудо! не вѣрится что-то никакъ!

Ну, можно ли думать, чтобъ этотъ червякъ
 Умѣлъ говорить, будто люди.
(Священникъ уходитъ, пожимая плечами)

Пустынникъ.

Не вѣришь? поди подь конторку, сюда,
 Приставь къ ней ушко, и повѣришь тогда.....
 Чу, слышишь, тамъ кто-то стучится:
 То грѣшная чья-то душа заперта
 И просить о ней помолиться.

Дети.

Да, слышу — тукъ, тукъ.....
 Какъ будто бы кто-то стучить колотушкой,
 Какъ будто часы подь подушкой.....
 Что значить тотъ стукъ?

Пустынникъ.

То маленькій червь, а когда-то
 Онъ былъ ростовщикъ пребогатый.
(къ конторкѣ)
 Чего ты желаешь, душа?
(притворнымъ голосомъ)
 «Прошу обо мнѣ помолиться!»
 Такъ вотъ гдѣ тотъ скряга томится!
 Я этого зналъ торгаша:
 Онъ жилъ отъ меня недалеко;
 Зарывшись въ богатства, съ замкомъ у воротъ,
 Не слышалъ онъ стоновъ ни вдовъ, ни сиротъ,
 Не зналъ состраданья, жестокий;
 Онъ вѣкъ не давалъ ни гроша, ни куска,
 Душа его вѣчно жила при имѣньи,
 Лежала на днѣ сундука.....
 За-то послѣ смерти ей участь горька:
 Пока не пойдетъ она въ адъ на мученье, —
 Прислушайтесь, какъ она злобно грызеть,
 Колотить и точить.....
 Но если помочь ей кто хочетъ,
 Пускай три молитвы прочтеть.
(Священникъ входитъ съ кружкой воды)
 Пустынникъ *(въ бдѣшемъ помѣшательствѣ)*
 Чу! слышалъ ты пискъ злаго духа?

Священникъ (олады ваясь)

Мой Боже! какія пустыя мечты!
Вокругъ все спокойно и глухо.

Пустынникъ.

Прислушайся только, услышишь и ты.
(дитяти)
Поди сюда, другъ мой, послушай немного.....
Что? слышалъ?

Дитя.

Ахъ, папа, ей Богу,
Тамъ шопоть какой-то.....

Пустынникъ.

Что скажешь о томъ?

Священникъ.

Вамъ спать уже время. Какіе тутъ духи!
Все тихо и мирно кругомъ.

Пустынникъ (дитяти, съ улыбкой)

Да, старцы на голосъ природы ужъ глухи.

Священникъ.

Мой сынъ, подойди и холодной водой
Виски освѣжи и омой,
Чтобъ эта горячка немного остыла.

Пустынникъ (береть и поетъ, между тѣмъ часы начинаютъ бить; послѣ нѣсколькихъ ударовъ, пустынникъ опускаетъ кружку и смотритъ неподвижно и печально).

Ага! вотъ и десять пробило! (поетъ плтучъ)

Чу! крикнулъ ужъ первый пѣтухъ!

И жизнь убѣгаетъ, и время несется.....

(Одна свѣча на столѣ гаснетъ)

А вотъ ужъ и первый свѣтильникъ потухъ!

Еще два часа остается..... (онъ начинаетъ дрожать)

Какъ холодно! (между тѣмъ священникъ съ изумленіемъ
смотритъ на свѣчу)

Въ щели вездѣ

Врывается вѣтеръ холодный и вьюга.

Озябъ я!.... (идеть къ печ.) Но гдѣ же я, гдѣ?

Священникъ.

Ты въ домѣ у друга.

Пустышникъ (приходь въ себя).

Навѣрно, встревожилъ я васъ:
 Богъ знаетъ—откуда, въ полуночный часъ,
 Въ такомъ необычномъ нарядѣ.....
 И вѣрно, я много сказалъ пустяковъ?
 Не сказывай, другъ, никому, Бога-ради!
 Я странникъ убогій изъ дальнихъ краевъ.
(оглядывается и приходитъ въ себя)
 На самой среднѣй дороги, когда-то,
 Въ мои молодые лѣта,
 Напалъ, и ограбилъ меня до-чиста *(съ улыбкой)*
 Разбойникъ крылатый.
 Одежда моя отнята, —
 Теперь надѣваю я что-бъ ми попалось.....
(обрываетъ мѣлья и поправляетъ платье)
 Всѣхъ въ мирѣ сокровищъ меня онъ лишилъ,
 Одежда невинности мнѣ лишь осталась.

Священникъ (который все смотрѣлъ на свѣчу,—пустышнику)

Утѣшься, мой другъ! *(дѣлаетъ)* Кто свѣчу погасилъ?

Пустышникъ.

Ты хочешь развѣдать о чудѣ?
 Ну, что же? пусть разумъ тебѣ объяснитъ.
 Но знай, что природа, какъ люди,
 Завѣтныя тайны ревниво хранитъ
 Неголько отъ взоровъ толпы ослѣпленной,
(съ жаромъ)
 Но ихъ не проникнетъ мудрецъ посвященный.

Священникъ (береть его за руку)

Мой сынъ!

Пустышникъ (тронутый и удивленный)

Сынъ!?!.... Твой голосъ меня поразилъ!
 Какъ молніей онъ озарилъ
 Мой умъ помраченный.....
(осматривается)

Да, да, узнаю я, гдѣ я наконецъ!
 Теперь узнаю я и землю родную,

Тебя, мой отецъ,
И домъ твой, и эту семью дорогую.....
Но какъ измѣнилось все въ нѣсколько лѣтъ:
Ужъ дѣти большія, ты сталъ ужъ и сѣдъ.

Священникъ (въ недоумѣніи, беретъ свѣчу и всматривается).

Какъ! ты меня знаешь? но кто же ты, кто же?
Ужели..... нѣтъ, нѣтъ!.... но скажи же, открой!

Пустынникъ.

Густавъ.

*Священникъ (роняетъ свѣчу, дѣти поднимаютъ, зажимаютъ
и ставятъ на столъ).*

Ты Густавъ! мой Густавъ! о, мой Боже!
(обнимаетъ его)

Густавъ, ученикъ мой, мой сынъ дорогой!

Густавъ (обнимаетъ, смотря на часы)

О, дай обниму тебя, къ сердцу прижму я!
Вѣдь скоро.... ужъ скоро.... далеко уйду я.....
И ты—будетъ время—сберешься туда....
Обнимемся жъ крѣпче, мой другъ, навсегда.

Священникъ.

Густавъ мой! откуда? куда же ты снова?
Мой милый! какъ мы не видались давно!
Исчезъ вдругъ, какъ будто бы канулъ на дно,
Хоть строчку бы мнѣ написалъ, хоть бы слово!
Такъ долго!.... но что же, что было съ тобой?
Ты нѣкогда былъ моей школы красой,
Въ тебѣ я всё лучшія видѣлъ надежды.....
И какъ опустился ты! что за одежды!

Густавъ (мълвно).

Старикъ! а когда бы я сталъ расточать
Такия жъ тебѣ оскорбленья,
Твой видъ ненавистнымъ считать,
Твои проклинать наставленья!
Вѣдь ты меня выучилъ сердцемъ читать
Въ прекрасной природѣ, въ прекрасномъ твореньи!
Ты, ты погубилъ меня,—знай,

Мнѣ адъ на землѣ приготовилъ.... *(съ грустной улыбкой)* и рай!
(громко и презрительно)

А это—земля только!

Священникъ.

Царь мой небесный!
Что слышу? тебя я, тебя погубилъ!
Но совѣсть чиста моя—Богу известно!
Тебя я, какъ сына, любилъ.

Густавъ.

И только за это ты стоишь прощенья.

Священникъ.

Я Бога молилъ объ одномъ утѣшенъи,
Чтобъ видѣть тебя я хоть разъ еще могъ.

Густавъ *(обнимал)*

Обнимемся жъ крѣпче, *(смотритъ на свѣчу)*

пока эти свѣчи

Еще не погасли въ назначенный срокъ.

Ты дожилъ, отецъ мой, до радостной встрѣчи.....

Однако ужъ поздно, *(смотритъ на часы)* а путь мой далекъ!

Священникъ.

Хоть очень желалъ бы твои приключенья

Услышать, но вижу, что ты утомленъ;

Тебѣ нуженъ отдыхъ и сонъ.....

Ужъ завтра.....

Густавъ.

Но я твоего приглашенья

Принять не могу—оттого,

Что нечѣмъ ужъ мнѣ заплатить за него.

Священникъ.

Зачѣмъ?

Густавъ.

Кто не платитъ, тотъ проклять стократно!

За все мы обязаны платой обратной:

Признательнымъ чувствомъ, взаимнымъ трудомъ,

Иль даже даяньемъ слезы благодатной,

Слезы, за которую снова потомъ

Небесный Отецъ намъ заплатитъ добромъ.

Но я — въ этомъ краѣ, знакомомъ когда-то,
Гдѣ все говоритъ мнѣ про слезы, утраты,
Я чувства остатокъ и воплей запасъ
Истратилъ, а новаго долга у васъ
Я брать не хочу на себя безъ уплаты.

(Помолчавъ).

На-дняхъ посѣтилъ я родительскій домъ:
Одни лишь руины, — узнаешь съ трудомъ;
Куда ни взгляни — пустота, разрушенье,
Все сломано, сбито — столбы и каменья,
Дворы заросли всё и мхомъ и травой,
И всюду молчанье, могильный покой....
А помню я, помню — давно это было —
Я иначе прибылъ въ родительскій домъ:
Когда возвращался я къ матери милой,
Ужъ издали встрѣтилъ радушный приемъ.....
За городомъ ждать меня наша прислуга,
А тамъ — на дорогу — и сестры и братъ
 Бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Густавъ нашъ! Густавъ! обступивши, кричатъ,
И взявши гостинцы, бѣгутъ въ восхищеньи,
 А мать моя ждетъ у дверей,
Тутъ крики товарищей, ласки друзей....
Теперь тамъ — пустырь, тишина, заустѣнье!
Лишь лаетъ собака да слышится стукъ.....
А! ты это, Воронъ! мой старый дружище,
Нашъ общій любимецъ и сторожъ жилища!
Одинъ ты изъ многихъ друзей и изъ слугъ!
Одинъ неизмѣненъ, а всё позабыли!
Хоть годы и голодь его изнурили,
Но онъ неусыпно, какъ встарь, стережетъ
И дверь безъ затвора, и домъ безъ господъ....
Поди сюда, Воронъ! — Послушный призыву,
Онъ бросился съ воемъ, прислушался, всталъ,
Вскочилъ мнѣ на грудь, и — безъ жизни упалъ....
Но въ окнахъ огонь.... я вхожу торопливо....
И что же я живу? какой-то злодѣй
Пришелъ съ топоромъ и свѣчей на-поживу
И рушитъ остатки святыни моей.
Гдѣ нѣкогда матери ложе стояло, —
Онъ камни ворочалъ, выламывалъ полъ....

Я бросился, сбилъ и ударилъ нахала....
 И горько я плакалъ о томъ, что нашелъ....
 Чу! кто-то приблизился, тихо ступая, —
 Вошла, опираясь на трость,
 Старуха въ лохмотьяхъ, худая, сухая,
 Какъ будто изъ міра загробнаго гость.
 Увидѣвъ чужаго въ дому опустѣломъ, —
 Крестьясь, отъ испуга она обомлѣла....
 — Не бойся, старушка, Господь надъ тобой!
 Зачѣмъ ты пришла сюда ранней порой? —
 «Охъ, я, сиротинка! — она отвѣчала —
 «Здѣсь прежде когда-то жила
 «Семья моихъ добрыхъ господъ.
 «Дай Богъ имъ блаженство на будущемъ свѣтѣ!
 «Но здѣсь — и они и ихъ дѣти
 «Не мало узнали тоски и заботъ.
 «Ужъ всѣхъ ихъ давно схоронили,
 «Ихъ домъ развалился, гниетъ;
 «Гдѣ сынъ ихъ, — не знаю, и онъ, зная, въ могилѣ; —
 Рыданья мнѣ сердце сдавили,
 И я прислонился къ стѣнѣ, чуть дыша....
 Такъ все миновалось, какъ грезы!

Священникъ.

Здѣсь вѣчны лишь Богъ и душа,
 Минуется все — и веселье, и слезы!

Густавъ.

А сколько напомнить мнѣ снова твой домъ
 О дѣтскихъ и школьныхъ забавахъ!
 Тамъ гнѣзда зорили въ дубровахъ,
 На этомъ дворѣ мы играли пескомъ,
 Здѣсь въ рѣчкѣ купались мы лѣтомъ,
 И взапуски мчались по этимъ лугамъ,
 Въ ту рошу я часто ходилъ по утрамъ
 Бесѣдовать мирно съ любимымъ поэтомъ,
 Съ Гомеромъ или Тассомъ.... Захочется ль намъ
 Представить подъ Вѣной сраженье, —
 И тотчасъ бѣжимъ мы толпой впопыхахъ,
 И строится въ грозныхъ рядахъ ополченье....
 Вотъ Турки идутъ, и на ихъ бунчукахъ

Блестить полумѣсяцъ.... а тамъ въ отдаленнѣи
 Сдвигаются Нѣмцы трусливой толпой....
 Я копыя велю изготавить на бой, —
 Впередь! наши сабли блеснули лучами,
 Восторженный крикъ нашъ гремятъ....
 Ужъ головы падаютъ вмѣстѣ съ чалмами,
 Толпа янычаровъ разбита, бѣжить,
 Мы конницу сбили, и топчемъ конями
 До самаго вала — тотъ холмикъ былъ валъ.....
 Туда-то пришла и она — съ возвышенья
 Взглянуть на такое сраженье.
 Когда я ее увидалъ
 На этомъ валу посреди восклицаній, —
 Воинственный пылъ мой затихъ;
 Съ тѣхъ поръ она стала царицей монхъ
 И мыслей, и чувствъ, и желаній;
 Съ тѣхъ поръ для нея билось сердце мое,
 Я думалъ о ней и искалъ лишь ее....
 Здѣсь все мнѣ напомнить минуты былыя:
 Вотъ тутъ увидался я съ нею впервые,
 Впервые вотъ тамъ начала разговоръ,
 Здѣсь вмѣстѣ Руссо мы читали,
 Изъ этихъ вѣтвей я ей сдѣлалъ шатерьъ,
 Тамъ ягоды вмѣстѣ, цвѣтки мы искали;
 А въ этомъ потокѣ — я помню о томъ —
 Мы удили вмѣстѣ подъ нвой вѣтвистой,
 Какъ ловко ловились коварнымъ крючкомъ
 То карпъ серебристый,
 То окуни съ краснымъ перомъ....
 А нынче..... (плачетъ) .

Священникъ.

Увы! эти слезы напрасны:
 Вѣдь память о горѣ былою
 Васъ течить самихъ сжечасно,
 А прошлаго намъ не измѣнить ни въ чемъ.

Густавъ.

Теперь, послѣ долгой разлуки,
 Какъ все измѣнилось въ глазахъ!
 Я снова на этихъ счастливыхъ мѣстахъ,
 Отд. I.

Но въ сердцѣ страшнѣйшія муки.....
 Да, еслибы поднялъ ты камень простой,
 Какимъ забавляются дѣти,
 И съ нимъ бы ты странствовала долго на свѣтѣ;
 Потомъ, воротившись домой,
 Тому же, кто нѣкогда съ дѣтской любовью
 Тѣмъ камнемъ простымъ забавлялся въ игрѣ,
 Теперь уже старцу на смертномъ одрѣ,
 Ты въ гробъ бы его положилъ въ наголовье,
 И еслибы горькихъ не пролилъ онъ слезъ, —
 Безъ жалости въ адъ зэтотъ камень ты брось.

Священникъ.

Не горьки тѣ слезы,
 Съ которыми можемъ сливать
 Прошедшаго счастья сладкія грезы;
 Лишь чистое сердце ихъ можетъ ронять.
 Одиъ только слезы злодѣя
 Пропитаны ядомъ губительнымъ змѣя.

Густавъ.

Но выслушай дальше, что было со мной.
 Я былъ и въ аллеяхъ знакомаго сада,
 Такой же осенней перой,
 И та же дышала прохлада,
 И небо, какъ прежде, темнѣло грозой,
 И мѣсяцъ выглядывалъ блѣдный съ востока,
 Долина покрыта, какъ нѣкогда, мглой,
 И звѣзды тонули въ лазурн глубокой,
 И та жъ надо мной въ вышнѣй
 Мерцала восточная звѣздочка мнѣ,
 Которую видѣлъ когда-то,
 Которую нынче встрѣчаю какъ брата;
 Тѣ жъ чувства томил и сердце мое.....
 Все такъ же какъ прежде, но нѣтъ лишь *я!*....
 А вотъ и бесѣдка..... чу! шорохъ у входа.....
 Она это!..... нѣтъ.....
 То въ листьяхъ засохшихъ шумитъ непогода.....
 Бесѣдка! ты памятникъ нашихъ бесѣдъ,
 Восторговъ моихъ колыбель и могилы:
 Ты насъ познакомила, насъ разлучила,
 Оставивъ въ душѣ неизгладимый слѣдъ!.....

Быть можетъ, вчера она здѣсь отдыхала,
 Вчера этотъ воздухъ вдыхала она!
 Смотрѣлъ я и слушала.... крутомъ тишина,
 И зрѣнье напрасно кого-то искало.
 Я только увидѣлъ: паукъ надо мной,
 Качаясь на листьяхъ, раскидывалъ сѣти.....
 Какъ я, такъ и онъ—я подумалъ—на свѣтѣ
 Мы связаны нитью ничтожной съ землей!

Взглянулъ я, и вижу—на лавкѣ
 Букеты, траву и на травкѣ
 Тотъ самый завѣтный листокъ,
 Листка моего половину.....

(вынимаетъ листокъ)

Я вспомнилъ прощанья лихую годину
 И нашей разлуки залогъ.....
 Я встрѣтилъ его, будто брата роднаго,
 О ней говорилъ и спрашивалъ снова:
 И что она дѣлаетъ, рано ль встаетъ,
 Какія любимыя пѣсни поетъ,
 Въ какой она комнатѣ чаще бываетъ,
 Гдѣ ходить гулять,—у того ли ручья,
 Краснѣетъ ли, если напомнятъ меня,
 Быть можетъ, украдкой сама вспоминаетъ?.....

И что же, что выслушалъ я!
 О, какъ любопытство мое наказали!
(со злобою, ударивъ себя по лбу)
 О, женщина!..... *(дѣтлѣмъ)* Дѣти, вы пѣсню слышали?

(поетъ)

Милый другъ сначала снится
 Каждый мигъ и каждый часъ.

Хоръ дѣтей.

О, какъ любить та дѣвица:
 Каждый часъ вспомнеть васъ!

Густавъ.

А потомъ ей другъ твердится
 Разъ на дню, въ недѣлю разъ.

Хоръ дѣтей.

Какъ чувствительна дѣвица:
 Разъ въ недѣлю вспомнить васъ!

Густавъ.

Послѣ вспомнить ей случится
Въ цѣлый мѣсяцъ только разъ.

Херъ дѣтей.

Что за добрая дѣвица:
Каждый мѣсяцъ вспомнить васъ!

Густавъ.

За волной волна катится.....
Въ жизни мало ли хлопотъ!
Друга вспомнить ей случится
Только разъ на новый годъ.

Херъ дѣтей.

О, какъ вѣжлива дѣвица:
Вспомнить друга каждый годъ!

Густавъ.

И такъ *(показывая листокъ)* и послѣдній остатокъ былаго
Забить навсегда!

Ни что ужъ меня не напомнить ей снова!....

Я вышелъ изъ сада,—не зналъ, куда

Иду я, шатаюсь, подобно больному.....

Незримая сила влекла меня къ дому.

Тамъ въ окнахъ горитъ ослѣпительный свѣтъ,

Тамъ крики прїѣзжихъ и грохотъ каретъ.....

Къ стѣнѣ проскользаю я легкою тѣнью,

И жадно въ стекляныя двери гляжу:

Столы всё накрыты, народъ, освѣщенье,

Тутъ праздникъ какой-то, громъ музыки, пѣнье.....

Вотъ тостъ..... слышу имя..... не чье,—не скажу.....

«Да здравствуетъ!» шумно взгремѣло собранье,

Весь домъ огласился отъ края на край.....

Да здравствуетъ! я повторилъ восклицанье,

И тихо прибавилъ: прощай!

И тутъ же (о, какъ я не умеръ доселѣ!)

Услышала я имя другое, и вмигъ

«Да здравствуютъ оба!» кругомъ загремѣли.....

(какъ бы осматривалась въ двери)

Вотъ кто-то отвѣтилъ на радостный крикъ.....

Она?..... это голосъ ся!.... неужели!.....

Не видно за дверью, она ли сама.....

Со злобой, съ ненетовствомъ дверь потрясалъ я,
Хотѣлъ разгромить,—и безъ жизни упалъ я.....

(помолчавъ)

Я думалъ—безъ жизни, но нѣтъ: безъ ума.

Священникъ.

Несчастный! искалъ добровольно страданій.

Густавъ.

Какъ трупъ одинокій при брачномъ столѣ,
Я, жертва послѣднихъ отрадъ и терзаній,
Лежалъ на омытой слезами землѣ.....

Очнулся.... ужъ дня показался начатокъ,

Ни шуму въ покояхъ, ни блеску въ окнѣ.....

Помедлилъ..... о, мигъ этотъ памятенъ мнѣ!

Какъ вѣчность онъ дологъ, какъ молнія кратокъ!

И развѣ на страшномъ судѣ для меня

Еще повторится минута такая!

(помолчавъ, медленно)

Тутъ ангеломъ смерти—изъ рая

Былъ выведенъ я!

Священникъ.

Зачѣмъ ты зажившія раны тревожишь?

Запомни лишь мудрый завѣтъ старины:

Что было, того измѣнить ты не можешь,

Въ томъ волю Господню признать мы должны.

Густавъ (горестно)

О нѣтъ! насъ другъ съ другомъ свело Провидѣнье,

Одна намъ свѣтила звѣзда при рожденіи;

Равны мы, хоть въ жизни не разъ

Различными шли мы путями;

Мы сходны лицомъ и годами,

И вкусы и взгляды похожи у насъ,

И мысли порывы и чувства движеніе, —

Во всемъ неразрывная связь.

Тотъ узелъ связало само Провидѣнье,

(съ сильной горестью)

А ты—отъ него отперлась!.....

(громко и гнѣвно)

О женщина! пухъ перелетный,

Созданье ничтожное ты!

И ангелы взяли бъ охотно

Всѣ чары твоей красоты,

Но сердцежъ ты хуже, чѣмъ... хуже..... Ужели
 Богатствъ золотой истукажъ

И почестей свѣтскихъ тщеславный обманъ

Такъ сердцежъ твоимъ овладѣли?

Такъ пусть же—чего ты коснешься рукой,

Чтобъ золотомъ все это стало,

Къ чему ты устами прильнешь и душой,

Чтобъ золото мертвое ты цѣловала!.....

О, еслибъ я могъ выбратьъ, какъ и ты:

Явись ко мнѣ чудо земной красоты,

Какой не бывало съ созданія свѣта,

Прекраснѣй, чѣмъ ангелъ эдемскихъ садовъ,

Чѣмъ грезы мои и чѣмъ вымыслъ поэта,

Чѣмъ ты даже..... я, не колеблясь, готовъ

Отдать за тебя и за взглядъ твой единый!

И еслибъ приданнымъ за ней для меня

Давали все золото Индской долины,

Давали бы царство небесное,—я,

Я отдалъ бы все за тебя!

Ничѣмъ моего не склонила бъ вниманья;

За всё бы богатства, за всё дарованья

Когда бы просила, чтобъ отдалъ я ей

Хоть часть моей жизни, хоть нѣсколько дней —

Той жизни, которую всю безъ раздѣла

Я отдалъ тебѣ, —

Хоть годъ, хоть полгода просила бъ себѣ,

Хоть мигъ бы восторговъ извѣдать хотѣла.....

Нѣтъ, нѣтъ! не хочу! ничего не даю! —

(сурово)

А ты,—ты рѣшила погибель мою

Съ лицомъ равнодушнымъ, съ холодной душой,

И пламень зажгла ты своею рукою,

Разрушившій цѣпи, скрѣплявшія насъ, —

И онъ не угасъ,

Онъ адскимъ пожаромъ горитъ между нами,

И въ этомъ пожарѣ мы мучимся сами!....

Меня ты убила!... но вѣрь,

Тебя покараетъ за то Провидѣнье!

И самъ я, я самъ не оставлю безъ мщенья.....

Иду—трепещите, злодѣи, теперь!

(вынимаетъ кинжалъ, и съ злобною улыбкой)

Взгляните—несу я игрушку,
 Для свѣтлыхъ гостей пригодится она:
 Вотъ ей нацѣжу я вина
 Для гостей на брачной пирушкѣ!.....
 Тебѣ же, измѣнница,..... шею твою
 Смертельнымъ вѣнкомъ обовью!.....
 Иду, чтобы вмѣстѣ намъ въ адъ явиться!.....
(останавливается и задумывается)
 Но нѣтъ! нѣтъ!.... она умереть не должна!
 И тотъ, кто лишитъ ее жизни рѣшится,
 Тотъ долженъ быть больше, чѣмъ самъ сатана!
 Прочь! это желѣзо не нужно!
(брасаетъ кинжалъ)
 Пусть память, пусть совѣсть извѣтъ ея грудь!
(священникъ уходитъ)
 Пойду, но пойду безоружный,
 Пойду на нее лишь взглянуть.
 Гдѣ пышныя гости въ роскошныхъ палатахъ
 Пируютъ за брачнымъ столомъ,
 Я съ этими листьями, въ этихъ заплатахъ
 Войду къ нимъ и стану при немъ.
 И гости дивятся, разгульно пируя,
 И пьютъ за здоровье, и шлютъ мнѣ привѣтъ,
 Но я, недвижимъ какъ статуя,
 Стою—и ни слова въ отвѣтъ.
 Вотъ пары кружатся средь танца живаго
 И въ танецъ меня приглашаютъ съ собой,—
 Я—руку на грудь, съ киварисомъ въ другой —
 Стою—и въ отвѣтъ ни полслова.
 А вотъ и она въ красотѣ неземной
 Съ привѣтомъ идетъ мнѣ навстрѣчу:
 «Откуда и кто ты, мой гость дорогой?»
 Но я ничего не отвѣчу,
 И только ей въ очи взгляну,
 Взгляну я ей взглядомъ змѣи ядовитой,
 Весь адъ, въ моемъ сердцѣ сокрытый,
 Въ томъ взглядѣ сомкну.
 Пусть будетъ слѣпа и мертва, какъ статуя, —
 Насквозь ее взглядомъ пронжу я,
 И въ очи ей вѣмса, какъ дымъ,
 И въ мозгъ ей вопьюсь я, какъ зелье, —

Навѣкъ возмущу ей дневное веселье,
Навѣкъ помѣшаю я снамъ золотымъ!.....

(кратко и съ жалостью)

Но знаю я: сердце въ ней нѣжно и живо,
Доступно для каждаго чувства, порыва,
Какъ будто на травкѣ весенней пушокъ,
Который летить, чуть пахнѣтъ вѣтерокъ,
Который росинка уронить.

Что тронетъ меня, и ее такъ же тронетъ,
Ее возмутить и малѣйшій упрекъ;
Бывало, я грустенъ,—грустна и подруга:
Такъ знали мы чувства другъ-друга,
Такъ знали мы наши сердца!

Одинъ лишь подумаль,—другому извѣстно.....
Такъ всѣмъ существомъ сопряженны тѣсно,
Мы видѣть могли въ выраженьи лица
Сердца наши, будто въ прозрачномъ потокѣ.
Едва лишь въ глазахъ моихъ мысль промелькнетъ,
И вмигъ, какъ струя въ электрическомъ токѣ,

Ей въ сердце она перейдетъ

И вновь отражается въ окъ!.....

Ахъ, да! я ее обожалъ!

Могу ли теперь ей нанести огорченье?
Возможно ль, чтобъ адской какою-то тѣнью
Я, другъ ея прежній, предсталъ?
Какое презрѣнное мщенье!

И въ чемъ же ее предо мною вина?
Чего же хочу я? и гдѣ мое право?
Коварнымъ ли взглядомъ ловила она?
Манила ль улыбкой лукавой?
Иль хитрою рѣчью меня завлекла?
Какія надежды она подала?
И гдѣ ея клятвы? какіе обѣты?

О нѣтъ! я одинъ виноватъ:

Я слушалъ лукаваго сердца совѣты,
Я самъ приготожилъ тотъ ядъ,
Который меня пожираетъ.

Зачѣмъ же во мнѣ эта злоба кипитъ?
И кто я? и что за меня говорить?
Какая заслуга меня украшаетъ?
Какими дѣяньями я знаменить?

Ничѣмъ! лишь любовью могу я гордиться!

И я это зналъ.

Я помысловъ дерзкихъ въ себѣ не питалъ,

Не думалъ взаимной любви я добиться.

Я только просилъ о пріязни одной,

Просилъ, чтобы чаще бывала со мной,

Была бъ мнѣ подругой, сестрою,

И—право—я былъ бы доволенъ судьбою!

И еслибы могъ я сказать:

Вчера ее видѣлъ, сегодня со мною,

И завтра увижу опять,

Съ ней утромъ пробуду, и вечеромъ снова,

Всѣхъ прежде поутру скажу ей привѣтъ.....

О, я не желалъ бы блаженства ниаго!

(помолчавъ)

Но что я! къ чему этотъ бредъ!

Вѣдь ты.... за тобою слѣдять осторожно

Змѣйныя жала, завистливый взглядъ:

Тебя безнаказанно видѣть не можно,

Покинуть, разстаться велеть,

Велеть умереть!..... *(съ горемъ)* О, когда бы вы знали,

Бездушные люди, какъ грустенъ конецъ

Отшельника: онъ умираетъ въ печали,

Глядитъ, и не видитъ привѣтныхъ сердецъ;

Унылъ, одинокъ его одръ погребальный,

Родная рука не закроетъ глаза,

Никто не проводитъ къ могилѣ печальной,

И горсти земли не уронитъ прощальной,

Не канетъ родная слеза!.....

О, еслибъ меня ты узрѣла

Хоть въ грезахъ своихъ!

О, еслибъ на память страданій моихъ

Ты трауръ хоть на день надѣла!

Хоть бантикъ бы черный пришила разъ!.....

Быть можетъ, уронишь слезинку изъ глазъ,

Посмотришь, вздохнешь ты невольно, —

«Меня онъ любилъ» — ты помыслишь, грустя.....

(съ дикою ироніей)

Довольно, ты, плакса презрѣнный, довольно!

Расплакался, словно дитя!

И мнѣ ли вымаливать счастья слезами?

Все, все у меня отнято небесами,
 Но ты, моя гордость, со мной!
 Живой—я не знала униженья,
 И мертвый—теперь не прошу сожаленья.....

(съ рыдательностью)

Властна ты, и дѣлай что хочешь съ собою!
 Забудь!.... я забуду!.... *(въ помпшательствѣ)*

Ужъ я забываю.....

(въ задумчивости)

Черты ея..... смутны..... нельзя уловить.....

Да, въ вѣчность готовясь вступить,

Я страсть временную теперь презираю.....

(молчаніе)

Вздохнулъ я..... о комъ же?.... а! знаю: о ней!

Нѣтъ! видно, и смерть не научит забвенью!

Вотъ, вотъ она!.... здѣсь предо мной, какъ видѣнье,

Стоитъ она..... слезы бѣгутъ изъ очей.....

(горестно)

О милая! плачь: твой Густавъ умираетъ!

(съ рыдательностью)

Ну, дальше, Густавъ, и смѣйся!

(поднимаетъ книжку; печально)

Не бойся, желанный мой другъ, не жалѣй!

Вѣдь все онъ, все въ мѣрѣ тебѣ оставляетъ,

Съ собою же возьметъ ничего, —

Съ тобою и свѣтъ, и любовь, и отрада,

(со любовью)

И даже оставляю..... его.....

А мнѣ—ничего, ни слезинки не надо!

(священнику, который входитъ съ людьми)

Послушай, когда тебя встрѣтитъ одна

(въ помпшательствѣ и изступленіи)

Дѣвица..... нѣтъ, женщина.... ангелъ красую,

И ежели спроситъ она,

Какъ умеръ я, смертью какою, —

Смотри же, старикъ!

Не сказывай ей, что я умеръ съ печали;

Скажи, что я былъ весельчакъ и шутникъ,

Что прежнюю страсть я и помнилъ едва-ли,

Игралъ себѣ въ карты, съ друзьями кутилъ,

Что эта разгульная жизнь безъ заботы.....

Что въ танцѣ я какъ-то вотъ..... *(топаетъ ногой)* ногу сломилъ.....

Отъ этого умеръ..... *(закалывается).*

Священникъ.

О Боже мой! что ты!

(Схватываетъ за руку; Густавъ стоитъ; часы начинаютъ бить).

Густавъ.

(Борясь со смертью, смотритъ на часы)

Свершилось..... одиннадцать бьетъ!

Священникъ.

Густавъ! *(плотухъ поетъ въ другой разъ)*

Густавъ.

И въ другой разъ плѣтухъ ужъ поетъ!

И время уходитъ, и жизнь убѣгаетъ!

(Часы перестаютъ бить, дружалъ свѣча зашевелилась).

А вотъ и другая погасла свѣча!

Страданьямъ конецъ наступаетъ.

(Извлекаетъ книжаль и прычетъ).

Священникъ.

Спасите, скорѣй позовите врача!

Ужъ онъ умираетъ..... взгляните, какъ въ тѣло

Глубоко вонзился книжальъ.....

Онъ жертвой безумія палъ!

Густавъ (съ холодной улыбкой)

Однакожь не падаетъ.

Священникъ (схватываетъ за руку)

Страшное дѣло!

О Боже, прости прегрѣшенье ему!

Густавъ.

Повѣрь, преступленье такое

Не часто бываетъ. Къ чему

Твое опасенье пустое?

Свершилось—такъ Богъ осудилъ.....

И сцену злодѣйства

Я только въ примѣръ для другихъ повторилъ.

Священникъ.

Но чтожь это?

Густавъ.

Фокусъ простой, чародѣйство.

Священникъ.

Я чувствую—холодъ по мнѣ пробѣжалъ!
Что все это значить?... небесная сила!

Густавъ (смотря на часы)

Любви и отчаянья часъ миновалъ,
Теперь завѣщанья пора наступила.

Священникъ (усаживая его)

Прилягъ, успокойся! отдай свой кинжалъ,
Позволь осмотрѣть свои раны, несчастный!

Густавъ.

Даю тебѣ слово, что онъ
До суднаго дня не покинетъ ноженъ.
О ранахъ заботы напрасны:
Ты видишь—здоровъ я иль нѣтъ.

Священникъ.

Но что жъ это значить?

Густавъ.

Безумство и бредъ!
А, можетъ, и фокусъ. Есть много оружія:
Ихъ жало и самую душу пронзить,
А раны не видно снаружи.
Такимъ-то оружіемъ я дважды убить.....
(помолчавъ, съ улыбкой)
При жизни—имъ были красавицы взоры,
(мрачно)
По смерти же—совѣсти грѣшной укоры.

Священникъ.

О Боже мой! что совершается въ немъ?
Стоитъ онъ какъ мертвый, глаза безъ движенія
И тусклы, какъ будто покрыты бѣльмомъ,
И пульса не слышно бѣенія,
Рука холодна.....

Густавъ.

Не объ этомъ теперь.
Послушай, зачѣмъ я явился на свѣтъ:
Когда я вошелъ въ твою дверь,
Я помню, что ты и съ тобой твои дѣти
За души усопшихъ молились тогда.

Священникъ (беретъ раскладіе)

Мы тотчасъ докончимъ. (подводитъ дѣтей)

Густавъ.

Скажи откровенно:

Ты вѣришь и въ адъ и въ чистилище?

Священникъ.

Да!

Я вѣрю во все, что священо,
И что наша церковь велитъ почитать.

Густавъ.

Во что твои вѣрили предки когда-то.
Зачѣмъ же ты *Дѣды* желаешь изгнать?

А этотъ обычай такъ свято
Усопшимъ отцамъ посвященъ.

Священникъ.

Обычай языческихъ, давнихъ временъ.
Мнѣ церковь велитъ, чтобы истины свѣтомъ
Народъ суевѣрный на путь направлять.

Густавъ.

Но всѣ тебя просятъ и молятъ объ этомъ:
Отдай наши Дѣды, оставь ихъ опять.
Повѣрь мнѣ, что тамъ, передъ трономъ небеснымъ,
Гдѣ наши дѣла и заслуги извѣстны,
Слеза, пролитая на гробъ твоемъ
Отъ чистаго сердца простымъ бѣднякомъ,
Тамъ болѣе значитъ, чѣмъ говоръ похвальный
И ложныя слезы корыстныхъ рѣчей,
Притворная скорбь похоронныхъ гостей
И флеромъ обтянутый цугъ погребальный.

И если убогій холопъ,
О добромъ своемъ господинѣ жалѣя,
Грошовую свѣчку поставитъ на гробъ,—
То въ мракѣ загробномъ та свѣчка яснѣе,
Чѣмъ пламень лампадъ и свѣчей,
Притворной печалью зажженный;
И даръ небогатый убогихъ людей,
Съ молитвой на гробъ принесенный,

Ихъ яства претая— и хлѣбы и медъ —
 Скорѣ усоншую душу спасетъ,
 Чѣмъ пышный обѣдъ похоронный.

Священникъ.

Но эти полночныя елочки крестьянъ
 Въ часовняхъ, пещерахъ, вдали отъ селеній, —
 Обрядъ святотатный и жалкій обманъ.
 Онъ чернь погружаетъ во тьму заблуждений,
 Плодитъ предрасудки и сказочный бредъ
 О чарахъ духовъ, умирей, привидѣній.

Густавъ.

А ихъ, полагаешь ты, нѣтъ?

(иронически)

Природа, по-твоему, вовсе бездушна?
 И если живетъ, то живетъ какъ скелетъ,
 Какой-то незримой пружиной послушна;
 Иль, можетъ, подобна огромнымъ часамъ,
 Которыми движетъ законъ тяготѣнья?

(съ улыбкой)

Да только извѣстно ли вамъ,
 Кто гири повѣсилъ въ минуту творенья?
 Вашъ умъ всё колеса, винты, рычаги
 Узналъ,—но не видитъ ключа и руки.—
 Отбрось близорукаго разума сѣти,

И ты убѣдишься, что въ свѣтѣ
 Все движется, вѣчно жива и дышитъ.

(дѣтямъ, которыя входятъ)

Сюда подъ конторку подите-ка, дѣти.

(къ конторкѣ)

Что тебѣ нужно, душа?

Голосъ изъ конторки.

Прошу обо мнѣ помолиться.

Священникъ. (въ ужасѣ)

О Боже!... гдѣ люди?... зовите сюда!

Здѣсь чудо творится!

Густавъ.

Стыдись! гдѣ же вѣры твоей чистота?
 Гдѣ разумъ, которымъ привыкъ ты гордиться?

Нѣтъ силы сильнѣ креста,
Кто вѣруеть, тотъ ничего не боится.

Священникъ.

Что-жъ нужно тебѣ?... Это призракъ, мертвецъ!

Густавъ.

Я, я ничего не желаю, отецъ;
Желающихъ много найдешь, безъ сомнѣнья!.....

(ловитъ около сальки мотылька)

Ага, мотылекъ! не ушелъ отъ меня!

(показывая сальку между мотылькомъ)

Вотъ этотъ мелькающій рой вокругъ огня

При жизни гасилъ просвѣщенье.

За это на страшномъ судѣ

Они въ темнотѣ непротяжной томятся,

И — грѣшной душою, скитаясь вездѣ —

Хоть свѣта не любятъ, а къ свѣту стремятся.

Нѣтъ кары страшнѣе для темныхъ духовъ!

Взгляни—вотъ одинъ изъ такихъ мотыльковъ,

Въ нарядѣ разноцвѣтный одѣтый,

Былъ прежде владѣлецъ, наной-нибудь шахъ,

И крыльевъ его исполинскій размахъ

Весь край заслонялъ отъ источника свѣта.

А этотъ другой мотылекъ,

Собой некрасивый, пузатый, —

Былъ ценсоромъ' глупымъ когда-то;

Летая въ илустивъ съ кѣтки на цвѣтокъ,

Всю прелесть твореній чернилъ отъ позорно,

Ихъ сладость высасывалъ жаломъ тлетворно,

Безжалостно въ прахъ ихъ топталъ,

И въ самомъ зародившѣ добрымъ зерна

Онъ зубомъ змѣннымъ сгрызалъ.

А эти, спующіе стаей крылатой, —

Угодники знатныхъ, писани изъ платы;

Бывало, на что ихъ патронъ возстаеъ,

Какія онъ гонить идеи и дѣла, —

Туда они тучей проклятой летѣли,

И плодъ, чуть развитый и зрѣлый ужъ плодъ

Они саранчей безопадною ѣли.

За нихъ и молитвы не стѣишь прочесть,

Не нужно ни жертвъ, ни моленья.

Но знаю я: многіе есть,
 Которые стоятъ вполнѣ сожалѣнья.
 И тѣ между ними, кого ты училъ,
 Чей умъ окрылялъ ты для высшаго лету,
 Чей жаръ распалать прилагалъ ты заботу.....
 И муку, какую имъ рокъ присудилъ,
 Тебѣ показалъ я, разставшись съ могилой,
 И здѣсь, въ эту пору, покорный судьбѣ,
 Всю жизнь свою, что со мной было,
 Я пережилъ снова, въ науку тебѣ.
 Такъ имъ ты носи облегченье
 Въ дарахъ и усердномъ моленьи,
 А я отъ тебя ничего не прошу.
 За грѣхъ мой—мнѣ жизнь была мукой моею,
 Теперь же и самъ я рѣшить не умѣю,
 Награду иль кару сношу.
 Чье сердце при жизни блаженство вкусило,
 Кто въ другѣ увидѣлъ себя самого,
 И кто, забывая свое существо,
 Сливался душою и чувствами съ милой,
 Чье сердце ея только мыслию жило,
 Дышало дыханьемъ ея, —
 Тому и по смерти утратить придется
 Свое бытіе:
 Онъ съ милой навѣки сольется,
 И будетъ лишь тѣнью ея.
 Кто въ жизни былъ вѣренъ святому призванью;
 Тому и хвала въ небесахъ;
 Кто злomu,—тотъ въ адскихъ огняхъ
 Навѣкъ понесетъ наказанье.
 По счастью, мнѣ ангелъ былъ данъ за вождя, —
 И свѣтлая насъ ожидаетъ награда.
 Теперь я, какъ призракъ за мою слѣда,
 Бываю то въ небѣ, то въ пропастяхъ ада.
 Когда обо мнѣ она вспомнитъ порой,
 Вздохнетъ и уронитъ слезу состраданья, —
 Къ устамъ припаду я, вливаю дыханье,
 И съ нею сливаюсь душой,
 И небо сіяетъ тогда предо мною!....
 А если..... тѣ знаютъ, чье сердце любило,
 Какъ завсегда насъ мучить и жечь!....

И долго еще мнѣ скитаться уныло,
 Пока меня Богъ призоветъ, —
 Тогда—неразлучно—за милой
 И блѣдная тѣнь моя въ небо войдетъ!

(Часы начинаютъ бить; Густавъ поетъ).

«Внемлите, и знайте завѣтъ правосудный,
 «И въ сердцѣ храните у васъ:

«Тому, кто при жизни былъ въ небѣ хоть разъ,
 «По смерти вступить туда трудно!

*(Часы перестаютъ бить; пѣтухъ поетъ; лампада передъ образомъ гаснетъ;
 Густавъ исчезаетъ).*

Хоръ.

Мы внемлемъ и знаемъ завѣтъ правосудный,
 Его сохраняемъ мы въ сердцѣ у насъ:
 Тому, кто при жизни былъ въ небѣ хоть разъ,
 По смерти вступить туда трудно!

А. С.

Элегія.

Покинь меня, мой юный другъ!
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:
Я испыталъ любви недугъ —
И знаю я, какъ онъ ужасенъ...
Но что, безумный, я сказалъ?
Къ чему укоры и упреки?
Ужъ я твой узникъ, другъ жестокий;
Твой взоръ меня очаровалъ.
Я увлеченъ своею судьбою,
Я самъ къ погибели бѣгу:
Боюсь встрѣтиться съ тобою,
А не встрѣчаться не могу.

К. Р—ВЪ.

КАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

(Изъ записокъ С. Н. Глинки.)

Объ изданіи Русскаго Вѣстника повѣстилъ я въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Увѣдомленіе возбудило и недоумѣніе и удивленіе. Въ то время я еще бывалъ въ блестящемъ кругу московскомъ; для обѣдовъ мнѣ не нужно было разводить огня. Если-бъ въ недѣлѣ скоплялось и тридцать дней, то и на тѣ стало бы званыхъ обѣдовъ. Домъ *А. С. Небольсиной* былъ первымъ домомъ гостепріимнымъ; по четвергамъ у нея были званые обѣды. Въ первый четвергъ по выходѣ моего увѣдомленія о Русскомъ Вѣстникѣ, встрѣтился я у нея съ графомъ *Θ. В. Ростопчинымъ*. Съ ласковымъ привѣтомъ, графъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—Я читалъ ваше увѣдомленіе; отважное предпріятіе удивляетъ меня.—«Что же тутъ удивительнаго! отвѣчалъ я:—издатель хочетъ въ Россіи говорить о Россіи. Я видѣлъ народъ русскій въ земской моей службѣ, я ознакомился съ духомъ его; я прислушивался къ задушевному его голосу. Да и сами вы, графъ, такъ умно и живо высказали въ лицѣ вашего Богатырева въ вашихъ «мысляхъ вслухъ на красномъ крыльцѣ» духъ русскаго народа. Мое перо не чета вашему; у вашего пера крылья и ваши мысли вслухъ разлетались во всеуслыша-

ніе». — «Благодарю васъ за вашъ отзывъ, но я крайне не благодаренъ А. С. Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія, перепечатавъ мои листки, вставилъ наряду съ Багратиономъ и другими русскими полководцами имя Бенигсена, о которомъ я и не думалъ. Но объ этомъ поговоримъ послѣ. А теперъ предлагаю вамъ себя въ сотрудники, только съ условіемъ: запальчивое перо мое часто бываетъ заносчиво, удерживайте, останавливайте меня. «Графъ, отвѣчалъ я, предложеніе ваше для меня и самое лестное и самое трудное. Между нами такое большое разстояніе». — Полноте, полноте, возразилъ графъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, тамъ не считаются именами. — Обстоятельства высказываютъ человѣка. По смерти князя Таврическаго, у котораго Ростопчинъ былъ въ числѣ адъютантовъ, объ немъ почти вовсе не было слышно. — Знали его только по его острымъ шуткамъ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Перваго, быстро награжденъ былъ Ѳ. В. Ростопчинъ и кавалеромъ Андрея Первозваннаго, и графомъ, и званіемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Всыхнувшая 1798 года война съ французскою республикою, открыла графу Ростопчину блистательное поприще. Съ дѣйствіями необычайной войны, обхватившей Францію со стороны Италіи, Швейцаріи, Англіи, Голландіи, графъ оказалъ необычайныя способности, сопряженныя съ его чредою. Съ именемъ его ознакомилась вся тогдашняя политика европейская.

Увѣдомленіе о Русскомъ Вѣстникѣ отворило мнѣ двери дома княгини *Дашковой*.

Вотъ какъ это было:

Посломъ ко мнѣ отправила княгиня книгопродавца *Полежаева*, старшаго лѣтами, но едва не бѣднѣйшаго изъ тогдашнихъ московскихъ книгопродавцевъ, хотя ему и удалось племянниковъ своихъ Глазуновыхъ вывести на счастливую колею книжной торговли.

Княгиня съ русскими людьми была не слѣсива, безъ чиновъ разговаривала она съ *Полежаевымъ*, и охотно слушала его разговоръ о всякой всячинѣ. вмѣстѣ съ путеводителемъ моимъ отправился я къ княгинѣ въ ея домъ на *Никитской*, перешедшій къ графу Воронцову. Лѣстница была не высока,

но, какъ увидимъ, условіе о сотрудничествѣ тяжелѣе было лѣстницы на *Иоаннъ великій*. Быстро встала княгиня съ софы при входѣ нашемъ и, подошедъ ко мнѣ, сказала: «Рада очень, что вижу издателя Русскаго Вѣстника. Я вызываюсь къ вамъ въ сотрудничцы, только съ уговоромъ: я настойчива и даже своенравна въ мнѣніи и въ слогѣ моемъ; прошу не перемѣнять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки». А тутъ, говоря по гомеровски, и очутился я между двухъ скалъ: *циллою* и *харибдою*; или, говоря просто, отдѣлываться среди двухъ огней: графъ требовалъ, чтобы я его оставлялъ, а княгиня требовала перу своему воли безусловной. Усадя меня и Полежаева, княгиня тотчасъ смягчила строгій приговоръ своимъ очаровательнымъ для меня привѣтомъ. «Я прочитала, сказала она, вашу повѣсть о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное для меня воспоминаніе. И она рассказала мнѣ какъ Екатерина была въ маскерадѣ у Льва Александровича Нарышкина, въ нарядѣ Натальи Кириловны, а княгиня Дашкова одѣта была подмосковскою крестьянкою, и пѣла въ хороводѣ пѣсни:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой;
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа».

Разсказъ объ этомъ отчасти былъ помѣщенъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года.

Напечатанъ также въ Русскомъ Вѣстникѣ подлинный отзывъ Екатерины о русскомъ народѣ, переданный мнѣ княгинею: «народъ русскій надѣленъ силою, умомъ и догадкою».

Въ третій мой приходъ къ княгинѣ, она снова подарила меня живою своею памятью о дняхъ минувшихъ. Я засталъ ее за чтеніемъ одъ Ломоносова, изданныхъ въ четвертую долю листа. Не закрывая книги, она сказала: «я было собиралась вамъ писать о Ломоносовѣ, но вы здѣсь сами. Изъ первой вашей книжки вижу, что вамъ памяти не занимать. Слушайте, я расскажу вамъ о Екатеринѣ и о нашемъ холмогорскомъ поэтѣ».

«Незадолго до кончины его приѣзжаю во дворецъ и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился, поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ». — Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто, прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» — онъ вскочилъ, какъ будто съ просонокъ. Екатерина повторила: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ. Я приѣхала съ княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи, или лучше сказать, о вашей грусти». Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, государыня! не я не здоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!» — «Полечите ее, отвѣчала Екатерина, полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что же, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?» — «Измѣнить вамъ, матушка государяня? Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало:

Твой грудь для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой!

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она возразила: Вѣрю, вѣрю, Михайло Васильевичъ! А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра приѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такія же горячія, какими подчивала васъ ваша хозяйка.

Почему я тогдаже не помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ разсказа, объ этомъ будетъ далѣе. Но пока яблоко раздора еще не упало между нами, то приходы мои къ княгинѣ оставались у меня всегда въ памяти.

Вотъ еще ея разсказъ.

Когда пронеслась молва по Петербургу о схваткѣ прикащиковъ нашего купца Владимірова съ англійскими купцами въ Лондонѣ, княгиня Дашкова получила отъ Екатерины слѣдующую записку: «Пріѣзжай ко мнѣ. Знаю Англію, но мнѣ нужно поговорить съ тобою объ Англичанахъ; ты лично наблюдала ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, умъ хорошъ, а два лучше».

Государыня встрѣтила ее словами: «Слышала ты, что задумалъ нашъ проказникъ Владиміровъ? Онъ приказалъ бросить въ море половину своей пеньки, завезенной въ Англію, сердясь за то, что Англичане сбивали на нее цѣну. Я призывала его, и онъ говоритъ: «Матушка, будьте спокойны, русская торговля не ударитъ въ грязь лицомъ. Пусть они упрямятся, они ничего не выиграютъ; если за половину не дадутъ того, что слѣдовало за все — велю утопить часть пеньки — пропади все. Не дамъ насмѣхаться надъ собою. Договоръ долженъ быть святъ. Будьте спокойны, матушка».

«Вотъ что онъ говоритъ, а ты какъ объ этомъ думаешь?» Княгиня отвѣчала: «Я думаю, государыня, что онъ правъ. Пенька для русской торговли съ Англіей стоитъ почти на ряду съ нуждою хлѣба. Купцы англійскіе дѣлаютъ Владимірову пустую привязку. Неумѣстная ихъ гордость уступить необходимости. Гдѣ имъ взять на скорую руку такой запасъ пеньки! «Такъ и сбилось. Владиміровъ за остальное вырубилъ свое сполна».

Вслѣдъ за этимъ рассказомъ получилъ я отъ княгини первую ея статью въ Русскій Вѣстникъ. Англичанамъ былъ въ ней праздникъ, а сынамъ Германіи туманныя сумерки. Видна птица по полету; говоритъ наша пословица. По полету мыслей и по замашкѣ пера княгини я увидѣлъ, что сотрудничество ея быстро промелькнетъ; замѣчанія и оговорки строго были мнѣ запрещены. А потому я спѣшилъ похищать (признаюсь въ этомъ грѣхѣ), сокровища ея памяти. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, какого была мнѣнія Екатерина о началѣ и ходѣ французской революціи? Вслѣдствіе этого, доставляя княгинѣ книжку Вѣстника съ ея статьею, я предложилъ ей этотъ вопросъ. Княгиня пробѣжала сперва

свою статью и не встрѣтя въ ней ни малѣйшаго измѣненія, начала свой разсказъ.

«Спѣша во дворецъ, я встрѣтила принца д'Артуа, въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, не отнямая платка отъ глазъ. Императрицу застала я въ слезахъ. «Вы плакали, государыня?» сказала я.

«Плакала, да есть отчего плакать, горестно отвѣчала Екатерина. Принцы французскіе въ изгнаніи; королевское семейство гибнетъ; старинная Франція, какъ будто бѣжить изъ отечества своего. И это ни къ чему не послужило. Эмигранты вошли во Францію вмѣстѣ съ союзными войсками и вмѣстѣ съ ними убѣдились, что имъ нечего уже дѣлать. Зная легкомысленность и вѣтренность Французовъ, и убѣжденная въ необходимости порядка общественнаго, я полагаю, что суматоха французская будетъ минутнымъ порывомъ. Ошиблась. Это не бунтъ, не революція: это, Богъ знаетъ, что такое. Закроемъ высокоумныя книги наши и примемся опять за букварь»

«Государыня!» сказала я.—Вы то же говорите, что Гиббонъ говорить въ письмѣ, которое я на-дняхъ получила отъ него изъ Женевы. Онъ пишетъ, что зрѣлище теперешней Франціи—небывалое событіе въ исторіи, и что при всѣхъ усиліяхъ мысли, нельзя опредѣлить, чѣмъ все это кончится».

«Это извѣстно Богу,» возразила Екатерина. «Правда, однако и то, что тутъ не кстати замѣшалось пустое чванство. Къ чему было дворянству наряжаться въ рыцарскія одежды, залитыя золотомъ? къ чему было депутатовъ *du tiers état*, въ бѣдныхъ ихъ черныхъ эпанечкахъ заталкивать въ сѣни дворца версальскаго? Не люблю Людовика XI, но онъ правду сказалъ:

*Quand l'orgueil marche devant,
Dommage suit de près».*

Я ничего не намекнула принцу о мнѣніи моемъ; но у насъ при собраніи депутатовъ имперіи всѣмъ былъ равный приемъ и одинаковая почестъ. Бранятъ Неккера за то, что онъ удвоилъ число депутатовъ средняго сословія противъ чиновъ дворянства и духовенства, но бранятъ его несправедливо.

По закрытіи нашей палаты въ Москвѣ, депутаты разѣхались по домамъ своимъ, съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, и это ускорило преобразование губерній. Ты знаешь, какія клеветы ввозило на меня французское министерство? Легкомысленному герцогу Шуазёлю не понравился мой наказъ за изъявленное въ немъ вниманіе къ народу — и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не перемѣнила мнѣнія моего о русскомъ народѣ, а во Франціи все перемѣнилось. Люблю перо Вольтера, но чрезвычайно досажую на него за презрѣніе къ хижинамъ поселянъ. Народъ надобно вразумлять, а не бранить. Ты помнишь, что я говорила во время Пугачевского бунта? я была убѣждена, что одно заблужденіе, будто бы онъ тотъ, за кого выдаетъ себя, привлекло къ нему народъ; я твердо была увѣрена, что когда толпы образумятся и узнаютъ наглый обманъ, то сообщники его сами собственными руками выдадутъ его. Впрочемъ, въ сужденіи Франціи я буду держаться правила моего доктора Роджерсона: онъ всегда выжидаетъ дѣйствія природы, а потомъ начинаетъ давать лекарства, и я стану выжидать, что будетъ во Франціи».

Княгиня рассказывала мнѣ это въ тотъ самый вечеръ, когда графъ Алексѣй Кириловичъ *Разумовскій*, отправляясь въ Петербургъ на чреду министра народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ проститься съ нею. Провожая его до дверей, княгиня сказала: «Повторяй мое мнѣніе въ Петербургѣ: Англія, Англія, Англія и Англичанѣ.»

Увы! и для меня этотъ вечеръ былъ прощальнымъ съ умною, но неуступчивою въ мнѣніи своею княгинею.

Вотъ какъ это случилось:

Черезъ три дня получилъ я отъ княгини *Дашковой* вторую ея статью въ «Русскій Вѣстникъ». И въ ней величала она Англичанъ, а безопадно казнила Нѣмцевъ. Сердясь на *Рейнскій союзъ*, она бросила перуны свои и на всѣ племена, описанныя живымъ перомъ Тацита. Что было дѣлать? пришлось и мнѣ ухитриться. Неучтиво было сражаться явно; а потому я упросилъ добраго моего пріятеля и цензора Алексѣя Федоровича *Мерзлякова*, извѣстить меня запискою, что онъ никакъ не соглашается пропустить присланной

статьи. Мерзляковъ отстоялъ меня, и я къ запискѣ его при-
совокупилъ слѣдующее письмо къ княгинѣ:

«Въ стѣнахъ еще училища моего затвердилъ я остро-
умное посланіе ваше къ слову *такъ*. Вы сказали:

«Когда большіе господа

«Кого ругаютъ,

«Тогда

«Стоящіе предъ ними потакаютъ:

«*Такъ!* такъ! сударь, такъ! такъ!»

«По уваженію къ вамъ, мнѣ стыдно быть *такальщикомъ*, то есть: ринуться въ число тѣхъ льстецовъ, на которыхъ падали ваши стрѣлы. Вотъ почему и впредь не буду помѣщать въ Вѣстникъ грозныхъ вашихъ выходовъ противъ племенъ германскихъ. Вы любите Екатерину; вы передали мнѣ о ней сокровища вашей памяти; а Екатерина говорила, что «одинъ Богъ совершенъ». Вы особенно величаете Англичанъ за непреклонную ихъ борьбу съ Наполеономъ; боролись съ нимъ и сыны Германіи. Были у насъ въ модномъ свѣтѣ свои *Англومانъ* и *Галломанъ*. Первые гонялись за погремущками модъ лондонскихъ, а другіе за парижскими. Приняли мы при Петрѣ Первомъ одежду нѣмецкую или, лучше сказать, иностранную, но вѣнскихъ модъ у насъ не было и нѣтъ.»

Съ роковою вѣстію о непріятіи статьи отрядилъ я къ княгинѣ посредника нашего, книгопродавца Полежаева. Грозно вспыхнула сочинительница. Вертѣла и перевертывала то записку ценсора, то мое письмо. «Какъ смѣлъ ценсоръ, говорила она, не пропустить моей статьи? А этотъ издатель Вѣстника, что онъ за выскочка?» И обратясь къ Полежаеву, прибавила: «Посмотри, мой другъ! какими огромными буквами испестрилъ онъ письмо свое. Развѣ я дитя; развѣ онъ хочетъ учить меня азамъ? Переучивать меня! переучивать друга Екатерины!» Много еще было такого пылу, но не надолго. Въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника напечаталъ я письмо къ княгинѣ, подъ заглавіемъ: «Письмо издателя Русскаго Вѣстника къ знаменитой Россіянкѣ.» Въ этомъ письмѣ из-

ложилъ я подробно все то, что англійскіе писатели огромной всемірной исторіи, говоря просто, нагородили о нашей землѣ русской и о новой нашей Россіи. Немедленно явился ко мнѣ Полежаевъ съ привѣтомъ княгини и съ отзывомъ, что хотя она и очень досадовала на возвращеніе ея статьи, какъ сочинительница, но какъ Россіянка, она отдаетъ справедливость всему тому, что напечатано къ ней въ письмѣ моемъ и что она приглашаетъ меня на вечера свои. За отзывъ я благодарилъ княгиню, а отъ вечеровъ отказался. Къ умной княгинѣ съѣзжались по вечерамъ не рыцари *Артура* стола, но остряки, и рыцари зеленого стола, въ числѣ которыхъ былъ Ю. А. Нелединскій. Играли, и была борьба мнѣній политическихъ. Чрезвычайно сердилась княгиня, выигрывая въ карты (что однако случалось рѣдко), и торжествовала, когда выигрывала въ спорѣ политическомъ. Съ умомъ Россіянки, у нея былъ весь умъ европейскій. Вскорѣ рушилось и сотрудничество со мною графа Ѡ. В. Ростопчина,—и вотъ по какому случаю:

1808 года, въ круженіи большого московскаго свѣта разлетѣлась молва, будто бы умеръ молодой графъ Петръ Ивановичъ, сынъ графа Ивана Петровича *Салтыкова*. И вдругъ мнимый покойникъ явился въ полномъ здоровьи и, какъ слышно было, присватывался къ одной изъ московскихъ красавицъ. Отъ этихъ толковъ изъ-подъ пера графа Ѡ В. Ростопчина вышла очень бойкая комедія: «*Вѣсти, или мертвецъ въ живыхъ*.» Эта драматическая попытка показываетъ, что еслибъ графъ Ростопчинъ почаще острилъ комическое перо, то, можетъ быть, обогналъ бы и сочинителя *Недоросля*. Послѣ деревенскаго *Недоросля*, появились въ нашемъ модномъ свѣтѣ свои *недоросли*. А графъ зналъ и свѣтъ и все его причуды, и у него въ русской рѣчи была та *соль*, которая славилась въ древней Греціи подъ названіемъ *соли аттической*. Въ комедіи своей онъ мѣтилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, различнымъ лицамъ, извѣстнымъ въ тогдешнемъ большомъ свѣтѣ. При раздачѣ *ролей*, роль *Богатырева*, въ которой сочинитель высказывалъ себя, досталась П. А. *Плавильщикову*; но на бѣду онъ заболѣлъ. Я настаивалъ, чтобы графъ отложилъ представленіе комедіи своей до вы-

здоровленія *Плавильщикова*. Бѣда бѣду родить, эта пословица сбылась съ «*Вѣстями*» графа. Сочинитель «*Лизы и рекрутскій наборъ,*» зналъ всѣ гостинныя тогдашнихъ московскихъ вельможъ и увивался около нихъ съ низкопоклонностію. Прислуживаясь графу не въ-попадъ, онъ увѣрялъ его, что новый актеръ *Кондаковъ*, введенный имъ на театръ, не ударить лицомъ въ грязь и отстоитъ *Богатырева*. Лестъ побѣдила мое мнѣніе; не знаю однако, отразилъ ли бы и *Плавильщиковъ* натискъ, готовящійся на «*Вѣсти*» подъ знаменемъ той барыни, которую, въ лицѣ *Набатовой*, сочинитель вооружилъ противъ себя. Не было набата, но зато роковые отголоски свистковъ жужжали не хуже пуль. У графа разлилась желчь и вылилась изъ пера его на московскихъ, зрителей въ двухъ письмахъ, присланныхъ ко мнѣ изъ села его Воронова. Вскорѣ потомъ, свидясь съ графомъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ вызывался въ сотрудники «*Вѣстника*», я сказалъ ему, что, въ силу его предварительнаго условія, я не напечатая его писемъ, въ нихъ слишкомъ много желчной колкости. Графъ махнулъ рукой, прищурилъ по обыкновенію лѣвый глазъ и молча отошелъ отъ меня. На другой день, едвали не на зарѣ утренней, отъ перваго моего сотрудника ~~летѣла~~ такая же буря, какая разразилась надъ головою моею отъ первой моей сотрудницы. Въ третьемъ лицѣ получилъ я отъ графа французскую записку, гласившую, что: «графъ *Растопчинъ* требуетъ отъ маіора *Глинка* свои бумаги». Я отвѣчалъ по-французски, что: «маіоръ *Глинка*, не привыкнувъ раболѣпствовать ни чѣмъ прихотямъ, съ радостію освобождаетъ себя изъ-подъ ярма условнаго и возвращаетъ бумаги графу *Растопчину*». Такъ кончилось сотрудничество графа въ «*Русск. Вѣстникѣ*». На нѣсколько дней сходились мы въ исходѣ 1809 года. Наконецъ дружно сблизились подъ громомъ пушекъ *Наполеона*.

О НѢМЕЦКОХЪ СТУДЕНТАХЪ.

(Письмо изъ-за границы по поводу 50-лѣтняго юбилея берлинскаго университета).

Въ августѣ 1860 г. исполнилось 50 лѣтъ существованія берлинскаго университета, и не только Берлинъ, но и вся образованная Германія ожидала съ большимъ любопытствомъ готовившагося по этому случаю праздника. Любопытство возбуждалось и воспоминаніемъ объ эпохѣ, въ которую онъ былъ основанъ, и мыслию о его блестящихъ успѣхахъ въ научномъ мірѣ.

Берлинскій университетъ былъ основанъ въ 1810 г., во время самаго бѣдственнаго положенія Пруссіи. Разбитая при Іенѣ и Ауерштедтѣ, она лишилась въ теченіе двухъ недѣль половины своихъ владѣній, арміи, потеряла всякое значеніе въ политической жизни Европы, должна была заплатить огромную контрибуцію; столица ея была занята побѣдителемъ, король уѣхалъ въ Кенигсбергъ и долженъ былъ согласиться на всѣ условія, предписанныя Наполеономъ. Быстрое паденіе могущества монархіи Фридриха Великаго открыло глаза и правительству и лучшимъ людямъ Пруссіи: они увидѣли, что это могущество было основано на одной военной и бюрократической силѣ, которая скрывала подъ оболочкою внѣшняго величія страшную болѣзнь: феодальныя привилегіи дворянства, монопольныя права городскихъ жителей, закрѣпленіе земледѣльческаго сословія, частныя суды, подавленіе свободнаго развитія матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа и т. п.

Подъ вліяніемъ этого печальнаго открытія правительство приступило къ реформамъ: началась знаменитая дѣятельность Штейна: крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости; промышленность и ремесла — отъ стѣснительныхъ цеховъ и государственной опеки, войско — отъ сухой и мертвящей дисциплины; частные суды уничтожены; формализмъ административныхъ отправленій ослабленъ; даже дворянство было лишено нѣкоторыхъ, наиболѣе нелѣпыхъ привилегій (впрочемъ очень многія остались въ силѣ и до настоящаго времени).

Совершая общественныя реформы, поднимая внутреннюю жизнь народа, правительство хотѣло дать толчекъ и умственному развитію, создать центръ для высшихъ научныхъ интересовъ и остановилось на мысли основать университетъ въ Берлинѣ. Пруссія и безъ-того имѣла университеты, но всѣ они отличались по большей части мѣстнымъ характеромъ, были расположены въ отдаленныхъ углахъ государства и не могли приобрести общаго національнаго значенія. Кромѣ того, гамльскій университетъ, стоявшій въ головѣ научнаго движенія до начала борьбы съ Франціею, отошелъ къ Вестфальскому королевству и упалъ. Гумбольдтъ, Нибуръ и Вольфъ, пользовавшіеся большимъ значеніемъ и довѣріемъ правительства, особенно настаивали на необходимости учредить университетъ въ Берлинѣ, который, по ихъ мнѣнію, «долженъ послужить центромъ и залогомъ нравственнаго и умственнаго развитія будущей свободной и единой Германіи.» Долго колебался король; особенно стѣснялъ его недостатокъ финансовыхъ средствъ разоренной Пруссіи. Наконецъ необходимыя суммы были найдены, и въ 1810 г. университетъ открытъ.

Открытіе состоялось очень просто, безъ всякихъ торжествъ, рѣчей, тостовъ, какъ слѣдовало ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи. Въ первые два-три года жизни университета, научное движеніе было слабо, слушателей немного, нѣкоторые каѳедры оставались незанятыми; на первомъ планѣ для берлинскаго общества стояли тогда вопросы политическіе, мысль объ освобожденіи Пруссіи и Германіи отъ чужеземныхъ побѣдителей. Вскорѣ началась война за освобожденіе; король сдѣлалъ воззваніе къ общему возстанію; народъ отвѣчалъ съ энтузіазмомъ; студенты успѣшили оставить аудиторіи и стали въ ряды волонтеровъ; одушевленіе было такое, что даже многіе профессора записались въ военную службу. Университетъ оупустѣлъ, и то было единственное время, когда его аудиторіи не были полны. Впрочемъ, оно продолжалось недолго; менѣе чѣмъ въ теченіе

года французское владычество было потрясено, студенты возвратились въ университеты, профессора открыли свои чтенія; собственно съ этихъ поръ и началась блестящая дѣятельность берлинскаго университета.

Какое же мѣсто занялъ онъ въ общемъ ходѣ германской науки? какому направленію онъ подчинился? Отвѣчать на эти вопросы тѣмъ необходимо, что германскіе университеты всегда отличались определеннымъ характеромъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои эпохи славы и упадка.

Самостоятельное развитіе германскихъ университетовъ началось со времени реформации; въ эту пору, въ первый разъ, они ставятъ для себя определенную задачу, состоящую въ защитѣ свободнаго религіознаго духа противъ напора со стороны папъ и католическихъ орденъ; съ особеннымъ усиліемъ вывозили ее Виттенбергъ; отсюда выходили религіозные реформаторы, проповѣдники новаго исповѣданія, здѣсь же составлялись памфлеты и религіозныя книги, подрывавшія католическій догматизмъ. Къ концу XVII вѣка борьба стихла; новое ученіе утвердилось и германскіе университеты потеряли свой живой общественный характеръ; наступилъ періодъ безплодныхъ религіозныхъ споровъ и сухой схоластики. Галльскій университетъ первый вышелъ изъ этого застоя; въ половинѣ XVIII вѣка въ немъ явились Томасій, Франкъ, а вслѣдъ за ними Вольфъ; два первые принесли съ собой критическій духъ, вооружились противъ схоластическаго характера науки и положили начало чисто-научному движению, основанному на полной свободѣ анализа и преподаванія; послѣдній развилъ и обработалъ здѣсь свою философскую систему, господствовавшую потомъ такъ долго въ Германіи, и сдѣлалъ Галле исходнымъ пунктомъ и отечествомъ новой германской философіи.

Немного позднѣе получили въ Германіи значительное развитіе естественныя науки и было возбуждено изученіе классическихъ древностей и исторіи; но эти отрасли знаній не нашли себѣ пріюта въ Галле, гдѣ преобладало идеальное направленіе вольфовою системы, и утвердилось въ геттингенскомъ университетѣ; это было во второй половинѣ XVIII столѣтія,—время, съ котораго Геттингенъ приобрѣлъ славу, признанную за немъ и до нашихъ дней; представителями его были Мосгеймъ, Бѳмеръ, Галлеръ, Гесснеръ.

Разладъ между идеализмомъ Вольфа и реальнымъ направленіемъ въ Геттингенѣ вызвалъ глубокое и блестящее ученіе Канта, стре-

*

мившееся разрѣшить безконечный споръ догматиковъ и реалистовъ и наполнить пустоту между мыслию и жизнью. Главнымъ поприщемъ этого ученія былъ Кёнигсбергъ, гдѣ Кантъ не только обработалъ свою систему, но и читалъ ее на кафедрѣ. Благодаря этому обстоятельству, кёнигсбергскій университетъ, расположенный въ отдаленномъ и темномъ углу сѣверной Германіи, вышелъ изъ второстепенной роли, привлекъ къ себѣ лучшія силы профессоровъ и студентовъ и долгое время стоялъ въ головѣ другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Идеальная сторона ученія Канта особенно привилась къ Іенѣ, гдѣ явилось много молодыхъ ученыхъ, развившихъ ее до послѣднихъ результатовъ; между ними особенно былъ замѣчательнъ Фихте: онъ отвергъ самостоятельную жизнь предметнаго міра и поставилъ во главѣ созданія и мировой жизни человѣческое сознаніе. Лекціи Фихте были отголоскомъ и выраженіемъ господствовавшего тогда во Франціи политическаго и общественнаго направленія, и пользовались огромнымъ сочувствіемъ: германскіе юноши, слышавшіеся о французской революціи и ея началахъ, охотно вѣрили въ творческую силу фихтевскаго Ich, и спѣшили въ Іену послушать знаменитаго ученаго.

Но въ то время, когда Фихте такъ произвольно распоряжался дѣйствительнымъ міромъ, въ области естественныхъ наукъ, особенно химіи, физиологіи, геологіи, были совершены важнѣйшія открытія, и природа потребовала признанія своихъ правъ; защитникомъ и истолкователемъ ихъ явился Шеллингъ, котораго первыя лекціи начались въ Іенѣ; онъ отличался страстной любовью къ природѣ, поэтическими образами и производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей, а вскорѣ привлекли къ себѣ общее вниманіе всей ученой Германіи и сдѣлали Іену рѣшительнымъ центромъ новой философіи. По стеченію особенно—счастливыхъ обстоятельствъ, въ Іенѣ жили, одновременно съ Фихте и Шеллингомъ, оба Шлегели, Шиллеръ, Гумбольдтъ, Гумбольдтъ и всѣ, кромѣ послѣдняго, занимали кафедры; это придавало іенскому университету еще болѣе блеска и въ короткое время поставило его на высоту, какой не достигалъ до-тѣхъ-поръ ни одинъ изъ германскихъ университетовъ.

Между тѣмъ естественныя и классическія науки нашли для себя еще болѣе широкое поприще въ Галле. На его кафедрахъ появились первые современные естествоиспытатели: Форстеръ (мореплаватель), Реаль (психологъ—врачъ), Лодеръ (анатомъ), и гениальный толкователь Гомера—Вольфъ; въ то же время здѣсь начали свою дѣятель-

ность Штеефенсъ и Шлейермахеръ. При такихъ профессорахъ галльскій университетъ скоро сталъ затѣмнять Іену и готовился снова занять первое мѣсто въ движеніи германской науки; но Франція наноситъ пораженіе Пруссіи и жизнь народа пошла другой дорогой: галльскій университетъ отошелъ къ Вестфальскому королевству и разстроился; нити, соединявшія преемственное развитіе германскихъ университетовъ, были порваны, научное развитіе прекратилось. Въ такую-то минуту родилась мысль основать университетъ въ Берлинѣ.

Съ первыхъ же годовъ своего существованія берлинскій университетъ имѣлъ на своихъ кафедрахъ лучшихъ германскихъ ученыхъ; особенно замѣчательны были въ это время: Фихте, Штеефенсъ, Гуффеландъ, Реаль и др. Впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ приобрести преобладающаго вліянія на научное движеніе и до 20-хъ годовъ берлинскій университетъ не представлялъ одного общаго направленія. Въ 20 году на мѣсто Фихте былъ приглашенъ Гегель и вскорѣ сдѣлался первой знаменитостью университета и всей германской философіи. Лекціи Гегеля далеко не отличались блестящимъ изложеніемъ, были нерѣдко утомительны и тяжелы, но производили на слушателей невыразимое впечатлѣніе. Все, что было въ это время въ Германіи молодого, любознательнаго и даровитаго, все спѣшило въ Берлинъ послушать новаго ученія, и вскорѣ образовался длинный рядъ поклонниковъ и толкователей гегелевой философіи; между слушателями было много и иностранцевъ, въ томъ числѣ и Русскихъ, изъ которыхъ Невольнъ и Рѣдкннъ оказали впоследствии услуги русской наукѣ.

Очарованіе окружало кафедру Гегеля до самой его смерти, т. е. до 31 г., и это время берлинскаго университета можно назвать, по преимуществу, философскимъ. Одновременно съ дѣятельностью Гегеля на философскомъ факультетѣ развивались и другіе факультеты, имѣвшіе на своихъ кафедрахъ нервоклассныхъ ученыхъ: Нибура, Савиньи, Ганса, Пухта, Бека, Ранке, Ламмана, Рихтера, Мюллера, Диефенбаха, Лихтенштейна, Кнута.

Съ смертью Гегеля окончилось преобладаніе философскаго направленія; на мѣсто великаго учителя не находилось достойнаго преемника, а между тѣмъ сочувствіе публики къ философіи стало ослабѣвать значительно. Реальные науки все больше и больше овладѣвали умами и дѣлали невозможнымъ философскій догматизмъ. Увлеченный прежней славой Шеллинга, сенатъ берлинскаго университета пригласилъ

его занять кафедру Гегеля, въ надеждѣ, что онъ поддержитъ уна-
данную вѣру въ философію. Шеллингъ явился и заговорилъ о фи-
лософіи природы, о тождествѣ духа и міра, даже обѣщалъ при-
мирить въ своихъ чтеніяхъ разумъ и вѣру; но его ученіе уже
не имѣло тѣхъ достоинствъ, которыми отличалось въ Іестѣ—страст-
наго увлеченія, поэтическихъ образовъ, и не встрѣтило сочувствія.
Видя равнодушіе слушателей и безнадежность защищаемого имъ дѣла,
Шеллингъ поспѣшилъ оставить Берлинъ.

Послѣ него участіе къ философіи слабѣло все больше и больше. Въ
настоящее время въ берлинскомъ университетѣ есть нѣсколько кафедръ
и исторіи философіи, есть даже нѣсколько немѣзвѣстныхъ въ
философской литературѣ; но надо сказать правду: философскія ауди-
торіи посѣщаются очень слабо; слушатели состоятъ главнымъ образомъ
изъ обязанныхъ; на публичныхъ же курсахъ (необязательныхъ) за-
мѣтна поразительная пустота: едва-едва набирается 5, 6 посѣти-
телей изъ иностранцевъ (особенно Американцевъ, Русскихъ, Грековъ;
Нѣмцевъ же почти не бываетъ), т. е. слушателей самыхъ ненадеж-
ныхъ, потому что они являются по большей части на нѣсколько
лекцій, случайно, и не столько ради серьезнаго интереса къ пред-
мету, сколько изъ неопредѣленнаго чувства уваженія къ когда-то
славной нѣмецкой философіи. Послѣ нѣсколькихъ лекцій (на которыхъ
объясняются иногда съ философской точки планетная система, туманные
пятна, сиріусъ и т. п., что случалось намъ самимъ слышать на лекціяхъ
Миллера о философіи природы) это дѣтское чувство, выносимое изъ
родины, гдѣ знаютъ о философіи по преданію, по темнымъ слухамъ,
ослабѣваетъ и наивный поклонникъ германскаго трансцендентальнаго
ученія оставляетъ посѣщеніе философскихъ лекцій.

Взаимнъ уаадка философіи берлинскій медицинскій факультетъ
находится въ блестящемъ состояніи; въ числѣ своихъ дѣятелей онъ
имѣетъ Гресе, Фрерихса, Эберта, Шульце-Шульценштейна; но
лучшее украшеніе его—Вирховъ, профессоръ патологической анатоміи,
первый ученый германскаго медицинскаго міра и блестящій защитникъ
современнаго реальнаго направленія. Отдѣлъ историческихъ наукъ
также замѣчательнъ своими профессорами, изъ которыхъ Дройзенъ
и Ранке едва ли не лучшіе германскіе историки; первый почти
всегда читаетъ курсы новой исторіи, второй—средней; къ историчес-
кому же отдѣлу принадлежатъ: Бёкъ, Лепсіусъ, Раумеръ, Бенари,
Мюллеръ (читаетъ географію). Едва ли можно сдѣлать одобritelъ-

ный отзывъ о профессорахъ юридическаго факультета; Келлеръ недавно умеръ, Гейфтеръ устарѣлъ; исключая Гнейста, который по глубинѣ знаній и способу чтенія стоитъ чрезвычайно высоко, всѣ остальные далеко уступаютъ юридическимъ профессорамъ гейдельбергскаго факультета.

Въ такомъ составѣ и значеніи берлинскій университетъ встрѣтилъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Почти всѣ германскіе университеты (за исключеніемъ нѣкоторыхъ католическихъ) прислали депутаціи изъ профессоровъ и студентовъ; не остались равнодушными и люди, не принадлежащіе къ ученому классу, съѣхавшіеся ко дню праздника въ большомъ числѣ, со всѣхъ концовъ Германіи.

Праздникъ былъ довольно сложный; онъ начался 14 октября и продолжался 4 дня; особенно были интересны 15 и 17 октября. 15-го утромъ, съ 8 часовъ начали сходитьея ближайшіе участники праздника и распредѣлялись на нѣсколькихъ пунктахъ университетской площади и сада. Часовъ въ 10 всѣ собрались и по сигналу музыки началось шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: оркестръ музыки, комитетъ студентовъ, выбранный для завѣдыванія праздникомъ, профессоры, депутаты отъ университетовъ, академій, гимназій, школъ, депутаты отъ города и различныхъ городскихъ установленій; затѣмъ еще 2 или 3 оркестра музыки и студенты; послѣдніе шли рядами по 6 и 10 человекъ; по сторонамъ шествія, тянувшагося по крайней мѣрѣ на версту, толпилось множество публики, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившей за зрѣлищемъ. Процессія отправилась въ церковь св. Николая, гдѣ было служеніе, потомъ рѣчь Бѣка и въ заключеніе религіозная Festcantate.

Но чисто студентская часть праздника была 17 октября и состояла въ Fackelzug (шествіе съ факелами), который, по многочисленности студентовъ, по величинѣ факеловъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, какъ замѣчали сами берлинцы. Онъ начался въ 8½ часовъ вечера и сопровождался нѣсколькими оркестрами музыки: впереди, тихимъ шагомъ, ѣхали члены студентскаго комитета въ почтовыхъ открытыхъ коляскахъ; потомъ шли студенты съ горящими факелами въ рукахъ, *предводимые вооруженными форшпегерами*. Шествіе было чрезвычайно медленное, продолжалось часа три и нѣсколько разъ прерывалось отъ напора зрителей, которыхъ было еще больше, чѣмъ 15-го октября; кажется, всѣ берлинскіе жители вышли посмотреть на студентскій Fackelzug, потому

что вдоль всего Unten der Linden давка и тѣснота была невѣроятная. Дойдя до дворца нынѣшняго прусскаго короля, шествіе остановилось; студенты пропѣли «Heil dir,» затѣмъ погасили факелы и отправились въ экзерцицъ-гаузъ, гдѣ горожане приготовили угощеніе, состоявшее изъ пива. Участниковъ въ пирѣ было до 5000 человекъ; студенты раздѣлились на разряды и каждый разрядъ занялъ особый столъ; профессора и почетные гости сѣдѣли также за особымъ столомъ. Jubel-sommerse (студентскій пиръ) открылся рядомъ застольныхъ пѣсенъ во главѣ которыхъ было «Gaudeamus»; въ антрактахъ между пѣснями было множество vivats въ честь ректора, и нѣкоторыхъ профессоровъ; пиръ продолжался до 4 ч. утра.

Празднество 50-лѣтняго юбилея произвело на всѣхъ жителей Берлина и вообще на всѣхъ Нѣмцевъ впечатлѣніе самое благопріятное; они были довольны многочисленностію присланныхъ депутацій и торжественною обстановкою праздника; имъ нравились корпораціонныя студентскія знамена, разноцвѣтныя фуражки, банты, испанскія шляпы съ плюмажами фюрштегеровъ и знаменосцевъ, и самый дымъ отъ 1000 зажженныхъ факеловъ. Нельзя сказать того же объ иностранцахъ; большая часть изъ нихъ осталась недовольна, именно внѣшней стороною праздника, особенно запоздалыми обычаями и украшеніями студентовъ. Пишущій эти строки вынесъ подобное же впечатлѣніе, и это была одна изъ причинъ, побудившая его ознакомиться ближе съ специфическими нравами и жизнію нѣмецкихъ студентовъ. Слѣшимъ передать на-скоро собранныя нами свѣдѣнія.

Съ первыхъ временъ учрежденія германскихъ университетовъ жизнь нѣмецкихъ студентовъ является со всѣми условіями средне-вѣковыхъ корпорацій. Студенты каждаго университета составляли замкнутые круги, называвшіеся nationes, и имѣвшие свои особыя правила, собранія, своихъ seniores, fiscales и т. п.; основаніемъ этихъ круговъ была національность; всѣ принадлежавшіе къ извѣстной мѣстности съ поступленіемъ въ университетъ поступали въ число членовъ своихъ nationes; въ нѣкоторыхъ университетахъ къ nationes принадлежали профессора, и вмѣстѣ съ студентами выбирали всѣхъ должностныхъ лицъ. Для принятія въ студенты, а вмѣстѣ и въ nationes необходимо было исполнить церемонію depositio или beania, состоявшую въ томъ, что депозиторъ (старшій студентъ) надѣвалъ на новопоступившаго особенную одежду, ставилъ въ извѣстныя позы, обрѣзывалъ ему волосы, клалъ въ ротъ соль (sapientiae symbolum)

и въ знакъ очищенія лилъ на голову вино. Подвергнувшійся такой варварской церемоніи, долженъ былъ носить въ продолженіи 6 мѣсяцевъ черный плащъ, услуживать старшимъ студентамъ и терпѣливо переносить ихъ замѣчанія и часто насмѣшки.

Въ 16 вѣкѣ, при усиленіи въ университетахъ научныхъ интересовъ, національное начало студентскихъ корпорацій стало уступать началу факультетскому. Студенты стали дѣлиться на общества не по мѣсту жительства и происхожденія, но по предмету занятій. Въ этихъ обществахъ, такъ же какъ и въ *nationes*, господствовалъ замкнутый характеръ и строгая зависимость отдѣльнаго лица отъ своего цеха. Нѣсколько позже эта зависимость развилась еще сильнѣе и обратилась въ *пенализмъ*, который состоялъ въ томъ, что студенты одной факультетской корпораціи раздѣлялись на старшихъ—схористовъ и младшихъ—пеналовъ; послѣдними были всѣ, находившіеся въ университетѣ 1-й годъ. Каждый пеналь былъ подъ непосредственнымъ надзоромъ одного изъ старшихъ студентовъ, долженъ былъ услуживать ему, быть на посылкахъ (иногда за 5 и 10 миль), переписывать ему тетради, сопровождать во время прогулокъ, въ торжественные дни носить за нимъ шпагу, отдавать отчетъ въ своихъ занятіяхъ и дѣлать расходы только съ его согласія; освобожденіе отъ пенальства могло имѣть мѣсто по истеченіи года, и то въ такомъ только случаѣ, если старшій давалъ одобрителный отзывъ о поведеніи своего пенала. Пенализмъ былъ страшнымъ зломъ; младшіе студенты во время своего служебнаго года ничѣмъ не могли заниматься, старшіе самымъ безсовѣстнымъ образомъ тиранили младшихъ, и въ свою очередь ничего не дѣлали; это была просто организація ничегонедѣланія и самой грубой, цинической жизни. Зло было такъ велико, что всѣ германскія правительства начали рѣшительно дѣйствовать противъ пенализма, издавали статуты, запрещали принимать въ службу бывшихъ пеналовъ, и только такія крайнія мѣры могли наконецъ искоренить это учебное холопство.

На мѣсто пенализма возникаютъ въ половинѣ XVII вѣка *Landsmannschaften*, непохожія впрочемъ на прежнія *nationes*; послѣднія были обязательныя корпораціи, имѣвшія національное и отчасти политическое значеніе и признанныя правительствами; первыя же были добровольные союзы, цѣль которыхъ состояла въ соединеніи студентовъ извѣстной мѣстности для общей веселой и свободной жизни и утвержденія между ними чувства братства и чести. Уставы *Landsmannschaften* глав—

нымъ образомъ были наполнены правилами о Vortrinken, Morgentrinken, о корпоративной чести, вѣчномъ храненіи студентской дружбы и т. п. Всѣ старые студенты, принадлежавшіе къ Landsmannschaft назывались буршами, и избирали изъ своей среды Senior'a, иногда Herzog'a, который управлялъ цѣлымъ обществомъ, и вмѣстѣ съ Seniorienconvent разбиралъ споры между студентами. Каждое Landsmannschaft считало своимъ исключительнымъ владѣніемъ известную часть города и называло ее герцогствою; имѣло свои Hoftag, Hofpoet. Въ дни праздниковъ и увеселеній Landsmannschaften выбирали Liegkönig'a; избранный садился на устроенный нарочно тронъ, клалъ передъ собой часы и приглашалъ студентовъ «своихъ вассаловъ» къ состязанію въ Biertalent; кто выпивалъ больше другихъ въ продолженіи 5 минутъ, тотъ получалъ президентство. Съ образованіемъ Landsmannschaften начинаютъ исчезать грубость студентскихъ нравовъ, пошлость пенализма и замѣняются нѣкотораго рода приличіями и взаимнымъ уваженіемъ; въ это же время вошелъ въ моду тотъ фантастическій нарядъ, которымъ отличаются нѣмецкіе студенты отчасти и до сихъ поръ; онъ представляетъ соединеніе рыцарскаго костюма и разныхъ мундирныхъ украшеній двора Лудовика XIV: шляпы съ плюмажами, чулки съ пряжками, шпаги, перевязи и т. п. Подражая въ соблюденіи приличій и въ одеждѣ французскому двору и позднѣйшему феодальному дворянству, Landsmannschaften усвоили и дуэли, которыя привились къ германскимъ студентамъ быстро и сильно, и въ первое время были обязательны для каждаго бурша. Какъ легко составлялись въ это время дуэли, можно видѣть изъ того, что въ Галле главная арена для сеоръ былъ большой камень, положенный на улицѣ отъ грязи; достаточно было не уклониться при встрѣчѣ на этомъ камнѣ и задѣть другъ друга, чтобы составила дуэль, которая нерѣдко оканчивалась смертью одного изъ противниковъ, или по крайней мѣрѣ значительной раной.

Въ половинѣ XVIII вѣка начали распространяться въ Германіи французскія идеи о космополитизмѣ, всеобщемъ равенствѣ, братствѣ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, республиканскихъ формахъ правленія, и вмѣстѣ начали возникать масонскія ложи. Подъ вліяніемъ этихъ идей и масонскихъ ложъ жизнь германскихъ студентовъ принимаетъ другое направленіе: во многихъ университетахъ на мѣсто Landsmannschaften стали возникать ордена, которые отвергли начало мѣстнаго происхожденія и требовали отъ своихъ членовъ не качествъ веселаго

товарища, но известныя нравственные и социальныя убѣжденія, въ-особенности космополитическыя и республиканскыя; ордена были преслѣдуемы правительствомъ, но продолжали существовать до начала войны за освобожденіе отъ французскаго деспотизма.

Война эта пробудила Германію, быть можетъ въ первый разъ, отъ тяжелой феодалной жизни, раздробленной между сотнею мелкихъ владѣтелей, вызвала всеобщее одушевленіе и доглотъ незнакомаго Нѣмцамъ стремленія къ независимости, единству, и вмѣстѣ съ тѣмъ была важнѣйшимъ событіемъ въ развитіи германскихъ студентовъ, принимавшихъ въ ней непосредственное участіе.

Война окончилась, Германія освободилась отъ чужеземнаго владычества, и студенты возвратились въ свои университеты; но на этотъ разъ жизнь *Landmannschaften* и орденовъ была уже узка и не удовлетворяла идеямъ и стремленіямъ, вынесеннымъ ими изъ борьбы. Начало образовываться первое обще-германское студенчество (*Allgemeine deutsche Burschenschaft*); въ 1815ъ было положено ему основаніе и составленъ статутъ. Въ этомъ статутѣ отражены всѣ идеи, волновавшія германскую молодежь того времени. Представленіе объ общемъ *Burschenschaft* было поставлено неизмѣримо выше отдѣльныхъ лицъ, которыя должны были принадлежать всецѣло своему обществу и исполнять безусловно его предписанія; различія по мѣсту и происхожденію признаны ничтожными и принято, что всѣ германскіе студенты должны составлять одно замкнутое и отдѣльное отъ прочихъ гражданъ общество, основанное на единствѣ, свободѣ, равенствѣ всѣхъ буршей и на стремленіи развивать матеріальныя (учрежденіе *Turnplatz*) и духовныя силы для служенія общему отечеству—Германіи; всѣ члены его должны были относиться другъ къ другу съ братскою любовію, говорить «ты» и свято и навсегда сохранять студентскія связи. Наконецъ подъ влияніемъ начинавшагося въ то время развиваться штизма статутъ требовалъ отъ своихъ членовъ христіанскаго благочестія и соблюденія всѣхъ христіанскихъ обрядовъ; дуэли были запрещены и дозволялись только въ крайнихъ случаяхъ. Признавая равенство и братство всѣхъ буршей кореннымъ своимъ основаніемъ, статутъ *Burschenschaft*'а не могъ однакоже освободиться отъ старинныхъ представленій о подчиненности и раздѣлялъ всѣхъ студентовъ на 4 класса: фуксовъ (студ. 1 года) сонгбуршей (ст. 2 года) альтбуршей (ст. 3 года) и *hemmoester Negt*' (ст. 4 года); младшіе (студ. 1 и 2 года) должны были оказывать старшимъ поч-

теніе, выслушивать ихъ совѣты, и не могли пользоваться всѣми удовольствіями нѣмецкой студентской жизни; напр. президентствовать, дѣлать вызовы во имя оскорбленнаго, быть секундантами, ѣздить верхомъ въ торжественныхъ студентскихъ кавалькадахъ, и т. п.

Всѣ члены Burschenschaft должны были собираться ежегодно въ опредѣленномъ мѣстѣ для празднованія своего союза и принятія мѣръ, необходимыхъ къ его развитію; на первый разъ было опредѣлено собраться въ Вартбургѣ. Мы опустимъ подробности вартбургскаго праздника; они состояли главнымъ образомъ изъ шествій, пѣсней, въ родѣ Brause du, о Freiheitssang, тостовъ въ залогъ Bruderband и не представляли ничего опаснаго. Но самая мысль о соединеніи всѣхъ германскихъ студентовъ въ одно общество мало гармонировала съ начинавшимся тогда душнымъ періодомъ меттерниховой реакціи, и потому правительства не были расположены къ нему. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что во время вартбургскаго праздника были сожжены нѣкоторые реакціонныя сочиненія, а вслѣдъ затѣмъ экзальтированный и болѣзненный студентъ Сандъ убилъ Коцебу. Оба эти событія раздражили германскія правительства противъ студентовъ; побуждаемые Меттернихомъ, они составили въ 1819 году извѣстныя карлсбадскія постановленія: германскіе университеты были поставлены подъ власть особыхъ попечителей; предписано было удалить профессоровъ, которые уклонялись въ своихъ лекціяхъ отъ признанныхъ началъ гражданской и государственной жизни, наконецъ опредѣлено было принять самыя строгія мѣры къ разрушенію общаго студентскаго Burschenschaft.

Угрожаемые арестами, неприятіемъ въ государственную службу, германскіе студенты прекратили свой союзъ и начали устраивать въ каждомъ университетѣ свои отдѣльныя общества, подъ названіемъ коровъ (corps), въ основаніе которыхъ положено было начало національности, нѣсколько впрочемъ сглаженное общими идеями и стремленіями. При характеристическомъ стремленіи Нѣмцевъ къ племенной отдѣльности, коры распространились быстро и сдѣлались господствующею формою общественной жизни студентовъ.

Какъ извѣстно, время отъ 1817—1830 г. было очень печальное для Германіи и всей Европы; пробужденныя надежды не были осуществлены, реакція овладѣла движеніемъ и стремилась возвратить и укрѣпить призраки феодализма и германской имперіи, надъ которыми издѣвались еще такъ недавно. Въ 1830 г. Франція нарушила тишину и

воскресла политическія волненія, которыя распространились мало по малу по всей Европѣ и разразились наконецъ 1848 годомъ. Этотъ годъ былъ для Германіи первымъ урокомъ революцій и баррикадъ; она отдалась ему съ тою же непрактичностію и искусственнымъ жаромъ, которые отличаютъ ее и въ другихъ случаяхъ; германскіе революціонеры непремѣнно хотѣли подражать Французамъ 93 г., и довели это глупое подражаніе до смѣшнаго: каждый городъ и многія деревни имѣли свои комитеты общественной безопасности, своихъ Дантоновъ, Маратовъ; вездѣ говорились пламенные радикальныя рѣчи, сочинялись стихи съ рифмами *Augote Tricolore*, и вообще шумъ былъ страшный.

Эти событія оживили конечно и студентовъ; Іена стала опять въ головѣ движенія; 2-го марта іенскіе студенты торжествовали французскую февральскую революцію: собрались на площади, поставили посрединѣ ея трехцвѣтное знамя, пѣли либеральныя пѣсни, и кричали громкія единодушныя *Noch!* Здѣсь же родилась мысль устроить 2-й вартбургскій праздникъ и сдѣлать воззваніе къ германскимъ студентамъ объ основаніи новаго общаго *Burschenschaft*. Воззваніе пришло въ время; парижское движеніе сильно наэлектризовало умы Нѣмцевъ, въ особенности студентовъ, и Іена получала отовсюду самый симпатическій отвѣтъ. Праздникъ состоялся 8 іюня 1848 г. и отличался тѣми же знаменами, декораціями, зелеными вѣнками, которые вообще составляютъ особенность нѣмецкихъ общественныхъ торжествъ. Студенты собрались въ Эйзенахъ, — болѣе 1500 человекъ, — и длиннымъ путемъ потянулись къ вартбургскому замку съ распушенными знаменами, музыкою и неизбѣжною *Brause du, o Freiheitssang!* Здѣсь, на площади, послѣ разныхъ церемоній, они положили основаніе 2-му *Burschenschaft* и установили начала, которыя должны руководить будущей университетскою и студентскою жизнію. Приведемъ главнѣйшія изъ нихъ: все германскіе университеты должны составлять общую національную собственность; ихъ имущества должны быть взяты государствомъ, которое содержитъ университеты изъ общественныхъ доходовъ; высшее управленіе университетовъ вѣряется министерству, въ своихъ же частныхъ вопросахъ каждый университетъ пользуется неограниченнымъ самоуправленіемъ; студенты принимаютъ участіе въ выборѣ университетскихъ властей и въ замѣщеніи кафедръ; факультетское распредѣленіе предметовъ и вообще факультеты должны быть уничтожены; въ университетахъ излагается высшій энциклопедическій

курсъ безъ раздѣленія на спеціальныя отрасли. Преподаваніе должно быть вполнѣ свободное, равное и слушаніе лекцій не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ; плата гонорара уничтожается, профессора и доценты получаютъ жалованье отъ государства; Staats-examen также уничтожается и замѣщеніе государственныхъ должностей производится независимо отъ него. Студенты всѣхъ германскихъ университетовъ должны составлять одно цѣлое и ежегодно собираться для совѣщанія объ общихъ нуждахъ и мѣрахъ. Отдѣльная для студентовъ подсудность должна быть уничтожена, такъ какъ она отличаетъ студентовъ отъ народа и дѣлаетъ ихъ привилегированнымъ сословіемъ; равно должны быть уничтожены всѣ внѣшніе знаки, церемоніи и вообще всѣ тѣ условія, которыя дѣлаютъ студентовъ специфическимъ обществомъ; студенты должны войти въ ближайшія сношенія съ гражданами, приглашать ихъ во всѣ свои собранія и вообще составлять одно цѣлое съ народомъ.

Приведенныя начала ясно показываютъ, какъ далеко ушли германскіе студенты 1848 г. отъ своихъ собратьевъ 1817 года: послѣдніе были одушевлены неопредѣленными мечтами о свободѣ, равенствѣ, штилизмѣ и хотѣли остаться въ замкнутомъ кругу, отличномъ отъ прочихъ сословій; у первыхъ ничего подобнаго нѣтъ: ихъ цѣли и стремленія опредѣленныя, по большей части научно-соціальныя и политическія; правда, нѣкоторыя изъ нихъ довольно слабы, напр. мысль обратитъ университетское спеціальное преподаваніе въ высшее энциклопедическое, и уничтожитъ гонораръ; но за-тѣ другія отличаются замѣчательнымъ здравомысліемъ и широтой взгляда. Къ числу такихъ мы относимъ особенно мысль уничтожить специфическій характеръ студентовъ и слить ихъ съ массою народа; приведеніе ея въ исполненіе принесло бы безъ сомнѣнія огромную пользу, потому что устранило бы впечатлѣнія фантастическаго міра, въ которомъ живутъ всѣ члены искусственныхъ замкнутыхъ кружковъ. Равно заслуживаетъ одобренія желаніе студентовъ уничтожить Staats-examen; чтобы понять всю пользу подобной мѣры, надо знать свойство этого экзамена и полный разладъ между нимъ и практическими занятіями, которыя требуются службою; напр. въ Пруссіи по юридическому отдѣлу полагается болѣе 20 предметовъ, изъ которыхъ большая часть совершенно бесполезна для службы. Безмолочное число предметовъ обращаетъ Staats-examen въ формальность, искусственную плотину противъ излишняго наплыва искателей, и очень часто отбиваетъ способныхъ людей

отъ службы, не представляя ручательства за годность и знанія тѣхъ, которые выдержали испытаніе.

Говоря о движеніи германскихъ студентовъ въ 1848 г., мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ характеристическихъ анекдотахъ, сопровождавшихъ его. Во время самаго вартбургскаго собранія, по окончаніи разсужденій, студенты устроили *commerse*, недалеко отъ Эйзенаха въ *Marienthal*; здѣсь, на прекрасномъ лугу, подъ открытымъ небомъ они пили пиво, пѣли пѣсни, танцевали съ хорошенькими дамами Эйзенаха и съ *schmucken Bürgermädchen*, провозглашали тостъ за тостомъ и давали другъ другу самыя демагогическія клятвы въ вѣрности *Bürschenschaft* и германской республикѣ. Вдругъ, посреди клятвъ и тостовъ во имя евободы, единства, равенства и тому подобныхъ иллюзій, одинъ студентъ облачился въ королевскіе доспѣхи и, сопровождаемый 17 товарищами, объявилъ себя временнымъ королемъ собранія. Выходка была чрезвычайно въ духѣ Нѣмцевъ, для которыхъ представленіе о *König* неразлучно со всеми отношеніями ихъ жизни: пьютъ ли они пиво, или выбираютъ распорядителя танцевъ; но на этотъ разъ она не понравилась собравшемуся обществу и самозванца прогнали. Много было смѣшныхъ случаевъ и послѣ вартбургскаго собранія: студенты то и дѣлали, что писали воззванія и адреса къ германскому народу и франкфуртскому парламенту, побуждая ихъ стоять твердо за народную суверенность и свободу и предлагая всѣ силы своей жизни для защиты этихъ великихъ началъ. Въ іюнѣ 1848 г. разнеслась вѣсть, что эрц-герцогъ Іоаннъ избранъ франкфуртскимъ парламентомъ въ *Reichsverweser* и возвращается изъ Франкфурта въ свои помѣстья, недалеко отъ Іены. Іенскіе студенты тотчасъ же составили депутацию, послали ее на станцію желѣзной дороги поздравить эрц-герцога съ новымъ народнымъ саномъ, и постановили, чтобы ораторъ депутацин, въ своей пріветственной рѣчи, говорилъ ему *ты*.

Но эта комедія продолжалась недолго; настали извѣстные похороны дни, Берлиномъ овладѣлъ Врангель; въ другихъ центрахъ революціи случилось то же, и движеніе стало утихать, а *аскорф* и совсѣмъ прекратилось. Порядокъ вещей установился прежній, съ усиленіемъ, конечно, реактивныхъ мѣръ, какъ всегда бывасть въ подобныхъ случаяхъ. — Въ нѣкоторыхъ университетахъ были возстановлены кураторы, въ другихъ учреждены факультетскіе экзамены, независимо отъ *Staats-examen*; вездѣ было признано необходимымъ для принятія въ студенты, *Maturitätsprüfung*, ограничены

мѣста для студентскихъ квартиръ, усиленъ полицейскій надзоръ и т. п. Но болѣе всего правительства вооружились противъ Burschenschaft и скоро достигли своей цѣли: Burschenschaft пало, а на мѣсто его снова возникли коры, которыя продолжаютъ существовать до настоящаго времени, а потому скажемъ о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ каждомъ университетѣ есть по нѣскольку коровъ (corps), смотря по числу національностей, къ которымъ принадлежать студенты; студентъ, принадлежащій къ той національностей, которая имѣетъ свой коръ, можетъ быть его членомъ, вносить небольшую плату на общія издержки и пользуется всеми правами и выгодами своего общества; но можетъ оставаться и внѣ кора, и въ такомъ случаѣ пользуется только общими студентскими правами и называется ренономъ (renonce). Между членами коровъ существуетъ тѣсный дружескій союзъ, котораго связи переносятся далеко за жизнь скамеекъ; Bruderband и Burschenschaft считается лучшимъ качествомъ истиннаго бурша. Во время праздника 50-лѣтняго юбилея берлинскаго университета, мы сами видѣли многихъ стариковъ, которые участвовали во всѣхъ студентскихъ церемоніяхъ и собраніяхъ; въ память своей прежней жизни они надѣли студентскія фуражки, перевязи, банты.

Принадлежность коровъ составляютъ собранія, пѣсни и дуэли. Въ настоящее время дуэли нисколько неопасны: враги дерутся со всеми предосторожностями, надѣваютъ маски, толстыя перчатки и могутъ наносить другъ другу только легкія раны; притомъ дуэли необязательны: принятіе вызова составляетъ дѣло чести и обычая, который впрочемъ довольно силенъ, и находить особенное одобреніе въ коряхъ; да и сами бюргеры поощряютъ студентскія дуэли, въ которыхъ видятъ признаки юношескаго мужества, силы духа, поэзіи. Даже германскія правительства счѣтаютъ нужнымъ быть снисходительными къ студентскимъ дуэлямъ, такъ наприм. прусскій уголовный кодексъ за обыкновенныя дуэли назначаетъ тюремное заключеніе отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ; если же онѣ сопровождаются смертью или опасною раной, то отъ 2 до 12 лѣтъ; за студентскія же дуэли подвергаетъ участниковъ дисциплинарнымъ университетскимъ наказаніямъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ оканчиваются смертью или опасной раной одного изъ противниковъ. Также снисходительно относится къ студентскимъ дуэлямъ и саксонскій уголовный кодексъ. Безусловное и повсемѣстное запрещеніе участвовать въ дуэляхъ простирается только

на студентовъ—теологовъ, которые за нарушение его лишаются права получить духовную должность.

Съ возникновеніемъ короля исчезла мысль объ уничтоженіи спеціфическаго характера студентовъ и слияніи ихъ съ народомъ; снова явились особая подсудность, замкнутыя собранія, разноцвѣтныя фуражки, перевязи, клятвы и особенный студентскій языкъ (есть даже небольшіе словари этого языка, подъ заглавіемъ: «Allgemeine deutsche Studentensprache oder Studentikoses Idiotikon»); ихъ можно найти почти въ каждой книжной лавкѣ); это возрожденіе старины составляетъ едва-ли не самую темную и смѣшную сторону нынѣшнихъ нѣмецкихъ студентовъ. Отдѣленные отъ общей жизни корами, костюмомъ, они ставятъ высоко мелкіе фантастическіе интересы своихъ кружковъ, теряютъ уваженіе къ дѣйствительной жизни, смотрятъ съ ужасомъ на дѣятельность, которая ожидаетъ ихъ по выходѣ изъ университета и успѣваютъ прилаживаться къ ней только послѣ горькихъ уроковъ и разочарованій.

Was sind Ihr geworden, Ihr Burschen all,
Ihr kecken und heitern Gesellen?

спрашиваетъ бывший студентъ и отвѣчаетъ съ горькимъ чувствомъ:

Sie sitzen im Amte, sie sitzen beim Weib,
Sie wiegen die Kinder zum Zeitvertreib,
Sie kaufen die Actien, sie streben nach Geld
Und sehnen sich, dass der Butterpreis füllt!

Alles ist vorbei, sie sind dahin die lustigen Zeiten, прибавляетъ онъ и входитъ въ дѣйствительную жизнь, какъ человѣкъ, для котораго вся вѣра осталась позади, а впереди ждетъ тяжелое флистерство, лишенное поэзіи и высокихъ порывовъ. Спеціфическій характеръ нѣмецкихъ студентовъ особенно силенъ въ южной Германіи и притомъ въ университетахъ, расположенныхъ въ маленькихъ городахъ; составляя въ нихъ значительную часть городского общества, студенты сознаютъ свою силу, значеніе, тѣсно держатся въ своихъ кружкахъ, преслѣдуютъ ренонсъ, носятъ особенный костюмъ и строго исполняютъ всѣ обряды и церемоніи (наприм. въ Гейдельбергѣ каждый семестръ начинается и оканчивается съ Fackelzug и потомъ полагается необходимомъ, чтобы каждый буршъ имѣлъ с ою собаку (Studentenhund),

особую чернильницу—изъ рога, съ желѣзнымъ остриемъ, и т. н.) Въ большихъ городахъ, и притомъ въ сѣверной Германіи, замкнутость студентской жизни замѣтна гораздо меньше; особенно мы должны сказать это объ университетѣ берлинскомъ. Основанный уже въ новое время, въ столицѣ, и едвали не самой дѣятельной изъ германскихъ столицъ, онъ не могъ имѣть предавій, застарѣлыхъ обычаевъ и заключить въ своихъ стѣнахъ всѣ интересы студентовъ; среди значительнаго общественнаго и политическаго движенія, постоянной смѣны идей и впечатлѣній, множества разнообразныхъ удовольствій, у берлинскихъ студентовъ нѣтъ ни времени, ни охоты жить въ узкихъ кружкахъ и они предпочитаютъ общую жизнь мелкимъ стихамъ, тостамъ и дымнымъ кнеппамъ коровъ. Оттого между ними замѣтно больше положительныхъ характеровъ и умственнаго развитія.

Ослабленіе обычаевъ старой академической жизни, замѣтное между берлинскими студентами, очень не нравится Нѣмцамъ, приверженцамъ специфическаго характера студентовъ; они называютъ берлинскихъ студентовъ филистерами, лишенными поэзіи и юношескаго огня и горько упрекаютъ за вредное вліяніе, производимое ими на студентовъ другихъ университетовъ; упреки были особенно сильны въ одной изъ брошюръ, вышедшихъ по поводу юбилея; авторъ ея говоритъ: «Берлинскіе студенты не видятъ никакой прелести въ замкнутости студентскихъ кружковъ, въ святости братскихъ узъ и предпочитаютъ имъ удовольствія столицы и связи съ-практиками и дѣловыми людьми; они надѣваютъ прюнелевыя ботинки, шляпу, воротнички, берутъ испанскую трость и считаютъ первую честью ничѣмъ не отличаться отъ городскихъ франтовъ. Подобное направленіе чрезвычайно вредно: оно лишаетъ молодость самостоятельнаго развитія, нравственнаго вліянія и подпоры, которая каждый можетъ находить въ кругѣ своихъ товарищей, истощаетъ ея силы и подрываетъ уваженіе къ наукѣ и величію духа, требующихъ тишины кабинета, спокойнаго созерцанія и труда.» Мы вовсе не раздѣляемъ приведенныхъ нападковъ и душевно желаемъ, чтобы нынѣшній характеръ берлинскихъ студентовъ развился еще полнѣе и оказалъ на другіе университеты вліяніе еще болѣе сильное. Открытая, свободная жизнь избавляетъ студентовъ отъ ложныхъ самолюбій, самообожаній и насильственныхъ отношеній, заставляетъ ихъ слѣдить внимательно за собою и научаетъ цѣнить людей, и тѣ немногія, но свободныя, дружескія связи, которыя возможны и безъ кружковъ. Что-же касается вѣры въ науку, то мы думаемъ, что столиц-

ная жизнь не только не вредна для нея, но въ высшей степени полезна: она разбиваетъ ложные авторитеты, фальшивыя славы, фантастическія теоріи; она же вырабатываетъ и укрѣпляетъ характеръ человѣка, заставляя его надѣяться во всеѣ на могущество энергіи и мысли.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторые числовыя данныя берлинскаго университета; онѣ могутъ служить лучшимъ указаніемъ его быстраго развитія и современнаго значенія. Въ 1810 г. (первый годъ отъ основанія) слушателей было 256; въ 1817 г.—942; въ 1822 г.—1,254; съ 26 г. число слушателей возрастаетъ еще больше и къ 33 г. доходить до 2,001; это было время Гегеля, Савиньи, Пухты и др. Съ 35 г. число нѣсколько упадаетъ, особенно это замѣтно въ 47 и 48 г., когда оно понизилось до 1,182; причина упадка заключалась вѣроятно въ политическихъ движеніяхъ и стремленіи къ непосредственной дѣятельности, которая охватила тогда всю Германію. Въ 50 г. число снова поднялось до 1,500 и съ этихъ поръ постоянно возрастало; въ лѣтній семестръ 60 г. студентовъ было 1,422, нематрикулированныхъ слушателей 833, всего 2,255; въ зимній семестръ 1860—61 г. студентовъ 1,620 (въ зимніе семестры слушателей бываетъ всегда больше, чѣмъ въ лѣтніе), нематрикулированныхъ слушателей — 873, всего 2,493 (*); 1,620 студентовъ были распределены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на теологическомъ 359, юридическомъ—436, медицинскомъ—311; философскомъ—514 (въ это послѣднее число включены и студенты математическаго и естественнаго отдѣловъ, такъ что для философскихъ наукъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слушателей остается не болѣе 100 для всѣхъ семестровъ). Нематрикулированные слушатели состоятъ главнымъ образомъ изъ иностранцевъ, особенно Грековъ, Русскихъ и Американцевъ. Число всѣхъ профессоровъ и преподавателей въ зимній семестръ 1860—61 г. простиралось до 166, изъ которыхъ 15 принадлежали теологическому факультету (12 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцента), 22—юридическому (12 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 10 доцентовъ), 41 — медицинскому (22

(*) По числу слушателей могутъ нѣсколько сравниться съ берлинскимъ университетомъ—вѣнскій, имѣвшій въ 1860 г. 1,764 слушателей и мюнхенскій, имѣвшій въ томъ же году 1,893; остальные германскіе университеты имѣютъ около 800, 900 и рѣдко выше 1,000 слушателей.

ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 19 доцентовъ) и 88—философскому (56 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, 26 доцентовъ и 4 лектора (**).

Р. Н.

Берлинъ, 27 января 1860 г.

(**) Германскіе университеты, расположенные въ большихъ городахъ, имѣютъ доцентовъ въ такомъ же количествѣ, какъ и университетъ берлинскій; но считаемъ необходимымъ замѣтить, что большая часть доцентовъ обыкновенно не читаютъ лекцій (хотя въ объявленіяхъ о лекціяхъ всегда назначаютъ курсы и часы) и носятъ свое званіе скорѣе для position social, чѣмъ съ расчетомъ занять впоследствии кафедру.

НЕВОЛЬНИЧЕСТВО ВЪ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Въ человѣческой жизни вообще всегда была замѣтна наклонность къ общественной эксплуатаціи; одна доля общества—и всегда слабѣйшая числительностію, но сильнѣйшая матеріальными средствами и умственнымъ развитіемъ, употребляетъ въ свою пользу естественныя свои преимущества, эксплуатируя силы и личную свободу, или—лучше сказать— всю жизнь другой доли общества. Таково дѣйствительное состояніе всѣхъ человѣческихъ конгрегацій. Но обвинять въ чемъ бы то ни было цѣлое человѣчество, мы чувствуемъ себя положительно-бесильными, и, конечно, причины этихъ явленій не составляютъ исключительной принадлежности нашей природы.

Невольничество въ Южно-Американскихъ штатахъ есть одна изъ безчисленныхъ формъ общественной эксплуатаціи, извѣстной съ незапамятныхъ временъ, и притомъ форма не единственно-безобразная на лицѣ земли въ настоящую эпоху. Говоря вообще о человѣчествѣ, было бы непростительно забыть о *рабствѣ* на востокѣ и объ индійскомъ *паріи*, котораго никакіе законы, никакія революціи не въ состояніи поднять до сознанія или уразумѣнія человѣческихъ правъ, окончательно-вытравленныхъ изъ него религіознымъ фанатизмомъ, кастами и другими непремѣнными условіями восточнаго квіетизма. Въ Индіи, въ этой прославленной колыбели человѣческаго рода, до сихъ поръ лежитъ въ образѣ *парія* призракъ человѣка, какъ бы составляющій переходную форму къ животному, и индійскій *парія* далеко превосходитъ уничиженіемъ своей личности всякаго американскаго Негра.

Рабство, въ какой бы формѣ оно ни было, производить странное необъяснимое впечатлѣніе: намъ кажется, что только одна абсолютная идея свободы поддерживаетъ еще въ благонамѣренномъ человѣкѣ теплое, хотя нѣсколько больное, чувство къ рабу, но самъ по себѣ рабъ не можетъ впустить къ себѣ ничего, кромѣ инстинктивнаго отвращенія, также какъ и рабовладѣлецъ; конечно и добросовѣстные Американцы, подобные Броуну, одушевляются въ борьбѣ противъ невольничества болѣе во имя идея освобожденія, во имя положительныхъ интересовъ, а не во имя чувства любви, которая, въ точномъ смыслѣ слова, невозможна безъ уваженія. Но уважать рабовъ можно только тогда, когда они заставляютъ уважать себя сами. Еще замѣтимъ, что чувство филантропіи возбуждается въ человѣкѣ исключительно явленіями, которыя болѣе или менѣе близки къ нему, которыя, такъ сказать, осязательны; идея же не требуетъ такихъ напоминающихъ побужденій; она проникаетъ глубже въ нашъ нравственный составъ; она не ограничивается *чувствомъ*, а образуетъ сознаніе, которое служитъ исключительнымъ фондомъ внутренняго человѣка. Идея дѣлаетъ человѣка безпристрастнымъ, способнымъ обнимать *чувствомъ*, безъ различія, все, что взываетъ къ ея помощи. И американскій Негръ, травимый собаками, и индійскій царя, и восточный рабъ и умирающіе голодной смертію пролетаріи Пекина, Лондона, Парижа и проч. имѣютъ одинаковое право на сочувствіе и участіе людей, представляющихъ идею; можетъ быть, чувство, какъ движеніе сердца, проявляется въ человѣкѣ съ наибольшей горячностью, нежели идея, но она прочнѣе и глубже: что можетъ разгорячаться, то можетъ и остывать.... Идея обобщаетъ расы, племена, эпохи; пріобрѣтенія ея прочны, сознательны, и по идеѣ для каждаго человѣка всякая чужая свобода также должна быть дорога, какъ и его собственная....

Невольничество въ Америкѣ, конечно, имѣетъ свою исторію, которую было бы жалко обойти, потому что она въ высшей степени поучительна; она показываетъ, какъ увидимъ ниже, что такія тяжелыя цѣпи, какъ рабство Негровъ, всегда надѣваются исподтишка, мало по малу, и сознаются только тѣми, кто надѣваетъ ихъ ради своихъ личныхъ интересовъ. Недостатокъ общественнаго вниманія къ подобнымъ мѣрамъ, во время закрѣпленія ихъ законоположеніями, составляетъ весь корень зла подобныхъ учрежденій; но переходя въ

дѣйствительный фактъ и удовлетворя извѣстнымъ страстямъ человѣка, они вносльдствіи обращаются въ строго-замкнутую систему, которую тѣмъ трудѣе потреати, чѣмъ больше она захватываетъ въ свой кругъ соціальныхъ злоупотребленій.

Когда Сѣверо-Американскіе штаты составляли еще англійскую колонію, невольничество существовало въ нихъ повсемѣстно, кромѣ Массачусета. По окончаніи войны за независимость, сѣверные штаты приняли п мѣры къ уничтоженію невольничества. Большой государственный долгъ, явившійся слѣдствіемъ этой войны; естественное ослабленіе промышленныхъ и производимыхъ силъ страны; финансовые кризисы, направили вниманіе гражданъ республики преимущественно на матеріальные интересы, и, разумѣется, на составленіе конституціи, которая должна была связать между собой члены федераціи. Во время преній и составленія этой конституціи, въ 1787 г., невольничество признавалось зломъ, которое слѣдовало уничтожить; Вашингтонъ и Джефферсонъ, первые основатели американской республики, энергически выражали то же мнѣніе, но представители южныхъ штатовъ доказывали, что рабовладѣніе составляетъ главнѣйшій интересъ южныхъ провинцій. Огромная территория, естественное богатство и плодородіе страны и, при томъ, недостатокъ рабочаго населенія, естественно, указывали на необходимость привлечь силы со стороны; привозъ Негровъ изъ Африки представлялся лучшимъ къ тому средствомъ.

Федеральный конвентъ, вслѣдствіе различія мнѣній о необходимости невольничества, не могъ включить въ конституцію общаго и опредѣленнаго постановленія, и вопросъ былъ предоставленъ на произволъ каждаго изъ штатовъ; уничтоженіе невольничества въ сѣверо-западныхъ территорияхъ было принято во время составленія конституціи, а относительно рабовладѣльцевъ южныхъ были изданы слѣдующія постановленія: изъ общаго числа невольниковъ положено было принять въ счетъ для раскладки податей только $\frac{3}{5}$, потому что между членами конвента возникъ споръ о томъ, какъ принимать невольниковъ— за вещь или за человѣка; Южные штаты, разумѣется, настаивали на первомъ, имѣя цѣлью освободиться отъ платежа податей за Негровъ; представители же Сѣвера доказывали, что по отношенію къ республикѣ невольники и свободные земледѣльцы равны и разнятся только по одному названію. Споръ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ, и только лишь съ помощію обоюдныхъ усту-

*

покъ съ той и съ другой стороны, опредѣлено было считать означенныя $\frac{3}{5}$ части невольничьяго населенія въ счетъ граждавъ, платящихъ подати. Это постановленіе было первой ошибкой конвента, который, вмѣсто того, чтобы уклониться собственно отъ вопроса о податяхъ, для окончательнаго рѣшенія спора о человѣческихъ правахъ невольниковъ, такимъ образомъ узаконилъ отчасти невольничество, не принявъ съ счетъ платящихъ подати остальныхъ $\frac{2}{5}$ рабовъ. Этотъ актъ, сдѣлался впоследствии, какъ увидимъ ниже, въ рукахъ рабовладельцевъ краеугольнымъ камнемъ постояннаго законодательства о невольничествѣ, составляющаго рѣдкій памятникъ нашего вѣка. Невольничій кодексъ, представляющій высшее развитіе эксплуатаціи и антропофагін, отличается отъ всѣхъ подобныхъ кодексамъ лишь тѣмъ, что зло достигло въ немъ полнаго самоотрицанія, за которымъ, обыкновенно, начинается ясное сознаніе и реакція. Остальныя двѣ статьи, утвержденныя республиканскимъ конвентомъ въ пользу невольничества, состояли въ томъ, что ввозъ Негровъ изъ Африки не запрещался безусловно, но въ видахъ экономическихъ приостанавливался только съ 1808 г., т. е. оставался въ своей первобытной силѣ на 11 лѣтъ. Узаконеніе это, по всей вѣроятности, имѣло въ виду постепенное освобожденіе негровъ, и, конечно, вожди демократическаго общества—Вашингтонъ и Джефферсонъ, не предвидѣли, чтобы эта консервативная полумѣра могла сдѣлаться источникомъ золь для созданной ими республики и запятнать чистоту ея основныхъ свободныхъ учреждений. Рабовладельцы были довольны и не ошиблись въ своемъ расчетѣ. Наконецъ, въ проектѣ конституціи постановлено было (третьей статьей) выдавать изъ Сѣверныхъ, свободныхъ штатовъ бѣглыхъ невольниковъ, укрывавшихся тамъ отъ своего туземнаго благоденствія. Постановленіе это, предложенное южными штатами, на конгрессѣ не встрѣтило особаго сопротивленія, по крайней мѣрѣ оно не извѣстно, если оно и было; — и это легко объясняется тѣмъ, что мѣра эта, послѣ узаконенія двухъ первыхъ, не могла уже казаться нерациональной. Торгъ Неграми, какъ мѣра общая и крупная, по отношенію своему къ развитію и укрѣпленію невольничества, находила еще оппозицію въ обществѣ; но оно не оцѣнило всей важности постановленія о продленіи на 11 лѣтъ ввоза рабовъ, безъ котораго невольничество въ южныхъ штатахъ могло бы быстро уничтожиться и потеряло бы въ глазахъ плантаторовъ все свое значеніе, потому что цѣны на невольниковъ, естественно, должны были подняться, а кон-

куренія свободнаго труда быстро убилъ бы всѣ выгоды рабскаго. Обвинять общество новорожденной республики за эти зародыши рабства слишкомъ строго нельзя: оптимизмъ, составляющій, какъ извѣстно, неотъемлемую принадлежность добросердечныхъ людей, сильно повредило благомыслящей части американскаго союза и, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, ввелъ его въ иллюзію, и оно поверило возможности уничтоженія рабства оттого только, что оно не утверждалось конституціей вообще для всей республики, а представлялось на волю каждому отдѣльно взятому штату, въ силу принципа территориальной свободы.

Партія, противная невольничеству, стала усиливаться съ самаго же начала утвержденія республики; но ея вліяніе вскорѣ начинаетъ терять свое значеніе вслѣдствіе быстрого усиленія народонаселенія въ невольничьихъ штатахъ; производство хлопчатой бумаги, съ усовершенствованіемъ орудій воздѣлки, стало достигать до громаднѣхъ размѣровъ и обѣщало краю несмѣтное богатство: въ 1793 г. вывозъ хлопчатой бумаги изъ страны составлялъ 500 фунтовъ, а въ 1800 г. простирался уже до 18 милліоновъ фунтовъ; цѣнность всего производства этого продукта до 1793 г. составляла 50 т. фунт. стерл., а впоследствии представляетъ громадную сумму 40 мил., т. е. 250 мил. руб. сер.; плодородныя долины южныхъ штатовъ указывали на необходимость усиленія рабочихъ силъ и вообще населенности. Негры стали привозиться изъ Африки въ такомъ количествѣ, какое только было возможно; кромѣ того во хлопчато-бумажные штаты (ихъ считаютъ девять) обратилось и свободное населеніе и рабовладѣльцы изъ остальныхъ шести невольничьихъ штатовъ; такимъ образомъ привозные невольники понадобились вездѣ. Все это было причиной увеличенія не только вообще населенія въ южныхъ провинціяхъ, но самаго образованія новыхъ невольничьихъ штатовъ.

Чувствуя свою силу, невольничьи штаты начали заботиться о болѣе прочномъ узаконеніи и распространеніи рабовладѣльческихъ правъ. Затѣмъ возникаетъ споръ по этому предмету, сдѣлавшемуся законодательнымъ и политическимъ вопросомъ, который оканчивается *миролюбиво* опредѣленіемъ границы (36 град. 30 мин.), за которую не должно было распространяться невольничество; постановленіе это извѣстно подъ именемъ «Миссурійскаго компромисса», который теперь больше не существуетъ.

Дальнѣйшая борьба партій *за* и *противъ* невольничества, совер-

шавшаяся въ послѣдніе годы нашего времени и представляющая теперь снова усилившееся вліяніе партіи противневольничьей, выразившей себя въ выборѣ президентомъ Линсольна, — сопровождалась колебаніями, которыя входятъ въ болѣе или менѣе опредѣленную форму только при послѣднихъ президентскихъ выборахъ. Усиленіе противневольничьей партіи завистю отъ косвеннаго вліянія вновь образовавшейся въ 1848 г. партіи, имѣвшей цѣлью пріостановить *дальнѣйшее* распространеніе невольничества, а также и отъ европейской эмиграціи, которая, какъ извѣстно, постоянно усиливалась, въ особенности послѣ 1848 г., разочаровавшаго многія радужныя надежды бѣдныхъ классовъ въ европейскихъ государствахъ. Кромѣ принципа свободы, кромѣ хранимаго переселенцами въ глубинѣ души отвращенія къ общественной эксплуатаціи, ихъ побуждала къ переселенію надежда сдѣлаться независимыми производителями, но они нашли въ невольничьемъ трудѣ сильнаго конкурента для своего свободнаго труда; вмѣсто вліянія капитала, эксплотирующаго трудъ въ Европѣ, эмигранты нашли въ своей обѣтованной землѣ новаго врага въ цвѣтной человѣческой расѣ, обращенной въ вычуженный скотъ, который сложностью своихъ силъ и *дешевизной* поощренія къ труду, посредствомъ кнута и цѣпей, отнимаетъ у свободныхъ людей возможность поднять цѣнность ихъ труда, до той степени, которая обуславливаетъ безнуждное содержаніе трудящагося человѣка. Подобное сознаніе, естественно, должно было привести къ *дѣлу* скорѣе, нежели однѣ чисто-политическія стремленія. Такимъ образомъ получаетъ свое начало партія аболиціонистовъ, имѣющая опредѣленную цѣль и даже болѣе или менѣе опредѣленное и вѣрное средство къ достиженію ея. Самая этимологія названія этой партіи болѣе всего объясняетъ и ея силу, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже, а теперь находимъ особенно важнымъ сказать нѣсколько словъ о той стоголовой гидрѣ, съ которой выступила въ открытую борьбу аболиціонная партія.

Сила робовладѣльцевъ, судя по тому кодексу невольничества, который созданъ ихъ стараніями, была велика; участіе ихъ на выборахъ въ сенатъ и въ палатѣ до настоящаго времени выражалось большинствомъ голосовъ, которое впрочемъ слабѣло въ своемъ процентѣ постепенно въ слѣдующей пропорціи: при составленіи конституціи въ нижней палатѣ Югъ имѣлъ за собою 46%, всего состава, въ 1810—43%, въ 1830—41%, и въ 1850—39%. Еще недавно, именно

при выборѣ президентомъ Буканана Югъ торжествовалъ, несмотря на соединенныя условія Сѣвера. Цѣлое столѣтіе, рабовладѣльцы, обогащенные потомъ и кровью своихъ рабовъ, и сильные своимъ большинствомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ республики, распространяли и укрѣпляли невольничество на дѣвственной почвѣ Новаго Свѣта и теперь у нихъ нѣтъ надежды (мы такъ думаемъ) возвратить своего вліянія, нѣтъ силы удержать разлива свободы, разросшагося изъ слабаго и незначительнаго меньшинства, не имѣющаго ни историческихъ преданій, ни дырявыхъ феодальныхъ мантий, оставленныхъ въ наслѣдство всей исторіей стараго свѣта, и гордаго и сильнаго однимъ лишь сознаніемъ святости своей идеи и своихъ стремленій; аболіціонисты начали свое дѣло съ двумя знаменами: *свобода труда и конецъ оскорбленію совѣсти и правъ челоуѣка*.

Въ высшей степени любопытны и поучительны возникновеніе и развитіе дѣятельности аболіціонистской партіи. Объ этомъ-то предметѣ мы и поведемъ рѣчь.

Одинъ типографщикъ, по имени Вилльямъ Гаррисонъ, бѣдный, не достаточно-образованный, но мужественный, энергичный и мужественный по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ, рѣшился начатую уже *словомъ* борьбу противъ невольничества возвести въ *дѣло*; съ этой цѣлью Гаррисонъ въ 1835 г. основалъ въ Бостонѣ газету «Аболіціонистъ» и началъ говорить, что всѣ люди—братья между собою, и что невольники должны пользоваться одинаковыми со всѣми правами... Подобный голосъ не могъ быть принятъ равнодушно въ странѣ, гдѣ черный цвѣтъ кожи, заклеименный рабствомъ, пользуется почти безусловнымъ презрѣніемъ, даже и въ свободныхъ штатахъ. Гаррисонъ подвергся гоненію, толпа схватила его, таскала по улицамъ за привязанную на шею веревку и наконецъ его заключили въ тюрьму. Этотъ временный арестъ укрѣпилъ еще болѣе въ Гаррисонѣ его энергію; и онъ попрежнему началъ свое дѣло; вскорѣ онъ имѣлъ уже многихъ послѣдователей, которые въ разныхъ мѣстностяхъ составляли небольшие кружки. По мѣрѣ преслѣдованія возрождавшейся партіи, она усиливалась и все болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе, такъ что скоро сдѣлалась представительницею системы и извѣстнаго опредѣленнаго стремленія, и получила названіе *партіи аболіціонистовъ*; партія республиканцевъ примкнула къ аболіціонистамъ и способствовала скорѣйшему осуществленію общихъ обѣщаній этимъ партіямъ стремленій; торжество аболіціонистовъ выразилось, наконецъ, въ выборѣ

президента въ 1860 г. и заставило трепетать плантаторовъ, которые, подъ вліяніемъ отчаяннаго страха за обладаніе человѣческимъ мясомъ, начали настоящее движеніе, повлекшее за собою раздѣленіе республики.

Политическая сторона вопроса о невольничествѣ и ходъ современныхъ событій достаточно уяснены уже въ нашей политической хроникѣ, а въ этой статьѣ мы имѣемъ въ виду представить юридическое и гражданское значеніе невольничества.

Права невольника, если только можно назвать этимъ словомъ рядъ законовъ, созданныхъ плантаторами и обобщенныхъ однимъ стремленіемъ моральныхъ и физическихъ силъ политѣйшей эксплуатаціи человѣческаго существа, непризнаннаго этими же законами въ лицѣ негра-виновника, — опредѣляются слѣдующими постановленіями, обнародованными законодательными внутренними учрежденіями невольничьихъ штатовъ: «невольникъ составляетъ полную собственность своего владѣльца; онъ, подобно всякой движимости, можетъ быть проданъ, заложенъ, подаренъ, переданъ по наслѣдству, проигранъ, отданъ въ услуженіе; своему владѣльцу и его семейству невольникъ обязанъ *безусловнымъ* уваженіемъ и безпредѣльнымъ послушаніемъ; онъ не можетъ лично ничѣмъ владѣть, ничего ни купить, ни продать безъ дозволенія владѣльца и не имѣетъ права работать для самого себя; ни *въ какомъ случаѣ* не имѣетъ права обращаться къ покровительству закона и суда; не можетъ быть свидѣтелемъ противъ кого бы то ни было, кромѣ случаевъ, когда другой невольникъ обвиняется въ заговорѣ, и противъ бѣлыхъ надзирателей, занимающихъ мѣста прикащиковъ или управляющихъ плантаціями... Такимъ образомъ невольникъ не можетъ никому жаловаться ни на своего владѣльца, ни на кого въ мірѣ. Невольникъ не имѣетъ права безъ дозволенія владѣльца отлучиться изъ плантаціи, сѣсть на лошадь, держать въ рукахъ какое либо оружіе; если невольники, получившія разрѣшеніе отлучиться, сойдутся на дорогѣ болѣе семи человекъ, — въ такомъ случаѣ *каждому* бѣлому предоставляется право тотчасъ же ихъ разогнать и бить кнутомъ. Сбереженіе невольниковъ поручается совершенно также, какъ сохраненіе вещей, товара, скота и т. п.

Плантаторы въ своемъ кодексѣ о невольникахъ пустились въ философію: они не признаютъ человѣческой *души* въ невольникахъ, и въ самомъ дѣлѣ слова *душа* и *человѣкъ* въ отношеніи къ невольнику были бы сарказмомъ; прямодушіе плантаторовъ въ этомъ случаѣ удивительно!

При такихъ опредѣлительныхъ законахъ о *правахъ* невольниковъ, казалось, вовсе не было бы надобности опредѣлять права рабовладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что всякое нарушеніе ими правъ, по закону же не влечемъ за собою никакого протеста со стороны рабовъ; но плантаторы хотѣли показать, что они ограничены закономъ, хотя законъ этотъ въ сущности не болѣе какъ плантаторская воля, желаніе, корыстолюбіе, алчность, властолюбіе и т. п. страсти плантаторской души. (По смыслу кодекса о невольничествѣ,—для плантаторовъ душа полагается). Они постановили, что плантаторъ долженъ содержать своихъ невольниковъ одеждою и пищею въ опредѣленныхъ порціяхъ. Различіе же ашегита въ расчетъ не принято. Число рабочихъ часовъ опредѣлено каждадневно 15—лѣтомъ и четырнадцать—зимой; по воскресеньямъ можетъ плантаторъ заставлять невольниковъ работать не иначе какъ за особую плату, которая, конечно, не опредѣлена и предоставлена обоюдному согласію плантаторовъ и ихъ рабовъ. Наказывать рабовъ владѣльцы ихъ могутъ сколько и чѣмъ угодно: кнутомъ, бычачьими жилами (орудіе исключительно американское), палками, собственноручно или черезъ посредство своихъ домашнихъ палачей изъ Негровъ же и изъ бѣлыхъ, смотря по желанію; въ наказаніяхъ плантаторы не отдають никому никакого отчета; но еслибъ плантатору вздумалось потѣшить свою душу какимъ либо собственнаго изобрѣтенія истязаніемъ, напримѣръ: сжечь живаго Негра на кострѣ, всего или только часть, разорвать его, или оторвать или вырвать какой либо членъ, то онъ за это удовольствіе долженъ заплатить деньгами въ казну республики, въ Лузіанѣ, напримѣръ, отъ 200 до 500 долларовъ; и, вѣроятно, законъ этотъ созданъ съ исправительной цѣлью, а не входитъ въ уголовный кодексъ; но, несмотря на то, что казенный доходъ могъ бы значительно увеличиваться согласно означенному закону,—этого не бываетъ, потому что плантаторы живутъ между собою по-братски, въ полномъ согласіи, между тѣмъ какъ общественный протестъ противъ истязаній только и возможенъ бываетъ въ такомъ случаѣ, если другой плантаторъ сдѣлаетъ доносъ на своего собрата; но плантаторская гордость гнушается подобныхъ вещей; иногда, впрочемъ, очень рѣдко, бывають факты самоуправнаго, случайнаго протеста, такъ напримѣръ: одна дама, ново-арлеанская аристократка, страстно любящая своего мужа, которому въ свою очередь правились очень многія молодыя негрятки на его богатыхъ плантаціяхъ, въ припадкахъ ревности, закапывала до половины

въ землю негрятянокъ, особенно беременныхъ, и припекала ихъ ка-
ленымъ желѣзомъ; она устраивала это зрѣлище въ своемъ сараѣ, въ
видѣ живой картины; нѣсколько человекъ бѣлыхъ гражданъ, узнавъ
объ этомъ не совсѣмъ обыкновенномъ, даже въ плантаторскомъ быту,
развлеченіи, сожгли сарай, служащій театромъ такой сладострастной
вакханаліи; но общественное мнѣніе оправдало даму, на томъ осно-
ваніи, что она имѣетъ очень любящее сердце, и подобное препро-
вожденіе времени не могло быть при нормальномъ состояніи нервъ,
которыя признаны у ней раздраженными отъ ревности.

Такъ какъ вообще понятіе о *правѣ* неразлучно съ понятіемъ объ
обязанностяхъ, то таковыя съ особеннымъ тщаніемъ постановлены
для невольниковъ; въ этомъ случаѣ плантаторское законодательство
почло ихъ значеніемъ человека, хотя въ опредѣленіи *правъ* они вовсе
лишены этого значенія.

Характеръ и степень наказаній, установленныхъ для невольни-
ковъ, совершенно различны отъ уголовного кодекса для бѣлыхъ, ко-
торыя въ большей части случаевъ подвергаются только взысканію пени
и заключенію въ тюрьму; невольники, не обладая никакой собствен-
ностью, естественно, не могутъ платить и пени, а заключеніе ихъ
въ тюрьму равняется тому, какъ-будто плантаторъ вмѣсто предмета,
приносящаго извѣстный доходъ, получилъ въ обладаніе мертвый ка-
питалъ, что, конечно, невыгодно для плантаторовъ. Говоря вообще
объ уголовномъ кодексѣ невольниковъ, можно сказать, что они мо-
гутъ быть виноваты и въ томъ, чего никогда не дѣлали, если этого
пожелаетъ плантаторъ; а въ возмездіе за такія вины подвергаются
двумъ, исключительно невольничьимъ формамъ наказанія: кнуту и
висѣльцѣ; послѣдней, впрочемъ, очень рѣдко, именно—когда нужно
одѣлать эту жертву собственно для общественнаго спокойствія, или,
вѣрнѣе сказать, для успокоенія сна плантаторовъ, т. е. во время
попытки къ возмущенію; иначе рабовладѣльцы находятъ для себя не-
выгоднымъ вѣшать рабовъ, потому что каждый изъ нихъ «себѣ до-
роже» — казна республики платитъ за каждого повѣшеннаго Негра
только по 300 долларовъ, а въ вольной продажѣ онъ стоитъ до 500
и болѣе. Эти-то экономическія соображенія и служатъ къ тому, что
невольникъ чаще наказывается бычачьими жилами, кнутомъ, выры-
ваніемъ мяса въ такомъ количествѣ, чтобы операціи эти не были
опасны для одѣненной въ извѣстную цифру жизни Негра и даже
чтобы не слишкомъ разстроивали его здоровье.

Новѣйшіе философы-криминалисты утверждаютъ, что эти употребляемые для невольниковъ формы наказанія оскорбляютъ человѣчество. Но прежде чѣмъ всякій согласится съ этимъ, непременно подумаетъ: или человѣчество вовсе неспособно чувствовать подобныхъ оскорблений, или притерпѣлось къ нимъ, или они, наконецъ, какъ нельзя болѣе человѣчны и должны быть введены во всеобщее употребленіе?.. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса предоставляемъ философамъ-криминалистамъ....

Попытки къ возмущенію, или только тѣни этихъ попытокъ, даже всякое чѣмъ-бы то ни было выраженное недовольство своими правами и участью,—суть самыя опасныя для невольниковъ преступленія: въ этихъ случаяхъ они даже не могутъ сильно рассчитывать и на экономическія соображенія своихъ владѣльцевъ: дѣло касается принципа, а установившійся принципъ, какъ извѣстно, сильно себя защищаетъ.

Висѣлица кромѣ такъ называемыхъ политическихъ преступленій, опредѣляется невольнику еще за слѣдующее: если ударить или ранить своего господина, жену его, дѣтей, или бѣлаго управителя плантаціи; если ударить три раза бѣлаго, или даже намахнется только какимъ-либо оружіемъ, или выстрѣлить изъ ружья, съ намѣреніемъ убить кого-либо; также за воровство, поджигательство, отравленіе, и даже за намѣренія къ этому. Кнутъ же опредѣляется за менѣе важныя преступленія: если, напримѣръ, выйдетъ гулять въ плантаціи, безъ разрѣшенія своего владѣльца, или сядетъ верхомъ на лошадь, тоже безъ дозволенія, или просто не понравится своему владѣльцу или управителю.

Гдѣ есть хоть какіе нибудь законы,—тамъ, какъ извѣстно, есть и юристы, и американскіе законовѣды не могутъ рационально разрѣшить *юридически* вопросъ: какъ долженъ быть осужденъ Негръ, если онъ не исполнитъ приказанія своего господина поджечь, нагримѣръ, домъ другаго плантатора, отравить, убить, обокрасть? То, что онъ долженъ быть осужденъ,—не подлежитъ уже сомнѣнію, потому что ослушаніе его во всякомъ случаѣ оскорбляетъ законъ, который, по теоріи права, долженъ быть возстановленъ именно посредствомъ наказанія преступника. Но американскіе юристы, чтобы глубже проникнуть въ вопросъ, задаютъ своей совѣсти задачу: составляетъ ли какое-либо преступленіе присудить къ смерти или просто убить лишняго невольника. При этомъ просимъ замѣтить, что эти юристы, если не проникнуты духомъ христіанства, за то все христіанскаго

вѣроисповѣданія; считаются благочестивыми, и даже, можетъ быть, многіе (котолики) отлично соблюдаютъ посты и усердно осѣщаютъ церковь, гдѣ, впрочемъ, также слушаютъ проповѣди, сочиняемыя подъ диктовку плантаторства. Американская церковь много способствуетъ къ отежнѣнію умовъ гражданъ республики, защищая съ своей трибуны невольничество авторитетомъ «Ветхаго Завѣта».

Усвоенный плантаторами взглядъ вообще на цвѣтную человѣческую расу, и относительно свободныхъ Негровъ породилъ рядъ такихъ законовъ, которые лишаютъ ихъ возможности пользоваться не только равенствомъ правъ, установленныхъ для гражданъ южныхъ штатовъ республики, но и обыкновенными правами свободного сословія. Свободные Негры, по закону, не подаютъ голоса въ народныхъ собраніяхъ; въ судахъ имѣютъ право свидѣтельствовать только противъ невольниковъ и своихъ одноплеменниковъ, и притомъ — безъ присяги, недопущеніе которой отнимаетъ у нихъ *право совѣсти*. Они не могутъ носить оружія, подь опасеніемъ кнута, не могутъ одѣваться иначе какъ въ грубыя ткани, и, подобно галернымъ преступникамъ, должны издали сообщать знаками о своемъ приближеніи. За оскорбленія между черными и бѣлыми, первые присуждаются къ строжайшимъ наказаніямъ, такъ что если драка начата бѣлымъ, а черный будетъ защищаться и убьетъ противника, хотя бы то было сдѣлано по чувству самохраненія, онъ судится какъ убійца; свободный Негръ можетъ жениться только на свободной Негритянкѣ; для общей молитвы свободные Негры могутъ собираться, такъ какъ и невольники, только до восхода и послѣ заката солнца, не позже впрочемъ 9 часовъ вечера, въ противномъ случаѣ военный патруль, охраняющій вечернее спокойствіе и безопасность плантаторовъ, входитъ въ церковь Христову и производитъ поголовную экзекуцію надъ черными, отсчитывая каждому по 20 ударовъ кнутомъ; свободные невольники, какъ непризнаваемые за гражданъ республики, не имѣютъ права требовать себѣ паспортовъ и, слѣдовательно, свободно переѣзжать по желанію, иначе они подвергаются, безъ всякаго преступленія, заключенію въ тюрьму; имъ запрещается ѣздить въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, безъ представленія какимъ-либо плантаторомъ залога въ 1,000 долларовъ; свободный негръ въ случаѣ, если переселится изъ одного штата въ другой, подвергается въ первый разъ наказанію кнутомъ, а во второй продажѣ съ аукціона въ неволю. Прислуга изъ черныхъ, бывающихъ съ кораблями, какъ то: повара, буфетчики, матросы за-

ключаются въ тюрьму до тѣхъ поръ, покуда корабль не отправляется обратно. Въ одномъ лишь случаѣ свободные Негры могутъ распорядиться собою независимо, именно — когда они объявятъ желаніе вовсе оставить американскую территорію. Свободный негръ считается вреднымъ для интересовъ плантаторовъ, какъ потому, что можетъ возбуждать зависть къ своей участи въ невольникахъ, такъ и потому, что, работая по найму, дѣлаетъ конкуренцію бѣлому работнику. Первая причина, конечно, имѣетъ болѣе значенія для аристократическихъ классовъ республики, которые ежеминутно боятся, и давно уже боялись, страшнаго взрыва со стороны своихъ невольниковъ.

Желая всячески отдѣлаться отъ вреднаго элемента — свободныхъ Негровъ, которые все-таки имѣютъ нѣкоторую возможность заподозрить въ себѣ человѣческое существо, плантаторы, какъ змѣй-искуситель, обольщаютъ свободныхъ Негровъ прелестью свободы и довольства негрскихъ республикъ въ Африкѣ, и предлагаютъ имъ даже свои корабли для переѣзда.

Вообще законы о свободныхъ Неграхъ не предоставляютъ имъ никакихъ правъ, которыя обязано бы было уважать бѣлое население, а свирѣпость этихъ законовъ имѣетъ цѣлью укрѣпить *невольничество* отрицаніемъ правъ свободныхъ черныхъ, и не только закрыть всякій выходъ для невольничества въ какую-либо сферу болѣе или менѣе свободныхъ учреждений, но и способствовать обратному дѣйствию, т. е. чтобы и тѣ блѣдные призраки свободы, которыми пользуются вольные Негры, исчезли подъ общей амальгамой рабства, столь дорогаго, столь вождѣннаго каждому плантатору. Цѣль эта преслѣдуется систематически и рѣшительно, особенно въ последнее время, когда рабовладѣльцы стали побаиваться за свое спокойствіе, свои интересы и дѣвственную цѣлость и неприкосновенность принципа невольничества. Прошедшій годъ отличался особой свирѣпостью и преступностью законовъ, принятыхъ съ рѣдкимъ единодушіемъ въ плантаторскихъ штатахъ. Арканзасъ, Миссури, Луизьяна и Миссисипи изгнали всѣхъ свободныхъ Негровъ за предѣлы штатовъ, а тѣ, которые (и большая часть) не могли оставить своего скуднаго домашнего очага, — обращены въ рабство. Мягкосердые и нравственные плантаторы Георгіи выказали самое презрѣннѣйшее лицемеріе, постановивъ, что свободные Негры за лѣность и недостатокъ нравственности будутъ обращаемы въ рабство, которое, вѣроятно, по понятіямъ плантаторовъ, исправляетъ и нравственность, и вмѣсто лѣности ро-

ждаетъ энергію. Любопытно было бы знать, при какихъ условіяхъ Негръ могъ бы быть признанъ негнѣвимымъ и нравственнымъ, при естественномъ желаніи безапелляціонныхъ судей его — плантаторовъ обратить его въ свою собственность. Граждане Мариланда поступили всѣхъ откровеннѣе; они потребовали отъ законодательнаго собранія, чтобы семьдесятъ тысячъ свободныхъ Негровъ, обитающихъ на территоріи штата, прямо обратить въ рабство во имя нравственности и социальныхъ и промышленныхъ интересовъ; собраніе было очень осторожно: оно не приняло этого прозкта, опасаясь, чтобы эти семьдесятъ тысячъ полурабовъ, при обращеніи ихъ въ полную неволю, не вздумали попробовать сами освободиться, принеся въ жертву своей свободѣ сотню-другую плантаторовъ, приносящихъ въ свою очередь въ жертву рабству цѣлыя поколѣнія цвѣтнаго человѣческаго племени; но собраніе вѣрно разочло на юное поколѣніе Негровъ: оно постановило, что дѣти Негровъ могутъ быть употребляемы бѣлыми въ работу, безъ всякаго согласія родителей, и кромѣ того собраніе издало законъ, позволяющій чернокожимъ людямъ отказываться отъ своей свободы, т. е. добровольно дѣлаться рабами. Въ этомъ случаѣ, конечно, плантаторы рассчитывали на оболъщеніе разнаго рода хитростями.

Мы много уже говорили о частностяхъ, изъ которыхъ сложилось общее явленіе—невольничество; но какъ же опредѣлить его сущіе принципы, его физиологію, его натуру? Варварскіе законы, свирѣпыя мѣры и проч., все это только формы, въ которыя воплотился общій чудовищный принципъ; но сущность его вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующіе элементы: личный произволь, руководимый или безотчетными движеніями страсти, или личными интересами плантаторовъ, неопредѣленность, или даже недѣйствительность, вследствие произвола, всякаго закона, къ которому человѣческій инстинктъ призываетъ всякое общество, хотя бы оно состояло даже изъ однихъ плантаторовъ; природа человѣка не можетъ быть до того извращена, чтобы люди открыто и прямо могли сочувствовать безправію и личному произволу; поэтому мы видимъ часто, что произволь скрывается подъ формой, имѣющей, повидимому, свойства ограничивающаго закона, какъ мы видѣли выше, въ кодексѣ о невольничествѣ, а между тѣмъ допускающей всѣ возможныя уклоненія въ пользу личныхъ интересовъ преобладающаго индивидуума, подчиненныхъ только однимъ звѣрскимъ желаніямъ и волѣ его.

Исторія не представляетъ намъ человѣческихъ обществъ, которыя были бы чужды эксплуатаціи, канниству, антропофагіи, но исторія

развитія человеческого духа доказываетъ намъ, что стремленія человека направлены именно къ тому, чтобы къ жизни человеческихъ обществъ элементъ эксплуатаціи не былъ причастенъ; болѣе или менѣе близкое достиженіе этихъ стремленій, какъ мы видимъ, зависитъ отъ степени сознанія эксплуатируемой доли общества. Здѣсь нельзя не указать на свѣтлую сторону человеческой природы: какъ скоро общественное сознаніе уясняетъ окружающія явленія, общество тотчасъ выражаетъ къ нему свои симпатіи или антипатіи, и, смотря по обстоятельствамъ, начинаетъ стремиться возводить свое сознаніе въ формы жизни. Для Негровъ именно началось теперь это время, когда они могутъ сознательно понять свое положеніе, и, поколебавъ въ себѣ инерцію духа, поколебать и основные фонды плантаторскихъ положеній, отнимающихъ у нихъ общечеловѣческія права свободы. Законъ только тогда является дѣйствительнымъ закономъ, когда онъ сознательно поддерживается большинствомъ общества, а иначе онъ—не болѣе какъ мертвая буква, въ родѣ положеній о свободныхъ Неграхъ, или, лучше сказать, о свободныхъ невольникахъ, живущихъ въ южно-американскихъ штатахъ; для нихъ законъ въ сущности есть форма, въ которую выливается: жадность, властолюбіе и звѣрство плантаторовъ.

Среда, въ которой живетъ и дѣйствуетъ человекъ, условливаетъ образованіе его нравственнаго существа; гражданскій законъ, всегда отчасти управляющій функціями общественной жизни, играетъ и въ нравственномъ образованіи индивидуума довольно значительную роль. Вся атмосфера южно-американскихъ штатовъ пропитана невольничествомъ, какъ главнѣйшимъ и сильнѣйшимъ элементомъ общественной и частной жизни, проникающимъ въ самыя глубокіе изгибы нравственнаго организма всякаго индивидуума—невольника и плантатора. Любопытно бы заглянуть въ эту исполненную вліаній невольничества глубокую и необъяснимую пропасть, которую мы называемъ человеческой душой—вѣдь, надо же допустить, что и плантаторы, и всѣ возможные рабы одинаково снабжены душой.

Плантаторы и невольники, отъ самаго младенчества, съ млкомъ матери всасываютъ извращенныя понятія—одинъ о своемъ мнѣніи превосходствѣ, о своихъ тираническихъ правахъ, а другой о томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ, и не смѣетъ имѣть никакихъ собственныхъ желаній, мнѣній, помысловъ, сочувствій, антипатій, свободы дѣйствій и проч. Эти ненормальныя различія, эти

ученія о преимуществахъ одного и уничтоженіи другаго, это безобразное дѣленіе единого человѣчества на касты должны развивать ненормально и нравственное существо человѣка. Ребенокъ-плантаторъ почти всегда имѣетъ при себѣ ребенка—Негра, бьетъ его, тиранитъ, разумѣется, подѣ влияніемъ поощреній, потомъ говорятъ ему, что онъ бѣлый, не долженъ любить презрѣннаго чернаго, не долженъ чувствовать къ нему ни жалости, ни состраданія, а черный малютка сначала подчиняетъ силѣ свои свѣжіе, молодые инстинкты, а потомъ уже, подѣ влияніемъ кнута, приучается, съ помощью уже собственной воли, заглушать въ себѣ всякій внутренній голосъ протестующей человѣческой природы.

Еслибы мы захотѣли представить фактически всю деградацию *человѣка* подѣ игомъ законовъ о невольничествѣ, мы должны бы были написать не одинъ томъ, наполнивъ его безчисленными формами проявленія одного и того же извращеннаго нравственнаго чувства, какъ въ семьѣ плантаторовъ, такъ и въ стадахъ покорныхъ имъ Негровъ.

Общій характеръ законодательства о черныхъ условленъ цѣлью поддержать невольничество какъ принципъ, во всей его ненарушимости; цѣль этого достигается двумя путями, отличающимися въ самомъ законодательствѣ: отъ черныхъ требовать безусловнаго подчиненія, подѣ страхомъ истязаній и самой смерти, а въ бѣлыхъ поддерживать презрѣніе, отвращеніе и звѣрство къ невольнику, при возрѣніи на него какъ на рабочее животное. Для этой послѣдней цѣли, за всякое сближеніе блага съ чернымъ, наказывается, по закону, не одинъ послѣдній, но и бѣлый—за униженіе своего достоинства.

На практикѣ, законы о невольничествѣ опредѣлили взаимныя отношенія плантаторовъ и рабовъ такъ, что этихъ послѣднихъ не убиваютъ на смерть потому только, что это не выгодно. Такимъ образомъ алчность и корысть и высокія цѣны на Негровъ удерживаютъ звѣрство въ извѣстныхъ границахъ, иначе оно дошло бы до сладострастія, до экстазовъ въ истязаніяхъ и убійствахъ. Но если невольничество назвать преступленіемъ противъ человѣчества, чѣмъ оно и является, то кого обвинять болѣе въ его существованіи: плантаторовъ или Негровъ?... Справедливость требуетъ сказать, что и невольникомъ быть также преступно, какъ и рабовладѣльцемъ,—и то и другое одинаково способствуетъ злу. Если плантаторы употребляютъ для осуществленія своихъ цѣлей хитрость и силу, то кто мѣшаетъ этимъ стадамъ ринуться за своими вождями—аболиціонистами, чтобы

разбить цѣпи, которыя на нихъ надѣты? Позорное клеймо неволи прежде всего долженъ стараться смыть тотъ, кто его носитъ... Вѣроатно, Негры подъ вліаніемъ тѣхъ современныхъ внушеній, которыя направлены на нихъ передовой фалангой аболиціонистовъ, скоро начнутъ сами освобожденіе свое.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы мы не сказали о томъ, какую роль играетъ литература и религія—относительно невольничества. И въ той, и въ другой мы видимъ два лагеря враждующіе и спорящіе между собою; весьма естественно, что консервативная сторона, поощряющая принципъ невольничества пропагандой свободы, ничѣмъ нестѣсняемой и льстящей плантаторскимъ интересамъ, имѣетъ сильное значеніе въ развитіи и воспитаніи общества; прогрессивная же сторона, стѣсненная въ невольничьихъ территорияхъ строжайшей плантаторской цензурой и вліяющая только косвенно, имѣетъ слабѣйшее значеніе; она не можетъ дѣйствовать такъ прямо, какъ консервативная и рассчитываетъ только на впечатлѣніе, а не на сознаніе, а способъ этотъ можетъ быть дѣйствителенъ только въ такомъ случаѣ, если индивидуумъ, на котораго направлено вліаніе, свободенъ отъ крѣпкой скорлупы равнодушія и тупоумія, и является воспримчивымъ и къ тонкимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Американской литературѣ, дѣйствующей въ невольничьей средѣ, предстояло размягчить и пробить эту крѣпкую скорлупу и она не безъ нѣкоторыхъ видныхъ успѣховъ дѣлала свое дѣло; но большинство явленій доказываетъ, что аболиціонистская пропаганда только скользитъ по нравственной поверхности общества, не входя еще въ кровь и плоть его. Романъ Бичеръ—Стоу, извѣстный даже и русской публикѣ, былъ прочитанъ во многихъ плантаторскихъ семействахъ съ большимъ любопытствомъ, и многіе чувствительные плантаторы, и въ особенности—плантаторши, проливали надъ страницами его непритворныя слезы, но едва ли кто изъ этихъ чувствительныхъ читателей сталъ на сторону аболиціонистовъ, отказавшись отъ владѣнія и торговли человѣческимъ мясомъ. Разныя элегіи и пѣсни, сочиняемыя американскими поэтами—абولیціонистами, изображающія горе разлуки матерей—Негритянокъ съ ихъ дѣтьми, отторгнутыми отъ нихъ на невольничьихъ рынкахъ, также читаются и часто заучиваются наизусть въ плантаторскихъ семействахъ, но участь Негритянокъ и торгъ невольниками нисколько не слабѣетъ отъ того. Аболиціонисты пишутъ много книгъ для первоначальнаго образованія, и, конечно, на сколько возможно.

при стѣсненіяхъ со стороны плантаторовъ, проводятъ понятія о свободѣ, но юное поколѣніе плантаторовъ болѣе подчиняется практическимъ примѣрамъ и доморощеннымъ внушеніямъ своихъ почтенныхъ родителей, и ревностно идетъ по проторенной дорогѣ, видя въ невольничествѣ оплотъ для своего матеріальнаго благоденствія; до нравственнаго же благополучія, до гармоніи своихъ внутреннихъ ощущеній, плантатору какъ будто и дѣла нѣтъ: среда общественнаго воспитанія очерстила въ немъ воспримчивость внѣшнихъ впечатлѣній—онъ не слышитъ и не видитъ тѣхъ диссонансовъ, которые непрерывно являются въ окружающей его жизни: и окровавленный бифтексъ не напоминаетъ ему собою забученной спины Негра; вкусныя яства, подносимыя голоднымъ невольникомъ, съѣдаются съ самымъ неповрежденнымъ аппетитомъ, бряцанья невольничьей цѣпи не оскорбляютъ его слуха, и лохмотья Негра не указываютъ на контрастъ съ одеждами плантатора, взлелѣяннаго и вскормленнаго потомъ и кровью своего раба, скованнаго и закономъ и желѣзными цѣпами.

Американская церковь также принесла и приноситъ свою *лепту вдовицы* въ защиту невольничества. Она, во имя Христова, проповѣдуетъ рабство со всѣми его основами: терпѣніемъ въ истязаніяхъ, безусловною покорностію волѣ и прихотямъ плантаторовъ и уничтоженіемъ личности. А американская церковь, стоящая индивидуально, могла бы быть непричастной общественныхъ страстей. Участіе церкви въ поддержкѣ и распространеніи невольничества есть самое печальное изъ всѣхъ явленій по этому предмету: общественная нравственность и въ церкви не нашла себѣ защитницы. Члены духовной іерархіи невольничьихъ штатовъ, стоящіе за рабство, по большей части—сами богатые рабовладѣльцы; число ихъ, лѣтъ десять назадъ, простиралось до двадцати пяти тысячъ человѣкъ (*); этотъ—то легионъ, вооруженный авторитетомъ своего званія, и растлѣваетъ болѣе всего своими доктринами расу рабовъ; они обязываютъ ихъ духовно: терпятъ безъ ропота удары кнута, благословляютъ и любятъ своихъ палачей и считаютъ своихъ владѣльцевъ за представителей «Отца Небеснаго»!! такимъ образомъ они связываютъ душу невольника, ее опутываютъ цѣпами и къ страху кнута присоединяютъ страхъ ада; въ рукахъ этого духовенства искажаемое имъ

(*) А число священниковъ—аболіціонистовъ не болѣе трехъ тысячъ пяти сотъ.

евангеліе есть лучшее орудіе для укрѣпленій рабства; наиболѣе слабоумные невольники, которые поддались внушеніямъ своихъ пастырей, обыкновенно, убѣждены, что жребій ихъ усладителенъ, что кусокъ хлѣба, который имъ броситъ плантаторъ, есть Божія милость, что вѣчное блаженство будущей жизни только и можетъ быть добыто одними лишеніями и терпѣніемъ страданій въ роли раба, и что люди, въ родѣ Брауна, суть посланники антихриста, недостойные ничего другаго, кромѣ казни. Подобные невольники, какъ совершенно безопасны для спокойствія плантаторовъ, и цѣнятся дороже на рынкахъ; они тѣмъ болѣе благословляютъ и молятся за своихъ владѣльцевъ, чѣмъ болѣе эти послѣдніе заставляютъ ихъ работать. Распространеніе евангелія между рабами въ томъ видѣ, какъ мы изложили, признано въ невольничьихъ штатахъ очень полезнымъ въ денежныхъ интересахъ плантаторовъ, и потому находятъ себѣ много поборниковъ; а Неграмъ, при ихъ положеніи, необходима нѣкоторая экзальтація духа, и они предаются религиознымъ вакханаліямъ собственно для удовлетворенія этой потребности. Женщины часто во время религиозныхъ церемоній впадаютъ въ обмороки и истерическія рыданія (этотъ фактъ слѣдуетъ замѣтить, какъ объясненіе явленія, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ *кликуншъ*) и Негры не всѣ переносятъ безъ конвульсій и истерикъ проповѣди и другіе обряды богослуженія.

Почти всѣ американскія секты, исключая квакеровъ, запятнали себя проповѣдью за невольничество, даже лицемѣрно-братолюбивые геригутеры или моравскіе братья, эти протестанскіе іезуиты, осуществляющіе въ скромной Германіи и даже въ нашей Скандинавіи идеальныя братскія общины, — и тѣ не выдержали противъ искушенія владѣть людьми во имя Христова и во имя всеобъемлющей братской любви.

Надо сознаться, что замѣчательное въ наше время и исключительное явленіе представляютъ благочестивые пастыри, продающіе молодыхъ негрятенокъ содержателямъ публичныхъ домовъ и, послѣ проповѣди, часто отправляющіеся съ собаками на охоту за бѣглыми невольниками... За то на суммы, выручаемыя отъ этой гнусной продажи Негритянокъ, пасторы строятъ моельни, украшаютъ ихъ и посылаютъ миссіонеровъ къ дикимъ народамъ.

Наши потомки многому не повѣрятъ, чему мы, какъ свидѣтели и современники, никакъ не можемъ не вѣрить; но зло, также какъ и добро, всегда имѣетъ свою логику: если въ общественномъ устройствѣ допущенъ корень зла, то всѣ послѣдствія его суть не болѣе

*

какъ естественныя фазы дальнѣйшаго его развитія, роста; вся современная задача социалогіи—уяснить причины явленій и умѣть искоренить тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ болѣзни общественнаго организма.

Для американскихъ аболиціонистовъ вопросъ о невольничествѣ, какъ стоитъ онъ при настоящихъ обстоятельствахъ, есть вопросъ рѣшенный и надо ждать болѣе или менѣе скорой развязки его; поэтому не будетъ лишнимъ обратить вниманіе вообще на силы, которыми обладаетъ невольничья партія, и на возможность или невозможность успѣха въ предстоящей рѣшительной борьбѣ.

Мы видѣли уже, что законодательство, правительство, бывшее до сихъ поръ, церкви и ея служители, общественное воспитаніе, породившее всеобщую ненависть бѣлаго племени къ черному, общность матеріальныхъ выгодъ плантаторовъ, и даже литература въ лицѣ невольничьей партіи,—все это служило опорой невольничеству. Теперь остается еще знать, въ какой степени всѣхъ этихъ опоръ достаточно въ сравненіи съ силами аболиціонной партіи.

Для уясненія шансовъ борьбы за невольничество мы приведемъ нѣкоторыя общія статистическія данныя о матеріальныхъ силахъ обѣихъ сторонъ, и потомъ обратимся къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ явленіямъ, имѣющимъ наибольшее значеніе въ вопросѣ.

Послѣднія официальные свѣдѣнія о народонаселеніи въ соединенныхъ штатахъ ограничиваются послѣднею народною переписью 1850 г.; по этимъ свѣдѣніямъ: населеніе Сѣвера въ 1790 г. простиралось до 1,968,455, а населеніе Юга — 1,961,372, такъ что обѣ части республики почти равнялись между собою; въ 1850 же году, невольничьи штаты, къ которымъ, въ означенный промежутокъ времени, присоединились: Луизіана, Флорида и Техасъ, состояли изъ 9,612,769 жителей, съ находящимися въ томъ числѣ 6,184,477 свободныхъ людей; между тѣмъ сѣверные штаты, безъ всякаго территориальнаго увеличенія, имѣли 13,432,922 жителей, и исключительно свободныхъ; отношеніе населенія къ пространству было на Сѣверѣ — 9, а на Югѣ — 7.

Европейская эмиграція постоянно усиливающая мѣстную производительность и народонаселеніе, преимущественно направлена въ Сѣверные Штаты, а также и внутреннее передвиженіе населенія спо-

способствуетъ ущербу свободнаго населенія Юга, напримѣръ: въ 1850 г. въ сѣверные штаты изъ южныхъ переселилось 600,000, а на оборотъ — только 200,000. Промышленный капиталъ юга едва простирается до 500 милліоновъ франковъ, тогда какъ промышленный капиталъ Сѣвера равняется двумъ съ половиною милліардамъ, такъ что однѣ мануфактуры Массачузета превосходятъ собою все вмѣстѣ мануфактуры Юга, купеческій флотъ Массачузета значительное всего коммерческаго флота невольничьихъ штатовъ и внѣшняя торговля одного Нью-Йорка вдвое значительное торговли южныхъ штатовъ. Железные дороги сѣвера четверо превышаютъ общую сложность железныхъ дорогъ на югѣ.

Сѣверные штаты, первенствуя въ матеріальныхъ богатствахъ передъ южными, оставили ихъ за собою и въ образованіи и умственномъ развитіи: отношеніе числа неграмотныхъ къ грамотнымъ на Югѣ въ 1850 г. было 1 къ 12, а на сѣверѣ 1 къ 53; число дѣтей, посѣщавшихъ сѣверные школы, было около 3 милліоновъ, а на Югѣ до 600,000; число журналовъ, выходящихъ во всехъ южныхъ штатахъ, равняется только числу журналовъ, выходящихъ въ одномъ лишь Массачузетѣ. Литература и другія изящныя искусства, наука, изобрѣтенія и усовершенствованія и т. п. имѣютъ лучшихъ своихъ представителей въ свободныхъ штатахъ, въ штатахъ же плантаторскихъ преобладаетъ только страсть къ отличіямъ, къ гонору, и т. п. стремленіямъ, такъ что на административной карьерѣ до сихъ поръ наибольшая доля относится къ уроженцамъ Юга. Такъ какъ люди по большей части хлопочутъ изъ того, чего у нихъ нѣтъ, то и въ плантаторскихъ головахъ преимущественно развиты понятія о чести, усвоенныя ими, разумѣется, по-своему и смахивающія болѣе на щекотливость, обидчивость и своего рода аристократизмъ. Подъ вліяніемъ привычки повелѣвать своимъ рабами, плантаторы вообще не любятъ и не терпятъ возраженій и споровъ. Всякое возраженіе счѣтаютъ за личное оскорбленіе, за обиду, и готовы при каждомъ удобномъ случаѣ прибѣгнуть къ шпагѣ и ривольверу. Чувство власти и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніе, которое они питаютъ къ рабамъ, развиваетъ въ нихъ высокоумѣрность, рѣшительность и гордость сознанія своихъ, ни чѣмъ не ограниченныхъ владѣльческихъ правъ. Будучи избавлены отъ всякой трудовой дѣятельности и обеспеченные постояннымъ доходомъ, который получается вѣрно при содѣйствіи кнута, безъ всякихъ особенныхъ соображеній со стороны плантаторовъ,

они вообще лѣнны, склонны къ эпикуризму и тщеславны; салонная болтовня, изысканность въ обращеніи или свѣтскость, тщеславное желаніе блистать какъ своими богатствами, такъ и природными дарами, составляютъ отличительную черту каждаго плантатора. Благодаря своимъ склонностямъ и страстямъ, также корпоративности, и кромѣ того солидарности своихъ интересовъ, они захватили въ свои руки почти всѣ высшія должности республики, и еслибы кто нибудь повелъ рѣчь о возстановленіи феодальныхъ учреждений, то плантаторы тотчасъ надѣли бы мантіи и украсили свои экипажи и дома коронами и гербами, для которыхъ, конечно, самыми лучшими эмблемами были бы: кнутъ, цѣпи и замученные Негры. Плантаторы и теперь считаютъ себя патриціями, хотя между ними есть много убѣжавшихъ изъ Европы, нечистыхъ на руку, кассировъ, прикащиковъ, трактирныхъ гарсоновъ и т. п. сволочи. Но они сами установили мѣру своихъ достоинствъ, это — число владѣемыхъ ими Негровъ и количество тюковъ хлопка, высылаемыхъ ими въ Европу. Плантаторы увѣрены, что республика ихъ затмитъ славу древнихъ греческихъ республикъ, основанныхъ также на рабствѣ. Да, — еслибы съ теченіемъ вѣковъ не измѣнялись и идеи, то слава *греческихъ* республикъ могла бы поддерживаться и въ наше время; но нынѣшніе рабы, къ ихъ счастью, не способны уже такъ безусловно вѣрить въ законность рабства, какъ во время греческихъ республикъ, и напротивъ не прочь отъ того, чтобы иногда заняться экспериментами надъ прочностью своихъ отношеній къ рабовладѣльцамъ.

Единственная привиллегія невольничьихъ штатовъ заключается въ монополіи производства хлопчатой бумаги. Продуктъ этотъ, воздѣлываемый почти исключительно на фабрикахъ и мануфактурахъ Англіи, и составляющій предметъ потребленія во всѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара, гдѣ только нуждаются въ какой либо одеждѣ, сосредоточенъ въ невольничьихъ штатахъ; плантаторы, сознавая значеніе своего производства, справедливо говорятъ, что куда хлопчатая бумага будетъ принадлежать имъ, — они будутъ диктовать условія своимъ покупателямъ и будутъ торговыми диктаторами Англіи. Дѣйствительно, хотя хлопчатая бумага и не составляетъ исключительнаго продукта, получаемого на плодородной почвѣ республики, но и та семнадцатая доля всѣхъ земель, которая производитъ этотъ продуктъ, дѣлаетъ плантаторовъ повелителями на рынкахъ цѣлаго свѣта; интересъ всѣхъ народовъ связанъ съ интересами плантаторовъ, въ особенности инте-

ресы. Англія подчинены хлопчато-бумажной монополіи американскихъ плантаторовъ: одна Англія получаетъ пять седьмыхъ всего количества бумаги отпускаемой въ Европу, именно до двухъ милліоновъ тюковъ, на сумму 750 мил. франковъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь подробно о всей важности хлопчато-бумажнаго вопроса, но замѣтимъ кстати, что Англія вполне сознаетъ, что съ уничтоженіемъ невольничества, и производство хлопчатой бумаги будетъ труднѣе, въ особенности цѣнность ея должна будетъ подняться, вслѣдствіе чего Англія отыскиваетъ для себя новые производительные рынки хлопчатой бумаги, и нѣтъ сомнѣнія, что для избавленія себя отъ зависимости отъ плантаторовъ-монополистовъ и отъ всякаго затрудненія въ случаѣ возстанія невольниковъ, Англія достигнетъ своей цѣли: въ Восточной и Западной Индіи, Бразиліи, Египтѣ, Гвиней и другихъ ближайшихъ мѣстностяхъ, гдѣ по климату возможно производство хлопка.

Изъ приведеннаго нами видно, что могущество и богатство невольничьихъ штатовъ покоится на хлопчатой бумагѣ и что фундаментъ этотъ далеко непроченъ. Событія въ Америкѣ, имѣющія для Англіи несомнѣнно-серьезное значеніе, не были однако встрѣчены въ настоящее время особенной тревогой и опасеніями, и это можетъ подтверждать, что Англія начала уже достигать цѣли образованія новыхъ хлопчато-бумажныхъ рынковъ; въ такомъ случаѣ невольничій трудъ, какъ не могущій приносить достаточныхъ выгодъ, долженъ сдѣлаться бременемъ для рабовладѣльцевъ.

Южные штаты пользуются, какъ мы сказали уже, монополіей въ производствѣ продукта, имѣющаго огромное значеніе въ промышленномъ отношеніи, но зато въ своей политической и умственной жизни зависятъ отъ Сѣвера. Но чтобы лучше уяснить себѣ значеніе и слуху тѣхъ социальныхъ элементовъ, которые должны прійти въ столкновение при наступившемъ разрѣшеніи вопроса о невольничествѣ, намъ необходимо разсмотрѣть съ нѣкоторой подробностью взаимныя нравственныя отношенія разныхъ классовъ общества республики и матеріальныя ихъ интересы; а также и сущность стремленій партій аболіціонистовъ и ихъ силу.

Населеніе южныхъ штатовъ состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: рабовладѣльцевъ, число которыхъ не превышаетъ 180 тысячъ, а съ владѣльцами земель, нанимающими рабовъ, до 350 тыс.; Негровъ-рабовъ до 4 милліоновъ, незначительная доля свободныхъ Негровъ, и

7 миллионъ бѣлыхъ, невладѣющихъ ни рабами, ни всякой другой собственностью, между которыми много находится такихъ лицъ, которые сами владѣли и небольшими клочками земли, и нѣсколькими невольниками, въ надеждѣ, разумѣется, сдѣлаться впоследствии перво-степенными плантаторами, но пали подъ бременемъ случайныхъ неудачъ, или были поглощены преобладающимъ вліяніемъ богатыхъ плантаторовъ, стремящихся постоянно къ тому, чтобы скупить какъ можно болѣе земли и невольниковъ; статистическія данныя показываютъ, что невольничество въ Америкѣ по своимъ результатамъ, осуществляетъ нѣчто въ родѣ англійскихъ маіоратовъ; маленькія фермы, занятія и воздѣланныя впервые свободнымъ земледѣльцемъ, мало по малу переходятъ къ туземнымъ феодаламъ, владѣющимъ огромными плантаціями и тысячами рабовъ; такимъ образомъ число рабовладѣльцевъ постоянно уменьшается, а число свободныхъ бѣлыхъ, не имѣющихъ ничего кромѣ труда, равно какъ и число невольниковъ, возрастаетъ.

О чувствахъ Негровъ къ плантаторамъ мы говорить не будемъ: онѣ должны быть намъ болѣе или менѣе понятны — негры любятъ своихъ господъ какъ собака любитъ палку; такъ же изыщете говорить и о чувствахъ плантаторовъ къ рабамъ; но мы должны сказать о чувствахъ, питаемыхъ американскимъ бѣлымъ пролетаріемъ, пролетаріемъ почти въ европейскомъ смыслѣ слова: классъ этотъ и вездѣ не питаетъ особеннаго сочувствія вообще къ капиталистамъ и разнаго рода владѣльцамъ, потому, вѣроятно, что чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ блудомъ, подносимымъ богиней общественной эксплоатаціи своимъ жрецамъ, но американскій пролетарій, часто бывшій самъ рабовладѣльцемъ и собственникомъ клочка земли, съ завистью смотритъ на плантаторскіе экипажи и съ особеннымъ удовольствіемъ направляетъ свое подкапывающее вліяніе на самый источникъ богатства, составляющаго предметъ его зависти — невольничество; и кромѣ того, онъ видитъ въ немъ препятствіе для себя въ полученіи наибольшихъ выгодъ отъ своего личнаго труда; въ самомъ же невольникѣ всякій бѣлый работникъ видитъ опаснаго конкуррента въ трудѣ, понижающаго своей неволей задѣльную плату вообще на трудъ; поэтому бѣлый работникъ вдвойнѣ ненавидитъ Негра: и какъ презрѣннаго чернаго и раба, и какъ вреднаго себѣ конкуррента; да же многіе изъ бѣлыхъ граждакъ, подъ вліяніемъ ненависти и презрѣнія къ черному племени, считаютъ для себя слишкомъ удивитель-

нымъ отбывать тѣ же работы, какъ и Негры; все это заставляетъ ихъ желать освобожденія Негровъ и, главное, окончательнаго изгнанія ихъ изъ страны; съ этой цѣлью они образуютъ партіи, которыя простираютъ иногда значительно—сильное вліяніе на выборы въ законодательныя собранія или эмигрируютъ въ сѣверные штаты и дѣлаются отчаянными врагами рабства, примыкая тамъ къ партіи аболіціонистовъ, не чувствуя себя въ силахъ сами одни вступить въ открытую борьбу съ плантаторами и не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, произвести общее возстаніе невольниковъ.

При единодушномъ желаніи поддержать невольничество, вообще, южные штаты не могутъ однако сойтись въ одной изъ главныхъ частностей, именно: постановленіи о свободномъ ввозѣ невольниковъ. Теперь подвозъ Негровъ изъ Африки производится открыто, несмотря на запрещающій законъ; но отъ этого страдаютъ тѣ штаты, которые нуждаются въ сбытѣ своихъ невольниковъ, потому что понижающіяся цѣны на Негровъ при возрастающемъ подвозѣ, заставляютъ рабовладельцевъ продавать ихъ въ убытокъ; при невозможности выдержать такую конкуренцію, штаты, преимущественно торгующіе человѣческими мясомъ, поневолѣ должны будутъ возненавидѣть своихъ собратьевъ и примкнуть къ аболіціонистамъ. А между тѣмъ торговля Неграми идетъ на акціяхъ, слѣдовательно — сильнѣе и сильнѣе.

Говоря о партіи аболіціонистовъ, трудно сказать что нибудь утвердительное о томъ, что именно послужило къ образованію этой партіи и что теперь ея поддерживаетъ въ ея настоящей силѣ? Сказать, что чистая и великая идея свободы, — было бы слишкомъ односторонне; точно также объяснять стремленіе аболіціонистской партіи одними матеріальными интересами блага населенія, т. е. желаніемъ уничтожить невольничество, какъ явленіе, представляющее невыгодную конкуренцію свободному труду, тоже было бы недостаточно дальновидно. Передъ нашими глазами падаютъ безкорыстно такія жертвы, какъ Броунъ, и, конечно, никто не въ состояніи заподозрить ихъ въ меркантильности ихъ стремленій; съ другой стороны нельзя не признать, что массы, безъ которыхъ немыслима никакая сильная политическая партія, болѣе одушевляются въ своихъ стремленіяхъ чувствомъ зависти и ненависти къ плантаторамъ и естественнымъ желаніямъ освободить профессію труда отъ вліянія капитала, нежели дѣйствовать во имя идеи. Не будетъ ли ближе объяснить значеніе аболіціонистской партіи именно гармоническимъ сое-

диненіемъ живой идеи и реальныхъ требованій жизни: одна абстрактная идея, невыражающая въ себѣ положительныхъ жизненныхъ интересовъ, не можетъ и имѣть мѣста въ практическихъ явленіяхъ жизни, каково, напримѣръ, разрѣшеніе важныхъ и сложныхъ социальныхъ вопросовъ; но она приобретаетъ практическое значеніе именно вслѣдствіе того, что имѣетъ цѣлью осуществить для человѣка постоянно преслѣдуемое имъ соглашеніе жизни съ ея идеаломъ. Въ возгласахъ о свободѣ слышатся не однѣ лишь пустыя слова, но защита свободныхъ индивидуальныхъ правъ человѣка какъ на его нравственные, такъ и на матеріальные интересы. Гаррисонъ и Браунъ, вѣроятно, одушевлены были въ своей патріотической дѣятельности соединеніемъ всѣхъ должныхъ понятій о свободѣ, а не одной пустой бессознательной экзальтаціей. Безъ чувства любви къ человѣчеству, любви, можетъ быть, нѣсколько фанатической, нельзя быть Брауномъ и Гаррисономъ, и участь четырехъ милліономъ рабовъ, для которыхъ всѣ права заключаются въ волѣ и капризахъ ихъ владѣльцевъ, можетъ внушить и истинное чувство христіанской любви, и рѣшимость, какой требуетъ дѣло.

Та часть абolicіонистской партіи, для которой всѣ ея стремленія сливаются въ одни лишь матеріальные интересы, конечно, могла вредить дѣлу освобожденія невольниковъ, тѣмъ, что не только не выражала къ нимъ никакой симпатіи, но даже открыто старалась свертывать ихъ въ нищету, требуя, напримѣръ, отъ владѣльцевъ фабрикъ и другихъ промышленниковъ, отпустить невольниковъ для того только, чтобы взять на работу свободныхъ бѣлыхъ. Этимъ много лишаетъ себя довѣрія абolicіонистская партія со стороны Негровъ; они часто боятся своихъ освободителей хуже, чѣмъ плантаторовъ, видя себя поставленными съ обѣихъ сторонъ внѣ всякаго человѣколюбія. Поэтому же многіе изъ нихъ боятся бѣжать въ свободные сѣверные штаты, гдѣ, какъ извѣстно, ожидаетъ ихъ убійственное и почти всеобщее презрѣніе и униженіе. Этимъ несчастнымъ людямъ, въ богатыхъ городахъ сѣверныхъ штатовъ закрытъ доступъ ко всякому болѣе или менѣе почетному дѣлу, ихъ не пускаютъ ни въ мастерскія, ни въ церкви (съ исключеніями), ни за общіе съ бѣлыми столы, ни въ публичные экипажи и т. п. Бостонъ—столица абolicіонизма, но и тотъ не отличается особой заботливостью о чернокожихъ потомкахъ Хама.

И такъ, самую надежную опору невольничества служитъ пре-

зрѣніе бѣлыхъ американцевъ къ черному племени, и плантаторы, вслѣдствіе этого, имѣютъ въ числѣ своихъ защитниковъ много самихъ невольниковъ, которыхъ они угнетаютъ, и потому—то несличкомъ опасаются такого возмущенія невольниковъ, отъ котораго рабство было бы опрокинуто совершенно.

Какимъ же, однако, путемъ долженъ разрѣшиться вопросъ о невольничествѣ, когда сами Негры не въ состояніи себя освободить?

Если движеніе аболиціонистовъ и увлечетъ за собою только тѣхъ, кто прямо или косвенно, во имя идеи, или изъ-за однихъ матеріальныхъ интересовъ, заинтересованъ въ освобожденіи невольниковъ, то и тогда плантаторы должны будутъ уступить, тѣмъ болѣе, что свобода можетъ быть понятна даже и Неграмъ, какъ скоро они испытаютъ ея значеніе, а это возможно и даже неизбежно при усиленной пропагандѣ и при нарушеніи заведеннаго привычнаго порядка.

Начавшіяся уже непріязненные дѣйствія между Сѣверомъ и Югомъ едва ли могутъ имѣть какой-либо рѣшительный, практическій результатъ; по всей вѣроятности значеніе ихъ ограничится тѣмъ, что отдѣлившіеся штаты одинъ за другимъ будутъ снова присоединяться къ Сѣверу, по мѣрѣ того, какъ будетъ слабѣть возможность побѣды надъ аболиціонистами; такимъ образомъ, вопросъ о невольничествѣ найдетъ такъ-называемымъ мирнымъ законодательнымъ путемъ, и, по всей вѣроятности, остановится на полумѣрахъ, подъ видомъ обоюдныхъ уступокъ и желанія согласить несогласимые интересы обѣихъ сторонъ: плантаторовъ и невольниковъ.

Многіе утверждаютъ, и очень основательно, что если разрѣшеніе вопроса о невольникахъ послѣдуетъ безъ прямаго участія ихъ самихъ, то свобода ихъ не будетъ имѣть прочнаго значенія: законодательство, долженствующее опредѣлить какія-либо отношенія между рабами и плантаторами, пойдетъ тѣмъ-же порядкомъ, какимъ оно шло отъ самаго возникновенія невольничества въ южныхъ штатахъ, и плантаторы, опытные въ законодательныхъ хитростяхъ, оставятъ для своихъ затаенныхъ стремленій новую лазейку, чтобы, при первомъ благоприятномъ случаѣ возвести невольничество на степень принципа и краеугольного камня своей *ново-греческой* республики. Надобно, чтобы Негры знали, чего стоитъ завоевать себѣ свободу, оцѣнили бы жертвы, безъ которыхъ нельзя ее завоевывать: тогда они будутъ беречь ее какъ зѣницу ока... Если же плантаторамъ суждено будетъ одержать верхъ, и даже получить формальное признаніе монтмогерійской

республики, отъ всѣхъ европейскихъ и неевропейскихъ дворовъ, то имъ рано или поздно придется отложить въ сторону свои демократическіе обычай и позаимствовать что-нибудь другое, починце, откуда-нибудь, хоть на примѣръ, изъ Австріи и Рима: съ тайными агентами, централизаціей, бюрократіей, всякаго рода изобрѣтеніями свѣтской и духовной инквизиціи и т. п. милыми учрежденіями, готовящимися къ сдачѣ въ архивъ въ европейскихъ канцеляріяхъ.... Но избави, Боже, всякій народъ, — будетъ ли онъ бѣлый или черный — отъ подобныхъ грѣховъ....

Невольничество давно уже было любимой темой нашихъ русскихъ журналовъ, и экономисты—либералы (дешевые) доказывали, что съ уничтоженіемъ невольничьяго труда, плантаторовъ ожидаетъ столь блаженное состояніе, что они забудутъ всякую вражду къ аболіціонистамъ и Неграмъ и ощутятъ сладость обоюдныхъ выгодъ. Плантаторы, какъ изволите видѣть, милостивые государи, во все не вѣрятъ въ подобную сахарную доктрину, и едва ли ошибаются. Свободный трудъ полезенъ для цѣлой страны, общимъ достояніемъ которой онъ сдѣлается, также какъ обязательный трудъ полезенъ теперь плантатору, который имъ пользуется. Подобныя увѣренія и споры похожи на надписи тѣхъ щитовъ, которыми прикрываются плантаторы и аболіціонисты: первые — защищаютъ себя святостью невольничества, какъ принципа, тогда-какъ хлопочутъ только о личныхъ интересахъ, прикрываемыхъ правомъ сильнаго; другіе тоже имутъ частныхъ интересовъ сословія, а на своемъ щитѣ выставляютъ идею свободы. Такъ какъ и то и другое ложно,—естественно, нельзя и ожидать рѣшенія смѣлаго, быстро, безъ колебаній. Еслибы съ одной стороны выставлено было: личные интересы, а съ другой общая польза, выражающая себя всегда въ идеѣ, — всѣ бы знали, за что бороться, и партизановъ лучшей стороны всегда было бы больше, потому-что въ личныхъ интересахъ единицъ общество не имѣетъ никакого интереса, а въ массѣ интересовъ общихъ всякій находитъ равную долю и своего собственнаго.

А. ТОПОРОВЪ

17 апрѣля 1861 года.

ПОЛІТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Вопросъ національностей, поставленный итааліянскимъ движеніемъ, принимаетъ характеръ обще-европейскаго значенія. Какъ рѣки, выбитыя случайными физическими переворотами изъ своихъ руслъ, опять возвращаются въ прежнія границы, такъ и народы, размежеванные историческими обстоятельствами и дипломатическимъ капризомъ, стремятся войти въ свои естественныя формы. Утраченное, или, правильнѣе, отведенное на-время чувство національнаго единства или независимой политической личности, снова воскресло послѣ продолжительной внутренней борьбы. Это народное тяготѣніе, начатое страной, которая всего больше вынесла за раздробленность своего цѣльнаго существа, начинаетъ проявляться на разныхъ пунктахъ и подъ разными формами. Ионійскіе острова и придунайскія народности ищутъ простаго національнаго еліянія, не соединяя съ нимъ другихъ, болѣе жизненныхъ вопросовъ: такое явленіе можно назвать химическимъ сдѣленіемъ родственныхъ элементовъ, оторванныхъ отъ своего органическаго тѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣетъ свое основаніе, потому что индивидуальная жизнь народовъ имѣетъ такое же право на уваженіе, какъ и индивидуальная свобода отдѣльнаго лица. Кромѣ того, оно имѣетъ другую рациональную сторону; оно заявляетъ протестъ противъ насилія завое-

вательной системы, всегда болѣе или менѣе соединенной со всѣми послѣдствіями иностраннаго господства. Турція и Австрія, основавъ его на этомъ неестественномъ фактѣ, довели подвластные имъ чужія народности почти да самоумерщвленія, — первая посредствомъ военного деспотизма и необузданнаго произвола, — вторая посредствомъ искусственно-придуманной административной системы. И здѣсь и тамъ стремленіе было одно — уничтожить натуральное развитіе племенныхъ особенностей и подвести ихъ подъ одинъ государственный уровень. Время показало, что законы природы всего менѣе слушаются человѣческихъ предписаній, и едва внѣшняя сила нѣсколько отпускала свое давленіе, какъ національный принципъ возставалъ противъ угнетенія.

Но признавая естественность такого явленія, мы не думаемъ, чтобъ понятіе «національность» можно было принять за идеалъ желаній современной эпохи, если только національное движеніе останавливается на одномъ имени. Буду ли я называться Англичаниномъ или Грекомъ, стану ли я говорить на томъ или другомъ языкѣ, съ тѣмъ или другимъ акцентомъ, буду ли я носить на головѣ тюрбанъ или шляпу, — въ этомъ еще не много человѣческаго достоинства и дѣйствительнаго счастья. Кромѣ этихъ случайныхъ оттѣнковъ, разрисованныхъ на человѣческихъ обществахъ безчисленнымъ множествомъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ, конечно, есть принципы общіе и болѣе важные — всемірная солидарность людей, раздѣленныхъ на отдѣльныя группы; есть внутренняя, въ высшей степени твердая связь, которая, подобно гальванической цѣпи, соединяетъ однимъ живымъ біеніемъ всѣ разрозненные члены огромнаго человѣческаго семейства. Эта связь заключается въ постоянномъ стремленіи людей къ лучшему положенію, подъ какой бы географической широтой они ни находились и какія бы соціальныя учрежденія ими ни управляли. Нельзя сказать, чтобъ свобода совѣсти, выработанная Американцемъ, могла быть лишнимъ приобрѣтеніемъ для Француза или матеріальное богатство Англіи помѣшало бы въ жизни Китая; точно также не думаемъ, чтобъ бичъ, вытягиваемый по спицѣ чернокожаго Негра, съ необыкновенной болью для его нервной системы былъ особеннымъ наслажденіемъ для мароккаго раба или персидскаго подданнаго. Такимъ образомъ, кромѣ національныхъ интересовъ надо признать еще общечеловѣческіе интересы. Нѣтъ спору, что воззрѣнія, степень пониманія, религіозныя и гражданскіе предразсудки могутъ измѣнять до безконечности наши мнѣ-

нiя, ставить въ различномъ свѣтѣ одинъ и тотъ же предметъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ самыя принципы измѣнялись въ своемъ внутреннемъ качествѣ. Поэтому вопросъ національностей становится только тогда жизненнымъ вопросомъ, когда съ нимъ соединяется социальное движенiе народа; если нацiя ищетъ въ немъ не просто племенной независимости или неприкосновенности своихъ преданiй, но и общественного прогресса; только въ такомъ видѣ национальное движенiе изъ безсмысленной борьбы международныхъ антипатiй переходитъ въ область разумныхъ явленiй.

Лучшимъ примѣромъ такого стремленiя служить современная Италия. Въ ней въ одно и то же время происходятъ двѣ параллельныя реформы—осуществленiе давняшей мечты о политическомъ единствѣ и возрожденiе внутреннихъ силъ нацiи. До тѣхъ поръ, пока эти вопросы рѣшались отдѣльно, всѣ попытки Италии къ национальной независимости были напрасны; 1848 годъ всего лучше доказалъ, что безъ социальнаго переворота, вызваннаго изъ общественныхъ вѣдръ, трудно создать что-нибудь цѣлое изъ полуострова; даже теперь, когда народный вождь отступилъ на второй планъ, передавъ дѣло въ руки сардинскихъ бюрократовъ и дипломатiи, ходъ событiй потерялъ прежнюю энергiю и быстроту; этого мало, онъ поворотилъ назадъ.

Въ послѣднихъ засѣданiяхъ туринскаго парламента эти два направленiя, представляемая Гарибальди и Кавуромъ, еще разъ пришли въ столкновенiе, и едва не окончились полнымъ разрывомъ министра и полководца. Давно ужъ стараются помирить ихъ, давно смотрятъ на эту вражду, какъ на источникъ обще-итальянскаго зла, но неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно соединить этихъ людей въ одномъ стремленiи и на одномъ поприщѣ дѣятельности? Трудно найти двѣ природы, болѣе противоположныя по характеру, какъ Кавуръ и Гарибальди. Первый—легитимистъ и дипломатъ, въ обширномъ значенiи этого слова. «Консерваторъ по природѣ, говоритъ *Westminster Review*, онъ знаетъ цѣну государственныхъ учреждений; въ минуты кризиса онъ ничего не видитъ въ нихъ, кромѣ формы; измѣряя народныя движенiя, онъ не ошибается въ ихъ силѣ и не забываетъ ихъ измѣнчивость. Съ поползновенiемъ къ власти, подобно Ришельё, онъ любитъ опираться на общественномъ мнѣнiи, и будучи дѣйствительнымъ диктаторомъ, дѣйствуетъ въ духѣ отвѣтственнаго министра (*Westm. Rev. 1861 Jan. стр. 190.*) Вся политическая карьера Кавура была постояннымъ наблюденiемъ за преобладающими партiями и

*

дальновиднымъ умѣньемъ пользоваться ихъ влияніемъ. Для него никогда и нигдѣ принципъ не стоялъ выше ловко-расчитанной комбинаціи обстоятельствъ; его дѣятельность была строго практическая, основанная болѣе на признакахъ времени, чѣмъ на глубокомъ знаніи народныхъ инстинктовъ и потребностей. Діаметрально—противоположное явленіе Кавуру представляетъ намъ Гарибальди. Это храбрый еоздатель, простой, откровенный и страстный, какъ самъ народъ, изъ котораго онъ вышелъ. Въ этомъ человѣкѣ воплотился типъ итальянской націи, со всеми достоинствами и недостатками; какъ она, онъ легко увлекается идеальными надеждами, нравственной высотой чувствъ и пламенной любовью къ свободѣ; въ немъ положило свою душу, если можно такъ выразиться, цѣлое поколѣніе людей, подобныхъ Маннини, братьямъ Бандьера и тѣмъ страдальцамъ, которыми прославлены австрійскіе казематы и неаполитанскіе галеры. «Для него, говорятъ тотъ же англійскій журналъ, формы, конституціи, обыденные церемоніалы — совершенно непонятны. Онъ живо чувствуетъ сердцемъ народа, и вѣритъ въ его высокое будущее назначеніе. Патріархальность его жизни, презрѣніе къ почестямъ, богатству и власти, искренность его сердца принадлежать тому періоду, когда общественная жизнь возвысится до болѣе чистой атмосферы» (стр. 194). Послѣ этого не удивительно, если слово Гарибальди сильнѣе дѣйствуетъ на массы, чѣмъ всѣ прокламаціи и статуты парламента. Между нимъ и Кавуромъ то же различіе, какъ между правительствомъ и всей націей Италіи.

Но если эти люди такъ несходны по характеру, то еще дальше раздѣляютъ ихъ политическія убѣжденія. Кавуръ всегда искалъ опоры для своихъ плановъ во внѣшнихъ силахъ, и въ особенности въ французскомъ кабинетѣ. Можетъ быть, время разоблачить его отношенія къ правительству Наполеона III и мы не думаемъ, чтобъ оно разоблачило ихъ особенно выгодно для репутаціи министра, но онъ нисходилъ до роли мелкаго интриганта, чтобъ только не потерять расположеніе французскаго императора. Ради атого союза онъ заключилъ торговый трактатъ съ Франціей, послалъ семнадцатитысячный корпусъ въ Крымъ и уступилъ Савою и Ниццу. Мы еще не знаемъ, сколько пожертвованій ожидаетъ Сардинію впереди, но деселѣ дружба ея съ Наполеономъ III стѣитъ уже не дешево. Не той вѣры держится Гарибальди; для него вся надежда Италіи въ силахъ самого народа; онъ знаетъ ихъ и располагаетъ ими, какъ

смѣлый демократическій вождь; онъ убѣжденъ, что ни одна иностранная держава, тѣмъ менѣе Франція, не можетъ содѣйствовать возрожденію Италіи въ той степенн, какъ сама же Италія. Вотъ главный пунктъ, раздѣляющій взгляды и дѣли Кавура и Гарибальди.

Поэтому странно слышать упреки, съ которыми обратился парламентъ къ Гарибальди за его рѣзкія выраженія противъ дѣйствій министерства. Кажется, онъ имѣетъ нѣкоторое право говорить съ одушевленіемъ и откровенно среди этихъ чиновниковъ, которымъ онъ приобрѣлъ своимъ мечомъ королевство Обѣихъ Сицилій. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ сохранить своихъ волонтеровъ, а ему говорятъ, что они «не могутъ войти тѣми же чинами въ королевскія кадры—и не имѣютъ военной дисциплины.» Но какъ же эти отряды выиграли столько блистательныхъ побѣдъ, перенесли столько лишней и труда, никогда не рассчитывая ни на свою дисциплину, ни на чины. Гарибальди, можетъ быть, даже приглашенъ въ Туринъ за тѣмъ, чтобъ удержать его отъ дальнѣйшихъ предпріятій, вывести его на парламентскую сцену и противопоставить его простоту *ловкости* Кавура, потомъ раздражить разными непріятностями и заставить надѣлать ошибокъ и тѣмъ унизить его въ глазахъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди больше, чѣмъ кто нибудь способенъ ошибаться, но мы увѣрены, что въ самыхъ ошибкахъ его Италія съумѣетъ оцѣнить высокія побужденія любящаго и честнаго сердца.

Между тѣмъ какъ Кавуръ хочетъ завоевать Римъ парламентскими рѣчами и вооружить Италію своимъ краснорѣчіемъ вмѣсто волонтеровъ Гарибальди, римскій вопросъ, перепутывающій всю ткань событій, остается въ прежнемъ неопредѣленномъ видѣ. Пій IX продолжаетъ папавать на цивилизацію, Антонелли писать свои посланія, которыхъ никто не слушаетъ и не читаетъ, французское войско также занимаетъ Римъ и Наполеонъ III молчитъ тѣмъ глубокимъ молчаніемъ, какое прилично *истинному мудрецу*, выжидающему, съ какой стороны лучше воспользоваться выгодой отъ чужой побѣды... Францискъ II попрежнему живетъ въ углу Ватикана, по сосѣдству съ своимъ банкиромъ, снабжающимъ его кредитными билетами; кардиналы и аббаты попрежнему утѣшаютъ свою паству утренними мессами, а вечеромъ исподтишка раздають ей отточенные стилеты,—все попрежнему, только одна реакція идетъ впередъ, захватывая подъ ногами Итальянцевъ больше и больше твердой земли

Поэтому, очень понятно, почему Австрія медлитъ объявленіемъ войны и Францискъ II не трогается изъ католической столицы. Отвѣтственность за всѣ послѣдствія этой реакціи, едвали, не должна упасть на Францію.

Но и здѣсь не все такъ очаровательно какъ гласить императорскій монитёръ. Едва стихла глухая и таинственная исторія Миреса, какъ вслѣдъ за ней, для развлеченія скучающаго Парижа, случилась другая, не менѣе скандальная. Младшій изъ Орлеанистовъ бросилъ перчаку младшему изъ Бонапартовъ: монсенёръ д'Омалъ напечаталъ брошюру («Lettre sur l'histoire de France») оскорбительную для династии Наполеоновъ. Префектура прозвала и не схватила книгу во-время; она обошла сотни рукъ прежде чѣмъ была прочитана въ Тюильери. Затѣмъ началось гоненіе на панфлетъ, вызовъ принца Наполеона на дуэль, которую онъ хотѣлъ принять не иначе, какъ съ позволенія императора; но этотъ послѣдній отвѣчалъ ему очень умно: «когда хотятъ драться, тогда не спрашиваютъ.»

Кто бы могъ подумать, что эта ничтожная и закулисная исторія могла имѣть вліяніе на оппозицію палаты. Но это такъ. Почти въ то самое время, когда главные парламентскіе борцы, Жюль Фавръ, Даримонъ и Оливье, требовали отмиженія закона «Общаго Спокойствія», закона, вооруженнаго полицейскимъ произволомъ, преобразованія цензуры и восстановленія муниципальнаго правленія, несчастная брошюра герцога подвергается строжайшему запрещенію. Парламентская свобода не могла отстоять маленькой книжонки, а между тѣмъ хочетъ отстоять самоуправленіе страны. Какъ бы то ни было, но оппозиція дѣлается скромнѣй и менѣе требовательнѣй. Въ рядахъ ея каждый день не досчитываются то того, то другаго представителя, и поднятые шлязы дешеваго либерализма снова опускаются понемногу. А бѣдность увеличивается, неудовольствіе растетъ. Форнадь, разсматривая внутреннее состояніе Франціи, говоритъ между прочимъ такъ: «Причина нравственнаго безпокойства, чувствуемаго каждымъ изъ насъ, заключается не въ важности проблеммъ, которыхъ рѣшеніе, казалось бы, принадлежитъ нашему поколѣнію, — причина, говоря откровенно, заключается въ странномъ положеніи вещей, парализирующемъ разработку и выраженіе мысли. Мы—Французы — сознаемъ, что намъ недостаетъ въ настоящую минуту двухъ вещей: — съ одной стороны опредѣленной и признанной системы для общественнаго мнѣнія, по которой бы мы способны были предпринять

трудъ, налагаемый на насъ современнымъ состояніемъ Европы; съ другой стороны, намъ недостаетъ самаго общественнаго мнѣнія, которое бы предотвратило нечаянность событій, могущихъ захватить насъ врасплохъ и приготовило бы къ благоразумному участию въ будущихъ происшествіяхъ. Мы недовольны, потому что не знаемъ, что дѣлать; а не знаемъ потому, что у насъ отнято общественное обсужденіе дѣлъ и намъ неизвѣстно, что думаетъ народъ.... Между нами было много порицателей нашего національнаго характера; между ними самые строгіе и несправедливые тѣ, кто отказываетъ намъ въ способности къ свободѣ, кто утверждаетъ, что мы не созданы для самоуправления, кто смотритъ на насъ, какъ на недоростковъ» и т. д. (*Revue des deux mondes*. 15 авг.)

Незавидныя извѣстія доходятъ до Европы и съ другой стороны океана — изъ Америки. Правительство Вашингтона вооружаетъ флотъ и готовитъ междоусобную войну сѣвера съ югомъ, свободы съ невольничествомъ; въ Чарльстонѣ все порывается къ борьбѣ, и ожиданіе рѣзни и крови возмущаетъ спокойствіе страны отъ одного конца до другаго. Но что же окажется въ результатѣ, еслибъ сѣверные штаты и одержали побѣду надъ южными? Покорность отложившихся провинцій. Но на долго ли, если эта борьба лежитъ въ самомъ основаніи общества, въ постоянномъ и неотразимомъ антогонизмѣ свободнаго труда съ рабскимъ, независимаго гражданина съ негровладѣльцемъ, чистой демократической стихіи съ принципомъ невольническаго края. Притомъ временная и матеріальная потеря союза съ избыткомъ вознаградится нравственными выгодами. Съ тѣхъ поръ, когда рабовладѣльческіе штаты составятъ отдѣльное политическое тѣло, вліяніе ихъ должно прекратиться на дѣла сѣверной федераціи и дать новый полетъ ея гражданскому развитію. Что бы ни было, но демократическая свобода не можетъ жить вмѣстѣ съ рабствомъ: это такой же естественный законъ, какъ легкія не могутъ дышать однимъ углеродомъ.

Г. Б.

Письмо изъ Лондона.

Последнія событія, совершившіяся въ Россіи, возбудили общее вниманіе Англичанъ. Прежде извѣстія объ этой странѣ печатались рѣдко, а читались еще рѣже. Теперь различные лондонскіе журналы заговорили о вопросахъ, занимающихъ общество... Напрасно такъ часто обвиняли Англичанъ въ эгоизмъ; они сочувствуютъ всякому добродушному начинанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ, что каждый народъ, какъ и всякій человѣкъ, лучше знаетъ свои собственныя дѣла, и потому избѣгаютъ дѣятельнаго вмѣшательства въ чужіе интересы. Да и было бы странно навязывать свои убѣжденія и взгляды націямъ, пролагающимъ свой собственной путь развитія. Еще съ большимъ вниманіемъ наша журналистика слѣдитъ за новорожденной французской конституціей, насчетъ которой мыслящіе люди нисколько не ошибаются. Этотъ призракъ свободы не дѣлаетъ дѣйствительной уступки обществу, а только открываетъ маленькій выходъ подавленнымъ чувствамъ народа, которыя при дальнѣйшимъ гнетѣ легко могли бы обратиться въ страсти. Правителя Франціи сравниваютъ съ машинистомъ, наблюдающимъ за манометромъ локомотива: какъ скоро расширяющаяся стихія накапливается до такой степени, что заставляетъ опасаться взрыва, искусный механикъ уменьшаетъ давленіе на нѣсколько фунтовъ, выпуская паръ, который при этомъ вырывается на волю съ протяжнымъ, пронзительнымъ шумомъ.

Но болѣе всего въ настоящее время наша публика занята американскимъ вопросомъ. Разрывъ штатовъ, кажется, составляетъ положительной фактъ. Правительство Вашингтона, повидимому, начинаетъ смотрѣть на это явленіе съ безпечностью и равнодушіемъ. Чтó за важность отпаденіе незначительной конфедераціи южныхъ невольничьихъ штатовъ? Преобладаніе сѣвера при всемъ томъ должно остаться значительнымъ! Кромѣ того, личные интересы не перестаютъ играть важную роль и въ этотъ критическій моментъ. Лица, помогающія служебной карьеры, ищутъ мѣстъ при новомъ президентѣ; фа-

бриганты и люди дѣловые пользуются отсутствіемъ на конгрессѣ представителей юга, которые всегда съ успѣхомъ содѣйствовали утвержденію тарифа, въ высокой степени отличающагося протекціоннымъ и запретительнымъ духомъ. Такая политика послѣднихъ не только показываетъ пренебреженіе къ любимому принципу Англій относительно свободной торговли, но дѣйствуетъ разрушительно на общій интересъ, соединяющій сѣверные штаты съ южными. Немезида, угрожающая первымъ за ихъ эгоизмъ и недостатокъ патриотизма, состоитъ въ возможномъ отпаденіи пограничныхъ или такъ называемыхъ табакопроизводительныхъ штатовъ, Виргиніи, Мериленда и другихъ. Если эти провинціи отпадутъ и образуютъ третью конфедерацію, то примѣру ихъ послѣдуютъ другія. Тогда огромная сѣвероамериканская республика, состоящая почти изъ одного англосаксонскаго племени, раздробится на полдюжину національностей. Такое явленіе (если только оно когда либо совершится), въ случаѣ неудачи того движенія, которое теперь все еще обнаруживается въ Европѣ, наброситъ весьма неблагоприятную тѣнь на демократическій принципъ, хотя онъ и ничего не проиграетъ отъ этого распадена. Напротивъ, мы убѣждены, что свободные штаты, отдѣлившись отъ невольничьихъ, быстрѣй и правильнѣй станутъ развиваться. Доселѣ цѣпь Негра, переброшенная отъ юга къ сѣверу, давила весь американскій союзъ.

Между тѣмъ доктрина относительно «національности» поддерживаемая Англій въ Италіи, обратилась въ орудіе противъ англійскаго правительства на Іонійскихъ островахъ. «Мы хотимъ соединиться съ Греціей, подъ управленіемъ короля Оттона,» говорятъ Іонійцы, «такъ же, какъ жители Венеціи желаютъ соединенія съ остальной Италіей, и вы поступаете такъ же дурно, какъ Австрійцы, если отказываете намъ въ исполненіи этого желанія.» Общественное мнѣніе Англій готово согласиться съ мнѣніемъ этихъ островитянъ, еслибъ не пугала мысль, что, съ увеличеніемъ греческаго могущества, увеличится и вліяніе Россіи на востокъ. Къ этому присоединяется все еще господствующій страхъ, порожденный Наполеономъ I, который на островѣ Св. Елены предсказывалъ, что Россія современемъ овладѣетъ Константинополемъ, сдѣлается могущественной морской державой, захватитъ въ свои руки европейскую торговлю, отыметъ у Англій Индію, и пр. и пр. *Больной человекъ* Турціи, говорятъ наши мудрецы, близокъ къ смерти, и его сосѣди и Франція раздѣлятъ между собой его наслѣдство. Французы уже утвердились одной ногой въ Си-

рин; большія приготовленія по войску и флоту, предпринимаемыя во Франціи послѣ итальянской войны, имѣли цѣлью исполненіе пророчества «великаго дядюшки.» Политика, которой придерживался Пальмерстонъ въ продолженіе своей министерской карьеры, подвергается опасности быть опрокинутой: Англія или должна будетъ согласиться съ проектами своихъ соперниковъ добровольно, либо подчиниться имъ вслѣдствіе принужденія. Таковъ здѣсь разговоръ, таковы предположенія нашихъ черезъ-чуръ боязливыхъ политиковъ. Что касается до меня, то я полагаю, что подобные планы легче исполнить на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Война требуетъ денегъ, а этимъ спецификомъ, если мы не ошибаемся, въ настоящее время не изобилуютъ европейскія казначейства, тѣмъ болѣе Франція, въ которой бѣдность растетъ въ геометрической пропорціи съ вооруженіями и азартомъ биржевыхъ ажіотажей.

Однакожь Англія имѣетъ дѣйствительную причину беспокоиться насчетъ востока. Во многихъ провинціяхъ Индіи свирѣпствуетъ страшный голодъ и человеколюбивыя чувствованія британскаго народа призываются на помощь къ смуглому населенію этого края. И не напрасно. Нѣсколько тысячъ фунтовъ уже отправлены въ Калькутту, и за ними вскорѣ послѣдуютъ еще нѣсколько мѣшковъ съ звонкой монетой. Это обыкновенная наша метода—прибѣгать къ филантропическимъ средствамъ тамъ, гдѣ необходимо радикальное леченіе зла. Конечно, не совсѣмъ выгодно оставить Индію, но едва ли выгоднѣе содержать огромное войско для удержанія въ покорности страны, разоренной до тла и угрожающей постоянными возстаніями и вооруженными протестами. Индія для Англіи то же, что золотая тяжелая гиря, привязанная къ шеѣ скупаго богача...

Парламентскія засѣданія до сихъ поръ были весьма слабы. Оппозиція довольствовалась наблюденіемъ за дѣйствіями министерства. Иностранная политика Англіи была въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, что никто не знаетъ, куда мы идемъ и гдѣ очутимся. Опасенія насчетъ распушенія парламента и новаго избранія членовъ удерживаютъ недовольныхъ либераловъ отъ вспышки противъ правительства, которое оскорбило небольшую, но сильную партію, не сдѣлавъ предложенія относительно билля о реформѣ.

Отсутствіе правильной оппозиціи, повидимому, имѣетъ дурное вліяніе на лорда Пальмерстона, который вслѣдствіе нападковъ дѣлаетъ

ся все болѣе и болѣе нетерпѣливымъ и даже раздражительнымъ. Иногда онъ теряетъ спокойный юморъ, забываетъ вѣжливость и принимаетъ тонъ и манеры, оскорбительные для всѣхъ. Надо надѣяться, что политическая карьера его оканчивается. Число противниковъ его растетъ и численно и нравственно. Проницательные умы, между ними и Стюартъ Миль, уже видятъ симптомы паденія министерства. Такъ какъ теперешніе члены палаты избраны были еще во время управленія лорда Дерби, то надо полагать, что, въ случаѣ пораженія, Пальмерстонъ представитъ королевѣ необходимость распустить парламентъ и обратиться къ народу съ предложеніемъ новыхъ выборовъ. По многимъ причинамъ, перемена министерства всеми ожидается. Дѣятельность нынѣшняго главнаго министерства въ продолженіи многихъ лѣтъ отличалась страннымъ непониманіемъ истинно-народныхъ интересовъ и замѣчательно, что всѣ лучшія внутреннія реформы совершились помимо Пальмерстона. Репутація его, созданная восточнымъ вопросомъ Россіи, возвела его на высокую степень популярности; благодаря ей, онъ сталъ въ головѣ правленія во время крымской войны. Однимъ изъ результатовъ этой войны для Англіи, независимо отъ понесенныхъ ею неудачъ, было устраненіе мнимой боязни, которую въ продолженіи многихъ лѣтъ усердно распространяли въ народѣ нѣкоторые органы литературы. По устраненіи этого неосновательнаго страха, прежнее мнѣніе, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ... Кромѣ того, мнѣніе Англичанъ крайне недовольно отсутствіемъ энергіи и близорукими планами министерства, которое едва ли знаетъ и видитъ, что слѣдуетъ ему начать завтра и окончить сегодня.

Недавно представился любопытный случай, доказывающій, какъ строго народъ слѣдитъ за дѣйствіями своихъ представителей въ палатѣ общинъ, даже по дѣламъ иностранной политики. Мистеръ Ребѣкъ, радикальный членъ, со стороны Шеффилда, произнесъ въ парламентѣ рѣчь, въ которой представлялъ пользу союза съ Австріей въ видахъ противодѣйствія французскому вліянію. Онъ нѣсколько разъ прерываемъ былъ восклицаніями другаго члена, который тотчасъ послѣ него всталъ и объявилъ, что его почтенный товарищъ былъ въ Вѣнѣ, обѣдалъ съ эрцгерцогами и эрцгерцогинями, пользовался тамъ большимъ почетомъ и возвратился въ Англію, съ выгоднымъ контрактомъ въ карманѣ. Эти жестокія слова острымъ ножомъ прошли по сердцу мистера Ребѣка, который всегда являлся парламентскимъ пуристомъ и обвинителемъ другихъ въ злоупотребленіяхъ. Онъ рѣшительно отвергъ такое обви-

неніе и больше объ этомъ предметѣ не говорилось въ палатѣ общиѣ. Журналы вознегодовали сначала противъ такой любви къ австрійскому правительству, обнаруженной старымъ радикаломъ, а потомъ противъ побудительной причины, представленной въ объясненіе этой привязанности. «Dog tear'em» (собака раздирающая всѣхъ), какъ называлъ себя мистеръ Ребѣкъ, по поводу своихъ нападокъ на французское правительство, пересталъ кусаться, укрощенный австрійскими придворными кавалерами и дамами. Шеффилдскіе избиратели, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, почувствовали сильное негодованіе и потребовали, чтобъ онъ явился къ нимъ на митингъ для оправданія. Онъ сначала колебался, но потомъ согласился и предсталъ на судъ своихъ согражданъ на послѣдней недѣлѣ въ мартѣ. Шумъ на митингѣ былъ такъ великъ, что никто не слушалъ оправданій парламентскаго представителя, который и ушелъ послѣ напрасной попытки произнести рѣчь. Но спокойное и рѣшительное поведеніе мистера Ребѣка не осталось безъ послѣдствій. Созванъ былъ новый митингъ, на которомъ воцарился совершенный порядокъ. Обвиненный произнесъ длинную, превосходную рѣчь, которая такъ удовлетворила слушателей, что они подали голосъ въ пользу взъявленія довѣрія своему представителю, къ его способностямъ и честности. Онъ возвратился въ парламентъ, поднятый еще выше выраженіемъ мнѣнія своихъ избирателей. Но это обстоятельство въ то-же время послужитъ для него урокомъ—быть осторожнымъ въ своихъ связяхъ и не дѣйствовать вопреки общественному мнѣнію.

Недавно произошли значительныя затрудненія въ разныхъ отрасляхъ промышленности, по поводу остановки работы со стороны рабочаго класса. Такая остановка называется «strike», отъ глагола «strike», означающаго ударять, такъ какъ работникъ, обрабатывающій поле, по окончаніи труда, обыкновенно ударяетъ своимъ заступомъ въ землю. Философія этихъ «strikes» основана на социальномъ законѣ, заслуживающемъ вниманія. Полагали, что значительное увеличеніе машиннаго производства въ новѣйшее время уменьшитъ работу и трудъ человѣческихъ рукъ. Но предположеніе не оправдалось, такъ какъ механическая сила употреблялась для массы произведеній и трудъ людей значительно возросъ, только вся выгода машиннаго производства досталась на долю капиталистовъ, едва прибавивъ что нибудь къ благосостоянію рабочаго класса. Онъ естественно сталъ спрашивать, почему его судьба не улучшилась по случаю примѣненія новой огром-

ной силы машин? Вѣдствие этого рассужденія стали составлятья ассоціаціи, т. е. отдѣльные кружки ремесленниковъ. Въ послѣднее время они возрасли до необыкновенной цифры; почти вѣтъ ни одной специальной отрасли занятія, которой бы разбросанные члены по всей Англіи не составляли особеннаго общества. Цѣль каждой ассоціаціи состоитъ въ взаимной помощи другъ-другу, въ защитѣ своихъ интересовъ противъ эгоизма и угнетенія капиталистовъ и въ круговомъ обсужденіи своихъ выгодъ. Пока общество не подорветъ окончательно злоупотребленій нашей олигархіи и привилегій купеческаго сословія, такіе союзы рабочихъ классовъ останутся единственнымъ средствомъ гарантіи ихъ соціального положенія. Результаты этихъ обществъ доселѣ были самыя лучшіе. Многія ассоціаціи отстаивали свои права съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Механизмъ этой борьбы очень простъ. Чтобы объяснить его, возьмемъ для примѣра каменщиковъ. Рабочій день состоитъ изъ десяти часовъ, кромѣ субботы, когда работа прекращается въ четыре часа пополудни, т. е. двумя часами раньше обыкновеннаго. Жалованье полагается 5 шиллинговъ и 6 пенсовъ въ день, или 33 шиллинга (около 11 руб. сер.) въ недѣлю, что составляетъ $6\frac{3}{4}$ пенса за каждый часъ. Работники, недовольные этой платой, покидая работу, требуютъ, чтобы число рабочихъ часовъ сократилось съ 10 на 9 и чтобы поденная плата осталась та же, какъ и прежде; другими словами, они хотятъ получить за каждый часъ по одному лишнему пенсу. Рѣшившись на эту перемѣну, они объявляютъ всѣмъ членамъ общества прекратить трудъ, пока не заставятъ «капиталистовъ согласиться на предложенныя ими условія» и всѣ члены обязаны оставить работу. Болѣе бѣдные получаютъ на это время вспомошествованіе изъ запаснаго фонда. Проходитъ день и два, мастерскія закрываются, магазины прекращаютъ торговлю, контрактамъ угрожаютъ неустойки и срочнымъ обязательствамъ банкротства, и вотъ волей-неволей капиталисты должны уступить требованію работниковъ.

На-дняхъ, по случаю постройки зданія, назначеннаго для всемірной выставки въ 1862 году, они выговорили по $7\frac{1}{2}$ пенсовъ за каждый часъ, вмѣсто обыкновенной поденной платы. Впрочемъ эти ассоціаціи, быстро распространившіяся по Англіи, вызвали, какъ и надо было ожидать, подобныя же скопы со стороны богатыхъ промышленниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали искать ра-

бочихъ за границей и приглашать ихъ изъ Бельгiи. Такимъ образомъ борьба принимаетъ характеръ болѣе серьезный: увидимъ, кто побѣдитъ — Голиафъ съ металлической дубиной или Давидъ съ пращей.

Р. С.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе О. Буслаева. (Томъ I: Русская народная поэзія. — Томъ II: Древне-русская народная литература и искусство).
Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г.

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.)

Какъ ни обидно для человѣческой мысли сознаніе, что до сихъ поръ, у всѣхъ народовъ, литература (мы понимаемъ это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ) играла довольно маловажную роль въ развитіи человѣчества, но, къ сожалѣнію, это такъ. Слабость и несостоятельность литературы въ дѣлѣ всеобщаго развитія выказываются въ томъ явленіи, что высшія пріобрѣтенія разума, все добро, которое вѣками добывала себѣ челоуѣческая мысль, всѣ результаты знаній, умственнаго и эстетическаго образованія, — всѣ эти пріобрѣтенія выпадали на долю меньшинства, а не массы. Спору нѣтъ, что пріобрѣтенія эти велики, какъ велика и польза, приносимая ими, — но приносимая слишкомъ ограниченному кругу людей, потому что развитіе передовыхъ личностей все-таки идетъ особнякомъ, а массы живутъ своею жизнью, какъ-бы въ сторонѣ, мало принимая участія въ общемъ поступательномъ движеніи меньшинства и получая на свою долю только малую частицу этихъ богатыхъ пріобрѣтеній. Еслибы и

передовые люди и масса шли дружно къ развитію, то человѣчество, безъ сомнѣнія, много было бы счастливѣе; еслибы умственное богатство раздѣлено было поровну между людьми, стало общимъ достояніемъ, тогда можно было бы согласиться, что литература, наука, вся сумма человѣческихъ знаній, принесли человѣчеству пользу, какую могли, какую должны были и больше какой не могли принести. Между тѣмъ исторія представляетъ намъ совершенно другое явленіе: литература всегда составляла достояніе крайняго меньшинства; капитальныя приобрѣтенія науки, сдѣланныя усиліями человѣческаго духа въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, правда, не пропадаютъ безслѣдно и бесплодно, но только въ самой ничтожной мѣрѣ отражаются на развитіи массъ. Между темнымъ большинствомъ и развитымъ меньшинствомъ лежитъ пропасть, которая, какъ замѣтно, медленно суживается отъ дѣйствія времени, и литература до сихъ поръ продолжаетъ питать самое незначительное меньшинство. Доказательствомъ этому служить цѣлая исторія русской письменности, начиная отъ трудовъ Кирилла и Меодія и кончая послѣдними попытками людей, желающихъ сдѣлать возможно-мѣньшею пропасть, которая долго еще будетъ раздѣлять понятія массы отъ понятій болѣе или менѣе развитаго общества. Ту же истину доказываютъ и матеріалы, собранные г. Буслаевымъ во второмъ томѣ «Очерковъ», хотя матеріалы эти собраны въ его книгѣ для подтвержденія совершенно не тѣхъ положеній, которыя мы имѣемъ въ виду.

Какъ всякое явленіе въ природѣ, подлежащее развитію, народное творчество, въ томъ числѣ и литература, подчиняется общимъ неизмѣннымъ законамъ существованія, по которымъ начальныя формы совпадаютъ съ конечными. Сначала, въ періодъ эпическихъ воззрѣній, народное творчество, собственно народная эпопея, является общимъ достояніемъ; она принадлежитъ всѣмъ, и всѣми болѣе или менѣе одинаково понимается, начиная отъ народнаго пѣвца, котораго исключительнымъ призваніемъ было или слагать или хранить пѣсню, до послѣдняго слушателя; въ періодъ начальнаго развитія не выдвигались особенно-рельефныя личности, умственное богатство которыхъ и запасъ знаній превышали бы единичныя знанія другихъ членовъ первобытнаго общества; между убѣжденіями, понятіями и вѣрованіями отдѣльныхъ лицъ не лежала еще пропасть. Но потомъ, при переходѣ во второй періодъ развитія, общество нечувствительно стало выдѣлять изъ себя особыя личности, тѣхъ людей, которыхъ принято на-

зывать избранными; эти избранные, расширяя горизонтъ своихъ понятій, оставляли назади массу, и чѣмъ дальше уходили они впередъ, тѣмъ менѣе было общаго между ними и остальной массой, тѣмъ шире раздвигалась пропасть, раздѣлявшая понятія тѣхъ и другихъ. Литература, развившаяся въ этотъ второй періодъ, стала принадлежностью не всей массы, а меньшинства, была болѣе близка интересамъ этого меньшинства, но не всего общества, и чѣмъ далѣе подвигалось человѣчество, тѣмъ большее количество отдѣлялось отъ массы такихъ индивидуумовъ, у которыхъ и кругъ понятій былъ шире, такъ сказать, нормального круга, и знаній больше, чѣмъ въ остальныхъ единицахъ общества, отдѣльно взятыхъ. Этотъ—то второй періодъ развитія у всѣхъ образованныхъ народовъ и создалъ литературу, которая, какъ продуктъ умственной жизни того круга людей, которые принадлежали къ высшей умственной сферѣ, была чѣмъ-то чуждымъ отдѣльной массѣ. До настоящаго времени едва-ли не всѣ литературы образованныхъ народовъ и русская по преимуществу, находятся въ этомъ второмъ періодѣ развитія, хотя на различныхъ степеняхъ; однако есть надежда, да и положительно можно сказать, что долженъ же, рано или поздно, наступить и третій періодъ, когда умственная жизнь распределится ровнѣй, и массы перестанутъ быть чужды той умственной сферѣ, въ какой находится теперь меньшинство. Тогда литературу нельзя уже будетъ назвать ни «магазиномъ, въ которомъ хранятся духовныя сокровища», принадлежащія только богатымъ, ни «арсеналомъ, въ которомъ сложено оружіе человѣческаго духа», какъ называетъ литературу Бёкль (*), непризнающій за ней того великаго значенія, какое въ сущности она должна была бы имѣть при болѣе нормальномъ построеніи соціальной жизни.

Древнерусская литература всего менѣе могла способствовать развитію народа, потому что она имѣла нѣкоторыя исключительныя цѣли и долго страдала односторонностью направленія. Жестоко преслѣдуя такія произведенія, какъ «зелейники», «колядники», «громники», «сонники», «волхвовники», «птичныя чарованія»—произведенія наиболѣе удовлетворявшія невзыскательной любознательности малограмотнаго и «двоевѣрнаго» народа, господствующая литература суевѣрно отрекалась, какъ отъ бѣсовской прелести, такъ и отъ «остроумѣи», «звѣздочетя», отъ истолкованій солнечнаго и луннаго затмѣнія; боязнь

(*) Buckle, Gesch. der Civil. I, 231.

поддаться противоположному направлению въ литературѣ, заставляла преслѣдовать, въ числѣ сатанинскихъ прѣсенъ и другихъ суевѣрій, даже такія полезныя занятія, которыми могли привести къ положительнымъ знаніямъ, какъ напримѣръ науку земледѣрія (Бул. II, 69). Но преслѣдуя проявленія народности и еще неуспѣвшія окончательно исчезнуть вѣрованія эщического періода, литература, сама того не замѣчая, создавала для себя другія вѣрованія, проповѣдывала идеи, не болѣе логическія, какъ и тѣ, которымъ поддавалась дѣтская фантазія народа; даже здравая—по тому времени—логика лѣтописцевъ не замѣчала противорѣчій въ томъ, что, ставя въ число еретическихъ предразсудковъ народныя понятія о затмѣніяхъ, представители тогдашняго образованія видѣли въ «погибели» солнца или луны, въ «звѣздахъ хвостатыхъ» и въ огненныхъ столбахъ на небѣ еще больше таинственнаго, чѣмъ видѣлъ въ нихъ самъ народъ. Разница только въ томъ, что народъ толковалъ эти явленія по своимъ понятіямъ, а грамотники называли ихъ «знаменіями» и строили на нихъ предсказанія, сообразно своему внутреннему настроенію. Въ отношеніи широты взгляда и круга понятій даже лѣтописцы не далеко ушли отъ народа и, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, между ними и неразвитою массою, повидимому, не лежала еще та глубокая пропасть, какаѧ, во второй періодъ развитія, раздѣляетъ народъ и образованное меньшинство на два стана людей, плохо понимающихъ другъ друга; лѣтописецъ непогрѣшителенъ только въ дѣлѣ вѣры, собственно со стороны внѣшней обрядности; по область его личныхъ суевѣрій малымъ чѣмъ ограниченнѣе той, въ которой обращались понятія «двоевѣрнаго» народа. Находя слѣды народности во всей духовной литературѣ XI—XVII вѣка, считавшейся прежде чисто-византійскимъ заимствованіемъ, г. Буслаевъ не обратилъ вниманія на самое важное — на лѣтопись, въ которой, не меньше какъ и въ другой древней письменности, отражается народъ съ его паивной вѣрой въ сверхъестественное, съ его дѣтскими понятіями о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ и съ его «двоевѣріемъ». Было бы несправедливо, говоря о древней народной литературѣ, не обратить вниманія на проявленіе народности въ русской лѣтописи, на которую до сихъ поръ смотрѣли преимущественно съ точки зрѣнія историко-прагматической, а забывали изслѣдовать наши лѣтописи въ другомъ отношеніи и на основаніи ихъ вывести заключеніе о степени развитія и кругѣ понятій нашихъ предковъ, дѣйствовавшихъ на историческомъ поприщѣ, по-

тому, что въ летописи наиболее должна бы выражаться логическая, дѣйствительная, а не фантастическая сторона жизни. Кто бралъ русскимъ летописомъ безъ предвзятой идеи, какъ обыкновенные анналы народныя, слѣдилъ по нимъ за фактами и причинами ихъ въ исторической жизни русскаго народа (насколько она проявляется въ нихъ), стараясь отыскать законность и необходимость тѣхъ или другихъ явленій, имѣвшихъ тотъ или другой исходъ и послѣдствія, тотъ, конечно, не могъ не придти къ мысли, что многое въ нашей исторіи было дѣломъ ложно направленной воли неразвитаго народа, и что тѣ событія, развязка которыхъ стоила намъ много крови или которыя оставили слѣдъ въ нашей гражданской жизни до настоящей поры, произошли ошибочно, вслѣдствіе какого-либо недоразумѣнія или общей неразвитости, или наконецъ подъ вліяніемъ временныхъ народныхъ предразсудковъ. Каждая эпоха имѣетъ свои характеристическіе предразсудки, которые прикрываются или именемъ идеи и долга, или вѣрованіемъ въ судьбу; только та разница, что у народа болѣе развитаго и цѣль сознательнѣе и средства разумнѣе, нежели у народа младенчествующаго. Наши летописи представляютъ въ этомъ случаѣ богатый матеріалъ для изученія, потому что въ нихъ, между риторикой и сухимъ перечнемъ событій, проглядываетъ прошедшая жизнь наша и понятія отжившаго народа, безъ утайки и вымысла. Наши летописатели не были настолько образованы, чтобы умѣть искусно маскироваться, да этого не позволяла имъ и добросовѣтность. Если и была въ нихъ эта недобросовѣтность, то конечно самая невинная. Пристрастіе выражалось въ одномъ только случаѣ, когда чѣмъ-либо затронуты были душевныя убѣжденія писателя: напримѣръ, Русскіе бьются съ Половцами, давъ обѣты Богу кутьей, милостыней, и Богъ великій послалъ ужасъ великій на Половцевъ, и страхъ напалъ на нихъ и трепеть отъ вида русскихъ войскъ, и «дремали» сами, и «конѣмъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ»; а наши—веселы и кони бодры подъ ними.

Летописецъ, стоявшій немного выше толпы и развѣ малымъ чѣмъ ниже самаго образованнаго изъ князей, дѣйствія которыхъ вноситъ въ свой хронографъ, одними съ ними глазами смотритъ на событія и источникъ ихъ, и все приписываетъ промыслу, что сколько-нибудь выше его недалекихъ понятій. Въ объясненіи причинъ народныхъ смутъ вполнѣ высказывается односторонній взглядъ анналиста, дотого односторонній и дѣтскій, что самъ народъ, безъ сомнѣнія, гораздо

правильнѣе понималъ источникъ распрей и побудительныя причины ссоръ, какъ между населеніемъ Пскова и княжескими слугами, такъ и между новгородскою чернью и боярами. Народъ ссорился съ княземъ и съ боярами за неуваженіе народныхъ правъ, а между тѣмъ писатель того времени, который долженъ бы быть образованнѣе черни, не понималъ этой простой вещи и вдавался въ суевѣрныя комбинаціи. Вообще мы никакъ не можемъ отдѣлять отъ народа самихъ лѣтописцевъ, узкій взглядъ которыхъ болѣе или менѣе былъ выраженіемъ общепринятаго взгляда своего времени: общая жизнь, общія радости и горе и, наконецъ, общіе предрасудки, хотя проявлявшіеся у лѣтописца въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, тѣсно связывали его съ народомъ. Само-собою разумѣется, что нельзя не видѣть искренности лѣтописателя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ какъ бы съ сожалѣніемъ говоритъ о невѣжественности народа, давая ему эпитетъ «невѣгласа»,—а онъ его часто такъ называетъ. Онъ вѣритъ слухамъ, ходящимъ въ народѣ, когда слухи эти гармонируютъ съ его собственными воззрѣніями: надъ тѣломъ убитаго князя Глѣба слышалось иногда по ночамъ невѣдомое пѣніе, иногда видѣли столбъ огненный и горящія свѣчи. Этихъ разсказовъ лѣтописецъ не сочиняетъ, а записываетъ то, что слышалъ отъ народа, и потому самъ выражается такъ, какъ обыкновенно выражается народъ въ подобныхъ случаяхъ: слышали и видѣли то «проѣзжіе купцы, охотники или пастухи». Но опять, когда народъ, также мало понимая причину солнечнаго затмѣнія, какъ и самъ лѣтописецъ, говорилъ, что его «сѣдали оборотни»,—последній называлъ народъ «невѣгласами», а самое затмѣніе объяснялъ насланіемъ Божіимъ, хотя этимъ столько же объяснялся источникъ явленія, какъ и народной сказкой о какихъ-то «волкодлакахъ». Но вотъ пришли Половцы на русскую землю, и лѣтописецъ видитъ въ этомъ событіи доказательство гнѣва Божія, который проявляется двоякимъ образомъ: междоусобныя войны бываютъ отъ наущенія дьявола; но если какая-либо земля согрѣшитъ передъ Богомъ, то онъ казнить ее моромъ, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, засухою, червями, саранчой. Насланіе Половцевъ лѣтописецъ объясняетъ тогдашнимъ развращеннымъ состояніемъ русскаго общества. «Чѣмъ мы лучше язычниковъ? говоритъ онъ: если кто встрѣтитъ монаха, или монахиню, или поца, или женщину и дѣвицу, или свинью, или коня лысаго, то плюетъ и возвращается назадъ съ дороги. Иные вѣрятъ чиханью, будто оно полезно для головы» и т. д. Между тѣмъ

самъ лѣтописецъ, говоря о нашествіи Половцевъ, этой свѣжей ранѣ тогдашняго времени, ограничиваетъ свои наивные доводы тѣмъ, что называетъ этихъ враговъ «батогомъ» божиимъ и добавляетъ притомъ, что Богъ насылаетъ на насъ Половцевъ собственно въ праздники, въ дни веселья, чтобы было горе чувствительнѣе: первое нашествіе было на Вознесенье, второе—на Бориса и Глѣба.

Дикая и запутанная сказка о путешествіи «Гюраты Роговича въ Угру ясно говоритъ, что лѣтописецъ былъ едва ли не суевѣрнѣе самого народа. Въ то время, когда полудикая Угра ведетъ торгъ и мѣну желѣзомъ и мѣхами съ невѣдомыми сосѣдами, считая ихъ обыкновенными людьми, образованный книжникъ рассказываетъ объ этихъ невѣдомыхъ народахъ самыя невѣроятныя вещи и поддерживаетъ тѣмъ народные предрасудки. Въ иныхъ мѣстахъ онъ является самовидцемъ такихъ событій, которыхъ не можетъ допустить здравый человеческій смыслъ; только его наивная вѣра въ чудесное, поддерживаемая народными предрасудками, на которыхъ выросъ самъ рассказчикъ, заставляетъ и насъ смотрѣть на невинную ложь какъ на фактъ возможный, хотя и изуродованный народною фантазіею. Многое является у него какъ эпическое повтореніе извѣстныхъ фразъ, однажды принятыхъ на-вѣру. Поражаетъ ли страну какое-либо случайное бѣдствіе — моръ, неурожай, бездождіе, онъ какъ-будто утѣшаетъ себя, вписывая въ свой хронографъ эпическія, вездѣ повторяемая, благочестивыя воздыханія о грѣхѣ: за грѣхи караетъ насъ Богъ различными напастями, огнемъ, водою, ратью, вѣдромъ, гусеницею, трусомъ и иною казнью, и вслѣдъ затѣмъ, чтобы люди не подумали, что Богъ ненавидитъ ихъ, предостерегаетъ словами: «не буди то». Какъ у всякаго младенчествующаго народа, какъ и въ эпической поэзіи, понятія лѣтописца выражаются въ олицетвореніяхъ, въ символахъ и образахъ. Удалось Русскимъ зимою разбить Половцевъ, взять много полову: и была великая радость всей русской землѣ; одинъ только дьяволъ «печалень» былъ. Вскорѣ послѣ этого явились Татары. Лѣтописецъ снова блуждаетъ во мракѣ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ; слуховъ по Руси ходитъ много и на каждомъ останавливается его любопытство, а никто не знаетъ, что это за народъ, откуда и какъ пришли они, и каковъ языкъ ихъ, и котораго они племени, и какова ихъ вѣра. Одинъ Богъ, говоритъ онъ, знаетъ, кто они и откуда пришли: «премудріи мужи вѣдъ я добръ, кто книги разумно умѣеть; мы же ихъ не вѣмы кто суть». Татары разбили Русскихъ

князей на Калкъ, и лѣтописецъ опять сѣтуеть, что никто не знаетъ, откуда пришли на насъ Татары и куда опять дѣвались: только Богъ вѣсть. Лѣтописецъ, какъ и народъ, вѣритъ въ пророческую силу cadaго естественнаго явленія, сколько—нибудь выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Землетрясенія, имѣющія такое сильное вліяніе на развитіе народной фантазіи и предрасудковъ (Испанія и Италия по Боклю), у насъ случались весьма рѣдко и потому тѣмъ болѣе казались страшными для народа. Однажды было такое землетрясеніе,— и лѣтописецъ записалъ его безъ всякихъ истолкованій и догадокъ; но вслѣдъ за нимъ начался моръ въ Новгородѣ, и тогда только лѣтописецъ догадался, какой предсказательный смыслъ имѣло землетрясеніе: «а мы, говоритъ, и не догадались прежде!» Точно такъ неподдѣльная радость всегда овладѣвала народомъ и самимъ лѣтописателемъ, когда оканчивалось солнечное затмѣніе. Одно лѣто свирѣпствовали въ Новгородѣ пожары, и конечно самое первое истолкованіе этого явленія — наказаніе за грѣхи, несмотря на то, что народъ мыслилъ иначе, приписывая пожары тайнымъ поджогамъ. Эта народная молва смущаетъ лѣтописца; онъ не можетъ не вѣрить народу, потому что на многое смотритъ его глазами; на однихъ съ нимъ понятіяхъ и предрасудкахъ воспитанъ съ младенчества; въ него закрадывается сомнѣніе — и въ самомъ дѣлѣ не поджогъ ли... «Богъ вѣсть, испытанія челоуѣка». Лѣтописецъ живетъ въ вѣкъ чудесъ и предзнаменованій, и время, безсильное поколебать вѣковые предрасудки и вывести народъ изъ тяжелаго умственнаго застоя, въ которомъ онъ оставался съ доисторической эпохи, почти совершенно не подвигаясь впередъ, мало измѣняетъ и убѣжденія лѣтописца. Въ 1530 году, 29 августа, въ шестомъ часу ночи, былъ громъ и молнія, пронеслась туча и вѣтеръ страшный; думали, земля поколебалась «въ своемъ основаніи». Но странное явленіе объяснилось: въ этотъ самый часъ народился въ Москвѣ князь Иванъ Васильевичъ «зѣло грозенъ». Къ довершенію чудеснаго знаменія, въ ту же ночь и въ тотъ же часъ въ Новгородѣ вылили для церкви св. Софіи колоколъ—благовѣстникъ, вѣсомъ въ 250 пудовъ, «велики великъ», каковаго колокола не бывало въ Великомъ Новгородѣ и во всей Новгородской области, «яко страшной трубѣ гласящи». Такое воззрѣніе лѣтописца ничѣмъ не разнится отъ народныхъ воззрѣній эпическаго періода: какъ рожденіе Грознаго предназначено страшною бурей, колебаніемъ земли и литьемъ огромнаго колокола—благовѣст-

ника, такъ рожденію богатырей предшествовали необычайныя явленія. Г. Буслаевъ въ статьѣ «объ эпической поэзіи» (ч. I, гл. 1-я) упоминаетъ о пѣснѣ древней Эдды, гдѣ сказано, что пѣли орлы, когда родился герой Гельги, точно такъ, какъ о рожденіи Волха Всеславьевича древнее стихотвореніе говоритъ:

а и на небѣ просвѣта свѣтелъ мѣсяць,
а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
подрожала сыра-земля,
сотряслось славно царство индѣйское,
а и синее море сколебалоса
для ради рожденья богатырскаго
молода Волха Всеславьевича:
рыба пошла въ морскую глубину,
птица полетѣла высоко въ небеса,
туры да олени за горы пошли,
зайцы, лисичицы по чашицамъ,
а волки, медвѣди по ельникамъ,
соболи, кунимы по островамъ.

Дѣйствительно, цѣлые вѣка какъ бы незамѣтно проходили надъ русскою землею и не касались ея старинныхъ, младенческихъ воззрѣній. Что писалось въ XII—XIII вѣкѣ, то пишется въ XV—XVI; во что вѣрили прежде, въ то вѣрять долго и не скоро расстаются съ старинными предрассудками; народные рассказы и слухи не теряютъ цѣмы, точно также какъ и сомнительныя свѣдѣнія, полученные изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ и носящія на себѣ всѣ признаки легенды.

Впрочемъ XV—XVI вѣкъ видимо начинаетъ касаться нѣкоторыхъ воззрѣній лѣтописца, хотя, быть можетъ, только наружной стороны ихъ проявленія; въ понятіяхъ тогдашняго писателя начинаетъ проглядывать какой-то особенный оттѣнокъ, котораго незамѣтно было прежде. Правда, онъ и прежде измѣрялъ важность событій отчасти несовсѣмъ объективно, или какъ монахъ, или какъ людина известнаго города и области, а теперь онъ уже становится сторонникомъ или противникомъ московскаго князя и на дѣло смотритъ не вполне безпристрастно; самыя значенія толкуетъ уже сообразно новымъ своимъ воззрѣніямъ. Такъ, въ войнѣ Ивана Васильевича съ Новгородомъ

домъ лѣтописецъ видимо употребляетъ орудіемъ для своихъ гражданскихъ цѣлей народную вѣру въ чудесное дѣйствіе промысла. Оттого въ шелонской битвѣ ни одинъ конь подъ московскимъ всадникомъ не спотыкнулся у Шелони, а у новгородцевъ и руки отяжелѣли, и стрѣлы не дѣйствовали; оттого обезсилила славная конница новгородская, и воины, бросая усталыхъ коней, разбрелись какъ скотъ по лѣсу, не вѣдая куда кто бѣжитъ, и только слышался каждому страшный лозунгъ великокняжескаго войска — «Москва! Москва!» — хотя побѣдители остались далеко зи ними; оттого и новгородцы названы «лукавыми» и Марса—Посадница получила эпитетъ «прелестной», то же что чародѣйка, колдунья, безбожница; оттого, когда, освобожденные изъ московскаго плону, новгородцы сѣли на суда, чтобы по Волхову плыть въ свой городъ, встала на нихъ страшная буря, разбросала и разбила о камни суда ихъ, и потопила до семи тысячъ злорадныхъ республиканцевъ, — и все это за неповиновеніе князю и за отступленіе къ латинству; оттого, наконецъ, въ шелонской битвѣ, при страшномъ пораженіи новгородскаго войска, со стороны москвичей убитъ былъ одинъ только воинъ! — Такъ измѣнилось въ этомъ случаѣ воззрѣніе лѣтописца. При описаніи же послѣднихъ дней вольности новгородской, у него невольно проглядываетъ чувство жалости къ падшему городу: «а иное бы писалъ, и не имѣю что писати отъ многія жалобы»... Онъ высказываетъ сочувствіе и къ паденію Пскова, взятаго обманомъ москвичей; ему жаль вѣчеваго колокола, — какъ спустился его на землю, какъ псковичи, смотря на колоколъ, плакали по своей старинѣ и по своей волѣ, какъ Третьякъ повезъ колоколъ въ Москву. А до того времени жили псковичи на своей волѣ и князя державнаго владѣющаго ими не имѣли, но сами избирали себѣ князя, приглашая изъ иныхъ странъ, или изъ Москвы, или изъ Литвы, и держали его у себя какъ «наемника», а не какъ князя, по закону своему: только князь Репня—Оболенскій жилъ у нихъ «грозно и свирѣпо по московскому обычаю». — Относительно же другой стороны воззрѣній лѣтописца можно сказать, что собственно—умственныя понятія писателя, жившаго и дѣйствовавшаго въ извѣстной средѣ, стоявшаго въ уровень съ тогдашнимъ русскимъ человекомъ, повидимому мало развивались и не вышли изъ узкаго эническаго круга понятій; XV и XVI вѣкъ застаютъ его почти съ той же массой свѣдѣній, съ тѣми же взглядами на многое, какіе выработала Русь въ XI и XII вѣкѣ; народность воззрѣній, преслѣдуемая какъ

остатки язычества, пересиливала шаткія убѣжденія, занесенныя изъ Византіи, и проглядывала во всемі. Одинъ изъ представителей русскаго просвѣщенія XIV вѣка, новгородскій архіепископъ Васлій пишетъ ученое посланіе къ епископу тверскому Феодору. Въ Твери возникъ богословскій споръ о раѣ. Въ посланіи своемъ по этому случаю архіепископъ между прочимъ говоритъ: «слышахъ, брате, что повѣствуеши — «рай погиблъ, въ немъ же былъ Адамъ». И потому старается опровергнуть заблужденіе епископа: приводитъ доказательства изъ священнаго писанія; назначаетъ мѣсто рая между Тигромъ и Евфратомъ, и самымъ сильнымъ аргументомъ существованія эдема считаетъ баснословный, чисто-народный разсказъ новгородца Моислава. Этотъ Моиславъ былъ однажды съ сыномъ своимъ Яковомъ и другими людьми на морѣ; плавали они на трехъ «юмахъ»; одна лодка погибла, а другія двѣ долго носило вѣтромъ по морю и прибило къ высокимъ горахъ. На горѣ увидѣли путешественники чудное изображеніе Спасителя; и былъ свѣтъ на томъ мѣстѣ ярче солнечнаго, хотя солнца они не видѣли; а на горахъ тѣхъ слышны были ликованія и веселое пѣніе. И велѣли они одному товарищу своему взойти по лѣстницѣ («шеглѣ») на гору, узнать, что тамъ за свѣтъ и ликованія; но какъ только взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ отъ товарищей. Они послали другаго, приказавъ ему непременно возвратиться и повѣдать, что тамъ на горѣ: но и этотъ убѣжалъ отъ нихъ. Тогда они послали третьяго, но только привязали ему къ ногѣ веревку и держали за конецъ. Побѣжалъ и этотъ, всплеснувъ радостно руками. Но когда они потащили веревку, притянули посланнаго — онъ былъ мертвъ. Въ заключеніе архіепископъ добавляетъ: «а тѣхъ, брате, мужей и нынѣ ча дѣти и внучата добры здоровы». Это доказательство напоминаетъ разсказъ новгородца Гюраты о Югрѣ и почти такой же разсказъ Семена Толбузина о Венеціи, которую онъ видѣлъ во время посольства своего (въ 1475 году) за приглашеніемъ въ Россію художника Аристотеля. Онъ увѣрялъ, что въ Венеціи находятся двѣнадцать баснословныхъ камней «самоцвѣтныхъ», которые Венеціане достали волшебствомъ отъ одного неизвѣстнаго челоука, занесеннаго къ нимъ бурей. Камни самоцвѣтные, гусли-самогудки, ковры-самолеты, шапки-невидимки, мертвая руда и живая вода — все это созданія народной фантазіи, противъ которой оказывается безсильною здравая логика лѣтописца; все это слѣдъ народнаго вліянія.

Въ 1459 году случилось Благовѣщеніе на Пасху. Лѣтописецъ вѣрилъ народному преданію, сохранившемуся до-сихъ-поръ, что если Благовѣщеніе прикочетъ въ свѣтлое воскресенье, то пришелъ, значитъ, конецъ свѣта. «Братія! восклицаетъ авъ: здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь не мала: яко же въ распятіи Христовѣ сей кругъ солнцу бысть 23, луны 13, сіе лѣто на конци явися, въ оупчаемъ всемірное пришествіе Христово. О, Владыко! умножишася беззаконія наша на земли: пощеди, Владыко, исполни небо и землю славы Твоея; пощеди насъ, благословенъ грядый во имя Господне...» Только по окончаніи года увидѣлъ благочестивый инокъ, что страхъ его напрасенъ, что народное повѣрье обмануло его, и добавляетъ наивно: «и того лѣта не бысть вычтеже.» — Естественно, что при такомъ взглядѣ нашихъ лѣтописателей и при крайней шаткости и недостаточности понятій о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, смутно соизвѣдалось ими все, что ни дѣлалось вокругъ нихъ; мысль ихъ блуждала въ такомъ непросвѣтломъ туманѣ, умъ такъ опутанъ былъ тысячами суевѣрныхъ понятій, привившихся отъ колыбели, что трудно рѣшить, одинъ-ли только простой народъ заслуживалъ эпитета «не-вѣгласовъ». Понятія князей, правившихъ судьбами русской земли, повидимому гармонировали съ понятіями массы, если судить по ихъ дѣяніямъ: во всемъ проявляется наивность и безхарактерность дѣтей, иногда жестокихъ, часто корыстолюбивыхъ и коварныхъ и—мостоаяно суевѣрныхъ. Что можетъ быть коварнѣе и вѣстѣе съ тѣмъ наивнѣе, какъ поступокъ Владимірка Галицкаго, который на замѣчанія посла Изяславова, Петра Бориславича, что Владимірко не сдержалъ даннаго слова, хотя обѣщалъ жить въ мирѣ съ Изяславомъ и на присягѣ цѣловалъ крестъ, — отвѣчалъ: «сій ли крестецъ малый?» — говоря этимъ, что онъ цѣловалъ не этотъ крестъ, не маленькій, на который ему указывали, а другой, большой!... (Полн. Собр. рус. лѣт. II, 72).

Всякое естественное явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, наводило ужасъ на массу; князья, какъ мы видѣли, были суевѣрны не менѣе простаго народа, за что и осуждались проповѣдниками; лѣтописцы вѣрили тому же, чему вѣрили народъ и князья. Мы прежде говорили, какое вліяніе имѣютъ силы природы на народное творчество, и потому неудивительно видѣть въ лѣтописяхъ безчисленное множество «знаменій», пророческій смыслъ которыхъ толковали лѣтописцы сообразно настроенію своего духа и послѣдующимъ событіямъ,

какъ вообще дѣлаетъ народъ въ подобныхъ случаяхъ. Явился на небѣ кругъ и всѣ увѣрены, что онъ имѣетъ значеніе предзнаменованія: и дѣйствительно, въ это время случилась засуха, и такая сильная, что горѣла земля, сами собой загорались лѣса и болота; потомъ панахи Коловцы, Ляхи; начался затѣмъ моръ. Иногда небо казалось народу «крававымъ» и все ждало кончины міра; звѣзды отторгались отъ тверди и падали на землю; отъ этого страннаго зарева снѣгъ на домахъ и по землѣ казался крававымъ,—и видѣлось всеиъ будто кровь пролита по снѣгу. Сѣверное сіяніе было такимъ же непостижимымъ явленіемъ и для народа и для лѣтописца.

Само-собою разумѣется, что солнечныя и лунныя затмѣнія стояли главнѣйшими провозвѣстниками въ ряду знаменій, и какъ часто ни повторялись, никогда не проходили безъ того, чтобъ не поселить въ народѣ страхъ и ожиданіе чего-то необыкновеннаго. Самые рассказы лѣтописцевъ о затмѣніяхъ и выраженія, какия употреблялись въ этомъ случаѣ, ясно показываютъ наивное пониманіе того, что означали такия явленія.

Прохождение кометъ и планетъ было столько же странно, какъ и необъяснимо въ понятіяхъ нашихъ предковъ; рѣдкій годъ проходилъ, чтобы спокойствіе ихъ не было нарушено какимъ-либо необычайнымъ явленіемъ. Самые событія держали народъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянномъ ожиданіи какаго-либо невѣдомаго горя, и каждый годъ оправдывались ихъ невеселыя ожиданія: войны слѣдовали за войнами; князья губили народъ изъ-за волостей, не заботясь о погибающемъ населеніи; колокола церковные не переставали звонить набать то по причинѣ пожаровъ, то въ моръ, то въ усобицы; звонили и въ пользу князя, котораго, при томъ же колокольномъ звонѣ, изгоняли на канунѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ пугался всякаго знаменія: крававый цвѣтъ неба пророчилъ ему усобицы, солнце скрывало свои лучи отъ лица грѣшной земли, кометы представлялись въ видѣ страшныхъ копій. Знаменія сбывались...

Къ довершенію суевѣрнаго страха, русскій народъ былъ иногда свидѣтелемъ землетрясеній. Конечно, у насъ они были слишкомъ рѣдки и слишкомъ слабы; но достаточно было одного слова «трусъ», о избавленіи отъ котораго молится церковь, чтобъ къ этому присоединилась боязнь «глада, огня, меча и нашествія иноплемennыхъ.» Случаи землетрясенія повторялись только въ трехъ-четырехъ пунктахъ древней Руси. Но тотъ, кто вѣрилъ, что однажды въ Сиріи,

во время великаго труса, разступилась земля на три поприща и изъ земли вышла ослица, говорящая человѣческимъ языкомъ, конечно не могъ не чувствовать страха, когда земля колебалась подъ его ногами.

Но и этими явленіями не ограничивалось чудесное. Непонятныхъ явленій было слишкомъ много, никто не могъ объяснить народу ихъ естественность, и этимъ увеличивалась область знаменій, къ которымъ необузданная фантазія младенчествующаго народа присоединяла громъ и молнію. Знаменіемъ считался собственно тотъ громъ, который слышали въ зимнее время, и оттого онъ былъ еще болѣе поразителенъ. Какъ въ настоящее время народъ вѣритъ существованію громоной стрѣлы, такъ и лѣтописцы вѣрили ей и упоминаютъ о «громкой стрѣлкѣ» неоднократно; она падала изъ облаковъ и производила страшное дѣйствіе особенно въ церквахъ: чернѣли позолоченныя иконы; громовая стрѣлка бороздила церковныя главы и щепала въ мелкіе куски дерево; поражала стоящихъ въ церкви людей и исчезала гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ужасъ овладѣвалъ народомъ, а грамотники не умѣли успокоить его.

Этого мало. Какъ всякій младенчествующій народъ, неуспѣвшій развиться до отреченія отъ этическихъ воззрѣній, наши предки въ суевѣрномъ страхѣ видѣли то, чего вовсе не могло, существовать въ дѣйствительности. Они вѣрили созданіямъ своей собственной фантазіи и рассказывали о нихъ со страхомъ; лѣтописцу оставалось только вносить ихъ въ анналы, подвергнувъ предварительно личной критикѣ:— а мы знаемъ, какъ недалеко ушли его понятія и какъ ему самому трудно было выбиться изъ—подъ гнета старинныхъ народныхъ вѣрованій. Мы пройдемъ молчаніемъ фантастическіе рассказы, заимствованные изъ византійскихъ хронографовъ; не будемъ особенно говорить ни объ амазонкахъ, которыя будто-бы убивали всѣхъ новорожденныхъ мужскаго пола, ни о золотомъ деревѣ греческаго царя Михаила, на которомъ пѣли золотыя птицы, ни о его чудесномъ зеркалѣ, въ которое онъ могъ видѣть изъ дворца своего все, что дѣлалось въ его обширномъ царствѣ, въ Европѣ, въ Аравіи и Сиріи, ни о попугаѣ, который помогъ Льву вступить на византійскій престолъ: у насъ достаточно своихъ, заимствованныхъ многочисленныхъ сказаній и въ устной народной поэзии и въ лѣтописяхъ, въ которыхъ найдемъ и Перуна, кричащаго «горе мнѣ!», и мертвецовъ, бьющихъ Полочанъ, и вихрь, уносящій челоука съ лошадыю и телѣгой подъ облака, и безшерстнаго волка—людоеда, и дождь, падающій то пшеницей и сте-

клянными глазами, то вѣверицами, маленькими оленями и даже желѣзными клещами!

У народа есть повѣрье, что передъ какимъ-нибудь несчастіемъ церковные колокола звонятъ сами-собою. Этому вѣрили и лѣтописцы; они были даже свидѣтелями подобныхъ непостижимыхъ явленій.

Въ описаніи пожаровъ, моровыхъ повѣтрій, буръ и прочихъ явленій видна наивная фантазія неразвитаго народа, доходящая иногда до смѣшнаго, потому что во всѣхъ такихъ случаяхъ дѣтскому уму рисовались картины необъяснимыя и сверхъестественныя. Въ сильныхъ пожарахъ самымъ непостижимымъ для лѣтописца явленіемъ было «хождение огня по водѣ». Это случалось тогда именно, особенно во время пожаровъ въ Новгородѣ, когда пламя силою вѣтра перекидывало на другую сторону Волхова, и тогда суевѣрному народу казалось буквально, что «по водѣ огонь ходя горяше». Тѣсныя, деревянные, беспорядочно выстроенные города древней Руси горѣли каждое лѣто, и никакая сила не могла остановить распространявшійся пожаръ; выгорали цѣлые города и пригороды, дѣлались жертвою пламени цѣлые десятки церквей; горѣли люди и скотъ: въ одинъ пожаръ погибло въ Новгородѣ 3,315 человекъ отъ одного огня, кромѣ утонувшихъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Оттого и страшны казались пожары въ то время и народъ видѣлъ въ нихъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы. Огонь казался «живымъ» существомъ, которое имѣетъ способность двигаться по своему произволу и пожирать все встрѣчающееся на пути; такимъ-же огонь представляется и въ языческихъ вѣрованіяхъ народа; почти такимъ-же казался онъ и лѣтописцу. Однажды, во время пожара, сдѣлалась такая страшная буря, что вихрь приносилъ съ Волхова большія суда и бросалъ въ огонь (III, 245, 147).

Но знаменія не ограничивались и этими явленіями, потому что для юнаго народа весь міръ исполненъ чудесъ и таинственности. «Течение Волхова вспять» было столько-же страшно, какъ и ходение огня по водѣ или каменоносныя тучи. Читая новгородскія лѣтописи, мы иногда находимъ въ нихъ извѣстіе, что въ такомъ-то году «иде Волховъ на взводѣ» или «на взводѣ», т. е. противъ естественнаго теченія. Извѣстія эти отрывочны, но самый тонъ, которымъ они говорятся, изобличаетъ вѣрованіе лѣтописца въ таинственный смыслъ такихъ случайностей: «по божію строенію бысть въ Великомъ Новѣгородѣ, на второй недѣлѣ по Пасцѣ, иде вода въ Волховѣ вверхъ, ни вѣтромъ, ни бурюю, но повелѣніемъ Творца своего Бога; и иде

дней девять, а на десятый возвратися пакы и поведе по своему подобію.» Въ область знаменій лѣтописецъ вноситъ всякую аномалію въ явленіяхъ физическаго міра.

Все это — слѣды эпоса, слѣды доисторическихъ воззрѣній, отъ которыхъ не могли быть свободны позднѣйшія поколѣнія въ теченіе трехъ—четырехъ столѣтій. Мы считаемъ излишнимъ говорить о тѣхъ повѣрьяхъ, которыя не принадлежали всему народу вообще, а записаны лѣтописцемъ совершенно случайно, какъ напримеръ: рассказы Аванасія Никитина объ индійской птицѣ «гугукъ», у которой изо рта выходило пламя, когда ее убивали, или объ «обезьянъемъ царѣ», посылавшемъ на войну своихъ подданныхъ. Но лѣтописецъ не чуждъ и другихъ эпическихъ вѣрованій: какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ «орлы клекотъ на кости звѣрей зовуть, а лисицы брешуть на красныя щиты», предвѣщая гибель войску, — какъ орлы всегда сопутствовали въ походахъ храбрымъ Запорожцамъ, изо рта у мертвыхъ очи выдирали, раненымъ въ очи заглядывали, такъ и у лѣтописца орлы являются передъ сраженіемъ и предвѣщаютъ кровопролитіе, чѣмъ подтверждаются доводы г. Буслаева объ эпичности въ литературѣ XI и XII вѣка. Для насъ важны эти слѣды вліянія народныхъ воззрѣній на лѣтописцевъ, повидимому чуждыхъ народнымъ заблужденіямъ и стоявшихъ выше массы. Въ этихъ слѣдахъ мы видимъ отраженіе народности, заявленіе ея правъ въ литературѣ. Неудивительно, что г. Буслаевъ находитъ отсутствіе народности въ повѣстяхъ духовнаго содержанія, въ поучительныхъ бесѣдахъ и житіяхъ угодниковъ: народность и ея воззрѣнія, эпическая старина и вѣра въ чудесное лежали тяжелымъ гнетомъ и на сознаніи людей болѣе или менѣе грамотныхъ и руководили ихъ убѣжденіями. Эти люди видимо боролись съ стариной, старались сбросить съ себя тяжелый гнетъ эпическихъ вѣрованій, и впадали въ другую крайность, переженивъ только наружную форму воззрѣній и оставивъ при тѣхъ-же вѣрованіяхъ, — при вѣрованіяхъ въ «погибель», а не въ «свѣданіе» возкозлаками солнца, въ существованіе огненнаго змѣя, замѣнившаго змѣя-горынича, въ сверхъестественную силу огня, ходившаго по водѣ, въ самопроизвольный звонъ колоколовъ, въ пророческій смыслъ затмѣній и кометъ, въ вѣщую силу чародѣицъ и волхвовъ, въ возможность существованія молодыхъ оленей и вѣверицъ въ дождевыхъ облакахъ и проч. Все это — тотъ же эпосъ, только не первобытный, а измѣнившій свою форму вслѣдствіе вліянія историческихъ условій; все это — преоблада-

ніе народнаго творчества, народныхъ воззрѣній, преобладаніе старинны и преданій, столь живучихъ во всякомъ неразвитомъ народѣ. Эпическія воззрѣнія такъ долго и такъ глубоко коренились во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, что языческій взглядъ нечувствительно переносился и на прочія вѣрованія.

Указанныя нами характеристическія черты русской лѣтописи и въ особенности тотъ тщательный анализъ памятниковъ нашей древней литературы, которому подвергнуты они г. Буслаевымъ, приводятъ насъ къ тому заключенію, что вся эта письменность выражаетъ собою едва ли не начальный періодъ развитія народнаго творчества, по крайней мѣрѣ въ ней еще мало слѣдовъ втораго періода и во всякомъ случаѣ больше признаковъ періода перваго чѣмъ послѣдующаго. Вліяніе народности слишкомъ сильно въ этихъ памятникахъ, эпическое воззрѣніе еще слишкомъ замѣтно въ нихъ; кругъ понятій, въ которомъ вращались писатели той эпохи, еще довольно тѣсенъ; между этими понятіями и вѣрованіями народа еще не образовалась пропасть, которая обыкновенно раздѣляетъ массу и образованное меньшинство во второй періодъ развитія. Однимъ словомъ, литература была болѣе или менѣе народною, болѣе или менѣе доступною его нехитрымъ понятіямъ и требованіямъ, хотя повидимому она стояла уже за отреченіе отъ народности, которая выражалась въ сбереженіи старинныхъ обычаевъ, эпической поэзіи и эпическихъ вѣрованій. Писатели той эпохи не далеко ушли отъ народа, малымъ чѣмъ отличались отъ него, хотя, съ извѣстной точки зрѣнія, и имѣли право называть всѣхъ жившихъ въ первобытной простотѣ нравовъ и понятій «невѣгласами». Литература была естественно-народною, потому что ей нетрудно было оставаться такою, не поддаваясь подъ народность, и потому что еще не для чего было поддаваться; чтобы быть понятымъ «невѣгласами», образованное меньшинство не снисходило къ понятіямъ народа—ребенка, какъ это бываетъ во второй періодъ развитія, когда теряется нравственная связь между образованнымъ меньшинствомъ и массою; оно не снисходило потому, что не нуждалось въ этомъ, потому что само было такимъ же народомъ, какъ и остальная масса; оно иначе и не могло выражаться, какъ общепонятно для народа, потому что иначе и не умѣло. Только заимствованія изъ богословской литературы Византіи могли быть чужды народу съ языческими воззрѣніями. Но все, что писалось у насъ, выросло на нашей почвѣ, подъ вліяніемъ народнаго творчества,—было понятно

народу. Да иначе и быть не могло: писатель этого периода только осуждает кудесника за его сношенія съ нечистою силою, а между тѣмъ самъ вѣрить въ его чары; народъ также вѣрить кудеснику, не смѣя осуждать; для народа вѣщая сила женщины была предметомъ поэтическаго вѣрованія, преданіемъ эпической старины, а между тѣмъ лѣтописецъ, все равно, вѣрившій ли, невѣрившій ли въ эту вѣщую силу, все-таки допускаетъ возможность чародѣйства, тѣмъ болѣе, что суевѣріе это поддерживается въ немъ книжными свидѣтельствами, хронографами, которыми онъ не считалъ себя вправѣ недовѣрять; народъ могъ быть положительно убѣжденъ въ существованіи змѣя-горыничя, а писатель могъ и не признавать этого чудовища, но тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ въ существованіи огненнаго змѣя; по мнѣнію народа, Перунъ могъ поражать людей своими стрѣлами: для грамотника же Перунъ могъ и не существовать, однако, несмотря на это, по мнѣнію грамотника, существовали «громныя стрѣлки», которыя также убивали человѣка, какъ и стрѣлы Перуна. Вообще мы не замѣчаемъ большой разницы между тѣми и другими понятіями: всѣ они не далеко ушли отъ эпической простоты и наивности, за-то и тѣ и другія не мало задерживали свободную работу мысли, опутывая ее тысячами суевѣрій, принятыхъ на вѣру отъ старины, и только останавливали естественное развитіе народа, такъ сказать глушили всякую молодую поросль, уничтожали всякое усиліе ума выбиться изъ-подъ гнета темныхъ предразсудковъ и выйти на новую дорогу. Но если нѣкоторые памятники древней литературы и обнаруживаютъ эту разницу между понятіями образованнаго меньшинства и массы, если нѣкоторые произведенія духовной письменности и были выше народнаго пониманія, то естественно, что такія произведенія не могли имѣть успѣха въ народѣ и потому не могли оказывать вліянія на развитіе его мысли и на расширеніе круга его нехитрыхъ понятій. Естественно, что народу ничего больше не оставалось, какъ удовлетворять своей любознательности изъ тѣхъ мутныхъ источниковъ, которые были въ его распоряженіи, слушать пѣсню и сказку о старинѣ, учиться пословицъ и загадкъ и такимъ образомъ всегда оставаться съ старымъ запасомъ свѣдѣній и въ прежнемъ узкомъ кругѣ понятій. Вообще нельзя не замѣтить, что самая литература, преслѣдуя суевѣріе, не была чужда своего рода предразсудковъ и поддерживала ихъ въ народѣ. Странно было бы послѣ отаго винить народъ за то, что онъ охотнѣе читалъ такъ-называ-

емыя «отреченныя» книги, какъ болѣе близкія къ его понятіямъ. Да надо и то сказать, что все апокрифы и отреченныя книги, въ глазахъ народа, малымъ чѣмъ отличались отъ литературы истинной, позволительной. Какъ на отличительную черту древней письменности можно указать на то обстоятельство, что лѣтописцы, люди болѣе или менѣе грамотные, не стѣснялись толковать нѣкоторыя явленія совершенно такъ, какъ они истолковываются въ отреченныхъ книгахъ и какъ понимаетъ ихъ народъ. Къ числу запрещенныхъ книгъ, какъ видно изъ свѣдѣній, приводимыхъ г. Буслаевымъ (II, 69), принадлежали «стѣнямъ знаменія—лунное и солнечное, какъ три бываютъ солнца, или какъ солнце волосы простираетъ или погораетъ», а между тѣмъ лѣтописцы обращали особое вниманіе на затмѣнія и толковали ихъ далеко неудовлетворительно.

Народъ, встрѣчая въ литературѣ нѣкоторое подтвержденіе своимъ суевѣрнымъ воззрѣніямъ, сталъ искать въ этой же литературѣ отвѣтовъ на все вопросы жизни и не затруднялся въ выборѣ руководствъ. Между «толковниками», «сборниками», «пчелами» и хропографами, иногда въ этихъ же самыхъ изданіяхъ находилъ онъ то, что ему было нужно и что было понятно ему. Практическій смыслъ народа всегда говорилъ ему, что поэзія существуетъ не для поэзіи собственно, а для иныхъ жизненныхъ цѣлей, что сказка рассказываетъ для поученія, а не только для потѣшенья; народъ всегда смутно сознавалъ, что литература не должна существовать для самой себя, какъ искусство для искусства: ему во всемъ нужно было видѣть практическое примѣненіе, и вотъ онъ охотно мѣняетъ философскій толковникъ на апокрифъ, потому что находить въ немъ полезныя свѣдѣнія о «трясавицахъ» (лихорадкахъ), встрѣчаетъ толкованія примѣтъ, игравшихъ такую важную роль въ жизни суевѣрнаго народа, находить заговоры отъ порѣзовъ, отъ «московскаго и селскаго кнутья» (Бусл. II, 33), отъ вражьей стрѣлы, тѣ уроковъ и порчи, отъ супротивника въ судѣ, отъ лихаго судьи, и наконецъ—цѣлыя народно-медицинскіе трактаты, подъ названіемъ «лѣчебниковъ» и «травниковъ». Онъ искалъ для себя здоровой пищи, онъ отрезкался отъ искусства для искусства, а здоровой пищи не давала ему письменность, и онъ воображалъ, что находить ее въ хламѣ суевѣрныхъ сказаній, заговоровъ и лечебниковъ, лишь бы этотъ хламъ говорилъ ему о жизни, о ея требованіяхъ, утѣшалъ его въ горѣ. И онъ думалъ, что эта литература послужитъ ему съ пользой, по-

*

тому что другой ему не давали, и въ ней искалъ отвѣтовъ на жизненные вопросы: постигнуть его неприятности въ жизни, побываетъ онъ на правожъ въ Москвѣ, и тотчасъ отыскиваетъ въ лечебникѣ лекарство, находя его подъ рубрикой—«битому челоуьку отъ кнута» (Бул. II 33—34), а въ этомъ толкованіи значится: «добро бы въ скорѣ захватить овчиною сыроу, тотъ часъ, какъ битъ, и призываетъ мездроу къ битому, и кровь битую овчина высосетъ все, и скоро жить станеть,»—«то отъ московскаго кнута (прибавляетъ лечебникъ), а не отъ селскаго», давая знать, что правожъ на правожъ онъ ирходится, и что раны отъ московскаго кнута не то что отъ селскаго; но тутъ же находится лекарство и «отъ селскаго кнута: молокомъ коровьимъ парнымъ мазать, перомъ, или топленнымъ грѣтымъ молокомъ».—Нельзя не согласиться, что самая эпическая поэзія имѣла для народа важное значеніе не потому, что удовлетворяла его эстетическимъ требованіямъ, а единственно по отношенію къ челоуьку, такъ сказать—по практическому ея примѣненію. Сверхъестественныя силы природы, олицетворившіяся въ эпосѣ, всегда являются въ соприкосновеніи съ челоуькомъ, въ борьбѣ съ нимъ, въ угнетеніи и подчиненіи его своему вліянію: эти олицетворенія были—боги, причинившіе челоуьку вредъ или помогавшіе ему, богатыри и полубоги, съ которыми боролся челоуькъ и погибалъ иногда тысячами отъ взмаха руки, или отъ однихъ копытъ коня богатырскаго,—и вообще всѣ мнѣческія существа, въ которыхъ всѣ изслѣдователи старины узнаютъ не иное что, какъ разнообразныя силы и явленія природы, ея благопріятныя и губельныя вліянія на челоуька. Слѣдовательно, и въ эпосѣ на первомъ планѣ была практическая сторона, польза и вредъ, а вовсе не поэзія для поэзіи, не удовлетвореніе эстетическимъ потребностямъ. Этой практической стороны народъ искалъ и въ письменной литературѣ и, за неимѣніемъ дѣйствительно-дѣльнаго и полезнаго, удовлетворялся чѣмъ попало. Въ «травникахъ» онъ узнавалъ лекарственную и чарующую силу каждаго зелья, каждаго корня. Въ описаніяхъ травъ имѣсть ихъ нахожденіяг. Буслаевъ находитъ поэтическія красоты, неподдѣльную свѣжесть возрѣній на природу и ея таинственныя отношенія къ челоуьку; но намъ кажется, что поэтическое чувство едва ли руководило народомъ въ составленіи травниковъ, въ описаніи цвѣта и вида растений. Народъ видѣлъ тутъ пользу—и больше ничего. Въ подтвержденіе того, что многія описанія травъ дышутъ неподдѣльнымъ чувствомъ мяскаго, вы-

ражаемаго въ свѣжести возрѣній на природу, г. Буслаевъ приводитъ много мѣстъ изъ лѣчебниковъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: » трава вездѣ растеть по пажнямъ и по межникамъ и по потокамъ; листьѣ разстилается по землѣ. Кругомъ листкозъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прокрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ; и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то стануть плѣшки; а въ корнѣ, и въ листу, и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленько» и т. д. (II, 37). Мы могли бы привести болѣе характеристичныя описанія растений изъ «травника» г. Губерти, изданнаго г. Калачовымъ (въ Архивѣ 1859, 1.); но думаемъ, что и эти примѣры будутъ недостаточно сильнымъ свидѣтельствомъ въ пользу присутствія изящнаго, поэтически—прекраснаго и свѣжаго въ возрѣніяхъ народа на окружающей его мѣрѣ. Во всѣхъ подобныхъ описаніяхъ природы народъ становился въ такія же прозаическія отношенія къ описываемому предмету, въ какія ставилъ себя приказный подъячій, составляя межевую или развѣздную запись на какую либо пустошь или отъѣзжее поле. Проводя межу, подъячій непременно заносилъ въ запись и необходимыя описанія природы, насколько она ему была нужна: попадалась ему на межѣ береза, онъ отмѣчалъ, что она «отъ земли голенаста, а кверху суковата,» или «кудревата,» «виловата» или, наконецъ, «суховерхая,» и куда «поклапа» — на полдень ли, на восходъ ли, или на западъ; встрѣчался ему ручей, — онъ и ручей описывалъ такимъ же образомъ. Описанія эти совершенно сходны съ описаніями растений въ травникахъ, и мы не находимъ ни въ тѣхъ ни въ другихъ ничего поэтическаго, ни особенно—художественнаго, хотя г. Буслаевъ и старается видѣть въ нихъ мастерскую характеристику русской природы. Впрочемъ этотъ взглядъ естественно могъ вытекать изъ своеобразнаго пониманія достоинствъ эпической поэзіи, изъ предпочтенія ея всякому художественному, даже гениальному произведенію, если только оно—не эпическое, а результатъ единичнаго творчества и гениа одного лица. Своеобразность пониманія г. Буслаевымъ эпической поэзіи приводитъ его къ такимъ заключеніямъ, съ которыми согласится развѣ только тотъ, кто рѣшится народную, собственно первобытную, эпическую поэзію поставить выше всего, что только можетъ создать человѣчество, въ моментъ высшаго развитія своего творчества, общими усиліями знаній, талантовъ и гениальностей, выше всего, что могутъ создать люди образованные, натуры глубоковод-

чатлительныя, талантливныя, однимъ словомъ—выше всего, что только можетъ создать гений вполнѣ развитаго человѣка. Эта своеобразность пониманія доводитъ г. Буслаева до того убѣжденія, что «свѣжѣе и живописнѣе природа не воссоздавалась уже *никлмъ*, послѣ старинныхъ эпическихъ пѣвцовъ» (I, 76).

Однимъ этимъ выраженіемъ—еслибы оно было неопровержимо—убита была бы репутація лучшихъ въ мѣрѣ гениевъ, такъ мастерски умѣвшихъ выражать въ словѣ все великое, необъятное, ужасное, высокое и высоко-прекрасное природы; пѣсни древней Эдды, романсы Сида, финская Калевала, стихотворенія Кирши Данилова и вообще весь сводъ народной поэзіи мы должны были бы поставить, въ отношеніи свѣжести и живописности воссозданія природы, выше всего, что сказали о природѣ лучшие люди, когда-либо жившіе на землѣ и умѣвшіе воссоздавать природу поразительно-жизненно, — и Шекспиръ, и Байронъ, и Гёте, Шиллеръ, даже Кювье, и наши Пушкинъ и Лермонтовъ... Между тѣмъ почему-то чувствуется разница при чтеніи эпическаго произведенія или какого-нибудь описанія мѣстности у Гоголя, Тургенева, Некрасова, при чтеніи какого-нибудь «Бѣжина Луга» или даже одного изъ ученыхъ очерковъ природы Бекетова; почему-то холодъ проникаетъ васъ насквозь при чтеніи, у любого изъ англійскихъ романистовъ, описанія сыраго туманнаго утра или свинцоваго неба надъ Лондономъ. Мы согласны, что картинностью отдѣльныхъ словъ, мѣткостью живописующихъ эпитетовъ, народная поэзія умѣетъ иногда выразить очень много и даже очень вѣрно опредѣлить внутреннее свойство предмета, котораго она касается какъ бы мимоходомъ; но въ цѣломъ воссоздается ли природа свѣжѣе и живописнѣе старинными эпическими пѣвцами, или художниками — гениями развитаго общества—это еще вопросъ, который едвали можетъ быть рѣшенъ въ пользу первыхъ. Признавъ превосходство эпической поэзіи, въ отношеніи живописности изображенія природы, передъ творчествомъ неэпической эпохи, надо было бы послѣ того отдать преимущество, въ отношеніи изображенія природы, лубочному стилю или живописцамъ византійско-суздальскаго пошиба, а не мастерамъ итальянской, испанской, или голландской школы, на томъ основаніи, что изображеніе фигуръ въ нашихъ старинныхъ «подлинникахъ» или въ миниатюрахъ эпичнѣе и неизмѣннѣе тѣхъ пріемовъ, которыми руководствовался Рафаель и особенно новѣйшіе художники. Какъ бы то ни было, но мы во всякомъ случаѣ отдадимъ преимущество творчеству развитаго человѣка.

Разсматривая поэзію и письменность какого бы то ни было народа въ отношеніи къ жизненнымъ условіямъ, мы приходимъ къ тому печальному выводу, что и въ литературѣ, въ окрѣпленіи народнаго самосознанія, эпическое воззрѣніе, наследуемое каждымъ народомъ отъ своихъ доисторическихъ предковъ, всегда становилось на пути историческаго развитія, всегда задерживало свободное движеніе мысли и поступковъ человѣка. Всего болѣе отразился этотъ законъ исторической необходимости на нашей литературѣ, можетъ быть потому, что народное творчество, вслѣдствіе разныхъ условій, долгое время подчинено было вліянію чуждыхъ началъ. Извѣстныя отношенія русскаго народа къ Византіи и ея образованности и, вслѣдствіе того, постоянный наплывъ новыхъ идей, выработанныхъ народностью уже довольно-развитою и пересаженныхъ на русскую почву, достаточно не подготовленную къ нимъ, поставили народное творчество въ исключительное и неестественное положеніе. По самому существу новыхъ идей, народное творчество, могшее существовать только на извѣстныхъ началахъ и питаться соками, которые, по существу же этихъ идей, должны были изсякнуть, не только не могло поддерживаться, но, ставъ чѣмъ-то непозволительнымъ, противнымъ этимъ идеямъ, должно было потерять всякое право на существованіе. Поэзія, которая у народа младенчествующаго не могла быть иною, какъ эпическою, не должна была имѣть мѣста въ жизни, не должна была существовать, потому что идея эпоса сдѣлалась равносильна идеѣ изычества, идеѣ антагонизма новымъ началамъ: она стала «бѣсовскою», другими словами — регрессивною этимъ новымъ началамъ и новымъ идеямъ. Говоря вообще, главная задача, лежавшая въ основаніи новыхъ идей, смыслъ этихъ идей и ихъ конечная цѣль были — убить народное творчество и убить потому, что оно не могло быть другимъ, какъ только эпическимъ, основанномъ на преданіяхъ. Что-нибудь одно должно было остаться и побѣдить — или народная поэзія, или новыя, заимствованныя идеи. Естественно, что должна была явиться ожесточенная борьба старыхъ и новыхъ началъ, — и эта борьба была, она велась упорно въ продолженіи столѣтій, ведется, можетъ быть, и теперь, хотя по-видимому она мало обнаруживалась. Но это такъ только казалось. До сихъ поръ принято думать, что торжество новыхъ идей совершилось у насъ безъ борьбы; что старыя начала не отставались съ одной стороны и преслѣдовались съ другой; что великій историческій переворотъ совершился и легко, и быстро. Правда, у насъ не была

кровь во имя новых идей, как это было на Западѣ; у насъ не горѣли костры съ брошенными на нихъ тѣлами антагонистовъ новыхъ началъ; да и самая борьба не была такъ ожесточенна, какъ на Западѣ,—но она велась долго, можетъ быть дольше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эпосъ, съ его темными суевѣрїями, нѣкогда составлявшими сущность народной религїи, продолжалъ жить въ народѣ и выражался въ пѣснѣ, сказкѣ, загадкѣ, обрядѣ, — во всемъ, до чего только прикасалась народная мысль, что только входило въ область народнаго творчества. Естественно, что литература, ставшая критеріумомъ новыхъ идей, не могла ладить съ народною поэзіею и должна была во всемъ отрицать вѣщательство народнаго творчества. Но тѣмъ и бессильна была эта литература, что, съ одной стороны, многіе изъ ея дѣятелей, воспитанные на эпической поэзїи, на преданїяхъ, взросшіе среди народа и среди эпическихъ воззрѣній, однимъ словомъ—жившіе одною жизнью съ народомъ, не могли окончательно отрѣшиться отъ него, отъ его слабостей и заблужденїй, не могли окончательно разорвать связь съ прошедшимъ, и вносили гниль въ среду новыхъ идей, вводили народность и ея суевѣрный эпосъ въ начинавшуюся тогда письменность; съ другой стороны,—новыя идеи были выше пониманїя большинства, взрослога на эпическихъ воззрѣнїяхъ, жившаго въ узкомъ кругу преданїй, и не могли дѣйствовать на развитіе народа такъ, какъ должны бы были дѣйствовать, не могли окончательно вывести его на новую, открытую дорогу. Все, что исходило изъ народа, проникнуто было суевѣрїемъ, потому что память эпическихъ воззрѣній была еще слишкомъ свѣжа,—и останавливало движеніе впередъ;—все, что вносили съ собою новыя идеи, было не всякому доступно, и потому также не помогало этому движенію впередъ, не помогало развитію народнаго самосознанїя; одно положительно вредило, другое не приносило той пользы, какую могло принести. Такова характеристика всей нашей литературы и исторїи нашего развитїя.

Самое почетное мѣсто въ средѣ изслѣдователей нашей народной поэзїи и старинной литературы безспорно принадлежитъ гг. Буслаеву и Пышину, и въ трудахъ этихъ двухъ ученыхъ замѣчаются тѣ самыя особенности, какія характеризуютъ вообще исторїю нашей старинной письменности. Вникая въ смыслъ и направленіе ученыхъ монографїй того и другаго, мы не можемъ не замѣтить, что для перваго точкою отправленїя служитъ народный эпосъ, принимаемый за основаніе и норму при обсужденїи достоинствъ и недостатковъ не-

только устной поэзіи, но и всей послѣдующей письменности, другой—начинает тамъ, гдѣ кончается первый, и рассматривает народное творчество, въ исторической послѣдовательности, уже носитель того, какъ оно потеряло внутреннюю, живую связь съ эпическими воззрѣніями и избрало новый путь, который могъ вести только къ развитію народнаго самосознанія; у перваго — картина борьбы старыхъ, эпическихъ воззрѣній съ новыми началами, такъ сказать—лѣтопись вторженій эпоса и его отсталыхъ тенденцій въ области новаго умственнаго міра; у втораго—попытка создать картину болѣе отрадную, набросить, покрайней мѣрѣ, приблизительный эскизъ того, какъ усвоивались русскимъ обществомъ новыя идеи и какой историческій ходъ успѣли совершить онѣ въ нашей скудной письменности. Однимъ словомъ, у перваго мы знакомимся съ поэзіей и литературой, можетъ быть, вполне народной, но тѣмъ не менѣе ретроградной; у втораго, напротивъ, съ попытками создать литературу болѣе прогрессивную, хотя, можетъ быть, менѣе народную. Исслѣдованія г. Буслаева не оставляютъ никакого сомнѣнія, что заимствованная нами отъ Византии литература, пересаженная на русскую почву, не избѣжала вліянія нашего народнаго творчества, которое умѣло проявляться вездѣ, гдѣ только была возможность высказаться національному воззрѣнію. Кромѣ того, подъ вліяніемъ этого воззрѣнія, создавалась цѣлая письменность, вполне народная, но вредная для народнаго развитія, письменность двоякая, которая потому и была регрессивна, что въ основѣ ея лежали идеи и вѣрованія первобытной, эпической эпохи. Въ рукахъ народныхъ грамотѣевъ книжная мудрость и остатки эпическихъ вѣрованій послужили матеріаломъ для составленія того рода народныхъ руководствъ и учебниковъ, которые г. Буслаевъ справедливо называетъ «апокрифическимъ хламомъ». Изборники, травники, лечебники, цвѣтники, лимонари, вмѣщавшіе въ себя иногда трактаты часто—многологическіе, скрѣпляли и безъ-того окрѣпшее суевѣріе, прикрываясь авторитетомъ именъ и идей далеко не языческихъ. Грамотѣи, напитанные съ дѣтства вѣрованіями эпической старины, и искусившись, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, книжнаго разумѣнія, пустились въ литературу, составляли, на основаніи народныхъ преданій, рассказы о языческихъ бредняхъ, повѣсти о «трясавицахъ» или о чемъ-либо подобномъ, и, написавъ въ заглавіи киноварью—«преданіе отъ святыхъ отецъ», — пускали эти повѣсти по рукамъ и такимъ образомъ возводили языческія басни въ законный актъ вѣрованія. Понятно,

что подобная народная литература не развивала, а убивала всякую живую мысль, и хотя во все вносила элементъ эпическій, была продолженіемъ народной поэзіи, однако ни къ чему больше не служила, какъ только къ тому, чтобы развивать фантазію на счетъ разсудка. Но отношеніе нашей старинной письменности къ дѣйствительной жизни и значеніе первой въ исторіи нашего развитія еще не могутъ быть вполне выяснены однимъ историческимъ путемъ, безъ сравнительнаго изученія литературъ западныхъ народовъ: сопоставленіе тождественныхъ и противоположныхъ явленій въ исторіи какъ этихъ литературъ, такъ и старинной русской письменности, объясненіе причинъ своеобразнаго и быстро возвышенія первыхъ и продолжительнаго застоя послѣдней должны быть предпочтены синхронистическому сопоставленію, которое едва ли можетъ быть приѣмлемо въ этомъ случаѣ. Если исторія русской письменности будетъ проведена въ послѣдовательной связи съ исторіею европейскихъ литературъ, если будетъ раскрыто значеніе извѣстныхъ историческихъ фактовъ въ судьбѣ того или другаго народа если будетъ разъяснено, почему тѣ или другіе историческіе моменты отразились такъ или иначе въ самой письменности этихъ народовъ, тогда выяснится и наше собственное прошлое, и тогда можно будетъ видѣть, что въ исторіи нашего развитія и въ прогрессивномъ ходѣ другихъ литературъ общаго было немного, но, можетъ быть, все-таки больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Хотя и не слѣдовало бы апіорическими выводами предупреждать результаты указываемаго нами строго-историческаго сравнительнаго изслѣдованія, однако можно впередъ сказать, что подобнымъ сравнительнымъ путемъ объяснится многое, что до сихъ поръ не могло быть подмѣчено и понято нами. Ожиданія эти потому не должны быть напрасны, что жизнь всякаго организма, какъ и жизнь народа, а слѣдовательно и всякая литература, составляющая результатъ этой исторической жизни, подчинены общимъ законамъ развитія: какъ неизмѣнны бываютъ результаты извѣстныхъ химическихъ соединеній, какъ неизмѣнны законы природы и результаты взаимодѣйствія силъ ея, такъ неизмѣнны и послѣдствія извѣстныхъ силъ при ихъ взаимномъ воздѣйствіи одной на другую, и также неизмѣнны послѣдствія извѣстныхъ историческихъ явленій и фактовъ.

Было время, что и на Западѣ литература приносила больше вреда, чѣмъ пользы: созданія фантазіи и галлюцинаціи она возводила въ непреложные нравственные законы и укрѣпляла суевѣріе. Результа-

томъ всего этого было то, что литература и начитанность служили распространенію суевѣрій и невѣжества, и человекъ тѣмъ невѣжественнѣе становился, чѣмъ больше читалъ, чѣмъ больше былъ образованъ по своему времени. Въ продолженіе четырехъ или пяти вѣковъ, съ VI по X столѣтіе, въ цѣлой Европѣ было не болѣе трехъ или четырехъ человекъ, которые осмѣивались и умѣли думать, но и при всемъ томъ мысли свои старались выражать языкомъ темнымъ и неудобопонятнымъ; чтобы не навлечь на себя преслѣдованія со стороны большинства; большинство же, въ продолженіе этихъ столѣтій, погрязало въ самыхъ дикихъ предразсудкахъ. Въ теченіе этихъ темныхъ вѣковъ написано было невообразимое множество лживыхъ, фантастическихъ фбулъ, и чѣмъ больше расходились она въ народѣ, тѣмъ глубже погрязалъ онъ въ невѣжество, тѣмъ суевѣрнѣе смотрѣлъ на жизнь и тѣмъ неспособнѣе становился къ истинному развитію. Вліяніе этой литературы было дотога губительно, что еслибы къ началу IX вѣка явился другой Омаръ и сжегъ все, что было написано въ періодъ грубаго невѣжества, охватившаго тогда всю Европу, то этимъ онъ оказалъ бы великую услугу человечеству и, можетъ быть, лучше всякой гениальной личности помогъ бы европейскому прогрессу, столько вѣковъ сдерживавшемуся вреднымъ направленіемъ литературы; еслибы на это время была совершенно забыта азбука и люди разучились читать, то и тогда Европа не упала бы такъ низко, какъ пала она въ началѣ среднихъ вѣковъ (*). Это было въ полномъ смыслѣ слова владычество варваровъ, владычество какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Народная поэзія варваровъ внесла эпическій элементъ въ литературу, и суевѣрія, служившія основой и содержаніемъ пѣсенъ древней Эдды, измѣнивъ форму и приурочивъ языческія воззрѣнія къ другимъ явленіямъ жизни, получили полное гражданство къ средневѣковой письменности. Произошла только перемѣна именъ, но не перемѣна воззрѣній. Развитія нельзя было ожидать отъ такой литературы. Самая здоровая пища, которую могла дать письменность тогдашнему обществу, была лѣтопись, составляв-

(*) Ich zweifle nicht (говоритъ Бокль), wenn in 7 und 8 Jahrhundert die Kenntniss des Alphabets eine Zeitlang ganz verloren gegangen wäre, und die Leute hätten ihre Lieblingsbücher nicht mehr lesen können, so würde der Fortschritt in Europa nachher schneller von Statte gegangen sein, als es jetzt der Fall war» (I, 223).

шаяся въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ монастырѣ; но и западная лѣтопись не дѣлаетъ чести образованности анналистовъ. Въ лѣтописи Григорія турскаго входили тѣ же народныя воззрѣнія, какими проникнуты наши анналы, исполненные дѣтски-наивныхъ соображеній и фантастическихъ разсказовъ; баснословная исторія Эгингарда имѣеть въ себѣ столько же истиннаго, какъ и всѣ поэтическія преданія младенчествующаго народа. Но и такихъ людей, какъ поименованные, было немного: представители средневѣковаго образованія, Англичанинъ Беда, Лиутпрандъ, лѣтливый и пустой монахъ, Дитмаръ мерзебургскій и другіе не имѣли обширнаго круга читателей; большинство же грамотныхъ людей, болѣе или менѣе жаждавшихъ общедоступнаго чтенія, духовные и свѣтскіе, пожирали легендарную литературу, которая ни чѣмъ не выше стояла нашихъ трактатовъ о «трисавидахъ». Духовные стихи, въ такомъ безчисленномъ множествѣ ходившіе на Западѣ, могли столько же служить народному развитію, какъ и величныя стихотворныя легенды, распѣваемые до сихъ поръ нашими раскольниками. Допустимъ, что въ нихъ и была капля народной поэзіи, какъ въ нашихъ древнерусскихъ легендахъ и повѣстяхъ «ужаса исполненныхъ», но за-то суевѣріе играло тутъ главную роль и тяжелымъ гнетомъ ложилося на народное сознаніе. Но какъ бы то ни было, Западъ въ свое время началъ сбрасывать съ себя оковы суевѣрія; свѣтлыя личности не довольствовались баснословнымъ хламомъ и дѣлались служителями истиннаго знанія, хотя народу долго еще нечего было читать, кромѣ старинныхъ легендъ и сказаній, «зѣло дивныхъ». Время и историческія обстоятельства создали свѣтскую литературу; скептицизмъ подвергалъ строгому анализу дѣтскія вѣрованія старины, и суевѣріе уступило мѣсто прочнымъ и неизмѣннымъ пріобрѣтеніямъ науки. Но и при всѣхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, Западъ долго погруженъ былъ въ непробудный сонъ и, можетъ быть, еще дольше оставался бы въ неподвижномъ состояніи, еслибы на помощь ему не явилась классическая образованность, которая хотя тѣмъ была полезна, что вывела Европу изъ тяжелаго состоянія умственной неподвижности, внесла новые элементы въ варварскую литературу и дала ей возможность впоследствии, отвергнувъ классицизмъ, когда онъ оказался несостоятельнымъ, окончательно выйти на новую дорогу. У насъ же и въ XVI вѣкѣ на классическую образованность смотрѣли какъ на что-то «бѣсовское» и «преlestное», достойное порицанія. «Слышалъ я нѣкогда (говорилъ бла-

гочестивый русский человекъ XVI вѣка)—слышалъ я нѣкогда книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ, отъ Омира и Овидія. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя Еркулъ (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался и тварь паче Творца почиталъ. Также и Ахиллъ и троянскаго царя Приама сыновья были Еллины, и отъ Еллиновъ похваляемы, сподобились такой прелестной (въ укоризненномъ значеніи) славы». (Бул. II, 61—62).

Какъ ни мало говорить въ пользу развитія древнерусскаго общества легендарная литература, однако и это жалкое подражаніе Византіи и Западу явилось у насъ много позже, чѣмъ въ остальной Европѣ. Кромѣ сочиненій специально-церковнаго направленія, грамотному русскому человекѣ вовсе нечего было читать, и онъ по необходимости долженъ былъ оставаться внѣ всякаго запаса свѣдѣній. Уже если самъ лѣтописецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель образованности, сознается, что онъ почти ничего не читаетъ (Полн. соб. лѣт. I 189), потому что по-русски и читать въ сущности было нечего до извѣстнаго времени, то весьма естественно, что другіе читали еще менѣе. Но и послѣ того, когда мало-по-малу являлась въ обществѣ потребность знанія, когда число грамотныхъ увеличивалось, эти грамотные не находили ничего для удовлетворенія своей любознательности, кромѣ самаго скуднаго числа заимствованныхъ изъ Византіи сочиненій или такой письменности, которая еслибы и вовсе не существовала, то не составила бы большой потери. Уже въ позднѣйшее время явилась повѣсть, да и той содержаніе было далеко не находкою. Древнерусская повѣсть столькоже могла служить народному развитію, какъ и эпическая поэзія, съ той только разницей, что воображаемыя существа эпической древности мало-по-малу переставали быть пугалами, забывались и сглаживались изъ памяти, а личности созданныя повѣстью, и идеи, проводимыя ею, хотя и недалеко ушли отъ личностей и идей эпическаго цикла, однако дѣйствовали на народное сознаніе и снова запугивали воображеніе. Одна «смѣхотворная» повѣсть является протестомъ всему тогдашнему направленію, но является уже слишкомъ поздно и едвали имѣетъ большой кругъ читателей. Между тѣмъ она одна могла убить ретроградную эпическую старину, перешедшую, въ нѣсколько-измѣненной формѣ, въ легендарную литературу, старину, въ которой г. Буслаевъ видитъ

проявленіе эпическихъ воззрѣній народа и его поэзіи. Самое вліяніе Византіи г. Буслаевъ признаетъ благотворнымъ въ томъ отношеніи, что оно помогало удачному возсозданію свѣтлыхъ поэтическихъ образовъ на чисто—русской почвѣ, слѣдовательно благотворнымъ для древнерусской поэзіи. Патерики, переведенные съ греческаго и распространенныя на Руси уже съ XI вѣка, имѣли громадныи успѣхъ между древнерусскими читателями и входили въ самую жизнь нашего народа. Византійскіе идеалы, съ которыми знакомили насъ переведенные патерики, не могли не оказывать, говоритъ г. Буслаевъ, плодотворнаго вліянія и на патерикъ Кіевскій. Это плодотворное вліяніе выразилось, напримѣръ въ томъ, что просфорникъ Спиридонъ, какъ рассказываетъ печерскій патерикъ, своею ризою заткнулъ устье печи, и тѣмъ предотвратилъ пожаръ, а риза его не сгорѣла. Интересный фактъ этотъ г. Буслаевъ объясняетъ тѣмъ, что въ сикайскомъ патерикѣ нѣчто подобное рассказывается о монахѣ Георгіѣ, въ монастырѣ Теодосія великаго. Однажды монахи готовили хлѣбы. Братъ Георгій затопилъ печь, но не могъ найти чѣмъ помести ее (потому что братія нарочно спрятали помело, чтобы испытать Георгія). Тогда онъ влѣзъ въ печь, ризою своею помель ее и вышелъ невредимъ (Бусл. II, 53—54).

Но патерики, хронографы и паленъ еще не могли быть народною литературою, потому что народъ могъ усвоивать только то, что было ближе къ его понятіямъ. Кромѣ лѣчебниковъ и травниковъ, имѣвшихъ практическое примѣненіе въ жизни, народъ, насильственно оторванный отъ вѣрованій эпической старины и отчасти самъ, въ слѣдствіе историческихъ условій, порвавшій внутреннюю связь съ этой стариною, находилъ для себя пищу въ произведеніяхъ болѣе доступныхъ его простому пониманію, и, какъ на Западѣ, обратился къ духовному стиху. Въ головѣ его легче укладывался размѣренный стихъ, чѣмъ риторическая проза; стихъ напоминалъ ему старую былинну, произведеніе его собственнаго эпическаго творчества, и онъ охотнѣе слушалъ и читалъ духовный стихъ, чѣмъ духовную повѣсть. Явились народные пѣвцы, такіе же какъ и эпическіе слѣпые влище, и вмѣсто Владиміра съ богатырями, стали распѣвать, на братчинахъ и на торжищахъ, Іосифа, проданнаго Израильтянами, Алексія, Божія челоуѣка, Іоасафа царевича, въ пустыню входяща, самую пустыню, вездѣ называвшуюся «прекрасною» и проч. Это была уже чисто—народная лираттура, создававшаяся подъ вліяніемъ заимствованныхъ

изъ Византіи идей. Въ румянцовскомъ музеѣ хранится цѣлый сборникъ такихъ стихотвореній, писанный полууставомъ, въ концѣ XVIII столѣтія. Здѣсь есть стихи и на краткость человѣческой жизни, и плачь Іоасафа царевича, и воззваніе человѣка къ царствію небесному, «о вражіемъ безстудствѣ на человѣки», «о кончаніи человѣчествѣмъ и о немилостивой смерти», и разговоръ Іоасафа царевича съ пустыней, начинающійся стихами:

При долиниѣ, при долиниѣ,
Стояла мать прекрасная пустыня,
Къ которой пустыни
Приходилъ тутъ молодой царевичъ.

Стихъ «о страшномъ судѣ Христовѣ» болѣе прочихъ напоминаетъ собой, по формѣ, древнія эпическія стихотворенія, потому что въ немъ соблюденъ народный метръ:

А какъ жили мы грѣшницы на вольномъ свѣту,
Пили мы, ѣли и тѣшились,
Тѣлесамъ своимъ всегда мы угаживали,
На свою душу грѣховъ много накладывали и т. д.

Но всѣ подобныя стихотворенія выражаютъ все—таки исключительное, аскетическое воззрѣніе на міръ, и потому не могли вполнѣ удовлетворить требованій народнаго вкуса, потому что народъ, только при извѣстномъ нравственномъ расположеніи, довольствовался строгимъ содержаніемъ повѣстей «ужаса исполненныхъ», и стихотворными плачами о скоротечности жизни, о прелести пустыннаго житія и проч. Мысль его требовала и другой пищи; жизнь не покидала своихъ правъ и искала проявленія. Нѣтъ такой эпохи, въ которую, при самомъ мрачномъ и безотрадномъ настроеніи общественнаго духа, въ минуты самыхъ тяжелыхъ предчувствій, мысль человѣческая не желала бы отдохнуть на чемъ—нибудь отрадномъ и успокоительномъ, выйти изъ узкаго круга грустной односторонности, отогнать отъ себя безотвязные, страшные призраки, порожденные напуганнымъ воображеніемъ. Не было такого времени, когда человѣкъ улыбку считалъ бы преступленіемъ, дѣтскій смѣхъ — непозволительнымъ. Аскетическое настроеніе, отреченіе отъ жизни и безнадежность не могли заразить собой всѣ умы: извѣстные идеалы, явившіеся какъ результаты исключительнаго направленія духовныхъ потребностей человѣка, не

могли быть общими идеалами, особенно же въ такомъ случаѣ, когда идеалы эти не народные, не вызванные самой жизнью, а заимствованные извнѣ. Жизнь всегда создаетъ живые, а не туманные образы, и образы эти понятны всякому думающему существу; они близки его сердцу, потому что составляютъ выраженіе его собственныхъ воззрѣній, отголосокъ его собственныхъ мыслей и чувствъ. Но какіе идеалы могъ создать народъ, хотя повидимому разорвавшій всякую живую связь съ эпической стариной и однако неразвившійся еще до того, чтобъ сознательно отвергнуть ея преданія и вступить въ новую умственную сферу? Меньшинство русскаго стараго общества могло довольствоваться идеальными образами, подобными Петру царевичу ордынскому, или Маріи и Марѣ, или Юліаніи Лазаревской, любознательныя характеристики которыхъ мы находимъ у г. Буслаева; но и эти идеалы выражаютъ исключительное направленіе, цѣликомъ взятое изъ византійской литературы и только приспособленное къ русской жизни. Въ созданіи этихъ идеаловъ участвовала подражательность образцамъ чуждой литературы, въ то время уже пережившей цвѣтущую пору. Притомъ личности Маріи, Марѣ и Юліаніи Лазаревской настолько принадлежали русскому обществу, насколько можетъ принадлежать ему личность всякаго христіанскаго подвижника; это были святыя женщины; святость составляла единственный идеалъ челоуѣка той эпохи, и въ XVI вѣкѣ могла проявляться почти въ такихъ же чертахъ, какъ въ самые первые вѣка подвижничества.

Само-собой разумѣется, что характеристики упомянутыхъ женщинъ принадлежали не народу, а грамотному меньшинству. Что же касается до обыкновенной, простой женщины, то литературные памятники изображаютъ ее въ самомъ непривлекательномъ, обидномъ свѣтѣ, что мы уже не разъ видѣли. На Западѣ, напримѣръ, и обыкновенная женщина могла служить идеаломъ для народной поэзіи; а у насъ и дѣвушка изображается существомъ дотого несимпатичнымъ, дотого грубымъ, что даже сомнѣваешься, въ самомъ ли дѣлѣ народъ такъ оскорбительно смотрѣлъ на женщину, какъ высказалъ это въ сохранившихся до нашего времени письменныхъ памятникахъ. Кажется, что это своего рода аскетизмъ; что не таковъ былъ жизненный, практическій взглядъ на женщину, и не такова была въ самомъ дѣлѣ женщина, какою хотѣли изобразить ее суровые аскеты—грамотѣи, изъ страха «прелести» женской нехотѣвшіе даже взглянуть на нее, чтобъ оцѣнить ея челоуѣческія качества, помимо ея плоти,

кажется, такъ обаятельно на нихъ дѣйствовавшей. Это—единственная разгадка жестокихъ преслѣдованій, какимъ подвергался нѣкогда прекрасный полъ, особенно когда въ эпической поэзіи женщина является далеко не такимъ отвратительнымъ существомъ, какъ въ позднѣйшей литературѣ. Въ «памятникахъ старинной русской литературы», издаваемыхъ гр. Кушелевымъ—Безбородко, подъ редакціей г. Костомарова, есть притча о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ, гдѣ послѣдняя привѣтствуетъ жениха такими словами, какія могутъ выходить изъ устъ самаго развратнаго, самаго испорченнаго и грубаго существа. Памятникъ этотъ стѣнитъ того, чтобы особенно указать на него, тѣмъ болѣе, что онъ сохранился въ рукописномъ сборникѣ, значить, находилъ читателей и настолько соответствовалъ ихъ эстетическому вкусу, что переписывался точно какое либо достойное сбереженія художественное произведеніе (III т.).

Какъ ни благотельно было, по мнѣнію г. Буслаева, вліяніе Византіи на древнюю русскую письменность, однако вліяніе это было слишкомъ односторонне. Въ сущности, византійское вліяніе сдѣлало то, что наша свѣтская литература должна была совершенно прекратиться, и только XVII вѣкъ, внесшій въ русскую жизнь другія идеи и противопоставившій вліяніе Запада вліянію византійскому, помогъ выйти русской письменности изъ узкой рамки, въ которую, такъ сказать, втиснуто было наше народное творчество. Византійское вліяніе убilo все жизненное въ древней русской письменности, которая могла, при постоянныхъ сношеніяхъ съ южными и западными Славянами, получить самостоятельное развитіе много раньше, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ, и Россія, безъ этого вліянія, можетъ быть, предупредила бы реформы Петра, сдѣлавъ ихъ болѣе ненужными. При тщательномъ изученіи древнерусской жизни, при близкомъ ознакомленіи съ идеями, руководившими этой жизнью, и только понявъ сущность главнѣйшихъ воззрѣній древне-русскаго человѣка, мы къ удивленію замѣтимъ, что не татарское владычество было причиной медленнаго и неблагопріятнаго хода нашей исторической жизни до самаго XVIII столѣтія, причиною нашей, рѣзко-бросающейся въ глаза, отсталости и нашего отчужденія отъ западной образованности, а это мертвящее вліяніе полувизантійскаго, полуазіятскаго аскетизма, надолго сковавшаго всякое живое движеніе мысли и чувства, — вліяніе идей, занесенныхъ съ Востока, всегда враждебнаго Западу, ибо Западъ долго представлялся воображенію русскаго человѣка страной «прелестною»

и океанскою, и только въ позднѣйшее время получила зпитеть «гнилаго». Неумѣренныя притязанія западнаго духовенства на всемірное владычество поставили Востокъ въ непріязненныя отношенія къ Западу, а потому Россія, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, прикнувъ къ первому, естественно должна была, по своимъ убѣжденіямъ, сдѣлаться недружелюбною къ послѣднему, и оттого всѣ воззрѣнія, всѣ идеи послѣдняго, даже пріобрѣтенія науки являлись тѣмъ-то «хульнымъ» и проклятымъ. Что Византія остановила наше развитіе въ самомъ зародышѣ, видно изъ того, что, начиная съ XI до XIV вѣка, древнерусская литература успѣла обогатиться пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, имѣвшихъ большой кругъ читателей какъ на Западѣ, такъ и между современными намъ Славянами («Троянская исторія», «Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ», «Исторія Девгенія» и пр.); напротивъ, когда заимствованныя отъ Византіи идеи стали преобладать въ древнерусской письменности и общество должно было слѣдовать вкусу представителей образованія, поэтическія произведенія больше не являлись уже на русской почвѣ и къ тѣмъ, которыя имѣлись у насъ до XIV вѣка, не прибавилось почти ничего вплоть до самаго XVII столѣтія. Это послѣднее столѣтіе, силою историческихъ обстоятельствъ, начинало уже сближать Россію съ Западомъ; исключительное вліяніе Византіи, продолжавшее жить преданіемъ, — потому что вошло въ нашу плоть и кровь, — начинало ослабѣвать, но ослабѣвало слишкомъ медленно, и поворотъ къ лучшему казался еще въ непроглядной дали. Жизнь должна была доказать несостоятельность идей, занесенныхъ изъ Византіи, тѣмъ болѣе, что сама Византія уже не существовала; однако, при всемъ томъ, движеніе впередъ совершалось слишкомъ нерѣшительно, робко; Россія шла ощупью, потерявъ въ Византіи путеводную звѣзду, и, не имѣя возможности идти своею дорогою, — потому что эта дорога вела ее къ китайской стѣнѣ, — должна была искать нравственной поддержки извнѣ, должна была обратиться къ «прелестному» Западу и тамъ искать освѣжительныхъ элементовъ. Тогда-то должна была подоспѣть реформа Петра, какъ необходимое требованіе вѣка, котн общество, снавшее цѣлые вѣка испробуднымъ сномъ, само не создавало, чего ему недостаетъ, и потому, проснувшись, по старой немысли къ «гнилому» Западу, испугалось, когда увидѣло, что царь, наученный Нѣмцами, сближаетъ его съ «люторами и цесарцами—панистами.»

Одинъ Новгородъ могъ еще внести нѣкоторые жизненные элемент-

ты въ древнерусское общество и повести его развитіе другимъ путемъ; но Москва, при помощи Татаръ, союзниковъ царя Ивана Васильевича, разрушила послѣднюю надежду Россіи на сближеніе съ образованнымъ міромъ. Торговля сношенія Новгорода съ Европой дѣлали невозможной національную замкнутость и нетерпимость стараго русскаго общества. Насколько Новгородъ считалъ себя выше Москвы въ духовномъ отношеніи и насколько онъ могъ быть склоненъ къ идеямъ Запада, видно изъ того, что извѣстный «бѣлый клобукъ», бывший прежде въ Римѣ, перешелъ не въ Византію и не въ Москву, а въ Великій Новгородъ:—а это преданіе, при тогдашней исключительности направленія умовъ, очень много говоритъ въ пользу того, что Новгородъ еще способенъ былъ къ развитію. Новгородъ, быть можетъ, могъ бы двумя столѣтіями предупредить неизбежную реформу, начатую Петромъ.

Характеристика народной устной поэзіи и древнерусской литературы составляетъ въ то же время и характеристику древнерусскаго искусства. «Религіозная поэзія среднихъ вѣковъ (говоритъ г. Буслевъ), находила соответствующее себѣ выраженіе и въ прочихъ искусствахъ, и особенно въ скульптурѣ и живописи. По малой разработкѣ этого предмета для древней Руси, изслѣдователи становились къ произведеніямъ старинной русской живописи въ ложное отношеніе, зависѣвшее часто отъ субъективныхъ воззрѣній, которыя предварительно уже были составлены подъ вліяніемъ восточнаго или западнаго взгляда. Принято было за аксіому вполне архаическое, въ строгихъ идеяхъ восточнаго исповѣданія окрѣпшее, неподвижное состояніе нашей древней живописи: и одни, подъ вліяніемъ восточнаго взгляда, видѣли въ этой неподвижности непоколебимую твердость религіозныхъ и художественныхъ началъ; другіе, подъ вліяніемъ взгляда западнаго,—грубое коснѣніе при византійскихъ начаткахъ, для развитія которыхъ недоставало древней Руси нравственныхъ силъ (II, 49). Г. Буслевъ держится середины этихъ двухъ мнѣній и даже признаетъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ древне-русская художественная техника оказала значительные успѣхи и что притомъ она имѣла широкія и разнообразныя отношенія къ народному быту, къ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ и даже къ поэтическимъ суевѣріямъ древней Руси. Что послѣднее замѣчаніе справедливо, мы не считаемъ нужнымъ говорить; но что касается до значительныхъ успѣховъ старинной живописи, то въ этомъ случаѣ едва ли взглядъ западниковъ не будетъ вѣрнѣе даже прими-

ряющего взгляда г. Буслаева. Вспомнимъ одно, что въ Европѣ искусства едва ли не раньше духовной литературы выразили протестъ суровому аскетизму. Въ то время, когда Лютеръ еще не думалъ выставить въ Виттенбергѣ свои 95 тезисовъ, въ Италиі уже явились протестанты и высказали свои человѣческія воззрѣнія на жизнь не словомъ, а рѣзцомъ и кистью, на полотнѣ и въ мраморѣ. Брунелески, Браманте, Лоренцо Гиберти, Донателло, Масаччіо, Фізоле, Піетро-Перуджино, Микель-Анджело, Тиціанъ, Леонардо-де-Винчи, Корреджіо и Рафаэль были такими же реформаторами, какъ и Лютеръ, хотя начали дѣйствовать раньше его. А между тѣмъ наше искусство выражало ту же неподвижность мысли, тотъ же, если можно такъ выразиться, эпическій застой, какъ и вся древне-русская литература, какъ и вся наша историческая жизнь, гложущая до самаго XVIII столѣтія. Переѣмна стилия, переѣмна старинныхъ, опять-таки эпическихъ приѣмовъ въ живописи влекла за собою наказаніе и преданіе анаоемъ. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ искусныхъ живописцевъ посылали «на мытны и на кабаки въ цѣловальники»; а продажею живописныхъ изображеній занимались «прасолы» и «щепетильники», то есть люди, торговавшіе щепнымъ товаромъ, кадками, лопатами и прочими лѣсными издѣліями (см. любопытныя свидѣтельства объ этомъ въ рукопис. Румянц. Музея, по Восток. с. 554 и 775). Іосифъ-изографъ, въ лицѣ Ивана Плѣшковича, обвиняя всѣхъ приверженцевъ эпической старины, дѣлаетъ рѣшительный приговоръ всему древне-русскому искусству, и приговоръ этотъ, писанный въ XVII вѣкѣ, далеко не такъ благосклоненъ, какъ приговоръ, произносимый во второй половинѣ XIX столѣтія. Если Іосифъ, русскій живописецъ временъ Алексѣя Михайловича, рѣзко обвиняетъ общепринятый, освященный вѣками, обычай — изображать человѣческія лица «темнообразными и очадѣлыми», «мрачными и неподоболѣпными», «смуглыми и зловидными», а человѣческіе члены — «скудными и умерщвленными»; если сами прасолы, продававшіе эти изображенія или мѣнявшіе на яйца и на лукъ, задымляли ихъ, чтобъ охотнѣе покупались благочестивыми поборниками старины; если народъ вѣрилъ блуднымъ словамъ щепетильниковъ, будто отъ доброписанія спасенія не бываетъ, а только отъ закоптѣлыхъ и съ неистовыми лицами изображеній; если самъ живописецъ, силлившійся выбиться изъ-подъ тяжелаго гнета старины, признается, что господствующій стиль его времени, — «ругательный», — и что всѣ изображенія людей, ри-

сованныя по общепринятымъ образцамъ, похожи на дикихъ звѣрей; если, наконецъ, сами представители тогдашняго искусства произносили надъ своимъ ремесломъ такой жесткій приговоръ (Бул. II, 399 — 407), то, безъ сомнѣнія, оно стоило еще болѣе жесткаго осужденія. Самъ Иосифъ-изографъ своимъ признаніемъ дѣлаетъ рѣшительно-безполезнымъ всякое сужденіе объ успѣхахъ древне-русскаго искусства. Что оно было народно, какъ народны нынѣшнія лубочныя картины, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобы оно могло выражать что нибудь другое, кромѣ неподвижности мысли, это такъ же неоспоримо, какъ неоспоримо наконецъ и то, что какъ въ искусствѣ такъ и въ литературѣ только развитая народность можетъ проявляться въ отрадныхъ образахъ. Притомъ, факты на-лицо: оба тома изслѣдованій г. Буслаева, совершенно противъ его воли, убиваютъ его же собственные, благопріятные для нашей старины, выводы, неоспоримо доказывая, что въ искусствѣ и литературѣ только развитой народъ можетъ создать что нибудь достойное сочувствія и памяти.

Вообще мы считаемъ неумѣстнымъ долго останавливаться на сужденіи о достоинствахъ древне-русскаго искусства, потому что рисунки, приложенные къ обоимъ томамъ «Очерковъ» г. Буслаева, говорятъ убѣдительно всеякихъ доводовъ. Надѣмся, что всякій, кто смотритъ на неизмѣнные эническіе приемы въ литературѣ и искусствѣ, какъ на признаки застоя, раздѣлять нашъ взглядъ и на древне-русскую литературу и на древне-русское искусство. Если справедливо мнѣніе, что все историческое существованіе древне-русскаго общества успѣло выработать такъ мало хорошаго, что переходъ отъ XVII къ XVIII столѣтію долженъ былъ ознаменоваться ломкой всего стараго и не годнаго, — къ чему и приступилъ Петръ I-й съ нѣкоторыми изъ болѣе развитыхъ современниковъ, — то неужели литература и искусства, составляющія довольно слабое отраженіе современныхъ понятій и дѣйствительной жизни, могли отразить что нибудь лучше этихъ понятій и этой жизни, которую умѣлъ понять и достойно оцѣнить еще Петръ, чтобы отвернуться отъ нея? И неужели XIX вѣкъ думаетъ найти въ этомъ прошедшемъ что нибудь дѣйствительно-хорошее? Намъ кажется, что это напрасный трудъ.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

ИДЕАЛИЗМЪ ПЛАТОНА.

(Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ).

Есть такія привилегированныя личности, которыхъ имена пользуются особенною, часто незаслуженною и не всегда лестною популярностію. Вы встрѣтите имя такой личности и въ учебникѣ, и въ собраніи анекдотовъ для дѣтей, и, пожалуй, даже на прописяхъ. Дѣйствительная фizioномія этой личности отъ частаго употребленія ея имени какъ-то стирается, и замѣняется какимъ-то условнымъ понятіемъ; личность дѣлается представителемъ цѣлаго типа или воплощаетъ въ себѣ какое-нибудь отдѣльное качество и доводитъ его въ себѣ до небывалыхъ и невозможныхъ размѣровъ. Кто напр. въ дни дѣтства или юношества не воображалъ себѣ Баярда представителемъ рыцарства, хотя Баярдъ жилъ въ такое время, когда рыцарство, особенно во Франціи, превращалось уже въ анахронизмъ? Кто не видѣлъ въ Генрихѣ IV, королѣ французскомъ, воплощенія кротости и какого-то простоватаго добродушія? Кто не смотрѣлъ на Платона, Сократа и Сенеку, какъ на свѣтила міра, воплотившія въ себѣ всю мудрость Грековъ и Римлянъ? Эти свѣтила міра, эти фокусы добродѣтели прославляются въ учебникахъ, въ которыхъ конечно вы не найдете о нихъ ничего кромѣ возгласовъ, болѣе или менѣе безцѣстныхъ и риторичныхъ. Не подражая голословности учебниковъ, многія серьезныя изслѣдованія раздѣляютъ съ ними подобострастное отношеніе къ этимъ избраннымъ личностямъ. Ослѣпленные блескомъ имени, имѣющаго за себя двухтысячелѣтній авторитетъ, изслѣдователи, особенно Нѣмцы, проходя передъ этими личностями, обезоруживаютъ свою критику, скромно потупляютъ взоры, и ограничиваются въ отношеніи къ нимъ ролью почтительнаго и аккуратнаго передатчика. Видно, что надъ ними тяготѣетъ авторитетъ преданія и школы. Излагая исторію греческой философіи, принято какъ-то отнести покровительственно къ элеатской школѣ, къ Гераклиту и Демокриту, къ Пифагору и Анаксагору, потомъ съ негодованіемъ упомянуть о софистахъ, потомъ умилиться надъ личностію и судьбою Сократа, поклониться въ поясъ Платону, его Диміургу и Идеямъ, на-

звать Аристотеля великимъ ученикомъ его, часто несправедливымъ къ великому учителю, потомъ разругать Эпикура, посвящаться надъ спонсиками и выразить добродѣтельное сочувствіе возвышеннымъ доблестямъ стоиновъ. Это принято; этого требуютъ интересы *нравственности*, которую такъ ревниво берегутъ многіе псевдо-художники и многіе дѣйствительные труженики на обширномъ, и такъ часто неблагодарномъ полѣ науки. Эти нравственныя воззрѣнія, которыя чуть-ли не двѣ тысячи лѣтъ проводятся въ книгахъ и рукописяхъ, часто помянувшихъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросамъ практической нравственности, поотавили Сократа и Платона на тотъ несокрушимый пьедесталъ, съ котораго я, конечно, не попытаюсь свести почтенныхъ стариковъ. Пусть они остаются на этихъ пьедесталахъ, но только повыше, подалее отъ насъ; пусть ихъ идеи почитаются святынею, непомытною и непригодною для нашего вѣстранаго и безнравственнаго вѣка и поколѣнія. Пусть ихъ возвышенный идеализмъ служитъ предметомъ благоговѣнія для немногихъ избранныхъ и пусть эти избранные гонять прочь немосвященную чернь, которую такъ не любитъ феенебельный Гораций, и въ ряды которой охотно вмѣшаемся мы и охотно вмѣшали бы нашего читателя. Но мы не шутимъ мнѣ кажется, что книга г. Клеванова уже по выбору предмета можетъ быть признана высоко-безполезною и бесполезно-высокою попыткою популяризировать то, что не можетъ и не должно быть популярно; кто хочетъ писать для всей читающей публики, тотъ долженъ обработать предметъ живою, самородною критикою, взяться за дѣло съ смѣлыми литературными приѣмами, произнести свое сужденіе, сказать живое, задушевное слово, хотя бы о мертвомъ и застывшемъ предметѣ. Что же касается до пионеровъ общества, до специалистовъ, то врядъ-ли извлеченіе изъ Целлера будетъ для нихъ особенно драгоценнымъ приобрѣтеніемъ. Специалисты—народъ упрямый и слоновый къ сомнѣнію; они любятъ добираться до источниковъ и не загребаютъ жара чужими руками. Діалектическія тонкости, наполняющія собою большую часть книги г. Клеванова, для публики слишкомъ тонки, безцвѣтны и безцѣльны, слишкомъ недоступны простому здравому смыслу, а для специалиста онѣ слишкомъ неновы. Въ одномъ только пунктѣ г. Клевановъ могъ придать своему труду свѣжій колоритъ и живое біеніе; онъ могъ бы показать отношенія Сократа и Платона къ практической дѣйствительности, къ вопросамъ общественной жизни, къ интересамъ народа, отдѣльной личности и государства. Онъ могъ бы

остановиться на практических слѣдствіяхъ идеализма и вѣзвѣститъ трезвою критикою особенности того вліянія, которое этотъ идеализмъ могъ оказать на человѣческую личность и на отношенія между людьми въ семействѣ и государствѣ. Г. Клевановъ этого не сдѣлалъ; не сдѣлалъ онъ этого потому, что надъ нимъ тяготѣютъ два авторитета, Платонъ и Целлеръ; чтобы обсудить какъ слѣдуетъ, съ современной или просто съ человѣческой точки зрѣнія поставленные выше вопросы, надо рѣшиться думать своимъ умомъ, а это такая смѣлость, до которой и теперь не всякій охотникъ. Передъ тѣнями Платона и Сократа благоговѣть г. Клевановъ; отъ печатной буквы Целлера онъ отступить не рѣшается; при такихъ условіяхъ мудрено сказать живое слово объ идеализмѣ; мудрено во-первыхъ потому, что мысли, взятая у другаго въ чужихъ рукахъ всегда отзываются холодною сухостью, а во-вторыхъ потому, что Целлеръ, какъ нѣмецкій теоретикъ, разсматриваетъ Платона, любуясь красотой и стройностью системы, и не обращая вниманія на степень ея внутренней состоятельности и практической пригодности. У нѣмецкихъ мыслителей и критиковъ есть одинъ очень честный, но часто донъ-кихотскій приѣмъ — становиться на точку зрѣнія противника и сражаться съ нимъ его же оружіемъ. Такимъ путемъ вы можете уличить его въ непоследовательности, но не уличите въ непрактичности, потому что практическая жизнь представляется каждому различно, смотря по его темпераменту, по его положенію, по степени и по условіямъ его развитія. Мнѣ кажется, критикъ можетъ идти по другому пути; онъ можетъ не требовать отъ себя полной и безстрастной объективности, не переноситься искусственно въ чужое воззрѣніе, и оставаться полнымъ человѣкомъ съ живыми убѣжденіями, съ ясно-обозначенными и не мало нескрываемыми симпатіями и антипатіями. Онъ можетъ представить читателю сущность разбираемыхъ имъ мыслей, потомъ развить свои идеи, показать между тѣми и другими точки соприкосновенія и разногласія, защитить свои положенія отъ нападковъ и возраженій, могущихъ придти на умъ читателю и наконецъ представить самому читателю выборъ между нимъ и предметомъ его рецензіи.

«Du choc des opinions jaillit la vérité», говоритъ извѣстная поговорка, и если это изрѣченіе справедливо, то объективность не всегда можетъ быть признана въ критикѣ великимъ достоинствомъ. Трудно быть субъективнѣе Маколея, а между тѣмъ никто не упрекнетъ зна-

менитаго историка ни въ пристрастіи, ни въ узкой односторонности. Личности оживаютъ подъ его перомъ и отдають полный отчетъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ; передъ глазами читателя происходитъ величавый процессъ, въ которомъ живой и умный Англичанинъ, ораторъ и парламентскій боецъ, является то обвинителемъ, то адвокатомъ выводимой личности, смотря по тому, куда влечетъ его голосъ совѣсти и личнаго убѣжденія. Кромѣ описываемой и разбираемой исторической личности, читатель видитъ передъ собой образъ критика, видитъ, какъ мѣняется, выраженіе этого умнаго и подвижнаго лица, слышитъ въ его дикціи то сочувствіе, то негодованіе, то иронию, то одушевленіе, которыя возбудили бы во всякомъ энергическомъ человѣкѣ тѣ или другія явленія жизни и человѣческой мысли.—Излишнее увлеченіе можетъ, конечно, повредить ясности взгляда, но съ даровитымъ критикомъ этого случиться не можетъ. У кого дѣятельность анализирующей мысли преобладаетъ надъ потребностью самостоятельнаго творчества, кто по темпераменту болѣе критикъ, чѣмъ художникъ, тотъ даже въ минуту энтузіазма не вдается въ фантазерство. Въ эти минуты, когда полнѣе дышетъ грудь, когда живѣе бьется сердце, въ эти минуты быстрѣе работаетъ мозгъ, смѣлѣе и оригинальнѣе льются мысли, и кропотливый контроль надъ этою ускоренною дѣятельностью анализирующаго ума оказывается такъ же бесполезенъ, какъ бесполезно труженическое шлифованіе лирическихъ стиховъ, вылившихся изъ души истиннаго поэта въ минуты искренняго волненія. Талантъ всегда имѣетъ свою оригинальную физиономію, и ему трудно отрѣшиться отъ этой физиономіи; что бы онъ ни писалъ, художественное ли произведеніе или критическое изслѣдованіе, онъ положитъ на него свою печать и не погонится за искусственнымъ спокойствіемъ тона и за умышленною объективностью. Когда говорятъ о Платонѣ, то всякій развитой человѣкъ понимаетъ, что отъ него нельзя требовать того, чего мы теперь потребовали бы отъ любого студента; никто не думаетъ сравнивать его даже съ какимъ нибудь современнымъ обскурантомъ, никто не ставитъ ему въ вину ребячество многихъ его политическихъ взглядовъ и тенденцій; но, воля ваша, признавая его сыномъ своего народа и своей эпохи, мы не можемъ относиться съ почтительною и безстрастною вѣжливостью къ его нравственнымъ и политическимъ теоріямъ. Предметъ близокъ къ сердцу, потому что Платонъ захватываетъ въ свои изслѣдованія такіе вопросы, которые постоянно

на отороде, и которые человечество въ каждомъ покаяннѣи рѣшаетъ и перерѣшаетъ по-своему. Къ такимъ вопросамъ остается совершенно равнодушною только кабинетная ученость почтеннаго Целлера и похвальная скромность его усерднаго послѣдователя, г. Клеванова. Въ благоговѣннѣи къ Платону, выражающемся въ книгѣ г. Клеванова, не слышно горячаго сочувствія; г. Клевановъ на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ Платону свое почтеннѣе, но ни разу, излагая его мысли, не обнаруживаетъ того вѣдущаго влеченія, съ которымъ живой человѣкъ всегда выскажетъ свою задушевную мысль, свое заветное убѣжденнѣе. Языкъ г. Клеванова вездѣ остается гладокъ, ровень, методиченъ; мысли медленно развиваются одна изъ другой; изложеннѣе ясно, правильно, вяло и утомительно. Съ этой минуты я могу устранить личность г. Клеванова изъ моей критической статьи; онъ вѣрно слѣдуетъ Целлеру и передаетъ мысли Платона, не разбирая ихъ и не обнаруживая въ нихъ дѣйствительнаго сочувствія. По общему тону изложенія можно предположить, что г. Клевановъ идеалистъ, но дальнѣйшее разъясненнѣе этого вопроса представляетъ такъ мало общаго интереса, что мы предпочитаемъ перейти къ самому Платону. Въ личности этого греческаго философа можно видѣть на первомъ планѣ сильное новитическое дарованнѣе, т. е. богатую фантазю и огромное стремленнѣе къ творчеству. Съ отзывчивостю, свойственною поэту, Платонъ откликнулся всею своею жизнью, всею дѣятельностю на самый животрепещущій интересъ эпохи, воплотившійся въ личности Сократа. Дѣло Сократа было дѣйствительно такъ красиво и величественно на взглядъ, что имъ не мудрено было удѣлиться. Человѣкъ незнатный, небогатый, неученый, незамѣтный, берется быть учителемъ нравственности для цѣлаго народа, старается влить живые соки въ истощенное національное сознаннѣе, побѣждаетъ одною непосредственною искренностю убѣжденнѣи знаменитѣйшихъ діалектиковъ своего времени, перетягиваетъ на свою сторону всю даровитую молодежь и наконецъ падаетъ жертвою реакцнннн и до конца жизни сохраняетъ непоколебимую твердость и спокойное присутствнѣе духа. Смерть Сократа часто обезоруживаетъ даже новейшую критику, готовую приступить съ анатомическимъ ножомъ къ диссекцнннн его философской системы. Философннн Сократа, говорятъ многнѣе, хороша уже потому, что поддержала его въ минуту смерти; онъ своею мученическою кончиною, говорятъ многнѣе, запечатлѣлъ свое ученнѣе. Этотъ аргументъ будетъ имѣть свою силу, если мы безусловно при-

земь положеніе Сократа о томъ, что знать истину и дѣлать добре одно и то же; но мы этой ошибкѣ не сдѣлаемъ, и сдѣлаемъ конечно отдѣлить область воли отъ области знанія. Сократъ умеръ какъ мужчина, потому что былъ мужчиною, а не потому что его поддерживали въ минуту смерти положенія его философіи. Одна и та же мысль производитъ на различныхъ людей различное впечатлѣніе; изъ одной и той же школы выходятъ люди съ различными наклонностями и стремленіями; человекъ не пустая бутылка, въ которую можно влить какую угодно жидкость. Смерть Сократа рветъ только личность этого человека, не говоря ничего ни *pro*, ни *contra* его ученія. Смерть Сократа доказываетъ, что Сократъ былъ не фразеръ, но не говоритъ намъ, что онъ не могъ ошибиться въ теоріи или въ жизни. Факты подтверждаютъ мое мнѣніе о томъ, что честность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его ученію. Въ числѣ учениковъ и друзей Сократа мы находимъ Алкивиада и Критія, главнаго предводителя олигархіи, одного изъ 30-ти тиранновъ, человека, котораго имя по справедливости было ненавистно его современникамъ и согражданамъ. Ни Алкивиадъ, ни Критій не отличались ни политическою честностію, ни стойкію убѣжденій, стало быть ученіе Сократа оказалось несостоятельнымъ, когда нужно было исправлять нравственность и передѣлывать природу человека. Но тѣмъ не менѣе, личность Сократа не могла не зарекомендовать въ глазахъ Платона проповѣдуемаго имъ ученія; Платонъ увлекся личностію и сдѣлался ея ревностнымъ прозелитомъ тѣмъ болѣе, что философія Сократа открывала широкій просторъ фантазіи и творчеству мысли.

Поэтический геній Платона получалъ рѣшительный толчокъ и сталъ творить въ томъ направленіи, которое было ему указано любимымъ наставникомъ. Во всемъ этомъ еще не было большой бѣды, хотя, быть можетъ, позволительно пожалѣть о томъ, что поэтъ оставилъ свѣтлый міръ образовъ и картинъ и переселился въ возвышенныя, но холодныя сферы отвлеченной мысли. Красота, къ которой Платонъ стремился какъ художникъ, стала являться ему, отрѣшенная отъ всякой внѣшней формы, или вѣрнѣе, онъ самъ старался отрѣшиться ея отъ формы, проникнуть въ ея общую сущность, уловить ее въ полной отреченности. Началось стремленіе къ идеалу, т. е. къ призраку, къ галлюцинаціи. Богатая полнота жизни, рельефность матеріи, переливы линій и красокъ, пестрое разнообразіе явленій, все, чѣмъ брасна и полна наша жизнь, стало казаться Платону зломъ, ширію,

за которою насильно скрыта, какъ красавица въ заколдованномъ теремѣ, истина міра, нетлѣнная, неизмѣнная, вѣчная красота. Пылкая фантазія усилѣла эти мечты; галлюцинація Платона дошла до того, что онъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе идеи отдѣльно отъ явленія; идеализмъ сразу поднялся на такую поэтическую высоту вымысла и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу дошелъ до такого полнаго отрицанія самыхъ элементарныхъ свидѣтельствъ опыта, какого вѣроятно онъ не достигалъ никогда ни прежде, ни послѣ Платона. Подъ творческою, размашистою кистью его создалась цѣлостная, фантастически-величественная картина міра; Диміургъ, идеи, міровая душа, масса матеріи съ ея тупою инерціею, звѣзды и свѣтила, живущія своею жизнью и мыслящія въ безконечномъ пространствѣ — все это создается подъ перомъ Платона, начинаетъ жить и дышать, все это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будтобы оно дѣйствительно существовало, и все это только потому, что Платонъ крѣпко вѣритъ въ свое созданіе, да еще потому, что Платонъ великій художникъ, подобный Гомеру, Дантѣ или Мильтону. Вся физика Платона есть чистое созданіе фантазіи, недопускающее въ слушатель тѣни сомнѣнія, неопирающагося ни на одно свидѣтельство опыта, развивающееся само изъ себя и основанное на одной діалектической разработкѣ идеи, положенной въ основаніе. Платонизмъ есть религія, а не философія, и вотъ почему онъ имѣлъ такой громаднѣйшій успѣхъ въ мистическую эпоху паденія язычества; вотъ почему онъ сохраненъ и взлелѣянъ византійскими учеными, переданъ Италіи и Европѣ въ эпоху возрожденія, поставленъ на неизблемый пьедесталъ и подъ разными именами живетъ и теперь. У кого нѣтъ самостоятельнаго творчества, тотъ примыкаетъ къ чужой фантазіи и дѣлается ея адептомъ. Изъ многихъ подобныхъ фантазій, фантазія Платона отличается высокимъ полетомъ мысли и смѣлою концепціею общей картины. Немудрено, что къ его идеямъ примыкаютъ съ полнымъ сочувствіемъ многіе мистики, отличающіеся развитымъ умомъ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Платонъ вѣрилъ въ созданія своей фантазіи; онъ считалъ ихъ за безусловную истину, и ни разу не становился къ нимъ въ критическія отношенія; одна секунда сомнѣнія, одинъ трезвый взглядъ могли разрушить все очарованіе и разсѣять всю яркую и великолѣпную галлюцинацію. Но этой роковой секунды въ его жизни не было, и на всѣхъ сочиненіяхъ Платона легла печать самой фантастической и въ то же время спокойной вѣры въ непогрѣшимость своей мысли и въ дѣйствитель-

ность вызванныхъ ею призраковъ. Вѣра въ самого себя тѣсно связана съ умственной нетерпимостью, а умственная нетерпимость ждетъ только удобнаго случая, чтобы воздвигнуть дѣйствительное гоненіе на диссидентовъ. Пока Платонъ остается въ сферахъ отвлеченной мысли, или, вѣрнѣе, свободнаго вымысла, до тѣхъ поръ онъ является чистымъ поэтомъ. Когда онъ входитъ въ область существующаго, онъ становится доктринеромъ. Какъ вамъ понравится напр. понятіе Платона о любви! Онъ, въ бесѣдѣ «Пиршество» опредѣляетъ любовь, какъ стремленіе конечныхъ существъ обезсмертить и увѣковѣчить себя въ постоянно новыхъ порожденіяхъ. Первая степень любви, по мнѣнію Платона, есть любовь къ прекраснымъ чувственнымъ формамъ; вторая — любовь къ прекраснымъ душамъ; третья и высшая степень любви—къ прекраснымъ наукамъ, и наконецъ, какъ результатъ и вѣнецъ дѣла, любовь къ идеѣ, которая порождаетъ истинное познаніе и истинную добродѣтель (стр. 128.). Очень понятно, что у человѣка, дошедшаго до этой высшей квинтэссенціи любви, не должно быть мѣста для любви къ женщинамъ; стало быть, нравственное оскотленіе человѣчества во имя идеи должно быть конечною цѣлью нормальнаго развитія. Вотъ къ какимъ красивымъ результатамъ приводитъ доктринерское желаніе внести общую, искусственно-созданную идею во всѣ живыя явленія и отправленія жизни. Доктринерство Платона идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и даже съ его собственнымъ жизненнымъ опытомъ. Какъ художникъ, Платонъ былъ очень воспріимчивъ къ пластической красотѣ; какъ здоровый и сильный мужчина, развившійся подъ небомъ цвѣтущей Греціи, онъ не думалъ останавливать своихъ эротическихъ стремленій и любовь къ идеѣ не мѣшала ему любить направо и налево... отдавая дань эпохѣ и народу... Но зло было сдѣлано; зерно аскетизма и вражды къ матеріи было брошено; въ эпоху римской имперіи оно разрослось въ ученія новопиоагорейцевъ и новоплатониковъ, и, опираясь на Платона, принесло человѣчеству обильный плодъ добровольныхъ заблужденій и безсмысленныхъ самоистязаній. Кто не былъ поэтомъ, подобно Платону, тотъ требовалъ отъ себя послѣдовательности и страдалъ отъ разлада, существовавшаго между идеєю и жизнью, не понимая того, что идея берется изъ жизни, а не жизнь располагается по данной программѣ. Для такого человѣка являлась необходимость бороться съ самимъ собою, и лучшія силы несчастнаго идеалиста уходили на бесплодную нравственную гимнас—

траву, на отчаянную ломку, на искоренение страстей, на ослаживание самых своеобразных и жгучих черт своей физиономии. Такого рода идеализм тяготел над Рудинскими и Чижотуринскими прошедшего поколения; он породил наших Гринузов и Гамлетиковъ, людей съ ограниченными умственными средствами и съ безконечными стремлениями. Смѣшно выводить этихъ господъ отъ Платона, но можно замѣтить, что эти дряблыя и хилыя личности страдаютъ именно тою болѣзью, которую Платонъ воспѣлъ въ своихъ философскихъ твореніяхъ, какъ лучшую принадлежность человѣчества и какъ единственное отличие челоуѣка отъ животнаго. Доктринерство Платона проходитъ чрезъ все его нравственное учение. Платонъ здѣсь, какъ и въ своей физикѣ, не смотритъ на то, что даетъ жизнь; онъ не изучаетъ естественныхъ стремленій человѣческой природы, да и къ чему изучать? Абсолютная истина, въ существованіе которой всею душою вѣритъ поэтъ-мыслитель, находится не въ явленіи, а гдѣ то видѣ его, высоко и далеко, въ таинхъ сферахъ, куда можетъ залѣтѣть пылкое воображеніе, но куда не поведетъ критическое изслѣдованіе, основанное на изученіи фактовъ. Платонъ считаетъ себя полнымъ обладателемъ этой драгоценной, хотя и невѣдомой истины; онъ утверждаетъ, правда, «что души въ здѣшней жизни невозможно достигнуть вполне чистаго возвращенія на истину» (стр. 141.); но это положеніе вовсе не ведетъ къ тѣмъ слѣдствіямъ, какихъ можно было отъ него ожидать; видно, что оно не проникаетъ особенно глубоко въ сознаніе Платона; Платонъ допускаетъ то обстоятельство, что смерть можетъ открыть его духу болѣе обширный міръ знаній, но не видно, чтобы онъ сознавалъ неудовлетворительность своего наличнаго капитала; не видно, чтобы онъ сомнѣвался въ вѣрности своихъ идей; то, что онъ знаетъ или создаетъ творческою фантазіею, кажется ему безусловно вѣрнымъ и не допускаетъ надъ собою никакого контроля. Вслѣдствіе этого, Платонъ говоритъ въ своей нравственной философій: должно думать такъ-то, поступать такъ-то, стремиться къ тому-то. Эти приказанія отдаются челоуѣчеству съ высоты философской мысли, не допускаютъ ни комментаріевъ, ни возраженій и требуютъ себя безусловнаго повиновенія. Черты народнаго характера, коренныя свойства челоуѣческой природы возмущаются противъ этихъ указовъ Платона, но это нисколько не смущаетъ гордаго мыслителя, упоеннаго созерцаніемъ своихъ твореній.

Все, что не согласно съ его инструкціями, признается ложнымъ,

случайнымъ, казаннымъ, препятствующимъ общему благу всего человечества. А кто же, спросите вы, создалъ это понятие общаго блага? Генералъ отъ философіи Платонъ, отвѣчу я, — и бѣдное чело-вѣчество, опечаемое его неуспѣшными трудами, лишене даже права голоса въ такомъ дѣлѣ, которое называется его общимъ благомъ. Добро, по словамъ Платона, должно быть предметомъ всякой чело-вѣческой дѣятельности; къ добру долженъ стремиться каждый чело-вѣкъ, потому что обладаніе добромъ составляетъ собою благополучіе (стр. 209.) Добро или благо — понятіе чрезвычайно широкое и спо-собное расширяться до безконечности; для голоднаго кусокъ хлѣба есть высшее благо; для влюбленнаго благосклонный взглядъ любимой женщины, для служащаго человѣка вниманіе начальника, повышение въ чинѣ и орденъ въ петличку, для поэта — минута творчества, и т. д. и т. д. И всѣ эти господа правы съ своей точки зрѣнія; и если мы отнесемъ иронически ко многимъ людскимъ стремленіямъ и въ то же время съ уваженіемъ упомянемъ о другихъ, то мы сдѣ-лаемъ это только потому, что сами стоимъ ближе къ однимъ, и можемъ ихъ лучше понимать и болѣе имъ сочувствовать. Если одинъ гасстрономъ любить пить за обѣдомъ хересъ, а другой порт-вейнъ, то, вѣроятно, въ дѣломъ кѣрѣ не найдется такого критика, который могъ бы доказать ясно и ослзательно, что одинъ изъ двухъ любителей правъ, а другой ошибается. По логическому за-кону надо допустить, что предпочтеніе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну происходитъ или отъ физиологической причи-ны, т. е. отъ особенностей нѣба, гортани, или желудка, или отъ исторической причины, т. е. отъ приобрѣтенной привычки. Прист-растіе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну можетъ подвергнуться того и другаго разнымъ неспрїятностямъ и испытаніямъ. Если г. А. попадетъ въ общество любителей портвейна, то, при неумѣнн на-шего общества уважать чужое мнѣніе, вкусъ его найдутъ страннымъ, быть можетъ, даже испорченнымъ; вокругъ него будутъ пожимать плечами, на него будутъ смотрѣть удивленными глазами; дагѣе, если г. А. попадетъ въ какой нибудь маленькій уѣздный городокъ, въ которомъ нѣтъ порядочнаго хереса, то ему будетъ предстоять печальная альтернатива, отказаться отъ любимаго напитка и принять-ся за другое вино, или остаться вѣрнымъ самому себѣ и съ мессиру-шиною твердостью переносить лишеніе. Находясь въ положеніи г. А., одинъ пошелъ бы по одному пути, другіе по другому, и мнѣ кажется,

можно выразить предположеніе, что ни тѣхъ, ни другихъ не осудило и не прославило бы общественное мнѣніе. Но вотъ въ чемъ бѣда: когда надо судить о хересѣ и портвейнѣ, мы остаемся спокойными, хладнокровными, мы разсуждаемъ просто, здраво и довольно искусно, хотя часто безсознательно, владѣемъ діалектическимъ оружіемъ; но когда заходитъ рѣчь о высокихъ предметахъ, тогда мы сейчасъ же принимаемъ постную физиономію, становимся на ходули и начинаемъ говорить высокимъ слогомъ, согласно съ эстетическими требованиями прошлаго столѣтія. Мы позволяемъ нашему ближнему имѣть свой вкусъ въ отношеніи къ закускѣ и десерту, но бѣда ему будетъ, если онъ выразитъ самостоятельное мнѣніе о нравственности, и еще болѣе бѣда, чуть не побіеніе камнями, или *Камнемъ*, если онъ проведетъ свои идеи въ жизнь, даже въ своемъ домашнемъ быту. Если взвѣсить дѣло простымъ здравымъ смысломъ, то мы имѣемъ право требовать отъ нашего сосѣда только того, чтобы онъ не вредилъ нашей особѣ матеріальнымъ насиліемъ, чтобы онъ не портилъ умышленно нашей собственности, и чтобы онъ не присвоивалъ ее себѣ мошенническими продѣлками. Разсуждать о его поведеніи внѣ этихъ трехъ случаевъ мы конечно имѣемъ полное право, потому что, сколько мнѣ кажется, нѣтъ той вещи въ мірѣ, которую нельзя было бы взять предметомъ разговора или критическаго анализа. Но разсуждая такимъ образомъ о личности и поведеніи нашего сосѣда, мы должны помнить, если желаемъ быть логичны, что наши сужденія о его нравственности настолькоже имѣютъ безусловное значеніе, насколько имѣетъ его напр. мнѣніе о томъ, что брюнетки красивѣе блондинокъ или наоборотъ. Вѣдь пора же наконецъ понять, господа, что общій идеалъ такъ же мало можетъ предъявить правъ на существованіе, какъ общіе очки, или общіе сапоги, сшитые по одной мѣркѣ и на одну колодку. Если вы станете носить чужіе очки, вы испортите глаза, если пройдете версты пять въ чужихъ сапогахъ, вы въ кровь изотрете ноги, если вы навяжете себѣ на спину котомку чужихъ убѣжденій, вы изнеможете подъ этою неестественною обузою; вы выбьетесь изъ силъ, поправляя и привязывая ее къ себѣ покрѣпче, а кончится все-таки тѣмъ, что котомка отвалится, и пропадетъ гдѣ нибудь на пыльной дорогѣ, но воротить потраченныя силы часто бываетъ очень мудро, воротить потерянное время всегда невозможно и свѣжесть первой молодости, довѣріе къ самому себѣ почти всегда отрывается вмѣстѣ съ котомкою идеала и вмѣстѣ съ нею заваливается въ дорожной пыли.

Надо же наконецъ понять, что идеаль не есть даже отвлеченное понятие, а просто сколокъ съ другой личности; всякій идеаль имѣетъ своего автора, какъ всякая народная пѣсня имѣетъ не только риноду, но даже и составителя. Добраться до имени того и другаго всегда бываетъ очень трудно, и въ большей части случаевъ совершенно невозможно; но, составляя нравственный портретъ одного лица, портретъ иногда польщенный, иногда просто обезцвѣченный, идеаль годится только для того, съ кого онъ снятъ, или для тѣхъ людей, которые совершенно подходятъ къ нему по темпераменту, по вѣшнему положенію и по внутреннимъ силамъ. Но трудно найти двухъ людей, совершенно сходныхъ лицомъ; полное же нравственное сходство двухъ самостоятельно развившихся личностей составляетъ такое рѣдкое явленіе, какого, кажется, и не встрѣтишь во всей исторіи человечества; есть много безцвѣтныхъ и безличныхъ субъектовъ, задавленныхъ какими нибудь вѣшними обстоятельствами, пригнанныхъ на одну колодку общественною дисциплиною или отшлифованныхъ на одинъ образецъ тиранническими законами моды и этикета; посмотришь на нихъ, — они всѣ покажутся похожими между собою и лицомъ, и голосомъ и манерами; всякая оригинальность, выражающаяся въ образѣ жизни, въ прическѣ, въ одеждѣ кажется въ подобномъ обществѣ дерзостью, нарушеніемъ закона, оскорбленіемъ нравственности. Живой человекъ съ сожалѣніемъ посмотритъ на такое общество; зачѣмъ, подумаетъ онъ, эти господа добровольно поддерживаютъ придуманные законы, отъ которыхъ каждому отдѣльному лицу приходится терпѣть лишнія? Этотъ вопросъ, вѣроятно, кажется вамъ здравымъ, а между тѣмъ всѣ эти господа, стѣсняющіе свою личную свободу во имя придуманныхъ или наследованныхъ законовъ, всѣ до послѣдняго идеалисты, хотя конечно многіе изъ нихъ и не слышали никогда этого слова. Наше свѣтское общество, нашъ beau monde бѣткомъ набиты идеалистами, сознательно и бессознательно стремящимися къ отвлеченному совершенству. Un jeune homme comme il faut, une jeune personne charmante, эти два почетные титула, которыми награждаетъ общество за усердное исполненіе его устава, составляютъ въ то же время заглавіе двухъ идеаловъ, къ которымъ, смотря по различію половъ, стремятся множество молодыхъ людей, одаренныхъ свѣжими силами и задатками развитія. Эти молодые люди гибнутъ въ нравственномъ отношеніи, сохнутъ и мельчаютъ, оттого что стараются во имя идеала уничтожить свою личность или тѣ зародыши, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ,

могла бы развиться самостоятельная индивидуальность. Множество браковъ по расчету, множество продѣлокъ сомнительнаго свойства, множество дузей дѣлаются не для удовлетворенія той или другой страсти, а во имя идеала, или изъ страха передъ общественнымъ мнѣнiемъ, стоящимъ у подножiя воздвигнутаго имъ кумира. «Этo принято,» «это не принято», вотъ тѣ слова, которыми въ большей части случаевъ рѣшаются житейскiе вопросы; рѣдко случается слышать энергическое и честное слово: я такъ хочу или не хочу, а между тѣмъ, каждый имѣетъ разумное право произнести это слово, когда дѣло идетъ о немъ и объ его личныя интересахъ. Принято и не принято значить другими словами согласно и не согласно съ моднымъ идеаломъ, слѣдовательно идеализмъ тяготѣетъ надъ обществомъ, и, сковывая индивидуальныя силы, препятствуетъ разумному и всестороннему развитiю. Отвергая общiй идеалъ, я не думаю отвергать необходимость и законность самосовершенствованiя. Я не считаю стремленiе къ совершенству обязанностью человѣка. Сказать, что это обязанность, такъ же смѣшно, какъ сказать, что человѣкъ обязанъ дышать и принимать пищу, расти кверху и толстѣть въ ширину. Самосовершенствованiе дѣлается такъ же естественно и непривольно, какъ совершаются процессы дыханiя, кровообращенiя и пищеваренiя. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ приобретаете большую техническую ловкость, большiй навыкъ и опытность. Это дѣлается совершенно безсознательно и помимо вашего желанiя, и это правило можетъ быть примѣнено не только къ какому нибудь ремеслу, но и къ жизни. Всѣ мы, несмотря на различiе состоянiя, образованiя и положенiя въ обществѣ, живемъ мыслью и чувствами, хотя дѣятельность нашей мысли тратится на самые разнородные интересы, и хотя дѣятельность нашихъ чувствъ возбуждается самыми разнокалиберными предметами. Всѣ мы воспринимаемъ и перерабатываемъ впечатлѣнiя и, чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ большую техническую ловкость мы приобретаемъ въ этомъ занятiи. Существованiе житейской опытности не подлежитъ сомнѣнiю; ее признаютъ и уважаютъ грамотный и неграмотный, образованный европеецъ и австралийскiй дикарь; эта опытность есть результатъ самосовершенствованiя; процессъ ея приобретенiя есть процессъ безсознательнаго, чисто растительнаго умственнаго развитiя; этотъ процессъ можетъ встрѣтить себѣ случайное содѣйствiе или случайное препятствiе въ окружающей обстановкѣ, точно также какъ процессъ пищеваренiя можетъ быть нарушенъ нездоровою пищею или восстано-

вленъ моціономъ и воздержаніемъ. Наблюденія надъ природою чело-вѣка, приведенныя въ систему и составившія собою собирательную науку, медицину, указываютъ на тѣ предметы и на тѣ отправления, которые вредятъ челоѣческому организму или приносятъ ему пользу. Сообразуясь съ предписаніями науки, челоѣкъ можетъ вести правильный образъ жизни, сберегающій его силы и содѣйствующій его физическому благосостоянію. Но ни одинъ порядочный медикъ не предпишетъ всѣмъ своимъ пациентамъ общую гигиену; онъ непремѣнно изучитъ сначала темпераментъ каждаго и потомъ расположитъ свои предписанія, сообразуясь съ собранными матеріалами. Въ образованномъ обществѣ люди вообще больше думаютъ о себѣ, нежели въ простомъ народѣ, отчасти потому, что на это представляется больше средствъ и досуга, отчасти потому, что образованіе развиваетъ и укрѣпляетъ самосознаніе. Образованный классъ болѣе простаго народа заботится о своемъ здоровьѣ, поддерживаетъ его искусственными средствами, и разными предосторожностями старается предотвратить могущее произойти разстройство. Точно такія же гигиеническія мѣры по отношенію къ своему умственному развитію и нравственному совершенствованію принимаетъ челоѣкъ, сознавшій въ себѣ умственную личность и заботящійся о нормальности своихъ интеллектуальныхъ отравленій. Положимъ, я созналъ въ себѣ стремленіе и способность къ научнымъ занятіямъ и, следуя внутреннему побужденію, принимаюсь читать и изучать историковъ и мыслителей. Не поставлю же я себѣ, подобно Берсеневу, идеаломъ Т. Н. Грановскаго или П. Н. Кудрявцева? Не стану же я подражать ни Маколею, ни Нибуру, ни Тьери, ни Гизо, какъ бы велико ни было мое уваженіе къ этимъ передовымъ представителямъ челоѣческой мысли. Я себѣ не поставлю впереди никакой цѣли, не задамся никакою предвзятою идеею; я не знаю, къ какимъ результатамъ я приду, и меня вовсе не занимаетъ вопросъ о томъ, что я сдѣлаю въ жизни; меня занимаетъ самый процессъ дѣланія, я вижу, что никому не мѣшаю своею дѣятельностью и на этомъ основаніи считаю себя правымъ передъ собою и передъ цѣлымъ міромъ; я работаю и стараюсь облегчить себѣ трудъ, или, (что то же самое) вынести изъ каждаго своего усилія возможно большее количество наслажденія; это, по моему мнѣнію, альфа и омега всякой разумной челоѣческой дѣятельности. Процессъ умственнаго развитія и нравственнаго совершенствованія допускаютъ нѣкоторые гигиеническіе приемы, но конечно одни и тѣ же

*

приемы не могут быть применимы даже къ двумъ недѣлимымъ. Эти приемы состоятъ, конечно, не въ томъ, чтобы пригонять личность къ извѣстному образцу; основанные на изученіи самаго недѣлимаго, эти приемы клонятся только къ тому, чтобы дать больше простора и разгула индивидуальнымъ силамъ и стремленіямъ. Эмансипировать собственную личность не такъ просто и легко, какъ кажется; въ насъ много умственныхъ предубѣжденій, много нравственной робости, мѣшающей намъ свободно желать, мыслить и дѣйствовать; мы сами добровольно стѣсняемъ себя собственнымъ вліяніемъ на свою личность; что бы избѣгнуть такого вліянія, чтобы жить своимъ умомъ въ свое удовольствіе, надо значительное количество естественной или выработанной силы, а чтобы выработать эту силу, надо можетъ быть пройти цѣлый курсъ нравственной гигиены, который кончится не тѣмъ, что человекъ приблизится къ идеалу, а тѣмъ, что онъ сдѣлается *личностью*, получитъ разумное право и сознаетъ блаженную необходимость быть самимъ собою. — Я стану избѣгать вреднаго для меня общества пустыхъ людей по тому же побужденію, по которому съ простуженными зубами не подойду къ открытому окну, но я нисколько не возведу этого себѣ въ добродѣтель, и не найду нужнымъ, чтобы другіе подражали моему примѣру. Надѣюсь, что я достаточно отгѣнилъ различіе, существующее между стремленіемъ къ идеалу и процессомъ самосовершенствованія. Вѣроятно, я не сказалъ ничего новаго, но я полагаю, что всякое самостоятельное убѣжденіе имѣетъ право выразиться въ словѣ, хотя бы сотни людей исповѣдывали его впродолженіи десятковъ и сотенъ лѣтъ. Кромѣ того, вопросъ объ идеализмѣ живетъ и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать мистическія теоріи и неосуществимыя стремленія; стало быть разъясненіе этого вопроса, какъ бы ни было оно слабо и поверхностно, теперь еще не можетъ быть излишнимъ и несвоевременнымъ. Возвращаясь къ нравственной философіи Платона. Какъ я уже говорилъ выше, добро, по мнѣнію Платона, должно быть для человечества предметомъ дѣятельности и источникомъ высшихъ наслажденій. *Понятіе* добра существуетъ у него какъ абсолютная идея и не приводится ни въ малѣйшую зависимость отъ личности и положенія *помимающаго* субъекта. Что это самостоятельное, абсолютное понятіе добра на самомъ дѣлѣ есть произведеніе мозга Платона, это кажется не требуетъ доказательства; человекъ мыслить только своимъ мозгомъ, точно также какъ онъ варить пищу только своимъ желудкомъ и ды-

шить только своими легкими. Любопытно замѣтить, что Платонъ, ставящій служеніе добру въ непремѣнную обязанность всему человечеству, самъ не вполне выяснилъ себѣ свои собственные представленія о сущности и физиономіи этого добра. Въ своихъ бесѣдахъ *Тестетъ* и *Федонъ*, и въ трактатѣ о *Государствѣ* Платонъ смотритъ на всѣ чувственныя явленія какъ на зло, на наше тѣло какъ на враждебное начало, на нашу жизнь какъ на время заточенія въ глубокомъ и мрачномъ вертепѣ. Смерть представляется минутою освобожденія, такъ что при этомъ возрѣніи остается только непонятнымъ, почему Платонъ не ускорилъ для себя этой вожделѣнной минуты, почему онъ въ теоріи не оправдалъ самоубійства, и почему онъ воспѣлъ благость Диміурга, виновника нашего заточенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ золъ и страданій. Въ другихъ бесѣдахъ Платона, напр. въ *Филебѣ*, высшее добро опредѣляется какъ полное примиреніе чувственного начала съ духовнымъ, какъ гармоническое сліяніе того и другаго, и средствами произвести это сліяніе почитаются изящныя искусства и въ особенности музыка. Въ враждебномъ отношеніи Платона къ чувственному міру видно усиліе могучаго ума оторваться отъ родимой почвы, которая его воскормила и вырастила. Поэтъ—мыслитель хочетъ отрѣшиться отъ народнаго характера, отъ колорита окружающей дѣйствительности, отъ своей собственной плоти и крови. Грекъ, гражданинъ свободнаго города, здоровый и красивый мужчина, къ которому по первому призыву соберутся на роскошный пиръ друзья и гетеры, старается, во что бы то ни стало, доказать себѣ, что въ этомъ мірѣ все—зло: и полная чаша вина, и жгучая ласка красивой женщины, и аромать цвѣтовъ, и звуки лиры, и звучный гекзаметръ, и даже дружба, которая, по мнѣнію Грековъ, была выше и чище любви. Эти усилія доказать себѣ и другимъ то, противъ чего говорить свидѣтельство пяти чувствъ, не вызваны никакою дѣйствительною причиною и потому рѣшительно не носятъ на себѣ печати искреннаго воодушевленія. Романтизмъ возникаетъ обыкновенно въ эпоху бѣдствій и страданій, когда человѣку нужно гдѣ нибудь забыться, на чемъ нибудь отвести душу; я несчастливъ здѣсь, мнѣ здѣсь душно, тяжело, больно дышать, такъ я успокоюсь по крайней мѣрѣ въ той вѣчно—свѣтлой, вѣчно—тихой и теплой атмосферѣ, которую создастъ мое воображеніе и куда не проникнуть ни горе, ни заботы, ни стоны страдальцевъ. Романтизмъ искренній, вызванный самою почвою, зарождается въ

эпоху римской имперіи и развивается съ особенною силой въ средніе вѣка; отрицаніе доходитъ до ужасающихъ размѣровъ; пропадаетъ всякая вѣра въ благородныя стороны и побужденія человеческой природы, и вмѣсто этой здоровой вѣры въ дѣйствительность доходитъ до степени галлюцинаціи вѣра въ дѣйствительное существованіе и недостижимое совершенство призрачнаго, заблагнаго міра фантазіи. Сенека, Тацитъ, Маркъ—Аврелій въ своихъ сочиненіяхъ выражаютъ съ полною искренностью и съ замѣчательною силою моментъ грусти, негодованія противъ настоящаго и полнаго сомнѣнія въ будущемъ. Новоплатоники, Эссеяне и египетскіе тераневты, средне-вѣковые рыцари, монахи и отчасти трубадуры воплощаютъ въ себѣ моментъ романтическаго стремленія оторваться отъ дѣйствительности и унести въ лучшій, сверхчувственный міръ. У всѣхъ этихъ господъ романтизмъ былъ потребностью души; въ Римѣ послѣ Августа порядочному человѣку невозможно было жить полною жизнью; каждый день совершалась самая отвратительная злодѣянія: предательства, доносы, пытки, казни, игры гладиаторовъ, истязанія рабовъ, апофеозы разныхъ нравственныхъ уродовъ и кретиновъ—все это поневолѣ должно было ожесточить самаго добродушнаго оптимиста. Мыслящимъ людямъ того времени оставались только двѣ дороги: или удариться въ самый широкій разгулъ чувственности, или дать полную свободу своему воображенію, утѣшаться его свѣтлыми созданіями и во имя этихъ созданій вступить въ открытую вражду со всею дѣйствительностью, начиная съ собственного тѣла. По первому пути пошли эпикурейцы, по второму между прочими новоплатоники. Люди съ трезвымъ критическимъ умомъ не могли вѣрять въ созданія собственной фантазіи и предпочитали, за неимѣніемъ лучшаго, грубыя, но дѣйствительныя наслажденія болѣе тонкимъ, но совершенно призрачнымъ утѣшеніямъ. Эпикуреизмъ и новоплатонизмъ, разгулъ чувственности и умерщвленіе плоти вызваны одною историческою причиною. Идти путемъ середины, т. е. проводить въ жизнь теоретическія убѣжденія и черпать свои идеи изъ житейскаго опыта, сдѣлалось невозможнымъ, потому что жизнь располагалась по волѣ немногихъ личностей и дѣлалась жертвою случайности и произвола; тогда явились двѣ крайности; одни совершенно отказались отъ идеи и стали искать наслажденія въ физическихъ отправленіяхъ жизненнаго процесса; другіе совершенно отказались отъ жизни и стали любоваться построеніями своего мозга. Оба направленія должны быть оправданы, какъ непроизвольныя и естественныя.

отклоненія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Но если мы перенесемся къ эпохѣ Платона, то трудно будетъ себѣ представить, что могло вызвать съ его стороны враждебныя отношенія къ физическому міру явленій. Ни нравственное, ни политическое состояніе Греціи во время Пелопоннесской войны и послѣ ея окончанія не было до такой степени плохо, чтобы привести мыслителя въ отчаяніе и вызвать съ его стороны безусловное осужденіе. Многія стороны греческаго быта, напр. рабство и *известнаго рода развратъ* могли бы возмутить чело-вѣка нашей эпохи, но Платонъ не относился къ нимъ строго и не понималъ ихъ отвратительности. Рабы остаются рабами въ его идеальномъ государствѣ, а развратъ онъ идеализируетъ, видя въ немъ эстетическое стремленіе и набрасывая покрывало на физическія послѣдствія... Платонъ, какъ известно, составилъ провѣтъ идеальнаго государственнаго устройства, и кажется старался даже осуществить свой политическій идеалъ въ Сиракузахъ, въ Сициліи. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что онъ вѣрилъ въ возможность земнаго счастья, и что существующіе въ наличности матеріалы не казались ему настолько негодными, чтобы изъ нихъ было невозможно построить прочное и красивое зданіе. Какъ же послѣ этого понимать враждебное отношеніе Платона къ чувственному міру? Мнѣ кажется, его должно понимать только какъ теоретическій выводъ платоновой мысли, которому не сочувствовала и на который даже не обращала вниманія живая, человѣческая природа поэта-мыслителя. Все скверно въ матеріальной жизни, говоритъ доктрина Платона; напротивъ, все прекрасно и способно сдѣлаться еще лучше, возражаетъ его поэтическое чувство, и этотъ голосъ непосредственнаго чувства поддерживается примѣромъ его собственной жизни, свѣтлымъ колоритомъ его фантазій и чувственною яркостью самыхъ, повидимому, отвлеченныхъ его представленій. Поэтъ-мыслитель постоянно ищетъ образа и воплощаетъ свои идеи въ формы, заимствованныя изъ міра матеріи; этимъ самымъ онъ показываетъ, что этотъ міръ вовсе не внушаетъ ему отвращенія и что великая идея не оскверняется отъ соприкосновенія съ чувственнымъ явленіемъ. Но Платону было необходимо указать на источникъ и возможность зла; это такой вопросъ, котораго не обойдешь ни въ какой философской системѣ, ни въ какомъ поэтическомъ міросозерцаніи. Приписать зло волѣ Диміурга было мудро; противъ подобной мысли возмущалась и здравая логика и эстетическое чувство Платона. Навязать доброму и мудрому существу всѣ гадости и несовершенства

человѣческой жизни значило уничтожить возможность его существованія и перевернуть вверх—дномъ всю красивую систему платонова міросозданія. Олицетворить зло въ отдѣльномъ понятіи, создать идею зла и противопоставить ее идеѣ добра было также невозможно. Это подало бы поводъ къ несчастливымъ и неразрѣшимымъ вопросамъ и противорѣчій. Если зло вѣчно, то стало—быть оно естественно, а если оно естественно, то оно не есть зло. Если Диміургъ воплощаетъ въ себѣ идею могущества и отличается самыми благими стремленіями, то онъ хочетъ и долженъ истребить зло, а если онъ не истребляетъ его, то стало—быть онъ не въ силахъ сдѣлать этого. Чтобы избѣжать подобныхъ противорѣчій, Платонъ обращается къ матеріи и путемъ діалектическихъ доводовъ доказываетъ, что она—то есть невольная и бессознательная причина зла. Принужденный признать инертное могущество и вѣчность матеріи, существующей помимо воли Диміурга и только получающей отъ него свою форму, Платонъ доходитъ до теоретическаго убѣжденія, что зло есть свойство матеріи. Создавая какое нибудь существо, Диміургъ кладетъ на матерію печать извѣстной идеи, но матерія слишкомъ груба, чтобы воспринять этотъ отпечатокъ въ полной ясности и чистотѣ; матеріалъ сопротивляется рукѣ художника и это невольное сопротивленіе даже олицетворяется у Платона подъ именемъ неразумной міровой души; въ этомъ сопротивленіи и лежитъ начало зла. Изъ этого видно, что пессимизмъ Платона не вытекъ живою струею изъ его непосредственнаго чувства и не былъ вызванъ обстоятельствами и обстановкою его жизни, а выработанъ путемъ умозаключеній и никогда не проникалъ глубоко въ его личность. Противорѣчіе, въ которое впадаетъ Платонъ, развивая почти рядомъ два, чуть не діаметрально противоположныя, міросозерцанія, открываетъ намъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ его личности. Это противорѣчіе ясно показываетъ, что доктринеръ не могъ побѣдить въ Платонѣ поэта и человѣка, и что живые инстинкты и живыя симпатіи его души вылились наружу, не стѣсняясь мертвою буквою писанной системы. Но между тѣмъ доктрина развивается своимъ чередомъ; Платонъ, какъ мыслитель, выводитъ крайнія слѣдствія своей философской системы, а Платонъ, какъ человѣкъ, и жизнью и словомъ протестуетъ противъ порожденій своей собственной мысли. Впечатлительный, измѣчивый и подвижный, какъ истинный поэтъ, онъ противорѣчитъ самому—себѣ и самъ того не замѣчаетъ, самъ не думаетъ о томъ, чтобы какъ нибудь сблизить и примирить два про-

тивуположныя воззрѣнія. Обращаясь такъ нецеремонно съ собственными теоріями, Платонъ не допускаетъ подобной свободы для другихъ; его возмущаютъ существующія непоследовательности и уклоненія отъ разумности въ сферѣ частной и государственной жизни. Не будучи въ состояніи внести строгое единство даже въ міръ собственной мысли, онъ хочетъ подчинить неизмѣннымъ законамъ всѣ явленія чело-вѣческой жизни, водворить строгую правильность и разумность во всѣ отношенія между людьми въ семействѣ и въ государствѣ. На мѣсто живаго развитія жизни онъ хочетъ поставить неизмѣнное и неподвижное созданіе своей творческой мысли. Трактатъ Платона о государствѣ не есть произведеніе свободной фантазіи, не есть красивая игрушка, которой житейскую бесполезность и непримѣнимость признавалъ бы самъ творецъ. Это почти прозектъ, и любимую мыслью Платона было привести его въ исполненіе. Перестроить общество на новый ладъ, заставить цѣлый народъ жить не такъ, какъ онъ привыкъ и какъ ему хочется, а такъ, какъ, по моему убѣжденію, ему должно быть полезно,—это, конечно, такая задача, за которую теперь не взялся бы ни одинъ здравомыслящій чело-вѣкъ. Во время Платона такая задача была, вѣроятно, также неисполнима какъ и теперь, но на-видъ она должна была казаться гораздо легче уже потому, что греческая народность была разбита на множество мелкихъ государствъ и что ораторъ, стоя на площади въ Афинахъ, могъ говорить чуть не съ цѣлою національностью. Сословіе свободныхъ и полноправныхъ гражданъ было очень ограничено въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ; это сословіе одно имѣло возможность измѣнять по своему благоусмотрѣнію фазіономію государства, а умами этого сословія дѣйствительно могъ управлять любимый ораторъ или писатель. Это обстоятельство конечно не могло повести къ тому, чтобы законы и учрежденія, придуманные однимъ лицомъ и невостановленные самою почвою, могли остановить потокъ исторической жизни или дать ему произвольное направленіе; но оно могло по крайней мѣрѣ внушить Платону обманчивыя надежды; оно могло увѣрить его въ возможности составлять и прикладывать къ дѣлу прозекты государственнаго устройства.—Мы до сихъ поръ видѣли Платона какъ поэта, какъ доктринара; не раздѣляя его фантастическихъ бредней; мы принуждены были признавать въ его созданіяхъ много искренняго воодушевленія, много смѣлости и силы воображенія; не сочувствуя его нравственнымъ принципамъ, мы не могли отказать имъ въ вну-

тренней стройности и послѣдовательности. Этой послѣдовательности не повредила даже двойственность его воззрѣній на матерію и ея отношенія къ человѣческому духу; какъ мыслитель, задавшійся извѣстною идеею, Платонъ смѣло дошелъ до крайнихъ выводовъ; какъ живой человѣкъ, онъ пошелъ совершенно другою дорогою, и доказалъ такимъ образомъ въ одно и то же время силу своей творческой мысли, крѣпость своей физической природы и невозможность втиснуть жизнь въ узкія рамки теорій.—Словомъ, въ концѣ концовъ можно вывести заключеніе, что Платонъ имѣетъ несомнѣнныя права на наше уваженіе, какъ сильный умъ и замѣчательный талантъ. Колоссальныя ошибки этого таланта въ области отвлеченной мысли происходятъ не отъ слабости мысли, не отъ близорукости, не отъ робости ума, а отъ преобладанія поэтическаго элемента, отъ сознательнаго презрѣнія къ свидѣтельствамъ опыта, отъ самонадѣяннаго, свойственнаго сильнымъ умамъ стремленія вывести истину изъ глубины творческаго духа, вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть и изучить ее въ единичныхъ явленіяхъ. Несмотря на свои ошибки, несмотря на полную несостоятельность своей системы, Платонъ можетъ быть названъ по всей справедливости родоначальникомъ идеалистовъ. Составляетъ ли это обстоятельство важную заслугу передъ лицомъ человѣчества, это конечно такой вопросъ, на который отвѣтять различно представители различныхъ направленій въ области отвлеченной мысли; но какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, все-таки никто не откажетъ Платону въ почетномъ мѣстѣ въ исторіи науки. Есть такія гениальныя ошибки, которыя оказываютъ возбуждательное вліяніе на умы цѣлыхъ поколѣній; сначала увлекаются ими, потомъ къ нимъ становятся въ критическія отношенія; это увлеченіе и эта критика долгое время служатъ школою для человѣчества, причиною умственной борьбы, поводомъ къ развитію силъ, руководящимъ и окрашивающимъ началомъ въ историческихъ движеніяхъ и переворотахъ. Но Платонъ не остановился въ области чистаго мышленія и не понялъ того, что, пренебрегая опытомъ и единичными явленіями, нельзя понимать истиннаго смысла исторической и государственной жизни. Онъ ввязался за рѣшеніе практическихъ вопросовъ, не умѣя ихъ даже поставить какъ слѣдуетъ; его попытки въ этомъ родѣ до такой степени слабы и несостоятельны, что онѣ распадаются въ прахъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики; въ этихъ попыткахъ нѣтъ ни разумной любви къ человѣчеству, ни уваженія къ отдѣльной личности, ни художес-

твенной стройности, ни единства цѣли, ни нравственной высоты идеала. Представьте себѣ причудливое и некрасивое зданіе, съ арками, фронтонами, портиками, бельведерами и колоннадами, неимѣющими никакого практическаго назначенія, и вы получите понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на читателя трактаты Платона *о государствѣ и о законахъ*. «Первая цѣль государства, по мнѣнію Платона, сдѣлать гражданъ добродѣтельными, обезпечить вещественное и нравственное благосостояніе всѣхъ и каждаго» (стр. 223.). Новые изслѣдователи, напр. Вильгельмъ Гумбольдтъ. (*Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*) смотрятъ на дѣло иначе, и опредѣляютъ государство какъ охранительное учрежденіе, избавляющее отдѣльную личность отъ оскорбленій и нападокъ со стороны вѣншихъ и внутреннихъ враговъ. Этимъ опредѣленіемъ они избавляютъ взрослого гражданина отъ своеобразной и непрошеной опеки, которая въ продолженіе всей жизни тяготѣетъ надъ нимъ въ государствѣ Платона. Оставляя въ сторонѣ невѣрность основнаго взгляда, мы увидимъ, что даже та цѣль, которую задается Платонъ, не можетъ быть достигнута тѣми средствами и прѣмами, которые предлагаются въ его трактатахъ. Граждане должны быть добродѣтельны, а между тѣмъ Платонъ предписываетъ имъ такіа оскорбительныя стѣсненія, противъ которыхъ возмущается нравственное и эстетическое чувство; уму читателя представляется такая дилемма; или граждане, какъ порядочные люди, не вынесутъ этого стѣсненія и тогда всѣ учрежденія Платона пойдутъ прахомъ; или они подчинятся этимъ стѣсненіямъ и, систематически развращенные ими, потеряютъ способность быть добродѣтельными. Добродѣтель, даже какъ понимаетъ ее Платонъ, и соблюденіе законовъ въ его идеальномъ государствѣ, составляютъ два несовмѣстимыя начала. Мудрость, мужество, самообладаніе и справедливость представляются четырьмя главными добродѣтелями въ нравственной философіи Платона. Спрашивается, которая изъ этихъ четырехъ добродѣтелей отнимаетъ у человѣка право свободной критики и приводитъ къ безусловному повиновенію? Если же ни одна изъ этихъ добродѣтелей не пригодна для послушныхъ гражданъ идеальнаго государства, то это значитъ, что Платонъ отдѣляетъ идеальнаго человѣка отъ идеала гражданина. Многіе мыслители древности, между прочими и Аристотель въ своей политикѣ, говорятъ, что добродѣтель доступна только полноправнымъ гражданамъ и не существуютъ ни для раба, ни для

ремесленника, ни для женщины. Но Платонъ, подчиняя *есть* гражданъ своего государства неестественнымъ и оскорбительнымъ стѣсненіямъ, идетъ гораздо дальше. Онъ даетъ обществу такое устройство, которое самымъ фактомъ своего существованія дѣлаетъ невозможнымъ не только осуществленіе идеала, но даже стремленіе къ нему. Со стороны мыслителя, по понятіямъ котораго вѣтъ идеала вѣтъ спасенія, такого рода распоряженія должны показаться чрезвычайно оригинальными. Если идеаль челоуѣка неосуществимъ даже теоретически въ гражданскомъ обществѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что челоуѣку слѣдуетъ жить и развиваться вѣтъ общества, или же что пресловутый идеаль есть бесполезная игрушка празднаго воображенія. Ни то, ни другое заключеніе не поврвилось бы Платону, но устранить оба заключенія можно только отказавшись отъ утопической теоріи, или перестроивъ идеаль. Въ государствѣ Платона есть чиновники, воины, ремесленники, торговцы, рабы и самки, но людей нѣтъ и не должно быть. Каждая отдѣльная личность есть извѣстной формы и величины винтъ, шестерня или колесо въ государственномъ механизмѣ; кромѣ этой служебной должности, онъ ни въ какомъ кругу не имѣетъ никакого значенія; онъ не сынъ, не братъ, не мужъ, не отецъ, не другъ и не любовникъ. Съ минуты рожденія его отрываютъ отъ груди матери и помѣщаютъ въ воспитательный домъ; его не показываютъ родителямъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и его происхожденіе умышленно забывается; его воспитываютъ наравнѣ со всѣми дѣтьми его возраста и онъ, какъ только начинаетъ поминуть и сознавать себя, чувствуетъ, что онъ казенная собственность, несвязанная ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ въ окружающемъ его мѣрѣ. Онъ вырастаетъ и получаетъ извѣстную должность; его дѣлають воиномъ и военныя упражненія становятся главнымъ его занятіемъ и развлеченіемъ; въ эти упражненія онъ, какъ хорошій гражданинъ, обязанъ влагать тѣ остатки энергіи и души, которыхъ не успѣло засушить школьное воспитаніе. Когда у него появляется борода и развивается мужеская сила, его осматриваетъ и свидѣтельствуетъ *особый сановникъ* (стр. 265) и потомъ приводитъ къ нему молодую дѣвушку, которая, по его убѣжденію, годится ему въ жены. Приплодъ идетъ на пользу общества и съ нимъ поступаютъ точно также, какъ поступали съ его родителями. Когда мужчина становится старикомъ, его дѣлають гражданскимъ чиновникомъ и опредѣляютъ въ одно изъ существующихъ вѣдомствъ; онъ становится

судью, казначею или воспитателем юности, смотря по тому, на что его найдутъ годнымъ. Занятіе торговлею или ремесломъ считается унизительнымъ для полноправнаго гражданина и запрещено законами. Внѣшнія формы, въ которыя должны воплотиться эти политическія убѣжденія, едва набросаны въ сочиненіяхъ Платона. Онъ считаетъ нужнымъ, чтобы во главѣ государства стояли достойнѣйшіе и мудрѣйшіе, но ему рѣшительно все равно, будетъ ли тамъ одинъ мудрѣйшій или нѣсколько мудрѣйшихъ. Демократическая форма правленія ему противна, какъ аристократу по рожденію и какъ человѣку, считающему себя неизмѣримо выше массы по умственнымъ силамъ и по нравственному достоинству. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ книги г. Клеванова, въ которыхъ эта сторона теоріи Платона очерчена довольно ясно. «Относительно вопроса: правительство должно ли быть основано на согласіи народа или дѣйствовать на него силою, Платонъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что, если нужно согласіе массъ народа, то никакія, самыя благоразумныя учрежденія не могутъ быть никогда приведены въ дѣйствіе. Сознующій свои обязанности правитель долженъ поступать съ зависящими отъ него людьми какъ благоразумный врачъ; не спрашиваясь ихъ согласія, волею-неволею долженъ давать онъ имъ горькое, но полезное лекарство» (стр. 225). «Далѣе Платонъ говоритъ, что неблагоразумно было бы мудраго правителя стѣснять законами» (стр. 225). «Вообще Платонъ приходитъ къ рѣшительному убѣжденію, что массы народа неспособны управлять сами собою и что невозможно требовать, чтобы имъ когда-нибудь было доступно и понятно истинное искусство управленія» (стр. 226). «Но Платонъ, имѣя самое невыгодное понятіе о степени нравственнаго развитія массъ народныхъ, не могъ допустить, чтобы большинство людей подвластныхъ терпѣливо и съ покорностью сносили власть мудрецовъ; а потому Платонъ долженъ былъ вооружить своихъ правителей-философовъ такою властью, которой было бы достаточно для приведенія въ исполненіе ихъ распоряженій; вслѣдствіе этого они должны были имѣть всегда подъ руками достаточное число дѣятельныхъ и способныхъ исполнителей. Такимъ образомъ уяснилась для Платона потребность въ отдѣльномъ сословіи воиновъ, которое должно имѣть цѣлью своей дѣятельности не столько защиту государства извнѣ, сколько поддержаніе внутри его порядка и общественнаго спокойствія» (стр. 229). «А потому Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, запрещая ложь частному человѣку, допускаетъ обманъ,

какъ средство управленія въ рукахъ властителей» (стр. 218). Эти выписки прямо показываютъ, что, по понятіямъ Платона, со стороны правителей не существуетъ обязанности въ отношеніи къ управляемымъ личностямъ; обманъ, насиліе, произволъ допускаются какъ средства управленія. Законы нравственности, существующіе для частныхъ лицъ, теряютъ обязательную силу для государственныхъ дѣятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить о степени ихъ мудрости отнимается у наиболѣе-заинтересованныхъ личностей и предоставляется, кажется, одному Деміургу. Съ одной стороны произволъ имѣетъ только тѣ границы, на которыхъ онъ самъ заблагоразсудитъ остановиться. Съ другой стороны, покорность не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Если она начинаетъ ослабѣвать, ее слѣдуетъ подкрѣплять искусственными средствами, нравственными или физическими, слабыми или сильными, смотря по комплекціи пациента и по благоусмотрѣнію врача. Устраненіе вредныхъ вліяній должно играть важную роль въ курсѣ воспитанія или леченія, которому должны подвергаться граждане идеальнаго государства. Гомеръ изгоняется, какъ безнравственный сказочникъ. Многіе пересочищаются и пропитываются высокими идеями. Статуя Аполлона и Афродиты въ интересахъ приличія прикрываются костюмомъ. Чтобы сосѣдніе народы не могли вводить въ соблазнъ гражданъ идеальнаго государства, сношенія съ иностранными землями должны быть по возможности затруднены и ограничены: «путешествія за границу дозволены только людямъ зрѣлаго возраста и притомъ не иначе, какъ или для собственнаго образованія, или для государственныхъ цѣлей. По возвращеніи граждане должны подвергаться испытанію, не принесли ли они съ собою вредныхъ убѣжденій» (стр. 267). Разбирать подобныя положенія бесполезно; они сами говорятъ за себя очень громко и краснорѣчиво. Позволю себѣ замѣтить, что, къ чести человѣчества, духъ политическихъ идей Платона никогда не пытался завоевать себѣ мѣсто въ дѣйствительности. Сумасброднѣйшіе деспоты Ксерксъ персидскій, Калигула и Домиціанъ, никогда не пробовали по черкомъ пера уничтожить семейство и поставить свой народъ на степень конскаго завода. Къ счастью для своихъ подданныхъ, эти господа не были филосогами; они казнили людей для препровожденія времени, но по-крайней-мѣрѣ они не реформировали человѣчества и не старались систематически развратить своихъ согражданъ. Просвѣщенные и умные деспоты, въ родѣ Людовика XI, Тиверія и Ферди-

нанда католическаго оказывали на своихъ подданныхъ сознательное вліяніе, но ихъ проэскты и отдаленнѣйшія мечты никогда не достигали того величія и той смѣлости, которыми отличаются идеи Платона. Стремленія у нихъ были общія; но, увлекаясь поэтическимъ гениемъ, Платонъ проводитъ эти стремленія съ безпримѣрною силою; злѣйшимъ врагомъ этихъ стремленій былъ могущій духъ критики и сомнѣнія, элементъ свободнаго мышленія и личной оригинальности, и этотъ элементъ ненавистенъ Платону; нравственною опорою имъ служила вывѣска народнаго блага, и эту-же вывѣскою пользуется Платонъ; матеріальною поддержкою ихъ было войско, и эта-же самая сила имѣетъ важное мѣсто въ государствѣ Платона. Эти правители, подобно мудрецамъ идеальнаго государства, считали себя достойнѣйшими и лучшими изъ своихъ сограждаемъ людьми, призванными быть воспитателями и врачами неразвившагося и нравственно-большаго человечества. Римскія пытки и казни, испанская инквизиція, походы противъ Альбигойцевъ, клетка кардинала *La Value*, костеръ Гусса, Вареломеевская ночь, Бастилія и проч. и проч. могутъ быть названы *горькими, но полезными* лекарствами, которыя въ разныя времена и въ разныхъ дозахъ врачи человечества давали своимъ пациентамъ *волею—неволею, не спрашиваясь ихъ согласія*. Принципъ, проведенный Платономъ въ его трактатахъ о государствѣ и о законахъ, не безызвѣстенъ новѣйшей европейской цивилизаціи. ✓

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.

10 апрѣля.

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССИИ. Книга III.

«Архивъ» г. Калачова въ нашей литературѣ своимъ появленіемъ даетъ, такъ сказать, праздникъ для занимающихся вопросами по русской исторіи и вообще для любителей этой науки. Издатель съ 1850 года ведетъ свое изданіе, наполненное столько же любопытными и неизвѣстными до тѣхъ поръ памятниками русской старины, сколько и замѣчательными изслѣдованіями русскихъ ученыхъ. Много такого, что повело науку къ дальнѣйшему ея развитію, появилось въ Архивѣ, и потому Архивъ до сихъ поръ оставался и будетъ оставаться впереди одною изъ важнѣйшихъ настольныхъ книгъ для изученія русской исторіи. Въ предшествовавшіе настоящему году г. Калачовъ обратился къ изданію другаго Архива: вмѣсто Архива историческо-юридическихъ свѣдѣній, онъ сталъ издавать Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній уже не въ формѣ сборника, свободнаго какъ по отношенію ко времени появленія своихъ книгъ въ свѣтъ, такъ и по ихъ количеству, а въ формѣ журнала, который долженъ былъ выходить въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ числѣ книгъ. Къ сожалѣнію, виѣшняя журнальная способность редактора и издателя оказалась далеко ниже его несомнѣнныхъ достоинствъ, какъ добросовѣстнаго, талантливаго и ученаго изслѣдователя по русской исторіи и правовѣднію. Архивъ—журналъ выходитъ очень неаккуратно, и это было причиною, что онъ былъ вообще мало распространенъ въ читающей публикѣ. А между тѣмъ въ немъ есть много дѣльнаго и важнаго по обѣимъ отраслямъ, которыхъ обработка служила ему цѣлью. Теперь г. Калачовъ принимается за прежній Архивъ, Архивъ—сборникъ, спеціальнѣе относящійся къ русской исторіи, чѣмъ Архивъ—журналъ. Привѣтствуемъ явленіе давно забывшаго насъ гостя, тѣмъ болѣе, что бесѣда съ этимъ гостемъ чрезвычайно пріятна и поучительна.

Статьи, заключающіяся въ III части Архива, раздѣлены авторомъ на отдѣленія, которыя не вполне ясны, и помѣщенные въ нихъ статьи не соответствуютъ заглавіямъ; такъ напр. третье отдѣленіе озаглавлено: «Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ», и вторая статья въ этомъ отдѣленіи «Крестьяне въ югозападной Руси XVI вѣка» если что-нибудь и доставить для словаря юридическаго, то безъ сомнѣнія, и по своему объему, и по цѣли, съ какою писана, и наконецъ по своему внутреннему достоинству можетъ разсматриваться какъ сочиненіе самобытное, а не приготовительное для словаря. Равнымъ образомъ отдѣленіе четвертое озаглавлено: «Дополненія и приложенія къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ, изданіямъ матеріаловъ, касающихся внутренняго быта Россіи», но статья редактора г. Калачова едва ли не скорѣе можетъ разсматриваться какъ отдѣльное цѣлое, а не дополненіе. Поэтому и мы не станемъ въ нашемъ разборѣ держаться строго послѣдовательности, въ какой помѣщены эти статьи, а будемъ говорить о нихъ по мѣрѣ важности и занимательности ихъ для насъ самихъ.

Во второмъ отдѣленіи, посвященномъ матеріаламъ для русской исторіи, помѣщено въ высокой степени любопытное дѣяніе синода въ Константинополѣ въ 1389 г. о духовномъ единствѣ Россіи. Это переводъ съ греческаго, но авторъ не приложилъ подлинника, извиняясь тѣмъ, что не убѣжденъ въ его точности, тѣмъ болѣе, что документы константинопольскаго патріархата XIII и XIV вѣковъ вообще печатаются Миклошичемъ въ Вѣнѣ.

Русская церковь, насажденная Греками и зависѣвшая отъ константинопольскихъ патріарховъ, всегда была единою, и патріархи соблюдали это единство и старались о его поддержаніи. Несмотря на самобытное развитіе мѣстной жизни по землямъ, несмотря на дробленіе Россіи въ административномъ отношеніи по княженіямъ, церковь сохраняла свое единство и была самымъ важнѣйшимъ агентомъ связи частей и сознанія общаго отечества въ русскомъ народѣ. Во взаимодѣйствіи двухъ укладовъ, удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго, очень естественно было церкви клониться на сторону послѣдняго и давать ему перевѣсъ, когда только представлялась возможность. Православіе, воспитанное на почвѣ римской имперіи, укрѣпило въ своихъ взглядахъ и дало единство верховной власти; коль скоро народъ со-

знаеть себя единымъ народомъ, должна быть и единая власть: эта единая власть воплощается въ особѣ монарха неограниченнаго и самодержавнаго, окруженнаго служащими ему знатными родами. Такой образъ нормальной власти освятился православіемъ, какъ угодный Богу, ибо соборы, на которыхъ выработалось строеніе православной церкви, происходили подъ властью императоровъ. Русское политическое устройство не вполне совпадало съ православными понятіями и по раздѣленію всего народнаго тѣла—на части, неподчиненныя одна другой, и по свободѣ князей, и наконецъ по вѣчовому началу. Идеаломъ государства по церковному понятію было однообразіе, такъ какъ въ отношеніи церкви члены ея представляли чрезвычайное однообразіе. Монархическія идеи о единствѣ государственнаго тѣла и единой самодержавной власти сообщены были нашимъ предкамъ отъ Грековъ, путемъ сближенія церковнаго. Коричная была первой книгой, познакомившею ихъ съ единовластительнымъ порядкомъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ митрополитовъ и архіереевъ, когда только они являлись съ участіемъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ, видно предпочтеніе къ монархическому началу. Оно было какъ нельзя естественнѣе въ тѣ времена. По своей обязанности христіанскихъ пастырей, водворителей мира, тишины, спокойствія, должны были смущаться такимъ порядкомъ, который былъ источникомъ нескончаемыхъ ссоръ и междоусобій и давалъ широкій просторъ и необузданности личныхъ страстей, и симпатіямъ и антипатіямъ массъ, выражавшихся то въ смыслѣ народной толпы, то въ смыслѣ вольной шайки дружинниковъ. Церковь должна была въ лицѣ своихъ представителей соболѣзновать и о матеріальныхъ бѣдствіяхъ, кровопролитіяхъ, разореніяхъ, какія народъ терпѣлъ отъ этихъ нескончаемыхъ смуть, и о нравственномъ его упадкѣ; ей невозможно было водворить въ такомъ хаосѣ миръ и спокойствіе—условія земной жизни для христіанскаго благочестія. Единственный способъ, какой для этого представлялся воображенію и понятіямъ духовныхъ, было единовластіе. Это казалось также единственнымъ средствомъ когда-либо освободиться отъ рабства подъ властію невѣрныхъ. Церковь схватилась за идею единовластія какъ за самое ближайшее къ цѣли и за самое нормальное по ея ученію. Въ какой бы мѣстности ни проявилось энергически къ нему стремленіе, туда обратилось бы и благословеніе церкви. Оттого—то оно и почло надъ Москвою. Прозорливый Петръ, волянецъ по мѣсту происхожденія, южнорусъ по народности, ничего,

повидному, неимѣвшій общаго съ отдаленною отъ его родины Москвою, посланный мѣстными властями приобрести санъ митрополита, съ тѣмъ, чтобы послѣ оставаться въ своей родинѣ и даровать ей значеніе въ русскомъ мирѣ, забываетъ ее и передаетъ чуждой Москвѣ то, что долженъ былъ принести на свою родину. Общерусское значеніе его сана взяло въ немъ верхъ надъ мѣстными привязанностями: послѣднія были уже мелки для архипастыря. Онъ подружился съ Іоанномъ и остался въ Москвѣ, потому что мудрый князь московскій умѣлъ поставить себя такъ, что только въ московской землѣ было спокойно жить, когда повсюду существованіе общества не было безопасно и отъ татарскихъ набѣговъ, и отъ внутреннихъ беспорядковъ. Народонаселеніе приливало къ Москвѣ изъ южной Руси, какъ будто тяготѣя туда вслѣдъ за архипастыремъ, своимъ землякомъ. Онъ сблизился съ этимъ княземъ вѣроятно и потому, что его единовластительныя идеи въ своемъ зародышѣ совпадали съ идеєю церковнаго единства русскаго міра, которое по преданію поддерживалъ и сохранялъ митрополитъ. По проложенному имъ пути пошли и другіе. Московское политическое первенство освятилось благословеніемъ церкви и начало идти рука объ руку съ духовнымъ единствомъ Россіи. Послѣдующіе митрополиты признавали Москву своею постоянною столицей, хотя продолжали именоваться кievскими. Преемникъ Феогноста, правившаго церковью послѣ Петра, Алексѣй, болѣе другихъ рѣзко и энергически сознавалъ и проявлялъ необходимость помогать церковнымъ значеніемъ своимъ дѣлу, которое проводила Москва. Какъ его дѣйствія соглашались съ московскою политикою, показываетъ умѣнье, съ какимъ онъ, воспользовавшись обстоятельствами, приобрѣлъ расположеніе ордынскаго двора. Онъ раздѣлялъ съ Москвою мысль поддерживать до поры до времени благосклонностью хановъ благосостояніе церкви, такъ какъ политическое возвышеніе Москвы поддерживалось тѣмъ же средствомъ. Еще въ 1353 году Симеонъ завѣщалъ въ своей духовной братьямъ: *слушали бы есте отца нашего владыки Олексыя, такоже старыхъ бояръ, што хотѣлъ отцю нашему добра и намъ* (*). Эти-то старые бояре во время малолѣтства Дмитрія Ивановича совершили важное дѣло: выпросили въ орду княженіе маленькому своему князю, въ противность стародавнимъ обы-

(*) Собр. госуд. грам., 1. 38.

чаемъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что митрополитъ Алексѣй участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, и можетъ быть руководилъ имъ. Въ княженiе Дмитрiя онъ постоянно дѣйствовалъ въ пользу московскаго первенства надъ другими землями и князьями. Несомнѣнно, онъ руководилъ великимъ княземъ въ спорѣ съ Дмитрiемъ суздальскимъ и устроилъ миръ между ними, выгодный для московскаго князя. Онъ, въ санѣ митрополита, распоряжался въ суздальской землѣ съ тѣмъ же сознаниемъ воли, какъ московскiй князь въ своей сферѣ. Когда въ 1364 году возникъ споръ между братьями Дмитрiемъ и Борисомъ, и московскiй великiй князь принялъ сторону Дмитрiя, Алексѣй отправилъ преподобнаго Сергiя съ требованiемъ звать Бориса въ Москву и далъ ему власть подобную той, какую на западѣ папы давали своимъ легатамъ. За упорство Бориса Сергiй, *по митрополичу слову алексѣеу и великого князя Дмитрiя Ивановича*, наложилъ отлученiе на всю страну и прекратилъ въ ней богослуженiе (*церкви вся затвори*). Такъ, важностью своего духовнаго сана, принуждалъ первопрестольникъ князей повиноваться верховному рѣшенiю великаго московскаго князя, какъ единаго установителя тишины и спокойствiя; въ самомъ же дѣлѣ это рѣшенiе было дано только именемъ великаго князя, но исходило, по его молодости, отъ московскихъ бояръ. Въ тотъ же годъ Алексѣй, безъ собора, единою волею своею, измѣнилъ предѣлы суздальской епархiи (*отня епископiю новгородскую и городецкую у владыки суздальскаго Алексiя*). Поступки Москвы въ то время не могли казаться справедливыми для другихъ земель, и часто сопровождалась насилiями. Не знаемъ, въ какой степени участвовалъ Алексѣй въ изгнанiи князей Дмитрiя галицкаго и Ивана Федоровича стародубскаго (Никоновск. лѣт. IV 5), но лѣтописецъ указываетъ на прямое его участiе въ дѣлѣ съ тверскимъ княземъ въ 1367 году, когда его зазвали въ Москву подъ предлогомъ третейскаго суда и взяли въ неволю съ прибывшими съ нимъ боярами тверской земли (*князь великий Дмитрей Ивановичь, внукъ Ивановъ правнукъ Даниловъ, праправнукъ блаженнаго Александра, со отцемъ своимъ преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ киевскомъ и всеа Русii, зазваша любовiю к себѣ на Москву князя Михаила Александровича тверскаго и потомъ составиша с нимъ рѣчи, также ни томъ бысть имъ судъ на третей на миру въ правде, да его изымали, а что были бояре около его тѣхъ всѣхъ поимали и разно развели, и быша вси въ няти*

и державна ихъ во истомленнѣ великомъ (Никон. 19). Событіе это не осталось безъ послѣдствій. Оно было сдѣлано опрометчиво. Не успѣвъ приобрести ничего кромѣ Градка, который въ то время захватили Москвичи и посадили въ немъ намѣстника, Дмитрій и Алексѣй выпустили тверскаго князя, испугавшись приходу Татаръ, которые, какъ носились слухи, шли вызволять узниковъ. Тутъ не былъ конецъ. Съ этихъ поръ вражда непримиримая осталась съ тверскимъ княземъ, тверской князь былъ шуринъ Ольгерда. Насиліе, сдѣланное такъ неудачно, повлекло одинъ за другимъ два похода Ольгерда, опустошительные и тягостные для московской земли: со времени Калиты, искусно оградившаго ее отъ тогдашнихъ тревоженій, жители ея въ первый разъ испытали печальное посѣщеніе ратныхъ; много селъ и деревень истреблено, много народу уведено въ неволю, много слезъ неутѣшныхъ пролилось, и московскій посадъ, расселившійся правильно подъ гостепримнымъ Кремлемъ, два раза былъ обращенъ въ пепель. Сверхъ того, тверской князь нашелъ себѣ управу въ Ордѣ и выхлопоталъ тамъ себѣ великое княженіе. Но Алексѣй теперь направлялъ собственную ошибку. Ханскій посолъ, одаренный тверскимъ княземъ, шелъ съ нимъ вмѣстѣ, возводить его на великое княженіе въ Москвѣ, рассчитавъ, что лучше больше дать, и тотъ же судья, который теперь стоитъ за Тверь, станетъ за Москву. Его пригласили въ Москву и великій князь почти его звалъ, и о семъ благодарствень бысть (Ник. IV. 29). Что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Алексѣй, видно ясно изъ того, что онъ лично провожалъ великаго князя за Оку, когда великій князь, напутствуемый благословеніемъ архипастыря, поѣхалъ въ Орду для того, чтобъ учестовавши хорошенько татарскихъ князей, воротиться съ безспорнымъ правомъ на великое княженіе. Когда Дмитрій воротился изъ Орды, приведенный оттуда съ нимъ князь тверской Иванъ Миканловичъ былъ посаженъ у митрополита на дворѣ до тѣхъ поръ, пока заплатитъ долгъ, который заплатилъ за него московскій князь въ Ордѣ. Такъ митрополитъ былъ правою рукою великаго князя, его руководителемъ и участникомъ въ московской политикѣ.

Политика эта естественно не нравилась въ другихъ земляхъ, и понятно, что Алексѣя не любили. Но нигдѣ столько онъ не возбуждалъ противъ себя оппозиціи, какъ въ западной и южной Руси, ибо тамъ возникла государственная оппозиція въ литовскомъ великомъ княжествѣ и захватившемъ значительное пространство русской земли

и через то соперничавшемъ съ Москвою. Алексѣй, озабоченный не только церковными, но и политическими дѣлами, оставилъ безъ вниманія южную и западную Русь, хотя и претендовалъ на право церковнаго управленія и правилъ ею черезъ своихъ намѣстниковъ. Католичество, всегда посягавшее на подчиненіе себѣ русскаго міра, видѣло въ этомъ положеніи возможность проводить свои виды. Брошенная своими первопрестольникомъ, южная Русь тяготилась этимъ сиротствомъ столько же, сколько и страдала отъ него церковь. Потребность отдѣльнаго митрополита давно уже тамъ чувствовалась, но патріархи не рѣшались раздвоить русскую церковь. Уже два митрополита были поставлены предъ тѣмъ, но по смерти Романа въ 1361 г. патріархъ опредѣлилъ, чтобы впередъ отнюдь не раздвоить русской митрополіи. Вообще православіе туго соглашалось на измѣненія и нововведенія въ своемъ управленіи. На этотъ разъ опасеніе, чтобы по причинѣ отсутствія митрополита и совершеннаго небреженія о церкви Алексѣя, князя, а за ними и народъ не стали переходить въ католичество, побудило патріарха исполнить желаніе мѣстныхъ властей, и онъ посвятилъ въ особые митрополиты Кипріяна, но не раздѣляя совершенно іерархіи: Кипріянъ назначался только временно особымъ митрополитомъ, пока жилъ Алексѣй, а по смерти послѣдняго долженъ былъ заступить его мѣсто и быть единственнымъ первопрестольникомъ, какъ было прежде. Настоящій документъ изображаетъ намъ положеніе дѣлъ въ русской церкви, разъясняетъ темныя стороны въ этомъ вопросѣ и указываетъ положительно на то, что до сихъ поръ на основаніи сочетанія событія можно было утверждать только на основаніи вѣроятности.

«За нѣсколько уже лѣтъ рукоположенъ былъ въ митрополиты кievскіе и вся Россіи святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Филоеомъ, въ первое его патріаршество, посланный оттуда епископъ владимірскій киръ Алексѣй. Этотъ, отправившись туда и объявъ столь великую область, неодинаково ко всѣмъ былъ расположенъ, ниже одинаково печаловался обо всѣхъ съ тѣмъ, чтобы всѣмъ угодивъ, представилъ въ день судный отчетъ Богу. Когда же великій князь московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него надзоръ и опеку надъ сыномъ Дмитріемъ и все о немъ смотрѣніе, то онъ немедля весь предался одному о немъ печалованію. Презрѣвъ естественные законы и правила, воспріялъ мірскую власть вмѣсто пасенія и наставленія

христіанъ. И заботясь о враждахъ, войнахъ и битвахъ, хотя и призванный поучать миру и согласію, оставилъ безъ епископскаго прирѣнія всю литовскую епархію и всю страну, надъ которой владѣлъ великій князь, огнепоклонниковъ (*πυρολατρων*) и ее и митрополию всея Россіи, именно Кіевъ. Отсюда раздоры и распри и войны съ пролітіемъ крови всѣхъ князей другъ противъ друга и противъ ихъ собственнаго пастыря, виновника всего этого.

«Узнавши о томъ, святѣйшій оный патріархъ сперва нарочными посланіями поучалъ князей и подобающимъ образомъ увѣщевалъ ихъ воздержаться отъ распрей и взыскать мира, честиѣ котораго нѣтъ ничего. Нетолько это, но и еще и къ митрополиту писалъ и увѣщаніями и угрозами наставнически понуждалъ не дѣлать неподобнаго сану, дабы вмѣсто мира и согласія, дарованныхъ намъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, онъ, поставленный миротворцемъ, пробуждая междоусобія и распри и войны, не поощрялъ князей къ раздорамъ. Князья же, раскаявшись и чтя патріаршія грамоты и повинувшись многимъ его увѣщаніямъ и поученіямъ, согласились быть готовыми принять митрополита, если захочетъ къ нимъ отправиться и прекратить прежніе соблазны, сознавая, что это принесетъ имъ и душевную и тѣлесную пользу. Но митрополитъ, который еще болѣе долженъ былъ къ тому поощрять и другихъ, какъ наставникъ мира и незлобія, нетолько не воспользовался нисколько патріаршими увѣщаніями, какъ этого требовалъ санъ и положеніе первосвященника, но и показалъ себя въ этомъ дѣлѣ гораздо меньшимъ мірскихъ владѣтелей. Отказался совѣтъ отъ мира, ни во что считая патріаршія грамоты и пользу, изъ нихъ пристраивавшую.

«Тогда патріархъ, увидѣвъ, что грамоты ничего не помогаютъ, послалъ собственнаго монаха, нынѣ преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Россіи, человѣка миролюбиваго и богобоязненнаго, умѣющаго хорошо пользоваться обстоятельствами и порядкомъ управлять дѣлами. Послалъ его, чтобы примирилъ князей другъ съ другомъ и съ митрополитомъ и еще устроилъ такъ, дабы митрополитъ отправившись къ нимъ, навѣстилъ собственную митрополию, отъ которой устранялся девятнадцать лѣтъ, и навѣстилъ и прочій тмочисленный народъ, лишенный столько лѣтъ его поученія и навѣщенія. Когда это случилось, то князья показали еще больше послушанія къ патріарху и охотно приняли его совѣты, немедля отправивъ пословъ къ митрополиту. Они обязались страшными клятвами почитать собствен-

наго митрополита и оказывать ему всю честь, послушаніе и любовь, на случай, если что-либо будет нарушающаго его честь и если не будут исполнять его желаній.

«Оказалось, что онъ дѣлалъ противное. Онъ почелъ себѣ враждебными и патріаршія увѣщанія и упомянутаго посла, и всячески отказывался отправиться къ нимъ. Любовь къ собственнымъ дѣтямъ, которыхъ великая христова церковь по евангелію хорошо ему усновила, всячески нехорошо отвергалъ. Это еще болѣе пробуждало къ гнѣву князей и разъярило на него, потому что они вмѣнили дѣло это въ знакъ личнаго презрѣнія. И такъ, они положили между собою рѣшеніе никогда не принимать его, даже если захочетъ къ нимъ отправиться. Писали притомъ къ патріарху всѣ вмѣстѣ и предложили прискаты иного архіерея. А патріархъ и такъ ихъ просьбы не принималъ, но опять писалъ къ митрополиту, совѣтуя, какъ надлежитъ, дабы съ князьями примирился и отправился къ нимъ и духовно бы призрѣлъ собственныхъ дѣтей. Но онъ какъ камень (ἀσπίς) глухъ былъ на зовъ, гласящій ему полезное и выгодное. Дотого дошло, что даже не удостоился писавшій отвѣта и посрамленіе было на его головѣ.

«Недовольные князья, отказавшись отъ предложенія, послали большое посольство съ грамотами къ святѣйшему оному патріарху, ихъ божественному и священному синоду, упрасивая и умоляя дать имъ другаго архіерея, который бы умѣлъ ихъ духовно призирать и поучать и наставлять о душеполезномъ и спасительномъ. А если цѣли своей не достигнуть, будутъ готовы приступить къ другой церкви, отступившей предъ многими годами отъ правыхъ ученій и отчужденной отъ православной церкви христіанъ.

«Въ такомъ случаѣ что нужно было дѣлать великому оному божьему челоуѣку и поистинѣ патріарху? Не слѣдовало дѣлать Россію на двѣ митрополіи, ниже презрѣть столькій народъ, лишенный столько лѣтъ архіерейскаго призрѣнія и вытекавшаго изъ него о священія, народъ, желавшій получить это по причинамъ истиннымъ и праведнымъ и съ искреннымъ прошеніемъ. Поэтому патріархъ, собравъ душевныя силы и заключивъ себя въ духъ и призвавъ избранныхъ архіереевъ, воспользовавшись ими какъ совѣтниками и искренними увѣщателями, пошелъ въ дѣлъ о томъ срединою. Чтобы, слѣдственно, столь великій народъ не остался безъ призрѣнія, и еще, чтобы онъ не предался совсѣмъ пагубѣ и душевной гибели приложе-

вѣсть себя къ чуждой церкви, съ величайшею осмотрительностію низошелъ къ просьбѣ нуждающихся. И такъ рукоположилъ реченнаго киръ Кипріана въ митрополиты кievско-россійскіе и Литвы, этихъ именно мѣсть, которыя оставилъ безъ призрѣнія на многіе годы митрополитъ киръ Алексій. А чтобы древнее устройство Россіи сохранилось и чтобы опять и впередъ она нашлась подъ однимъ митрополитомъ, то синодальнымъ дѣяніемъ узаконилъ, чтобы послѣ смерти киръ Алексія Кипріанъ объявлялъ и всю Россію, и такимъ образомъ былъ одинъ митрополитъ всея Россіи. И сказывалъ, что и нынѣ эта митрополія не раздѣляется на двѣ, ибо недавнее рукоположеніе Кипріана есть дѣло настоящей причины и неотлагаемой нужды, дабы весь народъ не преданъ былъ погибели. А что опять долженъ былъ быть одинъ митрополитъ російскій, этого требовала и справедливость и польза и обычай. И благо было бы, еслибъ до конца сохранились такое дѣяніе и такое положеніе въ часъ невзгодія. Послѣ смерти киръ Алексія былъ бы Кипріанъ обладателемъ цѣлой російской церкви, а соборная апостольская христова церковь была бы опять свободна отъ взведенныхъ на нее по этимъ обстоятельствамъ несправедливыхъ порицаній, роптаній и обидь.»

Изъ нашихъ источниковъ извѣстно, что великій князь не пожелалъ имѣть Кипріана преемникомъ Алексѣя и предназначалъ ему Митяя, своего духовника. По смерти Алексѣя въ 1376 году, Митяй отправился въ Константинополь. Воспользовавшись его бумагами, чернецъ Пимень убѣдилъ патриарха Нила отъ имени великаго князя посвятить себя въ митрополиты. Когда онъ воротился, великій князь не принялъ его, приказалъ заточить въ Чухому, а потомъ въ Тверь, и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ посольствѣ приказалъ развести и посадить въ желѣзные вериги. Синодальное дѣяніе прибавляетъ, что вѣкоторые были казнены смертію. Призванъ былъ Кипріанъ. Но въ 1382—1383 г. Кипріанъ не влюбился великому князю. Вѣроятно, увидѣлъ онъ въ немъ мало охоты идти по слѣдамъ предшествовавшихъ митрополитовъ и содѣйствовать единовластительнымъ тенденціямъ Москвы. Кипріанъ ушелъ въ Кіевъ. Великій князь призвалъ Пимена на митрополію, а между тѣмъ отправилъ въ Цареградъ суздальскаго епископа Діонисія съ симоновскимъ архимандритомъ Θεодоромъ просить посвятить въ митрополиты Діонисія. Діонисій былъ посвященъ, но на возвратномъ пути задержанъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и тамъ скончался. Въ Москву прибыли звать Пимена на

судь (позываху в Царьградъ) два архіерея съ Востока (1384 г.) Матоей и Никандръ (Ник. 4, 145). По нашимъ источникамъ, Пименъ судился въ Царьградѣ и воротился въ Москву въ 1388 г., а въ 1389 опять *безъ воли* великаго князя поѣхалъ въ Царьградъ и болѣе не возвращался, и Киприанъ наследникомъ Димитрія былъ признанъ единымъ первопрестольникомъ русской церкви.

Въ синодальномъ дѣяніи это событіе разсказывается слѣдующимъ образомъ:

«Немного прошло времени, какъ въ царицу городовъ прибылъ суздальскій епископъ Діонисій, сильно вопія противъ Пимена и представляя случившееся съ нимъ, какъ зло, доводящее церковь къ раздору, мятежу и расколу, вмѣсто того, чтобы причинить единодушіе и миръ. Притомъ утверждалъ онъ, что грамоты о немъ и послы были совершенно лживые и злонамѣренные, и потому говорилъ, что несправедливо было бы признавать архіереемъ его, рукоположеннаго съ такимъ лукавствомъ. Это заставило святаго онаго патріарха признаться, что если съ такимъ обманомъ и лукавствомъ Пименъ рукоположенъ, то справедливо будетъ, если онъ отрѣшится. Принявъ такое признаніе, Діонисій отправился въ Россію и тамъ получилъ на письмѣ обвиненіе Пимена отъ великаго князя и отъ другихъ князей. Привезши ихъ, вручилъ патріарху и привелъ съ собою іеромонаха Θεодора, архимандрита, въ доказательство того, что послѣ отрѣшенія Пимена онъ самъ долженъ принять власть надъ всею Россіею. И разсказывалъ Діонисій о дѣлѣ въ словахъ пышныхъ и только подъ предлогомъ, а между тѣмъ самъ скрытно другое сочинялъ и лживыми словами лицемерно всѣхъ привлекалъ. Подъ предлогомъ исполненія русской церкви, взволнованной и бѣдствующей, лукаво подбиралъ себѣ власть. То поставлялъ на видъ грамоты, заключающія много лукаваго, которыхъ былъ сочинителемъ, то придумывалъ, заготовлялъ и располагалъ какъ не слѣдуетъ.

«Наковецъ, когда высказаны были обвиненія на Пимена соборнѣ, положено было законнымъ образомъ, съ согласія патріарха и благоизволенія державнаго святаго самодержца, послать двухъ архіереевъ, одного изъ церковныхъ и одного изъ царскихъ сановниковъ, дабы они изслѣдовали дѣло Пимена, и если справедливымъ окажется обвиненіе, то, такъ какъ онъ обманомъ по ложнымъ показаніямъ и выдумкамъ рукоположенъ, дабы отрѣшили сана, и извергнувъ его изъ церкви, поставили Діонисія. Это не мало взволновало русскихъ. И все разъ-

явилось на вселенскую церковь, такъ что нанесены были многія обиды съ прибавленіемъ насмѣшекъ, глумленія и ропота, чего всего были достойны тѣ, которые сплели ложь и надѣлали коварства и занимались бездѣльничествомъ. И тѣмъ зла сдѣлавъ, они все это черезъ посланниковъ на насъ обратно извели. Начало же случившагося не отъ кого другаго, какъ отъ пословъ, выѣхавшихъ изъ Россіи. Они—то въ раздорѣ между собою, раздѣленные на двѣ и даже три стороны, приводя въ одно время самыя противорѣчащія грамоты и другъ друга порицая и возставая другъ на друга, они-то причинили и раздоры и раздѣленіе церкви. А церковь не знала, на чьей сторонѣ вмѣстѣ съ правдою остаться. Слѣдственно, вмѣсто обвиненій, слѣдовало бы молчать. Они же, напротивъ, нанесли церкви обиду и вмѣстѣ съ другимъ содѣланнымъ зломъ совершили изъ-за церкви главное величайшее зло, обиду и презрѣніе Бога.

«Посланные, слѣдственно, дошедши туда, изслѣдовали дѣло Пимена, нашли все истиннымъ и извергли его изъ церкви. Между тѣмъ случилось, что Діонисій разстался съ жизнію. Пимень же, извергнутый изъ оной церкви, согласно рѣшенію, сдѣланному соборнѣ патріархомъ, бѣжалъ оттуда, измѣнилъ видъ, облекся въ мірскія одежды, скитался съ мѣста на мѣсто и достигнулъ царицы городовъ.

«Здѣсь, вопія противъ неправды, усиленно утверждалъ, что былъ обиженъ, ибо, если нужно было ему судиться за святительскій санъ, то, сказывалъ, надлежало бы ему, призванному соборнѣ, подвергнуться суду. Казалось, слѣдственно, что и онъ правду говорилъ. И такъ какъ еще не прибыли наши посланные, отъ которыхъ патріархъ могъ-бы узнать, въ чемъ его по слѣдствію уличили, то онъ пользовался мѣстомъ, почестями архіерейскими и самымъ даже священнодѣйствіемъ. По прошествіи малаго времени, отправленные на слѣдствіе послы возвратились оттуда. А съ ними прибылъ и куръ Киприанъ согласно писанію патріарха къ нему. Прошло еще время, пока этотъ послѣдній, посылаемый туда по царскимъ дѣламъ, воротился, а между тѣмъ прибылъ опять Феодоръ и привезъ съ собою обвиненія на письмѣ, бывъ для этого нарочно посланъ великимъ княземъ и имѣя словесно сказать многое противъ него. Принявъ на себя лицо обвинителя, Феодоръ имѣлъ доказательствомъ достовѣрности грамоты, имъ привезенныя, и лица, посланные отсюда для изслѣдованія. Послѣ того какъ это сдѣлалось, и судъ замедлился по нѣкоторымъ временнымъ заключеніямъ, когда, наконецъ, внушеніемъ патріарха синодъ каноничес-

кій собрался, тогда уже Пимень и Феодоръ согласились и, давъ себѣ взаимно обѣщаніе и клятвы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми ненадобными условіями, бѣжали отсюда и скрытно отправились на востокъ. Узнавши объ этомъ державный, святой царь и святой оный патріархъ, всячески старались изыскать ихъ. Первый послалъ людей, чтобы ихъ привести, второй отлученіе съ грамотами, угрожавшими лишеніемъ и изверженіемъ, если не возвратятся. Они же ни мало не желали этого. И опять посланы отъ патріарха грамоты, подобныя первымъ, а отъ царя сновники, носившіе съ собою и святые его украшенія, которыми убѣждали ихъ разсѣять всякій страхъ и безъ боязни возвратиться. Но и такъ не захотѣли они, и, еще, прибѣгнувъ къ Туркамъ и усилившись ими, изрекли много хулы на царство и патріаршество. Презирая и ни во что поставляя божественныя правила, а вмѣстѣ съ ними и царскія, патріаршія и синодальныя, держались предположенной цѣли и отправились путемъ, ведущимъ въ Россію, служа другъ—другу осужденіемъ. Феодоръ, принявшій названіе архіепископа, а можетъ быть и дѣйствительно Пименомъ рукоположенный, отправился слѣдственно вмѣстѣ съ обвиненнымъ. И такъ враждебнѣйшіе прежде другъ другу такую заключили теперь дружбу, что сдѣлались не разлучными. Осуждены же они здѣсь не отсутствуя, какъ бы сказали нѣкоторые, что противно божественнымъ канонамъ. Ибо Пимень и присутствовалъ и обвиняемъ былъ и призналъ обвинителя, съ которымъ наконецъ подружился и бѣжалъ. Это—то и болѣе осуждаетъ его, потому что онъ подружился съ обвинителемъ. Если именно Феодоръ лживо обвинялъ, то онъ вслѣдствіе сего самъ осуждался и лишался общенія. Сообщаясь съ лишеннымъ общенія, онъ дѣлался самъ осужденнымъ и лишеннымъ общенія. Если же обвиненіе было справедливо, то изъ сего слѣдуетъ, что Пимень осужденъ; а Феодоръ дѣлался отрѣшеннымъ, собираясь съ лишеннымъ общенія.

«И такъ, другъ другу служатъ они осужденіемъ сами собою. Тщательно-же разсматривающему окажется отлученіе это даже очень каноническимъ, именно потому, что, послѣ трехъ сдѣланныхъ ему призывовъ къ возврату съ востока, онъ никакъ не хотѣлъ воротиться, хотя призывался подъ отлученіемъ. Поэтому синодъ справедливо произнесъ осужденіе, сдѣлавъ общее каноническое о нихъ рѣшеніе.

«Послѣ такихъ приключеній, послѣ возникшихъ для русской церкви столькихъ смутъ, замѣшательствъ и столькихъ раздоровъ и распрей и козней, надобно же было всеконечно остановить зло и бур-

ное время превратить въ тишину и неспослать миръ и согласіе христіанскому народу, не допустить его совѣсь къ отчаянію при такомъ напорѣ золь, безпрестанно на него пробуждаемыхъ. А это какъ же иначе могло случиться, какъ не по первому чину и порядку и по обычаю и сперва хорошо узаконенному—именно возстановленіемъ опять одного митрополита Великой Россіи. Этому доброму дѣлу и содѣйствовала божья помощь.

«Смирение наше, какъ скоро судьбами, свѣдомыми Богу, довѣрено было намъ предстательство вселенской церкви, и прежде быть нечуждымъ всего этого, соболѣзновавъ о сей разстроенной и страждущей церкви, поставило (такое) дѣло въ числѣ собственныхъ, самыхъ достойныхъ попеченія.

«И какъ—бы начатки и благій даръ Богу отъ всѣхъ дѣлъ своихъ приносить (смирение наше) исправленіе россійской церкви и устраненіе бывшихъ соблазновъ и раздоровъ, устроеніе мира всему народу и справедливое изглаженіе нанесенныхъ нашей великой Христовой, католической, апостолической церкви порицаній, ропотовъ и обидъ и очищеніе съ божіею помощью церкви. Такъ какъ державный самодержецъ защитникъ церкви и предстатель, оправдатель и дефензоръ приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить церковь россійскую и сохранить ея древніе порядокъ и положеніе, чтобы уничтожить случившіеся еоблазны, и всѣми возможными способами заботясь объ этомъ народѣ, предпочелъ его дѣлу своему, лишь бы устроилась означенная церковь, то смирение наше, совѣщавшись съ засѣдавшими съ нимъ преосвященными архіереями, всечестными, съ ираклійскимъ, кизическимъ, никомидійскимъ, оугровлахійскимъ, никійскимъ, моневасійскимъ, атталійскимъ, адрианупольскимъ, серрескимъ, сивирійскимъ, готойскимъ, сугдайскимъ, варискимъ, опредѣлили и рѣшили признавать во всемъ отрѣшеніе Пимена, совершенное соборнѣ бывшимъ прежде насъ святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Нилемъ. Такъ какъ онъ (Пимень) обвиненія на него возведеннаго, находясь въ собственной церкви и отсутствуя, мирно не отклонилъ, такъ какъ онъ, прибывъ въ синодъ и желая собственныя провиненія смыть, увидѣвъ своего обвинителя, съ нимъ соединился, избѣгалъ суда синода и рѣшенія его, такъ какъ и синодъ не нарушилъ заповѣди каноновъ, давъ, при такомъ ходѣ дѣлъ, трикратно ему знать, чтобы онъ прибылъ, и согласно съ правилами произнесъ о немъ рѣшеніе,—то, слѣдственно, онъ остается отрѣшеннымъ и отдѣленнымъ отъ архіерейскаго лика,

бывъ уже отрѣшеннымъ рукоположившимъ его патріархомъ, который, весьма о немъ заботясь, не оставилъ ничего, клонившагося къ его чести, чтобы сдѣлать его непоколебимымъ, а не сдѣлалъ—бы этого, еслибы не удостовѣрился, что стоить отлученія, какъ и дѣла о томъ свидѣтельствуя.

«Такъ какъ Пименъ отрѣшенъ уже и отрѣшеніе его признано нынѣ соборнѣ смиреніемъ нашимъ безъ всякаго оправданія, и такъ—какъ правильно доказана необходимость одного митрополита всея Россіи, и на это преимущественно соизволялъ державный и святой нашъ самодержецъ, оберегатель и защитникъ правды и пользы, и притомъ въ этомъ безспорно состоятъ слава всей церкви и всѣхъ вообще христіанъ, случилось же къ тому, что преосвященный митрополитъ курь Кипріанъ достойно занимаетъ мѣсто, на которомъ находится и имѣетъ дѣяніе святаго, приснопамятнаго патріарха Филовея на то, чтобы послѣ смерти же Алексія одинъ онъ пребылъ митрополитомъ всероссійскимъ, то и мы всѣ вмѣстѣ признаемъ упомянутое дѣяніе. И какъ—бы поставляя его снова, разрѣшаемъ бывшіе соблазны и смуты и раздоры и споры и все зло, возникшее изъ нихъ, и почитаемъ не бывшими прежде, относя ихъ къ обстоятельствамъ и событіямъ и къ первымъ причинамъ, о которыхъ мы сказали. Утверждаемъ притомъ, что ни курь Филовей, ни курь Нилъ, блаженно жившіе и блаженнѣе преставившіеся, не были добровольными сообщниками такихъ раздоровъ, но неповинны и чисты въ обвиненіяхъ и порицаніяхъ, нанесенныхъ имъ нѣкоторыми.

«И такъ, настоящимъ синодальнымъ дѣяніемъ возобновляемъ прежнее устроеніе, чтобы митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи и былъ и назывался курь Кипріанъ, который до конца своей жизни будетъ обладателемъ ея и всея области ея и будетъ рукополагать епископовъ въ епископіяхъ, назначала подчиненныхъ церкви его, и пресвитеровъ и діаконовъ, иподіаконовъ и анагностовъ, совершая всѣ прочіе святительскіе обряды, бывъ и называясь настоящимъ архіереемъ всея Россіи, и всѣ послѣ него митрополиты всея Россіи такими будутъ, наследуя одинъ послѣ смерти другаго. И это сохранится ненарушимо отнынѣ впредь во всѣ вѣки, что и подтверждается честнымъ хрисовуломъ державнаго и святаго самодержца. И никогда не нарушится настоящее дѣяніе и возстановленіе, ни нами, ни преемниками нашими, ибо опытомъ удостовѣрились мы въ томъ, какъ велико зло раз-

дѣленіе и раздробленіе на части сей церкви и какъ велико добро имѣть одного митрополита въ цѣлой этой епархіи.»

По нашимъ лѣтописямъ, Пименъ уже послѣ приобрѣтенія сана и по освобожденіи изъ заточенія два раза ѣздилъ въ Царѣградъ. Подъ 1384 годомъ говорится: «Мѣсяца мая въ 9 день Пиминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ Волгою въ судѣхъ на низъ къ Сараяу, а съ нимъ Аврамей Ростовской». Синодальное дѣяніе поясняетъ, что тогда онъ уже былъ низложенъ архіереями, присланными отъ патріарха въ Москву, и ѣхалъ не по зову, а побѣгомъ, переодѣвшись въ мірское платье, и прибылъ въ Царьградъ не отвѣчать предъ судомъ, а жаловаться на рѣшеніе судей, которые прежде произнесли приговоръ. О поѣздкѣ архимандрита Θεодора въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается подъ 1385 годомъ, на другой годъ послѣ отправленія туда Пимена; о причинѣ поѣздки его говорится въ общемъ выраженіи: «о управленіи митрополиі рускія». Въ синодальномъ дѣяніи поясняется, что онъ явился туда обвинителемъ, но потомъ стакался съ Пиминномъ. По нашимъ лѣтописямъ, Пименъ является снова въ Россію митрополитомъ: подъ 1386 годомъ говорится, что «мѣсяца іюля въ 6 день прииде Пиминъ митрополитъ на Русь изъ Царяграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и прииде безъ исправы» (Никон. IV, 156). Онъ продолжалъ не только именоваться митрополитомъ, но правилъ дѣлами, посвящалъ владыкъ. Такимъ образомъ, новгородскій владыка Іоаннъ, бывшій игуменъ хутынской, былъ имъ поставленъ въ 1387 году (Ник. IV, 157). Въ томъ-же году онъ поставилъ во епископы владимірскіе Павла, бывшаго архимандритомъ владимірскаго Рождественскаго монастыря. По синодальному дѣянію мы видимъ, что онъ убѣждалъ изъ Царьграда вовсе неоправданный, и что слово *безъ исправы* въ нашей лѣтописи надобно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ не получилъ права: такимъ образомъ управленіе его оказывается незаконнымъ. Но съ другой стороны открывается, на какихъ основаніяхъ Пименъ считалъ себя вправѣ исправлять соединенныя съ достоинствомъ русскаго первопрестольника обязанности. Низложенный архіереями, прибывшими въ Москву, онъ въ Царѣградѣ до прибытія Θεодора пользовался въ глазахъ патріарха архіерейскимъ саномъ и правомъ священнодѣйствія, слѣдовательно рѣшеніе архіереевъ было уничтожено самимъ патріархомъ. Что же касается до Θεодора, то этотъ человѣкъ отказался отъ роли обвинителя: и такъ, не было ничего, что бы могло уничтожить позволеніе,

данное ему патриархомъ. Но именно то, чѣмъ хотѣлъ себя спасти Пимень, его погубило. Стачка съ обвинителемъ поставлена ему въ вину, а неявка на трехкратное призваніе къ синоду, по древнему обычаю, лишила его сама собою сана. Въ Константинополѣ не знали, гдѣ скрывался Пимень, тогда какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ былъ въ Москвѣ. Въ 1388 году, услыша, вѣроятно, что патриархъ перемѣнился и престолъ принялъ Антоній, Пимень отправился снова въ Царьградъ: это было то знаменитое путешествіе, котораго любопытный дневникъ дошелъ до насъ, какъ замѣчательный памятникъ для географіи. Пимень не достигъ до Царьграда. Синодальное дѣяніе говоритъ, что они (т. е. Пимень и Феодоръ) прибѣгнули къ Туркамъ: это было то время, когда Амуратъ сокрушилъ сербскую державу. Изъ лѣтописи нашей видно дѣйствительно, что Пимень въ Царьградѣ не былъ, но отправилъ туда смоленскаго епископа, автора Хожденія, да нѣсколькихъ чернецовъ изъ турецкихъ владѣній (*бляху въ турской державѣ*). 7 іюля Михаилъ прибылъ въ Царьградъ, а сентября 14 Пимень скончался въ Халкидонѣ. (Никон. лѣт. IV 170) Дѣяніе составлено было прежде, чѣмъ смерть его сдѣлалась извѣстна въ Константинополѣ, ибо о немъ говорится какъ о живомъ, но отсутствующемъ и неявившемся въ Царьградъ.

Мы съ намѣреніемъ привели въ паралель извѣстія лѣтописныя къ извѣстіямъ, сообщаемымъ дѣяніемъ, чтобы показать, въ какой степени последнее, соглашаясь въ главныхъ чертахъ съ первыми, поясняетъ нѣкоторыя стороны, остающіяся темными. Особенной важности заслуживаетъ извѣстіе о Діонисіѣ суздальскомъ. По нашимъ лѣтописямъ, онъ получилъ санъ митрополита, но по синодальному дѣянію видно противное. Въ Константинополѣ это ближе было извѣстно. Открывается, что Діонисій ложно назвался митрополитомъ, хотѣлъ обманомъ приобрести власть, и вѣроятно вслѣдствіе этого-то и былъ такъ жестоко задержанъ и -засажень въ темницу въ Кіевѣ. Это подтверждается и грамотою митрополита Кипріана во Псковъ въ 1393 году (А. И., I. 18), гдѣ митрополитъ уничтожаетъ постановленіе, сдѣланное Діонисіемъ, говоря, что онъ былъ только суздальскій владыка, а дѣйствовалъ самовольно безъ воли патриарха (*то былъ суздальской владыко, а дѣялъ то въ мятежное время, а патриархъ ему того не приказалъ дѣяти*).

Другимъ важнымъ матеріаломъ для исторіи является въ архивѣ Боярская книга 7064 (1556) года, доставленная кн. Оболенскимъ

изъ неисчерпаемаго сокровища архива иностранныхъ дѣлъ. Царь Иванъ Васильевичъ, по известію лѣтописей нашихъ, замѣтивши, что вельмежи и знатные люди и вообще занимавшіеся военною службою, овладѣли самовольно землями, а другіе обѣднѣли, приказалъ сдѣлать пересмотръ и размежеваніе ихъ земель, лишнее отнять и отдать немущимъ, и постановить съ вотчинъ и помѣстьевъ уложенную службу, именно: со ста четвертей доброй земли поставить въ войско по одному человѣку въ доспѣхъ съ конемъ, а въ дальній походъ съ двумя конями, а тѣмъ, которые служили долго, прибавлять земли въ кормленье. Достойно замѣчанія, что значенія вотчинъ и помѣстьевъ въ XVI и XVIII вѣкѣ сбивались только обратно: въ XVIII вѣкѣ все помѣстья сдѣлались вотчины, въ XVI наоборотъ, все вотчины были помѣстьями, ибо и съ вотчинъ слѣдовало нести службу, и вотчина считалась обязательною дачею отъ царя. Вся земля такимъ образомъ была какъ бы собственностію царя, изображавшаго въ своемъ лицѣ олицетвореніе народной силы, то, что въ древности называлось *земля*. Въ боярскихъ книгахъ вписывалось имя, отчество и прованіе владѣльца, его доходы, его вотчины, помѣстья, сколько людей ставить на службу, въ какихъ доспѣхахъ и сколько жалованья получаетъ. Для ознакомленія съ древнею формою, приведемъ мѣста изъ самой Боярской книги:

«Нелюбъ Тимошеевъ сынъ Зачесломского: наѣхалъ былъ на Кузь и на Немду на Петрову память чудотворцову, 63, и Кузь и Немда тогожь году съ Благовѣщеньева дни отдана въ откупъ, а откупу съ тоѣ волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубля съ полтиною, а впередъ ему откупу давати не велѣно; а вотчины за нимъ съ родною братьею и 4—ма ч. на Костромѣ полчетверти сохи, да за нимъ же Конановскіе Писемского вотчины на 30 четвертей; а помѣстья за нимъ на 450 четвертей. Прежнее смотрѣнье людское и конное не бывало. Въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ за собою 400 четвертей, не додано, сказалъ, 50 четвертей; вотчины полполчетверти 50 четвертей; людей его 10 ч., въ нихъ 6 ч. въ доспѣсехъ, 2 въ куклѣхъ, 2 въ бехтерцехъ съ бармицами и въ шапкахъ въ желѣзныхъ, 4 о дву конь, а 2 обь одинъ, 4 ч. въ тегиляхъ въ толстыхъ, на конехъ, на одномъ шапка желѣзна, а на 3-хъ мѣдьяны, все съ копыи, а тегиляйники все съ наручми, ч. съ его аргамѣкомъ и съ кошемъ и съ доспѣхомъ, 4 ч. съ юки, въ нихъ одинъ въ тегиляхъ и въ шапкѣ въ мѣдяной; а по уложенью взяти съ него съ земли

4 ч. въ тегиляехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ 3 шелома; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублей, да на люди съ земли 8 рублей, да на передаточныхъ людей 18 рублей, а не додати ему 3 рублей» (стр. 32—33).

«Юшко Петровъ сынъ Федчищева: дана была ему Соль малая ждати и Солца отдана на откупъ; помѣстья за нимъ 400 четъи, вотчины нѣтъ; по старому смотру людей его 5 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Свяжскомъ, а лѣта 7063 на году въ Свягѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломахъ да конь простъ; помѣстья сказалъ на 400 четъи, вотчины не сказалъ; а по уложенію взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублей да на люди съ земли 6 рублей, да на передаточныхъ людей 10 рублей» (стр. 41).

«Иванъ Ивановъ сынъ Кобылинъ Мокшѣевъ: съѣхалъ съ Ладоги на середохрестѣ 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 22 обжи съ полуобжею, вотчины не сыскано; въ нѣмецкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, а 2 въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 22 обжи съ полуобжею; самъ на конѣ въ полномъ доспѣсѣ, въ юшанѣ и въ шеломахъ и въ наручахъ и въ наколѣнкахъ о дву конь; людей его въ полкѣ 4 ч., одинъ въ пансырѣ и въ шеломахъ о дву конь, 3 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на 2 шелома, а на третьемъ шапка мѣдяна, съ коньи, 4 ч. съ юки; а по уложенію взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 3 человекѣ въ тегиляехъ, а не додалъ шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублей, да на человекѣ съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 11 рублей, а не додати ему за шелома рубля» (стр. 64—65).

Книга эта относится, какъ видно, къ серпуховскому уѣзду. Замѣчательно, какъ переселенцы изъ другихъ краевъ заносили мѣстныя названія, употребительныя на прежней своей родинѣ: такъ ладожанинъ въ серпуховскомъ уѣздѣ считаетъ землю обжами, мѣстною новгородскою единицею, неупотребительною въ московской землѣ.

Статья г. профессора харьковскаго университета Зернина представляетъ богатый подробностями сборникъ примѣровъ мѣстничества, которому предпослано его разсужденіе. Мѣстничество въ русской

исторіи есть явленіе неразгаданное до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ. Въ 1844 году въ Симбирскомъ Сборникѣ была напечатана лучшая ученая статья по этому вопросу г. Валуева; онъ обнимаетъ въ подробностяхъ всевозможнѣйшую сѣть случаевъ, опредѣляющихъ приложеніе мѣстничества къ жизни, во множествѣ видовъ, но далеко не разъясняетъ коренныхъ, важнѣйшихъ вопросовъ, которые неизбежно представляются наблюдателю, и безъ разрѣшенія которыхъ всѣ изслѣдованія мелочей имѣютъ только относительное достоинство, какъ груда матеріаловъ, но еще неясныхъ по причинѣ нашего незнанія тѣхъ основаній, которыя условливаютъ ихъ самихъ. Главный изъ неразрѣшенныхъ вопросовъ—это вопросъ о происхожденіи мѣстничества; его начала мы не понимаемъ. Г. Валуевъ не разрѣшилъ его. Г. Зернинъ столь же мало его разрѣшаетъ. Онъ приводитъ мнѣніе Погодина, который считаетъ мѣстничество естественнымъ произведеніемъ всей русской исторіи: по порядку времени оно проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется, Зерновъ противопоставляетъ этому мнѣнію выводы Валуева, который полагаетъ, что мѣстничество въ его явленіи не существовало въ удѣльный періодъ нашей исторіи, а возникло съ развивавшимся единодержавіемъ. Рассматривая поближе то и другое мнѣніе, окажется, что между ними нѣтъ существеннаго противорѣчія. Валуевъ полагаетъ, что мѣстничество есть древній обычный распорядокъ старшинства, перенесенный изъ удѣльнаго міра въ единодержавную Москву, прикованный къ ней, вставленный въ тѣсную рамку государства, не признаетъ коренной основы его въ удѣльной старинѣ; Погодинъ говоритъ то же самое, ибо онъ не признаетъ въ удѣльныя времена существованіе явленій мѣстничества въ томъ образѣ, въ какомъ ихъ видимъ въ московскомъ государствѣ. Г. Зернинъ не соглашается въ Валуевымъ, что московскіе князья и цари, стѣсняясь въ выборѣ слугъ по достоинству, сознали необходимость открыть широкій путь въ ряды мѣстничества введеніемъ пришлыхъ родовъ,» и что «мѣстничество послужило раздвигало передъ пришельцами свои ряды». «Такое положеніе, заключаетъ г. Зернинъ, осталось и всегда будетъ недоказаннымъ по той причинѣ, что въ подтвержденіе его нѣтъ доказательствъ и проч.» Намъ кажется, что съ г. Валуевымъ менѣе можно согласиться въ томъ колоритѣ родового начала, который онъ даетъ мѣстничеству и подчиняетъ его напередъ созданной и произвольно принятой теоріи родового быта, тогда какъ по всѣмъ случаямъ мѣстничества видно, что

*

здѣсь играло не родовое, а личное начало, только опиравшееся на происхожденіе. Корень мѣстничества по своему духу необходимо долженъ былъ храниться въ древней нашей исторіи, ибо мѣстничество является въ періодъ московскій единственнымъ легальнымъ правомъ оппозиціи. Мѣстничество есть не что иное какъ личное сознание своего достоинства въ отношеніи другаго въ служебной сферѣ, опиравшееся не на родъ, а на происхожденіи и на существовавшихъ случаяхъ. Мѣстничество не имѣло ничего сословнаго. Оно не устанавливало замкнутаго привилегированнаго класса, который бы стремился къ сосредоточенію въ себѣ всѣхъ пружинъ политической и общественной дѣятельности. Мѣстничество не требовало, чтобъ на такія или иныя мѣста назначались люди знатныхъ родовъ: даже тотъ, кто опирался на знатность собственнаго рода, не имѣлъ притязанія дать этому роду какое-нибудь право или сохранить за нимъ уже существовавшія прерогативы. Каждый заступался только за себя самого, объ одномъ себѣ хлопоталъ, ссылаясь на своихъ родственниковъ и предковъ для себя исключительно, и потому сколько ни удобно казалось ему въ свою пользу приводить случай, совершившійся уже фактъ, мало обращалъ вниманія на его легальность, какъ и на право крови. Валуевъ совершенно справедливо говоритъ о безпрестанномъ возвышеніи лицъ, а за ними и родовъ, изъ низшихъ слоевъ общества. Оно иначе и не могло быть, ибо роды, за которыми усвоились преимущества знатности, достигли этого не посредствомъ завоеванія страны, ибо только въ послѣднемъ случаѣ роды отдѣляются китайскою стѣною отъ прочаго народа, равнымъ образомъ и не по праву первородства линий. Въ московскомъ государствѣ бояры наплывали съ разныхъ странъ, и въ ихъ фамиліяхъ не было даже единства народности. Родоначальникъ, т. е. тотъ предокъ, далѣе котораго генеалогическія преданія потомковъ не простираются, первый открылъ потомкамъ дорогу къ знатности своимъ личнымъ трудомъ и усиліями. Потомокъ сознавалъ, что было время, когда его предки были незнатны, и отсюда естественно должно было возникать сознание о правѣ другихъ точно такимъ же путемъ открывать дорогу для своихъ потомковъ. Не было понятія, чтобъ челоуѣкъ, поставленный на низшую ступень въ обществѣ, не могъ возвыситься. Кошихинъ такими словами изображаетъ это всеобщее право повышенія въ служебной сферѣ: «А кому царь похочетъ вновь дать боярство, и околичество, и думное дворянство изъ столниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дво-

ровыхъ всякихъ чиновъ и изъ волныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію... а кто посадкомъ челоуѣкъ, или крѣстьянинъ, или кто нибудь, отпустить сына своего на службу въ салдаты и въ рейтары, или въ Приказъ подъячимъ и инымъ царскимъ челоуѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся по-выше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ того пойдетъ дворянской родъ; а грамотъ и гербовъ имъ не дадца» (Коших., стр. 23). Считающійся знатнымъ происхожденіемъ не оскорблялся тѣмъ, что челоуѣка незнатнаго возвысили; онъ только не хотѣлъ самъ лично стать съ нимъ въ уровень. Если жъ незнатный съ незнатнымъ занимаютъ важныя мѣста, до этого дѣла нѣтъ знатному: этимъ не умалается его достоинство, лишь бы его самага не унижали равенствомъ съ тѣми, которые еще не успѣли временемъ освятить новопріобрѣтенное достоинство. Таковъ былъ взглядъ мѣстничавшихъ вообще. Мѣстничанье было такая гордость породы, какая обычна въ семейной жизни. Знатный челоуѣкъ не отдаетъ своей дочери за незнатнаго, не женить сына на женщинѣ незнатнаго происхожденія, хотя бы и уважалъ личныя достоинства этихъ незнатныхъ. Знай сверчокъ свой шестокъ, говоритъ старинная народная пословица. Это примѣнялось къ мѣстничеству, но только въ отношеніи къ другимъ, а не безотносительно.

Въ мѣстничествѣ понятія опирались часто на одну аналогію: А былъ выше Б, но В былъ выше А, а Д былъ вроднѣ съ В, и Д же былъ ниже моего дяди; слѣдовательно мнѣ нельзя быть вроднѣ съ Е, который былъ вроднѣ съ А. Извѣстно, какъ часто мѣстническіе споры разстраивали общее дѣло по службѣ: это признакъ того состоянія, когда личность, освободившись уже отъ родовой общинности, не сознала еще нормальности и святости общинности гражданской и не привыкла къ принесенію себя въ жертву общему дѣлу. Такимъ состояніемъ отличался удѣльно-вѣчевой міръ. Встарину, во времена самобытности земель и княженій, это заявленіе личности высказывалось обыкновенно тѣмъ, что недовольный уѣзжалъ въ иную землю или поступалъ въ дружину инаго князя; послѣ образованія единодержавія московскаго ѣздить было некуда, и поневолѣ надобно было оставаться на одномъ мѣстѣ—и старинныя претензіи стали высказываться спорами о томъ, съ кѣмъ кому быть. Встарину, притомъ, вѣчевой порядкомъ сдерживалъ, порывы лицъ и фамилій: въ Новгородѣ напр. мы видимъ, что масса черни давала себя не разъ чувствовать боярамъ,

если они забывались; бояринъ, если хотѣлъ удержать свое значеніе, долженъ былъ угождать вѣчу, «съ мужиками новгородскими не перечесться», по выраженію пѣсни о Буслевѣ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ надъ собой уравнивающее право массы, невольно низводившее его самолюбіе къ общему уровню. Масса могла выдвинуть лица, и знатныя фамиліи не могли ихъ низвергнуть. Напротивъ, при московскихъ великихъ князьяхъ, когда голосъ массы умолкъ, личность, освобожденная съ одной стороны отъ вѣчевой воли массы, а съ другой лишенная возможности удаленіемъ своимъ выразить свое неудовольствіе, заявила свою оппозицію защищая себя отъ новаго, всеуранивающего начала. Вся исторія мѣстничества не представляетъ его чѣмъ—нибудь прочнымъ, съ залогомъ долгаго существованія. Уже безпрестанные споры, въ которыхъ мѣстничество преимущественно и высказываетъ свое бытіе, доказываютъ, что оно было только чѣмъ—то переходнымъ, временнымъ, и что болѣе идея его, чѣмъ формы, въ которыхъ оно являлось, была присуща народу въ дальнѣйшемъ теченіи его жизни. Въ теченіи XVI и XVII вѣковъ мы видимъ болѣе нарушеніе этого порядка, чѣмъ сохраненіе. Всякій споръ предполагалъ нарушеніе. Безпрестанныя распоряженія правительства быть безъ мѣстъ отстраняли мѣстническій распорядокъ. Мы не знаемъ эпохи, когда бы это мѣстничество было нормальнымъ порядкомъ, когда бы ему слѣдовали безъ нарушенія, мѣстничество намъ является какъ—будто бы въ своемъ упадкѣ, въ борьбѣ за непрочное, пошатнутое существованіе, а неизвѣстно, когда же было его цвѣтущее состояніе?

Сочиненіе Забѣлина «О дѣтствѣ Петра Великаго» содержитъ не только сгруппированныя вмѣстѣ черты дѣтскихъ лѣтъ великаго человека, которые, какъ извѣстно, болѣе важны, чѣмъ кажутся съ перваго раза для уразумѣнія дѣятельности его впоследствии, но и прекрасно начерченную картину тогдашнихъ нравовъ и приемовъ семейнаго быта. Какъ все, что въ описательномъ родѣ выходило изъ—подъ пера г. Забѣлина, и эта статья впечатлѣна тѣмъ же талантомъ, тою же способностью излагать предметъ ясно, отчетливо и занимательно. Въ статьѣ о древнихъ навязахъ, и наузахъ, о вліяніи ихъ на языкъ, жизнь и отвлеченныя понятія человека г. Шепшингъ слѣдитъ за связью понятій о приобрѣтеніи посредствомъ рукъ, о всякой связи, о вѣнкѣ, кругѣ и кольцѣ по разнымъ филологическимъ сближеніямъ и обычаямъ у разныхъ народовъ въ паралель съ

нашимъ стариннымъ суевѣріемъ предохранять челоуѣка посредствомъ навязокъ (наузовъ). Въ замѣткахъ о загробной жизни по славянскимъ преданіямъ г. Аванасевъ сгруппировалъ любопытныя поэтическія преданія о смерти у Славянъ. Изъ нихъ мы видимъ, что сонъ, смерть и мракъ въ народномъ понятіи представлялись нераздѣльно сходными образами. Г. Аванасевъ объясняетъ, что у Славянъ душа считалась существомъ отдѣльнымъ отъ тѣла, хотя и въ немъ обитающимъ, что она воображалась птицею, сближаетъ при этомъ знаменательное значеніе кукушки въ народной поэзіи и указываетъ на оригинальную игру въ Великороссіи подъ названіемъ крещенье кукушекъ.

«Обрядъ крещенія кукушекъ совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9 мая, въ этотъ день встрѣчи и закликанія весны; въ другихъ—на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ пасхи; но преимущественно въ недѣлю семицкую, когда поминаютъ умершихъ. Женщины и дѣвицы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело *птицы* и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ *шейные кресты*; иногда вмѣсто того отыскиваютъ траву, называемую *кукушкою* (*orchis latifolia*—*кукушкины слезы*), и вырывъ ее съ корнемъ, одѣваютъ въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею *крестообразно* двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ *по кресту*. Въ орловской и тульской губерніяхъ *надѣваютъ крестикъ* на самое чучело кукушки и поютъ: «*кукушки, голубушки! кумитесь, любитесь, даритесь!*» Это называется *кстить* (крестить) *кукушку* или *кумиться*. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ—подъ дуги, мѣняются крестами и называются *кумами*.—Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рошу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками или полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ траву «*кукушкины слезы*» или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ *кресты*. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, ходятъ въ противоположныя стороны вокругъ березъ, потомъ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ накрестъ и даютъ другъ другу сквозь вѣнокъ *желтое лицо*. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Покумимся, голубушки, и проч.

Покумившіяся вѣняются крестами и кольцами, а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства.

«Этотъ обрядъ крещенія кукушекъ получить для насъ болѣе осязательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьюми о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному мнѣнію) являются души младенцевъ, мертворожденныхъ, или умершихъ безъ крещенія. Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти летаютъ по воздуху, и только тогда, какъ наступаютъ зеленыя святки (Семики и Троица) слышатся ихъ жалобные голоса, съ просьбою о крещеніи; наканунѣ троицына дня русалки и мавки бѣгаютъ по засѣяннымъ полямъ и хлопаютъ въ ладони, приговаривая: «бухъ, бухъ—соломенный духъ! меня мати породила, некрещену положила (или: схоронила)». «Кто услышитъ ихъ голосъ, тотъ долженъ произнести: «крещая тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и святаго Духа!» Любопытно, что въ черниговской губерніи обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется *встрѣчею русалокъ*, а развиванье вѣнковъ (на петровъ день) — *проводами русалокъ*.

«Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если такое явленіе совпадаетъ, по народному повѣрью, со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ названіемъ «крещеніе кукушекъ»; если наконецъ душа представлялась въ образѣ птицы, и кукушка принимается эмблемою сиротства, то, можетъ быть, подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства, и потому блуждающихъ по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невиновными; но если они умерли безъ крещенія — то гдѣ назначить имъ мѣсто загробнаго существованія! Простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ доставить душамъ младенцевъ вѣрный путь ко спасенію. Очевидно, что обрядъ этотъ могъ возникнуть уже въ эпоху христіанства, но подъ сильнымъ вліяніемъ старинныхъ воззрѣній» (стр. 22-24).

Намъ кажется, едвали здѣсь нужно имѣть въ виду именно идею крещенія. Обрядъ этотъ, при сблизеніи съ другими представленіями о душахъ въ видѣ птицъ, и при символической важности кукушки въ народной поэзіи, дѣйствительно наводитъ на мысль, что въ глубокой древности, изъ которой онъ безъ сомнѣнія исходитъ, первоначальный его образъ имѣлъ связь съ вѣрованіемъ о состояніи ду-

ни въ видѣ птицы, а вѣроятно и о явленіи ихъ такимъ способомъ; можетъ быть даже преимущественно въ видѣ кукушки. Но этотъ первоначальный образъ не имѣлъ ничего общаго съ крещеніемъ. Извѣстно, какъ древнія языческія вѣрованія и образы сочетались впоследствии съ христіанскими и изъ языческихъ вполне представленій становились какъ бы христіанскими, то христіанское искажалось подъ вліяніемъ не угасшаго въ народѣ язычества.

Очень правдоподобно сближаетъ г. Аонасьевъ обычай крошить на могилѣ яйца съ языческимъ вѣрованіемъ и находитъ у всѣхъ народовъ символическое значеніе яйца, какъ образа возрожденія. Византійское объясненіе краснаго яйца, встрѣчающееся въ иныхъ сборникахъ, безъ сомнѣнія извѣстныхъ г. Аонасьеву, могло зайти въ христіанство изъ первоначальнаго восточнаго язычества, и встрѣтилось съ нашими древними представленіями. Жаль только, что г. Аонасьевъ не указалъ въ точности, у какихъ «восточныхъ народовъ сохранился обычай—въ мартѣ мѣсяцѣ, *при началл новаго года*, т. е. при весеннемъ возрожденіи природы отъ зимней смерти, биться *красными яйцами*, ставить ихъ на столѣ и посылать въ даръ къ своимъ друзьямъ» (стр. 24). Вотъ какъ указываетъ г. Аонасьевъ на соотношеніе праздника Воскресенія Христова съ языческими вѣрованіями о загробной жизни:

«Праздникъ обновленной природы совпадаетъ съ праздникомъ *Свѣтлаго Воскресенія Христова*, предзнаменующимъ *воскресеніе* всѣхъ умершихъ въ новую жизнь, и съ праздникомъ въ честь мертвыхъ, которыхъ поминаютъ тогда на кладбищахъ. Встрѣчая весну, Славяне въ то же время прогоняли изъ своихъ селъ Марану (смерть и зиму), ибо съ возвращеніемъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу. Съ этимъ обновленіемъ природы связывалась мысль о воскресеніи мертвыхъ: по повѣрью, въ это время души умершихъ какъ-бы получаютъ новыя силы; въ поляхъ и рощахъ появляются русалки; существуетъ даже обычай: закликая весну, съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, въ то же время *закликать* и мертвыхъ. На святую недѣлю и на Радунницу (въ *навѣскій* день) красятъ яйца и ходятъ на кладбища христосоваться съ покойными родителями и родственниками, при произнесеніи обычныхъ словъ: «Христось воскрес!» При этомъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ принесенныя красныя яйца и потомъ зарываютъ ихъ въ могилы. Кто умираетъ на святую недѣлю, тому даютъ въ руки красное яйцо и виѣтетъ съ

нимъ предають землѣ, дабы онъ могъ на томъ свѣтѣ похристоваться съ своими родичами. Въ Малороссіи на Свѣтлое Христово Воскресеніе бросаютъ въ воду скорлупу крашенныхъ яицъ, надѣясь, что она, плывя водою, донесетъ мертвымъ вѣсть о праздникѣ пасхи. Вѣсть эта доходить къ душамъ умершихъ только къ троицыну дню, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ *навскій великъ день*. Около того же времени совершается простонародный праздникъ семика, въ честь умершихъ. Поселяне ходятъ на кладбища, совершаютъ поминки, разбиваютъ на кладбищахъ красныя и желтыя яйца, Какъ на пасху бросать на могилахъ яйца *для птицъ*, такъ на семикъ дѣлаютъ это *для покойниковъ*, которые будто бы съѣдаютъ разбитыя для нихъ яйца. Вообще, яйца составляютъ непрѣмное условіе при праздникахъ мертвымъ. На семикъ и троицу крестьяне готовятъ яичницу и несутъ въ лѣсъ, при обрядовыхъ пѣсняхъ:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ красныя дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яичницу!
Ю, ю, Семикъ да Троица!

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашенныя яйца. Самый цвѣтъ, въ который окрашиваются яйца, *красный и желтый*, знаменательнъ: оба эти прилагательныя связываются съ понятіемъ *свѣта*, въ которомъ язычники видѣли начало всякой жизни и плодородія» (стр. 25—26).

Мы не станемъ распространяться о статьѣ г. Труворова: «Свадебные обряды крестьянъ сердобскаго уѣзда», ограничиваясь только благодарностью почтенному собирателю. Чѣмъ больше такихъ мѣстныхъ описаній, тѣмъ лучше, и дѣйствительную пользу для науки они принесутъ тогда, какъ число ихъ возрастетъ до того, что они могутъ быть все вмѣстѣ сопоставлены, изслѣдованы и отличены, такъ чтобы можно было не только знать, что есть въ какомъ краѣ, но также и то, чего нѣтъ: ибо только тогда мы можемъ уразумѣть по частямъ сложенные виды общей нашей народности и слѣдовательно представить себѣ ясно ея собирательное значеніе.

Переводная статья: «Несторъ и Карамзинъ», продолженіе зверсовыхъ замѣчаній, напечатанныхъ въ первой книжкѣ «Архива», есть систематическое обличеніе Карамзина въ томъ, что его риторика

нерѣдко пренятетвовала ему передавать смыслъ лѣтописцевъ въ его настоящемъ видѣ.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на статьи, напечатанныя въ первой половинѣ второй книги «Архива» 1855 года, Энгельманъ сначала касается производствъ слова *изгой*, потомъ опровергаетъ мнѣніе Зибеля объ основаніи государства, и наконецъ разсуждаетъ о происхожденіи слова *околыничій*. Что касается до перваго, то безъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ авторъ не доходитъ до несомнѣнныхъ научныхъ результатовъ.

Статья г. Мордовцова: «Крестьяне въ югозападной Россіи» есть не ученое изслѣдованіе о состояніи крестьянства въ упомянутой странѣ на основаніи существующихъ источниковъ, не исторія быта крестьянскаго подѣ условіями, тѣхъ перемѣнъ, въ какихъ являлись отношенія нашей народной массы къ властямъ не изображенія послѣдовательности образовъ народной жизни подѣ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ на судьбу народа, а картина, сгрушированная изъ быта, взятаго какъбы въ одинъ моментъ, изъ нѣсколькихъ частныхъ изображеній, отысканныхъ въ матеріалахъ, напечатанныхъ въ памятникахъ временной кievской комиссіи. Авторъ, кромѣ научной, видимо имѣетъ еще цѣль; за нею слѣдуетъ онъ по всей нити своего сочиненія: эта цѣль—представить печальнымъ, горькимъ, бѣдственнымъ положеніе простаго народа подѣ властью пановъ въ эпоху, когда южная Русь находилась въ соединеніи съ Польшею, и простой народъ подѣ властью своихъ ополчившихся господъ. Но такъ какъ здѣсь идетъ дѣло преимущественно о степени матеріальнаго благостоянія, то надлежало бы показать съ одной стороны тогдашнюю цѣнность вещей, а съ другой потребности тогдашняго поселянина, опредѣляемая его понятіями, и потомъ уже открывать, чего у него не доставало и какъ въ самомъ дѣлѣ тяжелы были условія его зависимости отъ пана. Ни того, ни другаго здѣсь не сдѣлано: авторъ переводитъ тогдашнія деньги на наши, слѣдуя единственно кievской комиссіи, не указавъ, на какомъ основаніи онъ принимаетъ такой переводъ, да и самый переводъ еще ничего не значитъ, пока не покажется намъ сравнительная цѣнность вещей и житье-бытье поселянина. Отдавая дань признательности за все, что выходило до сихъ поръ изъ-подъ пера даровитаго автора, подарившаго насъ не одною любопытною статьею по отечественной исторіи, мы не можемъ однако теперь не замѣтить, что, по нашему крайнему разумѣнію, онъ на этотъ разъ увлекся за гра-

ницы научнаго холоднаго безпристрастія, особенно необходимаго въ изложеніи такого можно—сказать щекотливаго предмета, какъ страдавія русскаго народа подъ властью Польши — щекотливаго именно потому, что въ настоящее время польскіе ученые, литераторы, журналисты сіяются насъ укорить въ пристрастіи къ своимъ и въ несправедливомъ очеркѣніи Поляковъ, и въ то же время хотять доказать, что нашимъ предкамъ, мароссійскимъ мужикамъ былъ рай подъ польскимъ правленіемъ, Чтобъ быть правыми передъ польскою письменностью, надо бы намъ прежде ихъ самимъ къ себѣ быть строгими. Г. Мордовцовъ (стр. 25) касается, по основанію самаго предмета, двухъ родовъ поселянъ—коронныхъ или великокняжескихъ (вольныхъ) и владѣльческихъ. И тѣ и другіе, по его мнѣнію, были отягощены безиѣрно. О первыхъ говоритъ г. Мордовцовъ (стр. 26): «Живя на казенной землѣ, коронный подданный обязанъ былъ платить за нее 21 грошъ съ волокна, кромѣ платы натурою и обязанности работать на казну каждые два дня въ недѣлю и выходить безотговорочно на работу во всякое время, когда *сойтъ* признаеть это необходимымъ, хотя бы для того поселянина долженъ былъ погнуть въ полѣ свой собственный хлѣбъ или потерять все, что имѣеть. Величина поземельной платы—21 грошъ, будетъ понятна для насъ исполнѣ только тогда, когда мы эти деньги переведемъ на наши цѣны и опредѣлимъ, чему равнялся бы этотъ поземельный платежъ въ настоящее время. 21 литовскій грошъ приблизительно равнялся стоимости 1 р. 5 к. сер. на наши деньги; но такъ какъ въ то время хорошій вольт цѣнился въ 50-40 грошей и даже меньше, то изъ этого можно заключить, что и 21 грошъ, по тогдашнимъ цѣностямъ, стоилъ поселянамъ многихъ трудовъ и лишеній». Авторъ недѣлаеть ссылки въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о платѣ 21 гроша съ волокна. По смыслу у г. Мордовцова выходитъ, какъ—будто—бы все платять одинаково, несмотря на различіе качества земли. На стр. 41, отд. II, втораго тома кіевскихъ памятниковъ мы читаемъ: «Цыниу 3 волокна кгрунту добърого 21 грошъ, 3 середнего 12 грошей, сподлого 8 грошей, а съ вельми подлого, песьковатого альбо блотливаго 6 грошей». Вотъ у насъ дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ. «Кромѣ того, говоритъ г. Мордовцовъ (стр. 30), что крестьяне платили поземельныя пошляны, они обязывались вносить въ казну еще слѣдующій оброкъ: съ дыма—два гроша, съ хлѣба и съ дерева бортнаго — три гроша отъ каждой бортной лѣстницы; кто же не

имѣеть ни того, ни другаго, и живетъ на огородѣ, тотъ долженъ дать отъ огорода одинъ грошъ, а кто не имѣеть и огорода — долженъ дать полгроша съ дыма». Авторъ дѣлаетъ ссылку на 210 стр. II отд. II тома кievскихъ памятниковъ. Находимъ эту страницу и видимъ, что все такъ изъясненное относится не къ тѣмъ крестьянамъ, которые платили чиншъ съ волокъ, а къ мѣщанамъ: «Мещане всихъ местъ абы давали съ каждого дому по два грошы, а хто волоку держытъ, тогда особно отъ волоки маеть дати тры грошы, а съ маргвоу пры местехъ по чотыри пенези, а отъ прута огородного местьского одинъ пенязъ; а где волокъ еще нетъ, ино з дому два гроши, а съ фолварка листьского або с пашни по шести грошей, а въ которомъ фолварку людиной службы—по шести грошей, а отъ огородника по два грошы. А русскіе волоки, где волоки немероны, могутъ з дыму дати таковаго въ которомъ земли своее и особного хлеба уживаютъ грошы два с хлеба, а з дерева бортного грошы 3 лезыва; а хъто того обойга не вживаеть только, на огороде седить, тотъ отъ огорода грошъ одинъ дати маеть; а хто и огорода не маеть бы, тотъ з маеть дыму дати полъгроша».

Далѣе г. Мордовцовъ говоритъ (тамъ же, стр. 30): «Этого мало; кромѣ платы деньгами, поборы въ казну натурой существовали сами по себѣ, и нельзя сказать, чтобы очень легкіе: съ каждой волоки хорошей и посредственной земли давалось по двѣ бочки овса; а если овса было достаточно въ казенныхъ магазинахъ, то крестьяне обязаны были давать вмѣсто овса десять грошей.» Это дѣйствительно относится къ тѣмъ, которые платятъ съ волоки чиншъ, только г. Мордовцевъ упустилъ прибавить, что при худой землѣ съ волоки давалось не двѣ бочки, а только одна (стр. 41). Сверхъ того, г. Мордовцевъ сказалъ: «крестьянинъ, не желавшій везти своего овса на собственной подводѣ въ назначенное мѣсто, платилъ 10 грошей.» Читатель пойметъ это мѣсто такъ, какъ-будто крестьянинъ овса все-таки долженъ будетъ дать, а за то, что везти не хочетъ, долженъ будетъ заплатить десять грошей. Но въ актѣ, откуда это извѣстие взято, ясно говорится, что собственно за бочку овса платится пять грошей, а за отвозъ другіе пять грошей. Между тѣмъ у г. Мордовцова удваивается такой поборъ, и сверхъ того онъ ведетъ читателя къ другой ошибкѣ: сказавъ выше, что «крестьяне вмѣсто овса обязаны давать десять грошей, «авторъ даетъ цѣнность бочкѣ овса вдвое противъ той цѣны, какая была въ дѣйствительности, и также

точно удваиваетъ цѣнность отвоза. Крестьяне давали еще съ волоки по возу сѣна, или платили вмѣсто него пять грошей—три за сѣно и два за отвозъ (очень худыя земли избавлялись отъ этого, какъ и отъ дачи овса); сверхъ того, крестьяне давали гуся, или вмѣсто него полтора гроша, пару куръ, или вмѣсто нихъ 15 пенязей, 20 яицъ или 4 пенязи, на неводы—два гроша, на провиантъ (*стакія*) два гроша съ половиной; если же не бралися провиантъ, то вмѣсто него съ 30 волокъ брали одну яловицу и два барана, или съ каждой волоки по курицѣ и по десяти денегъ. По мнѣнію г. Мордовцова (стр. 31), «эти мелкіе поборы обходились крестьянину конечно не такъ дешево, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и почти безвыходно держали его въ нищетѣ, конца которой онъ не видѣлъ и на будущее время. Въ сущности, сумма тутъ не велика, особенно если мы станемъ мѣрять ее по-своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тѣмъ временамъ такіе поборы были тяжелымъ ярмомъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI вѣка это было тяжелѣе татарскаго набѣга.»

Сверхъ этихъ поборовъ, крестьянинъ обязанъ былъ работать «два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней такъ называемой толоки», и исключая трехъ недѣль въ году—Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенья и масляницы. По расчисленію г. Мордовцова выходитъ 100 дней. Здѣсь не объяснено, кто работалъ за волоку. Слово «каждый крестьянинъ», употребленное г. Мордовцовымъ, есть уже его собственное, произвольное поясненіе въ подлинникѣ: «работы тяглымъ людямъ съ каждыя волоки по два дни въ недѣлю». Можно это ближайшимъ образомъ понимать не такъ, что каждый крестьянинъ, какимъ бы онъ пространствомъ земли ни пользовался въ натурѣ—полволокою, или волокою, или третью волоки, и все вмѣстѣ съ нимъ, сколько у него ни есть семейные, годные къ работѣ, обязаны отправлять двухдневную въ недѣлю работу, и такимъ образомъ каждое рабочее лицо должно работать два дни; а такъ: съ каждой волоки бралось два дни крестьянской работы. Сверхъ того, въ уставѣ, который изслѣдываетъ г. Мордовцовъ, остается неяснымъ: относится ли чиншъ и работа къ однимъ и тѣмъ же крестьянамъ, или же къ однимъ чиншъ, а къ другимъ работа. Работа назначается только однимъ *тяглымъ* людямъ; откупаться отъ работы нельзя. Но если урядъ найдетъ лишнихъ людей, то переводить ихъ на пустопорожнія волоки, и тамъ они уже вмѣсто работы платятъ 42 гроша,

а поземельнаго чиншу вообще со всѣми мелкими поборами выходить также 42 гроша (стр. 44, стр. 42). Сверхъ того, новопоселенцы, освобождаемые отъ работы, платили 10 грошей за какіе-то *квалты первоустановленныя*. Это сближеніе наводитъ на предположеніе, что быть-можетъ плата чинша съ мелкими поборами относится къ однимъ осадникамъ, а не къ тяглымъ, а послѣдніе вовсе не платили поземельной подати такъ что были два рода крестьянъ: одни чиншъ платили другіе вмѣсто чинша работаю давали вознагражденіе заудѣляемую землю. За волоку земли королю производилась двухдневная работа одного крестьянина. Въ томъ и другомъ смыслѣ разница безмѣрная; въ подлинникѣ неясность, а г. Мордовцовъ обошелъ ее и объяснилъ такъ, какъ нужно для того, чтобъ положеніе крестьянина казалось обременительнѣе.

Но допустимъ такъ, какъ думаетъ г. Мордовцовъ: положимъ, что одни и тѣ же и платили, и работали. Г. Мордовцовъ любитъ переводить тогдашнюю цѣнность на нынѣшнюю и примѣнять тогдашній порядокъ къ нашему современному. Послѣдуемъ и мы его приѣзру. Г. Мордовцовъ, желая показать тягость крестьянъ, беретъ цѣнность вола, а мы возьмемъ цѣнность гуся. Гусь стоитъ полтора гроша, слѣдовательно волокъ (почти 20 десятинъ) 12 гусей. Теперь гусь стоитъ обыкновенно 30 коп.: слѣдовательно, еслибъ теперь крестьянинъ заплатилъ бы за 20 десятинъ лучшей земли поземельной платы 3 р. 60 к.; работа одного крестьянина въ день среднимъ числомъ можно положить въ 35 коп.; 100 дней 35 рубл.; бочка овса=4 корца 2=четверти 4 руб., мелкіе поборы до 3 рублей, и того 45 р. 60 коп. Еслибы теперь землевладелецъ предложилъ земледѣльцу такія условія: платить 45 рублей за 20 десятинъ наилучшей земли, это было бы отнюдь не дорого.

Г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 27—28): «Но кромѣ того, смотря по обстоятельствамъ дѣла и по усмотрѣнію чиновниковъ, крестьяне обязаны были работать и во всякое время, когда находились уважительныя къ тому причины, за что впрочемъ слагались съ нихъ нѣкоторыя повинности, но въ такомъ только случаѣ, когда работы эти выходили изъ круга ихъ обыкновенныхъ занятій: такъ давались крестьянамъ нѣкоторыя льготы, когда на нихъ возлагалась доставка подводъ на слишкомъ большія разстоянія, постройка казенныхъ замковъ и дворовъ, и когда повинности эти отвлекали ихъ отъ хозяйства надолго и производили ущербъ въ ихъ собственной экономіи. Но

поставка подводъ, доставка лѣсу и постройка казенныхъ зданій въ сосѣдственныхъ помѣстьяхъ не считались отягченіемъ для крестьянъ и предоставлялись благоусмотрѣнію чиновниковъ. Если посылался чиновникъ съ казенными деньгами въ виленское казначейство, тогда войты, чередуясь погодно, изъ войтовствъ своихъ должны были снаряжать подводу для доставки этихъ денегъ: если чиновникъ везъ съ собой до 500 копъ денегъ, то ему давались двѣ подводы, если 1000 копъ, то четыре подводы. Плата прогонныхъ денегъ производилась также изъ мірской, т. е. крестьянской складчины: прогоны эти получали тѣ крестьяне, которые съ своими лошадьми употреблялись для перевозки денегъ изъ одного войтовства въ другое: они получали мірскихъ денегъ по грошу съ мила на одного коня. Не говорю здѣсь о прочихъ законахъ почтоваго вѣдомства, которые были организованы довольно правильно и тяжесть которыхъ падала опять—таки почти на одно сословіе крестьянъ.—Кромѣ всего этого, крестьяне обязаны были, по распоряженію начальства, возить къ пристанямъ казенный хлѣбъ; лѣсные товары и камень для казенныхъ построекъ въ мѣста, которыя имъ назначить ревизоръ; они занимались также сплавомъ казеннаго лѣса и дровъ въ Вильно; на ихъ отвѣтственности лежало исправное содержаніе мостовъ по дорогамъ, и каждое войтовство, подъ начальствомъ своего войта, не дожидаясь распоряженій «мостовничаго», устраивало мосты и переѣзды на свой счетъ и своими руками. Впрочемъ, за всѣ эти работы положена была для нихъ небольшая льгота въ ихъ обычныхъ повинностяхъ.» Повинности вообще имѣютъ такое свойство, что, исчисляя ихъ одну за другою, производишь ихъ рядомъ непріятное впечатлѣніе и рождается само собою соболѣзнованіе о тѣхъ бѣдьякахъ, которые подвергались или подвергаются такому множеству повинностей. Г. Мордовцовъ самъ ослабляетъ это впечатлѣніе словами: «за всѣ эти работы положена была для нихъ (крестьянъ) *небольшая* льгота въ ихъ обычныхъ повинностяхъ.» Но изъ актовъ видно, что эта льгота вовсе была не *небольшая*, а правильное замѣненіе такими работами или поземельной платы, или рабочихъ дней. Напр. за подводы: *а за то будутъ отпущати подданнымъ сплатовъ за волю-нашею водле жмешканя ихъ тамъ, на той послузъ нашей* (Пам. К. Ком. II. стр. 155); *а идъ бы тежъ за листомъ и розказанемъ нашымъ люди осадные збожья альбо товары лесные до портовъ возили, тоуды имъ вчиншоохъ также фолгда* (не сказано, малая или небольшая) *дасть быти уделана* (стр. 158). *Естьли подданыя за розказъ-*

немъ нашимъ листовнымъ камень возили, тогда имъ за то въ цыншохъ фолгда маеть быти вделана водле змешканя ихъ на той посылузе нашей (и здѣсь не сказано, какая). О мощеніи мостовъ: а подданными тяглыми мосты робити, за дни имъ повиноватиимъ (стр. 162).

Г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 29):

«...видимъ неопредѣленность этихъ повинностей. А это самое тяжелое состояніе для крестьянина. Онъ считаетъ себя болѣе безопаснымъ, если точно и опредѣлительно знаетъ, что именно отъ него требуютъ, что именно долженъ онъ платить въ казну и чиновникамъ, когда и сколько времени долженъ онъ отнимать у себя для казенной работы. Ему легче пожертвовать двумя третями всего своего времени и своихъ доходовъ, только бы это было опредѣленно разъ навсегда, чѣмъ не знать ни одного дня, который онъ могъ бы назвать своимъ, не имѣть ни одного пенязя въ кошелькѣ, который бы принадлежалъ ему и никому больше. Произволъ въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *маеть быти на бичьности вранду и ревизоровъ нашихъ*, т. е. «какъ угодно будетъ чиновникамъ», какъ они признаютъ за лучшее. Конечно, крестьянинъ тяготился такой безурядицей въ своихъ отношеніяхъ къ казнѣ и чиновникамъ: ибо онъ въ такомъ только случаѣ считаетъ себя вполне обезпеченнымъ, когда знаетъ, сколько онъ обязанъ внести въ казну, и какой поклонъ дать чиновнику, и сколько дней работать не на своей пашнѣ.— За то порядокъ казенныхъ работъ, пеня и тѣлесное наказаніе за всякое упущеніе опредѣлены уставомъ съ точностью.»

Изъ устава мы видимъ, вопреки г. Мордовцову, что не только о порядкѣ казенныхъ работъ, о пенѣ и тѣлесномъ наказаніи заботится съ точностью охуждаемое имъ законоположеніе, но также и о томъ, чтобъ не разорить крестьянина и оградить его отъ произвола властей. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать въ случаѣ неуплаты крестьяниномъ податей:

«Вопшь за росказанемъ враннемъ маеть такого ставить передъ урадомъ, а врандъ, доведавшися, есть ли могучы заплатити податокъ за недбалостью не платитъ, маеть его до везеня осадити, поколь заплатитъ... А воловъ и коней за цыншъ и ни за што много не грабити николи, а который человекъ не можетъ податку заплатити за теми причинами, то-есть за пожогою, за вымеретьемъ, або за

хоробою всего дому, за голодомъ, за побитиемъ граду и за вбоствомъ, такового кады вонтъ посѣтавить урядъ отъ войта лавъниковъ и суседовъ его, того вѣдомость вземши и еще маеть зосѣлати до его дому доведатися, досѣтаточне и справедливель то, такового маеть в реестръ уписати и пры личбе в скарбе оповедати, за которою причиною не могъ выдати...» (Пам. кievс. ком. II. 83).

Г. Мордовцовъ называетъ слова: *маеть быти на бачности владу и ревизоровъ нашихъ* ужасными для крестьянина. Онъ не указалъ, гдѣ и по какому случаю эти слова сказаны, но мы сами ихъ нашли на 155 стр. II отд. II тома кievскихъ памятниковъ и убѣдились, что ничего ужаснаго для крестьянъ въ нихъ нѣтъ. Говорится о томъ, чтобъ урядники дѣлали соображенія о постройкѣ зданій, доставкѣ дерева и поставкѣ подводъ, но передъ тѣмъ сказано, что въ такихъ случаяхъ крестьяне освобождаются отъ податей, и всякія такія предпріятія могутъ быть начаты единственно съ письменнаго дозволенія короля, а не самовольно: такимъ образомъ *бачности владу и ревизоровъ* предоставляется не болѣе какъ представлять хозяйственные проекты.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Мордовцовъ неправильно понимаетъ слово *владъ* или *урядъ* земскою полиціею: если уже переводитъ этотъ терминъ на наши обычаи и учрежденія, такъ это скорѣе удѣльная контора, чѣмъ земская полиція.

По мнѣнію г. Мордовцова (стр. 32—33), для литовскаго и малорусскаго крестьянина чиновникъ былъ положительнымъ и неотразимымъ зломъ, всю тяжесть котораго несло на себѣ низшее сословіе: тамъ чиновникъ существовалъ мужикомъ и всякое столкновение этого послѣдняго съ закономъ въ лицѣ засѣдателя (лавника) или другаго урядника, всякое дѣло—будь оно въ высшей степени правое—требовало извѣстной платы чиновнику—по закону. Издержки мужику обходились двойныя: платилъ онъ казнѣ—по закону, платилъ и чиновнику—по закону; и чѣмъ чаще мужикъ встрѣчался съ закономъ, т. е. съ чиновникомъ, тѣмъ больше боялся онъ и того и другаго, и тѣмъ больше желалъ этихъ встрѣчъ чиновникъ, имѣя въ нихъ все: «насущенный хлѣбъ», и жалованье, и награду за лишнія хлопоты—не говоря уже о «благодарностяхъ», о «поклонахъ», которые разумѣются сами собой. Оттого и въ законѣ является статья противъ взятокъ, въ которой поставлено, чтобы войты, засѣдателя и прочіе чиновники не полагали лишняго за свои дѣла, не брали взя-

токъ, не выдумывали разныхъ своевольныхъ поборовъ. Но какъ непрочна была эта статья устава, видно изъ того, что за всѣ свои плутни надъ крестьянами, за всѣ грабежи при слѣдствіяхъ и сборѣ пошлинъ, чиновникъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ однимъ только рублемъ, и вѣроятно оставался на прежней должности для выручки этого взятаго казной рубля.» Напротивъ того, мы встрѣчаемъ въ уставѣ, что старосты и тиуны за несправедливые поборы или за самовольное взятіе подводъ наказывались отставленіемъ отъ должностей, а урядники даже смертью («а старостове и тиуны подводъ жадныхъ отъ подданныхъ нашихъ на свою потребу, а ни прытелей своихъ брати не мають под утѣратою враду, а вранники ихъ где бы ихъ брали на свою albo чію иншю потребу горло тратить» (Пам. кiev. ком., т. II, отд. II, стр. 155). Урядники не могли брать что имъ угодно: ихъ доходы были опредѣлены съ точностью, они не могли въ случаѣ неуплаты крестьяниномъ ихъ доходовъ, какъ и вообще королевскихъ повинностей, ставить къ нимъ въ дома квартирентовъ (*лежневъ въ дома*), не смѣли они ѣздить за вымышленными поборами (*по коледы великодныи и пожытки вымышленые* стр. 130); урядникъ не былъ лицо неприкосновенное для крестьянина, который былъ обязанъ сносить отъ него всякую несправедливость: крестьянинъ имѣлъ право жаловаться ревизору на несправедливое управленіе уряда. Если бы слуга урядника сдѣлалъ скорбленіе крестьянину, самъ господинъ его долженъ давать отвѣтъ предъ ревизоромъ за своего слугу въ обидѣ крестьянину «а естли бы панъ вранникъ зъ своего намѣстника або зъ слуги за прошенемъ отъ войта або подданого справедливости укрывъжоному подданому не чинилъ, ино хотя бъ того слуги не было, повиненъ самъ панъ предъ ревизоромъ оную кривду ему отказывати и справа всказаное нагородити, а собена томъ слуге шкоды доходити, а который бы вранникъ о такую кривду не отповѣдалъ, albo наговжати кривды ашкоды подданнымъ не хотѣлъ, то маеть ревизоръ панъ государю, а въ небытности насъ подскарбему ознатити») (Пам. кiev. ком., т. II, отд. II, стр. 128). Урядъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Не только позволялось подчиненнымъ на него жаловаться, но войтъ, состоящій подъ его непосредственнымъ начальствомъ, былъ обязанъ дѣлать ему замѣчаніе въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ, и если бъ такое замѣчаніе не было принято, то доносить ревизору (и того стеречи, абы вранъ винъ и пересудовъ надъ уставу не со-

*

бралъ, а если бы зомовашемъ его враль того не пересталъ, масть то войтъ ревизору оповедати» (Пам. К. К., т. II, отд. II, стр. 23).

Переходя отъ коронныхъ имѣній къ владѣльческимъ, г. Мордовцевъ еще болѣе хочетъ представить въ черномъ видѣ управление польскихъ пановъ и злополучное состояніе крестьянъ подъ ихъ властью. Онъ руководствуется здѣсь инвентарями, помѣщенными въ третьемъ томѣ Памятниковъ кievской комиссіи. Вотъ какое сужденіе дѣлаетъ онъ вообще о состояніи владѣльческихъ крестьянъ (стр. 37—38):

«Положеніе казеннаго крестьянина не можетъ дать ни малѣйшаго понятія объ участи другихъ несвободныхъ классовъ Рѣчи Посполитой: положеніе его должно было казаться рѣдкимъ благосостояніемъ въ глазахъ хлоповъ *вольныхъ похожихъ*.

«*Вольные похожіе*, не имѣя ключка собственной земли, которая вся находилась во владѣніи казны или принадлежала шляхтѣ, рано или поздно, поневолѣ должны были сдѣлаться такимъ же достояніемъ пановъ, какъ и прочіе хлопы: если поселянинъ хотѣлъ оставаться вольнымъ, хотя по имени, онъ долженъ былъ скитаться съ мѣста на мѣсто и не имѣть своей собственной кровли. Въ этомъ случаѣ статутъ заботился, кажется, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Если вольный человекъ прожилъ десять лѣтъ на одномъ мѣстѣ, платя всѣ требуемыя отъ него повинности и работая на господина, онъ дѣлался крѣпостнымъ владѣльца земли и могъ откупиться отъ него только десятию копами грошей. Онъ могъ избавиться отъ своего пана еще бѣгствомъ; но въ такомъ случаѣ панъ имѣлъ право отыскать его до десяти лѣтъ. Если въ продолженіе этого срока бѣглець не былъ пойманъ, то на одиннадцатомъ году становился снова вольнымъ; въ противномъ случаѣ дѣлался такимъ же крѣпостнымъ, какъ и другіе хлопы владѣльца. А *хлопъ* принадлежалъ господину весь, какъ принадлежали ему волы и овцы съ приплодомъ и шерстью, борти съ пчелами и медомъ, садки съ рыбой, лѣса съ дикими звѣрами; хлопъ работалъ на него столько, сколько позволяла ему силы и время, и если работалъ и на себя, то лишь только для того, чтобы все выработанное отдать господину же. Коронный крестьянинъ имѣлъ мѣсто и защиту въ законѣ, хотя въ сущности законъ этотъ былъ для него глухъ и нѣмъ, существуя только на бумагѣ, какъ мертвая форма, какъ чиновничья рутинна, и не мѣшая исполнителю закона толковать смыслъ его по своему уразумѣнію; хлопъ лишень былъ даже этого; онъ, если можно такъ выразиться, стоялъ

внѣ закона, по крайней мѣрѣ для своего владѣльца; всѣ артикулы, въ которыхъ повидимому защищались его человѣческія права, не существовали на дѣлѣ, уступая передъ силою обычая, послѣдствіе котораго жизнь хлопа могъ отнять панъ или его довѣренный. Хлопъ былъ рабъ въ полномъ смыслѣ слова. Хотя статутъ Сигизмунда III и заботился уже, чтобы хлопа не называли невольникомъ, для чего и подобранъ особый *артыкуль* — «о новомъ названіи челяди дворное, место того, *што ихъ передъ тымъ невольниками звано*», но перемена имени не спасла жизнь этой челяди отъ произвола господъ; исчезло названіе, но идея осталась вѣрно старинѣ, и много лѣтъ спустя послѣ изданія этого артикула, всякій помѣщикъ не боялся передавать своихъ крестьянъ въ аренду жидамъ и писать условія, которыя утверждались въ судебныхъ мѣстахъ, передъ лицомъ закона, и въ которыхъ не считалась предосудительною фраза, что жидъ-арендаторъ имѣлъ полное и неотъемлемое право судить и *горломъ карать* (т. е. лишать жизни, предавать казни) арендныхъ крестьянъ».

Картина трогательная, но г. Мордовцовъ не вполне правильно опредѣляетъ понятіе о хлопѣ. Хлопъ вовсе не рабъ: хлопъ просто мужикъ, поселянинъ; кромѣ *челяди дворные*, *што ихъ передъ тымъ невольниками звано*, рабовъ и не было. Всѣ хлопы имѣли право вольнаго перехода: крѣпостнаго права въ Польшѣ не существовало, а существовало право суда, панская юрисдикція. Панъ былъ судья крестьянъ, а не такой собственникъ ихъ, какъ собственникъ какой-нибудь вещи.

Разсматривая инвентари, г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 38): «развернемъ какой-угодно инвентаръ помѣщичьяго имѣнія», и беретъ инвентаръ Заборольскаго, сознаясь однако, что въ немъ говорится немного и притомъ какъ бы вскользь. Когда рѣчь идетъ о крестьянскихъ повинностяхъ, то и по немногимъ сказаннымъ словамъ можно судить о многомъ недосказанномъ. Въ этомъ описаніи состоянія крестьянъ въ имѣніи Заборольскаго два раза г. Мордовцова увлекло за предѣлы справедливости сочувствіе къ страдающему простому народу. Говоря о различіи коней и клячъ, г. Мордовцовъ, какъ показываетъ его тонъ, полагаетъ, что кляча значила здѣсь то же, что теперь значить у насъ, и воображаетъ себя вѣроятно худую, едва двигающую ноги лошадь: тутъ кляча значить вообще кобыла, даже очень жирная и дюжая. Это первое его увлеченіе. Второе гораздо важнѣе, ибо касается уже не лошадей, а людей. Г. Мордовцовъ опредѣляетъ

повинности крестьянъ въ имѣніи Заборольскаго такъ: «они должны были работать на помѣщика каждый день (*)» и сверхъ того ежегодно давали ему по мацѣ (до 5 четвериковъ) овса съ каждаго вола». Окончивъ описаніе инвентаря, г. Мордовцовъ приводитъ ссылку: «Пам. изд. врем. ком., т. III, отд. II, стр. 16». На указанной имъ страницѣ говорится: *повинности ихъ в рось с каждою вола по мацы овса, а на роботу повинни слухати яко роскажуть*. Гдѣ же тутъ каждый день? А неопредѣленное «повинни слухати яко роскажуть» объясняется послѣдующими ниже инвентарями, гдѣ говорится, что работу отбываютъ по старому обычаю, т. е. это не составляло предметъ инвентаря, имѣвшаго цѣлью только описать существующія въ имѣніи вещи, а не повинности. Правда, кievская комиссія въ своемъ предисловіи сдѣлала сноску и въ ней (стр. IX) упоминаетъ о существованіи въ дѣлахъ такихъ инвентарей, гдѣ установлена каждодневная работа, но ни одно такое дѣло не напечатано: объ нихъ знаютъ только гг. Юзefовичъ да Иваншевъ, а *мы грішні*. Въ тѣхъ же инвентаряхъ, которые комиссія напечатала, нѣтъ такой повинности. Мы не въ правѣ подозрѣвать добросовѣстность комиссіи въ напечатанныхъ актахъ, какъ это дѣлаютъ Поляки, но въ правѣ не принимать на вѣру толкованія комиссіи, особенно послѣ такихъ переводовъ, какъ напр. корчмы покутныя = корчмы для содержанія преступниковъ, тогда какъ слово корчма покутная = *karczma pokutna* = корчма потаешная, именно такого рода корчма, какія преслѣдовались и въ московскомъ государствѣ въ воеводскихъ наказахъ словами: «корчмы и блядни не держать, зернью не играть, табуку не пить и проч.» Мимоходомъ мы коснулись этого, чтобы показать, что кievская комиссія, при всей своей добросовѣстности, не чужда правилу: *ergaе humanum est*, и потому въ тѣхъ инвентаряхъ, которые остались не напечатанными, мѣста могли быть объяснены также произвольно, какъ и г. Мордовцовъ, и даже, если тамъ есть слово «каждодневно», то быть-можетъ, его слѣдуетъ понимать не такъ, чтобъ каждый крестьянинъ обязанъ былъ каждый день работать, а такъ, что каждый день производится крестьянская работа. Между тѣмъ г. Мордовцовъ не только изобразилъ намъ бѣдственное состояніе мужика, обязаннаго каждый день работать на помѣщика, да еще платить помѣщику (съ чего же онъ будетъ платить?

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Тутъ ужъ нетолько угнетеніе, а невозможность), но еще и представилъ (стр. 39—40), какъ народъ воспѣвалъ свое горе:

«Натурально, что у такого народа могла сложиться грустная пѣсня, которая, находя сочувствіе въ угнетенной массѣ, пережила цѣлыя столѣтія и еще до сихъ поръ раздается на Воляни:

«Ходить попокъ по церковци,
У книжку читаетъ:
— Ой, чомъ же васъ, добри люди,
У церкви не має?
— Ой, якъ же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Одъ недели до недели
Маемъ молотити!...»

Пѣсня эта доставлена г. Мордовцеву мною. Она начинается слѣдующими стихами:

Була Польша, була Польша,
Па стала Россія:
Не одбудь сынъ за батька,
А батько за сына!

Эта пѣсня точно изображаетъ угнетеніе крестьянъ подъ властью помѣщиковъ. Но когда? Уже въ позднѣйшія времена, когда западно-русскій край былъ восприсоединенъ къ русскому міру. (въ XVII стол.) Правда, можно понимать слова: «була Польша и стала Россія» такъ, какъ-будто народъ хотѣлъ сказать этимъ: что-жь это значить? Была Польша, намъ было худо; а теперь нѣтъ Польши, уже теперь мы у себя дома, подъ своей властью, въ своемъ государствѣ, а намъ все еще худо отъ Поляковъ. Но можно, пожалуй, этой же пѣснѣ дать и другое толкованіе такого рода: была Польша—намъ было хорошо, а стала Россія—намъ не лучше! Поляки непременно дадутъ точъ-въ-точъ такой коментарій этой пѣснѣ, хотя этотъ коментарій нимаю имъ не поможетъ, потому-что въ пѣснѣ народъ, хотя и подъ властью Россіи, жалуется все-таки на нихъ же. Но тѣмъ не менше пѣсня описываетъ позднѣйшія времена, а не тѣ, къ которымъ относить ее г. Мордовцевъ. Нельзя такимъ образомъ шагать черезъ три столѣтія.

Вообще инвентарі мало даютъ яснаго понятія о крестьянскихъ

повинностяхъ и о крестьянскомъ житіи—бытіи. Вотъ, напримѣръ, въ сокращеніи, сдѣланномъ г. Мордовцовымъ, инвентаръ имѣній Черногородскихъ (стр. 41):

«Тяглый крестьянинъ, получившій въ удѣлъ двориче или жеребій, платилъ помѣщику поземельный оброкъ, сообразный съ качествомъ и величиной участка земли, который былъ данъ ему въ обработку. Самая большая плата состояла изъ 80 грошей или около 4 нашихъ цѣлковыхъ; другіе платили 60 грошей (около 3 р. сер.); за меньшія дворичи вѣзмалось большею частью 30 и 29 грошей, что составляло почти нормальную цѣну посредственнаго дворича. Кромѣ поземельнаго оброка, крестьяне платили еще дань медовую и плата эта была различна: такъ, напримѣръ, крестьяне села Маневичей, которыхъ считалось только шесть дворичей, платили медовой дани 112¹/₂ ведеръ, кромѣ платы за землю, которая у нихъ равнялась 29 грошамъ съ дворича; крестьяне же села Рудникова, у которыхъ считалось 24 дворича, давали медовой дани только 24 ведра, и т. д. Относительно работъ тяглыхъ людей въ инвентарѣ сказано очень неопредѣленно, именно: *а повинность работы ихъ водлугъ давного звычаю*. Что это былъ за *старый обычай*, неизвѣстно. Можетъ быть это значитъ, что черногородскіе крестьяне отбывали такую же барщину, какая была въ имѣніи Заборольскомъ, т. е. каждодневную».

Г. Мордовцовъ прибавляетъ отъ себя «можетъ быть», когда ему хочется, чтобъ крестьянамъ было похуже подъ пацскимъ владѣніемъ; а мы, съ своей стороны, скажемъ: можетъ быть эта повинность была самую легкую для крестьянъ — единственно на томъ основаніи, что намъ бы хотѣлось, чтобъ крестьяне благоденствовали. Въ самомъ же дѣлѣ, въ черногородскомъ имѣніи остается неизвѣстною въ то время вполне не только работа, но и количество земли и угодьевъ, получаемыхъ крестьянами. Изъ этого инвентаря нельзя извлечь ровно никакихъ заключеній — ни благопріятныхъ, ни дурныхъ для польскаго или малороссійскаго самолюбія.

Справедливо замѣчаетъ авторъ, что изъ всѣхъ инвентарей, помѣщенныхъ въ намятникахъ, отчетливѣе всѣхъ составленъ инвентаръ имѣнія Полонскаго. Мы приведемъ его описаніе, чтобъ читатель самъ видѣлъ, насколько возможно познакомиться съ состояніемъ крестьянства подъ польскимъ владычествомъ.

«Къ имѣнію Полонскому было приписано шесть селъ различной величины, съ отведенными для каждаго участками земли, которая и

была роздана крестьянамъ за опредѣленную плату и на извѣстныхъ условіяхъ. Хозяйственная система, введенная въ этотъ имѣніи, совершенно отлична отъ показанныхъ выше: здѣсь не назначалось особой усадебной земли, необходимой въ каждомъ селеніи, какъ бы ни было оно малонаселенно, и потому не было особой свободной земли, предназначенной для выгона; но вся земля разбита была на *волоки*, на извѣстныя, одинакіе участки, которыми пользовались крестьяне, съ тѣмъ однако, чтобъ каждое семейство, получивъ участокъ земли, селилось на немъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ и хозяйственными принадлежностями, составляя совсѣмъ отдѣльное отъ прочихъ хозяйство—нѣчто въ родѣ хутора. Лучшая часть полей, луговъ и лѣсовъ отчислялась въ пользу помѣщика, для устройства *фольварковъ* и подъ господскія пашни и сѣнокосы; остальная земля дѣлилась между крестьянами. Фольварковыя пахатныя поля, предназначенныя собственно для помѣщика, иногда оставались въ его непосредственномъ владѣніи и воздѣлывались крестьянами посредствомъ барщины, а иногда, по примѣру прочей земли, дробились на волоки и раздавались крестьянамъ, по ихъ желанію, за условленную плату. Само-собой разумѣется, что не всѣ были въ состояніи пользоваться этой землей, потому что поземельный оброкъ съ нея обходился очень дорого для крестьянина.

«Я сказалъ, что вся земля Полонскихъ была раздѣлена на *волоки*. Волока заключала въ себѣ 19 русскихъ десятинъ и 2100 сажень. На этихъ девятнадцати десятинахъ селилось иногда одно крестьянское семейство, если оно было довольно большое и могло обрабатывать 19 десятинъ; иногда—нѣсколько семействъ. Повидимому, въ землѣ недостатка не было. По экономическимъ расчетамъ тогдашнихъ хозяевъ, волока земли считалась вполне достаточною для водворенія на ней со всѣми необходимыми принадлежностями полного крестьянскаго хозяйства, которымъ заведывали нѣсколько семействъ, потому что волока заключала въ себѣ довольно значительное количество земли и не могла быть обработана руками одной семьи. Обыкновенно помѣщикъ распредѣлялъ землю между своими крестьянами такимъ образомъ: нѣсколько семействъ, соединивъ свой рабочій скотъ и какой у кого водился земледѣльческій капиталъ, составляли нѣчто въ родѣ маленькой общины, товарищества, и брали у владѣльца въ пользованіе себѣ одну волоку; потомъ, съ общаго согласія, раздѣляли ее на мелкіе участки, сообразно съ силами и средствами каждого хозяйства, и каждая семья воздѣлывала свой уголокъ отдѣльно, помогая,

въ случаѣ надобности, своимъ товарищамъ и отбывая повинности со-обща; поземельный оброкъ за свою волоку вносило все товарищество вмѣстѣ. Не соединивъ своихъ средствъ и рабочаго скота, конечно не всѣ крестьяне могли бы воздѣлывать землю, потому что недостатокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ и рабочемъ скотѣ былъ такъ ощутителенъ, что на нѣсколько семействъ приходился только одинъ волъ: такъ семейство Бартоломея Панасовича, имѣвшаго двухъ сыновей, пользовалось двумя третями волоки; остальная часть земли, т. е. одна треть волоки, была раздѣлена еще между тремя хозяйствами. Такимъ образомъ шесть хозяйствъ были въ состояніи воздѣлывать одну только волоку, да и то, втроятно, съ большимъ трудомъ, потому что на всѣ эти шесть хозяйствъ приходился одинъ только волъ и ни у кого изъ нихъ не было лошадей. Или: Кузьма Тарасовичъ съ сыномъ получилъ треть волоки, Удодъ Ярмомъ, имѣвшій трехъ сыновей—другую треть и Сайвороснѣвичъ съ тремя братьями—остальную треть: и всѣ они, въ общей сложности, имѣли трехъ воловъ и одну только лошадь. Въ этомъ случаѣ на мужскую душу приходится около двухъ десятинъ земли. Нѣкоторые семейства брали волоку и на такихъ условіяхъ, что вся земля оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго товарищества.

«Такая хозяйственная система въ способѣ распредѣленія земли оказалась очень удобною для крестьянъ, особенно для такихъ, которые были довольно бѣдны и безъ посторонней помощи не могли отбывать своихъ повинностей. Крестьянинъ, не имѣвшій ни средствъ обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ, ни довольно рабочаго скота, чтобы воздѣлывать самый маленькій клочокъ земли, вступивъ въ товарищество съ зажиточнымъ крестьяниномъ, становился и самъ если не безбѣднымъ, то по крайней мѣрѣ не бесполезнымъ для помѣщика и общества; между тѣмъ какъ зажиточный мужикъ, имѣя нѣкоторый излишекъ въ средствахъ и какого-нибудь гулячаго вола, не только обрабатывалъ свою собственную волоку на правахъ полного и самостоятельнаго хозяина, но съ другой частью капитала присоединялся еще къ товариществу и былъ снова полезенъ и помѣщику и себѣ. Такихъ случаевъ находимъ въ инвентарѣ довольно много. При иномъ положеніи дѣлъ, всѣ повинности, соединенныя съ довольно значительною поземельною платою, могли бы сдѣлаться очень обременительными для подданныхъ, между тѣмъ какъ здѣсь даже тѣ семейства не были вовсе бесполезны, въ которыхъ не было ни одного взрослога мужчины—

ни одного работника. Характеръ малорусскаго поселяннина, какъ известно, проявляется въ томъ, что онъ не любитъ жить въ большомъ семействѣ, и каждый взрослый сынъ просится въ отдѣлъ и заводитъ свое хозяйство (что у великороссіянина, издавна привязаннаго къ общинѣ, къ міру, и почти не знающаго раздѣльности семейства, бываетъ наоборотъ): естественно послѣ этого, что вдовы, оставаясь послѣ мужей съ одними малолѣтними дѣтьми и не имѣя возможности присоединиться къ семейству мужа, отдѣлившись отъ отца и братьевъ, не могутъ поддерживать своего хозяйства и впадаютъ въ нищету. При такомъ же порядкѣ, какой былъ заведенъ въ имѣніи Полонскомъ, зло это, почти неизбежное въ Малороссіи, могло быть устранено: вдова, у которой, при достаточности земледѣльческаго капитала, рабочаго скота и прочихъ необходимыхъ средствъ, не доставало рабочихъ рукъ и опытнаго распорядителя, могла поправить зло, присоединясь къ какому-либо товариществу или принявъ въ помощь къ себѣ другое семейство съ опытнымъ мужчиной: всякій хорошій, но бѣдный работникъ могъ быть полезенъ въ этомъ случаѣ, вступивъ въ товарищество съ другой семьей не въ качествѣ наймита, а на правахъ такого же хозяина».

«Но приступимъ къ обзорѣннѣю повинностей и работъ крестьянскихъ. Повинности были распределены сообразно званію крестьянъ, потому что кромѣ тяглыхъ, огородниковъ и подсуздковъ, въ имѣніи Полонскомъ были еще *осадники*, *боляре путные* и *боляре конные*».

«Въ селахъ; Городищѣ, Горкахъ, Полоннѣ и Оздовѣ повинности тяглыхъ крестьянъ были такого рода:

«*Чиншу*, т. е. поземельнаго оброка, каждый тяглый платилъ съ своей волоки 2 копы и 40 грошей, что составляло около 8 руб. сер. Натурой крестьяне обязаны были давать: *жита дякольнаго*, для заѣва фольварковыхъ пашень, съ каждой волоки по полмацы луцкой мѣры, насыпая въ уровень съ краями; каждое село давало известное количество овса; *стаціи*, т. е. съѣстныхъ припасовъ, на случай пріѣзда князя, давали одну яловницу и одного барана съ десяти волокъ; а съ каждой волоки особо—по одному гусю, по двѣ курицы, по 20 яицъ и по возу сѣна. *Барщина* состояла въ слѣдующемъ: крестьяне обязаны были пахать лѣтомъ одинъ день для господской озими, и въ назначенное управителемъ время, вывезти на господскую пашню рожь, собранную съ крестьянъ же по полмацы съ волоки, посеять и въ одинъ день забороновать, наряжая по одной боронѣ съ

каждой волоки. Сколько бы ни было посеяно хлѣба на господской пашнѣ, весь такой хлѣбъ обязаны четыре поименованные села пожать сгономъ свезти въ барское гумно и сложить въ скирды. Крестьяне обязаны съ каждой волоки, за которую платится чиншу 2 копы и 40 грошей, привезти на господскій дворъ ежегодно по 4 воза дровъ изъ господскаго лѣса, а также и изъ чужихъ лѣсовъ, если это будетъ приказано управителемъ. Каждое село обязано заблаговременно скопить сгономъ назначенную ему долю господскихъ сѣпокосовъ, по оповѣщенію и приказанію управителя; высушивъ сѣно, каждое село обязано было сложить его въ скирды и потомъ доставить на барскій дворъ. Стражу для двора Полонскаго обязаны давать всѣ села поочередно, наряжая по два сторожа въ недѣлю; а когда прїѣзжалъ князь, то наряжали сторожей по мѣрѣ надобности. Также и подводу эти четыре села обязаны были давать по очередно, ежегодно наряжая по одной подводѣ съ волоки, не далѣе 20 миль. Если съ какой-нибудь волоки уже наряжена была одинъ разъ подвода, то въ этомъ году крестьяне не обязывались давать другую подводу. Они должны были являться сгономъ для починки плотинъ (grobli), для загачиванія прорывовъ, насыпи отмелей, доставки хвороста и соломы, откуда прикажетъ управитель. Всѣ эти работы они должны были отбывать во всякое время, когда требовала надобность.

«Повинности эти были пояснены еще слѣдующими правилами: крестьяне не должны были нанимать земель у крестьянъ, принадлежавшихъ постороннимъ владѣльцамъ; въ противномъ случаѣ они платили штрафъ въ пользу помѣщика и теряли весь хлѣбъ, посеянный на нанятой землѣ. А если кому изъ нихъ надобилась земля, то они должны были брать волоки на землѣ своего господина, за положенную плату, если только гдѣ имѣлись такія волоки.—Крестьяне должны были уплачивать чиншъ управителю осенью, въ день св. Мартына и не позже св. Николая; а кто изъ нихъ не могъ отдать чиншу до св. Николая, то управитель наказывалъ такого тюремнымъ заключеніемъ. — При отдачѣ *чиншовъ*, *бирчаго* и *писчаго*, управитель бралъ еще съ каждой волоки по 12 листовыхъ пенязей. — *Громады*, т. е. сельскія сходки, назначаемыя для господскихъ надобностей, должны были собираться не въ будничные, но въ праздничные дни; а еслибы кто изъ крестьянъ не явился на сходку, то долженъ былъ заплатить управителю 2 гроша».

«Въ нѣкоторыхъ селахъ были и большія повинности».

«Другой классъ крестьянъ — *огородники* не имѣли особаго пахатнаго поля въ своемъ пользованіи, а получали только по 3 морга земли подъ огороды. За это они платили по 12 грошей чиншу и по два дня въ недѣлю работали на барщинѣ пѣшіе. Они менѣе другихъ были полезны помѣщику. У огородниковъ не было ни лошадей, ни другаго рабочаго скота, потому и на барщину выгонялись они пѣшіе. Что такихъ полуземледѣльцевъ было довольно въ каждомъ селѣ, видно изъ того, что списокъ огородниковъ каждой волости очень значителенъ; а отсутствіе рабочаго скота, и по этой причинѣ занятіе огородничествомъ, требующимъ только заступа и рукъ, не совсѣмъ рекомендуетъ достаточность малорусскихъ крестьянъ того времени; — Огородники села Коршова, владѣя хорошей землей, платили не 12, а 30 грошей чиншу: плата довольно тяжелая для огородника! — Самый печальный классъ сельскихъ обывателей составляли *подсусѣдки* — исключительное явленіе того смутнаго періода времени, когда не у всякаго крестьянина была соха и у рѣдкаго пара воловъ. И только подсусѣдки, жившіе почти за Христа—ради у другихъ крестьянъ и не имѣвшіе ничего кромѣ рукъ, способныхъ къ работѣ, а иногда лишеныя и этого достоянія, — только подсусѣдки избавлялись отъ оброка, на томъ основаніи, что они не могли ничего заплатить за себя. Повинности ихъ состояли въ томъ, что они работали на барщинѣ по одному дню въ недѣлю.

«Крестьяне же, называвшіеся *осадниками*, или «подданные осадные», отличались отъ тяглыхъ крестьянъ тѣмъ, что за право пользоваться господскою землею платили 3 копы (до 9 р. сер.) съ волокъ и были избавлены отъ барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей, лежавшихъ на прочихъ тяглыхъ людяхъ, огородникахъ и подсусѣдкахъ».

«Были и такіе крестьяне, которые въ одно и то же время состояли на правахъ тяглыхъ и несли все крестьянскія повинности, а между тѣмъ, владѣя другою волокою и платя за нее 3 копы, считались осадниками и избавлялись отъ барщины и повинностей по той волокѣ, съ которой платили осаду».

«На правахъ осадныхъ крестьянъ были и *боляре осадные*—собственно такіе сельскіе обыватели, которые обращены были изъ боляръ въ пахатныхъ крестьянъ. Въмѣсто отправленія барщины и взноса натуральныхъ повинностей, они платили помѣщику 3 копы осады».

«Такъ какъ въ XVI вѣкѣ не существовало еще правильнаго

устройства почтъ, то обязанность развозить письма и другія бумаги къ частнымъ лицамъ и въ разные уряды возлагалась помѣщиками на особый классъ крестьянъ, называвшихъ *боярами путными*. Повинность эта называлась *листовою службою*. Кромѣ доставки бумагъ отъ помѣщика или управителя, бояре путные должны были провожать господскія подводы, отправлявшіяся куда-либо по надобности. Служба ихъ вознаграждалась участками земли въ половину волоки или въ цѣлую волоку, которые давались имъ отъ помѣщиковъ въ пользованіе.

• *Боярами конными* были или безземельные шляхтичи, или и помѣщичьи крестьяне, получавшіе отъ помѣщика участокъ земли, съ обязанностью исполнять земскую военную службу. Такъ какъ въ то время каждый помѣщикъ несъ военную службу и былъ обязанъ снаряжать на свой счетъ определенное число панцырниковъ, которое назначалъ сеймъ, соображаясь съ средствами помѣщика и величиной его поземельной собственности, то, чтобы на всякій случай войны эти были готовы и могли выступить въ поле по первому требованію сейма, помѣщикъ отбиралъ изъ своихъ крестьянъ нѣсколько семействъ или приглашалъ бѣдныхъ шляхтичей, давалъ имъ въ пользованіе четыре волоки земли, свободной отъ обыкновенныхъ повинностей, и возлагалъ на нихъ обязанности воинской службы. Люди эти назывались *боярами конными* или *панцырными*. Повинности ихъ обозначены въ инвентарѣ такъ: «бояре конные полонскіе должны имѣть добраго коня, ружье и рогатину, носить ливрею его княжеской милости, и исправлять военную, сеймовую и другія службы, въ пользу князя, по приказанію его милости. Они освобождены за это какъ отъ чиновъ, такъ и отъ ѣзды съ листьями» (стр. 44—51).

- Не смотря на достаточную подробность этого инвентаря, невозможно произнести рѣшительнаго сужденія о состояніи крестьянъ. Какъ всякое положеніе, когда человекъ исполняетъ обязательный трудъ въ отношеніи другаго, когда бѣдный трудомъ своимъ угубжаетъ богача — состояніе крестьянина не могло не представлять стѣснительныхъ сторонъ. Но пусть г. Мордовцовъ сравнитъ этотъ инвентарь съ неписанымъ, но существующимъ de facto инвентаремъ знакомыхъ ему помѣщичьихъ имѣній въ наше время въ любой губерніи — хоть бы въ Саратовской — имѣній даже господъ прогрессивныхъ, гуманныхъ, даже литераторовъ, и найдетъ навѣрное, что польскіе инвентари ничуть не обременительнѣе нашихъ, такъ недавно перешедшихъ

въ область исторіи. А между тѣмъ жили же люди, привыкали и были довольны судьбою. — Не совсѣмъ вѣрно г. Мордовцовъ заключаетъ, что рѣдко одно семейство владѣло цѣлой волокой и гораздо чаще нѣсколько семей соединялось вмѣстѣ на одной волокѣ. Напр. въ селѣ Оздовѣ на 36 хозяйствахъ только 6 не имѣющихъ полной волоки (стр. 93—95), а нѣкоторыя владѣли двумя и даже четырьмя волоками. Въ селѣ Баіовѣ дѣйствительно сильное дробленіе, но за то, естественно, крестьяне въ отдѣльности меньше и отбывали повинностей. Число скота по большей части, правда, не представляетъ большаго благосостоянія крестьянъ, но не слѣдуетъ понимать число 1 подъ рубрикою воловъ за одного вола, а скорѣе за одну пару воловъ, ибо въ Малороссіи всегда вола считаютъ парами, а не штуками.

Самымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ угнетенія народнаго была отдача имѣній на аренды жидамъ; здѣсь г. Мордовцовъ имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримые факты, которые даютъ ему записи Александра Пронскаго и Григорія Сангушка Кошерскаго жида Абраму Шмойловичу: въ имѣніи, отданномъ послѣднему въ аренду, владѣлецъ предоставляетъ арендатору судъ и право смертной казни надъ крестьянами. «Подстароста владимірскій — говоритъ г. Мордовцевъ (стр. 58) — какъ предсѣдатель высшаго судебнаго мѣста, приказывалъ вносить эти записи въ городскія книги такъ: «Я, рассмотрѣвъ являемый листъ и находя его *составленнымъ законно* (смертная казнь по личному произволу — законна!), съ печатями и собственноручными подписями, принявъ его для внесенія въ книги, предъ собою приказалъ читать». Изъ этихъ—то городскихъ книгъ, сбереженныхъ временемъ, мы и почерпнули такія свидѣтельства о состояніи крестьянъ въ томъ варварскомъ вѣкѣ.

Замѣтимъ почтенному автору на его восклицаніе: «смертная казнь по личному произволу—законна!» — что смертная казнь предоставлена не по личному произволу, а по суду.

«Другіе арендные листы—продолжаетъ г. Мордовцевъ—не противорѣчатъ предыдущимъ. Только вмѣсто жида Абрамки Шмуиковича является жидъ Песахъ или другой подобный, и права его такъ же неограниченны, какъ и перваго; только въ записи Песаха прибавлено, что *въ аренду къ нему поступаютъ и церкви со всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе*. Жидъ Песахъ, какъ и Абрамка, имѣетъ право «судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ пенями (по зло—

тому съ провинившагося), а если бы кто по праву заслужилъ смерть, то карать и смертію». — И здѣсь, какъ тамъ, права арендатора выше всего на свѣтѣ; и Песахъ, какъ Абрамко, не страшится никакихъ случайностей и не знаетъ отвѣтственности ни передъ паномъ, ни передъ закономъ».

Отдача жиду въ аренду имѣнія съ правомъ суда и казни производить на насъ какое-то приводящее въ дрожь впечатлѣніе. Но повѣримъ его хладнокровно. Само по себѣ, безъ другихъ обстоятельствъ, не есть ли оно плодъ того суевѣрнаго презрѣнія къ жидамъ, какое намъ внушено съ дѣтства, мимо человѣческаго достоинства жидовъ. А почему знать—вѣроятно Абрамко Шмойловичъ былъ гораздо умнѣе и справедливѣе того пана, который давалъ ему запись. Можетъ быть крестьянамъ было гораздо льготнѣе подъ властью мудраго Абрамки, чѣмъ подъ властью такихъ пановъ, которые своими записями побуждаютъ подозрѣвать не совѣтъ здоровое состояніе своего мозга? Одна отдача имѣній въ аренду жидамъ съ правомъ суда и казни, коль скоро это право существовало для пановъ, еще не должно насъ очень смущать; но дѣло въ томъ, что дѣйствительно народъ этимъ былъ недоволенъ—вотъ это важно. Народная пѣсня, выписанная изъ «Записокъ о южной Россіи» Кулиша служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, этого, лучше всякихъ инвентарей. Современники—шлоземцы, прѣзжая въ Польшу (какъ напр. Бопланъ, Дуодо), поражались чрезвычайно униженнымъ положеніемъ хлоповъ. Самые польскіе лѣтописцы не скрываютъ этого. Съ другой стороны однако, у самовидца, лѣтописца южнорусскаго, при исчисленіи несправедливостей, какія дѣлалъ Поляки украинцамъ, мы находимъ такіа строки:

«Надъ посольствомъ зась любо во всемъ или обфито въ збожахъ въ бидляхъ въ паськахъ, але однако чего не звыкла была Украина терпѣти! вымысли великіе были отъ старостовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ жидовъ, бо сами державцы въ Украинѣ на Украинѣ не мешкали, тилко урядъ держали, и такъ о кривдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо либо и знали, тилко заслылены будучи подарками отъ старостъ и жидовъ-арендарей, же того не могли узнати, же изъ часомъ по ихъ же шкуръ и мажутъ съ ихъ подданныхъ выдравши даруютъ, и прочъ». (Лѣт. сам., стр. 7).

Это свидѣтельство современника о томъ, что посольство жидовъ обфито (изобильно), сильно становится въ противорѣчіе съ жела

нѣшъ г. Мордовцова вывести изъ уставовъ и инвентарей матеріальное бѣдствіе народа: едвали оно происходило отъ самыхъ учреждений, а скорѣе отъ способа управленія, отъ произвола, отъ необузданности, отъ того, что дѣлалось, а не писалось, и отъ того, что хотя писалось, но не такъ дѣлалось, какъ было написано. Народу южно-русскому конечно было нехорошо, когда онъ взбунтовался: это ужъ такое доказательство, противъ котораго нечего сказать. Мы сочувствуемъ благородному негодованію г. Мордовцова къ утѣснителямъ южнорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, но возражаемъ ему, потому что считаемъ недостаточными тѣ матеріалы, на которые онъ опирается, съ цѣлью какъ можно чернѣе изобразить народное бѣдствіе и униженіе. Этого негодованія и не надобно въ дѣлѣ историческаго изслѣдованія. Слишкомъ много уже мы распустили восклицаній и вздоховъ на этотъ предметъ: пора приняться за него хладнокровно, заглушить наше сердечное участіе и дойти до результатовъ путемъ точнаго, мельчайшаго изученія подробностей. Мы увѣрены, что придемъ именно къ такому чувству, къ какому пришелъ г. Мордовцевъ, но тогда мы будемъ имѣть на изліяніе его несомнѣнное право. Памятниковъ кievской комиссіи недостаточно для обработки такого важнаго предмета, а авторъ руководствовался ими одними. Замѣтимъ еще почтенному ихъ автору, что весь уставъ о коронныхъ волокахъ относится къ Литвѣ, а не къ Малороссіи. Впрочемъ, начало положено. Если г. Мордовцевъ не оставитъ этого предмета и станетъ обрабатывать его обширнѣе и вмѣстѣ хладнокровнѣе, онъ можетъ разъяснить въ наукѣ русской исторіи одну изъ важнѣйшихъ строкъ прошедшей жизни. На его дарованіе надежда несомнѣнна; пусть употребитъ трудъ.

Самъ почтенный редакторъ г. Калачовъ подарилъ насъ въ этой новой книгѣ своего во всѣхъ отношеніяхъ полезнаго изданія двумя статьями: «Азбуки-прописи» (выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей конца XVII и начала XVIII вѣка) и разборъ диссертациі г. Дешпа, напечатанной еще въ 1844 году, о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича.

Справедливо говорить г. Калачовъ, что азбуки встарину были совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. Настоящія азбуки всѣ на одну стать приспособлены къ первоначальному обученію чтенія и письма; встарину, напротивъ, азбуки были чрезвычайно разнообразны. Это не были только руководства къ наученію читать и писать, но вмѣстѣ

доставляли предметъ для чтенія. «Для современниковъ, говоритъ г. Калачовъ, это были маленькія энциклопедіи или учебники житейской мудрости, въ конхъ предлагались главнымъ образомъ разнаго рода наставленія, совѣты и правила, относящіяся къ вѣрѣ и нравственности, и рядомъ съ ними также выдержки изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, кое-какія свѣденія изъ древней исторіи, формы актовъ, наиболѣе употребительныхъ въ практической жизни, и собранія замысловатыхъ загадокъ». Изъ этого уже видно, что изданіе старыхъ азбукъ не будетъ удовлетворять единственно археологическую любознательность, но доставитъ матеріалъ для исторіи, знакомя насъ съ наиболѣе распространенными произведеніями литературы и съ понятіями тогдашней публики, выражавшимися уваженіемъ къ выбору такихъ или другихъ образцовъ для всеобщаго чтенія.

Нѣкоторыя черты, приводимыя г. Калачовымъ, очень любопытны. Такъ напр. при каждой буквѣ слѣдуетъ фраза и даже нѣскольکو фразъ; первая произносится отъ имени божія, послѣднія — нравственно-религіозныя сентенціи. Напримѣръ:

«Д.—Добро есть вѣрующимъ во имя Мое,—Добро есть и божественная писанія прочитати и симъ просвѣщати, а о невѣдущихъ вещехъ у мудрѣйшихъ со смиреніемъ и покореніемъ вопрошати.—Добродѣтель всякая незабвенна предъ Богомъ».

Или:

«С.—Слово законопреступно возложиша на Мя.—Студно грѣхъ содѣвающе.—Со всѣми дружись и со всѣми любовь имѣй, а всѣхъ блюди, да не всѣмъ тайну повѣдай, да не злѣ постраждешь; иногда и другъ твой врагъ тебѣ бываетъ».

Этимъ способомъ какъ-будто хотѣли начинающему учиться внушить мысль, что книжное ученье исходитъ непосредственно отъ Бога и имѣетъ цѣлью нравственное совершенство человѣка, что дѣйствительно и поясняется въ нашихъ старыхъ словахъ и бесѣдахъ святыхъ мужей.

Очень замѣчательны нравственныя сентенціи, относящіяся собственно къ школьному быту: изъ нихъ видно, что учили за могорцы (вѣрно, сверхъ платы), и побой считались необходимымъ побужденіемъ.

«Послѣ молитвъ слѣдуетъ воззваніе къ ученику: «Велико имя Пресвятыя Троицы хотѣти умѣти, ино учитися, а не лѣнитися; сѣди крѣпко, а пиши гладко, не описливо; мастера не гнѣви, а себѣ по-

боевъ ни чини.» Другое наивное воззваніе этого рода встрѣчается въ однихъ азбукахъ среди образцовъ письма, а въ другихъ въ самомъ концѣ ихъ, какъ заключеніе. Одна редакція поучаетъ такъ: «Зри, смотри, внимай, разумѣй: похотѣти умѣти, ино ся, учитись, а не лѣзнитись, мастера чтити, а могорцу не жалѣти, а горести претерпѣти; аще горести не вкусити, то и сладости не видати.» Другая редакція гласитъ: «Зри очами, разумѣй сердцемъ, слышай умомъ, дѣлай руками, сѣди крѣпко, пиши прямо, у Бога милости промай: аще похотѣти умѣти, ино ся учить, мастера чтить, могорца не жалить; аще горести не вкуситъ, тако и сладости не видать.» Послѣдуетъ ли ученикъ этимъ увѣщаніямъ или нѣтъ, на всякій случай азбуки совѣтуютъ родителямъ и «мастерамъ» внушить имъ страхъ «жезломъ». «Родителие! не щадите жезла, аще хочете о чадѣхъ вашихъ веселитися: жезлъ бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтели.» — «Мало сына оскорбиши, но много ползуещи его: слезы его тако ти полу содѣють, якоже дождь благовремянный, на ниву изліянный.» — «Бій первое слово таже жезломъ, и отженени жесто-сердіе его и яко плевелы отбіени злонравіе.» — «Зеленъ виноградъ да не сладокъ; младъ умъ да не кротокъ; ковь не ученъ свирѣпъ; сынъ не наказанъ хотя и мудръ, а не безъ простоты.»

Нѣкоторыя сентенціи указываютъ, что духовенство руководило ученіемъ вообще и заботилось о себѣ: «Епископомъ, мастыремъ Христова стада словесныхъ овецъ, главу свою покланай со всякимъ благоговѣніемъ, и дастътися благословеніе божіе.»

Г. Калачовъ обращаетъ вниманіе особенно на примѣры изъ житейской мудрости, указывающіе на правила, которыя считались полезными въ обращеніи съ людьми. Изъ такихъ изрѣченій замѣчательно слѣдующее: «Не наступай на лице сильнаго человѣка, да не упадешъ въ сѣтъ, яко ластовица въ когти ястребу.» Тутъ проявляется тотъ рабскій эгоизмъ, который былъ неизбѣженъ въ обществѣ, гдѣ личное достоинство человѣка мало было гарантировано отъ произвола всякаго сильнѣйшаго. А вотъ извѣстный взглядъ на женщину, заимствованный изъ восточныхъ сочиненій и усвоенный у насъ подъ влияніемъ византійской книжности: «Умъ женскій твердъ аки храмъ непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ, до вѣтру стоить: вѣтри повѣють — и оплотъ отпадетъ.»

Замѣчательно, какъ характеристическая особенность нашихъ азбукъ, то, что къ нимъ прилагаются дѣловые бумаги. Здѣсь для примѣра

приведены образчики челобитной и заемной кабалы, какъ актовъ, въ совершеніи которыхъ чаще другихъ могла встрѣчаться надобность, и письмо сына къ родителямъ. Эти примѣры показываютъ, что формальность брала верхъ въ жизни и все дѣлалось по гарантѣ принятымъ и усвоеннымъ образцамъ. Наконецъ прилагаются загадки въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, извлеченныя изъ сборниковъ. Такихъ загадокъ встарину было безчисленное множество и онѣ составляли любимое препровожденіе ума. Большею частью онѣ относятся къ священной исторіи.

Въ другой статьѣ своей г. Калачовъ несправедливо укоряетъ г. Деппа въ односторонности за то, что онъ, отыскивая вліяніе германское на древнее законодательство, не только придалъ ему болѣе значенія, нежели сколько оно имѣло, но упустилъ совершенно другое, несравненно важнѣйшее и дѣйствительнѣйшее — вліяніе византійское.

Къ «Архиву» приложенъ указатель книгъ по русской исторіи, географіи, статистикѣ и русскому праву, вышедшихъ въ 1850 году, составленный г. Капустинымъ, и указатель статей по тѣмъ-же предметамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина, составленный г. Аванасьевымъ. Нельзя безъ признательности указать на этотъ почтенный и полезный трудъ, нельзя не пожелать чтобъ такимъ же образомъ составлены были указатели и для другихъ періодическихъ изданій.

Вообще «Архивъ» г. Калачова составленъ вполне безукоризненно.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даниломъ Манини, президентомъ венеціанской республики, переведенныя съ оригиналовъ, съ примѣчаніями г. Планà де ла Фэй. 2 тома. Парижъ.

DOCUMENTS ET PIÈCES AUTHENTIQUES laissées par Daniel Manin, président de la république de Venise. Traduits sur les originaux et annotés par F. Planat de la Faye. 2 vol. Paris. 1860.

25 сентября 1857 года Венеція представляла необыкновенное зрѣлище: многочисленныя толпы народа стремились къ церкви св. Марка; на всѣхъ лицахъ виднѣлась глубокая скорбь, повсюду царствовало мертвое молчаніе; только австрійская полиція и жандармы не раздѣляли общаго горя, напротивъ они съ жадностію ловили случай къ аресту какихъ нибудь неосторожныхъ гагіотовъ, — но напрасно. Также спокойно, съ той-же грустью выходили Венеціанцы изъ собора, отслуживъ мессу по одномъ изъ своихъ героев—изгнанниковъ: по человѣку, котораго геній боролся почти полтора года со всѣмъ могуществомъ Австріи. Человѣкъ этотъ былъ Даниэль Манини, бывший президентъ венеціанской республики, три дня тому назадъ скончавшійся въ Парижѣ въ бѣдности; извѣстіе о кончинѣ его глубоко потрясло всѣхъ истинныхъ патріотовъ, и народное сочувствіе къ нему

выразилось въ безмолвной, но искренней горести. Чтобы понять это явленіе, необходимо рассмотреть жизнь бывшего президента подробно, для чего лежащіе передъ нами матеріалы представляютъ драгоценное пособіе; но прежде чѣмъ приступить къ біографіи Манини, необходимо, для большаго ея уразумѣнія, бросить общій взглядъ на развитіе венеціанской республики.

Развитіе ея рѣзко отличается отъ развитія другихъ итальянскихъ республикъ отсутствіемъ папскаго вліянія и особымъ устройствомъ аристократіи. Византійское начало глубоко проникло въ государственныя учрежденія Венеціи и постоянно мѣшало свѣтской власти папъ. Демократическій элементъ, необходимый для благосостоянія всякаго народнаго правленія, способствовалъ ей освободиться изъ-подъ опеки византійскихъ императоровъ и поставилъ ее въ число сильнѣйшихъ державъ въ средніе вѣка. Въ первое время въ ней не было ни дворянства, ни семействъ, исключительно имѣвшихъ право на избраніе на престолъ; власть дожа была ограничена; «великій совѣтъ» состоялъ изъ 470 членовъ; каждый гражданинъ могъ попасть въ число ихъ; совѣтъ выбиралъ изъ среды себя 60 человекъ, которые составляли сенатъ и ежегодно смѣнялись. Такъ было сначала, но впоследствии развитіе торговли, усиливъ нѣкоторые дома, образовало торговую аристократію, которая стала стремиться къ сосредоточенію власти въ своихъ рукахъ. Въ концѣ XIII столѣтія право засѣданія въ «великомъ совѣтѣ» было предоставлено извѣстному числу семействъ и сдѣлалось наследственнымъ; тогда граждане республики раздѣлились на два класса: на дворянъ, участвующихъ въ управленіи, и на народъ, удаляемый отъ него. Учрежденіе «совѣта десяти» и инквизиціи сдѣлало изъ венеціанскаго правительства одну изъ самыхъ ужасныхъ олигархій. Подозрительная и коварная, она издала длинный рядъ постановленій, оберегавшихъ ее не только отъ попытокъ народа къ пріобрѣтенію власти, но даже отъ покушеній на то собственныхъ ея членовъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая тогдашнее правительство Венеціи съ правительствами папъ и синьоровъ, нельзя не замѣтить значительнаго его превосходства передъ ними: главная тяжесть его постановленій падала на дворянство; въ частной жизни была предоставлена гражданамъ полная свобода; науки и искусства процвѣтали; Венеція имѣла профессоровъ изъ знатнѣйшихъ семействъ; политическое краснорѣчіе было въ большомъ ходу; газеты въ первый разъ появились въ Венеціи. Все это показываетъ, что правительство не

боялось слова и только въ крайнихъ случаяхъ преслѣдовало его свободу; инквизиція духовная была учреждена съ такими ограниченіями, какихъ не было ни въ одномъ государствѣ; іезуиты шюгда не могли утвердиться; дворянство, стоявшее въ головѣ управления, несмотря на всѣ свои пороки, отличалось мужествомъ и готовностью умереть за отечество. Такъ оно послало сыновей своихъ защищать Падуу противъ Максимиліана (1509 г.). Но все это было тщетно: республика не можетъ существовать тамъ, гдѣ народъ развращается; частныя доблести не могутъ вознаградить общественнаго нравственнаго упадка. Когда пришла пора испытанія для Венеціи, слѣды вліанія аристократіи оказались: въ народѣ не было единодушія; дворянство выродилось; кредитъ республики былъ подорванъ; она не походила на Венецію XVI вѣка (*).

Демократическіе принципы, распространяемые французскою революціей, нашли себѣ сильное сочувствіе въ Венеціи. Генералъ Бонапарте воспользовался этимъ для низложенія стараго правительства, но вовсе не для возрожденія республики. По кампо-формійскому трактату венеціанскія владѣнія были раздѣлены между Австріей, Франціей и цизальпинской республикой; Французы расхитили арсеналь, отправили въ Тулонъ венеціанскій флотъ и присвоили себѣ коней св. Марка.

18 января 1798 Венеціанцы присягнули на подданство австрійскому императору; старый дожъ Манини не выдержалъ такого униженія и упалъ безъ чувствъ, произнеся присягу.

Кампанія 1805 года вырвала Венецію изъ рукъ Австріи и сдѣлала ее одной изъ провинцій итальянскаго королевства, но, послѣ паденія Наполеона, она снова поступила въ составъ австрійской имперіи.

Принимая Ломбардо-Венеціанское королевство, Францискъ II согласился сохранить его учрежденія и уважать его національность, считая достаточной гарантіей для этого провинціальныя и центральныя собранія. Но на дѣлѣ вышло не такъ. «Нѣмцы заняли большую часть мѣстъ; итальянскіе солдаты были завербованы въ австрійскую армію и посланы въ отдѣльныя области имперіи, французскіе закопы замѣнены

(*) Азартная игра свирѣпствовала въ ней до такой степени, что въ одной «редутѣ» считалось до 80 столовъ, за которыми металъ банкъ. «Совѣтъ десяти» и инквизиторы грабили казну; послѣдніе на одиѣ секретныя издержки употребляли до 140,000 дукатовъ ежегодно. При паденіи республики государственный долгъ простирался до 180 м. рублей.

австрійскимъ кодексомъ, самымъ варварскимъ въ Европѣ; майораты и монашескіе ордена возстановлены; всѣ журналы, исключая Миланской газеты, органа правительства, запрещены. Что касается до народнаго образованія, достаточно привести слова Франциска II профессорамъ павійскаго университета, чтобъ показать какъ понимало правительство просвѣщеніе: «знайте, господа, что я очень мало желаю видѣть въ своихъ владѣніяхъ увеличеніе ученыхъ и литераторовъ, но весьма хотѣлъ-бы имѣть вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ (*)».

Всѣ попытки благонамѣренныхъ людей улучшить положеніе страны были бесплодны: полиція въ каждомъ ихъ покушеніи видѣла начала заговора. «Полиція, говоритъ княгиня Бельджойзо, это ось австрійскаго правительства: она не имѣетъ предѣловъ власти, она одинаково смѣется надъ справедливостью и честностью; она хвалится даже своимъ неправосудіемъ и безчестіемъ; она не подвержена никакому контролю, никакой отвѣтственности».... Ничего въ имперіи не дѣлается безъ ея вліянія; всемогущество ея директора отражается и на подчиненныхъ; всякій, находящійся въ тайной или явной связи съ полиціей, выше закона... такимъ образомъ самые безчестные люди въ то же время самые могущественные. Со всякимъ днемъ этотъ классъ болѣе и болѣе размножается, потому что правительство не довѣряетъ своимъ чиновникамъ и у каждого шпіона ставить еще двухъ: окружный комиссаръ, помощникъ его, письмоводитель—всѣ другъ за другомъ наблюдаютъ, всѣ другъ на друга доносятъ. «Часто священникъ бываетъ однимъ изъ главныхъ колець этой цѣли; примѣръ его, сопровождаемый увѣщаніями, недостаточенъ ли для убѣжденія крестьянъ, что въ шпіонствѣ встрѣчаются и соединяются выгода и долгъ (**)».

Не довольствуясь этимъ, Австрія ежегодно собирала съ королевства отъ 40 до 50 м. австр. ливровъ: (около 11 м. руб. сер.); сверхъ того она не постыдилась обманомъ ввести въ государственннй долгъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства 24 м. австр. ливровъ и захватить изъ его кассы для погашенія долговъ 33 м.

Такое состояніе не могло долго продолжаться, особенно при повсемѣстномъ созданіи необходимости реформъ, при проснувшемся стремленіи къ національности. Австрійское владычество сдѣлало свое дѣло:

(*) Ист. Ит. Ричарди.

(**) Etude sur l'histoire de la Lombardie dans les 30 dernières années.

оно под гнетомъ своимъ сдѣло аристократію съ народомъ; оно пробудило древній патріотизмъ. Борьба была неизбежная, недоставало только вождей — они явились.

Даніилъ Манини былъ сынъ одного адвоката, обращеннаго Еврея, который, по венеціанскому обычаю, принялъ фамилію Манини въ честь своего крестнаго отца, роднаго брата послѣдняго дожа. Въ 17 лѣтъ молодой Манини былъ уже докторомъ правъ; съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ глубоко ненавидѣлъ Австрію и мечталъ объ освобожденіи отечества; но время еще не пришло и онъ шагъ за шагомъ медленно подвигался къ своей цѣли, опираясь на законы, пользуясь всякимъ случаемъ къ показанію недобросовѣстности австрійскаго правительства. Чуждаясь тайныхъ обществъ, онъ тѣмъ не менѣе приобрѣлъ себѣ уваженіе всѣхъ истинныхъ патріотовъ и пользовался значительной популярностью.

Первая его попытка была въ дѣлѣ акціонеровъ желѣзной дороги изъ Милана въ Венецію. Защищая права ихъ, онъ оказалъ столько энергіи, возбудилъ такое волненіе въ своихъ кліентахъ, что правительство рѣшилось закрыть компанію этой желѣзной дороги.

Другой случай представился ему по поводу ученаго конгресса, который въ этотъ годъ (1847) долженъ былъ собраться въ Венеціи. Это были единственные собранія, въ которыхъ позволено было сходитьсѣ Итальянцамъ разныхъ государствъ. Реформы Пія IX внушили надежды, что и другія итальянскія правительства пойдутъ по слѣдамъ его. Манини вздумалъ воспользоваться этимъ. Выбранный представителемъ «Венеціанскаго Атеней» онъ старался перенести разсужденія на почву политическую; его не утрашили ни угрозы австрійской полиціи, ни примѣръ князя Канино, котораго заставили уѣхать изъ Венеціи за неосторожныя рѣчи. Вліяніе Манини на своихъ сотоварищей было такъ велико, что когда кончился конгрессъ, никто не рѣшился принять на себя инициативы для предложенія благодарственнаго адреса правительству за гостепримство. Одинъ докторъ, кандидатъ на важное правительственное мѣсто, заикнулся было объ этомъ, но его тотчасъ-же остановили. Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи высказался взглядъ Манини на политическія отношенія Венеціи, къ Австріи. Когда Чесаре Кантү выразилъ мысль, «что Венеція возвеличенная завоеваніями, сама стала жертвой завоеванія» онъ отвѣчалъ ему, что въ 1797 аристократія отеклась отъ управленія, что оно перешло въ руки демократіи, между которой и Франціей никогда не было войны. Какъ союзники и какъ друзья, вступили Французы въ Венецію и овладѣли ею. От-

давъ ее по кампо-формийскому трактату Австрiи, *генераль Бонапарте отдалъ то, что ему не принадлежало...* Такъ была задушена свобода Венецiи! Я не думаю, чтобъ это можно было назвать завоеванiемъ, продолжаетъ Манини... Совѣтовать Венецiанцамъ въ наше время не злоупотреблять побѣдою бесполезно, несвоевременно и смѣшно; тогда какъ всегда своевременно и полезно внушать народу, что нѣтъ порока болѣе пагубнаго, какъ трусость, что трусливый народъ не можетъ внушать состраданiя къ себѣ въ несчастiя, не можетъ ни сохранить свою независимость, ни возвратить ее, когда она потеряна» (стр. 6).

Между тѣмъ Ломбардiя волновалась, неслыханныя притѣсненiя Австрiи вывели народъ изъ себя; лучшiе образованнѣйшiе люди были вооружены противъ правительства; но прежде чѣмъ приступить къ выраженiю своихъ требованiй оружиемъ, они рѣшились дѣйствовать законнымъ путемъ. Инициатива этого движенiя принадлежитъ Назари депутату Бергамо въ центральномъ ломбардскомъ собранiи. Обязанность этихъ собранiй состояла въ томъ, чтобы доводить до свѣдѣнiя императора о желанiяхъ страны. Но составъ этого учрежденiя былъ таковъ, что ничего подобнаго никогда не случалось. Императоръ выбиралъ изъ тройнаго числа кандидатовъ, предложенныхъ комунальными совѣтами, тѣхъ, которые ему нравились. Выборы въ комунальныхъ совѣтахъ производились подъ предсѣдательствомъ окружныхъ императорскихъ комиссаровъ, которые назначали кого выбрать; поэтому большей частью въ кандидаты попадали или чиновники правительства, или люди безхарактерные, Назари представляетъ рѣдкое исключенiе. Въ своемъ прошенiи онъ смѣло описываетъ враждебное отношенiе между правительствомъ и народомъ и единственнымъ средствомъ для прекращенiя этого считаетъ учрежденiе особенной комиссiи изъ депутатовъ отъ всѣхъ ломбардскихъ провинцiй для узнанiя нуждъ народа. Отвѣтомъ на это было секретное предписанiе эрц-герцога Райнера, управлявшаго Ломбардiей, къ губернатору, которому предписывалось затруднить всѣми мѣрами учрежденiе комиссiи и отдать депутата Назари подъ надзоръ полицiи.

Примѣръ бергамскаго депутата не остался безъ подражанiя. Манини обратился къ центральному венецiанскому собранiю съ просьбой послѣдовать примѣру ломбардскаго депутата, потому что въ странѣ существовали тѣ же причины къ неудовольствiю. Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Томасео послалъ прошенiе въ Вѣну о смягченiи цензуры; онъ

доказывалъ, что ценсурный уставъ ломбардскій былъ либеральнѣе сардинскаго и тосканскаго, но къ несчастію не соблюдался «только даровавъ администрацію, согласную съ характеромъ народа, дозволивъ, чтобы депутаты выражали дѣйствительно его желанія, и чтобы каждый посредствомъ свободной печати могъ высказывать свои мнѣнія — только однимъ этимъ можно успокоить страну (*)».

Въ то же время Манини подалъ прошеніе въ ценсурное управленіе о дозволеніи ему напечатать въ журналѣ «*il Pescatore*» одну маленькую статью о законѣ и общественномъ мнѣніи и въ случаѣ запрещенія просилъ объяснить причину. Ни того, ни другаго не было сдѣлано, напротивъ даже приказали редактору «*il Pescatore*» не помѣщать никакихъ статей съ подписью Манини.

Эти мелкія преслѣдованія и невниманіе къ жалобамъ народа вызвали единодушныя демонстраціи. Въ Миланѣ все согласилось не курить сигаръ, потому что пошлина на нихъ составляла одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ австрійскаго правительства. 2-го января, когда показались на улицахъ нѣкоторые куряльщики изъ гражданъ и солдатъ, первые были принуждены бросить сигары, вторые освистаны и ошканы, на другой день многочисленныя патрули пробѣгали городъ по всемъ направленіямъ; шайки солдатъ отъ 25 до 30 человекъ ходили по главнымъ улицамъ съ сигарами во рту; народъ былъ раздраженъ въ высшей степени и собирался на площадяхъ густыми массами. Пришлось употребить силу для его разогнанія. Нѣсколько человекъ было убито и ранено: едва извѣстіе объ этомъ пришло въ Венецію, народное негодованіе усилилось такъ, что директоръ полиціи принужденъ былъ просить Манини употребить свое вліяніе для поддержанія порядка. Въ отвѣтъ на это адвокатъ, въ письмѣ къ графу Пальфи, губернатору Венеціи, доказывалъ, что единственное средство къ прекращенію безпорядковъ состоитъ въ скорыхъ и обширныхъ реформахъ и въ немедленномъ объявленіи о желаніи приступить къ нимъ.

На другой день Манини снова представилъ въ центральное собраніе изложеніе главнѣйшихъ нуждъ и желаній народа. «Прежде всего,

(*) Томасео давно заготовилъ прошеніе о соблюденіи ценсурныхъ постановленій 1815 года. Читая публичную лекцію о состояніи литературы въ Италіи, онъ ловко свернулъ разговоръ на это и тутъ-же прочиталъ свою записку; она немедленно была подписана слушателями и многочисленныя копіи съ ней разосланы въ провинціи (30 декабря 1848).

говорить онъ, необходимо, чтобы государственные законы, правильно опубликованные, соблюдались всегда и всѣми, чтобы считалось не только правомъ, но долгомъ не повиноваться законамъ неопубликованнымъ, которые, въ слѣдствіе этого, не могутъ считаться законами, точно также какъ и предписанія подданныхъ, противорѣчащія духу законовъ данныхъ императоромъ.... Особенно надо обратить вниманіе, чтобы коренные узаконенія Ломбардо-Венеціанскаго королевства, положенные въ основу его конституціи въ 1815 году, соблюдались строго и ненарушимо, въ буквальномъ ихъ смыслѣ. По этимъ постановленіямъ: національность наша должна уважаться; территорія ломбардская и венеціанская должны составлять отдѣльное королевство, а не австрійскую провинцію, тѣмъ менѣе пригородъ Вѣны; мы должны быть управляемы сообразно съ нашимъ характеромъ и нравами, мы должны имѣть истинное національное представительство и умѣренную свободу печати.» Высказавъ эти мысли, онъ переходитъ къ частному ихъ примѣненію къ Ломбардіи и Венеціи и заключаетъ свое прошеніе обращеніемъ къ депутатамъ центрального собранія.» Я увѣренъ, восклицаетъ онъ, что вы займетесь этимъ съ особеннымъ стараніемъ; приступите къ дѣлу съ любовью, съ знаніемъ, съ постоянствомъ и мужествомъ и ваши имена будутъ благословлены современниками, прославлены потомствомъ.»

Черезъ три дня послѣ того Манини написалъ письмо къ графу Герардо Фрески въ Удине. Въ этомъ письмѣ онъ побуждалъ его къ распространенію меморій, представленныхъ имъ въ центральныя собранія и совѣтовалъ, чтобы и провинціальнымъ собранія представили такія-же меморіи. «Если вамъ замѣтятъ, что я требую много, отвѣчайте, что требовать меньше чѣмъ надо, было-бы лицемеріемъ; что требуя много, больше надежды получить что нибудь... Изъ прилагаемой записки, которую вы можете сдѣлать гласною, вы увидите, что мы сдѣлали здѣсь отъ 21 декабря до 8 января. Прилагаю также прошеніе Томасео о ценсурѣ. Множество лицъ подписали его здѣсь и въ Виченцѣ; другіе экземпляры ходятъ въ Падуѣ, въ Веронѣ, въ Тревизѣ и Ровиго. Было-бы хорошо, если бы и ваша провинція поступила также; вы можете и должны употребить для этого все свое усердіе. Замѣтили-ли вы, что въ моемъ прошеніи свобода печати подчинена реформѣ уголовного законодательства; безъ этого свобода печати безплодна; страхъ уголовного процесса по австрійской системѣ будетъ дѣйствовать сильнѣе всякой

цензуры... Но особенно должно проповѣдывать громко, не уставая, что никакое самоуправство, никакой подлогъ, никакое превышеніе власти не должны быть терпимы, потому что оскорбляютъ цѣлое общество, когда противозаконно оскорбляютъ одного изъ его членовъ... Если вы считаете полезнымъ, обнародуйте это письмо. Законность, гласность, постоянство и мужество — съ ними мы добьемся улучшения своей участи, и презрѣніе иностранцевъ и соплеменниковъ къ нашей родинѣ перемѣнится на уваженіе».

Другіе патриоты также не дремали: адвокатъ Авесани подалъ прошеніе въ центральное собраніе въ томъ же духѣ, какъ и Манини; онъ доказывалъ, что желанія народа вовсе не были порожденіемъ новѣйшаго радикализма, какъ старались увѣрить императора министры, но были слѣдствіемъ учрежденій, дарованныхъ Италиі Наполеономъ I; при немъ Франція не вмѣшивалась во внутреннія дѣла Италиі, которая имѣла національную армию; всѣ министры были итальянцы; судопроизводство было публичное и словесное, всѣ чиновники итальянцы. Изложивъ все это, Авесани продолжаетъ: пусть Фердинандъ допуститъ то, что было допущено Наполеономъ; это не утопія, потому что существовало въ дѣйствительности; это не либеральная или радикальная идея, потому что принадлежитъ великому деспоту. Фердинандъ ничего не потеряетъ черезъ то изъ своей власти, какъ ничего не потерялъ Наполеонъ; она будетъ царствовать мирно и бережливо вмѣсто того, чтобъ управлять съ безпокойствомъ тревожнымъ народомъ... Это прошеніе было подано 14 января 1848 г. На другой день Томасео отправилъ письмо къ архіепископу города Удине, убѣждая его возвысить голосъ во имя справедливости...» Вы говорили народу о покорности, написалъ онъ, теперь вы должны сказать вице-королю о справедливости. Вспомните обѣщанія Австріи, которыя были основаніемъ нашей покорности и потребуйте ихъ выполненія, праву противопоставьте долгъ; силѣ—разумъ; страстямъ—любовь къ ближнему; докажите, что интересъ государя неразлученъ съ интересомъ его подданныхъ, что зависитъ отъ него, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь.. Безмолвный и нерадивый пастырь, позволяющій раздирать овецъ своихъ, назовется въ день судный не пастыремъ, но наемникомъ... Священникъ, неимѣющій чувствъ гражданина, есть воплощенное богохуленіе. Неужели вы хотите быть знаменитымъ въ Италиі только тѣмъ окружнымъ посланіемъ, подъ которымъ послѣдній изъ вашихъ подчиненныхъ не пожелалъ бы подписать свое имя.

«Я вѣрю, что вы не предвидѣли всѣхъ дурныхъ слѣдствій, которыя проистекли изъ этого; я не сомнѣваюсь нисколько въ правотѣ вашей души, но съ печальнымъ и стѣсненнымъ сердцемъ я пишу эти строки, безъ мести и ненависти...

«Изъ христіанской любви къ ближнему, не отвергайте моего голоса—это не голосъ непріятели! говорите, не съ тѣмъ, чтобъ возбудить, но чтобъ предупредить несчастія! Говорите, изъ состраданія къ націи и государю, пока есть время, говорите, чтобъ не воскликнуть потомъ: горе мнѣ, зачѣмъ я молчалъ!»

Между тѣмъ австрійское правительство тоже не осталось въ бездѣйствіи: съ одной стороны оно удвоило мѣры строгости и старалось убѣдить священниковъ послѣдовать примѣру архіепископа удинскаго, — съ другой вице-король издалъ успокоительную прокламацію, въ которой увѣрялъ *возлюбленныхъ* Миланцевъ, что онъ имѣетъ весьма основательныя надежды, что ихъ требованія будутъ исполнены. Прокламація была объявлена 8 января, а между тѣмъ еще 24 ноября былъ подписанъ въ Вѣнѣ указъ о примѣненіи военнаго суда къ итальянскимъ провинціямъ.

18 января 1848 года нѣсколько сбирровъ постучалось у дверей одного дома въ кварталѣ св. Луки, близъ моста св. Партиніана. Имъ отворили... Ненадо докладывать, сказалъ ихъ начальникъ и прямо вошелъ въ комнаты. Манини еще не вставалъ съ постели, потому что было всего 8 часовъ утра. Извинившись передъ нимъ и его женой предписаніемъ директора полиціи, чиновники принялись за обыскъ. Кабинетъ и комната передъ нимъ были предметомъ особеннаго ихъ вниманія. Не трудитесь, господа, сказалъ имъ Манини, я давно ожидалъ васъ; вотъ бумаги, которыя вы ищете», и онъ указалъ имъ на связку бумагъ, лежавшихъ отдѣльно. Въ это время принесли утренній кофе и Манини пригласилъ агентовъ полиціи раздѣлать его завтракъ. Во все это время онъ и жена его Тереза были спокойны. По окончаніи завтрака, польщейскіе, захвативъ нѣкоторыя бумаги Манини, повезли его въ гондолѣ сперва въ разныя инстанціи полиціи, а потомъ, въ 8 часовъ вечера; въ тюрьму для преступниковъ. Единоновременно съ Манини арестовали и Томасео.

Директоръ полиціи, кавалеръ Калль, предложомъ къ ихъ аресту выставилъ распространеніе ими копій съ прошеній и обвинялъ ихъ въ перепискѣ съ подозрительными лицами и въ возмущеніи внутренняго порядка въ государствѣ. Представляя на усмотрѣніе уголовного

суда это дѣло, кавалеръ Калль просилъ извѣстить его о результатахъ.

При допросѣ Манини показавъ, что копій разсылагъ онъ въ другіе города къ своимъ знакомымъ, какъ весьма интересныя новости, что всѣ поступки его относительно требованія реформъ были основаны на законахъ, и онъ приводилъ всѣ доказательства, изложенныя нами выше; послѣдующіе допросы не открыли ничего новаго, тѣмъ не менѣе Манини все оставался въ тюрьмѣ; а между тѣмъ сестра его, пораженная этимъ извѣстіемъ, умерла, потому что знала какъ и всѣ, что конечною цѣлью австрійскаго заключенія былъ Шпильбергъ; а молодая дочь узника Эмилія, страдавшая сильными нервными припадками, сдѣлалась опасно больна. Напрасно Тереза просила о временномъ освобожденіи мужа, представляя бумагу, подписанную мѣромъ Венеціи и 99 значительнѣйшими гражданами, которые ручались, что онъ не убѣжитъ. Австрійское правительство осталось глухо ко всѣмъ просьбамъ, можетъ быть, надѣясь, что Манини, уже больной, умретъ при этомъ новомъ ударѣ, нанесенномъ его чувствительному сердцу. Пока продолжалась эта переписка, кавалеръ Калль не оставлялъ своихъ преслѣдованій и представилъ въ уголовный судъ секретную записку о Манини и Томасео. «Адвокатъ Манини, пишетъ онъ, заслужилъ общее уваженіе своимъ поведеніемъ, талантами и безкорыстными характеромъ.

«Между тѣмъ рядомъ съ этими качествами нельзя не замѣтить высокомерія, раздражительности, придирчивости, страсти къ спорамъ и значительнаго самолюбія. Глубокій легистъ, онъ излагаетъ свои идеи въ порядкѣ и съ удивительной ясностью»... Коснувшись потомъ участія Манини въ спорѣ о желѣзныхъ дорогахъ, рѣчей его въ конгрессѣ ученыхъ и прошеній центральному собранію и губернатору, директоръ полиціи продолжаетъ: онъ имѣлъ неблагоразуміе или, лучше сказать, злость высказать, что для благосостоянія этихъ провинцій необходимы реформы, которыхъ наше правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ дать... Изъ дѣйствій его воспослѣдовало, что большая часть народонаселенія начала считать себя дѣйствительно несчастною и стала смотрѣть на правительство,—которое досихъ поръ называла справедливымъ и отеческимъ,—какъ на самовластное, притѣсняющее, лживое, незаботящееся объ истинныхъ интересахъ и счастіи своихъ подданныхъ. Нѣкоторые извиняютъ адвоката Манини дурно понятымъ патриотизмомъ, но человекъ и не съ такимъ умомъ, какъ онъ, могъ

легко предвидѣть, къ чему все это приведетъ... Онъ *хотѣлъ* возбудить неудовольствіе и отвращеніе къ правительству.»

«Основываясь на всемъ этомъ, главное управленіе полиціи продолжаетъ смотрѣть на адвоката Манини не только какъ на главнаго неприятеля нашего правительства, но какъ на человѣка, который покушался на внутреннее спокойствіе государства». Что касается до Николая Томасео, то вотъ какъ обрисовываетъ его директоръ полиціи: «Николай Томасео, литераторъ, едва только занялъ профессорскую кафедру въ Падуѣ, какъ тотчасъ—же обратилъ на себя вниманіе своими принципами враждебными системѣ нашего управленія. Впослѣдствіи онъ жилъ во Флоренціи, участвуя какъ сотрудникъ, въ ученомъ журналѣ «Флорентинская Антологія». Этотъ журналъ былъ запрещенъ въ 1833 году, по приказанію его высочества великаго герцога тосканскаго, по причинѣ направленія, противнаго августѣйшему австрійскому дому и началамъ здоровой политики. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужила статья, приписываемая Томасео, въ чемъ онъ и самъ сознался передъ тосканскимъ правительствомъ. Изгнанный изъ Флоренціи, онъ удалился во Францію, гдѣ и жилъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1835 году онъ намѣренъ былъ публиковать тамъ собраніе сочиненій, непронпущенныхъ итальянской ценсурой и распространить ихъ въ Италиі. Впрочемъ намѣреніе это не было приведено въ дѣйствіе. Во время его пребыванія въ Парижѣ показалось тамъ сочиненіе подъ заглавіемъ «пять книгъ объ Италиі», которое вообще приписывали Томасео и которое, какъ увѣряютъ меня, исполнено опасныхъ и враждебныхъ австрійскому правительству чувствъ. Въ 1839 году прощенный по неизреченному милосердію его величества, Томасео возвратился въ австрійскія области и съ тѣхъ поръ почти постоянно живетъ въ Венеціи, хотя на него всегда тамъ смотрѣли какъ на чужестранца, имѣющаго законное мѣсто жительства въ Себенико въ Далмаціи. Николай Томасео постоянно оказывался полнымъ гордости и самонадѣянности, врагомъ всякаго повиновенія и дерзкимъ презрителемъ тѣхъ, которые не раздѣляютъ его ложныхъ политическихъ началъ. На него постоянно смотрѣли какъ на свѣтильникъ итальянской литературы, и его связи какъ за границей такъ и въ монархіи были чрезвычайно обширны.

«До послѣдняго времени онъ жилъ почти въ уединеніи, занимаясь только литературой; онъ старался скрыть свои разрушительныя тенденціи подъ покровомъ религіи и филантропіи, и цензура, разсматривая его сочиненія, имѣла часто случай замѣтить, съ какими постоян-

ствомъ онъ пытался отвлечь ея вниманіе этими ложными признаками. Въ 1843 г. онъ хотѣлъ напечатать брошюру на иллирійскомъ нарѣчїи, подъ заглавіемъ «Искрица», подъ правдоподобнымъ предлогомъ побудить къ разработанію иллирійскаго языка. Эта брошюра заключала въ себѣ начала, которыхъ очевидная цѣль была возбужденіе общественнаго неудовольствія и ниспроверженіе существующаго порядка вещей и потому не была дозволена къ печати. Во время своего пребыванія за границей, онъ былъ отъявленнымъ врагомъ австрійскаго правительства, и если по возвращеніи сдѣлался нѣсколько осторожнѣе, то не должно думать, что онъ отказался отъ прежняго направленія. Сверхъ вышеизложенныхъ покушеній, можетъ служить его неблагоприятная торопливость, которую онъ поспѣшилъ выказать, какъ только счелъ моментъ благоприятнымъ, чтобъ выйти изъ предѣловъ осторожности и вызвать общія демонстраціи противъ правительства достаточнымъ доказательствомъ».

Такая характеристика лучше всего можетъ дать понятіе о настоящемъ характерѣ Манини и Томасео. Всякій знаетъ, какихъ люде австрійская полиція называла безпокойными и неблагонамѣренными.

Но пока продолжалось судопроизводство, Венеція не осталась спокойною: демонстрація противъ сигаръ продолжалась; если нѣмецкая музыка приходила играть на площадь св. Марка, всѣ оставляли площадь; если назначались какія нибудь мѣста для общественныхъ гуляній, никто не являлся туда. Во время спектаклей публика была въ какомъ-то траурѣ: женщины безъ украшеній, мужчины въ черныхъ перчаткахъ; артистамъ не аплодировали, исключая тѣхъ случаевъ, когда піеса заключала намеки на свободу или отечество; въ этихъ случаяхъ зала оглашалась неистовыми рукоплесканіями. Успѣхъ «Макбета» былъ необыкновенный по причинѣ хора «*la patria tradita*»; Извѣстіе о конституціи, данной Неаполю, возбудило восторгъ въ высшей степени: всѣ явились въ театръ въ праздничныхъ платьяхъ; «Сициліянку» (народный танецъ) сговорились заставить повторить; полиція знала объ этомъ и позволила вызывать съ тѣмъ, чтобъ захватить неблагонамѣренныхъ, но она была оглушена единодушными криками: *vivat* и громовыми рукоплесканіями; бѣлые и трехцвѣтные платки вѣяли въ партерѣ; *bis! bis!* раздавалось со всѣхъ сторонъ; полиція не позволяла повторить; топанье и свистки раздались, направленные преимущественно противъ ложи губернатора... Тогда рѣшились употребить силу: рота гренадеръ вторглась въ театръ и ра-

зогнала зрителей. На другой день Дегли-Антони (Degli-Antony) и сорокъ другихъ особъ получили приказаніе впредь не являться въ театрѣ до особаго дозволенія, съ этого дня всѣ Венеціанцы перестали посѣщать спектакли. Въ стремленіи своемъ открыть мнимый инсurreкціонный комитетъ, полиція превзошла всѣ мѣры: нѣсколько лицъ было заключено въ тюрьму; другихъ безъ всякаго суда сослали въ Линцъ и Лейбахъ; нѣкоторые изъ иностранцевъ получали предписаніе выѣхать въ самомъ непродолжительномъ времени. Все это, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, возбуждало ихъ; къ этому присоединились внушенія журналовъ швейцарскихъ и неаполитанскихъ. Катастрофа становилась неизбежной, тѣмъ болѣе, что Ломбардо-Венеціанское королевство было объявлено на военномъ положеніи, а во Франціи президентъ Ламартинъ въ циркулярѣ своемъ къ дипломатическимъ агентамъ при дворахъ разныхъ державъ выражалъ свое сочувствіе къ Италіи. Выказавъ необязательность трактатовъ 1815 года для французской республики, Ламартинъ продолжаетъ такъ: «еслибы на независимыя государства Италіи было сдѣлано нападеніе, еслибы поставили предѣлы или препятствія ихъ внутреннимъ преобразованіямъ, еслибы вооруженной рукою стали оспаривать у нихъ право заключать союзы между собою для укрѣпленія отечества—республика французская почтетъ себя вправѣ вооружиться, чтобы покровительствовать этимъ законнымъ движеніямъ возрастанія и національности народовъ... (*)

Между тѣмъ допросы Манини продолжались: всякій разъ онъ говорилъ одно то же, только развивая свои мысли въ разныхъ формахъ и присоединяя протесты о незаконности своего задержанія. Наконецъ 5 марта, совѣтникъ Дзенари произнесъ окончательное рѣшеніе. Объяснивъ существо дѣла, онъ нашелъ, что Манини и Томасео, хотя и напечатали сочиненія, которыя способны возбудить неудовольствіе противъ правительства, но тѣмъ не менѣе они не могутъ быть подозрѣваемы въ умышленномъ памѣреніи, въ той степени, которая моглабы служить законнымъ основаніемъ для приговора. Несмотря на то, обвиненные не были выпущены; напротивъ, директоръ полиціи хотѣлъ перенести дѣло въ Миланъ и уже рѣшилъ переслать узниковъ въ Лейбахъ, — какъ революція въ Вѣнѣ разстроила всѣ его соображенія.

(*) 4 марта 1848 г.

Смутные слухи объ этой революціи достигли до Венеціи 16 марта. Адвокаты Бенвенути и Фортисъ предложили представить адресъ объ освобожденіи Маннини и Томасео и подать его губернатору въ тотъ же день въ театрѣ. Полиція, узнавши объ этомъ, предупредила демонстраціи, заперевъ театрѣ. На другой день въ 9 часовъ утра пришелъ пакетботъ изъ Триеста. Народъ толпами собрался въ гавани и на набережной; многіе даже бросились въ лодки, чтобъ скорѣе узнать о новостяхъ; одинъ французскій негодіантъ, изъ числа пассажировъ, рассказалъ о конституціи, данной въ Вѣнѣ. Новость эта быстро распространилась по городу; народъ собрался передъ домомъ губернатора и требовалъ освобожденія Маннини и Томасео. Графъ Пальфи, получившій уже официальное извѣстіе о переворотѣ въ Вѣнѣ, вышелъ на балконъ и отвѣчалъ, что только уголовный судъ можетъ располагать арестантами. Народъ не удовольствовался этимъ и продолжалъ свои настоянія; въ то же время другія толпы устремились къ тюрьмѣ и стали выламывать ворота... Пришлось уступить: приказаніе объ освобожденіи Маннини было отдано, но онъ отказывался выйти изъ тюрьмы до тѣхъ поръ, пока судъ не объявитъ, что онъ освобождается на основаніи закона. Освободивъ узниковъ, народъ былъ въ восторгѣ, онъ подхватилъ ихъ на руки и обнесъ кругомъ площади при радостныхъ восклицаніяхъ; многіе вдѣли въ петлицу трехцвѣтные ленточки; другіе подняли на мачтахъ, стоявшихъ на площади, національное знамя и обрѣзали веревку... Но въ то время, когда патріотическія манифестаціи наиболѣе проявлялись, комендантъ крѣпости выслалъ войска, чтобъ разогнать народныя сборища и сорвать флаги. Кроаты и гренадеры очистили площадь; народъ разсѣялся, оставивъ на мѣстѣ одного убитаго и двухъ тяжело раненныхъ. На другой день волненіе усилилось; губернаторъ пригласилъ къ себѣ Маннини и просилъ его успокоить народъ; тотъ отвѣчалъ, что этого можно достигнуть только отсылкой войскъ въ казармы и учрежденіемъ національной гвардіи. Графъ Пальфи отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что не можетъ превысить своихъ полномочій, и что учрежденіе національной гвардіи зависитъ прямо отъ вице-короля. Двое депутатовъ отправились въ Верону. Въ отсутствіе ихъ раздоръ между войскомъ и народомъ достигъ громадныхъ размѣровъ; патріотическія манифестаціи умножались; солдатамъ снова велѣно прекратить ихъ, они прицѣлываются, одинъ ребенокъ срываетъ штыкъ съ ружья—и свалка начищается. Кроаты хотятъ открыть огонь, но по-

ручикъ Лудовикъ Винклеръ бросается передъ ними и восклицаетъ: «стой, вы убьете меня прежде чѣмъ кого нибудь изъ этого безоружнаго народа!» Несмотря на то четверо убитыхъ и семь тяжело раненыхъ заплатили за эту попытку. Раздраженные Венеціанцы очистили площадь, но готовились возобновить борьбу въ улицахъ; всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты были заняты, мосты баррикадированы, кровли покрыты народомъ... Венеціанскій патриархъ отправился къ губернатору, чтобъ отвратить грозящее кровопролитіе. Вслѣдъ за нимъ пришелъ туда меръ, въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ, и представилъ графу Пальфи, что единственная мѣра къ прекращенію безпорядковъ состоитъ въ устройствѣ національной гвардіи. Инициатива этого важнаго предложенія принадлежитъ Манини: онъ, и еще нѣсколько отважныхъ гражданъ, явились въ муниципальный совѣтъ, и убѣдили его назначить депутацію къ губернатору.

Пальфи нѣкоторое время противился этимъ требованіямъ, но, наконецъ, опасаясь послѣдствій рѣшительнаго отказа, позволилъ вооружить 200 человекъ, которые должны были получить свой уставъ отъ главнаго управленія полиціи. Болѣе 2,000 человекъ записалось при первомъ извѣстіи о согласіи губернатора. Когда Стробахъ, посланный отъ полиціи, замѣтилъ это и сталъ упрекать Манини, говоря, что онъ хочетъ возбудить революцію и заставить объявить городъ въ осадномъ положеніи. «Я пришелъ сюда возстановить порядокъ, отвѣчалъ адвокатъ; но если вы воспротивитесь мѣрамъ, необходимымъ для его поддержанія, вы сами вызовете ту революцію, которой такъ боитесь, и я стану въ головѣ ея». Эти угрозы восторжествовали надъ полицейской оппозиціей: адвокатъ Анджело Менгалдо, служившій прежде въ военной службѣ, былъ избранъ начальникомъ національной гвардіи; въ помощь ему назначили шесть окружныхъ начальниковъ (*capì sestiere*).

Въ полночь явилось судно изъ Триеста съ депутаціей отъ жителей, которая привезла официальное извѣстіе о конституціи, данной австрійскимъ императоромъ. Нѣсколько времени спустя губернаторъ съ балкона прочиталъ указъ о томъ. Въ мгновеніе главнѣйшія зданія города были иллюминированы.

19 марта и слѣдующіе за нимъ два дня были употреблены на организацію національной гвардіи и на разсужденія о дальнѣйшихъ реформахъ. Манини не присутствовалъ при этихъ совѣщаніяхъ, потому, что понималъ вѣну австрійскихъ обѣщаній и хотѣлъ идти даль-

ше. Между тѣмъ утромъ 21 числа разнесся слухъ, что въ арсеналѣ заготовляютъ конгревовы ракеты, которые отчасти находятся уже на корветѣ «Степенла». Муниципальный совѣтъ встревожился и послалъ одного офицера національной гвардіи освидѣтельствовать судно, но на немъ ничего не было, кромѣ хвостовъ отъ ракетъ. Тѣмъ не менѣе работники арсенала не успокоились: въ четыре часа вспыхнуло тамъ возмущеніе противъ полковника Мариновича, ненавидимаго всѣми за жестокость и притѣсненія. Полковникъ прибѣгнулъ подъ защиту національной гвардіи, которой съ величайшимъ трудомъ удалось спасти его отъ раздраженныхъ рабочихъ.

Пока происходили эти событія, Манини приготовлялся дѣйствовать. Когда его пригласили его въ ратушу для того, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе о лучшемъ устройствѣ управленія, онъ отвѣчалъ, что считаетъ бесполезнымъ сообщать его столькимъ лицамъ. Только немногіе знали его истинныя намѣренія. Наконецъ, въ ночь съ 21 на 22 число, онъ пригласилъ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ патриотовъ для совѣщанія о дальнѣйшей судьбѣ отечества: одни хотѣли правительства конституціоннаго, отдѣльнаго итальянскаго, хотя и подчиненнаго Австріи; другіе хотѣли королевства совершенно независимаго съ австрійскимъ принцемъ на тронѣ. Что касается до Манини, онъ былъ противъ этихъ предложеній. «Вы хотите дѣйствовать примирительными средствами, сказалъ онъ,—это поведетъ только къ потерѣ драгоценнаго времени: не употребивъ силы, съ Австріей ничего нельзя сдѣлать; вы потеряете только случай къ освобожденію отечества. Намъ прежде всего надо овладѣть арсеналомъ. Что касается до формы правленія, то самая лучшая, болѣе приспособленная къ нравамъ и желаніямъ народа, — форма республиканская, единственный крикъ понятный ему — *viva la repubblica* (*)! Заставьте раздаться имъ св. Марка — вы, можетъ быть, найдете это въ Далмаціи». Предложеніе Манини съ жаромъ оспаривалось, взятіе арсенала находили невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе утромъ 22 числа нѣкоторые пламенные патриоты явились къ нему и убѣждали его воспользоваться остолебеніемъ правительства; но онъ отвѣтилъ, что не желалъ-бы принять

(*) Этотъ-же самый крикъ совѣтовалъ ему употребить кавалеръ Факанони, консулъ сардинскаго короля въ Венеціи; онъ пришелъ къ Манини въ 8 часовъ утра 22 числа, не былъ принятъ и сообщилъ свое мнѣніе Дели-Антони.

на себя управленія движеніемъ и просилъ ихъ обратиться въ муниципалитетъ. Въ 10 часовъ пришелъ къ Манини морской офицеръ Сальвини и сообщилъ ему, что въ арсеналѣ дѣлаются враждебныя приготовления противъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ его овладѣть арсеналомъ, увѣряя, что не встрѣтится никакого препятствія со стороны рабочихъ. Манини послалъ къ адвокату Бевенути (начальнику одного изъ отдѣленій національной гвардіи) съ просьбой дать ему въ распоряженіе нѣсколько человѣкъ. Тотъ рѣшительно отказалъ. Въ это время пришло извѣстіе объ убіеніи Мариновича, который, несмотря на то, что едва спасся наканунѣ отъ смерти, снова явился въ арсеналъ. Манини рѣшился дѣйствовать одинъ. Выйдя изъ дому вмѣстѣ съ сыномъ, онъ присоединялъ къ себѣ всѣхъ гвардейцевъ, которыхъ встрѣчалъ. Соединившись на площади св. Марка съ Дели-Антони, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на два, по пятидесяти человѣкъ въ каждомъ, и въ такомъ порядкѣ направился къ арсеналу, стараясь придать своему отряду видъ патруля.

Венеціанскій арсеналъ состоитъ изъ нѣсколькихъ островковъ и занимаетъ въ окружности три мили; окруженный высокими стѣнами съ башнями и батареями, съ двумя сильно защищенными входами, изъ города и съ моря, съ большимъ запасомъ оружія, — онъ представляется отдѣльной сильной крѣпостью. Овладѣніе имъ было необходимо, для успѣха возстанія. Приблизившись къ арсеналу, Манини замѣтилъ во внутренности его только 12 національныхъ гвардейцевъ, прибывшихъ туда для возобновленія порядка по смерти Мариновича. Считая этотъ случай благоприятнымъ для выполненія своихъ намѣреній, онъ приказалъ Дели-Антони вступить туда съ частью своихъ людей, чтобъ не возбудить подозрѣнія. Въ это время адмиралъ Мартини прибылъ отъ губернатора. Его пригласили въ канцелярію, и здѣсь Манини обратился къ нему съ упреками относительно строгихъ мѣръ, которыя правительство хочетъ употребить противъ города. Сцена эта происходила въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и національной гвардіи. Адмиралъ оправдывался, увѣряя, что ничего подобнаго нѣтъ, и въ заключеніе предложилъ самимъ присутствующимъ произвести строжайшее изслѣдованіе. Манини съ жадностью схватился за этотъ случай и отрядилъ трехъ человѣкъ осмотрѣть арсеналъ. По возвращеніи они донесли, что овладѣть имъ легко. Тогда Манини, въ сопровожденіи бывшихъ съ нимъ морскихъ и національныхъ офицеровъ, отправился осматривать арсеналъ самъ; во время осмотра ему

пришли сказать, что Мартини хотѣлъ отправиться къ военному губернатору Зичи (Zichy), но его не только не пустили, но даже арестовали. Тогда Манини сдѣлалъ всѣ распоряженія для удержанія арсенала въ своихъ рукахъ: назначилъ командиромъ его Грациани, роздалъ оружіе, приказалъ починить мостъ, соединяющій арсеналъ съ городомъ и, наконецъ, удалился въ одну маленькую таверну отдохнуть. Черезъ часъ, онъ явился на площадь Св. Марка, сопровождаемый радостными криками толпы, и провозгласилъ республику. «Мы свободны! сказалъ онъ, и мы можемъ вдвойнѣ этимъ гордиться, потому—что не пролили ни капли крови, ни нашей, ни нашихъ братьевъ,—я говорю братьевъ, потому—что всѣ люди для меня братья! Но низвергнуть прежнее правительство недостаточно, — надо замѣнить его другимъ, и для насъ, какъ мнѣ кажется, лучшее правительство—республика; оно напомнитъ намъ прежнюю славу и усовершенствуется новыми правами. Мы не хотимъ черезъ то отдѣлиться отъ другихъ итальянскихъ нашихъ братьевъ, напротивъ мы хотимъ образовать одинъ изъ тѣхъ центровъ, которые послужатъ къ постепенному слитію нашей милой Италіи въ одно цѣлое. Viva la repubblica! Viva la libert ! Viva San-Marco!»

Во время этихъ событій, Менгальдо явился къ графу Пальфи отъ имени муниципалитета съ просьбой успокоить Венецію, отдавъ въ руки національной гвардіи всѣ военные запасы. Губернаторъ отказалъ, замѣтивъ, что всякая уступка съ его стороны влекла за собою новыя, болѣе сильныя требованія; «пусть муниципальный совѣтъ разомъ объявитъ мнѣ всѣ свои желанія, прибавилъ онъ, и если они не повредятъ австрійскому владычеству, я охотно исполню ихъ.»

Получивъ это приглашеніе, и въ то же время извѣстіе о взятіи арсенала, депутаты отъ коммисіи отправились къ Пальфи; онъ встрѣтилъ ихъ строго и высокомерно; но когда узналъ, что арсеналъ взятъ и адмиралъ въ плѣну, гордость его пропала въ мигъ; онъ передалъ власть свою графу Зичи, который и заключилъ конвенцію съ временнымъ правительствомъ Венеціи. По этой конвенціи: 1) войска, кромѣ Итальянцевъ, могли оставить городъ и отправиться моремъ на Триестъ, но казна и военныя принадлежности должны были остаться въ пользу города; 2) всѣ чиновники, къ какой—бы націи ни принадлежали, пользовались покровительствомъ законовъ для себя, семейства, имущества; 3) графъ Зичи оставался въ городѣ до окончательнаго выполненія конвенціи.

Заклучивъ эти условія, временное правительство послѣдствовало издать слѣдующую прокламацію: «Граждана, побѣда наша—и кровь не была пролита! Правительство австрійское гражданское и военное, пало! Слава нашей храброй національной гвардіи! Ваши соотечественники, нижеподписавшіеся, заключили торжественно конвенцію. Временное правительство будетъ учреждено. Въ ожиданіи того, по призывѣ насъ стоящихъ нуждъ, нижеподписавшіеся, заключившіе договоръ, приняли на себя временно управленіе. Конвенція напечатана въ прибавленіи къ нашей газетѣ. Да здравствуетъ Венеція! да здравствуетъ Италия!

Джованни Корреръ. Луиджи Микіель. Датайко Медияъ.
 Піетро Фабрисъ. Джованни Франческо Авесани. Анджело Менгалъдо. Леоне Пинкерле.

Народъ, не видя въ этомъ числѣ именъ Маннини и Томасео, пришелъ въ крайнее негодованіе: боялся перемены формы правленія, которую онъ принималъ съ такимъ энтузіазмомъ. Маннини, утомленный тревогами этого дня, страдая хроническими припадками, не въ состояніи былъ подняться съ кровати; но, вѣрный чувству долга, продиктовалъ слѣдующія слова, которыя и были напечатаны въ ночь на 23 число: «Венеціанцы! Я, зная, что вы меня любите,—во имя этой любви, прошу васъ, чтобы вы въ законномъ изъявленіи своей радости вели себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое прилично людямъ, достойнымъ быть свободными. Вашъ другъ, Маннини».

Въ три часа утра члены временнаго правительства подали въ отставку. Рано поутру командиръ національной гвардіи Менгалъдо вывелъ свои батальоны на площадь св. Марка и, послѣ освященія трехцвѣтнаго знамени патріархомъ, предложилъ народу членовъ новаго правительства. Единодушныя восклицанія встрѣчали каждое имя. Такимъ образомъ составилъ новый кабинетъ: Маннини былъ избранъ президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; Томасео—народнаго просвѣщенія; Паолучи—морскимъ; Кастелли—юстиціи; Пинкерле—торговли; Тоффоли безъ портфеля.

Такъ окончилась первая эпоха венеціанской революціи. Начатая во имя закона, она требовала сначала только ея восстановленія, и исполненія нарушенныхъ обѣщаній. Люди, стоявшіе во главѣ ея, видѣли ясно, что мирнымъ путемъ этого невозможно было достигнуть, потому что знали исторію и принципы австрійской монархіи; и потому готовились къ борьбѣ. Главная задача ихъ была соединить разроз-

венные классы общества, устремить ихъ силы къ общей цѣли, и въ этомъ случаѣ сама Австрія превосходно помогла имъ своими притѣсненіями и несправедливостями. Люди, наиболѣе приверженные къ ней, не могли одобрить ея поведенія; такъ генеральный англійскій консулъ Даукинсъ писалъ къ виконту Пальмерстону: «ничего нѣтъ хуже дѣйствій здѣшнихъ властей; онѣ поступаютъ такъ, что заставляютъ удалаться отъ себя даже тѣхъ, которые были склонны терпѣть ихъ. Недостатокъ единства, слабость въ однихъ случаяхъ, превышеніе власти въ другихъ, раздоръ между чиновниками и офицерами, преобладаніе послѣднихъ, проволочки—все это слишкомъ очевидно».

Когда же такъ поступало правительство? Въ то время, когда вся Италия готова была стать противъ общаго врага, когда Карлъ-Альбертъ собралъ войско, чтобъ вторгнуться въ Ломбардію, когда Венгрія и Вѣна возстали. Что же думала дѣлать Австрія? — обмануть недовольныхъ, выждать благоприятный случай и, раздавивъ ихъ, продолжать прежнюю политику.

Посмотрите, какими чувствами отличаются письма эрцъ-герцога Райнера къ брату его Эрнесту. Разказавъ ему объ устройствѣ національной гвардіи въ Веронѣ, онъ продолжаетъ... «говорятъ, въ Венеціи стрѣляли и пять человѣкъ убито,—недурно!... Если случится что нибудь въ Миланѣ, я желаю Миланцамъ, чтобъ ихъ человѣкъ 500 осталось на площади (*).

«Капитанъ Гюэнь (Guyn) проѣзжалъ вчера черезъ Миланъ курьеромъ въ Вѣну; онъ разказывалъ, что въ Бролетто двѣнадцатифунтовые пушки дѣлали превосходныя пробныя... я думаю всѣ пѣвники, въ томъ числѣ Казати и герцога Лита, должны быть разстрѣляны... Миланцы самимъ себѣ должны приписать все зло... Еслибы ихъ побольше осталось на площади, это внушило бы имъ немножко уваженія къ войску. Говорятъ, что солдаты показали мало умѣренности во время приступа—тѣмъ лучше! (**).

(*) 18 марта 1848 г.

(**) 20 марта. Когда Австрія удалилась изъ Милана, въ одномъ домѣ нашли тринадцать человѣкъ зарѣзанныхъ; между ними была мать съ двумя дѣтьми; у одного была отрублена голова, у другаго проткнута штыкомъ шея. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ австрійскаго варварства: одинъ Кроатъ разрубилъ ребенка пополамъ и каждую половину прибилъ гвоздями къ стѣнѣ; другой посадилъ на штыкъ маленькую дѣвочку, третій вырвалъ изъ нѣдръ матери зародышъ. Въ одномъ трактирѣ въ предмѣстьи Санта-Кроче отца

Нужно ли что прибавлять къ этому, чтобъ показать, что Манини былъ правъ, не желая остаться подъ властью Австріи и провозглашая республику. О королевствѣ съ австрійскимъ принцемъ нечего болѣе и думать. Призваніе Карла-Альберта на тронъ представляло многочисленныя препятствія. Стоило-ли пожертвовать независимостью республики королю, который разъ уже измѣнилъ либеральной партіи, который самую конституцію далъ только по настоятельнымъ требованіямъ Санта-Розы, видя невозможность долѣе противиться общественному мнѣнію. Объявленіе республики давало надежду на помощь Франціи, на сочувствіе сѣверо-американскихъ штатовъ и большинства въ Англіи; даже самъ Карлъ-Альбертъ вначалѣ не былъ противъ этого, что доказывается визитомъ консула Факанони, также совѣтовавшаго эту форму правленія. Едва только она была объявлена, какъ на другой день явился французскій консулъ и въ трогательныхъ выраженіяхъ заявилъ свою симпатію къ новой республикѣ; въ тотъ же самый день американскій консулъ поспѣшилъ выразить свое уваженіе и дружбу къ ней и общалъ, что его правительство немедленно признаетъ ее.

Такимъ образомъ Манини сдѣлалъ все, что совѣтовало ему благоразуміе: дальнѣйшаго хода событій предвидѣть было невозможно; горизонтъ Венеціи былъ ясенъ: кругомъ носились громовыя тучи, но на немъ свѣтило солнце. Можно-ли было предвидѣть, что эти самыя тучи заволокутъ его.

В. ПОПОВЪ.

связали съ сыномъ и обонихъ убили однимъ ударомъ; другой отецъ семейства былъ привязанъ къ бревну и сожженъ живой въ глазахъ жены и дѣтей.— Вотъ объ чемъ говорилъ Райнеръ: «солдаты наши показали мало умѣренности во время приступа—тѣмъ лучше».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНОСТЕЙ АВСТРИИ.

- a) Stimmen der Zeit, herausgegeben v. Adolph Kolatschek. № 1—3 u. 8. Die Parteien in Böhmen. Ungarische Briefe. b) Les Slaves d'Autriche et les Magyars, études ethnographiques, politiques et littéraires. Paris. 1861.

I.

Ни въ одной странѣ вопросъ развитія народностей не имѣетъ такой исторической важности, какъ въ Австріи. Для нея онъ составляетъ вопросъ жизни, потому—что Австрийская имперія есть не что иное, какъ смѣсь разноплеменныхъ народовъ такъ кстати напоминающая намъ условія политическаго существованія византийской имперіи. Не излишнимъ считаемъ повторить ту истину, неоднократно уже высказанную, что существованіе, составъ, постепенное увеличеніе, однимъ словомъ—исторія Австріи, не имѣетъ никакого сходства ни съ однимъ изъ государствъ новой Европы. Въ другихъ народностяхъ намъ представляются или одно сплошное ядро населенія, или главное, господствующее населеніе съ немногими иноплеменными общинами, живущими подъ непосредственнымъ управленіемъ главной, или наконецъ незначительные остатки такихъ племенъ, какъ напр. Басковъ, которые, не имѣвъ никогда собственной цивилизаціи, сами—собою изводятся и исчезаютъ, растворяясь въ главномъ населеніи. Но совершенно на другихъ началахъ сложилась Австрийская имперія. Народъ, который правительство хочетъ сдѣлать господствующимъ надъ другими, не превышаетъ семи милліоновъ душъ, въ то время, какъ остальное иноплеменное населеніе Австріи восходитъ до *тридцати пяти* милліоновъ. Но и изъ этихъ *семи* милліоновъ только пять составляютъ сплошную массу германскаго племени, потому—что два остальные разсѣяны по нѣкоторымъ округамъ Чехіи и по другимъ областямъ Австріи. Перевѣсъ остается за наро-

дами, чуждыми главному населенію и по языку и по племени. Славянская народность, напр., въ числѣ пятнадцати милліоновъ, составляетъ уже сама по себѣ половину населенія Австріи. Среди этихъ Славянъ одни Чехи, въ числѣ семи милліоновъ, составляютъ сплоченную массу, которая уравниваетъ собой нѣмецкое племя имперіи, и не только въ статистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи умственномъ, потому—что цивилизація Чеховъ ничуть не новѣе германской. Рядомъ съ племенемъ Славянъ рѣзко отдѣляется пятимилліонное, живучее племя Мадырь; но кромѣ его есть еще Румыны въ числѣ трехъ милліоновъ, есть еще уединившійся обломокъ итальянскаго племени, почти въ два съ половиною милліона. Всѣ эти народы, имѣя свой языкъ и литературу, имѣя свое прошлое, какъ въ области преданія, такъ и въ живой исторіи, отнюдь не сочувствуютъ австрійскому правительству и вовсе не желаютъ пожертвовать своею народностью въ пользу нѣмецкой. Напротивъ, они съ каждымъ днемъ заявляютъ свои права и возвышая голосъ, требуютъ равноправности. До тѣхъ поръ Австрія не въ состояніи будетъ стать тверже на своихъ пошатнувшихся и подкоенныхъ ногахъ, пока не удовлетворитъ вполне требованіямъ своихъ народовъ. Отвѣтить имъ нѣтъ болѣе никакой возможности, и каждая новая попытка на этомъ поприщѣ съ удвоенной силой вызоветъ въ нихъ противоборство и увеличитъ чувство глухой ненависти, достигшей уже послѣднихъ предѣловъ. Было бы благоразуміе, если уже не поздно и самое благоразуміе, уважить наконецъ народныя права племенъ, случайно замкнутыхъ въ составъ австрійской монархіи, и исполнить добросовѣстно напыщенно-высказанный законъ равноправности, которымъ австрійское правительство уже нѣсколько лѣтъ туманитъ своихъ подданныхъ.

Система разъединенія и возбужденія одной народности противъ другой, предпринятая Австріей, съ давняго времени, оказавшаяся не только неудобной для ея господства, но даже опасной. Система эта едва не погубила самую Австрію въ 1848—49 г. Въ настоящемъ случаѣ одно свободное соглашеніе и удовлетвореніе требованій народовъ, живущихъ въ Австріи, можетъ обезпечить правительству его собственное существованіе. Но если народы эти, оставивъ правительство въ сторонѣ, приступятъ къ обоюдному соглашенію и единодушно примутся за дѣло собственного возрожденія, тогда самое зданіе Австріи, расшатанное уже во всѣхъ своихъ связяхъ, разрушится неминуемо, и въ этомъ отношеніи, принявъ въ соображеніе аналогію,

въ какой находится къ Австріи европейская половина Турціи, оба эти государства подойдут подъ одну и ту-же категорію распадаенія.

Вопросъ о народностяхъ и ихъ правахъ, какъ историческихъ, такъ и политическихъ, въ высшей степени запутанъ. Разрѣшить стремленія этихъ племенъ, ихъ обоюдныя соотношенія, и разъяснить причины исторической вражды ихъ между собою, составляетъ громадный политико-соціальный трудъ, который едва ли можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно для каждаго народа отдѣльно взятаго. Определеніе понятія народности никогда не разъяснится, если оно будетъ принимаемо то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Народность, съ точки зрѣнія политической, исторической и этнографической, составляетъ узелъ, котораго изгибы могутъ разрѣшиться или лезвіемъ меча или медленнымъ долготѣннымъ распутываніемъ этихъ живыхъ извилинъ. Въ иномъ племени эти три вида народности находятся въ тѣсной связи, въ другомъ они рѣзко разьединены. Такъ напримѣръ Румыны Трансильваніи въ одно и то-же время могутъ разсматриваться и какъ Румыны и какъ Мадяры и какъ Австрійцы. Государство, которому непосредственно принадлежитъ извѣстное племя, выражаетъ политическую народность этого племени. Съ другой стороны народы, неимѣющіе одного племеннаго происхожденія, и говорящіе разными языками, соединенными нѣкогда въ одно государство, имѣющіе одну исторію, хотя и перестали съ теченіемъ времени входить въ составъ этого государства,—народы эти все-таки сохраняютъ свою историческую личность, какъ напримѣръ: Сербія, Босна, Герцеговина и Черногорія, составлявшія нѣкогда царство Сербское. Политическая народность извѣстнаго племени, присоединеннаго къ другому государству, вслѣдствіе ли свободного избранія, или вслѣдствіе завоеванія, все равно, можетъ быть источникомъ или свободного его развитія подъ властью господствующаго племени, и въ такомъ случаѣ оно неминуемо составитъ силу этого государства или сдѣлается источникомъ постоянныхъ его смуть и волненій. Здѣсь нельзя не вспомнить значеніе, какое имѣетъ Альзась для Франціи и венеціанская область для Австріи.

Изъ этихъ двухъ видовъ народностей, главная и болѣе живучая та, которая выражаетъ собой *этнографическое* единство народныхъ единицъ, въ формѣ единства племени и единства языка. Она вполне опредѣляетъ понятіе народъ,—(отъ родить, нарождать) и можетъ имѣть полное право гражданства, какъ въ политическихъ, такъ и въ

соціальныхъ требованій вѣка. Политическая народность ясно выражается словомъ государство; подъ историческою народностью должно разумѣть исторію всякаго народа и государства; но чтобы опредѣлить народность, основанную на единствѣ племени и языка, нѣтъ болѣе яснаго опредѣленія, какъ выраженіе уже нами принятое — народность этнографическая. Въ характеристику отдѣльно взятаго народа непосредственно входятъ его порода, нравы, обычаи, вѣрованія, народныя преданія, пѣсни, языкъ, и множество такихъ особенностей, ему исключительно принадлежащихъ, которыя всё вмѣстѣ составляютъ его индивидуальную личность. Такъ какъ языкъ есть главный отличительный признакъ челоука, то онъ составляетъ основное типическое свойство, отдѣляющее одно племя отъ другаго. Народность этнографическая есть созданіе природы, между тѣмъ какъ историческая и политическая образуются подъ влияніемъ общественныхъ обстоятельствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что народность этнографическая имѣетъ преимущество предъ двумя другими. Этимъ тремъ видамъ народности можно дать и такое опредѣленіе: народность политическая принадлежитъ къ области статистики настоящаго; историческая—есть данное или фактъ статистики прошедшаго; этнографическая же носитъ въ себѣ несомнѣнные задатки статистики будущаго. Народность политическая основана на расчетѣ большею частію искусственномъ. Народность историческая вытекаетъ изъ лѣтописей, преданій и всего прошлаго; но народность этнографическая есть начало плоти и крови, за которыми не могутъ скрыться ея особенности. Всѣ революціи нашей эпохи несутъ въ себѣ признаки этого начала. Сербія, Греція и вслѣдъ за ними Венгрія имѣли въ основѣ своей чисто этнографическія данныя къ возстановленію своихъ народностей, и еслибы Венгрія не впала въ ошибки, въ которыхъ теперь она сама не можетъ не сознаться, то слѣдствія ея борьбы съ Австріей были—бы совѣмъ иныя. Лучшимъ и болѣе краснорѣчивымъ слѣдствіемъ этнографической народности есть безъ сомнѣнія итальянское движеніе, и то единство, къ которому Италия съ каждымъ днемъ стремится.

Объяснивъ различные виды слова народность, теперь мы можемъ нагляднѣе представить значеніе ея въ тѣхъ племенахъ, которыя входятъ въ составъ австрійской имперіи. Начиная, въ порядкѣ постепенности, съ народности политической, нельзя не замѣтить, что она до эпохи 1848 года видоизмѣнялась въ различныхъ областяхъ Австріи; но съ этого времени, когда правительство окончательно при-

няло систему подавленія народностей и централизаціи, иди такимъ образомъ на проломъ историческаго развитія своихъ областей, оно стара лось подвести ихъ подъ общій уровень національности, противъ которой протестовали и еще теперь протестуютъ все племена этого государства. Это насильственное навязываніе своимъ подданнымъ австрійской народности, произвело то, что кромѣ эрцгерцогства Австріи, никто не желаетъ называть себя Австрійцемъ, а вездѣ встрѣчаете Маляръ, Сербовъ, Итальянцевъ, Чеховъ, Румыновъ, которые точно также любятъ народность австрійскую, какъ каторжникъ цѣль, которую прикованъ къ тачкѣ.

Примѣняя историческую народность къ австрійской монархіи, мы встрѣчаемъ, что все почти ея области, бывшія нѣкогда отдѣльными, независимыми государствами, сгруппировались подъ властію Габсбурговъ или въ слѣдствіе свободнаго избранія, или въ слѣдствіе союзовъ, или наконецъ въ слѣдствіе завоеванія. Все эти области свято хранили свои народныя учрежденія, которыя признавались, болѣе или менѣе австрійскимъ правительствомъ, до 1848 года. Жители этихъ областей хотя и раздѣляются другъ отъ друга разными нарѣчіями, сохраняютъ однакожъ живое воспоминаніе о своей прежней независимости, и тѣмъ доказываютъ, что между ними не переставало существовать политическое стремленіе. Чтобы яснѣе понять, въ какомъ состояніи находятся эти области въ отношеніи ихъ исторической народности, необходимо обозрѣть ихъ одну за другою, потому что и теперь еще многіе привыкли смотрѣть на Австрію какъ на государство нѣмецкое. Повторяемъ, во всей Австріи жителей германскаго происхожденія не болѣе 7.000,000 изъ которыхъ только 500,000 составляютъ сплошную массу нѣмецкаго племени.

Начиная обзоръ областей Австріи съ тѣхъ, которыя населены Нѣмцами, мы находимъ слѣдующія: эрцгерцогство Австрія съ верхнею и нижнею Австріей, Штирія, Карніоля, Каринтія, Тироль, древнее епископство тридентское, бриксенское, древнее архіепископство Зальцбурга и часть маркизата истрійскаго, потому что другая его часть, острова и побережье, принадлежали венеціанской республикѣ, за исключеніемъ свободнаго города Триеста, который, находясь нѣсколько разъ подъ властію Венеціанцевъ, кончилъ тѣмъ, что отдался подъ покровительство Австріи, и съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ подъ ея власти. Эти-то земли и составляли собственно австрійскій

удѣль, бывший однимъ изъ десяти округовъ древне-германской имперіи.

Часто встрѣчается названіе Богеміи или Чехіи, какъ области нѣмецкой. Но Богемія вмѣстѣ съ Моравіей и Силезіей, какъ австрійской такъ и прусской, составляли, какъ извѣстно, отдѣльное могущественное королевство, въ составъ котораго входили также и Лужицы. Часть прусской Силезіи населена на сѣверо-востокѣ народомъ славянскимъ польской вѣтви, а на югѣ Славянами чешскаго происхожденія. Лужицы также населены большею частію Славянами, Вендами, которые называютъ себя Сербами. Земли, составлявшія нѣкогда чешское королевство, за исключеніемъ одной четверти, населенной Нѣмцами, заняты народомъ великой славянской семьи, Чехами. Земли ихъ никогда не входили въ число тѣхъ десяти округовъ, которые составляли древне-германскую имперію, и отношеній ихъ къ этой послѣдней не имѣли въ себѣ характера политической зависимости. Даже самое королевство Чехіи, вслѣдствіе трактатовъ и формальнаго признанія императора Фердинанда I, не было подвергнуто ленной зависимости отъ Австріи. Между тѣмъ, несмотря на эти права, признанныя за Чехіей, Францъ Іосифъ произвольно и вопреки данной имъ клятвѣ сохранить права и преимущества этихъ земель, ввелъ ихъ въ составъ германскаго союза. Цѣль его была усилиться какъ члену союза, остановить національное движеніе къ реформамъ. Какія же были послѣдствія этого внезапнаго присоединенія Чехіи къ германскому союзу? Лишь только Чехи нашли возможность высказать свое негодованіе, они не замедлили протестовать противъ своеговольнаго присоединенія своей народности къ Австріи. Здѣсь кстати вспомнить, что когда въ 1848 г. учрежденіемъ во Франкфуртѣ парламента, хотѣли подготовить единство Германіи, то въ число членовъ этого парламента приглашены были также и представители изъ Чеховъ; но они отвѣчали, что такъ какъ Чехія не имѣетъ ничего общаго съ Германіей въ отношеніи народномъ, то и не намѣрена принимать участіе въ образованіи будущей германской имперіи, и желаетъ остаться подъ властію своего короля, императора австрійскаго. Несмотря на настоятельныя требованія вѣнскаго министерства послать депутатовъ въ парламентъ, Чехи рѣшительно отказались. Впрочемъ тамъ были представители и отъ Чехіи, но это—депутаты нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ Богеміи, обитаемыхъ нѣмецкимъ населеніемъ. Историческія воспоминанія скорѣе удаляютъ, чѣмъ сближаютъ Чеховъ

съ Нѣмцами. Въ этихъ воспоминаніяхъ Чеху постоянно представляются обстоятельства его исторической жизни, когда онъ постоянно находился въ необходимости защищать свою независимость отъ нѣмецкаго наслія и вторженій. Чтобы вѣрнѣе охранить свою народность, Чехи, съ прекращеніемъ королевской династіи, рѣшились избрать въ короли Владислава Ягеллона. Сохранился даже одинъ памятникъ, — письменное предложеніе чешскимъ государственнымъ чинамъ, собранымъ въ XV ст. для избранія короля, гдѣ избиратель въ рѣзкихъ выраженіяхъ представляетъ опасность, какой можетъ подвергнуться славянская народность Чеховъ, если выберутъ въ короли Нѣмца. Въ историческомъ очеркѣ, начиная съ незапамятныхъ временъ, и на основаніи лѣтописей, избиратель представляетъ грустную картину стремленій къ отъмеченію Чехин, какъ только она приходила въ столкновение съ Нѣмцами. Предостерегая такимъ образомъ государственные чины, Чехъ заключаетъ слѣдующими словами: „Собразивъ все сказанное здѣсь, нужно намъ беречься болѣе всего Нѣмцевъ, никого изъ нихъ не избирать себѣ въ короли. Нѣмцы скорѣе согласятся, всѣ до одного, потерять свои головы, нежели принять самого славнаго Чеха не только въ государи, но даже въ мѣщане къ себѣ.“ И по духу времени, избиратель припоминаетъ слова кн. Второзаконія, гл. 17 ст. 15, *«Поставляя да поставимъ надъ собою князя, его же и беретъ Господь Богъ твой: отъ братіи твоея да поставиши надъ собою князя, не возможеши поставити надъ собою князя челоуька чуждаго, яко не братъ твой есть»*. А Нѣмецъ, какъ извѣстно, не братъ Чеху, потому что онъ не отъ чешскаго народа; онъ не братъ потому, что противится и ругается отцамъ нашимъ и введенію причащенія тѣломъ и кровію Христа, равно какъ и другимъ правдамъ его. Такого челоуька не слѣдуетъ не только впускать въ домъ, но даже и привѣтствовать. Нѣмецъ, избранный въ короли, не только вовсе не посѣтитъ нашего дома, напротивъ, скорѣе пострадается изгнать истинныхъ Чеховъ изъ ихъ домовъ и безъ отлагательства завладѣть ихъ достояніемъ.» Такова была антипатія Чеховъ къ Нѣмцамъ еще въ XV-мъ столѣтіи. И не одни Чехи чуждались Нѣмцевъ: Мадяры, находясь при тѣхъ же обстоятельствахъ, не желая пригласить Фридриха, кричали по настоянію Яна Гуніади, Владислава Ягеллона. Только въ 1526 году, послѣ мѣгачской битвы, чтобы остановить дальнѣйшія завоеванія Турокъ, оба эти народа добровольно отдались Габсбургамъ. Но когда они, нарушивъ данное клят-

вы, начали стѣснять Чеховъ, и воздвигать релігіозное гоненіе на нихъ, протестантское дворянство подняло оружіе и призвало на престолъ пфальцъ-графа Фридриха. Въ 1620 году послѣ пражской битвы, столь гибельной для Чехіи, императоръ и король Фердинандъ II уничтожилъ конституціонное правленіе королевства и замѣнилъ его въ 1627 г. особымъ статутомъ. Венгрія въ этомъ случаѣ была счастливѣе Чехіи, сохранивъ свою конституцію еще на два столѣтія (до 1848 г.).

Несмотря на потерю своей самостоятельности, Чехія доселѣ сберегла сознаніе своей политической жизни; и если оно проявляется не такъ рѣзко и живо, какъ въ Венгріи, то причиной тому высшее сословіе, измѣнившее народному чувству и поддавшее вліянію двора. Подкупленное доходными мѣстами, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, привилегированное и отличенное правительствомъ, оно отшатнулось отъ угнетеннаго народа и наконецъ разорвало съ нимъ всякую живую связь. Правительство не замедлило обратить его въ орудіе своего эгоизма и произвола.

Несмотря на ничтожность чешскаго дворянства, на его отчужденное положеніе въ отношеніи къ остальной массѣ народа, эта масса развила сама собою такъ, что можетъ изумить всякаго, кто только слѣдилъ за успѣхами ея въ народномъ образованіи. Въ противоположность дворянству Чехіи, она горячо сочувствуетъ своей исторической народности.

Чувство это, одушевляя юношество, день ото дня болѣе и болѣе развивается; живымъ проводникомъ его служатъ языкъ и литература, доступные всемъ классамъ общества, понятные всемъ и каждому. Исторія Чеховъ, имѣя столь славныя личности, какъ Оттекаръ, Янъ-Гусъ, Жижка, Георгій Подебрадъ, не можетъ остаться въ тѣни и быть заслоненной бюрократической широкой Австріи. Въ продолженіе двухъ вѣковъ, послѣ потери своей независимости, Чехія не переставала вносить свои живыя силы въ Австрію, снабжая ее лучшими вождями и государственными людьми. Однимъ словомъ, 1848 годъ достаточно показалъ, какъ Славяне Чехіи высоко стоятъ, сравнительно съ прочими народами Австріи, въ отношеніи политическаго такта. Они одни отказались послать представителей въ учредительное собраніе, бывшее въ Вѣнѣ. Кромѣ того Чехи находились въ это время въ головѣ политическаго движенія Славянъ, которое они направляли, и которое рѣшило судьбу Австріи.

Въ томъ же видѣ представляется намъ историческая народность Воеводины, военной границы и Трансильваніи. Вновь учрежденная область Воеводины и Баната составляли до 1848 года часть Венгріи. Въ XVII ст. переселилось, какъ извѣстно, множество Сербовъ изъ за Дуная въ Венгрію, удаляясь отъ турецкаго владычества. Габсбурги приняли этихъ выходцевъ и назначили имъ разоренныя земли въ Банатѣ, гдѣ они поселились. Политическое самоуправленіе и религиозная свобода этихъ Сербовъ были подтверждены особыми грамотами. Впослѣдствіи австрійское правительство, измѣнивъ своимъ обязательствамъ, присоединило земли этихъ поселенцевъ къ Венгріи, и вмѣстѣ съ этимъ ограничило ихъ и въ другихъ правахъ, какъ напр. въ избраніи своего воеводы. Въ 1848 году Венгрія хотѣла еще болѣе ограничить кругъ самоуправленія Сербовъ, такъ что эти послѣдніе вынуждены были стать на сторонѣ ихъ непріятелей и пожелать поддержать Австрію, которая въ вознагражденіе обѣщала тогда же возстановить старое воеводство, съ возвращеніемъ ему прежнихъ правъ. Она дѣйствительно исполнила свое обѣщаніе; но какъ? Присоединивъ къ воеводству часть земель, населенныхъ Румынами, она отделила ту полосу, которая населена Сербамъ, примкнувъ ее къ Венгріи, такъ что Воеводина заключаетъ въ себѣ въ настоящее время округа: Темешваръ, Лугошъ, Надъ-Бечкерекъ, Зомборъ и Нейзаць.

Узкая полоса земли, которая тянется отъ границъ Трансильваніи до Далмаціи, и которая офіціально извѣстна подъ именемъ Военной границы, населена по преимуществу Сербамъ и Кроатами. Они составляютъ военное населеніе въ 860,000 жителей, изъ которыхъ все мужское населеніе обязано нести воинскія повинности, почему и вся военная граница раздѣлена на 14 полковъ. Можно легко судить, какъ тяжелы эти повинности для народа, у котораго отнята возможность заниматься земледѣліемъ и другимъ производительнымъ трудомъ. Образованіе этихъ поселеній относится къ тому времени, когда турецкіе пограничныя пашы часто вооруженными толпами вторгались въ венгерскія земли. Но Турки давно уже прекратили свои набѣги, а правительство все-таки держитъ цѣлый край съ его многолюднымъ населеніемъ въ ненормальномъ положеніи, подъ предлогомъ содержанія на границѣ карантинной цѣпи. На самомъ же дѣлѣ желаніе его состоитъ въ томъ, чтобъ поддерживать въ жителяхъ военный духъ и имѣть въ своемъ распоряженіи постоянно готовые полки для усиленія ими, на случай нужды, общей арміи. Не разъ населеніе этой

границы выражало свое неудовольствіе въ отношеніи стѣсненнаго положенія, въ какомъ оно находилось и еще теперь находится. Въ 1848 году Батъ Іеллачичъ только тѣмъ и расположилъ воинственныхъ граничаръ на сторону Австріи, что обѣщалъ отійти изъ обязательной службы; но онъ ничего не могъ сдѣлать, и Военная граница остается въ прежнемъ своемъ составѣ и назначеніи.

Что касается Трансильваніи, то эта обширная область имѣла свое отдѣльное устройство и въ своемъ родѣ исключительное. Трансильванія населена тремя оффициально признанными народами, пользующимися своими правами, это Маляры, Секлеры и Саксы. Рядомъ съ ними живетъ сплошная масса Румыновъ, древнѣйшихъ обитателей этой области, которые въ настоящее время составляютъ почти три четверти всего населенія Трансильваніи. Несмотря на то, что изъ нихъ состоитъ главное ядро населенія, Румыны не признаны, подобно Малярамъ и Саксамъ, отдѣльнымъ народомъ въ Австріи. Притомъ Трансильванія, или какъ ее называли седмиградская область, была постоянно рассматриваема какъ часть венгерскаго королевства, хотя въ сущности зависимость ея отъ Венгріи не древнѣе той эпохи, когда сами Маляры признали надъ собою власть Габсбурговъ, т. е. не древнѣе 1526 года.

Отношенія ея къ Венгріи были постоянно болѣе близки, чѣмъ къ другимъ областямъ Австріи, потому что Трансильванцы должны были защищать наравнѣ съ сосѣдями свои конституціонныя права и противиться постояннымъ усиліямъ вѣнскаго правительства, стремившагося ихъ уничтожить. Кромѣ того небольшая полоса въ самой области населена чисто малярской народностью, и множество Маляръ, какъ магнатовъ, такъ и мелкихъ дворянъ, владѣютъ обширными поземельными собственностями и въ Трансильваніи и въ Венгріи въ одно и то же время. Потому Трансильванія не отступала отъ Венгріи, и шагъ за шагомъ слѣдовала за ея судьбой. Область эта, по своимъ внутреннимъ учрежденіямъ, чисто аристократическимъ, по разнородности или вѣрнѣе по неравности правъ ея обитателей, не могла избѣгнуть потрясенія въ революцію 1848 года. Въ эту эпоху малярское дворянство Трансильваніи подняло голосъ въ пользу присоединенія этой области къ Венгріи. Саксы видѣли въ этомъ присоединеніи, еслибы оно дѣйствительно случилось, потерю своихъ вольностей и правъ, вѣстари имъ присвоенныхъ, а въ то же время поднялся голосъ и самой главной части населенія Румыновъ, требовавшихъ такъ-

же самоуправления. Требования ихъ простирались гораздо дальше: они рѣшили, чтобы представительство ихъ было соразмѣрно съ цифрой остальныхъ двухъ народностей, и обойденные въ государственномъ значеніи, Румыны, по своей многочисленности, сдѣлались бы первенствующимъ народомъ въ Трансильваніи. Чтобы поддержать свои требованія въ отношеніи притязаній Мадяръ, они возмущались и стали на сторонѣ австрійскаго правительства. Историческая народность трансильванскихъ Румыновъ есть рядъ самыхъ грустныхъ воспоминаній рабскаго, ихъ состоянія; поэтому она и не имѣетъ большого вліянія на ихъ народный духъ и направленіе. Эта историческая народность не въ состояніи еще возбудить въ нихъ чувство патриотизма, и только одно уснѣла она выработать — проснувшееся желаніе присоединиться къ господарствамъ Валахій и Молдавіи, съ которыми есть у нея связь по вѣрѣ, племени, языку и даже по преданію.

Такова политическая и историческая народность разноплеменныхъ областей Австріи. Принимать ихъ въ основаніе для постройки отдѣльныхъ федеративныхъ государствъ не только недостаточно, но даже опасно, потому что это самое можетъ вывести эти племена на новую кровавую схватку, на самую непримиримую вражду между собой. Въ силу этихъ двухъ родовъ народностей, каждое племя можетъ выставить свои права въ ущербъ другаго племени; каждое изъ нихъ въ состояніи требовать первенства надъ другимъ. Возможность примиренія ихъ лежитъ единственно въ этнографическихъ соотношеніяхъ этихъ племенъ и на этомъ основаніи еще можно поставить точку опоры къ обоюдному ихъ соглашенію.

II.

Напомнимъ еще разъ нашимъ читателямъ общую цифру народонаселенія Австрійской имперіи. — Со времени отпаденія Ломбардіи населенность Австріи не превышаетъ 35.000,000 жителей, цифры взятой изъ офіціальной статистики, которая, надо замѣтить, всячески старается скрыть отъ общественнаго мнѣнія точное количество славянскаго населенія, включая въ число Нѣмцевъ и тѣхъ, которые говорятъ по — нѣмецки, хотя они и чисто славянскаго происхожденія. Вообще, благодаря австрійскому правительству, свѣдѣнія о Славянахъ,

живущихъ въ предѣлахъ Австріи, искажены съ преднамѣреннымиъ расчетомъ, такъ что, прежде чѣмъ станемъ говорить о другихъ народностяхъ, слѣдуетъ представить въ возможно точномъ видѣ главную, именно славянскую. Говоря вообще, славянское племя по статистическимъ даннымъ восходитъ до знаменательной цифры 86 м., занимая собою восточную полосу Европы, такъ, что если провести прямую линію отъ Балтійскаго моря до Адриатики, то вся восточная сторона за этимъ рубежомъ занята преимущественно славянской народностью, за исключеніемъ весьма немногихъ пространствъ, населенныхъ Румынами, Мадярами, Греками и Албанцами. Мы не считаемъ здѣсь населенія Турокъ, Евреевъ и Цыганъ, которые, въ отношеніи къ господствующей массѣ, такъ ничтожны, что они совершенно исчезаютъ предъ главнымъ ядромъ славянскаго племени.

Племя это, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніи, распадается на двѣ главныя вѣтви. Къ первой относятся Славяне сѣверовосточные съ подраздѣленіями на великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ, къ которымъ примыкаетъ съ юго-востока племя Болгаро-Сербовъ съ своими подраздѣленіями. Ко второй вѣтви принадлежатъ Поляки, Чехи и Венды или сѣверные Сербы, населяющіе саксонскую и прусскую Лужицы. Вообще эта вѣтвь славянскаго племени, особенно живущихъ въ Австріи, извѣстна подъ названіемъ Славянъ западныхъ. Изъ нихъ Чехи населяютъ пространную часть земель бывшаго чешскаго королевства, Моравію, Саксонію и сѣверозападную часть Венгріи. Чешская рѣчь слышна почти до центра Моравіи, и внѣ этого предѣла она нѣсколько уклоняется отъ главнаго говора и образуетъ нарѣчія силезское, словацкое и нѣсколько другихъ. Двѣ трети пятимилліоннаго населенія Богеміи составляютъ Чехи, и три четверти ихъ обитаютъ въ Моравіи. Нѣмецкое же племя, составляющее остальное населеніе этихъ областей, расположено большею частію въ пограничныхъ округахъ, а болѣе сплошныя массы его тянутся по сѣверовосточной границѣ Богеміи и по сѣверной части Моравіи и Силезіи. Чешская вѣтвь, живущая въ Венгріи, извѣстна подъ именемъ Словаковъ, которые занимаютъ долины рѣкъ, вытекающихъ изъ карпатскихъ горъ. Этнографическія границы Словаковъ къ югу оканчиваются на нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная. За исключеніемъ древне-славянскаго или такъ называемаго церковнаго языка, чешскій считается въ литературномъ отношеніи древнѣйшимъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Письменность Чеховъ

восходить выше X в. Въ XIV и XV столѣтіяхъ у нея были знаменитые дѣятели. Янъ Гусъ въ одно и то же время былъ преобразователемъ языка и однимъ изъ народныхъ писателей. Послѣ него чешская литература постепенно развивалась, такъ что въ началѣ XVII столѣтія она достигла высшей степени. Пражская битва нанесла какъ ей, такъ и политической независимости Чехіи, ударъ смертельный, такъ что до конца XVIII вѣка литература стала клониться къ упадку, но въ первые годы настоящаго столѣтія она вдругъ повернула въ противную сторону и съ изумительной быстротой возвысилась до уровня многихъ второстепенныхъ литературъ новой Европы. Въ настоящее время многочисленное сословіе писателей всѣхъ родовъ постоянно трудится на пользу народности чешской. Труды ихъ не остались безплодны: просвѣщеніе распространяется не только въ среднемъ сословіи Чехіи, но и между поселянами; такъ что иногда изданія разныхъ книгъ, чтобы удовлетворить требованіямъ народа, доходятъ до 20 и болѣе тысячъ экземпляровъ. Мало можно найти государствъ, гдѣ бы высшій классъ народа любилъ столько чтеніе, какъ въ Чехіи. Словаки, живущіе въ предѣлахъ Венгріи, которыхъ цифра въ 1842 году по указанію Шафарика (*Slovenske Narodpis* p. 98) восходила до 2.753,000, Изъ нихъ 1.953.000 католики, а 800.000 протестанты, почувствовали наравнѣ съ другими славянскими народами свою силу, и хотѣли возвысить свое нарѣчіе на степень литературнаго языка. Но доселѣ они ограничиваются только нѣсколькими изданіями народныхъ пѣсенъ, нѣсколькими поэтическими произведеніями, да книгами духовнаго содержанія. Писатели болѣе развитые этого народа употребляютъ въ своихъ произведеніяхъ чешскій языкъ.

Словаки гораздо прежде 1848 года энергически возстали на рѣшеніе венгерскаго сейма, положившаго ввести къ нимъ мадярскій языкъ, такъ что во время движенія 1848 г. хотя они пытались—было произвести контръ—революцію, движимые патриотическими стремленіями нѣкоторыхъ приверженцевъ народности, какъ напр. Урбаномъ и Штуромъ, но подавленные австрійскими полками, они вскорѣ приняли окончательно сторону вѣнскаго правительства. Въ 1849 году одинъ изъ лучшихъ людей этого племени Янъ Колларъ, бывшій профессоромъ славянскаго языка и литературы въ вѣнскомъ университетѣ, настоятельно требовалъ, чтобы земля Словаковъ была отдѣлена отъ Венгріи и составила особую провинцію Австріи. Правительство хотѣло—было принять эту мѣру отдѣленія; но, взявъ въ соображеніе,

что этимъ оно дастъ средство къ усиленію славянскаго элемента въ своихъ областяхъ, который взялъ бы перевѣсъ надъ мадарскимъ, отказало Словакамъ въ ихъ требованіи, и они попрежнему остались присоединенными административно къ Венгріи. Но изъ этого вышло то, чего австрійское правительство и не ожидало. Словаки, недовольные настоящимъ правленіемъ, стѣсненнымъ ихъ и со стороны налоговъ и со стороны политической свободы и народнаго равенства, стали склоняться на сторону Мадаръ, которые, какъ извѣстно, при всякомъ удобномъ случаѣ выказываютъ самое упорное сопротивленіе центральной власти. Надобно прибавить, что безразсудная мысль *мадьяризаціи* съ каждымъ днемъ создается самими Венграми, таку что сближеніе Словаковъ съ этимъ народомъ день ото дня совершается съ большимъ другъ къ другу довѣріемъ.

Ко второй вѣтви западныхъ Славянъ относится Польское племя, восходящее по исчисленію Шафарика до 9.365,000, изъ которыхъ на долю Австріи относится 2.340,000 жителей на западной сторонѣ Галиціи. Этнографическая граница, отдѣляющая ихъ отъ Галичанъ, проходитъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку вблизи Тарнова. Но несмотря на это, они живутъ также и внѣ этой линіи, преимущественно въ городахъ, и все дворянство Галиціи состоитъ изъ Поляковъ, что въ политическомъ отношеніи дастъ имъ значительный перевѣсъ. Извѣстно богатство литературы этого народа, который въ числѣ славянскихъ племенъ занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ видныхъ мѣстъ. Вообще изящная словесность сдѣлала у нихъ значительные успѣхи, но за-то они совершенно отстали въ наукахъ положительныхъ, Торговля и промышленность имъ также не дались и находятся исключительно въ рукахъ Евреевъ. Вотъ почему среднее сословіе здѣсь никогда не могло выработаться. Недостатокъ его привелъ къ тому, что польскій народъ, образовавъ изъ себя два рѣзко отдѣльные другъ отъ друга класса, провелъ между ними непроходимую грань и отдалилъ дворянство отъ простолюдина, который съ трудомъ можетъ ему сочувствовать.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Поляками Австріи живутъ Русины малорусской вѣтви, въ числѣ почти 3,000,000, изъ коихъ одна часть въ числѣ 700,000, перешедши Карпаты, поселилась въ сѣверовосточномъ углѣ Венгріи. Находясь долгое время подъ управленіемъ князей рюрикова дома, древній Галичъ долженъ былъ признать въ началѣ XIV вѣка власть литовскихъ князей, а въ концѣ того же сто-

лѣтія, когда династія Ягеллоновъ была призвана въ Польшу, галицкая область вмѣстѣ съ Литвою присоединена была къ той же странѣ. Съ тѣхъ поръ она раздѣлила и ея судьбу, а въ настоящее время составляетъ одну изъ областей Австріи. Собственно народъ долго оставался вѣренъ своей исторіи и религіи; но Поляки успѣли заставить его признать первенство папы и ввести унию. Причины ея введенія были болѣе политическаго свойства, чѣмъ религіознаго. Уніей хотѣли отдѣлить Галичанъ отъ остальной вѣтви малорусской, и усилить путемъ католицизма польскій элементъ. Въ Галиціи, гдѣ унія болѣе всего привилась, Руссины не имѣютъ изъ среды своей ни дворянства, ни средняго сословія. Литература ихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что польская письменность въ этомъ краѣ имѣетъ за собой все преимущество, какъ по своему общественному положенію, такъ и по исторической народности, процвѣтавшей въ этой странѣ въ теченіе почти четырехъ столѣтій. Поэтому, только въ смыслѣ историческомъ, и ничуть не этнографическомъ, Галиція отчислена къ Польшѣ, въ то время какъ въ сущности въ этой области только и есть польскаго элемента, что въ западной ея части, населенной Мазурами. Восточная же часть Галиціи съ древнѣйшихъ временъ была не что иное, какъ нераздѣльная часть Червоиной Руси. Въ послѣднее время между Поляками и Руссинами этой области проявилось самое рѣзкое соперничество. Вѣнское правительство, видя, что польскій элементъ въ отношеніи къ русинскому постоянно враждебенъ, старалось ослабить его вліяніе. Графъ Стадіонъ, содѣйствуя видамъ правительства, началъ поддерживать въ Галичанахъ народность малорусскую, и даже сталъ вводить изученіе ихъ нарѣчія въ польскія школы, стараясь замѣнить имъ польскій языкъ, который постоянно господствовалъ въ этихъ училищахъ. Такъ, когда въ 1848 году проявилось народное движеніе, тогда враждебныя отношенія малоруссовъ къ Полякамъ получили характеръ политическій, опираясь на пробудившуюся особенность своего народа, признанную правительствомъ. Въ то же самое время, рядомъ съ народнымъ польскимъ собраніемъ образовалось въ Львовѣ и народное собраніе Руссиновъ. Въ Учредительное собраніе въ Вѣнѣ, нѣсколько священниковъ русняковъ отстаивали свои интересы противъ непомерныхъ требованій Поляковъ и правительство приняло ихъ подъ свое особенное покровительство, согласившись на нѣкоторыя уступки. Тогда же явилось въ Вѣнѣ нѣсколько учебниковъ и политическая газета на языкѣ малорусскомъ. Когда замѣтили, что гра-

мотный классъ, и особенно духовенство стало приучиваться къ чтенію, и не находя на своемъ языкѣ литературной пищи, съ жадностью бросилось читать русскіе журналы, тогда вѣнское правительство, чтобы пресѣчь естественное ихъ влеченіе къ своимъ братьямъ по соеѣдству, употребило всѣ усилія, чтобы остановить пробудившуюся любознательность къ русской литературѣ. Потому же австрійское правительство старается всеми силами ввести въ употребленіе между Русскими латинскую азбуку, принимая въ расчетъ, что этимъ способомъ оно закроетъ имъ доступъ во всѣ литературы, такъ какъ имъ неизвѣстны ни одинъ изъ языковъ новоевропейскихъ, кромѣ малорусскаго. Небольшія поселенія малоруссовъ, находящіяся въ Венгріи, не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Грамотность между ними совершенно не развита; чувство народности едва замѣтно. Менѣе другихъ племенъ они противятся мадарскому вліянію, и не имѣютъ ни одного сословія, которое бы заговорило въ пользу ихъ народности; даже духовенство ихъ находится въ полной зависимости отъ венгерскаго дворянства. Однимъ словомъ, они не имѣютъ ровно никакого политическаго значенія.

Южные Славяне, занимающіе весь Иллиро-Балканскій полуостровъ, раздѣляются на три вѣтви: на Болгарь, Сербовъ и Словеновъ. Болгаре занимаютъ пространства отъ западныхъ границъ Сербіи до Чернаго моря, и отъ всего теченія Дуная, начиная отъ рѣки Тимокка на границѣ Сербіи до Солуня и границъ Албаніи; Сербы же занимаютъ сѣверозападную часть этого полуострова. Въ Австріи сербская вѣтвь населяетъ Воеводину, большую часть Баната, Славонию, Кроацію, военную границу, хорватское побережье, часть Истрин и Далмацію. Въ Венгріи хорватскій элементъ распространяется подъ самый Пресбургъ. Сербы населяютъ также часть городскихъ земель у Буды и Пешта. Цифра Славянъ южной вѣтви, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, обитающихъ въ Венгріи, простирается до 1,500,000 душъ. Всѣ жители означенныхъ странъ, хотя подъ разными историческими именами, составляютъ въ этнографическомъ смыслѣ одинъ народъ. Нарѣчія ихъ имѣютъ близкое сходство другъ съ другомъ, литературный же языкъ почти одинъ и тотъ же, кромѣ тѣхъ уклоненій, которыя введены различіемъ вѣрованій и цивилизаціи. Сербы православнаго исповѣданія употребляютъ въ церковныхъ книгахъ кириллицу, а въ литературѣ гражданскую печать. Хорваты, Хорутане и Далматы, которые большею частію принадлежатъ къ римско-католическому ис-

повѣданію, употребляютъ латинскія буквы. Еще недавно Хорваты стали употреблять въ литературныхъ произведеніяхъ болѣе звучный языкъ далматскій, который образовался и усовершенствовался во время Дубровацкой республики, когда она въ свой золотой вѣкъ произвела такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Палмота, Гундуличъ и др. Языкъ этотъ, котораго правописаніе принято у всѣхъ Славянъ католическаго исповѣданія, имѣетъ еще то достоинство, что онъ близокъ къ литературному языку Сербовъ. Главные центры литературной ихъ дѣятельности находятся въ Загребѣ (Аграмѣ), Зарѣ, Рѣчкѣ (Fiume) и Карловицѣ, между тѣмъ какъ православные Сербы, кромѣ журналовъ, издающихся въ Бѣлградѣ, печатаютъ также книги въ Новомъ-Садѣ, Карловицѣ, Пештѣ и Бечѣ (Вѣнѣ).

Третья вѣтвь южныхъ Славянъ,—это Словены, которыхъ Нѣмцы называютъ южными Вендами. Теченіе Дравы составляетъ ихъ этнографическую границу. Къ нимъ отчислены всѣ тѣ народности, которыя живутъ на югѣ этой рѣки, т. е. въ Штиріи и Каринтіи. Въ окрестностяхъ Триеста и даже отчасти въ самомъ городѣ, а также частью въ Истрии и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удинской делегаціи на венеціанской территоріи, говорятъ языкомъ сходнымъ съ языкомъ Хорватовъ. Словены имѣютъ свою литературу и занимаются ею съ любовью. Въ Лайбахѣ ихъ главный литературный центръ. Въ 1848 году, въ вѣнскомъ парламентѣ они примкнули къ славянской партіи, и когда дѣло шло объ измѣненіи границъ и раздѣленіи австрійскихъ областей, они требовали, чтобы нѣмецкое населеніе ихъ страны было присоединено къ Штиріи, а всѣ Словены соединены въ одну область подъ названіемъ Славонія.

Нѣмцы, какъ привилегированная нація австрійской монархіи, которыхъ языкъ признанъ официальнымъ, населяютъ области, входившія въ составъ прежней германской имперіи. Между тѣмъ, собственно нѣмецкія области, какъ замѣчено было выше, суть верхняя Австрія и Зальцбургъ. Въ нижней Австріи находятся уже общины Чеховъ и Хорватовъ. Треть южной Штиріи, южная сторона Каринтіи и почти вся Карніоля населены Славянами. Южный склонъ Тироля населенъ Итальянцами. Довольно большая часть Чехіи, сѣверной Моравіи и Силезіи населены также Нѣмцами; кромѣ того они же живутъ и въ Трансильваніи. Наконецъ нѣмецкій элементъ распространенъ по всему государству, не только вслѣдствіе особаго покровительства, оказываемаго ему правительствомъ и административными учрежденіями,

но и потому еще, что вообще просвѣщеніе и промышленность Нѣмцевъ находятся на высшей степени развитія, чѣмъ въ другихъ племенахъ имперіи. Среди славянскаго и мадарскаго населенія нерѣдко встрѣчаются города, гдѣ большая часть жителей говорятъ по-нѣмецки. Къ тому же изученіе нѣмецкаго языка сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, кто только желаетъ служить; знаніе этого языка необходимо также и всякому лицу независимаго состоянія, если оно хочетъ избѣжать непріятностей, встрѣчаемыхъ имъ на каждомъ шагу въ его общественной жизни. Вотъ почему нѣмецкій языкъ употребляется разнородными племенами въ ихъ сношеніяхъ. Замѣчательно однакожь, что правительство употребляетъ своими агентами Чеховъ для онѣмеченія Мадаръ и Поляковъ, а для обращенія Чеховъ—Нѣмцевъ. Несмотря на это, нѣмецкая народность мало выигрываетъ, потому что она народность правительства далеко непопулярнаго и лежитъ гнетомъ надъ народностями, которыя хотятъ онѣмечить насильно, для чего и употребляютъ самыя возмутительныя средства. Поэтому въ странахъ ненѣмецкихъ, тотъ, кто не приверженецъ настоящей системы, дѣлается естественно явнымъ противникомъ этой нѣмецкой народности, которая служитъ знаменемъ правительству. Вся либеральная партія, и все молодое поколѣніе между Славянами и Мадарами, заявляютъ себя горячими поборниками своей народности, и вездѣ, гдѣ она проявляется въ силѣ и дѣятельности, нерѣдко случается встрѣчать потомковъ, даже сыновей Нѣмцевъ, которые, явившись въ эти страны, въ качествѣ правительственныхъ агентовъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, приняли сторону этихъ народностей. Вотъ почему часто между самыми горячими защитниками этихъ народностей встрѣчаются и Нѣмцы. Послѣ Чехіи намъ слѣдовало представить и характеристику мадарской народности, какъ и высшаго выраженія политико-этнографическаго протеста противъ Австріи, но мы не разъ уже говорили объ этомъ на страницахъ Русскаго Слова.

III.

Борьба австрійскихъ народностей въ 1848—1849 годахъ тѣсно была связана съ тройственнымъ характеромъ ихъ — политическимъ, историческимъ и этнографическимъ. Несомнѣнная связь этой борьбы съ современными событіями, въ Австріи, заставляетъ насъ напом-

нить читателямъ о той страшной бурѣ, которая грозила Габсбургскому дому, на спасеніе котораго многіе политики смотрятъ какъ на совершившееся чудо. Последнее возстаніе Венгровъ весьма справедливо названо однимъ западнымъ публицистомъ войной нарѣчій.

До 1848 года австрійское правительство допускало въ администраціи различные языки. Такъ въ Италіи и въ славянскихъ провинціяхъ Адриатическаго моря употреблялся языкъ итальянскій. Въ Чехіи славянскій народный языкъ былъ исключительно офиціальнымъ до царствованія императора Фердинанда II, котораго статутъ 1627 года далъ то же право языку нѣмецкому. Впрочемъ, само правительство, не желая отступать отъ вѣковаго обычая, въ своемъ декретѣ при собраніи штатовъ, въ рѣчи при открытіи сейма и въ нѣкоторыхъ церемоніальныхъ формулахъ, употребляло преимущественно языкъ чешскій. Всѣ остальные акты и приказы, исходившіе отъ него, излагались на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. До вступленія на престолъ Іосифа II, латинскій языкъ господствовалъ въ университетахъ и занималъ первое мѣсто въ коллегіяхъ; но со времени Іосифа онъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ. Точно также нѣмецкій языкъ мало по малу сталъ вводиться въ судахъ и во всѣхъ отрасляхъ общественнаго управленія. Въ другихъ славянскихъ и славяно-германскихъ странахъ еще менѣе уважали языкъ, который долженъ былъ уступить мѣсто нѣмецкому, даже въ школахъ первоначальнаго образованія. Можно себѣ представить, какъ должны были страдать, вслѣдствіе употребленія почти непонятнаго языка, частные интересы въ гражданской жизни, образованіе юности въ школахъ, и въ особенности, какъ былъ оскорбленъ національный духъ. Народы не могли не видѣть, что ихъ хотятъ совершенно лишити національности для того, чтобы удобнѣе подчинити ихъ иноземному и притомъ деспотическому правительству.

Точно такой же системѣ слѣдовали и въ Венгріи. И здѣсь также императоръ Іосифъ II хотѣлъ замѣнить нѣмецкимъ языкъ латинскій, бывшій до того времени офиціальнымъ и ученымъ языкомъ всѣхъ племенъ этой страны, точно также какъ и въ Кроаціи и въ Трансильваніи. Вотъ это-то стремленіе Іосифа II къ германизаціи и пробудило щекотливость и гордость Мадыаръ. Они стали изучать свой родной языкъ, который до того времени оставался въ пренебреженіи. Благодаря народной энергіи и общимъ усиліямъ, Мадыарамъ удалось создать народную литературу. Тогда-то увидѣли, что латинскій языкъ

тѣснилъ и задерживалъ общественное развитіе, и потому съ большимъ рвеніемъ предались изученію роднаго. Знаніе его требовалось отъ нѣкоторыхъ учителей и старшинъ самыхъ незначительныхъ деревень. Славяне, Нѣмцы и Румыны венгерскихъ земель не могли вести судебнымъ порядкомъ свои дѣла и подавать жалобы, потому что языки ихъ были вытѣснены привилегированнымъ нарѣчіемъ, вводившимся повсемѣстно. Однимъ словомъ, мадяроманія сдѣлалась настоящимъ гнетомъ для всѣхъ другихъ племенъ венгерскихъ земель, и потому оппозиція ихъ приняла вскорѣ весьма серьезный характеръ. При подобныхъ обстоятельствахъ наступилъ 1848 годъ. Венгерская оппозиція съ чисто мадарскимъ колоритомъ, имѣвшая время въ парламентскихъ преніяхъ послѣднихъ годовъ организовать и соединиться вокругъ нѣсколькихъ даровитыхъ личностей, каковы Весселени, Сеченши и Кошутъ, увлеченная временными успѣхами, слишкомъ рано думала торжествовать свою побѣду надъ Славянами и Румынами.

Политическія страсти, раздуваемые восторженными головами мадарскихъ либераловъ, заставили Славянъ впасть въ непростительную ошибку, такъ что они открыто пристали къ Австріи. Правда, они надѣлись на благодарность Габсбурговъ, у которыхъ требовали разумно-либеральной конституціи и право имѣть своихъ представителей, отъ каждой народности отдѣльно, думая, что славянскій элементъ будетъ достаточно силенъ, чтобы успѣшнѣе защитить себя и не подвергаться опасности быть подавлену ни нѣмецкимъ, ни мадарскимъ.

Чехи, какъ самый многочисленный и образованный изъ славянскихъ народовъ Австріи, созвали въ Прагѣ славянскій конгрессъ. Здѣсь собрались представители всѣхъ славянскихъ племенъ, въ числѣ которыхъ находились замѣчательнѣшіе литераторы и ученые. Конгрессъ рѣшилъ съ общаго согласія, что необходимо собрать всѣ свои силы для спасенія имперіи; но онъ не зналъ, что этимъ рѣшается порабощеніе самой Чехіи. Прежде чѣмъ конгрессъ успѣлъ собраться, и заняться своимъ дѣломъ, въ Прагѣ уже составилось временное правительство подъ предсѣдательствомъ графа Туна, бывшаго тогда намѣстникомъ Чехіи. Первымъ дѣломъ этого временнаго правительства было объявить, что съ этого времени оно считаетъ всѣ вѣнскіе декреты недействительными, потому что министерство Шиллерсдорфа дѣйствовало подъ вліяніемъ клубовъ.

Императоръ, чтобы избѣжать этого вліянія, удалился въ Инсбрукъ, и тогда дѣла приняли довольно неблагоприятный оборотъ для двухъ

главныхъ партій. Съ одной стороны, уничтожилъсь вліяніе чисто-нѣмецкой партіи, съ другой славянскій конгрессъ продолжалъ свои занятія для достиженія предположенной цѣли, т. е. пробужденія народныхъ сочувствій, братскимъ сближеніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и съ этою цѣлью онъ рѣшилъ послать адресъ всѣмъ народамъ имперіи, чтобы воспрепятствовать намѣренію Кошута, который такъ рѣшительно и упорно хотѣлъ подчинить мадарскому господству и Славянъ и Румыновъ. Въ это время военная власть въ Чехии находилась въ рукахъ князя Виндишгреца, одного изъ вождей старой австрійской аристократической партіи, которая неблагоклонно смотрѣла на демократическій оборотъ, принятый славянскимъ движеніемъ, на которомъ сначала основывала нѣкоторыя надежды. Князь Виндишгрець, чувствовавшій себя достаточно сильнымъ, упорно отказывалъ во всякой уступкѣ общественному мнѣнію, подозрѣвавшему его въ реакціи. Это сопротивленіе съ одной стороны и подозрѣнія съ другой были причиной мятежа, вспыхнувшего въ Прагѣ. Виндишгрець, воспользовавшись этимъ случаемъ, бомбардировалъ городъ и сдѣлался затѣмъ полновластнымъ хозяиномъ какъ столицы, такъ и всего королевства.

Хотя ни одинъ изъ предводителей чешской народной партіи не принималъ участія въ этомъ возмущеніи, но князь сталъ сильно преслѣдовать всю партію, и въ этомъ отношеніи онъ былъ жертвою обмана нѣкоторыхъ мадаромановъ, успѣвшихъ убѣдить его въ существованіи обширнаго заговора славянской партіи противъ имперіи, и Славяне должны были потерять главный центръ своей дѣятельности въ австрійскихъ земляхъ.

Мадарскіе и нѣмецкіе вожди, рассчитывавшіе на это пораженіе славянской партіи, должны были вскорѣ разочароваться. Реакція, представляемая этою частію австрійской аристократіи, которая пользовалась большимъ значеніемъ при дворѣ и въ арміи, овладѣвъ столь важнымъ городомъ какъ Прага, положила прочное основаніе своему образу дѣйствій. Не въ первый уже разъ члены габсбургскаго дома находили убѣжище въ чешскихъ земляхъ, просвѣщенныхъ, богатыхъ и населенныхъ сплошною массою храбраго народа. Здѣсь образовался вскорѣ укрѣпленный лагерь и князь Виндишгрець ждалъ только удобной минуты, чтобы возстановить снова древнюю Австрію. Габсбургскій домъ находился въ это время въ самомъ критическомъ положеніи.

Между тѣмъ дворъ, не зная на что рѣшиться, все еще оставался въ Инсбрукѣ, куда одна за другой прибывали депутаціи Мадаръ, Нѣм-

цевъ, Чеховъ и Кроатовъ и каждая старалась выпросить уступки, которыя ей казались наиболѣе выгодными.

Среди этихъ неурядицъ, собралось въ Вѣнѣ «учредительное собраніе», которое, по торжественному обѣщанію императора, должно было дать имперіи конституцію. На этомъ собраніи депутаты разныхъ народностей составили столько же партій, сколько слышалось нарѣчій съ трибуны. Не имѣя никакого понятія о парламентскомъ образѣ правленія, собранные для того, чтобы поставить на ноги совершенно разбитую Австрію, представители проводили дни въ безплодныхъ спорахъ, когда вдругъ явился подъ стѣнами Вѣны Банъ Іелачичъ и обложилъ ее.

Революціонная партія, накрытая въ осажденной столицѣ, просила венгерскую армію посѣлшить къ ней на помощь. Последняя долго заставила себя ожидать, и когда наконецъ явилась, то была разбита Іелачичемъ подъ стѣнами самой Вѣны, и съ того времени габсбургскій домъ былъ еще разъ спасенъ.

Борьба народностей приближалась къ концу. Послѣ покоренія Вѣны, правительство снова ожило, но весь образъ его дѣйствій обнаруживалъ сильное стремленіе къ реакціи. Впрочемъ оно не рѣшалось распустить Учредительное собраніе, и такъ какъ оно не могло оставаться въ Вѣнѣ, объявленной въ осадномъ положеніи, то его перенесли въ Кремсиръ, въ Моравіи, что въ градишскомъ округѣ. Въ продолженіе этого времени, въ Венгріи продолжалась война, принимавшая восемь разнообразныя обороты. Вдругъ неожиданное событіе изумило всѣхъ: императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что это отреченіе, котораго никто не ожидалъ, вызвано было главнымъ образомъ усиленіемъ реакціонной партіи. Фердинандъ отказался отъ престола въ пользу своего племянника, Эрц-герцога Фрапца Іосифа. При возшествіи на престолъ, молодой императоръ торжественно объявилъ учредительному собранію, что онъ будетъ уважать составленную этимъ собраніемъ конституцію и честно сдержитъ всѣ обѣщанія своего предшественника относительно свободы и равноправности. Немного времени спустя, когда онъ былъ увѣренъ въ помощи и поддержкѣ Россіи, первой его мысли было отдѣлаться отъ собранія и его стѣснительнаго контроля, и едва онъ получилъ вѣсть о первой побѣдѣ, одержанной надъ Венграми, какъ посѣлшилъ распустить его въ ту самую минуту, когда оно оканчивало свой проэктъ о конституціи, основанной на федераціи всѣхъ австрійскихъ штатовъ. Въмѣсто этой конституціи императоръ даровалъ

свою собственную, которая была обнародована 4 марта 1849 года. Въ ней были гарантированы равенство и свободное развитіе различныхъ народностей; но чрезъ нѣсколько дней она объявлена неисполнимой и отмѣнена. Австрійское правительство, восторжествовавъ надъ возстаніемъ Мадарь, считало себя свободнымъ отъ всякихъ обѣщаній и не уважало болѣе никакого историческаго права. Народамъ уже не были болѣе возвращены ихъ прежнія конституціи. Нѣсколько разъ составлялись и передѣлывались новыя организаціи: давались обѣщанія уважать права народностей; но всё обѣщанія остались до сихъ поръ мертвой буквой. Пожалуй, найдутся простакы, которые примуть такъ-называемый *Усиленный государственный советъ*, какъ гарантію правъ исторической и этнографической народности австрійскихъ областей,—но уроки были слишкомъ чувствительны, и въ настоящее время народности Австріи болѣе и болѣе сближаются для общей оппозиціи; и если сила могла временно восторжествовать и положить конецъ борьбѣ, то она далеко еще не подавила ее окончательно.

IV.

Мы не имѣли въ виду представить полную и точную картину современнаго состоянія Австріи. Для этого слѣдовало-бы привести огромный рядъ статистическихъ цифръ, помѣщаемыхъ въ объемистыхъ книгахъ, которыя постоянно издаются вѣнскою комиссіей, подъ предсѣдательствомъ барона Чернига. Въ послѣднія десять лѣтъ Австрія, сдѣлавшись предметомъ серьезнаго изученія, достаточно раскрыла передъ глазами Европы всё свои затаенныя язвы, такъ что въ настоящее время всю ея болѣзнь, какъ административную, такъ и политическую, можно свести въ слѣдующія три положенія: всеобщее неудовольствіе, вызванное отсутствіемъ обѣщанныхъ реформъ; всеобщее неудовольствіе народностей вслѣдствіе стремленія правительствъ къ ихъ отмеченію и централизаціи, и, наконецъ, болѣе нежели плохое состояніе финансовъ Австріи. Кромѣ того, отсутствіе доброй воли со стороны вѣнскаго правительства сдѣлать шагъ на пути реформъ и спасти государство, пожертвовавъ своими дорогими воспоминаніями о старомъ порядкѣ; неспособность теперешнихъ государственныхъ людей найти и употребить сильныя и радикальныя мѣры для совершенія полной ре-

организациі; соседство враждебныхъ ему народовъ, уныніе арміи и грозящая война,—все это наводитъ на мысль, что едвали можно излѣчить больного.

Финансовое положеніе Австріи извѣстно всѣмъ и каждому. На всѣхъ европейскихъ биржахъ австрійская рента пользуется самымъ низкимъ процентомъ, потому-что нѣтъ страны, которая-бы денежными операціи внушала такъ мало довѣрія. Билеты австрійскаго банка, составляющіе въ настоящее время единственную ходячую монету въ имперіи, теряютъ при размѣнѣ на звонкую монету треть своей цѣнности и даже болѣе. Курсъ 5% ренты измѣняется отъ 60 до 70 гульденовъ; курсъ 5% національнаго долга, котораго проценты выплачиваются звонкою монетою, не превышаетъ 70 и 80 гульденовъ. Государственный кредитъ находится въ такомъ положеніи, что новый заемъ возможенъ только на самыхъ обременительныхъ условіяхъ. Капиталисты рѣшаются отдавать свои фонды только за самыя высокіе проценты.

Въ состояніи-ли Австрія поправить свои финансы, потребовавъ у податнаго сословія величайшихъ жертвъ? Въ глазахъ каждаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ цифрою австрійскихъ народонаселеній, съ ихъ средствами, степенью ихъ промышленнаго развитія, новые налоги рѣшительно невозможны. Требовать отъ податнаго сословія новыхъ пожертвованій при существованіи и безъ-того обременительныхъ налоговъ, значитъ обратить своихъ подданныхъ въ нищихъ. И такъ, теперь, по увѣренію многихъ, доходы, получаемые землевладельцами съ своихъ имѣній, не равняются суммѣ, которую они должны улачивать въ видѣ разныхъ податей и налоговъ. Многие, желая оправдать мѣры австрійскаго правительства, напрасно увѣряютъ, что малый доходъ съ землевладельческихъ имѣній происходитъ отъ дурнаго управленія и въ особенности отъ эксплуатаціи земель, которыя нисколько не соответствуютъ современнымъ успѣхамъ земледѣлія и земледѣльческой промышленности. Чтобы австрійское земледѣліе, котораго произведенія еще долгое время будутъ составлять главный источникъ богатства для Австріи, сравнилось съ иноземнымъ, необходимо ввести значительныя улучшенія. Кромѣ капиталовъ, необходимы также способные и опытные люди, но ихъ всегда было мало въ Австріи. Такъ какъ большая собственность, по расчисленію, обнимаетъ одна почти двѣ пятыхъ территоріи австрійской, то необходимо, для увеличенія доходовъ, совершенно перестроить все общественное зданіе. При-

томъ, малая собственность тоже дотого обременена налогами, что очень часто случается только при употреблении насалин и экспроприации взимать требуемы въ казну пошлины. Дома также обложены обременительными налогами, простирающимися до 35% съ чистаго дохода. Мелкая промышленность равнымъ образомъ находится въ незавидномъ положеніи, стѣснена отсутствіемъ кредита и капиталовъ, постоянными измѣненіями въ цѣнности звонкой монеты, и вслѣдствіе непомернаго налога, который былъ причиною, что свеклосахарное производство и винокурение, эти двѣ самыя важныя промышленности для земледѣлія, въ послѣднее время значительно уменьшились. Въ особенности винокурение дотого обременено налогомъ, что самый важный портъ этой, по преимуществу, земледѣльской и плодородной страны, Триестъ, предпочитаетъ вывозить водку изъ Пруссіи. Австрійскіе журналы, думая скрыть жалкое состояніе страны, неоднократно указываютъ, съ какимъ-то самохвалствомъ, на неистощимыя источники Австріи, особенно Венгріи. Это самое напоминаетъ известную фразу турецкаго правительства, что султанъ пожаловалъ такому-то изъ своей неистощимой казны и т. д. Въ какомъ состояніи находится неистощимая казна султана, намъ известно; что-же касается Венгріи, то источники ея дѣйствительно могутъ назваться неистощимыми, т. е., что страна богата землями и рудниками; что произведенія, получаемыя въ настоящее время, могутъ быть удвоены, даже учетверены, если разовьются ея силы, улучшится земледѣліе, уменьшится потребление, однимъ словомъ, если разовьется промышленность. Но для достиженія этого результата необходимы капиталы, промышленные люди, болѣе густое населеніе, школы, фабрики, и желѣзныя дороги; однимъ словомъ, необходимо просвѣщеніе. Подобнаго результата нельзя достигнуть вдругъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что можно обременять долгами и налогами страну, соразмѣрно съ ея природными средствами, которыя она представитъ въ будущемъ. Напротивъ, эти неистощимыя средства суть также доходы, которые страна дастъ впоследствии, или скорѣе, которые въ состояніи она будетъ дать при благоразумной и просвѣщенной производительности. Россія, напримѣръ, тоже владѣетъ страной обширной, не менѣе Австріи, расположенной чуть ли не въ болѣе благопріятномъ климатѣ, нежели самая Австрія. Мы говоримъ о приамурскомъ краѣ, котораго почва плодородна, обильна рудами, каменнымъ углемъ, желѣзомъ, усыяна прекрасными лѣсами, превосходными портами и покрыта судоходными рѣками, однимъ

словомъ, одарена всѣмъ, что только составляетъ богатство страны. Но можно—ли допустить, чтобы русское правительство обложило эту страну налогами и притомъ пропорціально тому доходу, который она дастъ чрезъ сто лѣтъ?

Въ ожиданіи богатствъ, которыя дадутъ современемъ неистощимые источники Австріи, она между тѣмъ безъ всякаго расчета обложила всѣ настоящіе доходы непомѣрнымъ налогомъ. Съ 1848 года поземельный доходъ и другіе находящіеся съ нимъ въ связи, можно сказать устроились, всѣ остальные налоги упятились, нѣкоторые даже удесятились, и въ этотъ—же самый періодъ времени, государственныи долгъ почти утроился. Сумма настоящаго долга Австріи простирается почти до 300 милліоновъ гульденовъ. Главный расходъ государства идетъ на содержаніе арміи. Въ настоящее время Австрія имѣетъ подъ ружьемъ болѣе шести сотъ тысячъ, и если вѣрить официальнымъ журналамъ, то въ послѣднюю войну число солдатъ въ Австріи доходило до милліона, такъ что въ настоящее время, когда, къ несчастію, всѣ правительства стараются превзойти другъ друга числомъ войска, Австрія имѣетъ, сравнительно съ своимъ населеніемъ, если не самую сильную, то самую многочисленную армію. Въ теченіе нѣсколькихъ годовъ армія поглощала всѣ доходы государства. Для покрытія остальныхъ издержекъ и уплаты долга, необходимо было прибѣгнуть къ займу. Такимъ образомъ вышло, что сумма процентовъ, уплачиваемая по общественному долгу, равняется почти всему доходу, который государство получало въ началѣ царствованія императора Фердинанда, такъ что по расчету, сдѣланному недавно однимъ публицистомъ, каждый австрійскій подданный, являясь въ свѣтѣ, уже обремененъ долгомъ болѣе чѣмъ въ 75 флориновъ.

Такой порядокъ вещей можетъ ли быть измѣненъ реформами? Чтобы успѣшно дѣйствовать реформами, необходимы деньги, т. е. необходимо входить въ новые долги и въ такомъ случаѣ правительство должно будетъ прибѣгнуть къ займамъ за чрезвычайно высокіе проценты, и увеличить повинности народонаселеній, которыя и безъ—того далеко уже превышаютъ ихъ силы. Не имѣя намѣренія предлагать средства и проекты для поправленія финансовой системы Австріи, мы не можемъ однакожъ умолчать о такихъ, которые неоднократно представлялись на видъ австрійскому правительству, но отъ которыхъ это послѣднее упорно отказывалось. Средства эти слѣдующія: усту-

платить Венецію за денежное вознаграждение, понизить ренту на 3⁰/₀ и сократить армию на две трети противъ настоящаго ея числа.

Нельзя никакъ коснуться столь радикальнаго вопроса, какъ сокращеніе арміи, чтобы тотчасъ не услышать отъ приверженцевъ правительственной власти самое нелѣпое возраженіе, будто сокращеніе арміи невозможно вследствие напряженнаго состоянія и сильнаго броженія умовъ въ областяхъ имперіи; что, напротивъ, необходимо даже увеличить её для того, чтобы быть готовыми на всякое непріязненное движеніе со стороны этихъ областей. По этимъ господамъ и на умъ не приходитъ, что содержаніе арміи требуетъ увеличенія налоговъ; что это увеличеніе налоговъ усилитъ всеобщее неудовольствіе, что въ свою очередь потребуетъ новаго увеличенія арміи, и т. д. Куда же наконецъ можетъ повести это напряженное сѣшленіе обстоятельствъ? Вопросъ этотъ можно разрѣшить отвѣтомъ на другой вопросъ: въ состояніи ли Австрія употребить инныя средства, кромѣ грубой матеріальной силы, чтобы примирить враждебныя отношенія, существующія между ею и народностями ея державы? Въ наше время, когда духовное развитіе просвѣщенной части человѣчества принимаетъ столь колоссальныя размѣры, одна физическая сила не можетъ входить въ твердое и прочное основаніе государства, особенно съ тѣхъ поръ, когда свободное развитіе народностей днѣ ото дня сознается европейскими державами. Если Австрія можетъ еще спасти свою самобытность, то это подѣ условіемъ признанія свободнаго развитія ея народностей, но историческій ходъ событій показываетъ, что и это едвали возможно. Когда-то Австрія, въ глубинѣ своего гордаго самоубѣжденія, думала, что ей предназначено было сдѣлаться оплотомъ западнаго христіанства противъ завоеваній Турокъ. По этой-то причинѣ Венгрія и Богемія предложили упраздненные свои престолы Габсбургамъ. Но со времени прекращенія воинственнаго пыла Османлисовъ, назначеніе Австріи измѣнилось, и она потеряла въ глазахъ Европы весь смыслъ политическаго существованія. Даже въ германскомъ союзѣ, гдѣ она владычествовала и нравственно и матеріально,—она потеряла все свое политическое вліяніе. Здѣсь, ей съ большимъ успѣхомъ наслѣдовала Пруссія, потому что нѣмецкое народонаселеніе этой послѣдней гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ Австріи, и правительство болѣе прогрессивно.

Мы сейчасъ сказали, что Австрія можетъ еще спасти свою самобытность, подѣ условіемъ признанія свободнаго развитія народно-

стей и их самоуправленія; но и этотъ способъ ея перерожденія теперь чрезвычайно труденъ, гораздо труднѣе, чѣмъ въ 1848 году. Чтобы выступить на этотъ новый путь, надобно разорвать всякую связь съ преданіемъ, и, не оглядываясь, вступить на новый путь реформъ. Правда, при подобныхъ преобразованіяхъ еще труднѣе, почти что невозможно провести границы въ нѣкоторыхъ ея областяхъ; но въ такомъ случаѣ необходимо порѣшить навсегда съ историческими границами и принять въ основаніе этнографическіе предѣлы каждаго отдѣльнаго племени. Все будетъ завистъ отъ этого перваго шага, и, какъ мы сказали, шага почти невозможнаго. Но разъ пересиливъ это затрудненіе, организація областей, будетъ гораздо легче, и существованіе Австріи получить новую опору въ своихъ возрожденныхъ народностяхъ. Быть можетъ, подобныя реформы не по плечу современнымъ государственнымъ людямъ Австріи? Въ такомъ случаѣ, что мѣшаетъ ей призвать на эту работу способныхъ дѣятелей изъ среды тѣхъ народовъ, которымъ она такъ мало довѣряетъ? Стоять только пожелать, а недостатка въ нихъ не будетъ.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

С М Ъ С Ъ .

Письма съ Кавказа.

I.

Рядъ писемъ о Кавказѣ, которыя мы предлагаемъ на судъ нашихъ читателей, не имѣютъ и не могутъ имѣть между собою ни строгой связи, ни строгой послѣдовательности, потому что являются въ свѣтъ не болѣе какъ выдержками изъ дневника, веденнаго [нѣскольکو лѣтъ. Они будутъ непослѣдовательны уже и потому, что мы не беремъ на себя смѣлости заняться исключительно изслѣдованіемъ какой либо одной стороны жизни Кавказа, а постараемся, по возможности, передать все, съ чѣмъ не знакомы или очень мало знакомы наши читатели и что, въ свою очередь, не лишено какого-либо интереса. Такимъ образомъ въ нашихъ письмахъ, рядомъ съ крайне интересными во всѣхъ отношеніяхъ извѣстіями о жизни кавказскихъ горцевъ, помѣстятся, по необходимости, не менѣе интересные извѣстія о жизни линейныхъ казаковъ и вообще кавказскихъ воиновъ, а равно и извѣстія о мирныхъ обитателяхъ селъ и городовъ, русскихъ переселенцахъ, заброшенныхъ въ этотъ полудикій край то роковой необходимостію и случаемъ, то добровольнымъ желаніемъ поискать въ привилегированной странѣ счастья, олицетворяемаго нашимъ воображеніемъ въ образахъ двойныхъ окладовъ, чиновъ, орде

новъ и прочаго. При такой обширной программѣ, мы по необходимости должны были избрать въ этомъ случаѣ болѣе удобную форму, форму письма.

Пока не приведется къ концу война съ Кавказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ пока мы не познакомимся во всѣхъ отношеніяхъ съ бытомъ настоящихъ его обитателей; однимъ словомъ, пока не установятся правильныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, до тѣхъ поръ все извѣстія о Кавказѣ будутъ имѣть характеръ отрывочныхъ извѣстій, до тѣхъ поръ не будетъ болѣе или менѣе удовлетворительной исторіи Кавказа. Въ настоящее время даже нѣтъ исторіи какой нибудь отдѣльной области, именно нѣтъ въ томъ смыслѣ, чтобы она могла послужить матеріаломъ для будущаго историка цѣлой страны. Слѣдовательно отъ нашихъ писемъ совершенно нельзя требовать ничего подобнаго, кромѣ нагляднаго знакомства съ нѣкоторыми отдѣльными чертами жизни этой terra incognita.

Кромѣ второстепенныхъ источниковъ, т. е. извѣстій, записанныхъ со словъ другихъ, хорошо знакомыхъ съ Кавказомъ, нѣждо самихъ туземцевъ, мы будемъ руководствоваться и собственными наблюденіями, добытыми и записанными нами въ одну изъ поѣздокъ по нѣкоторымъ мѣстамъ Кавказа, а равно и наблюденіями добытыми на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, какой-бы стороны Кавказа ни касались наши письма, они, вполне надѣмся, будутъ полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ избранной стороны.

— У Черкесовъ собственно нѣтъ письменности для маессы, для народа; но есть письменность для нѣкоторыхъ образовывающихся молодыхъ людей.

Смѣшеніе арабскихъ буквъ съ турецкими почти достаточно для выраженія всѣхъ звуковъ черкесскаго языка съ ихъ многочисленными оттѣнками. Духовныя лица пишутъ по-арабски и рѣшительно не вѣрятъ въ возможность черкесской письменности, руководствуясь въ этомъ и своими личными выгодами, тѣсно связанными съ магометанскою религіею; а потому и готовы преслѣдовать всякія къ тому попытки. Татарское письмо также употребительно между Черкесами, особенно породнившимися съ Ногайцами.

При помощи черкесской азбуки, составленной однимъ Абазехомъ, нѣкоторые молодые люди и рѣшились записывать свои пѣсни и преданія. Несмотря на недовѣріе къ записыванію, одному молодому Горцу удалось и это обстоятельство обратить въ свою пользу.

— Спой мнѣ пѣсню, говорилъ онъ старикъ Черкесу, а я запишу ее по-черкески слово въ слово.

Черкесъ былъ удивленъ и не вѣрилъ, что можно писать по-черкески и поддался находчивости молодого человѣка. Прочтѣвъ пѣсню, которая была записана буквально и прочтена ему, онъ остался вполне доволенъ и рѣшился довѣрчиво передать и другія, видя въ этомъ одну любовь къ старинѣ, одну жажду знать лучшую жизнь своего народа. Мысль считать прошлое, старое, лучшею жизнью, очень естественная мысль въ неразвитомъ человѣкѣ; а сверхъ того видѣть и въ молодомъ человѣкѣ сочувствіе къ этой жизни есть окончательно лучшія минуты въ жизни старика, всегда недовѣрчиво смотрящаго на молодость. Пѣсни и особенно старинныя и притомъ о родныхъ герояхъ горцевъ составляютъ для нихъ святыню, береженую въ однихъ и тѣхъ-же дорогихъ формахъ и образахъ. Богъ знаетъ, когда онѣ сложены, но онѣ вполне сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ явились на свѣтъ. Онѣ не могли измѣниться уже и потому, что происхожденіемъ своимъ обязаны особенному торжественному обряду.

Едва разносилась вѣсть о смерти героя, въ честь его тотчасъ слагалась пѣсня. Родичи умершаго собирали всѣхъ извѣстныхъ пѣвцовъ (гегуаго) въ родной аулъ. Не шума, но уединенія требуетъ вдохновеніе, и пѣвцовъ на время удаляли изъ аула въ ближайшій лѣсъ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Каждое утро пѣвцы оставляли свое общее временное жилище и расходились въ разные стороны лѣса, гдѣ въ уединеніи слагали свои пѣсни въ честь героя. Вечеромъ они сходились вмѣстѣ и каждый представлялъ собранію все, что ему дало вдохновеніе дня. Изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, особенно хорошія мѣста служили матеріаломъ для составленія одной общей пѣсни. Иногда бываетъ нуженъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы подробно и краснорѣчиво воспѣть всѣ подвиги героя. Лишь только составлена пѣсня, пѣвцы отправляются въ аулъ, гдѣ къ тому времени готовится торжественный ширъ, въ началѣ котораго поется вновь составленная пѣсня. Здѣсь, по всеобщемъ одобреніи, пѣвцы получали награды и пѣсня разносилась ими по всему пространству, обитаемому многочисленнымъ племенемъ Адиге.

Такъ возникли и распространились героическія пѣсни горцевъ. Перевести ихъ на русскій языкъ не легко, потому что языкъ этихъ пѣсенъ не совсѣмъ тотъ, который слышится теперь въ разговорѣ

*

Черкеса. Вліяніе сосѣднихъ племенъ, частые съ ними союзы для общей защиты сблизили племена между собой, и во многихъ отношеніяхъ измѣнили языкъ, примѣшавъ къ нему чужіе элементы.

Во всякомъ случаѣ источники пониманія древняго языка не исчезли; они хранятся въ томъ-же самомъ языкѣ, но при этомъ необходимъ своего рода новый трудъ, необходимо болѣе глубокое изученіе этого языка въ различныхъ его отрасляхъ.

Многія пѣсни своимъ содержаніемъ напоминаютъ самую глубокую древность, особенно пѣсни о Созирико и Петерезѣ.

Въ этихъ пѣсняхъ есть мѣста, напоминающія древнѣйшія народныя поэмы, народныя оегоніи и космогоніи. Къ сожалѣнію онѣ извѣстны намъ только въ самыхъ краткихъ отрывкахъ, и потому мы не рѣшаемся до времени, до лучшаго знакомства съ ними, прибѣгать къ какимъ бы то ни было сравненіямъ, а тѣмъ болѣе дѣлать выводы объ участіи Черкесовъ и другихъ горскихъ племенъ въ жизни древняго человѣчества.

Пѣсни горцевъ имѣютъ своего рода ритму между конечнымъ словомъ стиха и начальнымъ слѣдующаго, ритму, состоящую въ аллитераціи — созвучіи одного, а иногда и двухъ согласныхъ звуковъ.

Кромѣ своей родной поэзіи, насущной потребности горца, Турки вмѣстѣ съ исламомъ принесли горцамъ и восточныя сказки и преданія и циническіе анекдоты про своего любимаго и по-турецки остроумнаго шута—ходжа, который съ тѣхъ поръ и между горцами сдѣлался любимымъ героемъ разсказовъ. О немъ теперь знаютъ во всякомъ аулѣ. Анекдоты ходжа напечатаны на турецкомъ языкѣ и расходятся подобно нашимъ анекдотамъ о Балакиревѣ. Мы слышали многіе, которые и могли только печататься на Востокѣ и преимущественно въ Турціи. Когда будемъ имѣть возможность привести въ переводѣ нѣкоторыя пѣсни кавказскихъ горцевъ, кстати приведемъ и тѣ анекдоты, которые не оскорбляютъ приличія, хотя такихъ и очень не много.

Жаль, что такому свѣжему и въ высшей степени воспріимчивому народу прежде всего пришлось познакомиться съ мусульманскою религіей и отчасти съ чувственною стороною турецкой жизни, хотя эта чувственность и не могла слишкомъ овладѣть натурою горца, поставленнаго въ иныя отношенія, нежели Турокъ.

Горецъ любитъ слушать не однѣ сказки и анекдоты; его любознательность открыта болѣе благороднымъ предметамъ. На этотъ на-

родъ еще вполне можно дѣйствовать хорошими примѣрами, стоитъ съ умѣньемъ взяться за дѣло. Только нравственное вліяніе окончательно можетъ покорить и примирить горцевъ съ Русскими.

Горцы вполне способны къ пониманію того, что, повидимому, гораздо выше ихъ понятій.

Одинъ изъ горцевъ, воспитывавшихся въ гимназій, разъ, отправляясь на каникулы въ родной аулъ, взялъ съ собою нѣсколько книгъ и въ томъ числѣ басни Крылова. За чтеніемъ послѣднихъ, его застала толпа горцевъ, жителей того-же аула. На вопросы, что у него за книга, онъ рѣшился передать имъ въ переводѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ басенъ. Сначала съ недоумѣніемъ слушали горцы подвиги звѣрей, какъ разумныхъ существъ, и при концѣ хохотали и удивлялись, какъ можно писать и потомъ читать правовѣрному такія нелѣпости; но когда имъ переведено было нравоученіе, они приходили въ восторгъ, прибавляя: «вотъ оно зачѣмъ было написано», и разсыпали при этомъ похвалы русскому уму и хитрости. Эти понятія на Востоку—синонимы. Послѣ этого случая, ему не было проходу отъ желающихъ послушать чтеніе Крылова.

Другой горецъ, знающій русскій языкъ и обладающій необыкновенною способностью, по словамъ горцевъ, особенно краснорѣчиво говорить по—черкески, за что получалъ отъ многихъ названіе эфенди, хотя онъ вовсе и не духовное лицо, но по ихъ понятіямъ ученость и духовный санъ не раздѣльны; этотъ горецъ перевелъ на черкесскій языкъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и въ томъ числѣ известное небольшое его стихотвореніе «птичка». Переводъ, по отзывамъ знатоковъ черкескаго языка, былъ сдѣланъ и чрезвычайно близко и довольно художественно. Это дѣтское стихотвореніе такъ подходитъ къ ихъ простымъ понятіямъ, что сохраняется въ памяти на всю жизнь; оно понравилось герцамъ и они просили повторить чтеніе нѣсколько разъ, чтобы также навсегда удержать его въ памяти. Таково обаяніе поэзіи, а такой фактъ говоритъ самъ за себя и въ пользу воспримчивости, и въ пользу поэтичности натуры Горца.

Слѣдующій примѣръ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль.

Во время поѣздки на Кубань, въ прошедшемъ году, въ обществѣ того-же Черкеса, мнѣ удалось посѣтить нѣсколько разъ собраніе горцевъ, бывшее на Кубани, за ставницею баталпашинскою.

Горцы, по случаю отъѣзда въ Турцію, собрались для окончан-

тѣльнаго рѣшенія споровъ, возникшихъ между ними въ различные времена. Споры рѣшались по шаріату (корану), адату (народнымъ обычаямъ) и наконецъ по русскимъ законамъ въ ставкѣ вристава, смотря потому, какъ выгоднѣе было отвѣтчику, ибо онъ могъ требовать того, другаго или третьяго суда.

Это было въ то время, когда война въ Италіи была въ полномъ разгарѣ и когда только что были получены телеграфическія извѣстія о Сольферинской битвѣ. Прочитавъ газеты, я немедленно передалъ рассказъ о битвѣ моему товарищу, который во время отдыха Горцевъ отъ занятій, во время кейфа, заимствованнаго въ свою очередь у Турокъ, началъ со всевозможными украшениями передавать мнѣ все слышанное отъ меня и тотчасъ овладѣлъ ихъ вниманіемъ.

Отъ удивленія горцы только покачивали головами и прищелкивали языкомъ. Въ палаткѣ, гдѣ происходила бесѣда, собралось около двадцати горцевъ. Тутъ были и абазинскіе, и черкескіе князья, и уздени всѣхъ степеней, и Ногайскіе султаны, эфенди и Мурзы. Однимъ словомъ, тутъ была вся знать окрестныхъ ауловъ. Когда рассказчикъ коснулся числа убитыхъ солдатъ и офицеровъ, горцы сильно поражены были такою громадностію и нѣмое удивленіе вдругъ перешло во всеобщій шумный говоръ, который, по словамъ товарища, передавашаго его содержаніе по-русски, заключался въ томъ, что они сравнивали эту битву съ тѣми, которыя происходятъ здѣсь на Кавказѣ между ихъ немирными соплеменниками и русскими, и удивлялись тому, какъ можно убить столько народу въ одной битвѣ. Когда прошло первое впечатлѣніе, они просили рассказать все съ самаго начала войны, требуя подробностей о воюющихъ народахъ, о причинѣ войны, объ обитаемыхъ ими странахъ и проч. Такъ любознательны горцы и такъ любятъ рассказы другихъ.

Въ тотъ же день, къ вечеру, происходилъ судъ по дѣлу объ убійствѣ одного узденя. Судья, судившіе по шаріату, усѣлись въ полукругъ, лицомъ къ востоку, и тотчасъ начались допросы истца и отвѣтчиковъ. Истецъ обыкновенно выходилъ на средину полукруга и, сѣвъ по азиатскому обычаю, излагалъ свои требованія. Со всѣхъ сторонъ сыпались жаркія возраженія и, несмотря на это, ни одинъ не позволилъ себѣ перебить словъ другаго, покуда тотъ не оканчивалъ своей рѣчи, а равно не случалось ни разу, чтобы заговорили вдругъ двое. Во всемъ какъ будто-бы напередъ было условлено; между тѣмъ ничего подобнаго не было. Тонъ рѣчи былъ строгъ и серьезенъ. Основа такого порядка самая

простая: уваженіе къ словамъ другаго и природная зѣжливость. Молодежь и незнатность стала за кругомъ, куда присталъ и я, помѣстившись рядомъ съ знакомымъ горцемъ, который общался переводить все, что будетъ говорено при этомъ случаѣ. Горцы, не участвующіе въ собраніи, тотчасъ замѣтили это и подь самымъ пустымъ предлогомъ отозвали моего знакома. Глубоко вѣзались въ мою память эти недовѣрчивые взгляды, бросаемые со всѣхъ сторонъ и особенно взглядъ одного старика, отозвавшего отъ меня моего чичероне. Такимъ образомъ, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ во всѣхъ подробностяхъ прослѣдить интересный процессъ дѣла. Во всякомъ словесномъ процессѣ собственно весь интересъ и заключается въ вопросахъ, отвѣтахъ и возраженіяхъ.

Но если намъ и не удалось узнать весь процессъ дѣла, продолжавшійся нѣсколько дней и записать послѣдовательно показанія истца и его свидѣтелей, и возраженія судей, то, во всякомъ случаѣ мы можемъ, хотя коротко, сообщить его содержаніе, переданное намъ свидѣтелемъ процесса.

По смерти богатаго узденя осталась вдова съ сыномъ. Родственники покойнаго не имѣли никакого права искать наслѣдства, потому что сынъ прямой наслѣдникъ отцовскаго имѣнія. Даже и въ будущемъ имъ было мало надежды, потому что сынъ приближался къ совершеннолѣтію. Ему было около 15 лѣтъ. Мать, въ свою очередь, была не стара и считалась, если не красавицей, то и не изъ числа дурныхъ и еще была въ такой порѣ, что снова могла выдти замужъ. Это дало поводъ брату умершаго поискать счастья едѣлаться мужемъ этой женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ оставленнаго наслѣдства, ибо онъ ясно видѣлъ, что настоящій наслѣдникъ не былъ въ состояніи по своему характеру вѣшать его будущимъ планамъ. Но всѣ предложенія не имѣли успѣха. Что было причиною отказа, любовь—ли къ прежнему мужу, или желаніе сосредоточить всю привязанность на сынѣ, намъ неизвѣстно, да неизвѣстно и никому изъ участвовавшихъ въ процессѣ: только извѣстно, что искателю вдовьей руки было отказано наотрѣзъ. Но искательства его были такъ настойчивы, что вдова принесла жалобу обществу и требовала шаріата. Шаріатъ, согласно прошенію, приговорилъ неотвязчиваго искателя къ изгнанію изъ роднаго аула. Послѣдній, покорясь приговору, удалился и поселился въ другомъ аулѣ, у своего кунака. Но этимъ дѣло не окончилось. Въ одну темную ночь, сказавшись или нѣтъ своему ку-

наку, объ этомъ исторія умалчиваетъ, онъ отправился въ родной аулъ и, никѣмъ незамѣченный, тихо пробрался къ саклѣ вдовы. Пробраться въ двери, не разбудивъ хозяевъ, а пожалуй и сосѣдей, не было никакой возможности, благодаря крѣпкимъ запорамъ; а шума и затѣмъ огласки онъ вовсе не хотѣлъ и болѣе всего боялся. И вотъ черкесскій Донъ-Жуанъ рѣшился влѣзть на саклю и чрезъ трубу пробраться прямо въ комнату. При устройствѣ черкесской трубы (*), это было возможно и вполнѣ удалось ему: онъ тихо спустился и попалъ дѣйствительно туда, куда мѣтилъ. Въ комнатѣ, гдѣ онъ очутился, кромѣ вдовы, спали и ея служанки. Несмотря на это, ему казалось, что теперь все было въ его пользу. При черкесскихъ понятіяхъ женщина въ такихъ обстоятельствахъ также, боясь страшной огласки, должна бы была уступить и согласиться на всѣ его требованія. Онъ, дѣйствительно увѣренный въ полномъ успѣхѣ, даже раздѣлся и тихо приближался къ ея постели. Но при этомъ трудно было обойтись безъ всякаго шума, и прежде, чѣмъ онъ могъ приблизиться къ предмету его бурной страсти, какъ былъ замѣченъ вдовою и ея служанками.

Въ мигъ все всполошилось. На шумъ и крикъ женщинъ явились съ мужской половины крестьяне, охранявшіе спокойствіе госпожи и ея дома. Причина тревоги была на-лицо и въ такихъ обстоятельствахъ разсуждать было некогда: тотчасъ раздался выстрѣлъ и незванный и неожиданный гость былъ убитъ наповалъ. На другой день происшествіе было извѣстно всему аулу. Обстоятельство дѣла было такъ ясно и смерть отверженного искателя казалась столь естественною, что не оставалось ничего болѣе, какъ только похоронить убитаго и все дѣло предать забвенію. Не такъ Черкесъ смотритъ на это: смерть, по его понятіямъ, должна быть омыта, если не кровію его убійцы, то ихъ состояніемъ. Родственниковъ, которые бы приняли въ этомъ случаѣ на себя право требовать удовлетворенія, не было, и совершеніе мести должно было пасть на того, кто приютилъ его въ послѣдній разъ. Такъ и случилось. Кунакъ, давшій приютъ изгнаннику, павшему жертвою неудачной попытки, объявилъ

(*) Черкесскія сакли не имѣютъ печей, но очаги, подъ которыми выводятся трубы въ видѣ усѣченного конуса, вершина котораго вѣ сакли на крышѣ настолько широка, что въ нее безпрепятственно можетъ пролѣзть человекъ.

претензію и требовалъ удовлетворенія и вознагражденія за смерть убитаго. Ни по адату, ни по шаріату дѣло не было въ пользу искателя. Видя вездѣ неудачу, онъ объявилъ, что въ теченіи трехъ дней представить свидѣтелей въ томъ, что его кунакъ съ намѣреніемъ былъ призванъ вдовою и погибъ жертвою ея коварства. Дѣло требовало переслѣдованія и съѣхавшіеся судьи должны были оставаться еще нѣсколько дней и безъ дѣла ожидать его свидѣтелей. Хотя ихъ и не было представлено въ назначенное время, но онъ и въ этомъ случаѣ не отказался отъ своихъ претензій и требовалъ новаго суда по русскимъ законамъ. Наконецъ рѣшено было какими бы то ни было средствами прекратить дѣло, и только пятьсотъ рублей, предложенные ему судьями, разумѣется на счетъ вдовы, заставили его отказаться отъ дальнѣйшей тяжбы. Таковы результаты словеснаго судопроизводства у горцевъ. Присяжные или муллы,—ихъ было здѣсь до пяти,—не остались въ накладѣ, получивъ вознагражденіе съ той и съ другой стороны. Мы не сдѣлали ошибки, назвавъ муллъ присяжными. Дѣйствительно, какъ только оканчивались всѣ необходимыя вопросы и отвѣты, всѣ вставали съ мѣстъ и расходились въ разныя стороны. Муллы, отдѣлившись отъ толпы, удалялись въ уединенное мѣсто и между ними начиналось обсуживаніе дѣла и готовился окончательный приговоръ. Изячно переплетенный коранъ переходилъ изъ рукъ въ руки и тутъ-же изъ него дѣлались необходимыя выписки. Дѣло происходило въ открытомъ полѣ и мнѣ ни что не мѣшало пройти мимо ихъ нѣсколько разъ. Лица присяжныхъ свѣтились особенною веселостью, разговоры сопровождались хохотомъ, и кажется, не участь подсудимыхъ занимала ихъ, но мечты на скорое полученіе *тумановъ*.

Съ тѣхъ поръ, какъ открылись болѣе правильныя отношенія къ горцамъ, съ тѣхъ поръ, какъ наше правительство ясно сознало, что только одно образованіе можетъ окончательно примирить покоренныя сіюю племена, тогда только приняты были и всѣ необходимыя къ тому мѣры. Воспитаніе горцевъ въ кадетскихъ корпусахъ не достигало предполагаемой цѣли, а равно и самый климатъ Петербурга былъ для нихъ не совсѣмъ благопріятенъ, и потому, въ 1857 году, приемъ ихъ туда былъ ограниченъ, а вмѣсто того усилены средства къ воспитанію ихъ на Кавказѣ, и въ кавказскихъ гимназіяхъ открыто было для нихъ понѣскольку новыхъ вакансій, а въ послѣднее время открываются и окружныя училища, исключительно назначенныя для горцевъ.

О способностях и успехах горцевъ было много писано во всѣхъ газетахъ и притомъ не только о горахъ обитателяхъ сѣвернаго склона горъ кавказскихъ, но, въ послѣднее время, и о горахъ Дагестана. Напльвъ ихъ въ наши учебныя заведенія нѣсколько пріостановился, переселеніемъ кубанскихъ горцевъ въ Турцію, но изъ 70, обучавшихся въ ставропольской гимназіи, отправились только двое, и то не лучшихъ. Многіе, напротивъ, сознавъ важность образованія и понявъ хорошо незавидную будущность ихъ въ Турціи, съ сожалѣніемъ осмѣливались говорить объ этомъ своимъ родичамъ и отчасти благотѣльно успѣвали на нихъ дѣйствовать. Теперь горцы начинаютъ уже поступать въ университеты, которые полнѣе раскроютъ предъ ними важность образованія и приготовятъ вліятельныхъ дѣятелей для ихъ родины, проводниковъ цивилизаціи въ свои свѣжія и здоровыя племена. Не такъ познакомились съ русской жизнью отцы и дѣды молодыхъ горцевъ.

Черкескіе князья, уздени и вообще милиціонеры всѣхъ есловій, отъ безпрестанныхъ, необходимыхъ столкновеній съ Русскими, многое должны были заимствовать у нихъ, чтобы лучше сблизиться, дѣла вѣстѣ походы и длинныя стоянки въ лагеряхъ, во время военныхъ дѣйствій. Скука лагерной жизни всего легче могла сблизить два совершенно противоположные народа. И это сближеніе не осталось безъ вліянія на горцевъ, потому что Русскимъ нечего было перенимать у нихъ. И вотъ горецъ на первый разъ полюбилъ чай, сначала у кунаковъ только, а потомъ, попривыкнувъ къ нему, обзавелся и своимъ, и наконецъ такъ втянулся, что теперь не уступить Русскому и притомъ страстному его любителю. Правда, понимаятъ въ немъ вкусъ и считаютъ его необходимостію только нѣкоторые изъ черкескихъ аристократовъ, а остальная свита князей и узденей, если съ охотою и употребляютъ его, то исключительно только въ гостяхъ, гдѣ дадутъ, а дома, при бѣдной жизни горца, объ немъ нѣтъ и помину.

Не накормить гостя, прежде всего, хлопочетъ теперь именитый горецъ, но наводитъ его чаемъ.

Къ одному богатому и далеко въ горахъ извѣстному гостепріимствомъ Черкесу, заѣхалъ гость. Хозяинъ былъ радъ отъ души и старался угостить его на славу, по старымъ обычаямъ страны. Къ несчастію, у хозяина на ту пору не случилось чаю, и гость, ничего не сказавъ, уѣхалъ отъ него, страшно недовольный его угощеніемъ.

Даже подарки, заранѣе назначенные и предложенные ему, были оставлены. Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всѣмъ знакомымъ и нѣсколько помрачилъ славу горца, считавшагося до сихъ поръ образцомъ гостепріимства. Многіе не вѣрили этому и одинъ изъ его друзей нарочно отправился узнать о причинѣ такого неблагопріятнаго слуха.

— Отчего остался недоволенъ тобою твой гость? спрашивалъ его пріѣхавшій.

— Я думаю оттого, что я не могъ угостить его чаемъ, потому что кромѣ калмыцкаго, въ домѣ не было другаго.

— Сахаръ былъ?

— Былъ!

— Ну и прекрасно! Чего-же болѣе! Стоило поставить самоваръ, нарѣзать въ чайникъ калмыцкаго чаю, налить въ стаканъ какъ можно слаще и подать гостю. Повѣрь, что онъ былъ-бы вполне доволенъ. Ты думаешь, онъ понимаетъ вкусъ? Нисколько! Ему все равно, лишь бы дѣлать только то, что дѣлаютъ Русскіе и что у насъ теперь принято первою необходимостію, лучшимъ угощеніемъ.

Водка—второй элементъ сближенія горцевъ съ Русскими. Здѣсь впрочемъ къ чести Горца надобно сказать, что этотъ элементъ привился только къ высшему сословію, а нисшее, несмотря на близость станицъ къ ауламъ, ни на возможность во всякое время посѣщать ихъ, до сихъ поръ строго воздерживается отъ нея. Впрочемъ, если и есть весьма рѣдкія исключенія пьянства въ этомъ сословіи, то самое общество не терпитъ его. Можетъ быть скажутъ, его что удерживаетъ религія; но простолудинъ Черкесъ плохой магометанинъ. Правда, онъ совершаетъ намазъ, ходитъ акуратно въ мечеть и исполняетъ всѣ другіе обряды и, конечно, лучше всего знаетъ, что его законъ строго повелѣваетъ ненавидѣть гяура и вести съ нимъ постоянную войну; но и только. Изъ своихъ молитвъ, произносимыхъ нѣсколько разъ въ день, онъ столько же понимаетъ, сколько и мы, именно—одно слово алахъ; остальное для него темно и недоступно. Отъ мулла случалось ему также слышать, что пророкъ запрещаетъ упиваться виномъ, но вѣдь водка совсѣмъ другое дѣло: объ ней ни слова не говорится ни въ коранѣ, ни въ его толкованіяхъ. Да онъ хорошо видитъ и самъ, что и князья, въ его присутствіи, также вовсе не пьютъ вина, а только водку и портеръ. Несмотря на все

это, простолудинъ крѣпко воздерживается отъ водки. Исключенія, повторю опять, рѣдки и строго преслѣдуются обществомъ.

Одинъ изъ горцевъ, вмѣстѣ съ другими, лѣтомъ постоянно занимался въ сосѣднюю станицу для покоса и уборки хлѣба. Все время работъ онъ трудился усердно и получалъ хорошее вознагражденіе. И вотъ работы давнымъ давно окончены, всѣ его товарищи уже возвратились въ аулъ, а его послѣ нихъ не было мѣсяцъ и болѣе. Онъ прямо съ поля, гдѣ провелъ все время работъ, тотчасъ послѣ расчета, переселялся въ станицу и тутъ—то давалъ свободу разгулу — пилъ день и ночь и, когда оканчивались заработанныя имъ деньги, съ пустыми руками возвращался домой. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Общество, послѣ долгихъ совѣщаній въ такомъ рѣдкомъ и почти небываломъ случаѣ, постановило: по смерти лишить его погребенія. Полагая, что такой приговоръ поразитъ его, ему объявили его немедленно.

— Если ты будешь пить точно также, сказано ему, тогда тебя не похоронять.

— А что же сдѣлаютъ со мной?

— Бросятъ на съѣденіе собакамъ!...

— Мертваго?

— Да!

— Только то!... А я думалъ что нибудь другое? Пусть мертваго ѣсть кто хочетъ, мнѣ все равно!...

Вотъ горецъ—магометанинъ.

Карты, единственное средство коротать лагерное время, такъ удачно привились къ горцамъ, разумѣется богатымъ и именитымъ, что иной изъ нихъ мечетъ направо и налево, какъ будто по призванію. Вотъ что на первыхъ порахъ приобрѣтено какъ залогъ будущей цивилизаціи горцевъ. За водкой и картами слѣдуютъ и другія удовольствія. Посѣщая города и станицы, горцы на-веселѣ, позволяютъ себѣ далеко переходить границу простой и строгой черкесской жизни.

Такъ образовывается горецъ—мужчина. Между тѣмъ домашній міръ его, замкнутый для жизни городовъ и станицъ, остается въ первобытномъ своемъ состояніи. Черкесская женщина по прежнему вѣрна своему мужу, по прежнему страшится строгаго въ этомъ случаѣ наказанія—лишенія носа; а поползновенія мужчинъ, прирученныхъ станицами и городами, обнаруживаются все чаще и

чаще и современемъ занесуть и эту язву въ своецѣломудренное общество и вмѣстѣ съ тѣмъ занесуть въ ущелья горъ невѣдомыя тамъ доселѣ болѣзни. На первый разъ такія пополозновенія, при извѣстной обстановкѣ черкеской женщины, кажутся ей дикими и кончаются обыкновенно неудачей, какъ это случилось съ героемъ вышеприведеннаго разсказа. Если тамъ, можетъ быть, руководили женщиною советѣмъ другія причины, то въ слѣдующемъ случаѣ руководила ею прямо несообразность подобныхъ притязаній съ образомъ ея жизни. И страстность натуры, и вліяніе знакомства съ Русскими, въ обществѣ которыхъ приходилось новому герою насмотрѣться, а можетъ быть и сблизиться съ извѣстнаго рода женщинами, дали ему поводъ попытаться примѣнить возможность легкаго сближенія и въ своемъ родномъ аулѣ. Мусâ, дѣйствующее лицо этого разсказа, вздумалъ ухаживать за молодой вдовушкой изъ своего аула. Вдова какъ-то узнала о желаніяхъ Мусы. Ему было отказано на-отрѣзъ. Герой нашъ не унывалъ и рѣшился прибѣгнуть къ тому же средству, какъ и герой извѣстнаго уже читателю разсказа. Темною ночью, никѣмъ незамѣченный, пробрался онъ къ саклѣ вдовушки и искалъ средствъ пройти въ самую саклю, но проклятыя собаки своимъ лаемъ испортили все дѣло и бѣдный Мусâ былъ пойманъ. Если не смерть, то жестокіе побой ожидали героя. Вдовушка распорядилась совершенно иначе, но нисколько неутѣшительнѣе для бѣднаго Мусы. По ея приказанію онъ былъ привязанъ у воротъ къ столбу въ очень невыгодномъ для него положеніи: ноги его не касались земли. Тяжелое и постыдное наказаніе онъ долженъ былъ нести до утра, покуда проснется весь аулъ. Дѣйствительно позоръ былъ ужаснѣйшій, особенно по понятіямъ черкесскаго общества. Только усиленные просьбы и всевозможныя клятвы навсегда отказаться отъ всякихъ видовъ на спокойствіе вдовы смягчили гнѣвъ ея, и онъ, глубоко униженный и оскорбленный, былъ отпущенъ.

Но темная ночь не скрыла страшнаго позора. Скоро весь аулъ узналъ о походеженіяхъ Мусы и молодежь къ величайшей его горести обезсмертила его имя, сложивъ пѣсню о ночныхъ походеженіяхъ со всѣми ихъ подробностями.

Пѣсня горца, воспѣвая подвиги своихъ героевъ на полѣ брани, не забываетъ воспѣвать и подвиги, подобные походеженіямъ Мусы.

Несмотря на то, что первое наше письмо, противъ желанія, оказывается слишкомъ длиннымъ, отъ насъ читатели вправѣ потре-

бовать отчета о приемах собиранія матеріаловъ, согласно нашему общанію, а пожалуй и самыхъ матеріаловъ, какъ правыхъ тому доказательствъ. Мы не прочь ни отъ того, ни отъ другаго. Близкое знакомство съ воспитанниками учебныхъ заведеній навело насъ на мысль попытать счастья и съ этой стороны. Впослѣдствіи, чрезъ это же знакомство, многіе изъ служащихъ на Кавказѣ въ свою очередь изъявили намъ желаніе помогать своими трудами. Съ этою цѣлію составлена была программа, въ которой прежде всего объяснены важность и значеніе матеріаловъ народной жизни, и наконецъ указаны и самые приемы для собиранія матеріаловъ, приемы предлагаемые современной наукой.

Не привожу вполнѣ самой программы, но укажу только на то, чего отъ каждаго можно было требовать въ особенности, по большому или меньшему знакомству его съ тѣмъ или съ другимъ бытомъ. Отъ казака требовалось собираніе казацкихъ пѣсень, пѣсень, занесенныхъ сюда съ переселеніемъ изъ Россіи и пѣсень новыхъ, необходимо вызванныхъ инымъ положеніемъ переселенца и его вѣчно-боевой жизнью. Разумѣется, кромѣ этого, указано и на собираніе всего, что только относится до жизни казака. На заговоры и преимущественно на заговоры противъ оружія, безъ которыхъ не обходится ни одинъ казакъ и въ силу которыхъ онъ непременно вѣрять, также обращено вниманіе собирателей. Заговоры по формѣ и по значенію для казака тѣ же молитвы. Всѣ они начинаются обыкновенно обращеніемъ къ Спасителю, Божіей Матери и нѣкоторымъ святымъ и особенно къ Николаю Чудотворцу, Святому Тихону и Михаилу Архангелу. Столь же важный матеріалъ для жизни казака составляютъ рассказы о битвахъ его съ горцами. Казакъ вѣчно на стражѣ, вѣчно ждетъ нападенія и пули. Отстоялъ онъ линію, отогналъ далеко врага, ему не дадутъ успокоиться—и тотчасъ его переселяютъ на новую линію и на новыя битвы. А сколько въ этихъ битвахъ случаевъ, нигдѣ не записанныхъ, и для нихъ очень обыкновенныхъ, потому что они безпрестанно замѣняются новыми, а между тѣмъ въ этихъ обыкновенныхъ для нихъ случаяхъ сколько великихъ самопожертвованій, сколько удали, случайностей, подвиговъ почти баснословныхъ. Хотите-ли матеріаловъ изъ этой вѣчно-боевой жизни, вамъ стоитъ только спуститься на плоскость Кубани и съ каждымъ холмомъ, лѣсомъ, курстарникомъ, мостомъ, съ каждымъ бродомъ, вы услышите десятки воспоминаній, воспоминаній самыхъ свѣжихъ, еще не тронутыхъ вы-

мысломъ, не перешедшихъ въ область фантазіи. Однимъ словомъ, съ каждымъ новымъ именемъ, съ каждымъ новымъ названіемъ, будетъ-ли то станица или простой постъ, непременно соединено поэтическое преданіе. Это лучшіе матеріалы будущей исторіи линейнаго казачества,

Молодымъ горцамъ, знающимъ русскій языкъ и принимающимъ живое участіе въ сохраненіи памятниковъ народной жизни, поручено собираніе матеріаловъ въ своихъ родныхъ аулахъ.

Да непокажется кому нибудь страннымъ, что вдругъ въ письмахъ, носящихъ названіе кавказскихъ, являются матеріалы изъ русской народной жизни, являются русскія пѣсни, записанныя на самомъ Кавказѣ! Дѣйствительно это можетъ показаться страннымъ, но только тому, кто мало знакомъ и съ Кавказомъ и съ его русскими населеніемъ. Не такъ на самомъ дѣлѣ!

Не заходя слишкомъ далеко къ исторіи переселенія Русскихъ на Кавказъ и прежде всего на Терекъ, скажемъ только, что со времени Екатерины II, когда Кубань сдѣлалась границею съ горскими племенами, когда мы стали твердой ногой на сѣверномъ Кавказѣ, тогда собственно начались переселенія сначала по волѣ правительства, а потомъ и безъ воли его, когда узнали отъ переселенцевъ, что жить тамъ и шире и раздольѣе. Десятками тысячъ десятинъ раздавались богатая и хлѣбородная земля. Потемкинъ получилъ 30 тысячъ десятинъ самой лучшей земли. Селись на ней кто хочетъ! объявляли владѣльцы въ свою очередь. И вотъ на широкое раздолье прикубанскихъ земель толпами потекли казенные крестьяне, однодворцы, выходцы изъ Польши, но сильнѣе потекли сюда крестьяне отъ господъ своихъ, а равно и всѣхъ сословіи бездомовники, которымъ въ Россіи терять было нечего. Въ годъ, въ два лучшія мѣста заселяли и образовывали богатая селенія, въ 500 и болѣе душъ. Пять седьмыхъ переселенцевъ были помѣщичьи крестьяне. Партии раскольниковъ всѣхъ сектъ, съ Иргиза и другихъ мѣстъ, еще прежде нашли на Кавказѣ обѣтованную землю. Вслѣдъ затѣмъ почти сами собою выросли города, села и станицы. Населеніе увеличивалось быстро. Указъ Екатерины, прекратившій бродяжничество и крѣпко прикрѣпившій крестьянъ къ землямъ тѣхъ помѣщиковъ, на которыхъ поселились они, на время прекратилъ наплывъ переселенцевъ. Объявленіе края привилегированнымъ снова подвинуло къ переселенію и число жителей опять увеличилось быс-

тро. Но ничего не приносили съ собою переселенцы изъ своего скарба, кромѣ преданій и пѣсенъ своей родины, и ими-то утѣшали себя здѣсь на—просторѣ, вспоминая далекое пепелище и могилы отцовъ и въ большей чистотѣ сохраняя ихъ. Здѣсь не успѣла скоро исказить ихъ чистоту ни вообще цивилизація большихъ городовъ, ни цивилизація фабрикъ, трактировъ и харчевенъ. Ни кѣмъ не тронуты еще эти матеріалы!

Въ числѣ другихъ и не новыя пѣсни мы намѣрены представить въ первый разъ на судъ нашихъ читателей, но пѣсни давно уже извѣстныя собирателямъ русской старины. Эти пѣсни внесены въ сборники К. Данилова и Сахарова, и, несмотря на это, мы ихъ снова предлагаемъ въ нашемъ письмѣ, потому что онѣ записаны со словъ пѣвца—простолюдина. Не у Кирши Данилова и не у Сахарова вычиталъ ихъ нашъ пѣвецъ, онъ получилъ ихъ какъ лучшее наслѣдіе отъ отца. Какъ онъ ихъ поѣтъ теперь, что отразило на нихъ наше время и что осталось въ нихъ отъ временъ прошедшихъ—вотъ чѣмъ для насъ драгоценны онѣ!

1.

ПѢСНЯ ПРО ОДНОГО ГЛУПЦА, МОЛОДЦА, ГОРЬКАГО ПЬЯНИЦУ (*).

Во славномъ было во Царѣградѣ,
 И во томъ же славномъ царскомъ кабакѣ,
 Пьетъ Садко, пьяно напивается,
 Во глупомъ хмѣлю Садко похваляется:
 «Нѣтъ, Садко, во свѣтѣ богаче меня,
 «И нѣтъ, Садко, меня тороватѣй!
 «Откуплю я, Садко, всю Рѣссеюшку,
 «Всю царскую земелюшку,
 «И всѣ лавочки торговыя.
 Только горе Садко—всѣ ряды горшечныя.
 Скоро ихъ жгутъ (горшки), скорѣй того дѣлаютъ.
 Нагружаетъ онъ Садко тридцать корабличковъ,
 Нагрузимши, сажалъ онъ корабельщичковъ
 Подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ,
 Подъ единое личико бѣлое.

(*) Съ такимъ названіемъ передана намъ пѣсня самимъ пѣвцомъ.

Пушаетъ Садко кораблечки въ океанъ-море
 Всѣ корабли-то по морю поплыли,
 Они поплыли, какъ бѣлые лебеди;
 Садковъ корабль съ мѣста не тронулся.
 Закричалъ Садко своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ну, братцы мои, други корабельщики,
 «Не ругался-ли кто скверно-мат—но,
 «Не согрѣшилъ-ли кто со чужой женой,
 «Не сбранилъ-ли кто своего отца-матерь?
 «Семь (попробуемъ) вырѣжемъ, братцы, по жеребу,
 «И пустимъ мы во сине море.
 Всѣ жеребы по морю поплыли,
 А Садковъ жеребъ, какъ ключъ ко дну.
 Воскричалъ Садко своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ну, вы братцы мои, други корабельщики,
 «Согрѣшилъ я со чужой женой,
 «Сбранилъ я своего отца-матерь.
 «Берите Садко, бросьте въ сине море.
 Загубилъ Садко свои тридцать кораблей!
 Загубилъ Садко свою жизнь въ морѣ!

2.

ПѢСНЯ ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА.

На славной было рѣчущкѣ, на Камышинкѣ,
 Жили, проживали, братцы, люди вольные
 Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
 Атаманушкой у нихъ былъ Ермакъ изъ донскихъ казакъ,
 По отчеству назвать его Ермакъ, Тимошеевъ сынъ,
 А есаулушкой у нихъ былъ, братцы, Иванъ Васильевичъ,
 А за писаря у нихъ правилъ, братцы, Гуръ Гурьевичъ.
 Ермакъ-то говорить, братцы, какъ въ трубу трубить.
 Не золотая трубочка она вострубила,
 Ермакъ-то ли, старый казакъ, рѣчь возговорилъ:
 «Собирайтесь вы, ребятушки, во единый кругъ.
 «Думайте вы, ребятушки, думу заединую.
 «Вы меня-то Ермака, старика, вы послушайте:
 «Проходить-то у насъ, братцы, лѣто теплое,
 «Настаетъ-то у насъ зима холодная;

«И гдѣ-же мы, ребятушки, зиму зимовать будемъ:
 «На Яикъ намъ городъ идтить—переходъ великъ;
 «На тихой-то намъ Донъ идтить—переловленнымъ быть,
 «По разнымъ по тюремкамъ поразсаженнымъ;
 «А мнѣ-то Ермаку, старику, быть повѣшеннымъ.
 «На Казань городъ идтить—грозный царь стоитъ,
 «Грозный царь стоитъ—Иванъ Васильевичъ.
 «Пойдемъ-же мы, братцы, на Волгу рѣку.
 «Набьемъ-же мы, ребятушки, кунцевъ, лисцевъ тамъ,
 «Пошьемъ-же мы, ребятушки, тулупы теплые;
 «Подѣлаемъ-же мы, ребятушки, шляпки легкія;
 «Поѣдемъ-же мы, братцы, по Волгѣ рѣкѣ,
 «И будемъ мы ловить купцовъ со товарами;
 «Запасемся мы, ребятушки, товарами на всю зиму,
 «Тогда-то мы поѣдемъ ко царю Ивану Васильевичу.

Оканчивая это письмо, мы еще разъ повторимъ, что Кавказъ заслуживаетъ вниманія нашей литературы. Здѣсь бьетъ свѣжимъ ключомъ молодая жизнь, еще невтиснутая въ узкія рамы гражданскаго быта. Явленія этой жизни тѣмъ интереснѣе, что въ нихъ ясно открываются естественныя стороны человѣческихъ страстей, желаній, вѣрованій и надеждъ. Черезъ два или три поколѣнія, вѣроятно, многія черты этой дикой и молодой народности исчезнутъ.

Ө. ЮХОТНИКОВЪ.

1860 года, 20 декабря.
 Ставрополь кавказскій.

Нѣсколько словъ по поводу «Отечественныхъ Записокъ»
и «Русской Рѣчи». (*)

Есть случаи, когда литература становится ниже общества, ниже развитія и потребностей его, когда она обращается изъ органа мнѣній въ органъ гласной клеветы и сплетни, когда полемика дѣлается бездоказательной бранью, когда бываетъ страшно отдѣлиться отъ рутины и высказать новую мысль только потому, что она не понравится невѣжеству и кумовству въ круговой порукѣ двухъ или трехъ пріятелей. Эти случаи, обыкновенно, встрѣчаются въ тѣ періоды, когда умная и добросовѣстная критика отступаетъ на задній планъ, а на мѣстѣ ея является самодовольная посредственность и силою крика прорывается замѣнить силу мысли и чувства. Посторопитесь на это время всѣ, кто дорожитъ своимъ убѣжденіемъ, или вооружитесь самымъ холоднымъ равнодушіемъ такъ, чтобъ не бояться ни жала насѣкомаго, ни удара конскаго копыта. Для такой полемики,—всѣ средства дозволены, всѣ орудія по—плечу; она не стѣсняется ни выборомъ предметовъ, ни выборомъ лицъ. Ей все равно; она ничего не теряетъ, потому что ничего собственного не имѣетъ.

Мы понимаемъ, что дѣйствительная борьба мнѣній высказывается горячо, съ увлеченіемъ, потому—что убѣжденіе, иногда вытекающее изъ всей жизни и нерѣдко купленное цѣной пожертвоваціи дорого тому, кто привыкъ уважать его въ себѣ, и слѣдовательно въ другихъ. Трудно молчать, когда хотять доказать вамъ, что вы ошибались въ томъ, во что такъ искренно и долго вѣрили. Это — благородная борьба за торжество принципа; она пролагаетъ дорогу новой идеѣ или цѣлому направленію идей; здѣсь вы слѣдите за побѣдой человѣческаго ума, побѣдой, въ высшей степени интересной и наставительной; противники, обыкновенно, стоятъ другъ къ другу открыто и среди самой вражды не забываютъ ни взаимнаго уваженія, ни приличія. Но

(*) См. «Отечественныя Записки», Март. кн., Политика Стр. 26.—Русская Рѣчь». № 28, стр. 444.

какъ называть тѣ журнальныя статьи, гдѣ на основаніи одной, научаду вырванной, фразы, поднимается на васъ гвалтъ, составляется приговоръ, что вы не имѣете ни знаній, ни убѣждений, не щадятъ въ васъ ни одного человѣческаго чувства, и все это бездоказательно, съ самымъ безцеремоннымъ цинизмомъ. Этого мало; другой пріятель, изъ того-же стана, подхватываетъ голосъ перваго и опять изъ—за угла, безъ всякаго доказательства, даже безъ малѣйшаго повода къ спору, заливааетъ васъ потокомъ самодѣльныхъ остротъ и грубыхъ намековъ. Въ добрый часъ, господа; здѣсь вы совершенно на своемъ мѣстѣ!

Съ легкой руки г. Гымалэ, который въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» взмахнулъ надъ нами своимъ псевдонимомъ, какъ грязной метлой съ неопрятнаго двора г. Краевского (*), «Отечественныя Записки» и «Русская Рѣчь» увлеклись примѣромъ. На его послѣднюю статью мы не хотѣли отвѣчать, потому что ставимъ себя выше этого отвѣта. Передъ Гымалэ, какъ извѣстно, мы провинились въ томъ, что, говоря о г. Дудышкинѣ, не сняли шляпы и рѣзко выразились о немъ; передъ «Отечеств. Записками» и «Русскою Рѣчью» мы оказались виновными въ томъ, что, говоря о Джонѣ Росселѣ, опять забыли вытянуть руки по швамъ и поклониться этому *шанту*. Все дѣло въ томъ, какъ мы осмѣлялись, по мнѣнію журнала и газеты, назвать Джона Росселя, да еще лорда и потомка герцоговъ бетфортовскихъ, *умственной малостью?* (*). Но одна бѣда не приходитъ: вслѣдъ за нами г. Гаррисонъ, въ статьѣ о Пальмерстонѣ, какъ-будто нарочно назвалъ того же лорда «*самодуромъ*». Чтò до насъ, мы, дѣйствительно, поступили дерзко; ну намъ ли «*смытъ свое сужденіе имѣть*»? Но какъ же поступите вы, господа, съ Англичаниномъ, который не читаетъ и едва ли знаетъ о существованіи «Отечественныхъ Записокъ» и «Русской Рѣчи»? Не прикажете ли написать ему, чтобъ онъ шелъ на висѣлицу, такъ—

(*) Тотъ же г. Гымалэ, подъ именемъ «топтателя мостовой» и въ тѣхъ же С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ не имѣя ни малѣйшаго основанія, недавно обратился съ публичнымъ обвиненіемъ противъ гг. Качалова и Аничкова. Они печатно опровергли, пошлую выходку «топтателя» С. Петербург. Вѣдомостей и «представили себѣ право объясняться съ нимъ лично;» г. Гымалэ поспѣшилъ отправиться въ Москву, вѣроятно изъ скромности не выдать своего имени публикѣ... очень жаль если г. Краевскій лишится въ своемъ «Топтателѣ» такого полезнаго сотрудника.

(*) См. «Русское Слово». Январь. Русская Литература, стр. 25.

такъ прямо въ сѣдой и мрачный Тоуеръ! Скандаль! беззаконіе!— «Современникъ» подсмѣивается надъ Кавуромъ, а «Русское Слово» надъ маленькимъ лордомъ.

Но позвольте, гг. петербургскіе и московскіе адвокаты Джона Росселя, посмотрѣть на дѣло поближе, и усомниться нетолько въ вашемъ знаніи политической карьеры лорда, но даже въ томъ, не смѣшиваете ли вы его съ кѣмъ-нибудь другимъ, какъ это случилось съ городничимъ Дмухановскимъ? Если вы только слышали объ Англии не изъ однихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», то не можетъ-быть, чтобъ вамъ не были извѣстны слѣдующія книги, въ которыхъ подробно говорится о Джонѣ Росселѣ. Вотъ какъ выражается о немъ Ритчи въ своихъ *Modern Statesmen*: «Правда, его превосходительство — либеральный государственный человѣкъ, но совершенно въ томъ же видѣ, какъ спартанскій эфоръ; когда жена обвиняла его за то, что онъ отказался отъ половины привилегій своихъ дѣтей, эфоръ отвѣчалъ ей, что онъ поступилъ такъ съ намѣреніемъ, чтобъ сохранить для нихъ *другую половину*.» Дальше Ритчи говорятъ о томъ же Джонѣ Росселѣ: «Онъ написалъ повѣсть, которая не продана, — исторію, которую никто не читалъ. Его философія равно не имѣла никакого достоинства, его поэзія (онъ сочинилъ драму) — была (рѣзко мы говоримъ, но повстинѣ не можемъ прискать другаго точнаго слова)—его поэзія была положительно освистана. Такъ отверженный богами и людьми, онъ сдѣлался политикомъ...» Еще одно мѣсто: «Лордъ Джонъ Россель не упускаетъ ни одного удобнаго случая заявить свое расположеніе народу, между-тѣмъ какъ вся его политическая карьера дѣлаетъ это расположеніе *сомнительнымъ*» (*). Доселѣ говорилъ чело-

(*) *Modern Statesmen*, By E. Ritchie. London. 1861. Стр. 20, 23 и 24. Примѣч. Опасаясь, чтобъ вамъ не представилось сомнительнымъ и наше знаніе англійскаго языка, мы выписываемъ здѣсь самый оригиналъ: «It is true, his lordship is a liberal statesman, but in much the same manner as the spartan Ephor, who, when charged by his wife with having abandoned half the privileges of his children, replied that he had done so in order that he might preserve for them the other half.... He wrote a novel that did not sell, — a history, that no one would read. His philosophy was equally worthless, and his poetry—he wrote a drama—was (the word is harsh but we really can find no other so fitting)—his poetry was positively damned. Thus abhorred by gods and men, he became a politician.... Lord John quits no opportunity of professing proper attachment to the people, whilst the whole course of his political life makes that profession doubtful et. cet.»

вѣкъ, лично знающій лорда и проводившій время въ его семействѣ; теперь послушаемъ другаго Англичанина, служившаго въ парламентѣ съ самимъ лордомъ: «Если лордъ, говоритъ Уитти, разочаровалъ націю въ надеждахъ, то это потому, что нація никогда не имѣла достаточнаго основанія вѣрить ему»; и дальше: «Вся эта неловкость (Джона Росселя) есть результатъ или грубаго незнанія характера англійскаго народа или преступнаго намѣренія продолжать господство глупой олигархiи и рутинной системы; но въ обоихъ случаяхъ Джонъ Россель заслуживаетъ обвиненія, какъ *простофила* или какъ *заговорщикъ* (**). Предполагая, что вѣра ваша въ Джона Росселя идетъ гораздо дальше чѣмъ вѣра современниковъ Олега въ скотьяго бога Волоса, мы приводимъ третью характеристику изъ общественнаго органа Англiи, котораго редакторъ пользуется еврпейской извѣстностью по образованiю; вотъ эта характеристика: «Джонъ Россель — малъ ростомъ, малъ онъ и по уму, малъ въ краснорѣчiи, малъ въ своей любви къ свободѣ, малъ въ своей ненависти къ тираннiи, малъ въ своемъ историческомъ талантѣ, малъ въ знанiи литературы, малъ въ драматическомъ искусствѣ и совершенная крошка въ своемъ сочувствiи къ парламентской реформѣ... Вся атмосфера, въ которой онъ дышетъ, состоитъ изъ малостей. Какая бы ни была тема его рѣчи—представительная ли реформа, религiозная или гражданская свобода, воспитанiе, внутреннiй или внѣшнiй вопросъ, всѣ увѣрены, что Джонъ Россель представилъ ее своимъ слушателямъ въ самомъ маленькомъ, скудномъ и нищенскомъ видѣ» (***). И такъ, вотъ три образованные Англичанина, съ разными взглядами на вещи, на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности и въ разное время говорятъ почти одними и тѣми же выраженiями не только объ умственной, но и политической малости *вашею тшанта*. Мы знаемъ еще два интересныхъ факта за этимъ политическимъ великаномъ: во-первыхъ, когда въ 1849 году сэръ Френсисъ Бёрдетъ предложилъ билль парламентской реформы, 153 голоса были противъ преобразованiя парламента, и въ числѣ ихъ былъ вашъ родосекiй колоссъ — Джонъ Россель; ему же пришлось «выкинуть изъ окна», какъ выразился молодой Пилъ, ту же реформу черезъ 40 лѣтъ. Во-вторыхъ, когда манчестерская лига настаивала на введенiи «свободной торговли хлѣбомъ», т. е. на дарованiи права Англича-

(**) The Governing classes of Great Britain, by Ed. Whitty. London. 1859. Стр. 148 и 156.

(***) Reynol. Newspaper. 1859. Окт. 9.

намъ ѣсть насущный хлѣбъ безъ пошлины и не умирать съ голоду ради пользы ландлордовъ, Джонъ Россель, какъ землевладѣлецъ, называлъ эту мѣру «нелѣпой, непрактической и совершенно излишней». Вотъ какъ далеко простиралось его *умственное величiе* и прозорливость! Не думайте, впрочемъ, чтобъ онъ отсталъ отъ другихъ: когда Робертъ Пиль взялъ въ свои руки великій вопросъ, колоссальный Джонъ сейчасъ очутился на его сторонѣ и говорилъ уже за отмѣну ненавистнаго закона голода. Если бъ только эти два факта стояли противъ Лорда Джона, то и тогда политическая дѣятельность его равнялась бы нулю.

Теперь посмотримъ, что намъ скажутъ о благородномъ лордѣ «Отечественныя Записки» и «Русская Рѣчь»: «Умственная малость Джона Росселя!—(Это говорятъ «Отечественныхъ Записки»). Для насъ уже и лордъ Джонъ Россель, вождь англійской либеральной партіи — умственный пигмей. Но извѣстна ли этимъ гигантамъ дѣятельность пигмеев, лорда Джона Росселя? Извѣстно ли имъ, *какихъ громаднѣхъ умственныхъ силъ* *потребно на то*, чтобъ въ теченіе многихъ лѣтъ стоять во главѣ могущественной политической партіи. Мы не допускаемъ предположенія, чтобъ это имъ было неизвѣстно: иначе это было бы уже верхомъ невѣжества; «и такъ далѣе—*crescendo*: Но мы не можемъ не выписать финалъ: «какіе мы сами умные ребята, продолжають Отечество. Записки, когда предъ нами всѣ — умственные пигмеи, всѣ министры, всѣ вожди партій въ просвѣщенной Европѣ!... Неужели русской публицистикѣ суждено быть гаерствомъ?» Да, гораздо приличнѣе и едвали не полезнѣе слушать гаера, на площадѣ, въ хорошей день и подъ открытымъ небомъ, чѣмъ читать такія тирады, какими вы наполняете вашъ невыносимо-скучный отдѣлъ въ Отечественныхъ Запискахъ. По крайней мѣрѣ, вамъ не мѣшало бы немножко затуманить послѣднюю фразу, изъ уваженія къ себѣ и къ редакціи того журнала, гдѣ вы страпаете вашу *публицистику*, какъ вы называете политическій обзоръ. Въ болѣе свободное время мы оцѣнимъ ваше руководство и покажемъ нравственный смыслъ его, а теперь возвращаемся къ вашему правоученію: «Въ писаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, говорятъ Отечественныя Записки, мы находимъ много такого, съ чѣмъ нетолько не можемъ согласиться, но что должны преслѣдовать, и что будемъ преслѣдовать по мѣрѣ нашихъ силъ». — Только, пожалуйста, не полицейскими средствами! Мы вовсе незнакомы

съ судебной процедурой. Снилось ли когданибудь громадно — умственному Джону, чтобъ за него, вождя либеральной партіи, стали преслѣдовать и гдѣ же? — въ Петербургѣ. Давно умеръ Булгаринъ, а духъ его все почіетъ вмалѣ надъ Аскоченскимъ въ разныхъ видахъ и формахъ. Затѣмъ выступаетъ на сцену «Русская Рѣчь», юная, наивная и до простоты довѣрчивая; подлаживаясь подъ тонъ «Отечественныхъ Записокъ», она привѣтствуетъ насъ такъ: «Ее (т. е. публику) не покорило, когда писатель, въ родѣ какого-то г. Благо-свѣтлова, преспокойно удивляется въ «Русскомъ Словѣ» «умственной малости» лорда Джона Росселя» и такъ далѣе. Да какъ же ты не могла сообразить, умная, — виноватъ, — «Русская Рѣчь», что если ужъ *коробить* отъ фразы, такъ *коробить* лондонскую публику, въ которой, какъ мы видѣли, получше насъ опредѣляютъ вашего несравненнаго Джона; а мы-то какъ приходимся ему? Ужъ не сродни ли по какойнибудь жиденькой брошюркѣ Дантю, случайно завезенной г. Дюфуromъ черезъ годъ послѣ ея выхода? У насъ, слава Богу, своихъ Джоновъ много; кланяйся, да кланяйся имъ, если есть охота. Но въ томъ-то и сила нашей рутины, что если ужъ ставить кумиры на праздные пьедесталы Перуновъ, то намъ непремѣнно надо поискать ихъ за границей, особенно въ Англіи, и какъ мы очень плохо знаемъ народную Англію, то беремъ ихъ прямо изъ парламента, готовыхъ и обтесанныхъ. На извѣстномъ разстояніи тѣни удлиняются: вѣроятно, за уральскимъ хребтомъ, у Коканцевъ, Джонъ Россель представляется еще выше, т. е. не гигантомъ уже, а тѣмънибудь въ родѣ горы Гималая. Но въ самой Англіи, какъ мы видѣли тѣнь сокращается.

И мы немножко знаемъ Англію. Проживъ около году тамъ, мы вынесли изъ своего трехлѣтняго путешествія по Европѣ самыя лучшія воспоминанія объ Англичанахъ; мы не издали, не мимоходомъ по парламентской площади, всматривались въ этотъ великій народъ. И народъ мы любимъ, и уважаемъ; знаемъ, что никто не внесъ столько сокровищъ въ общечеловѣческое развитіе, какъ Англичане, но и ни одно правительство не совершило на пути своей исторіи столько злодѣяній, какъ англійское. Вотъ наша вѣра и мы не разъ выражали ее ясно.

Затѣмъ, снимая шляпу, желаемъ вамъ покойной ночи, ученія и «Отечественныя Записки» а вамъ, милая кузина, «Русская Рѣчь», — добраго утра!

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ФЕЛЬТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Странныя бываютъ противорѣчія въ жизни! Ни на комъ они такъ сильно не отозвались, какъ на мнѣ самомъ и на моей общественной карьерѣ. Начиная съ того, что предполагая нѣкогда, въ далекіе дни своей юности, сдѣлаться непременно свѣтиломъ литературы, хоть миниатюрнымъ, а все-таки свѣтиломъ, я сдѣлался не болѣе какъ неизвѣстнымъ труженикомъ, «темнымъ человѣкомъ». Потомъ, имѣя отъ природы самый мирный, меланхолическій характеръ, одержимый припадками поэтической мечтательности и созерцательной неподвижности, я рукой судьбы, судьбы-этой самой эксцентрической и капризной дамы во всей древней мифологіи, былъ брошенъ въ водоворотъ дѣйствительной, мелкой мѣщанской прозы, брошенъ какъ несчастная жертва несвоевременнаго рожденія. Да, дѣйствительно мнѣ оставалось въ утѣшеніе только одна мысль, что я родился слишкомъ поздно, хотя былъ предназначенъ для другаго поколѣнія: плохое, впрочемъ, утѣшеніе. Живи я десять, пятнадцать лѣтъ назадъ, въ тѣ времена «искуства для искусства», когда слово «прогрессъ» нельзя было даже отыскать въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, когда герои Щедринскихъ разсказовъ безбоязненно совершали путь по своей гражданской орбитѣ, - живи я тогда, мой благородный читатель, то мое имя ты записалъ бы въ числѣ любимыхъ тобой именъ и мой портретъ красовался бы

непремѣнно въ золоченыхъ рамахъ въ твоёмъ кабинетѣ. Въ тѣ времена, я далъ бы волю своему поэтическому таланту, своему лиризму, который своей безысходностью мучилъ меня, какъ ревнивая любовница или періодическая лихорадка; нестѣсняемый ни гражданскими идеалами, ни обличительными одѣлами, я пѣлъ бы тебѣ, читатель, пѣсни о природѣ, переключался—бы съ звѣздами, рассказывалъ бы тебѣ о чемъ шепчутъ волны, и какъ міры текутъ, и въ какомъ расположеніи духа находятся вся вселенная. И, какъ фавнъ, сталъ бы между человѣкомъ и органической жизнью и «пѣлъ бы все что на душѣ споется»: и «шепотъ, робкое дыханье, трели соловья» и тайны изъ бухгалтерской книги любви, и испанскіе мотивы на русскій ладъ... Много великихъ поэтическихъ образовъ завѣщалъ бы я міру... а теперь? Оглянемся вокругъ себя, да и въ самихъ себя, внимательно иже заглянемъ: осталось—ли въ нашемъ сердцѣ мѣстечко для поэтического чувства, хоть одинъ уголокъ «для волшебныхъ звуковъ»? Гдѣ «Ткань идеальной рѣчи», какъ пѣлъ недавно графъ Соллогубъ: «прикрывающая правды наготу»? Кто станетъ слушать теперь цѣломудренныя пѣсни фавна о любезной природѣ и ея совершенствахъ? Увы! Ужасныя времена настали для чистыхъ душъ, которыя, отрѣшась отъ дрягъ дѣйствительной жизни, забываютъ пошленькое человечество для безконечной области созерцанія, фантастическихъ путешествій на луну и на другія планеты. Намъ нужны теперь острые, раздражительные, наркотическіе звуки,

Въ нашъ вѣкъ безвѣрья и сомнѣнья,
Въ вѣкъ протестующихъ брошюръ,
Намъ милъ лишь голосъ раздраженья,
Съ каенскимъ перцемъ обличенья
И кипяткомъ карриатуръ.

Гдѣ жъ тутъ уцѣлѣть какомунибудь лирико—объективному гению? Есть—ли возможность, на примѣръ живому челоѣку, челоѣку съ почвой, въ то время какъ у всѣхъ отъ быстрого побѣга жизни духъ захватываетъ, мысль работаетъ безъ устали, въ то время съ волынной сидѣть на берегу, разумѣется морскомъ, считать звѣзды и.

И слѣдить прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки, сидя рядомъ,
Тамъ, на взморья плоскодонномъ
Спать на камнѣ озаренномъ.

И вотъ я, какъ фавнъ, родившійся по ошибкѣ нѣсколькими столѣтіями позже, и родившійся притомъ въ Петербургѣ, въ этомъ, «городѣ фасадовъ», а никакъ не живописной мѣстности съ цѣлебнымъ климатомъ, затаилъ въ себѣ свои волшебныя пѣсни и началъ жить какъ и всѣ простые смертные. И хотъ порою и слушалъ я нѣсколькихъ смѣльчаковъ—лириковъ, весело пѣвшихъ въ наше горячее страдное время и стансы природѣ и еврейскія пѣсни и испанскіе мотивы, но смѣлости ихъ послѣдовать не смѣлъ: какая-то глупая стыдливость мѣшала. Вотъ подите, поймите противорѣчія природы человѣческой! Гасли и замирали звуки моей лиры: гемороиальная природа съ зефирами насморка и флюса, акціонерныя общества, парниковыя растенія и красавицы, «Подводные Камни» и Камни—Виногоры и пр. и пр. всѣхъ этихъ камней было слишкомъ достаточно, чтобъ застрашать мое воображеніе и пугливую дикую музу. И вотъ запуганная и постоянно волнуемая, всѣмъ, что вокругъ ея дѣлается—то поддигами равныхъ тѣмныхъ гражданъ, то возмутительнымъ скандаломъ гдѣ-нибудь въ заходустьяхъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей,—моя муза беретъ иногда теперь одни аккорды на обличительной лирѣ, и какъ неопытная пансіонерка за клавишами, робко прислушивается къ своимъ звукамъ. Но шагъ былъ сдѣланъ, метаморфоза совершилась, и я съ неблагодарностью, свойственной всему человѣчеству, навсегда оторвался отъ поэзіи и лиризма того періода, когда я искренно воспѣвала волосы Береники, косу Аспазіи и бакенбарды Ганимеда. Я сжегъ свои корабли, явившимся на другомъ берегу и покорилая безъ ропота судьбѣ, сдѣлавшей изъ меня маленькаго «темнаго человѣка».... Прощая извиненія за небольшое отступленіе, перехожу теперь къ главной задачѣ своихъ замѣтокъ. Прежде всѣхъ общественныхъ новостей, о которыхъ я буду говорить, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу одного пятидесятилѣтняго литературнаго юбилея.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого торжественнаго праздника, я, какъ по любознательности, такъ и по обязанности лѣтописца, обращался съ вопросомъ объ этомъ юбилеѣ ко многимъ литераторамъ, но ни одинъ литераторъ, ни одинъ редакторъ не могъ удовлетворить моему любопытству. Кого я ни спрашивалъ, никто не участвовалъ на этомъ торжествѣ.

— Какимъ же это образомъ,—удивлялся я: на юбилеѣ рускаго писателя не былъ почти ни одинъ русскій писатель. Кто же его праздновалъ? Какой же это наконецъ юбилей?

Поставленный въ тупикъ такимъ страннымъ событіемъ, я бросился къ газетамъ, надѣясь наконецъ въ нихъ найти разгадку. Двѣ статьи объ этомъ обѣдѣ: какого-то Н. Гр. и г. Ө. Толстова разрѣшили сомнѣнія. Вотъ что я узналъ: 2 марта, въ залѣ императорской академіи наукъ, какъ пишетъ Н. Гр. данъ былъ обѣдъ, въ ознаменованіе совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія литературной дѣятельности *геніальнаго нашего писателя и поэта* князя П. А. Вяземскаго, устроенный президентомъ и членами академіи. Число всѣхъ бывшихъ на праздникѣ гостей, состоявшихъ изъ сочленовъ князя по академіи, родственниковъ его и близкихъ друзей, простиралось до 110 человекъ. На особо устроенной эстрадѣ, украшенной цвѣтами, сидѣли дамы. Еще утромъ того дня, князя поздравляли русскія дѣвушки въ сарафанахъ (!!)

Во время обѣда игралъ оркестръ, состоявшій исключительно изъ Нѣмцевъ. Г. ректоръ университета прочелъ юбиляру поздравительный письменный адресъ отъ русскихъ дамъ. «Это была», пишетъ Г. Ө. Толстой, цѣлая вереница графскихъ и княжескихъ фамилій, точно длинная выписка изъ бархатной книги». Нѣмецкій литераторъ Г. Вользонъ читалъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ; также прочли свои стихи гг. Бенедиктовъ и Тютчевъ, затѣмъ безсрочно—отпускнуой русскій писатель, а нынѣ французскій литераторъ графъ Соллогубъ, пропѣвъ въ сопровожденіи музыки свои привѣтственные куплеты.

«Это былъ дружескій праздникъ всей русской литературы», добавляетъ къ этому Н. Гр., назвавшій кн. Вяземскаго *геніальнымъ писателемъ*. (Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ — почтенному и уважаемому юбиляру).

Но, скажите, ради Бога, гдѣ же тутъ *литературный юбилей*? Развѣ можно назвать такъ дружескій семейный праздникъ, устроенный великосвѣтскими друзьями кн. Вяземскаго и его товарищами по службѣ. Какое участіе приняли въ юбилей литература и ея представители?

Вотъ что намъ отвѣчали на это:

На *литературномъ* юбилей князя Вяземскаго было:

Настоящихъ литераторовъ, не принадлежащихъ къ академіи, устроившей юбилей	1
Современныхъ литераторовъ, принадлежащихъ къ академіи и служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія	6
Литераторовъ прежняго времени	4
Сановниковъ и великосвѣтскихъ друзей Вяземскаго	99

Итого 110.

Такъ какой же это былъ литературный юбилей? А г. Толстой, говоря объ обѣдѣ 2 марта, съ грустію говоритъ, что онъ предполагалъ, что на этомъ юбилейѣ совершится примиреніе писателей великосвѣтскихъ съ «новобранцами» (его выраженіе) новой литературы... Г. Толстой, въ той же статьѣ (Сѣвер. Пчел. № 55) плачетъ о томъ, что съ каждымъ днемъ теперь вліяніе высшаго круга на литературу уменьшается и слабѣетъ, и тутъ же печально прибавляетъ, что «сколько сокрыто подъ спудомъ сокровищъ ума, образованности, которыми такъ щедро надѣлены высшіе классы русскаго общества!» Что вы говорите г. О. Толстой? Побойтесь вы Бога! Развѣ у насъ есть теперь великосвѣтскіе писатели? Кто же это? Князь Вяземскій давно замолчалъ, кн. Одоевскій, къ сожалѣнію,—тоже? Развѣ только гр. Соллогубъ, да Борисъ Оеодоровъ — принадлежать къ этой средѣ. Такъ не объ ихъ—ли слабѣющемъ вліяніи на русскую литературу вы сожалѣете?

А насчетъ сокровищъ, лежащихъ подъ спудомъ, можно только сказать одно: да кто же имъ велитъ оставаться подъ спудомъ? Напрасно Г. О. Толстой объ этомъ сокрушается: такіа сокровища, какъ умъ, талантъ и образованность не остаются въ тѣни, какъ бездарность и невѣжество.

Вернемся опять къ «литературному» юбилею. Присутствіе литераторовъ на этомъ праздникѣ не только было не необходимо, но даже, по нашему мнѣнію, неумѣстно. Графъ Соллогубъ, давно забытый въ семьѣ русскихъ писателей и записавшійся въ число парижскихъ водевилистовъ, пѣлъ на этомъ праздникѣ куплеты, въ которыхъ выразилъ все свое озлобленіе и тайную досаду противъ современныхъ дѣятелей нашей литературы. Стихи эти, и ихъ «глухая, старческая злоба» разумѣется не могутъ быть ни для кого обидны и только доставятъ не малое удовольствіе Н. И. Гречу и другимъ друзьямъ — добраго стараго времени. Но во всякомъ случаѣ послѣдніе стихи автора *Une greuve d'amitié*—очень знаменательны и я съ цѣлью привожу ихъ здѣсь для общаго удовольствія. Вотъ что пѣлъ графъ Соллогубъ:

1.

Сегодня праздникъ юбилейный,
Скрѣпляя прошлаго итогъ,

Зоветь тебя на пиръ семейный,
 Въ радушно-родственной кружкѣ.
 И былъ бы пиръ у насъ на-диво,
 Когда бъ, въ привычный намъ урокъ,
 Своимъ стихомъ шута игриво,
 Ты самъ себя воспѣть бы могъ.

2.

Полвѣка ты свои стремленья
 И весь огонь душевныхъ силъ,
 Святому дѣлу просвѣщенья
 Не колебавшись посвятилъ;
 За-то Россіи ужъ полвѣка,
 Твою правдивость полюбя,
 Въ тебѣ почтила человѣка —
 И все бы слушала тебя.

3.

Любимый незабвеннымъ кругомъ,
 Ты въ золотыя времена
 Былъ Пушкина ближайшимъ другомъ,
 Ты братомъ былъ Карамзина.
 Ты съ ними пѣлъ и Музъ и Феба,
 И въ нашихъ скудные юда
 Ты туманенною неба
 Теперь послѣдняя звезда.

4.

Ты воплощенное преданье;
 Но ключъ поэзіи родной
 Все бьетъ въ тебѣ, намъ въ назиданье
 Какой-то юной старинной.
 Ты старымъ юношамъ улыка —
 И кто, средь празднои суеты
 У насъ отъ мала до велика
 Моложе чувствуетъ, чѣмъ ты?

5.

И оттого въ нашихъ вѣкъ печальней
 Сбережь ты сердца теплоту,

*Что тканью ртыи идеальной
Скрывалъ ты правды нату;
Не увлекаясь на свободѣ
И даже въ жизненной борьбѣ,
Ты чтилъ поэзію въ природѣ,
Ты чтилъ поэзію въ себѣ.*

6.

*Свети жь, звезда полвѣковая,
И ярче все, и все свѣтлѣй,
Для радости роднаго края
Для радости твоихъ друзей;
И пусть отъ яркаго свѣтила
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрятся и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.*

Вотъ такіе-то куплетцы распѣвалъ гр. Соллогубъ на «литературномъ» юбилеѣ, гдѣ въ присутствіи автора «Савонороллы», «Трехъ Смертей» и «Послѣднихъ язычниковъ» у него достало смѣлости и не деликатности проговорить эти слова —

*И въ наши скудные года
Ты отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звезда.*

Эти слова обидны не для А. Майкова и ни для кого изъ литераторовъ, — они обидны для самого почтеннаго и образованнаго юбиляра, которому грубая лесть гр. Соллогуба должна была показаться оскорбительною, какъ самая злая насмѣшка. Такой образованный писатель, какъ кн. Вяземскій, вѣдь очень хорошо понимаетъ, что не его поэтическая звезда горитъ ярче всѣхъ. Но гр. Соллогубъ этимъ еще не унимается и продолжаетъ шалить своей лестью, которую доводить въ послѣднемъ куплетѣ до *nes plusultra* неприличія

*И пусть отъ яркаго свѣтила, (т. е. отъ князя Вяземскаго)
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрятся и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.*

Вѣдь это значить смѣяться надъ кн. Вяземскимъ, если этого благороднаго и умнаго старца увѣрять въ глаза, что его звѣзда можетъ сообщить и огонь и пылъ въ талантахъ молодаго поколѣнія. А графъ Соллогубъ рѣшается такъ-неприлично шалить, послѣ словъ самого князя Вяземскаго, который говорилъ: «вы въ моемъ лицѣ празднуете умильную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда я былъ питомцемъ, современникомъ и товарищемъ.»

Въ своихъ шалостяхъ гр. Соллогубъ заходитъ еще дальше, туда, гдѣ грубая лезть и неправда уже становятся непозволительною клеветой. Онъ смѣется надъ нашимъ временемъ и называетъ его «праздной суетой», въ тѣ самыя великія въ русской исторіи дни, когда волею великаго Царя совершилось великое дѣло освобожденія болѣе 20-ти милліоновъ людей, когда повсюду готовятся разныя преобразованія, когда все работаетъ и трудится въ общемъ гражданскомъ дѣлѣ своего отечества. И все это, по мнѣнію графа, только *праздная суета!* Нѣтъ, г. авторъ юбилейныхъ куплетовъ: праздная суета теперь только у людей безъ дѣла, безъ нравственной связи съ родной почвой, у людей, читающихъ только однѣ вывѣски на парижскихъ улицахъ и нѣучающихъ европейскую жизнь по кофейнямъ и бульварамъ. Только у такихъ фланеровъ и двигающихся автоматовъ жизнь есть — праздная суета.

Вотъ не объ этихъ-ли сокровищахъ ума и образованія, расточаемыхъ граф. Соллогубомъ въ своихъ куплетахъ, говорить Г. Θ. Толстой? Если это такъ, то лучше пусть эти сокровища продолжаютъ лежать по прежнему подъ спудомъ, съ печатью молчанія и неизвѣстности, а я пока закончу свое слово о гр. Соллогубѣ стихотвореніемъ на его будущій пятидесятилѣтній русско-французскій юбилей, который будетъ праздникомъ двухъ литературъ и народностей:

На будущій литературный юбилей автора «Чиневника» и «La nuit de St. Sylvestre.»

1.

Впередъ твой праздникъ юбилейный
 Прозрѣли мы въ туманѣ лѣтъ,
 Когда почтить кружокъ семейный
 И твой закатъ и твой разсвѣтъ.

И будетъ пиръ на-диво міру,
Гдѣ воспоешь съ слезами Гречь
Тобой оставленную лиру,
Тобой завѣщанную рѣчь.

2.

Полжизни, бывъ аристократомъ,
Литературѣ ты отдалъ;
Ты литератора собратомъ
Когда-то даже называлъ.
За-то, Россія на Парнасѣ
Тебя включила въ первый классъ,
И, разѣзжая въ тарантасѣ
Твой не забыла »Тарантасъ.»

3.

Въ средѣ поэтовъ бывъ номадомъ,
Въ давно-былыя времена
Печаталъ съ Пушкинымъ ты рядомъ
Въ двухъ альманахахъ Смирдина;
И если вѣло Музъ и Феба
Воспѣлъ въ минувшіе года —
Ты герольдическаго неба
За то былъ яркая звѣзда.

4.

Не предался ты вялой лѣни,
Но пищу далъ двойной молвѣ:
Былъ русскимъ бариномъ на Сенѣ,
Парижскимъ дѣнди—на Невѣ.
Когда жъ у насъ тебя забыли:
Москва, Рязань, Бѣлградъ, Малмыжъ, —
Ты въ это время водевили
Возилъ на выставку въ Парижъ.

5.

И оттого въ нашъ вѣкъ скандальный
Ты въ общей схваткѣ уцѣлѣлъ,
Что тканью рѣчи идеальной
Прикрылъ свой собственный пробѣлъ.

Ты понялъ грязь гуманных топей,
Насъ растлѣвающій прогрессъ,
И не глоталъ туманъ утоній
Подъ сводомъ сѣверныхъ небесъ.

6.

Прійди же праздникъ юбилейный!
Тебя жъ двухъ націй сынъ родной
Почтимъ слезой благоговѣйной
Мы вплоть отъ Сены..... до Сѣнной.
И въ залѣ англійскаго клуба,
Скрѣпивъ свой дружескій союзъ,
Помянутъ графа Соллогуба
Равно—и Русскій и Французъ.

* * *

Напрасно, не такъ давно, известный писатель Н. Ф. Павловъ, обращаясь къ журнальному міру, говорилъ: » надо, чтобъ языкъ не умѣлъ произнести дикой фразы », напрасно нѣсколько разъ литературно ауто—да—фе и общественное мнѣніе казнили многихъ ремесленниковъ мысли и гаеровъ, пляшущихъ на фразѣ—все напрасно! Порою то здѣсь, то тамъ выскакивалъ такой плясунъ, скраивалъ себѣ на живую нитку тогу прогрессиста, сквозь прорѣху которой проглядывалъ закоренѣлый Держиморда, и начиналъ кувыркатся до третьяго поту.

Провинился у насъ, напримѣръ Камень Виногородъ, проступокъ дѣйствительно возмутительный сдѣланъ;—ну ему и досталось, очень сильно досталось отъ всѣхъ журналовъ,—кажется примѣръ поучительный для многихъ, а посмотришь по сторонамъ, такъ непременно гдѣ нибудь въ углу, другой такой Камень такіа дикія фразы издаетъ, отъ которыхъ Н. Ф. Павловъ вѣроятно приходитъ въ страшное отчаяніе. Вотъ хоть Г. Гымалэ и его фельетонные кондаки на столбцахъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей! Въ омутахъ часто, говорятъ, находятъ перлы—и статьи Гымалэ это доказываютъ. Мы давно уже слѣдимъ за этими перлами съ самаго ихъ возрожденія. Помнимъ мы, какъ Гымалэ еще только народился и увѣрялъ всѣхъ читателей С. П. Вѣд., что *самыя свѣтлыя минуты его жизни только тѣ, когда онъ бываетъ въ области безпечальнаго созерцанія*. Что это за область? Публика пересмотрѣла всѣ новѣйшія географіи россійской имперіи,

даже къ знаменитому нашему географу Зуеву обращалась за справкой: гдѣ такая область? Но, кромѣ Бессарабской области и другихъ, — такой не нашлось у насъ; публика рѣшила, что эта область находится гдѣ нибудь за границей.... здраваго смысла и пониманія.

Странствуя по «области безпечальнаго созерцанія» г. Гымалэ выносилъ оттуда много изумительно глубокихъ мыслей и составлялъ имъ полный формулярный списокъ. О чемъ только не говорилъ г. Гымалэ! Говорилъ онъ о своихъ великихъ помыслахъ, которыхъ никто не понимаетъ, о русской лѣни—источникѣ всякаго зла, о томъ, что у русскаго мужичка меньше дѣла, чѣмъ у него, что ходить за сохой все равно, что прогуливаться по Невскому, что отъ лѣни чало Рыбацкое, а отъ труда процвѣла ново—саратовская колонія, — обо всемъ этомъ онъ узналъ въ «области безпечальнаго созерцанія».

С.—Петербургскія Вѣдомости, будучи не *органомъ* литературныхъ мнѣній, а какимъ—то разбитымъ *органомъ* шипящихъ звуковъ старческаго раздраженія, по приказанію Отечественныхъ Записокъ, съ распростертыми объятіями припяли подъ свой кровъ г. Гымалэ и отвели его квартиру на страницахъ своей газеты, съ тѣмъ чтобъ онъ, ставиш подъ нихъ знамя, держался вѣрно и покорно редакторскаго пароля и лозунга. Причина такого гостепрїимства понятна: С. Пет. Вѣд. олицетворяя въ себѣ личность Собакевича, также относятся обо всѣхъ литературныхъ явленіяхъ, какъ гоголевскій герой относится обо всѣхъ своихъ согражданахъ—все де—скать, дрянъ! Имъ нужно было настоящаго Собакевича. Ну, г. Гымалэ себя ждать не заставилъ и явился достойнымъ сотрудникомъ этой газеты.

— Начинай съ наибольшаго! скомандовала редакція и предоставила ему на грызеніе бюстъ Пушкина: хорошенько его! Островскаго оставимъ въ покоѣ, ему довольно досталось. Теперь автора «Онѣгина» нужно отдѣлать!

Собакевичъ не дремалъ. Собакевичъ всегда говорилъ: «всѣ хриstopродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человекъ: прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, — свинья.»

Гымалэ говоритъ: положимъ — Пушкинъ былъ художникъ, но какой онъ народный поэтъ? у него нѣтъ ни одного произведенія, подъ которымъ нужно бы подписать русское имя.»

— Вотъ какъ! Гдѣ это вы узнали объ этомъ, г. Гымалэ? Вѣрно тоже въ «области безпечальнаго созерцанія?»

*

— Нѣтъ, это воть *они* говорятъ, С. С. Дудышкинъ.

— Нѣтъ, ваше собственное—то мнѣніе какое?

Г. Гымалэ спохватился и началъ увѣрять, что онъ своимъ умомъ дошелъ до пониманія Пушкина,—и пошелъ—пошелъ: Онѣгнѣ у него—не русскій типъ, а сколокъ съ байроновскихъ героевъ, Татьяна—даже вовсе не типъ, а неестественное лице, и такимъ образомъ перебралъ всего Пушкина.

— Да помилуйте, г. Гымалэ, — это опять не ваше мнѣніе, — вѣдь всѣ эти милые толки мы еще помнимъ по субботнимъ фельетонамъ Ѳ. Булгарина. Вы въ себѣ намъ Булгарина воскресаєте.

Г. Гымалэ начинаетъ горячиться.

— Хотите, я вамъ сейчасъ фактомъ докажу, — взывалъ онъ: что Пушкинъ совсѣмъ не народный поэтъ? Хотите, я васъ поражу, убью однимъ только словомъ?

— Сдѣлайте милость, г. Гымалэ — убивайте, только у Булгарина ничего не берите; вѣдь онъ покойникъ: его грѣхъ вамъ обирать.

Г. Гымалэ будто не слышитъ и говоритъ съ разстановкой, самымъ торжественнымъ голосомъ:

— Еслибы Пушкинъ былъ «народный» писатель, то его произведенія прошли бы въ массу, въ народъ. Читаетъ ли Пушкина нашъ народъ? Нѣтъ! Слѣдовательно Пушкинъ не народный поэтъ: коротко и ясно.

— Неподражаемо, превосходно! г. Гымалэ: ваша логика убійственна. Теперь мы будемъ знать, что авторъ «Конька Горбунка» — Ершовъ и авторъ «Повѣсти объ англійскомъ милордѣ» — Георгъ Комаровъ, которыхъ творенія прошли въ массу, выше Пушкина. Пушкинъ такъ себѣ — поэтикъ, а Ершовъ и Комаровъ — народные писатели».

При этомъ еще г. Гымалэ утверждаетъ, что его смѣшить принятый обычай дорожить каждымъ листкомъ, оставшимся послѣ смерти великаго писателя, и онъ, т. е. г. Гымалэ не понимаетъ — для чего печатаютъ *разный хламъ*, найденный въ его бумагахъ. Мало—ли что вы не понимаете, г. Гымалэ! Советуемъ вамъ въ этомъ случаѣ обратиться къ С. С. Дудышкину, которому вы во всемъ, кажется, вѣрите на слово, и спросить его: зачѣмъ онъ изъ *хлама*, оставшагося послѣ Лермантова, составилъ особый томъ сочиненій и только недавно его издалъ. Спросите, г. Гымалэ, непременно спросите! Въ *области безмечального созерцанія*, гдѣ вы проводите *свѣтлыя минуты* вашей жизни—вамъ никто этого не объяснитъ. Напротивъ того: *ваш*

путешествія въ эту область для васъ пагубны, потому что вы выносите отсюда самыя ужасныя созерцанія. Но всего было бы лучше, еслибы вы навсегда остались въ этой области: сами же вы говорите, что вамъ тамъ хорошо, ну, и сидѣли бы тамъ, если нравится.

Мы же теперь, съ своей стороны, благодаря вашимъ услугамъ, очень хорошо поняли, что такая эта «область безпечальнаго созерцанія»:

Въ темной области
 Безпечальнаю
 Созерцанія
 Слышны выклики
 Погребальнаго
 Завыванія;
 Гдѣ отъ времени
 Отъ бѣсовскаго
 Все сторонится,
 Гдѣ отъ Пушкина
 До Островскаго
 Все хоронится;
 Гдѣ все старое
 И согнившее
 Прославляется,
 Гдѣ Булгарина
 Тѣнь ожившая
 Улыбается:
 И все слышенъ вой
 Радикальнаго
 Поруганія
 Въ темной области
 Безпечальнаго
 Созерцанія.

Читая протестъ г. Гымалэ противъ значенія Пушкина, какъ народнаго писателя, мнѣ пришло въ голову слѣдующее предположеніе: что, еслибы когда нибудь С. С. Дудышкину вздумалось пошутить,—вѣдь пошутить дома всегда можно, и онъ сталъ бы ради шутки парадоксально доказывать г. Гымалэ и развивать идею о гомерическомъ значеніи Пушкина, т. е. что Пушкинъ—миѳъ, и что только подъ его именемъ собраны произведенія многихъ писателей. То-то бы удивился г. Гымалэ и, по

теоріи вѣроятностей, непремѣнно написалъ бы огромную статью на пятнадцать столбцахъ о томъ, что Пушкина никогда не было, а всѣ его повѣсти, поэмы и стихотворенія принадлежать разнымъ русскимъ писателямъ прежняго времени. Отъ г. Гымалэ всего можно ожидать. Вотъ—бы одолжилъ!

Я бы кончилъ теперь свое слово о г. Гымалэ, но не могу еще пройти молчаніемъ послѣдней выходки его по поводу одного стихотворенія Никитина: «На пепелищѣ». Выходка эта до такой степени отвратительна по своему цинизму, что нужно удивляться, какъ она могла пройти незамѣченной. Въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи г. Никитинъ рассказываетъ участь бѣднаго, погорѣвшаго крестьянина, принужденнаго жить подаяніемъ. Вотъ два послѣдніе куплета изъ этихъ стиховъ:

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
 Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
 И матери старой пронзительный стонъ,
 Въ то время, какъ въ поляхъ кинулся онъ.

* * *

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
 За нимъ по слѣдамъ потолки загремѣли...
 «Пускай догараютъ!»... *И нищій-мужикъ*
 Къ оловку ребенка устами приникъ.

Послѣдніе два стиха г. Гымалэ называетъ *изысканными*, потому что по его мнѣнію русскій мужикъ способенъ еще пожалуй броситься въ огонь за сыномъ, но никогда не способенъ на нѣжность родительскихъ, поцалуевъ даже въ такую страшную минуту, когда его ребенокъ едва не погибъ на пожарѣ... Думали—ли вы о томъ, что сказали, г. Гымалэ? думали—ли какую нелѣпую клевету вы взводите на русскаго человѣка, въ которомъ не допускаете самаго простаго появленія чувства ласки и поцалуя? Ласки и нѣжность вы не считаете *даже собственными его природою*. Думать такъ о его природѣ—значить глаубоко презирать ее и ставить даже ниже природы всякаго животнаго. Дикій звѣрь, тигръ и волкъ, ласкаютъ своихъ дѣтей и съ нѣжностью лижутъ ихъ, а по мнѣнію г. Гымалэ, русскій мужикъ лишень даже естественнаго чувства и права—ласкать и принимать устами къ головѣ своего дитяти... Это даже читать отвратительно, и только при-

ходивъ въ невольный ужасъ отъ одной мысли, что подобные рыцари «бернечальнаго созерцанія» имѣютъ претензію руководить общественнымъ мнѣніемъ. Но довольно о г. Гымалэ, слишкомъ довольно! — нужно не забывать, что насъ еще ждутъ подвиги многихъ другихъ литературныхъ и общественныхъ баскаковъ и самозванцевъ.

Кстати о самозванцахъ. Съ нѣкорыхъ поръ, многимъ господамъ почему-то очень понравилось являться гдѣ нибудь въ незнакомомъ обществѣ, присвоивъ себѣ какое нибудь литературное имя. По примѣру Лже-Якушкина было нѣсколько примѣровъ подобнаго самозванства; и вотъ послѣдній изъ нихъ.

Недавно въ одинъ изъ кафе-ресторановъ, поздно вечеромъ, является какой-то господинъ, начинаетъ кричать, распоряжаться и громко высказывать свое неудовольствіе. Ему замѣтили, что шумѣть нельзя.

— А вы знаете-ли, продолжалъ кричать незнакомецъ: кто я такой? и назвалъ именемъ редактора одной очень распространенной газеты. Знаете-ли вы, продолжалъ онъ, что я васъ всѣхъ печатно разругаю, всѣхъ обличу...

Въ кафе-ресторанѣ въ числѣ нѣсколькихъ посѣтителей были такіе, которые знали въ лицо редактора и съ удивленіемъ смотрѣли на шарлатана; вдругъ одинъ изъ числа этихъ посѣтителей узналъ лице псевдо-литератора и подошелъ къ нему.

— Ба! Такъ, стало быть, спросилъ онъ пристыженнаго и не молодого уже самозванца: вы закрыли свою бумажную лавку на Невскомъ проспектѣ и въ литературу пустились? И не стыдно вамъ, милостивый государь — въ такіе почтенные годы, какъ ваши, позволять себѣ такъ непозволительно шалить.

Но литераторъ-самозванецъ, сопровождаемый общимъ хохотомъ, со стыдомъ поспѣшилъ скрыться: избралъ благоую часть...

Прежде чѣмъ я буду говорить о различныхъ мелкихъ явленіяхъ общественной жизни, считаю своею священнѣйшею обязанностью прежде всего сказать объ одномъ крупномъ явленіи и именно о концертѣ маэстро Лазарева. Этотъ знаменитый композиторъ съ гордостью можетъ теперь сказать, что его концертъ надѣлалъ много шума: это былъ дѣйствительно шумъ — въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ прошломъ мѣсяцѣ я уже говорилъ объ изданной брошюрѣ «Лазаревъ

и Бетховенъ,» авторъ которой, дѣйствительный статскій совѣтникъ и орденъ кавалеръ, вызывалъ бойца на состязаніе, чтобъ на предстоящемъ концертѣ въ пользу сирійскихъ христіанъ, если будетъ нужно, — публичнымъ диспутомъ рѣшить: кому отдать пальму первенства: Лазареву или Бетховену? Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этого концерта: и публика, которая инстинктивно предчувствовала что-то необыкновенное, и самъ Александръ Васильевичъ Лазаревъ, который хотѣлъ на родинѣ поставить нерукотворный памятникъ своему музыкальному гению. Европа уже давно оцѣнила его музыкальный талантъ, и вотъ что пишутъ о немъ, по его собственному засвидѣтельствуванію, европейскіе журналы:

Journal des Débats, 9 декабря 1858 г. Концертъ, который далъ въ послѣднее воскресенье въ залѣ г-на Дебенъ г. Александръ Лазаревъ, имѣлъ большой успѣхъ, и *Мейерберъ* привѣтствовалъ композитора, который намѣренъ исполнить сей зимой много своихъ сочиненій.

Le Moniteur Francais, 17 января 1859. Мы знаемъ новость: въ будущее воскресенье дастъ большой вокальный и инструментальный концертъ г. Александръ Лазаревъ, русскій композиторъ, имѣвшій успѣхъ въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, во Флоренціи, въ Неаполѣ, въ Римѣ и у насъ въ Парижѣ. Г. Лазаревъ—служившій съ честью за Кавказомъ и раненый въ сраженіи. «Артистъ въ душѣ и солдатъ въ сердцѣ.» Въ обоихъ случаяхъ онъ человекъ съ талантомъ и мы рекомендуемъ его объявленное музыкальное утро, въ которомъ услышимъ его «*Miserere*», посвященное *России* и *Гимнъ Черкесовъ*. Г. Лазаревъ много путешествовалъ по Азій, Африкѣ и пр., и при національныхъ его аріяхъ, полныхъ поэзіи, «*вынесъ энергію европейца.*»

Wanderer. № 254. 1859 г. Г. Лазаревъ, служившій за Кавказомъ, былъ раненъ и награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ, и тамъ, въ пылу грозныхъ кавказскихъ битвъ, онъ написалъ свою знаменитую драматическую кантату «*предсмертные гимны Черкесовъ передъ сраженіемъ съ Русскими.*»

И такъ, мы видимъ, что имя русскаго, въ Россіи еще не признаннаго маэстро, уже извѣстно въ Европѣ, какъ имя славнаго «артиста въ душѣ и солдата въ сердцѣ.» Постараюсь теперь, какъ очевидецъ, рассказать о послѣднемъ его концертѣ, бывшемъ 2 марта въ залѣ нѣмецкаго собранія.

Когда въ исходѣ третьяго часа того дня, я вошелъ въ концерт—

ную залу собранія, то мое невольное патріотическое чувство разомъ заговорило во мнѣ: я увидѣлъ, что на музыкальное торжество славянскаго артиста собралось публики видимо-невидимо: зала была полна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода маэстро, который, въ заботѣ о судьбѣ сирійскихъ христіанъ, не покидалъ еще кассы и медлилъ выходомъ къ оркестру. Въ ожиданіи его, публика волновалась и шумѣла. Наконецъ А. В. Лазаревъ предсталъ передъ публикой, украшенный фестонами и розетками на лѣвомъ рукавѣ своего фрака, и началъ раскланиваться. Его встрѣтили дружныя рукоплесканія и крики: bravo, bravo, Лазаревъ! Лице маэстро, весь онъ самъ—выражали твердую увѣренность генія. Когда онъ взялъ въ руки свой капельмейстерскій жезлъ—вся зала какъ бы замерла: ни одного звука, ни одного шелеста. Я, съ какимъ-то страннымъ біеніемъ сердца, какъ бы приросъ къ своему стулу, и не спуская глазъ съ оркестра, только твердилъ про себя стихъ Мицкевича:

Cicho wszędzie, głucho wszędzie,
Co to będzie, co to będzie...

Но вотъ оркестръ грянулъ «гимнъ Славянамъ». «При общемъ взрывѣ барабановъ, бубновъ и трамбонвъ, первымъ моимъ движеніемъ было справиться: не разорвалась ли барабанная перепонка въ ушахъ моихъ, до-того оглушила всѣхъ, и меня въ томъ числѣ абиссинская музыка. Я взглянулъ на лица нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ въ залѣ—и вполне понялъ ихъ самоотверженіе. Но съ этой роковой минуты начались крушенія и несчастія бѣднаго композитора. Злошнпящіе враги его, завистники начали свои преслѣдованія, и со всѣхъ концовъ залы зашикали, засвистали:

— Довольно! Довольно! Невыносимая музыка! Довольно!

Оркестръ долженъ былъ замолчать и этой-то минутой спѣшилъ воспользоваться самый лютый врагъ г. Лазарева—мужъ грозный и беспощадный.

Тотъ грозный мужъ былъ критикъ смѣлый,
Сѣровъ, въ концертахъ посѣдѣлый,
Поклонникъ Вагнера піесъ,
Сотрудникъ бывшій Раппопорта,
Рѣдившій намъ, что ut-diez
Кравцева былъ дурнаго сорта,

Съровъ, артистовъ Люциферъ,
 Вѣщавшій намъ, что Мейербергъ
 Верди, Беллини, Донидзетти
 Всѣ вмѣстѣ итальянцы эти,
 Творцы бессмысленныхъ химеръ,
 Въ искусствѣ гаеры и дѣти.

Устроивъ себѣ кафедру изъ стула, онъ взошелъ на свою импровизированную трибуну и залпомъ проговорилъ слѣдующую филиппику, обращаясь къ публикѣ:

— «Если на этомъ концертѣ будетъ исполнена хоть одна строка величайшаго и гениальнѣйшаго изъ композиторовъ—Бетховена, то это будетъ оскорбленіемъ для всей нашей столицы». Самому же Лазареву отъ него еще больше досталось:

«Казнить, казнить его!» взывалъ:
 «Тотъ лютой казни лишь достоинъ,
 Кто скажетъ: я—второй Бетховень.»
 Такъ съ кресель, топая, кричалъ
 Съровъ, театра Мефистофель,
 И всѣхъ бросать гнилой картофель
 Онъ въ концертанта призывалъ.

Протестъ г. Сърова, выраженный такъ сильно, произвелъ страшный шумъ въ залѣ, и хотя наша публика, какъ говорятъ, «не созрѣла», но ни въ чьихъ карманахъ гнилаго картофеля не оказалось. Въ публикѣ начался говоръ и отсюду слышались голоса:

— Bravo, Съровъ! Молчать, Съровъ! Пусть говоритъ г. Лазаревъ! Пусть говоритъ его защитникъ!

И вотъ, на томъ же самомъ стулѣ, на которомъ стоялъ г. Съровъ, появился самъ композиторъ и авторъ «смерти Олоферна», весь красный, какъ кумачъ, и взволнованный. Съ сдержанностью и съ поразительнымъ для такой минуты хладнокровіемъ, маэстро обратился къ публикѣ съ просьбой—исполнить увертюру C-Dur, съ тѣмъ, чтобъ слушатели сами произнесли о ней свое мнѣніе, а не слушали словъ шарлатана—непонимающаго его великой музыки.

Публика стихла. Оркестръ опять грянулъ увертюру, исполнение которой должно было рѣшить судьбу Лазарева: быть или не быть ему въ семьѣ великихъ музыкантовъ—гениевъ. Все шло пока благопо-

лучно и публика терпѣливо ожидала конца увертюры, и дослушала бы ее, еслибы абессинскій маэстро не измѣнилъ своему хладнокровію и не крикнулъ громовое «молчать», обращаясь невѣдомо къ кому. Этимъ все было испорчено; раздались крики: «довольно, довольно!» Начался смѣхъ, шумъ и говоръ. Конца увертюры никто уже не слышалъ, послѣ которой, половина оркестра, устыдясь неудачи своего капельмейстера, обратилась въ бѣгство, не взявъ даже съ собой свои инструменты. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ концертъ не могъ уже продолжаться. Лазаревъ, совершенно уничтоженный и потерявшійся, нѣсколько разъ поднимался на стулъ для слова, но ему никто не внималъ. Только отзываясь на общее требованіе — сказать имя его защитника, автора брошюры «Лазаревъ и Бетцвенгъ», измѣнившему своему обязательству — публично защищать геній русскаго непонятаго артиста, — Лазаревъ громко назвалъ имя дѣйств. стат. сов. Владиміра Ивановича *Маркова*, живущаго у Аларчина моста въ домѣ Вельяшева.

Такъ кончился этотъ концертъ, гдѣ наша публика доказала, какъ мало она дорожитъ родными талантами, уже давно оцѣненными всей Европой. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ... Чтожъ остается дѣлать г. Лазареву? Остается только одно:

Изъ міра зависти, насмѣшекъ и тревогъ,
Бѣжать скорѣй, идти-искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Знакомый мнѣ обличительный поэтъ, вѣрный своему правилу — откликаться на всѣ общественныя явленія, написалъ на этотъ *многославоный* концертъ стихотвореніе совершенно безъ *глаголовъ*. По праву дружбы съ авторомъ, привожу здѣсь это стихотвореніе:

Концертъ 2 марта 1860.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика...

М. Лермонтовъ.

Залъ нѣмецкаго собранья,
Шумъ афингъ и нотъ,
Общій взрывъ рукоплесканья,
Лазарева входъ;

Музыкальный адъ оркестра,
 Бубны, барабанъ;
 У оркестра самъ маэстро;
 Дикій «гимнъ Славянъ»;
 Вой трубы и хрипъ фагота,
 Флейтъ и скрипокъ зудъ,
 Одурающее что-то....
 Нестерпимый гудъ;
 Визгъ, и музыки надсадки;
 Страхъ по сторонамъ;
 Спазмы, нервные припадки,
 Обмороки дамъ.
 —Фора! бисъ! и крики снова:
 «Браво!» «скверно!» «браво!» «вонъ!»
 Протестація Сърова,
 Шиканье и звонъ.
 Диссонансы увертюры,
 Въ воздухѣ платки,
 Вверхъ летящія брошюры,
 Смятые листки.
 Крики, хохоть, плескъ и топоть,
 Весь дрожащій залъ,
 И волненіе и ропоть,
 И скандалъ, скандалъ!...

Наше эпическое сказаніе объ авторѣ музыкальных *простынь* еще не кончилось и къ трагикомической исторіи его концерта слѣдуетъ еще прибавить эпилогъ или заключеніе. Какъ уже говорено выше, абиссинскій концертъ былъ устроенъ въ пользу сирійскихъ христіанъ; и вотъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого музыкальнаго утра въ залѣ нѣмецкаго собранія, въ одномъ изъ нумеровъ Вѣдомостей С. Петербургской полиціи было объявлено о *тридцати* рубляхъ серебромъ (доставленныхъ г. Лазаревымъ къ г. с. петербургскому оберъ-полиціймейстеру), *вырученныхъ за всѣми расходами отъ концерта* въ пользу сирійскихъ христіанъ.

Тридцать рублей за всѣми расходами?!..

Что за несчастная участь бѣдныхъ христіанъ Сиріи! Казалось, что у нихъ были всѣ шансы къ тому, чтобъ съ благотворительнаго подвига г. Лазарева собрать обильную жатву. Публики на концертѣ

было столько, что даже самому бы городничему лишняго мѣста не нашлось, а входные билеты были цѣны весьма солидной—отъ трехъ рублей до рубля, и несмотря на все это—за всѣми расходами очистилось только тридцать рублей! Или это опечатка, или же г. Лазарева обманули самымъ неопозволительнымъ образомъ. Вѣдь расходы всѣ извѣстны: слѣдовало заплатить за залу и за оркестръ—и только. Также нельзя же предположить, что г. Лазаревъ удержалъ часть суммы за *безчестіе*, которое онъ потерпѣлъ на концертѣ!... Г. Лазаревъ вѣроятно самъ разрѣшитъ эту загадку и разсѣетъ общія сомнѣнія.

Въ заключеніе моего сказанія о бѣдствіяхъ и крушеніяхъ А. В. Лазарева, чтобъ заявить ему съ своей стороны, что я вовсе не разделяю мнѣнія моихъ соотечественниковъ вообще, а г. Сѣрова въ особенности, о музыкальныхъ способностяхъ знаменитаго маэстро, я приведу одно стихотвореніе, написанное въ его пользу и защиту. Кто писалъ это стихотвореніе—неизвѣстно; только есть одно вѣроятіе, что его авторъ—авторъ брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ», который наконецъ рѣшился въ стихахъ высказать свою протестацію. Во всякомъ случаѣ это только одно предположеніе. Вотъ эта

ОДА

(съ примѣчаніями неизвѣстнаго автора.)

КЛЕВЕТНИКАМЪ МАЭСТРО ЛАЗАРЕВА.

Отмщенья, господа, отмщенья!

О чемъ шумите вы, концертные витія?

Зачѣмъ вы гоните маэстро изъ Россіи?

Что возмутило васъ?—Сѣровъ? его глаголь?

Оставьте: это споръ артистовъ межъ собою,

Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный «пчелою», (1.)

Вокальной музыки хроническій расколъ.

Уже давно споръ исполинскій

У нихъ о музыкѣ идетъ,

Давно маэстро абиссинскій

Къ суду Бетховена зоветъ.

(1) См. Сѣвер. Пчелу. № 75. 1861.

Кто устоитъ? кто въ битвѣ ровень:
 Нѣмецкій кляръ или вѣрный Россъ?
 Уступитъ Лазаревъ или падеть Бетховенъ?
 И чья возьметъ?—вотъ въ чемъ вопросъ.

* * *

Еще не вслушались вы вѣрно
 Въ смыслъ звуковъ «Смерти Олоферна,» (2.)
 Вамъ непонятенъ, вамъ смѣшонъ
 Литавръ и трубъ и бубновъ звонъ.
 Васъ не прельщаетъ «Miserege», (3)
 Васъ «Страшный Судъ» (4) не увлекалъ,
 Вы по призыву лицемѣра
 Въ концертѣ сдѣлали скандалъ....

* * *

Зачтожь? отвѣтствуйте: за то ли,
 Что межъ судей завистливыхъ Невы,
 Онъ не призналъ суда и воли
 Того, кому внимали вы?
 Что композиторовъ российскихъ
 Убилъ онъ музыкой пугающей своей,
 И въ пользу христіанъ сирійскихъ
 Собралъ съ излишкомъ сто рублей? (5.)
 Зачтожь хулите вы, скажите, въ самомъ-дѣлѣ?
 Иль геній Лазаревъ не выказалъ на дѣлѣ?
 Иль такъ смутилъ его вашъ хриплый свистъ и крикъ?
 Иль пораженному воззваніемъ Сѣрова
 Ему съ Европой спорить ново?
 Иль мужъ сей отъ похвалъ отвыкъ?
 Иль отъ Неаполя до старыхъ стѣнъ Берлина
 Не знаютъ сѣвера полуночнаго сына?
 Иль отъ парижскихъ пышныхъ залъ

(2) Смерть Олоферна. Большая увертюра А. В. Лазарева. Написана въ Римѣ въ 1858 г.

(3) «Miserege», его же, посвящено России; написано въ Лейпцигѣ въ 1857 г.

(4) «Страшный Судъ», ораторія его-же, написана въ Абиссиніи въ 1855 г.

(5) Принадлежа по лѣтамъ своимъ къ людямъ стараго вѣка, я привыкъ считать деньги всегда на ассигнаціи, что дѣлаю и здѣсь, говоря о тридцати рублѣхъ серебромъ, пожертвованныхъ А. В. Лазаревымъ въ пользу сирійскихъ христіанъ.

Примѣч. неизвестнаго поэта.

До Абиссиніи печальной
 Онъ слухъ людей не потрясалъ
 Своею музыкой вокальной?
 Такъ для него-ль страшна вражда
 И ваша ненависть, витіи,
 Когда зажглася въ Россіи
 Его блестящая звѣзда!

* * *

Замѣтки мои, въ которыхъ проза постоянно мѣшается со стихами, что дѣлается какъ-то само собою, даже помимо моей собственной воли, непремѣнно должны возбудить неудовольствіе «Отечественныхъ Записокъ». Сей толстый и угрюмый журналъ начинаетъ теперь раздѣлять мнѣніе гр. Соллогуба о «туманномъ небѣ» россійской словесности и открылъ въ ней недавно новую повсемѣстную и заразительную эпидемію. Вотъ что пишетъ хроникеръ этого журнала: «теперь пошла мода, мода смѣяться надъ всякимъ благороднымъ увлеченіемъ, смѣяться во что бы то ни стало, притягивать за волосы остроуміе въ стихахъ и прозѣ». Испуганный въ первую минуту такимъ обвинительнымъ актомъ, взводимымъ на нашу журналистику, я, не довѣряя своей памяти, бросился пересматривать всѣ русскіе журналы и газеты послѣдняго времени, чтобъ найти, гдѣ у насъ безнаказанно осмѣиваютъ благородныя увлеченія? Многихъ трудовъ стоили мнѣ мои изысканія, но удовлетворительнаго отвѣта я не нашелъ и обвиненіе Отечественныхъ Записокъ осталось для меня неразгаданнымъ ребусомъ. Гдѣ же эта мода, т. е. повсемѣстная эпидемія осмѣивать благородныя увлеченія? Еще только въ прошломъ мѣсяцѣ поступокъ Камня-Виногорова, вызвавшій противъ себя всеобщее негодованіе, доказалъ, какъ возможно у насъ глумленіе надъ благородными увлеченіями. О какихъ же увлеченіяхъ идетъ рѣчь? Можно-ли смѣшивать смѣхъ искусства для искусства, смѣхъ надъ чѣмъ не случалось съ смѣхомъ горькимъ и честнымъ во имя любви, правды, негодованія ко всему пошлomu и безнравственному? А почтенный журналъ, кажется, смѣшиваетъ эти два понятія. Вѣдь отъ выходовъ графа Соллогуба противъ *праздной суеты* нашего времени, отъ юмористическаго глумленія Дерева Пиводанова надъ протестами противъ бойцовъ кулачнаго права, гаерства узкаго обскурантизма—до смѣха честнаго, смѣха вызваннаго

горькимъ чувствомъ челоуѣка, какъ до «звѣзды вечерней далеко. Все темное или комическое, пошлое или отвратительное у насъ дѣйствительно вызываетъ смѣхъ, но за этотъ смѣхъ мы не краснѣемъ, не стыдимся его. Смѣхъ этотъ—наша плоть и кровь, нашъ прогрессъ и сила. Самыя Отечественныя Записки, покладая иногда свою мрачность, сходятся шутить и смѣяться: Вѣдь смѣялся же, и притомъ очень неудачно «праздношатающійся» принадлежащій къ семейству Отечественныхъ Записокъ, называя лекціи о философіи Лаврова «философіей восьми—фунтоваго калибра».

Нѣтъ, въ обвиненіи журнала А. А. Краевского что-то скрывается другое, что прямо не высказано, и нельзя не замѣтить, что «умыселъ другой тутъ былъ», а какой это умыселъ — объ этомъ знаютъ только А. А. Краевскій и тѣ, которые писали о немъ въ стихахъ и прозѣ, «вытаскивая за волосы свое остроуміе». Скоро-ли же перестанетъ сердиться этотъ почтенный редакторъ на то, что его восхваляютъ въ стихахъ и прозѣ: пора, кажется, попривыкнуть! Это уже несчастіе всѣхъ людей, сдѣлавшихся типами.

Смири же ты, порывъ свой праздный
Маститый старецъ нашъ, и бросивъ бранный токъ —
Издай, какъ ты, разнообразный
Какъ ты великій лексиконъ!

Не помню, гдѣ это, и кѣмъ было сказано, но въ куплетѣ этомъ не нахожу ничего обиднаго. Вѣдь г. Краевскій—хозяинъ своего лексикона, за издавіе котораго онъ взялся и непремѣнно издаетъ его самъ; кто же можетъ отнять у него редакторство? Ergo.

Благодаря услугамъ нашей гласности и многимъ протестамъ, которыми такъ богато наше время, мы знакомимся съ разными любопытными явленіями, о которыхъ бы въ другіе годы ни за что не узнали. Изъ множества такихъ любопытныхъ явленій приведу теперь одно напомнившее намъ, что еще не умеръ въ нашемъ обществѣ яркій грибоедовскій типъ «блаженной памяти Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ. Онъ еще живетъ межъ нами, не измѣнивъ почти ни единой своей черты, съ тѣхъ поръ какъ грозилъ Вольтеру при разѣздѣ съ Фамусовскаго бала. Вѣдь стараго знакомаго приятно встрѣтить, господи! Не пройдемъ же мимо прежняго московского знакома и посмотримъ, что волнуется теперь его благородную рыцарскую душу.

Недавно въ одной изъ нашихъ газетъ (Русская Рѣчь, № 5) было

помѣщено письмо изъ Воронежа г. А. Суворина, подъ псевдонимомъ В. Маркова. Авторъ статьи говорилъ о многихъ характерныхъ чертахъ губернской жизни и между прочихъ о раздѣленіи тамошняго общества на два круга—*высшій* и *нисшій*. Въ той же статьѣ говорилось о недостаточности тамошняго пансіонскаго воспитанія, недающаго никакихъ научныхъ свѣдѣній, о благородныхъ спектакляхъ и о многомъ другомъ. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Суворинымъ, къ несчастію не новость для насъ и составляютъ общую характеристику нашихъ губернскихъ городовъ съ ихъ упорною неподвижностью во всемъ.

Письмо это было уже напечатано, когда редакція Русской Рѣчи получила изъ Воронежа протестъ отъ нѣкоего *капитана* и *коммисаріатской комисіи чиновника* г. В. Маркова, уже не псевдонима, а настоящаго г. Маркова, который проситъ объявить, что онъ съ корреспондентомъ ихъ, его соименникомъ, ничего общаго не имѣетъ. Я, пишетъ онъ, настоящій Марковъ, *ветеранъ*, и *потому* литературою никогда не занимался и смотрю на все съ *точки зрѣнія убѣжденія*, совершенно противной г. Суворину. Казалось бы, что, заявивъ свой протестъ, ветеранъ раскланяется и дѣлу конецъ, но г. Марковъ не ограничивается тѣмъ, что отклоняетъ отъ себя всякую солидарность съ мнѣніемъ воронежскаго корреспондента, но стремится его опровергнуть и поразить доводами съ *точки зрѣнія убѣжденія*. Новѣйшій прототипъ грибоѣдовскаго Скалозуба, лично нисколько и не заинтересованъ вопросами, о которыхъ идетъ рѣчь, и можетъ быть, какъ одинъ изъ героевъ мольеровскихъ комедій, еще до сихъ поръ не знаетъ, что онъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ говорилъ прозой. Напримѣръ г. Суворинъ говорилъ о благородномъ спектаклѣ въ Воронежѣ, —г. капитанъ Марковъ чистосердечно признается, что «*подъ лямъ службы*» онъ не присутствовалъ на этомъ спектаклѣ; г. Суворинъ говоритъ о воронежской знати, —г. капитанъ Марковъ увѣряетъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этой знатью, —а между тѣмъ является самымъ слѣпымъ защитникомъ и воронежской знати и воронежскихъ спектаклей. Чѣмъ же вызвана филиппика коммисаріатскаго капитана, филиппика «дистанціи огромнаго размѣра»? Въ чемъ заключается его опроверженіе? Послушаемъ его самого.

«Литературный двойникъ мой, пишетъ онъ, ратуетъ на неестественное будто бы отношеніе въ г. Воронежѣ *высшаго общества—аристократіи къ среднему классу—плебелю* (средній классъ—по мнѣнію капитана—плебен!!!), на разединеніе этихъ обществъ и на

сословные предрассудки. Мысли эти, какъ видите, не новы. Онъ за 500 лѣтъ до нашей эры возмущали Римлянъ и, благодаря гласности настоящаго времени, высказываются громко, почти вездѣ, и даже *проявляются въ дѣйствіяхъ молодаго поколѣнія*. Но я не принадлежу и не могу принадлежать къ этому поколѣнію. Мое правило: *чинъ чина почитай*, или другими словами, *знай сверчокъ свой шестокъ*. Можетъ быть это правило несовременно, но знаю, *по долговременному опыту, что оно хорошо*. Да и къ чему авторъ письма обвиняетъ въ особенности жителей Воронежа въ предрассудкѣ или даже въ проступкѣ съ современной точки зрѣнія, когда этому предрассудку, *если* только можно назвать его предрассудкомъ, причастно въ большей или меньшей мѣрѣ все русское народонаселеніе и даже цѣлое человѣчество»..

Лучшее въ этой выпискѣ изъ протеста коммисаріатскаго капитана—это сравненіе Римлянъ съ воронежскими жителями: Римъ—и Воронежъ, римская аристократія и воронежскіе домовладѣльцы!.. Что можетъ быть лучше такого сближенія!

Г. В. Марковъ больше всего разсердился на корреспондента за то, что онъ тамошній Бобровскій клубъ, почему-то милый сердцу капитана, сравнилъ съ трактиромъ. Это обвиненіе больше всего его огорчило и онъ вооружился противъ него всѣми силами своего своеобразнаго краснорѣчія.

Можно-ли, послѣ чтенія выписокъ изъ письма Г. Маркова не вспомнить тебя, безсмертный Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ, не умирающій въ своихъ потомкахъ! можно-ли не воспѣть тебя, тебя, героя нашей русской Одиссеи, съ чувствомъ патріотической любви и гордости. И я воспою тебя, какъ могу, взволнованнымъ голосомъ на своей пятиструнной лирѣ, потому что эта пѣсня въ честь твоей памяти сложилась у меня невольно, сама собою и полна искренности и чистосердечія. Лучшею наградою за гимнъ будетъ то, если хоть одинъ воронежскій житель прочтетъ его и умилился своимъ чистымъ сердцемъ.

Вотъ этотъ гимнъ:

Памяти С. С. Скалозуба.

* * *

Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Ни прогрессивный вѣкъ, ни гласность съ звономъ трубъ

Твой образъ не сотрутъ съ жестокостью упорной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* * *

Нѣтъ, весь ты не умрешь, въ забвеньи не утонешь,
Но дашь отростки намъ, какъ старый, мощный дубъ!
И мы найдемъ тебя, хоть заглянувъ въ Воронежъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* * *

И будетъ тѣмъ твой внукъ Воронсжу любезенъ,
Что за гражданъ стоялъ и за Бобровскій клубъ,
И въ службѣ былъ, какъ ты, и точенъ и полезенъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* * *

Что Римлянъ кровь нашелъ въ родныхъ славянскихъ жилахъ,
Что далъ плебеямъ всѣмъ почувствовать свой зубъ,
И воскресилъ тебя въ чертахъ живыхъ и милыхъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* * *

Принципамъ правды, о, внукъ, останься вѣренъ,
Въ нашъ вѣкъ изиѣженный будь какъ Спартанецъ грубъ,
Обиды не страшись и съ старшимъ будь умѣренъ,
Какъ самъ безсмертный Скалозубъ...

* * *

Перечитывая недавно цѣлую кипу официальныхъ отчетовъ, составленныхъ, распорядителями многихъ воскресныхъ школъ, я невольно радовался передъ приводимыми фактами общественнаго стремленія въ дѣлѣ общаго образованія, предъ многими доказательствами честнаго сочувствія этому учрежденію. Фактовъ такого рода дѣйствительно очень много утѣшительныхъ и пріятныхъ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ, а посмотримъ за кулисы этого дѣла, подойдемъ съ задняго крыльца, поближе: вѣдь не вездѣ же эта тишь да гладь, да Божья благодать. Каждое новое учрежденіе, каждое благое предпріятіе не вездѣ, къ несчастію, находятъ ревностныхъ исполнителей, и мы твердо увѣрены, что только постоянное и неутомимое преслѣдованіе темныхъ сторонъ общественной жизни и ея дѣятелей, можетъ способствовать къ уничиженію недостатковъ и промаховъ, апатіи и обскурантизма.

Начну съ того, чему я самъ былъ не такъ давно свидѣтель въ одной

мужской воскресной школѣ. Въ то время, когда я пришелъ въ школу, въ ней уже начиналось преподаваніе. Я сѣлъ на задней скамьѣ и началъ прислушиваться. Съ перваго разу меня поразила какая-то небрежность и отсутствіе всякой мягкости въ обращеніи преподавателя съ учениками класса. При этомъ вся форма вѣжливости была соблюдена, потому что преподаватель говорилъ всѣмъ ученикамъ *вы*. Я сидѣлъ въ классѣ до тѣхъ поръ, пока преподаватель, разсерженный на многихъ учениковъ за ихъ непониманіе, не закричалъ на нихъ грозно:

— Эхъ, палки у меня нѣтъ! Всѣхъ васъ надо палкой!

Долѣе и сидѣть не могъ и выбѣжалъ изъ класса, справившись сначала объ имени преподавателя, думающаго вложить въ учениковъ понятливость посредствомъ палки. Имя его: *А. П. П.* Тутъ же въ школѣ я узналъ, что сей ревностный педагогъ такъ запугалъ своимъ обращеніемъ учениковъ, что въ его классѣ они ходятъ всегда со страхомъ, между тѣмъ какъ на уроки другихъ наставниковъ идутъ съ радостью и съ большой охотой... Вѣрно, палколюбцы не перевелись у насъ, даже въ самомъ Петербургѣ!

А вотъ нѣсколько фактовъ изъ хроники провинціальныхъ воскресныхъ школъ, гдѣ нескѣсцѣ и грубости еще большее раздолье. Въ Тулѣ, одинъ изъ ревностныхъ почитателей просвѣщенія обратился къ одной извѣстной особѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ фабриканту, съ покорнѣйшею просьбою, чтобъ сей мужъ посовѣтывалъ своимъ фабричнымъ ходить въ школу.

Владѣлецъ фабрики не задумался на это отвѣчать слѣдующее:

— Грамотность—пустяки; для меня все равно, знаетъ-ли мой рабочій читать или нѣтъ, лишь бы дѣло свое зналъ. Сдѣлалъ онъ мнѣ хорошо вещь—мнѣ нѣтъ нужды узнавать грамотный ты, или безграмотный? Къ чему жъ мнѣ его отъ дѣла отрывать и посылать въ ваши школы.

Желалъ бы я знать, какъ думаетъ объ этомъ Тульскомъ господинѣ капитанѣ В. Марковъ: аристократъ онъ или плебей? Впрочемъ земляки г. Маркова—эти воронежскіе Римляне на своихъ холмахъ тоже дивныя дѣла творятъ. Недавно, тамъ, при разсужденіи о размѣрѣ платы за ученіе въ женской гимназіи, многіе голоса подали слѣдующее мнѣніе, что «плату за ученіе *надобно назначить какъ можно выше*, потому де-сказать, что гимназія *должна исключительно служить среднему сословію*, а то, пожалуй, дочь дворянина будетъ сидѣть на одной доскѣ съ дочерью кухарки и лакея...

Это на чтожь будетъ похоже!»... Совершенные Римляне! Ну, и Римлянки воронежскія съ честью носятъ свое достоинство передъ плебеями. Такъ на одномъ воронежскомъ вечерѣ, прѣзжай даровитый актеръ рискнулъ попросить одну дѣвицу на туръ вальса. Что жъ вы думаете сдѣлалось отъ такого посрамленія съ дѣвицей? Въ обморокъ упала? Растерялась? Нѣтъ, она какъ истая Римлянка, съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчала ему:

— Вы ошибаетесь: *я съ актерами не танцую*. Очевидцы говорятъ, что эта фраза была такъ сказана, что сама бы Ристори позавидовала... Вотъ еще о Воронежѣ: есть тамъ дѣтскій пріютъ; въ немъ двадцать пять дѣвущекъ изъ всѣхъ сословій. Преподавали въ пріютѣ до нынѣшняго года учителя уѣзднаго училища за весьма умѣренную плату. Но въ этомъ году, новая попечительница вдругъ отказала всѣмъ учителямъ, найдя болѣе выгоднымъ пригласить одного наставника *по всѣмъ предметамъ*: кантонистскаго унтеръ-офицера, который за 60 рублей въ годъ взялся обучать весь пріютъ. Хорошо будетъ обученіе—можно себя представить.

Къ семьѣ этихъ провинціальныхъ прогрессистовъ нельзя также не отнести учредителя несостоявшейся въ Вознесенскомъ посадѣ, Владимірской губерніи, *публичной библіотеки преимущественно для рабочаго класса*. Во время жаркаго спора по этому дѣлу, онъ предложилъ устроить рядомъ съ общественной залой маленькую комнату. На этотъ проэктъ сдѣлали самое понятное возраженіе: къ чему послужить этотъ чуланъ, когда вообще для всѣхъ читающихъ будетъ открыто довольно большое помѣщеніе? Тогда учредитель К. отвѣчалъ: «Помилуйте, господа! Стану—ли я сидѣть въ той же комнатѣ, гдѣ собирается *«разная шваль рабочаго народа.»* По этой причинѣ учрежденіе библіотеки и не осуществилось.

Перенесемся теперь въ г. Ливны, Орловской губерніи. Тамъ есть женское училище, основанное г.г. Горбовыми; въ немъ до 70 дѣвущекъ. Хотя назначеніе этого училища—доставить нѣкоторое образованіе дочерямъ людей *недостаточныхъ*, но въ немъ обучаются дѣти очень богатыхъ горожанъ и купцовъ 1-й гильдіи. Почетный блюститель училища М. А. Горбовъ, единственный человекъ, принимающій въ немъ живое участіе, пригласилъ въ него классную даму, съ тѣмъ, чтобъ она была главною надзирательницею и преподавательницею нѣкоторыхъ предметовъ. Старшій бургомистръ города обязался *отъ имени общества* платить надзирательницѣ ежегодно 300 р.

жалованья. Но когда дѣло дошло до расплаты, то все общество возопило: «не позволимъ, не позволимъ!» и не дало денегъ! По этому случаю, вотъ уже годъ, какъ г. Горбовъ платитъ г-жѣ надзирательницѣ свои собственныя деньги. Въ г. Ливнахъ болѣе 2000 жителей, въ числѣ которыхъ только нашелся одинъ честный человекъ, только *одинъ!!*

Упомяну кстати здѣсь о томъ, какъ нѣкоторые преподаватели воскресныхъ школъ, давая уроки, пускаются въ отвлеченности, и ставить тѣмъ въ туникъ маленькихъ учениковъ своихъ. Въ Петрозаводскѣ, напримѣръ, былъ предложенъ въ классѣ школы такой вопросъ:

— «Что сильнѣе—искать или желать?»

Вопросъ, какъ видите, очень дикій. На него, разумѣется, никто не отвѣтилъ. Одинъ же пермскій преподаватель спросилъ учениковъ:

— «Что такое сонмище?» Молчаніе. Наставникъ самъ поспѣшилъ объяснить это слово.

— «*Сонмище—есть нѣкій малый синедрионъ*».

Куда теперь еще повести тебя, мой любезный читатель? Неужели, по примѣру присяжныхъ фельетонистовъ, рассказывать тебѣ о послѣднихъ фокусахъ пріѣзжаго профессора магии и чернокнижія или перенести на сцену Александринскаго театра, гдѣ даются граціозныя живыя картины самаго идиллическаго содержанія? Нѣтъ, я лучше взгляну на другой театръ — на театръ гласности — и покажу другія *живыя картины*, которыя хоть не такъ граціозны и изящны, какъ на александрійской сценѣ, зато очень поучительны и незидательны. Вѣдь у насъ еще нервы крѣпки — и мы можемъ выдержать много сильныхъ ощущеній. Не помню, кто-то сказалъ, (а можетъ быть и никто не говорилъ этого), что наши потомки, перечитывая лѣтопись XIX столѣтія, навѣрно предположатъ, что наши нервы были не тоньше морскаго каната, потому что надъ нами такъ безслѣдно проходилъ цѣлый рядъ многихъ печальныхъ явленій. Правда-ли это?

И такъ мы въ «театрѣ гласности». Актеры — наши соотечественники; арена — цѣлая Русь. Есть гдѣ разгуляться таланту, и, какъ мы увидимъ, онъ дѣйствительно развернулся во всю ширину.

Начнемъ хоть съ богоспасаемаго города Нерехты Костромской губерніи. Въ городѣ, какъ слѣдуетъ, есть городничій, надворный совѣтникъ Радовичъ, а у надворнаго совѣтника есть супруга; это тоже какъ слѣдуетъ. Отчего нерехтскому городничему не имѣть за-

конной супруги — дѣло богоугодное! Приходитъ однажды надворная совѣтница въ лавку городского бургомистра Говорова, и требуетъ у его жены отпустить ей въ долгъ товару. Г-жа Говорова, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отказала ей и спросила г-жу Радовичъ о ея званіи и кто она такая?

Начальница г. Перехты пришла въ *кавалерское* негодованіе и, какъ туча вышла изъ лавки, только произнесла:

«Кто я? Ты вотъ послѣ узнаешь, кто я!... погодн.»

О мѣрѣ своей вины, и объ имени неизвѣстной грозной дамы г-жа Говорова узнала въ тотъ же день въ городскомъ острогѣ, куда была посажена вмѣстѣ съ какою-то преступницей. Мщеніе перехтскихъ Филемона и Бавкиды возбудило общій говоръ и дошло до начальника губерніи. Начальникъ Костромской губерніи назначилъ произвести по этому дѣлу формальное слѣдствіе и, признавъ распоряженіе г. городничаго *неумѣстнымъ*, предписалъ «вести себя особенно вѣжливо при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и дѣлать распоряженія осмотрительнѣе», Тѣмъ дѣло и кончено. Развѣ все это, господа, не поучительно?!

Но дѣйствіе не ждетъ и декорации перемѣняются. Мы уже не въ Перехтѣ, а въ Полтавской губерніи. Тамъ, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Вейсбаховѣ живетъ помѣщикъ г. Корбе, имѣющій конный заводъ и огромную псарню съ полнымъ комплектомъ псарей, доужахихъ и стрелянныхъ. Охотясь за птицей да за пушнымъ звѣремъ, г. Корбе отличается иногда и другими подвигами. Вотъ его послѣдній подвигъ. Вздумалось ему нынѣшней зимой отправиться на охоту со всей своей свитой. Нужно къ этому прибавить, что дороги въ Малороссіи, отъ огромныхъ сугробовъ, были почти непроходимы; для необходимости сообщенія между большими селами были проторены лишь узкія дорожки. По этимъ то дорожкамъ и ѣхалъ г. Корбе со своею дружиной. Къ несчастію, навстрѣчу имъ попался длинный обозъ изъ десяти подводъ съ овсомъ г-жи Храповицкой. На узкой тропинкѣ три тройки г. Корбе съѣхались съ обозомъ. «*Сворачивай!*», крикнулъ грозный голосъ изъ саней. Мужики засуетились, чтобъ дать дорогу тройкамъ, но ихъ воли съ демократическимъ упорствомъ заупрямились: никакими силами нельзя было ихъ заставить съ тяжелыми возами своротить въ глубокой снѣгъ. Тогда крестьяне стали просить г. Корбе, чтобы онъ посторонился, съ своимъ поѣздомъ, и

далъ имъ проѣхать. Такая просьба взбѣсила его и онъ, обращаясь къ своимъ закричалъ: «Бейте ихъ! Сворачивай!»

— «Да щожь, добродію, робить», отвѣчали крестьяне: «колы не можно и худобы спыхнуть зъ місця? Вы жь сами бачите?..»

— «А, канальи!» — заревѣлъ баринъ, еще смѣете со мною разговаривать... Бейте ихъ! валайте!»

— Хорошенько ихъ! пусть знаютъ, кто ѣдетъ! Мужики разумѣется разбѣжались въ разные стороны, но волю, какъ воплощенная идея терпимости, не двигаясь, выносили удары и двухъ шаговъ не дѣлали съ мѣста. Тогда гнѣвъ гуманнаго Корбе совершенно вышелъ изъ границъ, и онъ грозно крикнулъ: «*опрокидывай возы*». Возы были повалены на бокъ въ глубокой снѣгъ. Поѣздъ, при громкихъ крикахъ, проскакалъ, а бѣдные мужики должны были провозиться въ полѣ нѣсколько часовъ, перекладывая воловъ своихъ. А объ овсѣ и говорить нечего: имъ посѣяны были снѣжные сугробы дороги.

И въ какія времена случаются такіа исторіи? Это происходитъ въ настоящее время, когда и т. д.»

Наконецъ вотъ еще одинъ случай, не лишенный интереса. Въ одной изъ полковыхъ библіотекъ, на 90 рублей жертвуемыхъ офицерами (по 3% съ жалованья) назначены были къ выпискѣ: Русскій Вѣстникъ, Современникъ, Отечественныя Записки, Московскія Вѣдомости, Руская Рѣчь, Военный Сборникъ, Артиллерійскій Журналъ, а изъ книгъ Исторія Россіи г. Соловьева, уже въ кредитъ... По заведенному порядку списокъ пошелъ предварительно на утверждение *набольшаго*, который, не стѣсняясь тѣмъ, что собранныя деньги собственность офицеровъ, положилъ резолюцію, что въ списокѣ *значится* много журналовъ, а *книгъ сколько нибудь поучительныхъ* (опять Скалозубъ!) ни одной нѣтъ, и что посему вмѣсто нѣкоторыхъ журналовъ должны быть выписаны книги *болѣе полезныя къ образованію* гг. офицеровъ...

При этомъ рождается невольный любопытный вопросъ: о какихъ поучительныхъ книгахъ говорить резолюція новаго Скалозуба?

Но пока довольно, слишкомъ довольно. Пора отдохнуть и мнѣ и вамъ, господа. До свиданья!

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 27.

(МАРТЪ 1861 ГОДА).

Нѣсколько замѣчаній о шахматномъ сочиненіи князя Урусова. — Странная исторія Морфи съ Дякономъ. — Парти: Зуле съ Гиршфельдомъ и Майетомъ, Андерсена съ Гиршфельдомъ. — Руководство къ изученію шахматной игры князя С. Урусова (статья 12-я). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Приступая въ настоящемъ выпускѣ Шахматнаго Листка къ печатанію второго отдѣла *Руководства къ изученію шахматной игры*, отдѣла посвященнаго дебютамъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этой части труда князя Урусова; не съ тѣмъ, чтобъ подвергнуть ее подробному критическому разбору, а единственно съ цѣлію пояснить любителямъ, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, надлежитъ смотрѣть на этотъ отдѣлъ *Руководства*, чтобъ оцѣнить по достоинству остроумныя замѣчанія автора о нѣкоторыхъ началахъ игоръ.

Князь Урусовъ приписываетъ гораздо болѣе значенія такъ называемымъ окончаніямъ, нежели дебютамъ; изслѣдованіе первыхъ составляетъ, по его мнѣнію, всю шахматную теорію, дебюты же — ничто иное какъ примѣненіе ея къ практикѣ. Авторъ выразилъ это самымъ положительнымъ образомъ, назвавъ первый отдѣлъ своего сочиненія, имѣющій предметомъ окончанія, — *теоріей*, а второй, заключающій дебюты, — *практикой*. Онъ полагаетъ, что заучиванье

дебютовъ, обременяя память, притупляетъ умъ и дѣлаетъ его неспособнымъ къ вѣрнымъ соображеніямъ въ живой игрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что простое заучиванье не только дебютовъ, но чего бы то ни было, никуда не годится; надо изучать, а не заучивать наизусть. Но мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что «излишнія теоритическія занятія вредно дѣйствуютъ на характеръ; въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, является рой мыслей, которыя порождаютъ нерѣшительность». Во-первыхъ, теоритическія занятія, если они только ведены рационально, никогда и ни въ чемъ не могутъ быть излишни, а во вторыхъ, изученіе дебютовъ не только не размножаетъ до чрезвычайности число мыслей, что было бы дѣйствительно вредно въ практической игрѣ, но напротивъ того, даетъ возможность устранять множество комбинацій, которыя, при отсутствіи теоритическихъ знаній, непременно возникнутъ въ головѣ играющаго. Поясимъ это самымъ простымъ примѣромъ. Положимъ, что послѣ ходовъ 1. $\frac{e2-d4}{e7-d5}$ 2. $g1-f3$, вы хотите защитить атакованную конемъ пѣшгу; если вы не знакомы съ теоріей, то вамъ придется мысленно разбирать всѣ представляющіяся къ тому средства, а именно: 2. $f7-g6$, 2. $d8-f8$, 2. $d8-e7$, 2. $b1-c3$, 2. $d7-d6$; если же вамъ уже извѣстно, что первые три способа нехороши, — а это сказано и доказано во всякомъ порядочномъ руководствѣ, — то остается выбрать только между двумя послѣдними. Всякій знаетъ, что любители изучавшіе теорію играютъ начало партіи чрезвычайно скоро, почти не думая, такъ сказать машинально. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ на каждый изъ первоначальныхъ ходовъ противника имъ уже заранѣе извѣстно наилучшее отвѣтное движеніе; игрокъ начинавшій партію предпринимаетъ какую ни будь уже изслѣдованную наукою атаку, его противъ такого же рода оборону, и дѣло идетъ какъ нельзя глаже и быстрѣе въ продолженіе семи, десяти, а иногда (смотря по дебюту) и большаго числа ходовъ. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ у игроковъ, не занимавшихся шахматами научно; они, съ самаго начала партіи, колеблются въ выборѣ ходовъ, безпрестанно переходятъ отъ одного плана къ другому и нерѣдко тратятъ попусту время, соображая мысленно атаки и обороны давно осуж-

денная наукою; у нихъ то именно является тотъ *рой мысли*, который авторъ *Руководства*, вполне осповательно признаетъ вреднымъ играющему. Не надобно забывать, что сколь не многочисленны правильные варианты нѣкоторыхъ дебютовъ, все же число ихъ несравненно меньше числа всѣхъ возможныхъ въ данный моментъ ходовъ, а потому знаніе ихъ во всякомъ случаѣ упрощаетъ вопросъ о выборѣ предстоящаго хода.

Понятно, что при такомъ возрѣніи на дебюты, вн. Урусовъ посвятилъ имъ лишь незначительную долю своего труда, обративъ главное вниманіе на разборъ кощевъ партій. О нѣкоторыхъ дебютахъ вовсе не говорится въ *Руководствѣ*, о другихъ упоминается чрезвычайно кратко; только весьма немногіе изложены съ нѣкоторою подробностью, хотя и тутъ число разбираемыхъ вариантовъ крайне ограничено. Ставить это автору въ упрекъ было бы несправедливо, такъ какъ указанная нами краткость въ изложеніи дебютовъ, совершенно послѣдовательна его основному на нихъ возрѣнію. Къ тому же, авторъ имѣлъ вѣроятно въ виду читателей уже знакомыхъ съ теорією игры и слѣдовательно не нуждающихся въ подробныхъ объясненіяхъ. Оканчивая рассмотрѣніе какого нибудь варианта словами *бѣлые выигрываютъ* или *черные выигрываютъ*, онъ никогда не объясняетъ, въ чемъ именно заключается преимущество той или другой стороны, хотя оно иногда далеко не очевидно; ясно, что авторъ рассчитывалъ на читателей уже опытныхъ въ шахматномъ дѣлѣ. Тоже предположеніе подтверждается и самымъ порядкомъ изложенія дебютовъ и ихъ вариантовъ. Такъ на примѣръ, приступая къ группѣ дебютовъ королевскихъ, вн. Урусовъ начинаетъ съ гамбита, понятъ истинный смыслъ котораго игроку не знающему теоріи очень трудно, почему и принято во всѣхъ современныхъ руководствахъ излагать предварительно выходъ королевскаго слона и коня; или, рассматривая слоновый гамбитъ, прежде всего приводитъ защиту 3. $\frac{g3-f4}{g3-f4}$ которую, по справедливости, считаетъ лучшею, въ то время какъ объяснить любителю мало опытному выгоды этого хода, можно не иначе, какъ доказавъ предварительно несостоятельность столь естественно представляющейся обороны посредствомъ шаха ферземъ.

Припомнимъ, что авторъ въ самомъ началѣ своего сочиненія, говорить, что его надлежитъ разсматривать не какъ полное руководство игры, а только какъ *опытъ* новаго способа преподаванія шахматной теоріи.

Если мы говоримъ, что неполнота и отсутствіе строгой системы въ порядкѣ изложенія *Руководства* оправдываются воззрѣніемъ и цѣлію автора, то никакъ не можемъ сказать того же о странномъ раздѣленіи всѣхъ дебютовъ на неправильные и *одинъ правильный* (1. $\frac{e2-e4}{e7-e6}$). Такое раздѣленіе не только чрезвычайно неудобно и не согласно со всѣми существующими или даже когда либо существовавшими классификаціями дебютовъ, но оно сверхъ того противорѣчитъ, какъ сей часъ увидимъ, одному изъ основныхъ убѣжденій автора. Сколь ни странно это раздѣленіе, но оно могло бы быть въ нѣкоторой мѣрѣ оправдано, если бы кн. Урусовъ полагалъ, что ходъ 1. $\frac{e7-e6}$ представляетъ единственное средство привести игру къ розыгрышу, тогда какъ при всякомъ другомъ началѣ партія, говоря теоритически, должна быть выиграна игрокомъ имѣвшимъ первый ходъ. Но въ томъ то и дѣло, что авторъ думаетъ иначе; по его мнѣнію побѣда всегда, даже и при защитѣ 1. $\frac{e7-e6}$, должна остаться за начинавшимъ партію. Чѣмъ же послѣ того эта защита такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ, что ее одну слѣдуетъ признать правильною, заклеиввъ остроумнѣйшія комбинаціи шахматной игры (*giuoco riapo*, дебютъ Лопеца, всѣ гамбиты и пр. и пр.) названіемъ неправильныхъ дебютовъ?

Но основательно ли убѣжденіе автора о выгодѣ перваго хода, дѣйствительно ли партія игранная обѣими сторонами съ идеальнымъ совершенствомъ, окончится не розыгрышемъ, какъ это думаютъ всѣ современные шахматные писатели, а побѣдою начинавшаго? Говорятъ, что таково было мнѣніе Филидора. Оно однако не совсѣмъ такъ; правда, въ первомъ изданіи своего сочиненія, Филидоръ, при концѣ первой перемѣны второй партіи (*Analyse du jeu des échecs* изд. 1749 г. стр. 24) сказалъ, безъ всякихъ впрочемъ доказательствъ, что при правильной игрѣ начинавшій почти всегда выиграетъ. Одно это *почти* обнаруживаетъ уже какъ мало Филидоръ обдумалъ предметъ. Если партія *идеально* *правиль-*

ная (*) т. е. такая, въ которой и черные и бѣлые постоянно дѣлають *наилучшіе* ходы, должна быть выиграна разъ, то уже и всегда; говорить тутъ *почти*, также странно, какъ еслибъ кто нибудь сказалъ наприимѣръ, что радіусы круга почти всегда равны между собою. Вѣроятно прибавленіемъ частички *presque* Филидоръ хотѣлъ немножко смягчить рѣзкость своего тезиса; впоследствии однако онъ увидѣлъ, что и въ этой формѣ мысль слишкомъ смѣла, и при второмъ изданіи своего сочиненія въ 1777 году выпустилъ приведенное выше положеніе о выигрышѣ начинавшаго партію; такимъ же образомъ поступилъ онъ съ другимъ, тоже слишкомъ смѣлымъ тезисомъ, въ которомъ утверждалъ, что послѣ ходовъ: 1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$ 2. $\frac{g1 - f3}{d7 - d6}$ 3. $\frac{f1 - c4 \text{ или } d2 - d4}{f7 - f5}$, (такъ называемый контръ-гамбитъ Филидора) черные непременно выигрываютъ (**). Очевидно, что убѣдившись съ лѣтами (***) въ бездоказательности двухъ вышеприведенныхъ мнѣній, Филидоръ отъ нихъ отступился. И такъ, не основательно было бы опираться на авторитетъ Филидора въ вопросѣ о значеніи выступки (*le trait*) относительно результата игры.

Одинъ только писатель (до кн. Урусова) положительно утверждалъ, что начинающій долженъ, разумѣется только съ теорической точки зрѣнія, всегда выиграть: это сициліянецъ Каррера, но доводы его крайне неудовлетворительны. Полагая, что читателямъ любопытно будетъ ознакомиться съ наивной аргументаціей стариннаго сициліянскаго писателя, приводимъ въ цѣлости небольшую главу его сочиненія, въ которой онъ разсуждаетъ о выгодѣ перваго хода. (iv)

(*) Понятно, что весь вопросъ о *такой* именно партіи; въ играхъ дѣйствительныхъ всегда бывають ошибки (т. е. не наилучшіе ходы) и выигрываетъ тотъ кто сдѣлалъ ихъ меньше.

(**) Книга 1777 года заключаетъ два отдѣла; первый изъ нихъ ничто иное какъ почти буквальное повтореніе перваго изданія, второй посвященъ новымъ дебютамъ и окончаніямъ.

(***) При изданіи книги въ 1749 году Филидору было только 23 года.

(iv) Сочиненіе *Il giuoco degli Scacchi*, Глава IX подъ названіемъ: *Se la scienza del giuoco sia terminata*.

«Богъ, высшій творецъ всего сущаго, восхотѣлъ, дабы человекъ, въ своей слабости, нигдѣ не достигалъ полнаго совершенства. Такъ мы знаемъ, что даже тѣ люди, которые почитаются за совершеннѣйшихъ въ искусствахъ и наукахъ, порой ошибаются и оказываются недостаточными одинъ въ томъ, другой въ другомъ предметѣ. Не смотря на то, мы увѣрены, что искусства и науки имѣютъ свои предѣлы. Тоже самое замѣчаемъ относительно игры и шахматныхъ игровыхъ. Не подлежитъ ни какому сомнѣнiю, что игра сама по себѣ ограничена, но она безгранична въ отношенiи играющихъ. Въ доказательство того привожу Сиракузянина (Паоло-Бон), который принадлежалъ къ первымъ игрокамъ Европы и все таки, подобно всѣмъ другимъ, часто ошибался въ игрѣ. Это я могу засвидѣтельствовать, ибо въ 1597 году, въ продолженiи трехъ мѣсяцевъ сряду, видѣлъ его играющимъ въ городѣ Палермо противъ барона Сикуліана. Предположимъ однако, что два знаменитые игрока, достигшіе вершины шахматнаго знанiя (*scienza degli scacchi*), такъ, что они равны между собою какъ самые точные вѣсы, стали бы играть другъ съ другомъ, не дѣлая притомъ никогда ошибки; который изъ нихъ, по самой сущности игры, долженъ бы былъ остаться побѣдителемъ? Полагаютъ, что игра была бы ничья, но это кажется не вѣрно, ибо тотъ долженъ побѣдить, кто имѣлъ первый ходъ. Такъ точно какъ это произошло бы между двумя равными по скорости бѣга лошадьми, изъ которыхъ одна сдѣлала бы первый скачекъ раньше другой; кто можетъ оспаривать, что она выиграла бы чрезъ то призъ? Тоже и съ первымъ ходомъ, ибо отъ него происходитъ хорошее расположенiе игры, перевѣсъ пѣшекъ и офицеровъ и наконецъ побѣда».

Нужно ли говорить, что сравненiе Карреры не вѣрно? Чтобъ получить призъ на скачкѣ, достаточно обогнать соперника, на сколько *нибудь*, а для побѣды въ шахматахъ, необходимо прiобрѣсти *известный* перевѣсъ, такой именно, который даетъ возможность сдѣлать матъ. Это то обстоятельство упускается, кажется, изъ виду и вн. Урусовъ,—утверждая, что выступка должна имѣть послѣдствiемъ выигрышъ. Конечно, доводы его гораздо основательнѣе голословнаго утвержденiя Филидора и смѣйнаго

уподобленія Карреры, но и они неубѣдительны. Онъ постоянно возвращается къ тому, что такъ какъ ходами очередуется, то абсолютнаго равенства установиться не можетъ и преимущество всегда останется на сторонѣ имѣвшей первый ходъ. Согласны; но гдѣ же доказательства, что это преимущество достаточно для производства мата? Положимъ, что начинавшій партію сохранить напримѣръ пѣшку, но такую, которая задерживается неприятельскимъ королемъ, или у него останется конь противъ одинакаго короля, или наконецъ два мелкихъ офицера противъ ладьи; все это безспорно, *преимущества*, — а игра все таки ничья. Сверхъ того кн. Урусовъ приводитъ нѣсколько окончаній, въ которыхъ, при равномъ числѣ и тождественной разстановкѣ шашекъ, участь борьбы зависитъ отъ первенства хода, изъ чего заключаетъ, что такъ какъ въ первоначальномъ положеніи игры встрѣчаются тѣже условія (равенство силъ и тождественная разстановка), то и тутъ выигрываетъ на сторонѣ начинающаго. Но во первыхъ, сравненіе не есть еще доказательство, а во вторыхъ, тождественность разстановки, существующая передъ начатіемъ партіи, нарушается съ первыхъ же ходовъ и если игра приходитъ иногда (весьма впрочемъ рѣдко) вновь къ одинакому расположенію обоихъ становъ, то это въ слѣдствіе случайныхъ комбинацій, а вовсе не по волѣ игрока, имѣвшаго первый ходъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о томъ, чѣмъ, съ точки зрѣнія теоріи, должна оканчиваться шахматная партія: разыгршемъ или выигршемъ начинавшаго, можетъ быть рѣшенъ (по нашему мнѣнію онъ уже и рѣшенъ) единственно точнымъ анализомъ дебютовъ. Если этотъ анализъ приводитъ къ заключенію, что, при лучшей даже оборонѣ, выгоды перваго хода не только не уменьшаются, но возрастаютъ съ теченіемъ партіи, тогда, очевидно, игра выигрывается начинавшимъ; если же напротивъ того, анализъ обнаруживаетъ возможность такой защиты, вслѣдствіе которой, послѣ извѣстнаго числа ходовъ, игра уравнивается, тогда она должна имѣть исходомъ ничью. Всѣ современные писатели держатся послѣдняго мнѣнія, признавая единогласно, что послѣ ходовъ 1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e6}$ 2. $\frac{d2 - d4}{d7 - d5}$ 3. $\frac{e4 - d5}{e8 - d5}$ 4. $\frac{g1 - f3}{g8 - f6}$ 5. $\frac{c1 - d3}{c8 - e6}$ 6. $\frac{f1 - d3}{f8 - d6}$ 7. $\frac{0 - 0}{0 - 0}$ игра совершен-

но равна и что въ этомъ положеніи, право бѣлаго играть первому не даетъ ему уже существеннаго перевѣса.

Кн. Урусовъ съ этимъ не согласенъ. Кони, говорятъ онъ, введены въ игру, слоны направлены на слабые пункты; стало быть атака не прекращена, что и подтверждается опытомъ, показывающимъ, что истинная атака начинается въ этомъ дебютѣ именно послѣ седьмага хода. На это мы возразимъ, что 1) Положеніе коней и слоновъ одинаково съ обѣихъ сторонъ 2) Атака не имѣетъ еще, непремѣннымъ слѣдствіемъ выигрышь; есть очень сильныя атаки, которыя могутъ быть вполне отражены (*) 3) Для доказательства превосходства положенія бѣлыхъ, недостаточно сказать, что атака есть, надо вывести, что она сильнѣе съ ихъ стороны, чѣмъ со стороны черныхъ 4) Если опытъ показываетъ, что въ нормальномъ дебютѣ атака усиливается послѣ седьмага хода, то опытъ же свидѣтельствуетъ, что она почти такъ же часто обнаруживается со стороны черныхъ, какъ и со стороны бѣлыхъ, и стало быть происходить не отъ превосходства положенія сихъ послѣднихъ, а единственно отъ усложненія партій, въ слѣдствіе котораго каждому изъ играющихъ легко сдѣлать ошибку, дающую непріятелю возможность нападенія 5) Говоря что бѣлые могутъ начать теперь атаку, слѣдовало непремѣнно показать какимъ именно ходомъ.

Если мы не совсемъ согласны съ мнѣніями кн. Урусова, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали въ то же время за его книгою весьма существенныхъ достоинствъ. Мысль автора начинать изъясненіе шахматной теоріи не съ дебютовъ, какъ это обыкновенно дѣлается, а съ окончаній, заслуживаетъ полнаго одобренія. Многіе концы партій разобраны кн. Урусовымъ съ замѣчательною точностію и остроуміемъ. Въ дебютахъ тоже встрѣчаются новые, мастерскіе маневры, вполне подтверждающіе наше высокое мнѣніе о шахматномъ талантѣ автора: достаточно указать на пре-

(*) Насъ могутъ спросить, въ чемъ же заключается сила этихъ атакъ? Въ томъ, что для отраженія ихъ потребны именно извѣстные ходы защищающагося и что слѣдовательно, при малѣйшей ошибкѣ, онъ проиграетъ.

восходную, изобрѣтенную имъ атаку противъ такъ называемаго контръ-гамбита Фиандора, уже знакомую читателямъ Листка изъ отвѣта кн. Урусова на статью г-на Петрова. Рѣшить справедливо ли наше сужденіе о трудѣ кн. Урусова, дѣло любителей и знатоковъ игры; мы съ своей стороны отвѣчаемъ только за искренность и безпристрастіе нашихъ мнѣній.

Впрочемъ, русскому шахматному журналу не трудно быть безпристрастну; какое тутъ пристрастіе когда и самыхъ страстей нѣтъ. Не много людей интересуются у насъ шахматными вопросами и ужъ конечно никто не придетъ въ азартъ отъ того, правда ли, что Морфи не принимаетъ вызовъ Колиша, слѣдовало ли кн. Урусову въ шестой партіи съ Петровымъ, давать двадцать первымъ ходомъ шахъ ферземъ на h2 или нѣтъ и т. п. Не то за границей; тамъ всякое состязаніе извѣстныхъ игроковъ, всякое сколько нибудь замѣчательное шахматное событіе, живо интересуется любителей и нерѣдко бываетъ причиною продолжительной и ожесточенной журнальной полемики. Представьте себѣ, что вотъ уже болѣе года какъ между англійскими и америганскими журналами не стихаетъ перепалка, по поводу не слишкомъ по видимому важнаго вопроса о томъ игралъ ли Морфи, во время пребыванія своего въ Англій, съ тамошнимъ любителемъ Дикономъ или нѣтъ. Расскажемъ вкратцѣ эту странную и даже отчасти скандальную исторію.

Въ шахматномъ отдѣлѣ Лондонской Иллюстраціи, которыми завѣдуетъ знаменитый Гоуардъ Стоуптонъ, напечатаны были 17 декабря 1859 г. двѣ партіи Морфи и съ Дикономъ. Нью-іоркскій журналъ *Chess Monthly* объявилъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что эти партіи вымышленныя, что Морфи никогда не игралъ съ Дикономъ, а что еслибъ игралъ, то конечно не иначе, какъ давая ему по крайней мѣрѣ пѣшку и ходъ впередъ, такъ какъ онъ съ успѣхомъ состязался на этихъ условіяхъ съ Оуеномъ, который сильнѣе Дикона. Г. Стауптонъ, заключающій *Chess Monthly*, намѣревается включить эти игры въ приготовленную имъ къ изданію книгу *Chess Praxis* (*) а потому считаемъ долгомъ предостеречь любителей отъ этого

(*) Онъ дѣйствительно помѣщенъ въ этомъ сборникѣ партій.

сочиненія, ибо судя по вышесказанному, нельзя сказать сколько тут будет партій дѣйствительныхъ и сколько подложныхъ; во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что Морфъ будетъ выставленъ въ сочиненіи Стаунтона въ невыгодномъ свѣтѣ.

Статья разувѣется не осталась безъ отвѣта; Диконъ печатно объявилъ, что партіи отнюдь не вымышленныя, что онѣ дѣйствительно были играны въ такой то день, въ Лондонѣ, въ *British Hotel* и что это можетъ засвидѣтельствовать находившійся при состязаніи двоюродный братъ его, полковникъ Диконъ. Американцы однако не разувѣдились, а еще съ большимъ ожесточеніемъ напали на Стаунтона и завязалась безвыходная полемика: играть, неиграть; правда, неправда; вы лжете, нѣтъ вы лжете,.... и такъ добезконечности. Положеніе Стаунтона во всемъ этомъ было не совсѣмъ пріятно; съ одной стороны американскіе журналы кричатъ, что онъ обманываетъ своихъ читателей, сообщая имъ фальшивыя партіи, съ другой англичане, хотя и держатъ его сторону, но въ тоже время настоятельно требуютъ свидѣтельства двоюроднаго брата Дикона, которое одно и можетъ кончить споръ. И вотъ теперь, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, появилось это такъ долго ожидаемое свидѣтельство. Въ довольно длинномъ и очень туманномъ письмѣ, напечатанномъ въ Лондонской Иллюстраціи, полковникъ Диконъ говоритъ, что онъ *могъ бы* представить ясныя доказательства справедливости показаній своего брата, но *не хочетъ* представить ихъ, на томъ основаніи, что американскіе журналы выражались слишкомъ рѣзко и неприлично. Это что то подозрительно. Понятно, что разсерженный дѣйствительно не совсѣмъ приличными нападками американцевъ, онъ могъ бы вовсе отказаться входить въ какое бы то нибыло объясненіе, но дать объясненіе, только крайне не убѣдительное,—это странный способъ наказывать непріятелей за грубость. Не предположить ли скорѣе что партіи точно никогда небыли играны или по крайней мѣрѣ, полковникъ Диконъ при нихъ не присутствовалъ?

Какъ бы то ни было, невинность самаго Морфъ во всемъ этомъ дѣлѣ можетъ быть доказано очень просто. Во время пребыванія своего въ Европѣ онъ сыгралъ огромное число партій и никогда, никому не мѣшалъ печатать и комментировать ихъ какъ угодно, хотя

извѣстная часть этихъ партій проиграна имъ, а нѣкоторые играютъ имъ даже довольно слабо. Съ какой же стати послѣ этого вломился бы онъ вдругъ въ претензію изъ за двухъ вовсе не замѣчательныхъ партій съ еще менѣе замѣчательнымъ мистеромъ Дикономъ? Ясно, что онъ или не игралъ съ этимъ джентельменомъ или позабылъ что игралъ. Предположить чтобъ Морфи, помня дѣйствительность факта, началъ отрицать его безъ всякой надобности, безъ всякой цѣли и повода, да еще подъ опасностью быть обвиненнымъ въ неправдѣ, абсолютно невозможно. Что касается грубаго тона на американскихъ журнальныхъ статей, то надо замѣтить что ни одна изъ нихъ не принадлежитъ Морфи; онъ, съ своей стороны, только разрѣшилъ журналу Chess Monthly заявить, что никогда не игралъ съ Дикономъ. Стало быть и въ этомъ отношеніи Морфи нисколько не виновать.

Такъ, полагаемъ мы, будутъ разсуждать объ этомъ шахматномъ скандалѣ всѣ безпристрастные любители; но Стаунтонъ думаетъ иначе: онъ всю вину сваливаетъ на Морфи и его пріятелей, а запоздалое, крайне неубѣдительное полковничье письмо считаетъ рѣшительнымъ противъ нихъ доказательствомъ. Вообще, въ послѣднее время, Стаунтонъ что то очень не благоволитъ къ американскому Филидору. Онъ старается напимѣръ внушить своимъ читателямъ мысль будто Морфи труситъ сразиться съ Колишемъ и уклоняется отъ состязанія съ нимъ, тогда какъ за венгерца предлагаютъ уже держать значительное пари. Справедливо ли въ этомъ случаѣ обвиненіе Стаунтона мы рѣшить не можемъ за неимѣніемъ еще довольно точныхъ свѣдѣній о томъ, дѣйствительно ли Колишъ посылалъ вызовъ Морфи, и какой получилъ на него отвѣтъ.

ПАРТІЯ № 177.

КОНТРЪ-ГАМБИТЬ ФИЛИДОРА.

(Играна въ Берлинѣ весною 1860 г.)

Гиршфельдъ.	Зулъ.	2) g1 — f3	d7 — d6
(Бѣлые)	(Черные)	3) d2 — d4	f7 — f5
1) e2 — e4	e7 — e5	4) d4 — e5°	f5 — e4°

5) f3 — g5	d6 — d5	17) b4 — b5	c6 — e5
6) e5 — e6	g8 — h6	18) c5 — a7°	d8 — e8 ⁽³⁾
7) f2 — f3 ⁽¹⁾	e4 — e3 ⁽²⁾	19) 0—0—0 ⁽⁴⁾	d7 — d6
8) c1 — e3°	f8 — e7	20) e2 — e3	b7 — b6
9) f3 — f4	e7 — g5°	21) c3 — e4	d6 — e7
10) f4 — g5°	h6 — f5	22) a7 — b6°	c7 — b6°
11) e3 — c5	c8 — e6°	23) e3 — b6°	e7 — a3+
12) d1 — e2	d8 — d7	24) c1 — b1	d5 — e4°
13) g2 — g4	f5 — e7	25) c2 — c4	e8 — e7
14) b1 — c3	b8 — c6	26) d1 — d6	e7 — b7
15) h2 — h3	0—0—0		бѣлыя сдаются.
16) b2 — b4	e7 — g6		

Примѣчанія къ партіи № 177.

(1) Этотъ ходъ встрѣчается первый разъ въ сочиненіи г-на Янша, который призналъ его единственнымъ дающимъ перевѣсъ бѣлымъ (Anal. Nouv. т. II стр. 53); Гейдебрандъ также считаетъ его наилучшимъ ходомъ изъ всѣхъ возможныхъ въ настоящемъ положеніи (Handb. изд. 1858 г. стр. 82); но послѣ остроумнаго замѣчанія кн. С. Урусова о контръ-гамбитѣ Филлора, мы полагаемъ, что атака 7 b1—c3 сильнѣе.

(2) Совершенно новый ходъ, имѣющій можетъ быть послѣдствіемъ полное отраженіе атаки 7. f2—f3, его необходимо подвергнуть подробному анализу.

(3) Теперь черные приобрѣли значительное превосходство положенія.

(4) Въ настоящемъ положеніи это лучший ходъ, но и онъ не спасаетъ уже партіи.

ПАРТІЯ № 178.

ГАМБИТЪ-ЭВАНСА.

(Играна въ Берлинѣ лѣтомъ 1860 г.)

Зулъ.	Гиршфельдъ.	2) g1 — f3	b8 — c6
(Бѣлые.)	(Черные.)	3) f1 — c4	f8 — c5
1) e2 — e4	e7 — e5	4) b2 — b4	c5 — b4°

5) c2 — c3	b4 — c5	20) d1 — d4	h8 — g8
6) 0 — 0	d7 — d6	21) g5 — e7° +	c7 — e7° ⁽¹⁾
7) d2 — d4	e5 — d4°	22) c1 — c6°	b8 — a7
8) c3 — d4°	c5 — b6	23) d4 — c3	e7 — e4°
9) b1 — c3	c8 — g4	24) f1 — e1	g4 — f3° ⁽²⁾
10) c4 — b5	e8 — f8	25) e1 — e4°	g8 — g2° +
11) c1 — e3	h7 — h5	26) g1 — f1	d5 — e4° ⁽³⁾
12) a2 — a4	a7 — a5	27) c3 — h8 +	g2 — g8
13) c3 — d5	b6 — a7	28) h8 — h6 +	g8 — g7
14) a1 — c1	g8 — e7	29) c6 — c7	a8 — d8
15) d5 — c7°	d8 — c7°	30) c7 — f7° + ⁽⁴⁾	f8 — f7°
16) d4 — d5	a7 — b8	31) b5 — c4 +	f7 — e8
17) d5 — c6°	b7 — c6°	32) h6 — h8 +	e8 — d7
18) e3 — f4	g7 — g5	33) h8 — g7° +	и бѣлые вы-
19) f4 — g5°	d6 — d5		игрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 178.

(1) *Schachzeitung* замѣчаетъ, что лучше было бы брать слона королемъ; тогда 22. $\frac{e1-c6}{c7-f4}$ 23. $\frac{e4-e5}{f4-d4}$ 24. $\frac{f3-d4}{g4-h2}$ игра равна.

(2) Еще разъ Гиршфельдъ упускаетъ случай сдѣлать розыгрышъ; слѣдовало брать коня ферземъ, тогда, если бѣлые возьмутъ ферзя пѣшкой, то имъ вѣчный шахъ посредствомъ: 25. $\frac{g4-h3}{g4-h3} +$ 26. $\frac{g1-h1}{h5-g2+}$ 27. $\frac{h1-g1}{g2-h5+}$, если же возьмутъ ферземъ, то черные выигрываютъ.

(3) Тутъ весьма естественно представляется ходъ 26. $\frac{g2-f2}{g2-f2} +$, но играть такъ было бы дурно; бѣлые отведутъ короля на e1, угрожая опаснымъ шахомъ на h8, опаснымъ потому, что ладья, сошедшая съ линіи g, не можетъ уже заслонить отъ него короля.

(4) Очень хорошо.

ПАРТІЯ № 179.

ГАМБИТЪ САЛЬВІО.

ЗУЛЕ.		ГІРШФЕЛДЪ.	
(Бѣлые.)		(Черные.)	
1) e2 — e4	e7 — e5	23) g3 — f4°	e4 — f4°
2) f2 — f4	e5 — f4°	24) f1 — e1	f4 — f2+
3) g1 — f3	g7 — g5	25) e1 — e2	h7 — h5
4) f1 — c4	g5 — g4	26) a1 — g1	g6 — g5
5) f3 — e5 (1)	d8 — h4 +	27) a3 — c2	g5 — h4
6) e1 — f1	g8 — f6	28) g1 — g2	f2 — g2°
7) d1 — e1	h4 — e1° +	29) e2 — g2°	h4 — h3
8) f1 — e1°	f6 — e4°	30) c2 — e3	f7 — f3
9) c4 — f7° +	e8 — e7	31) g2 — e2	h5 — h4
10) f7 — b3	e4 — f6	32) e3 — g2	f3 — f1
11) d2 — d4	d7 — d6	33) g2 — e3	f1 — h1
12) e5 — f7 (2)	h8 — g8	34) e3 — d5	g4 — g3 (4)
13) c1 — f4°	c8 — e6	35) h2 — g3°	g4 — g3°
14) b3 — e6°	e7 — e6°	36) d5 — f4 +	h3 — h4
15) f7 — d8 +	e6 — f5	37) d2 — e3	h1 — h2
16) h1 — f1	f5 — g6	38) f4 — g2	c7 — c6 (5)
17) d8 — e6	b8 — a6	39) e3 — e4	d6 — d5 +
18) e1 — d2	a8 — e8	40) e4 — e3	a6 — c7
19) e6 — f8°	g8 — f8°	41) g2 — f4	h2 — e2° +
20) c2 — c3 (3)	f6 — h5	42) f4 — e2°	e7 — e6
21) g2 — g3	e8 — e4	43) e2 — g1	e6 — f4
22) b1 — a3	h5 — f4°	44) g1 — f3	f4 — d3

бѣлые сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 179.

(1) Оставляетъ коня подъ ударомъ (Гамбитъ Муціо); даетъ болѣе сильную атаку.

(2) Лучше бы отвести коня на d3, но и при этомъ черные имѣли бы превосходство положенія.

(3) b1 — c3 было бы лучше.

(4) 34. $\frac{d5-f1+}{h1-h2}$ было бы дурно, ибо тогда 35. $\frac{d5-f1+}{h3-g3}$ 36. $\frac{f4-h5+}{g4-h3}$ 37. $\frac{h5-f3+}{}$ и бѣлые даютъ вѣчный шахъ, такъ какъ черные потеряютъ ладью, если отведутъ отъ нее короля.

(5) Теперь офицеры бѣлыхъ такъ стѣснены, что вовсе не участвуютъ въ игрѣ; черные же, имѣя свободного коня, непременно должны выиграть.

ПАРТІЯ № 180.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

ЗУЛЕ.	МАЙЕТЬ.	12) d4 — e5°	d6 — e5°
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) g4 — e5°	c6 — c5°
1) e2 — e4	e7 — e5	14) f3 — e5°	g7 — e5°
2) g1 — f3	b8 — c6	15) c1 — e3 ⁽²⁾	e5 — e4°
3) f1 — c4	f8 — c5	16) e3 — d4	0 — 0
4) b2 — b4	c5 — b4°	17) f1 — e1	e4 — c6
5) c2 — c3	b4 — d6 ⁽¹⁾	18) e1 — e7°	c6 — c4°
6) 0 — 0	d8 — f6	19) d1 — h5	c4 — c6
7) d2 — d4	h7 — h6	20) a1 — e1	d7 — d5
8) b1 — a3	a7 — a6	21) e1 — e6	c6 — e6° ⁽³⁾
9) a3 — c2	g7 — g5	22) e7 — e6°	c8 — e6°
10) c2 — e3	g8 — e7	23) h5 — h6°	f7 — f6
11) e3 — g4	f6 — g7	24) h6 — g6 +	и бѣлые выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 160.

(1) Любимый ходъ Кіезерицкаго. Маейтъ, говорятъ, тоже охотно прибѣгаетъ къ этому отступленію; при всемъ томъ, съ теоретической точки зрѣнія оно ни куда негодится.

(2) Смѣлый и хорошо рассчитанный ходъ; жертва второй пѣшки съ избыткомъ вознаградится силою атаки.

(3) Если 21 $\overline{c6 - e6}$, то 22 $\overline{h5 - h6^\circ}$ и матъ слѣдующимъ ходомъ.

ПАРТІЯ № 181.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСАГО КОНЯ.

Гиршфельдъ.	Андерсенъ.	5) 0 — 0	h7 — h6
(Бѣлые.)	(Черные.)	6) d2 — d4	d7 — d6
1) e2 — e4	e7 — e5	7) g2 — g3	c8 — h3
2) f2 — f4	e5 — f4°	8) f1 — f2	d8 — e7 ⁽¹⁾
3) g1 — f3	g7 — g5	9) g3 — f4°	g5 — g4
4) f1 — c4	f8 — g7		

10) f3—e1	g8—f6	22) a1—d1	d7—e5°
11) e4—e5	g4—g3	23) f4—e5°	g7—e5°
12) h2—g3°	f6—e4	24) e1—f3	g1—h2 +
13) d1—f3	e4—f2° ⁽²⁾	25) e3—f2	h3—g4
14) f3—b7°	0—0	26) d1—g1	g2—h3
15) b7—a8°	c7—c6	27) a7—e7	h3—h5
16) g1—f2°	d6—e5°	28) f2—c5	f8—a8
17) d4—e5°	e7—c5 +	29) e2—f2	f7—f6
18) c1—e3	c5—c4°	30) g1—g2	a8—e8
19) b1—d2	c4—d5	31) g2—h2	e5—g3° +
20) a8—a7°	d5—h1	32) f2—g3°	g4—h3
21) f2—e2	b8—d7 ⁽³⁾	33) h2—h3°	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 181.

(1) 8 f4—g3° очень замѣкательно, но рискованно: бѣлые могли бы отвѣтить 9 e4—f7° и если король беретъ слона, то 10 f3—e5+ съ неотразимою атакою.

(2) Всю эту партію Андерсенъ играетъ чрезвычайно неосторожно.

(3) f8—d8 было бы лучше.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(СТАТЬЯ 12-Я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

I. ПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Сильнѣйшіе игроки нашего времени признають лучшими ходами съ обѣихъ сторонъ слѣдующіе:

1. $\frac{e2-e4}{e7-e6}$ 2. $\frac{d2-d4}{d7-d5}$ 3. $\frac{e4-d5^o}{e6-d5^o}$ 4. $\frac{g1-f3}{g8-f6}$ 5. $\frac{c1-e3}{c8-e6}$ 6. $\frac{f1-d3}{f8-d6}$
7. $\frac{0-0}{0-0}$, и говорятъ: игра равна.

Можетъ быть ходы эти и дѣйствительно лучшіе, но нельзя согласиться въ томъ, что игра равна.

- Во первыхъ, вмѣсто 4 $\frac{g1-f3}{0-0}$ можно играть 4 $\frac{c2-e4}{b4+}$ тогда,
4. $\frac{f8-b4+}{f8-b4+}$ 5. $\frac{b1-e3}{g8-e7}$ 6. $\frac{g1-f3}{0-0}$ 7. $\frac{e4-d5^o}{e7-d5^o}$ 8. $\frac{c1-d2}{b4-c3^o}$ 9. $\frac{b2-c3^o}{c8-g4}$
10. $\frac{f1-e2}{g4-f3^o}$ 11. $\frac{e2-f3^o}{f8-e8+}$ 12. $\frac{c1-f1}{f8-e8+}$ и игра бѣлыхъ лучше.

Наконецъ, допустивъ что ходы, показанные авторами лучшіе, невольно рождается вопросъ: что же дальше? Признать розыгрыша есть прекращеніе атаки, а въ этой игрѣ королевскіе слоны имѣють доступъ къ слабѣйшимъ пунктамъ: h2 и h7, и кони имѣють

входъ въ игру; значить въ этомъ положеніи, послѣ 7-го хода, легче атаковать чѣмъ защищаться; да и опытъ убѣждаетъ, что съ восьмага и послѣдующихъ ходовъ и начинается истинная атака; слѣдовательно игра не равна.

Но отвергая оборону 2 $\overline{a7-d5}$, мы не говоримъ, чтобы существовала другая, лучшая защита; напротивъ того: мы совершенно согласны, что защита предлагаемая выше лучшая; но вмѣстѣ съ симъ утверждаемъ, что при тождественной начальной разстановкѣ игра всегда должна быть выиграна начинающимъ.

Высказавъ наше мнѣніе относительно дебюта, признаннаго правильнымъ, приступимъ къ анализу такъ называемыхъ неправильныхъ дебютовъ. Внимательное изученіе ихъ, и въ особенности гамбитныхъ игоръ, весьма содѣйствуетъ къ уразумѣнію искусства играть.

II. СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЬ.

$$1 \quad \frac{E2-E4}{C7-C5}.$$

Игра 1-я.

1. e2 — e4 c7 — c5
2. d2 — d4 c5 — d4°

Можно и не брать, а играть e7 — e6, или d7 — d5. Въ первомъ случаѣ будетъ:

2. $\frac{e7-e6}{d5-d4^\circ}$ 3. $\frac{d4-d5}{d5-d5^\circ}$; въ послѣднемъ: 2. $\overline{d7-d5}$ 3. $\frac{e4-d5^\circ}{d5-d5^\circ}$
4. $\frac{b1-c3}{d5-d4^\circ}$ 5. $\overline{d1-d4^\circ}$ и 6. $\overline{c5-b5}$.

Въ обоихъ случаяхъ игра бѣлыхъ будетъ лучше.

- 3) g1 — f3 e7 — e5 (Перемѣна 1-я).
4) c2 — c3 d4 — c3° (Перемѣна 2-я).
5) b1 — c3° f8 — b4

Если b8 — c7, то f1 — c4 — сильная атака.

- 6) f3 — e5° d8 — a5
7) d1 — d4 съ лучшимъ положеніемъ.

Перемѣна 1-я.

3) e7 — e6

4) f3 — d4° d7 — d5

Если b8 — c6, то 5. $\frac{c1 - e3}{g8 - f8}$ 6. $\frac{f1 - d5}{f8 - e7}$ 7. $\frac{b1 - c3}{o - o}$ 8. $\frac{o - o}{o - o}$; если же 4. f8 — c5, то 5. $\frac{c1 - e3}{d8 - b8}$ 6. $\frac{b1 - c3}{b8 - c6}$ 7. $\frac{d4 - b5}{b8 - c6}$ и въ обоихъ случаяхъ игра бѣлыхъ лучше.

5) e4 — d5° e6 — d5° 9) b1 — c3 c6 — d4°
 6) f1 — b5 + c8 — d7 10) e3 — d4° e7 — e2° +
 7) d1 — e2 + d8 — e7 11) e1 — e2° g8 — e7
 8) c1 — e3 b8 — c6 12) a1 — d1 бѣлые имѣютъ превосходство положенія.

Перемѣна 2-я.

4) b8 — c6

5) c3 — d4° e5 — d4°

6) f3 — d4° d8 — b6

Если 6. $\frac{d8 - b4}{d8 - b4}$, то 7. $\frac{d4 - b5}{d4 - b5}$.

7) d4 — b5 f8 — c5

8) c1 — e3 c5 — e3°

9) f2 — e3° b6 — e3° +

10) f1 — e2 e8 — d8

11) d1 — d6 бѣлые выигрываютъ.

Игра 2-я.

2) b2 — b4 b7 — b6

Этотъ гамбитъ впервые встрѣчается въ сочиненіи г. Яниша Analyse Nouvelle; принять его опасно: 2. $\frac{c5 - b4}{c5 - b4}$ 3. $\frac{a2 - a3}{c7 - e6}$

4. $\frac{a3 - b4}{f8 - b4}$ 5. $\frac{c2 - c3}{b4 - a5}$ 6. $\frac{d2 - d4}{b4 - a5}$ (изъ Analyse Nouvelle).

3) b4 — c5° b6 — c5°

4) d2 — d4 c5 — d4°

5) d1 — d4° b8 — c6

6) d4 — e3 e7 — e6

7) f1 — d3 g8 — f6

- 8) $g1 - f3$ $f8 - b4 +$
9) $c2 - c3$ $b4 - a5$
10) $c1 - a3$ $a5 - b6$
11) $f3 - d4$ съ лучшимъ положеніемъ.

(Продолженіе опреѣ)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ

№ 63.

- 1) $e2 - e3 +$ $g4 - e3^\circ$
2) $d1 - g4 +$ $e3 - g4^\circ$
3) $e4 - e3 +$ $g4 - e3^\circ$
4) $g6 - f4 +$ $h3 - h4$
5) $c3 - e1 +$ $a5 - e1^\circ \times$

№ 64.

- 1) $f4 - f3 +$ $d3 - c2$
2) $f3 - d1 +$ $c2 - d1$
3) $d5 - e3 \times$

№ 65.

- 1) $a5 - c3 +$ $f5 - d4 +$
2) $e2 - e3$ $a6 - a5$
3) $h4 - h7$ $a5 - a4$
4) $h7 - b1$ $a4 - a3$
5) $f6 - e6 +$ $d7 - e6^\circ$
6) $e7 - f5$ $e6 - f5^\circ$
7) $b1 - d3$ $f5 - f4 \times$

№ 66.

- 1) $h5 - f7 +$ $g8 - f7^\circ$
2) $d7 - e6 +$ $f7 - e6^\circ$
3) $d4 - d5 \times$

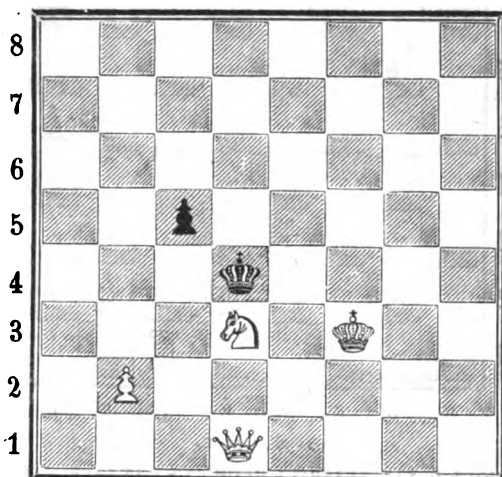
Очевидно, что если черный король уйдетъ первымъ ходомъ на h8, то ему тотчасъ же матъ посредствомъ 2. $f7 - f8 \times$.

З а д а ч и.

№ 76.

А. ШУЛЬЦА (лагерь на Кубани.)

Ч Е Р Н Ы Е.

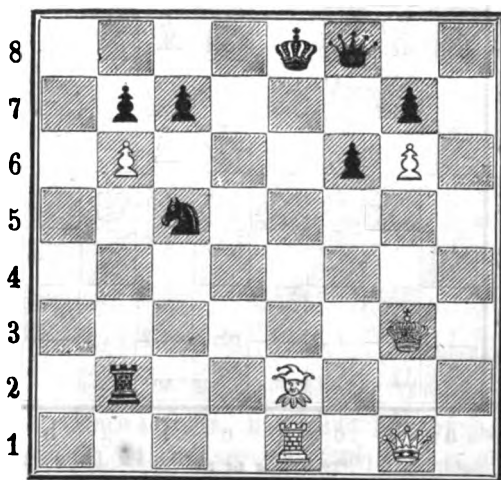

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 77.

Его же.

Ч Е Р Н Ы Е.

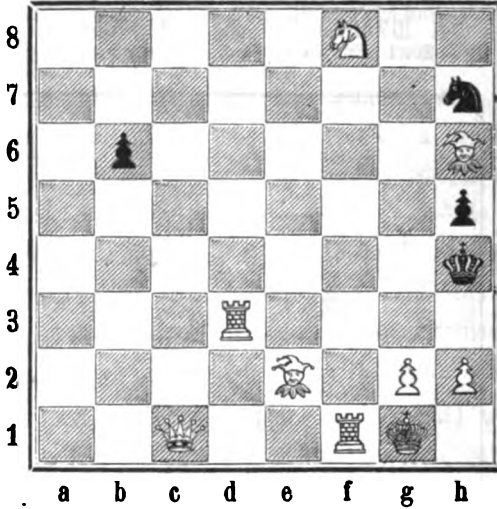

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 78.

В. Г. САГОВСКАГО (Рянанской губ. гор. Скопинъ).

ЧЕРНЫЕ.

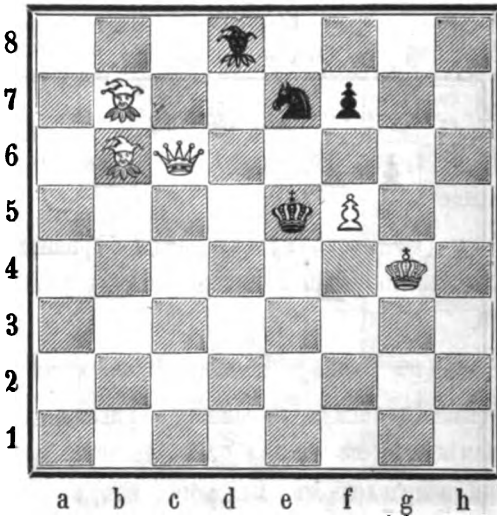
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

№ 79.

Г-на З*** (въ Тифлисѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Корреспонденция. *А. Ш—цу* (лагерь на Кубани). Вы раньше всѣхъ разгадали Больтонова сонинкса. Задачи ваши очень милы; особенно нравится намъ первая изъ нихъ: основная мысль остроумна, шашекъ и ходовъ немного, положеніе естественно.

Г. Юк—ну (въ Умани). Мы всегда съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщали въ Листѣ сообщаемыя Вами партіи, но на этотъ разъ принуждены сдѣлать исключеніе: Вашъ соперникъ игралъ ужь слишкомъ слабо.

К. Цѣх—ху (въ Тамбовѣ). Вы совершенно вѣрно разрѣшили Архимедовъ винтъ. Замѣчаніе относительно возможности сократить рѣшеніе примѣненіемъ италіянскихъ правилъ также вполне основательно; мы сообщимъ его, въ свое время, читателямъ Листа.

В. Водз—му (Переяславль Залѣскій). Извините, что такъ долго замедлили окончательнымъ отвѣтомъ на Ваше сообщеніе; намъ хотѣлось убѣдиться, нѣтъ-ли возможности сократить рѣшеніе Вашей проблемы, и мы дѣйствительно нашли, что въ главномъ варіантѣ, (т. е. въ томъ варіантѣ, который Вы изволите называть *правильной защитой*) бѣлымъ, для вынужденія обратнаго мата, потребно не 35 ходовъ, какъ Вы полагаете, а всего только 15, а именно:

1. $\frac{f7-h7+}{h8-g8}$ 2. $\frac{f1-f5}{a1-f6}$ 3. $\frac{f5-c8+}{f8-d8}$ 4. $\frac{d5-e4}{g8-f8}$ 5. $\frac{h7-g7}{f8-e8}$ 6. $\frac{e4-f5}{e8-f8}$
7. $\frac{f5-g6}{f8-e8}$ 8. $\frac{g6-h7}{e8-f8}$ 9. $\frac{h7-h8}{f8-e8}$ 10. $\frac{g7-g1}{e8-f8}$ 11. $\frac{b1-h7}{f8-e8}$ 12. $\frac{g1-e1+}{e8-f8}$
13. $\frac{b7-f7+}{f8-f7}$ 14. $\frac{c8-e6+}{f7-f8}$ 15. $\frac{e6-f6+}{d8-f8}$ ~~16.~~

Вѣроятно есть возможность сократить и прочіе варіанты, но едва-ли на столь значительное число ходовъ.

В. Г. Саг—му (въ Скопинѣ). Мы весьма признательны Вамъ за сообщеніе замысловатой Вашей кипергани; она помѣщена въ настоящемъ Листѣ.

И. И. Др—ту (въ Вяткѣ). Желаніе Ваше исполнено.

Г-ну Э—у (въ Тифлисѣ). Проблема, присланная Вами изъ Екатеринодара, помѣщена въ настоящемъ Листѣ съ указаннымъ Вами впоследствии исправленіемъ. Въ одной изъ предыдущихъ Вашихъ задачъ мы позволили себѣ сдѣлать маленькое измѣненіе, затрудняющее нѣсколько рѣшеніе.

К. Шл—ру (въ Херсонѣ). Получивъ любезное сообщеніе Ваше передъ самымъ выпускомъ Листка, мы не успѣли еще рассмотреть партій и задачъ; во всякомъ случаѣ, мы Вамъ за нихъ весьма признательны.

МОНТЕ-БЕНИ.

РОМАНЪ

НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА VI.

Окончивъ голову Беатриче Ченчи, Гильда довольно поздно вечеромъ спустилась съ своей голубятни и пошла въ Пинчіо, въ надеждѣ услышать тамъ музыку, и встрѣтила Киніона, который, правду сказать, зналъ обыкновенія артистки и, соображаясь съ ними, расположилъ свои занятія.

Пинчіо любимое мѣсто прогулокъ римской аристократіи. Въ настоящее время однакожъ оно, какъ и другія владѣнія Римлянъ, принадлежитъ не столько туземнымъ жителямъ, какъ варварамъ изъ Галліи, Великобританіи, изъ-за Атлантическаго океана, которые мирно завладѣли всѣмъ, что есть достопамятнаго въ вѣчномъ городѣ. Нельзя не удивляться творцамъ общественнаго сада на Монте-Пинчіо: они искусно сравняли вершину горы, окружили ее паранетомъ городской стѣны, провели тропинки, широкія дороги, закрыли ихъ густою тѣнью безчисленныхъ деревьевъ и въ изобиліи разсыпали цвѣты разнообразныхъ климатовъ по зеленымъ лугамъ; они вырыли и обложили мраморомъ эти бассейны, вѣчно наполненные водою, открыли фонтаны, подняли изъ земли величественный обелискъ, такъ долго скрывавшійся въ ней; поставили вдоль аллей пьедесталы и украсили ихъ бюстами знаменитос-

тей—государственныхъ людей, героевъ, артистовъ, поэтовъ и ученыхъ, украшающихъ собою исторію человечества, хотя родина ихъ Италия. И все это устроено руками Римлянъ, дѣйствовавшихъ по указаніямъ и планамъ французскихъ инженеровъ, въ отсутствіе папы, изгнаннаго Наполеономъ I.

Здѣсь всегда можно встрѣтить французскихъ солдатъ, сѣдыхъ бородатыхъ ветерановъ съ алжирскою или крымскою медалью на груди. Имъ поручена кроткая обязанность наблюдать, чтобъ дѣти не топтали цвѣтовъ, и влюбленные юноши не рвали ихъ для своихъ дамъ. На мраморной скамейкѣ сидитъ чахоточная дѣвушка, привезенная сюда лѣчиться, и вдыхаетъ незамѣтный ядъ этого предательскаго климата. Каждый день собираются здѣсь мамки съ розовыми младенцами, англійской породы, и приводятъ сюда маленькихъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ съ другаго полушарія. Вечеромъ по этимъ тѣнистымъ дорогамъ катятся экипажи всѣхъ родовъ, отъ старомодной, роскошной кардинальской кареты до одноколки новѣйшаго фасона, и скачутъ всадники. Здѣсь катается, ходить, бѣгаетъ все скоро—преходящее населеніе Рима. Здѣсь наконецъ можете видѣть прекрасный закатъ солнца и въ какую сторону ни посмотрѣли бы, вездѣ глаза ваши остановились бы на предметѣ, достойномъ вниманія или по историческому или по внутреннему достоинству. Здѣсь также въ извѣстные дни недѣли играетъ по вечерамъ французская военная музыка, оглашая своимъ громомъ бѣдный старый городъ.

Гильда и скульпторъ отбѣглились отъ густой толпы гуляющихъ, окружавшей музыкантовъ и пошли въ отдаленнѣйшій конецъ сада. Стоя у парапета, они видѣли Муро Порто, массивный остатокъ древней римской стѣны, повидимому готовый повалиться отъ собственной тяжести, но остающійся постоянно въ одинаковомъ положеніи, какъ будто бы время не имѣло никакого вліянія на это вѣчное произведеніе рукъ человѣка. Въ голубой дали подымался Сорактъ и другія возвышенности, издалека блистающія нашему воображенію, но едва видимыя глазу. А тамъ далѣе стелется Кампанія—не земля, но обширнѣйшая страница исторіи, наполненная великими событіями, удивительною другъ друга.

Но возвратимся къ нашимъ двумъ друзьямъ, которые теперь любовались сосѣдней виллой Боргезе, покрытой массами зелени, среди которой выглядывали бѣлыя колонны и статуи. Опершись на стѣну, подъ темными вѣтвями остролиственныхъ деревьевъ, Гильда и Кинюль слышали музыку, смѣхъ и смѣшанные голоса. Мало по малу звуки стали затихать; но два слушателя все еще старались уловить эти звуки среди грома

военнаго оркестра. Вскорѣ послѣ они увидѣли одинокаго пѣшехода, медленно подвигавшагося по дорожкѣ, ведущей къ городскимъ воротамъ.

— Посмотрите: кажется, это Донателло? спросила Гильда.

— Да, это онъ, отвѣчалъ скульпторъ. Но какъ онъ важно идетъ; вотъ остановился и смотритъ назадъ. Онъ или слишкомъ утомленъ, или печаленъ. Я рѣшительно сказалъ бы, что онъ печаленъ, еслибы онъ былъ къ тому способенъ. Однакожъ во все это время, какъ мы его наблюдаемъ, онъ ни разу не прыгнулъ;—это странно: я начинаю сомнѣваться, дѣйствительно-ли онъ фавнъ.

— А вы его въ-самомъ-дѣлѣ считали фавномъ? простодушно спросила Гильда. Я въ этомъ увѣрена и, признаюсь, никогда не перестану вѣрить, что фавны существуютъ и въ дѣйствительности, не только въ поэмѣ.

Скульпторъ сначала только улыбнулся, но потомъ, вполне овладѣвъ идею, засмѣялся. Въ эту минуту онъ искренно желалъ наградить или наказать Гильду за ея милую нелѣпость самымъ пламеннымъ поцѣлуемъ.

— Какая у васъ странная фантазія, Гильда! сказалъ онъ. Такъ по вашему, великій Панъ еще живъ, и всѣ эти мифологическія созданія еще живутъ на землѣ. Какъ бы хорошо было, еслибы мраморные люди могли прогуливаться здѣсь также, какъ мы.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь? спросила Гильда, покраснѣвъ. Развѣ я сказала какую нибудь глупость?

— Ничего глупаго, возразилъ поспѣшно Квиніонъ; я даже нахожу, что ваша мысль должна поразить каждого своею новизною, особенно если принять во вниманіе положеніе Донателло и нѣкоторыя вѣщныя обстоятельства. Знаете-ли вы, что онъ тосканскій уроженецъ, происходитъ изъ древняго дворянскаго рода и владѣетъ стариннымъ замкомъ въ Аппенинахъ, въ которомъ самъ живетъ и жили его предки. Тамъ у него свои собственные виноградники, фиговые деревья, такія же древнія, какъ самый замокъ. Ребяческая привязанность къ Миріамъ привлекла его въ Римъ и ввела въ общество художниковъ, а наша республиканская простота поставила его въ такія отношенія къ намъ, въ какихъ мы сами находимся. Но еслибы мы отдавали почтеніе его достоинству и титулу, то должны были бы величать его не иначе, какъ его сіятельство графъ ди Монте Бени.

— Это очень забавно, забавнѣе, чѣмъ существованіе фавновъ, сказала Гильда, засмѣявшись въ свою очередь. Но это не шлоуѣ удовлетворяетъ меня, такъ какъ вы сами говорите, что нашли въ немъ сходство съ мраморнымъ фавномъ.

— Да, и большое, исключая ушей.

— Что касается до его сіятельства графа ди Монте Бени, отвѣ-

*

чала Гильда, невольно засмѣявшись, произнося титулъ, принадлежащій имъ веселому другу, то вы никогда не увидите его ушей. Я помню, какъ онъ отскочилъ, когда Миріамъ протянула руку, чтобъ поднять его кудри. Какъ вы это объясняете?

— О, конечно, я не могу оспаривать этого очевиднаго доказательства, отвѣчалъ Киніонъ; фавнъ, или Донателло, или графъ ди Монте Бени—очень странное, дикое созданіе и, какъ я замѣтилъ въ другихъ случаяхъ, не любитъ, чтобъ до него дотрогивались.—Говоря серьезно, въ немъ дѣйствительно есть много животнаго, какъ будто бы онъ родился въ лѣсу, провелъ тамъ дѣтство и до сихъ поръ еще не совсѣмъ свыкся съ жизнью обыкновенныхъ людей. Впрочемъ, жизнь въ Аппенинахъ до сихъ поръ сохранила еще много первобытной простоты.

— Эта склонность людей объяснять чѣмъ нибудь все чудесное и таинственное въ природѣ—вещь очень скучная, возразила Гильда. Зачѣмъ вы не хотите дозволить ни мнѣ, ни себѣ удовольствія вѣрить, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ фавнъ?

— О, я вамъ не мѣшаю вѣрить! воскликнулъ скульпторъ. Вѣрьте, если вамъ доставляетъ удовольствіе; я самъ, можетъ быть, со временемъ стану раздѣлять ваше убѣжденіе. Донателло пригласилъ меня провести лѣто у него въ замкѣ; тамъ я постараюсь узнать родословную этихъ деревенскихъ графовъ, и если предки ихъ поведутъ меня въ міръ фантазій, я охотно послѣдую за ними. Но что касается лично до Донателло, то есть одинъ пунктъ, который мнѣ хотѣлось бы разяснить.

— Можетъ быть я могу помочь вамъ?

— Этотъ пунктъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ онъ могъ приобрести расположеніе Миріамъ? отвѣчалъ Киніонъ.

— Расположеніе Миріамъ! вскричала Гильда. Она образована, даровита, а онъ грубый, полудикій мальчикъ—какое же можетъ быть тутъ расположеніе? Нѣтъ! нѣтъ!

— Такъ, казалось бы, что это невозможно, отвѣчалъ скульпторъ. Но даровитая женщина иногда привязывается безотчетно. Мы оба знаемъ, что въ послѣднее время Миріамъ была болѣзненна и постоянно въ мрачномъ расположеніи духа. Она еще очень молода, жизнь ея только что начинается, а кажется, она ужъ пережила ее. При такихъ условіяхъ явился Донателло съ своимъ естественнымъ беззаботнымъ счастіемъ и доставилъ ей случай обновить и сердце, и жизнь. Люди высшихъ дарованій не ищутъ такихъ же дарованій въ тѣхъ, кого любятъ. Они очень справедливо цѣнятъ прекрасное стремленіе естественнаго чувства, благородную привязанность, простую радость, полноту счастья, и то совершенное довольство, съ какимъ ихъ любятъ; все это Миріамъ видитъ въ Донателло. Правда, она называетъ и можетъ называть

его глупомъ. Но вѣдь иначе и быть не можетъ, потому что человекъ теряетъ способность къ подобнаго рода привязанности, по мѣрѣ того, какъ развивается и цивилизуется.

— Боже мой! вскричала Гильда, отшатнувшись отъ своего собеседника. Такъ это наказаніе за наше развитіе! Извините меня, я этому не вѣрю. Потому что вы скульпторъ, потому что вы хотите окончательно усовершенствоваться, вы должны сдѣлаться такимъ же твердымъ и холоднымъ, какъ мраморъ вашихъ статуй. Я знаю живопись, и убѣдилась, что самое высокое искусство можетъ быть согрѣто глубокимъ искреннимъ чувствомъ.

— Да, вы правы, я сказалъ глупость, отвѣчалъ Кинионъ, и удивляюсь этому, потому что могъ извлечь болѣе разумное заключеніе изъ собственнаго опыта. Высшее развитіе вкуса возвращаетъ намъ прежнюю простоту чувства.

Во время этого разговора они медленно шли вдоль парапета и наконецъ остановились у крутаго спуска на Piazza del Popolo. Внизу открывалась обширная площадь, обставленная высокими зданіями; изъза нихъ въ перспективѣ обрисовывались куполы церквей и ворота, воздвигнутыя по плану Микель-Аджело. Они видѣли обелискъ изъ краснаго гранита, возвышающійся въ центрѣ площади, самую ветхую древность Рима, и фонтанъ, бьющій съ четырехъ сторонъ у его основанія. Всѣ римскія древности, времяя имперіи, республики и даже царей, теряются предъ этимъ несокрушимымъ монументомъ, представляющимъ одно изъ воспоминаній, вынесенныхъ Моисеемъ и Израилтянами изъ Египта въ пустыню. Можетъ быть, глядя на него, они говорили другъ другу: онъ похожъ на тотъ древній обелискъ, который мы сами и отцы наши такъ часто видѣли на берегахъ Нила. И теперь тотъ же самый обелискъ, безъ малѣйшаго признака разрушенія, представляется новому путешественнику, вступающему въ ворота Фламинія.

Нѣсколько на востокъ Гильда и ея товарищъ увидѣли по той сторонѣ Тибра, скрытаго отъ нихъ каменными громадами, замокъ св. Ангела, гигантскую гробницу языческаго императора съ архангеломъ на вершинѣ. Дальше видѣлось еще нѣсколько громаднхъ построекъ, увѣнчанныхъ куполами, и въ сторонѣ отъ нихъ, нѣсколько ближе къ зрителямъ — куполь св. Петра, величественнѣйшая постройка, созданная рукою человека.

Поглядѣвъ на эту картину, хорошо знакомую каждому, кто долго жилъ въ Римѣ, Гильда и Кинионъ опять обратили вниманіе на площадь, разстилавшуюся у ихъ ногъ. Здѣсь они замѣтили Миріамъ, только что вышедшую изъ Porta del Popolo и остановившуюся у фонтана. Жес-

томъ, который также не ускользнулъ отъ вниманія скульптора, она повидимому давала знать стоявшей возлѣ нея фигурѣ, что желаетъ остаться одна; но фигура оставалась неподвижна. Онъ замѣтилъ и еще одно движеніе, показавшееся ему до такой степени страннымъ, что онъ не зналъ, какъ объяснить его: Мириамъ опустила на колѣна на мраморныя ступеньки фонтана. Другіе наблюдатели, если они были, могли подумать, что она по обыкновенію хотѣла только помочить пальцы въ свѣтлой струѣ, бьющей изъ пасти каменнаго льва. Но когда она сложила руки вмѣстѣ и устремила глаза на темную фигуру, въ которой нельзя было не узнать ея модель, въ головѣ Киніона утвердилась мысль, что она въ присутствіи толпы народа пала на колѣна предъ этимъ таинственнымъ лицомъ.

— Вы это видѣли? спросилъ онъ Гильду.

— Что? спросила въ свою очередь Гильда, нѣсколько удивленная его тономъ. Я видѣла, какъ Мириамъ помочила руки въ водѣ; я сама это часто дѣлаю.

— Кажется, я что-то другое видѣлъ, отвѣчалъ Киніонъ, и увѣренъ, что не ошибся.

Но если допустить, что Киніонъ въ-самомъ-дѣлѣ не ошибся, то какое понятіе объ ея отношеніяхъ къ этому лицу должно было внушить ему ея странное поведеніе.

— Гильда, сказалъ онъ быстро, знаете-ли вы, кто такая Мириамъ? Извините меня, но увѣрены-ли вы въ ней?

— Увѣрена-ли въ ней? возразила Гильда съ такою же живостью. Я увѣрена, что она добра, благородна, что она мой лучший другъ, что я ее люблю, и что она меня тоже любитъ. Какой еще нужно увѣренности?

— И ваше чувство, вашъ инстинктъ всегда говоритъ въ ея пользу, никогда противъ нея? продолжалъ скульпторъ, не замѣчая волненія Гильды, обнаруживавшагося въ ея тонѣ. Она остается неразгаданною тайною. Мы даже не знаемъ, точно ли она наша соотечественница; можетъ быть, она Англичанка или Нѣмка. Въ ней замѣтна англосаксонская кровь, это всякій скажетъ; по языку она чистая Англичанка; но многое доказываетъ, что она ни Англичанка, ни Американка. Какъ артистка, она заняла мѣсто въ обществѣ, не давъ средства узнать ея прошлое.

— Я ее очень люблю, сказала Гильда тономъ, въ которомъ слышалось неудовольствіе, и увѣрена въ ней вполне.

— Мое сердце также говоритъ въ ея пользу, какъ и ваше, отвѣчалъ Киніонъ. Но Римъ вовсе не похожъ на Новую Англію, гдѣ мы ничего не можемъ сдѣлать безъ согласія каждаго сосѣда въ отдѣль-

ности, не можемъ сказать слова, заключить новаго знакомства или дружбы. Въ этомъ отношеніи папскій деспотизмъ допускаетъ больше свободы, чѣмъ наше общество.

— Музыка кончилась, сказала Гильда. Я теперь пойду.

Передъ ними были три улицы, начинающіяся у Piazza del Popolo и ведущія къ центру Рима; влѣво Via del Babuino, вправо Via della Ripetta, а между ними знаменитая улица Corso. Мириамъ со своимъ спутникомъ пошла по первой изъ нихъ и вскорѣ исчезла отъ взоровъ Гильды и скульптора.

Они вышли изъ Пинчіо по прекрасной широкой дорогѣ и, когда спустились на площадь, вдругъ раздался звонъ со всѣхъ колоколенъ, какъ будто въ городѣ совершалось какое нибудь торжество.

— Я иногда думаю, сказала Гильда, на воображеніе которой подобныя сцены производили сильное впечатлѣніе, а иногда думаю, что Римъ можетъ вытѣснить все изъ моего сердца.

— Избави Богъ! произнесъ Кинионъ.

Вскорѣ они достигли громадной лѣстницы, которая ведетъ отъ Piazza di Spagna къ самой высшей точкѣ Пинчіо. Старый Беппо, миллионеръ въ кругу своей оборванной братіи (удивительно, какъ ни одинъ художникъ не изобразилъ его калѣкою, котораго испѣляетъ св. Петръ въ дверяхъ храма) уже навьючилъ своего осла богатою добычею, собранною Христа ради въ теченіе дня.

На лѣстницѣ, закрывъ лицо плащомъ, появилась фигура модели, на которую Беппо посмотрѣлъ ревниво, какъ на человѣка, вступающаго въ его законныя владѣнія. Но фигура прошла въ улицу Sistina. На площади, у подножья лѣстницы стояла Мириамъ, опустивъ глаза въ землю, какъ бы желая сосчитать четверугольные камни неровной мостовой, по которой ей предстояло идти. Она оставалась въ такомъ положеніи, пока появленіе нищаго не прервало ея задумчивости; тогда она осмотрѣлась кругомъ и прижала руку ко лбу.

— Она, кажется, очнулася отъ тяжкаго сна, сказалъ Кинионъ тономъ симпатіи; и даже теперь она какъ заключенная въ клѣтку, желѣзныя полосы которой составляютъ ея собственныя мысли.

— Боюсь, что она нездорова, сказала Гильда. Я пойду къ ней.

— Прощайте, произнесъ скульпторъ. Все это очень странно. Миѣ пріятно думать, что вы совсѣмъ безопасны въ вашей башнѣ, въ обществѣ бѣлыхъ голубей подъ покровительствомъ Мадонны. Вы не знаете, какъ далеко видѣнъ свѣтъ лампы, которую вы зажигаете. Вчера вечеромъ я проходилъ мимо и ужъ издалека увидѣлъ свѣтъ.

— Для меня это имѣетъ религіозное значеніе, хоть я и не католичка, отвѣчала Гильда.

Они разстались, и Кинионъ послѣшно пошелъ по Via Sistina, въ надеждѣ догнать модель; ему хотѣлось открыть жилище и объяснить таинственный характеръ этого лица, ради Мириамъ, которая видимо страдала. Онъ видѣлъ его вдали предъ собою; но прежде чѣмъ достигъ фонтана Тритона, фигура исчезла.

ГЛАВА VII.

МАСТЕРСКАЯ СКУЛЬПТОРА.

Около этого времени Мириамъ, кажется, страдала бессонницею и потому часто выходила изъ дому. Въ одно утро она зашла въ мастерскую Киниона, куда онъ приглашалъ ее, чтобы показать ей новую статую, почти оконченную вчернѣ, на которой основывалъ многія надежды. Послѣ Гильды, Кинионъ былъ единственнымъ лицомъ, къ которому Мириамъ чувствовала привязанность и довѣріе. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни она обращалась къ нему и нерѣдко пользовалась братскимъ совѣтомъ скульптора.

Мириамъ не безъ цѣли сблизилась съ нимъ. Стоя на краю пронасти, она могла протянуть свою руку, но никогда не встрѣтила бы руки, готовой поддержать ее; могла бы звать на помощь, но голосъ ея замеръ бы, не достигнувъ ни до чьего слуха. Чувство неопредѣленнаго, тягостнаго одиночества, въ которомъ теряется человѣческое существо, есть одинъ изъ печальныхъ результатовъ несчастія, преступленія или особеннаго характера, возстановляющаго человѣка противъ всего свѣта. Очень часто въ такихъ случаяхъ является неутолимая потребность дружбы, любви и прямаго, откровеннаго сношенія съ людьми; но эта потребность остается неудовлетворенною, голодное сердце ищетъ пищи, но находитъ одни только ея призраки.

Мастерская Киниона находилась въ грязномъ, печальномъ переулкѣ между Corso и Via della Ripetta; нужно однакожъ замѣтить, что этотъ переулокъ, несмотря на грязь, безобразіе высокихъ зданій, нисколько не неприятелие девяти-десятихъ римскихъ улицъ. На двери одного дома можно видѣть мраморную доску, которая гласитъ, что здѣсь была мастерская знаменитаго Кановы. Нашъ скульпторъ поселился въ предѣлахъ, ознаменованныхъ пребываніемъ этого великаго художника.

Мастерская Киниона ничѣмъ не отличалась отъ мастерской всякаго другаго скульптора; она имѣла довольно печальный видъ мѣста, гдѣ происходитъ ломка камня. Здѣсь все свидѣтельствовало о процессѣ работы, которою, надо замѣтить, скульпторы мало занимаются въ наше время. Въ Италіи существуетъ особый классъ людей, достигшихъ необыкновеннаго совершенства въ механическомъ искусствѣ; они все могутъ сдѣлать изъ мрамора, лишь бы предъ ихъ глазами была модель. Художникъ отдаетъ имъ гипсовый слѣпокъ, кусокъ мрамора и заказываетъ работу, больше ему нечего и говорить; въ назначенный срокъ является статуя, до которой онъ самъ не прикасался рукою. Такимъ образомъ его творческая мечта осуществляется другими.

Мириамъ остановилась на минуту въ передней, чтобъ посмотрѣть на неоконченный бюстъ, черты котораго, казалось, вырывались изъ камня. Другой былъ уже почти конченъ и одному изъ довѣреннѣйшихъ помощниковъ скульпторъ поручилъ провести еще нѣсколько линий, которыя должны были окончательно оживить это лицо.

— Такъ и судьба наша существуетъ въ вѣчности, какъ эти бюсты въ глыбѣ камня, подумала Мириамъ.

Кинионъ былъ въ другой комнатѣ; услышавъ шаги въ передней, онъ набросилъ покрывало на свою работу и вышелъ навстрѣчу посетителю. На немъ была свѣтлая блуза и небольшая шапочка; въ этомъ костюмѣ онъ казался еще лучше, чѣмъ въ форменной одеждѣ, которую надѣвалъ, выходя изъ мастерской. Лицо его было такъ хорошо, что могло представить достойный сюжетъ для такого же артиста, какъ онъ самъ; черты его были тонки, правильны, и закончены, какъ будто въ самомъ дѣлѣ были вырѣзаны изъ мрамора.

— Я не даю вамъ руки, она вся въ глинѣ моей Клеопатры, сказала онъ.

— Я не хочу дотрогиваться до глины — это земля, прахъ, отвѣчала Мириамъ. — Я пришла посмотрѣть на то, что выражаетъ покой, холодность, продолжала она; мое искусство слишкомъ страстно, слишкомъ нервно, исполнено волненія; я не могу работать постоянно, безъ отдыха. Что вы хотѣли мнѣ показать?

— Смотрите на все, на что вамъ угодно, отвѣчалъ Кинионъ. Я очень люблю, когда ко мнѣ заходятъ живописцы. Въ ихъ сужденіяхъ нѣтъ предубѣжденій, потому они судятъ справедливѣе, чѣмъ скульпторы, которые никогда не оцѣнили правильно моей работы, точно также, можетъ быть, какъ я ихъ.

Въ благодарность за такое довѣріе, Мириамъ посмотрѣла вокругъ и увидѣла нѣсколько статуй изъ мрамора и глины. Кинионъ былъ еще молодъ, и потому не могъ собрать большой галереи своихъ произве-

деній. Все, что находилось въ его мастерской, были большею частью попытки въ разныхъ родахъ искусства; нѣкоторыя были не лишены достоинства, которое увеличивалось бѣлизною и блескомъ новаго мрамора. Миріамъ остановилась предъ фигурою прекраснаго юноши, который, ловя жемчугъ на днѣ моря, запутался въ растеніяхъ и умеръ тамъ, среди драгоцѣнныхъ раковинъ.

— Бѣдный юноша! онъ погибъ среди богатства, котораго искалъ, замѣтила Миріамъ. Мнѣ нравится эта статуя, хотя въ ней заключено слишкомъ холодное и строгое правоученіе.

Потомъ она перешла къ голсу Мильтона. Это не была копія съ какого нибудь бюста или картины, и однакожь превосходила всѣ бюсты вѣрностью, потому что художникъ, приступая къ работѣ изучилъ всѣ извѣстныя изображенія поэта въ этомъ произведеніи соединились особенно вѣрныя черты всѣхъ миниатюръ, портретовъ и бюстовъ. Долгое изученіе поэзіи Мильтона доставило скульптору возможность оживить мраморъ могущественнымъ гевіемъ поэта. Это былъ самый трудный и удачный шагъ Киніона.

Въ-сторонѣ стояли два-три бюста знаменитыхъ Американцевъ, образъ которыхъ онъ хотѣлъ увѣковѣчить въ потомствѣ.

— Да, сказала Миріамъ, голова которой была все еще занята мыслями однородными съ высказанными прежде; хорошо состояніе челоуѣка довольствующагося мыслью, что послѣ смерти не оставитъ ничего, кромѣ травы на своей могилѣ, если только живые не отнимутъ и этого, прикрывъ ее бесплоднымъ мраморомъ. Мнѣ кажется, свѣтъ былъ бы свѣжѣе и лучше, еслибъ сбросилъ съ себя это тяжелое бремя каменныхъ воспоминаній, оставленныхъ вѣками.

— Вы говорите противъ всего моего искусства, замѣтилъ Киніонъ. Скульптура и удовольствіе, доставляемое ею челоуѣку, кажется могутъ служить доказательствомъ, что полезно обращаться къ тому, что было до насъ.

— Такъ, такъ! вскричала Миріамъ. Но вѣдь я не хочу ссориться съ вами изъ-за того, что вы бросаете ваши тяжелые камни въ бѣдное потомство, и если правду сказать, я нахожу, что вы способнѣе попасть въ цѣль, чѣмъ кто либо другой. Эти бюсты, хоть я и смѣюсь надъ ними, заставляютъ меня думать, что вы магъ. Вы превращаете горячихъ, пылкихъ людей въ холодный мраморъ; какая счастливая перемена! Сдѣлайте и со мною то же!

— Съ охотою! вскричалъ Киніонъ, которому давно уже хотѣлось снять это прекрасное и въ высшей степени выразительное лицо. Когда вамъ угодно начать?

— Я вовсе не о томъ думаю, отвѣчала Мириамъ. Пожагите мнѣ чтонибудь другое.

— Узнаете вы это? спросилъ скульпторъ.

Онъ поднялъ крышку небольшого старо-моднаго ящика изъ слоновой кости, пожелтѣвшей отъ времени. По стѣнкамъ его стояли вырѣзанныя чрезвычайно тщательно античныя фигуры и вокругъ нихъ висѣли листья; и еслибы Кинионъ сказалъ, что это работа Бенвенуто Челлини, то ни отдѣлка, ни обличавшееся въ ней искусство не возбудили бы сомнѣнiя въ его словахъ. Видно однакожь было, что этотъ ящикъ былъ произведенiе временъ Бенвенуто, а художникъ, сдѣлавшiй его, принадлежалъ къ его школѣ, и можетъ быть, подъ этой крышкой хранились брильянты какойнибудь дамы, красовавшейся при дворѣ Медичи.

Но теперь хранились сдѣсь не брильянты; поднявъ хлопчатую бумагу, онъ показалъ маленькую ручку, необыкновенно тонко вырѣзанную изъ мрамора.

— Это прекрасно! вскричала Мариамъ, невольно улыбувшись. Я видѣла во Флоренциѣ руку Лули, но это лучше, потому что ваша работа дышетъ страстью.

— Вы узнаете, чья это рука? спросилъ скульпторъ.

— Конечно; это одна изъ самыхъ вѣрныхъ рукъ на свѣтѣ, отвѣчала Мириамъ. Хотя она и маленькая и гнѣжная но въ ней видна энергiя. Я не разъ видѣла эту ручку во время работы съ кистью; однакожь я никогда не воображала, чтобъ вы такъ далеко ушли. Какъ вы убѣдили Гильду позволить снять ея руку?

— Да она ничего не знаетъ! быстро отвѣчалъ Кинионъ. Я укралъ ее. Эта рука — воспоминаiе. Но я такъ часто видѣлъ ее, что былъ бы ничтожный пачкунъ, еслибы не могъ воспроизвести ее совершенно точно.

— Получите-ли вы когданибудь оригиналъ? сказала Мириамъ ласково.

— Я не имѣю основанiя надѣяться. Притомъ Гильда такъ удалена отъ нашей сферы, что овладѣть ея сердцемъ также трудно, какъ поймать птицу, летающую подъ самыми облаками. Странно, что при всей своей нѣжности и слабости, она кажется совершенно увѣрена въ себѣ. Нѣтъ, я никогда не овладѣю ею вполне. Она очень способна къ симпатiи, но не нуждается въ любви.

— Я отчасти согласна съ вами, отвѣчала Мириамъ. Это совершенно ложная мысль, которую вообще поддерживаютъ мужчины; что природа дала женщинамъ особенную склонность къ тому, что технически называется любовью. Мы въ такой же мѣрѣ чувствуемъ потреб-

ность любви, какъ и вы; только намъ нечего больше дѣлать съ нашимъ сердцемъ. Но когда у женщины является другая цѣль въ жизни, она утрачиваетъ готовность любить. Я могу назвать многихъ женщинъ, прославившихся въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ, многихъ даже, которыхъ умъ и сердце были вполне заняты дѣятельностью на менѣе видномъ поприщѣ, никогда несознававшихъ тѣхъ чувствъ и той способности къ жертвованіямъ, какія обыкновенно приписываются нашему полу.

— И Гильда, вы думаете, принадлежитъ къ числу такихъ женщинъ? сказалъ скульпторъ печально. Эта мысль заставляетъ меня опасаться и за нее и за себя.

— Можетъ быть, она вывихнетъ свою нѣжную ручку, которую вы такъ хорошо сдѣлали, сказала Мириамъ смѣясь. Тогда вы можете надѣяться. Эти древніе мастера, поглощающіе теперь всю ея жизнь, единственные ваши соперники.

Книонъ вздохнулъ и положилъ въ ящикъ свое сокровище. — Любовь его къ Гильдѣ переходила въ боготвореніе: онъ никогда не осмѣливался поцѣловать изображеніе, имъ самимъ сдѣланное.

— Покажите же теперь вашу исвую статую, сказала Мириамъ.

— Мою новую статую! повторялъ Книонъ; занятый мыслями, возбужденными въ немъ рукою Гильды, онъ совершенно забылъ о статуѣ, которую хотѣлъ показать Мириамъ. — Она подъ покрываломъ, прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, это не голая женщина, сказала Мириамъ. Каждый молодой скульпторъ считаетъ, кажется, себя обязаннымъ представить нагую женскую статую, назвавъ ее Еввою, Венерою или Нимфою, чтобы какънибудь оправдать ея наготу. Мнѣ досадно и даже стыдно смотрѣть на такія произведенія. Теперь люди привыкли видѣть другъ друга одѣтыми, и нагота въ собственномъ смыслѣ вовсе не существуетъ. Поэтому артистъ — я увѣрена, вы согласитесь со мною — не можетъ съ чистымъ сердцемъ приступить къ подобной работѣ, ужъ потому только, что принужденъ преступнымъ взглядомъ изучать модели. При такихъ условіяхъ мраморъ теряетъ безъ нужды свою цѣломудренность. Разумѣется, я не отношу этого къ древнимъ скульпторамъ — они находили модели подъ открытымъ небомъ, и оттого нагая статуя древняго художника скромна какъ фіалка и достаточно прикрывается собственной красотою. Но что касается до раскрашенныхъ Венеръ Джипсона, которыя, кажется, вымачканы табачнымъ сокомъ, и до всѣхъ нагихъ статуй новѣйшаго времени, то я не понимаю, что онѣ могутъ сказать этому поколѣнію, и я охотнѣе готова смотрѣть на кучу извести, чѣмъ на нихъ.

— Вы слишком строги къ нашимъ профессорамъ, замѣтилъ Киніонъ, полушутя, полусерьезно. Однакожь вы не совсѣмъ неправы. Мы дѣйствительно должны прискивать какое-нибудь драпри. Но что прикажете дѣлать? — принять современный костюмъ, одѣть Венеру въ кринолинъ?

— Тогда вы точно были бы пачкунъ! возразила Мириамъ, смѣясь. Эта трудность выбора утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что скульптура уже утратила мѣсто между живыми искусствами, исключая развѣ портретные бюсты. Въ наше время мы не встрѣчаемъ ни одной оригинальной группы, ни даже новой попытки въ этомъ родѣ. Вы сами знаете, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе полудюжины оригинальныхъ статуй и группъ, да и тѣ принадлежать древности. Кто хорошо знакомъ съ ватиканскою галереєю, съ галереєю Уфицци, неаполитанскою или луврскою, тотъ въ любомъ новѣйшемъ произведеніи безъ труда откроетъ черты древняго прототипа, который началъ уже выходить изъ моды даже у древнихъ Римлянъ.

— Перестаньте, Мириамъ! вскричалъ Киніонъ, или я навсегда брошу рѣзецъ!

— Вѣрьте мнѣ, Киніонъ, продолжала Мириамъ, взволнованная душа которой находила успокоеніе въ декламациі, вѣрьте, что вы, скульпторы, самые большіе воры въ мірѣ; но что же дѣлать! — необходимость!

— Я не могу согласиться съ вами вполне, сказалъ Киніонъ; но не могу и отрицать совершенно вашихъ словъ, особенно при настоящемъ состояніи искусства. Но пока въ Каррарѣ будутъ добывать чистый мраморъ, пока у насъ на родинѣ будутъ существовать мраморныя горы, я не перестану вѣрить, что будущія скульпторы оживятъ это благородное искусство и осуществятъ новые идеалы красоты и величія. А можетъ быть, прибавилъ онъ шутя, человѣчество станетъ одѣваться иначе, или скульпторы найдутъ средство дѣлать видимымъ характеръ человѣка сквозь кринолины и корсеты.

— Можетъ быть, сказала Мириамъ. Однакожь покажите мнѣ вашу статую, которую вѣроятно я слишкомъ строго осудила, не видѣвъ. Но впрочемъ я теперь совершенно способна одѣнить ее.

Киніонъ готовъ былъ открыть модель, но Мириамъ остановила его.

— Скажите прежде, какой сюжетъ? сказала она.

— Это должна быть Клеопатра, отвѣчалъ скульпторъ; а въ какую эпоху жизни, это вы сами должны сказать.

Онъ снялъ наконецъ покрывало, и Мириамъ увидѣла сидящую фигуру женщины, одѣтой въ древній египетскій костюмъ, на столько вѣрный дѣйствительности, насколько остатки древности позволяютъ

воспроизвести его вѣрно. Трудности, представлявшіяся скульптору, казалось, были неодолимы; но онъ рѣшился одолѣть ихъ и достигъ своей цѣли, такъ что Клеопатра являлась не только Египтянкою, но дочерью Нюломеевъ дѣйствительно способною перелить свой троническій огонь въ холодную кровь Октавіа.

Чудный покой — это рѣдкое достоинство въ статуѣ — разлитъ былъ во всей фигурѣ. Зритель чувствовалъ, что Клеопатра вступила уже въ горячечный, мучительный періодъ своей жизни и только на мгновеніе успокоилась; но это спокойствіе было спокойствіе отчаянія: онъ уже видѣлъ Октавію и остался равнодушнѣе къ ея прелестямъ. Она была совершенно покойна, какъ будто ей суждено было ужъ никогда больше не владѣть своими членами; но между тѣмъ въ каждомъ ея мускулѣ выражалась такая энергія, такая сила страсти, что, казалось, вотъ она вскочитъ и какъ тигрица кинется на васъ.

Лицо было исполнено удивительно вѣрно. Скульпторъ соединилъ въ немъ всѣ характеристическія черты египетскаго лица. Предъ вами была вся Клеопатра — пылая, сладострастная, нѣжная, слабая, ужасная, полная восхищающей, но отравляющей прелести.

— Что это за женщина! вскричала Миріамъ, послѣ продолжительной паузы. Скажите, она всегда, даже и тогда, какъ вы работали, старается побѣдить силою своей страсти? Вамъ не страшно было прикасаться къ ней, когда она стала оживать подъ вашими руками?... Послушайте, Книзонъ, это великое произведеніе! Какъ и гдѣ вы научились этому?

— Это результатъ долгой работы мозга и рукъ, отвѣчалъ Книзонъ, не безъ нѣкотораго сознанія, что его работа дѣйствительно прекрасна.

— Я всего больше удивляюсь тому, продолжала Миріамъ, что вы такъ искусно сочетали въ ней всѣ повидному противорѣчащія черты. Гдѣ вы открыли эту тайну? Ужъ конечно не въ Гильдѣ?

— Конечно, не въ ней, сказалъ Книзонъ; она принадлежитъ къ эфирнымъ типамъ, несовмѣстнымъ ни съ какимъ зломъ.

— Да, вы правы, живо сказала Миріамъ. Дѣйствительно, существуютъ женскіе типы эфирные, какъ вы сказали, и Гильда одна изъ нихъ. Она умерла бы отъ перваго дурнаго дѣла, если предположить на минуту, что она способна на какое-нибудь дурное дѣло. Какъ она, повидному, ни слаба, но можетъ вынести бремя горести; но она не выдержала бы никакого преступленія. Мнѣ кажется, что, еслибы судьба мнѣ опредѣлила, я вынесла бы и то и другое; хотя въ душѣ я также чиста, какъ Гильда. Вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Избави Богъ! вскричалъ Книзонъ.

Онъ былъ нѣсколько пораженъ этимъ страннымъ и неожиданнымъ оборотомъ рѣчи и голосомъ артистки, обличавшимъ сильное волненіе и звучавшимъ несомнѣнно естественно.

— О, Киніонъ! вскричала она съ необыкновенною живостью; въ самомъ-ли дѣлѣ вы мой другъ? Я одна, одна, одна! У меня есть тайна, которая жжетъ мое сердце, терзаетъ меня! Иногда я боюсь сойти съ ума отъ нея, иногда я желала бы умереть — но смерть не ѣдетъ. О, еслибы я могла передать ее хоть одному живому существу на свѣтѣ. Вы такъ хорошо знаете женщинъ, вы такъ глубоко видите въ нихъ душахъ можетъ быть, вы поймете меня! Но Богъ знаетъ.... О, позвольте мнѣ говорить!

— Мириамъ, говорите, сказалъ скульпторъ, говорите откровенно, какъ брату, и если я могу вамъ помочь....

— Помочь! Нѣтъ!

Отвѣтъ Киніона былъ совершенно прямодушенъ и откровененъ; но Мириамъ открыла заднюю мысль и боязнь въ этомъ горячемъ выраженіи готовности услышать ея тайну. Правду сказать, онъ точно сомнѣвался, было-ли бы для него хорошо выслушать, а для нея высказать то, что рвалось наружу. Если въ настоящемъ случаѣ дружба обязывала его къ чему нибудь, то онъ былъ бы готовъ исполнить свой долгъ. Если ея сердце искало только выхода, въ такомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, откровенное признаніе облегчило бы его. Но тайна, какова бы она ни была, вырвавшись изъ ея устъ, измѣнила бы существовавшія между ними отношенія. Онъ долженъ былъ бы отдать ей всю свою симпатію и именно тотъ родъ симпатіи, какого потребовали бы обстоятельства, или Мириамъ возненавидѣла бы и его, и себя.

Такъ думалъ въ эту минуту Киніонъ, и Мириамъ предугадала его мысли.

— Я стану ненавидѣть васъ! вскричала она; да, я вижу, вы также холодны и безжалостны, какъ мраморъ вашихъ статуй.

— Я вамъ совершенно сочувствую, видитъ Богъ! возразилъ скульпторъ.

— Оставьте ваше сочувствіе для такихъ печалей, которыя оно можетъ утѣшить, сказала Мириамъ, сдѣлавъ усиліе овладѣть собою. А что до меня, то я знаю, какъ помочь моему горю. Все это была ошибка: вы ничего не можете сдѣлать для меня, развѣ только превратить въ камень, какъ Клеопатру; но я не изъ такихъ женщинъ, вѣрьте мнѣ.... Забудьте эту глупую сцену, Киніонъ, и пожалуйста не напоминайте мнѣ о ней, не только словомъ, даже взглядомъ.

— Если вы этого желаете, я долженъ забыть, сказалъ скульпторъ, держа ея руку, которую она подала ему на прощанье; но если

я въ состояніи буду когда нибудь вамъ служить, позвольте мнѣ вспомнить ее. Между тѣмъ, Мириамъ, мы будемъ встрѣчаться съ вами также дружески, какъ прежде.

— Вы менѣ искренни, чѣмъ я думала, возразила Мириамъ, если, стараетесь заставить меня думать, что въ нашихъ отношеніяхъ не будетъ никакой церемѣны.

Проходя въ переднюю, она остановилась у статуи юноши утонувшаго во время ловли жемчуга.

— Моя тайна не жемчугъ, сказала она; однакожъ человѣкъ могъ бы утонуть, стараясь открыть ее.

Когда Кинионъ заперъ дверь, гостя медленно стала спускаться съ лѣстницы и на первой площадкѣ остановилась.

— Не воротиться-ли? думала она. Я сдѣлала глупость! Я лишилась дружбы честнаго, добраго человѣка и ничего не приобрѣла. Что, если я ворочусь и расскажу ему все?

Она прошла еще три четыре ступени и опять остановилась, прошептала что-то и покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесла оно почти вслухъ. Удивляюсь, какъ могла придти мнѣ такая мысль! Развѣ его сердце для меня? нѣтъ, я украла бы его у Гильды... Я никогда не передамъ ему моей тайны; она не жемчугъ, но карбункулъ, красный, какъ кровь, слишкомъ дорогой для меня... его нельзя бросить даромъ въ кошелекъ чужаго человѣка.

Съ этою мыслью она спустилась съ лѣстницы и увидѣла свою тѣнь, ожидавшую ее на улицѣ.

ГЛАВА VIII.

Эстетическое общество.

Вечеромъ того дня, когда Мириамъ посѣтила Киниона, было собраніе эстетическаго общества, образовавшагося изъ художниковъ Англо-Саксонцевъ и главнымъ образомъ Американцевъ. Въ настоящее собраніе явилось сверхъ того нѣсколько туристовъ, оставшихся еще въ Римѣ, хотя св. недѣля уже прошла. Мириамъ, Гильда и скульпторъ

были также здѣсь, а съ ними вмѣстѣ явился и Донателло, жизнь котораго измѣнила свое естественное теченіе, такъ какъ онъ, подобно вѣрной собачкѣ, всюду слѣдовалъ за своею госпожею, гдѣ только могъ ее встрѣтить.

Мѣстомъ собранія было довольно мрачное жилище одного изъ извѣстнѣйшихъ членовъ общества. Собранія эти отличались простотою и отсутствіемъ всякихъ церемоній, что очень обыкновенно между иностранцами, живущими въ Римѣ. Кто не былъ заинтересованъ искусствомъ, тотъ, конечно, не могъ найти удовольствія въ этомъ обществѣ, гдѣ каждое лицо было поглощено одною общою идеею, одною и тою же цѣлью.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему Римъ сдѣлался любимою резиденціею артистовъ, ихъ идеальнымъ жилищемъ, которое нито не смѣли оставить, подышавъ однажды его воздухомъ,—заключается въ томъ, что они чувствуютъ здѣсь свою силу, составляютъ свое общество, гдѣ каждый является свободнымъ гражданиномъ, а не чужестранцемъ какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ собраніи въ настоящемъ случаѣ общество было нѣсколько лицъ, имена которыхъ извѣстны всему просвѣщенному міру и много молодыхъ артистовъ, которыхъ ожидала такая же слава. Вниманіе присутствующихъ было обращено на коллекцію древностей, принесенныхъ однимъ изъ гостей и заботливо разложенныхъ по столамъ. Древности эти принадлежали къ разряду тѣхъ произведеній искусства, которыми до сихъ поръ богата почва Рима и его окрестностей—печати, маленькія бронзовыя фигуры, и разныя вещи, рѣзанныя изъ слоновой кости;—все это, конечно, предметы не большой цѣнности, но не лишеныя значенія въ коллекціи художника.

Но всего интереснѣе было собраніе старинныхъ картинъ; на многихъ изъ нихъ, по мнѣнію владѣльца, замѣтны были слѣды кисти великаго мастера, хотя онѣ и пожелтѣли отъ времени и были попорчены, вѣроятно, позднѣйшими владѣльцами, обходившимися съ ними совершенно безцеремонно. Такимъ образомъ, въ картинахъ этихъ одинъ общій очеркъ и постановка фигуръ сохранила свое первоначальное достоинство.

Все были заняты разборомъ принесенныхъ вещей; наконецъ вниманіе нѣсколькихъ знатоковъ остановилось на одной небольшой картинѣ, которую они приписывали Рафаэлю, будто бы набросавшему на ней первый очеркъ своего любимого типа Мадонны. Другіе приписывали ее Леонардо да Винчи и утверждали, что это варіація на тему картины его «Скромность и Тщеславіе», находящейся въ палаццо Скиарра. Было еще съ полдюжины другихъ картинъ, и каждая возбуж-

дала самыя разнообразныя толки. Гильда была въ высочайшей степени заинтересована богатымъ портфелемъ. Она такъ долго всматривалась въ одну картину, что Мириамъ наконецъ спросила ее, какое она сдѣлала открытіе.

— Посмотрите внимательно на эту картину, отвѣчала Гильда, подавая ее Мириамъ. Если вы дадите себѣ трудъ отдѣлать рисунокъ отъ этихъ пятенъ, сдѣланныхъ кистью, вы найдете, что это очень любопытная вещь.

— Я думаю, это будетъ совершенно напрасный трудъ, отвѣчала Мириамъ; мнѣ нужно или вѣрить вамъ на слово, или приобрести вашу способность. Фи! какая грязная!

Дѣйствительно, картина, находившаяся въ рукахъ Гильды, болѣе другихъ пострадала отъ времени и отъ дурнаго употребленія; замѣтно было даже, что кто-то пытался уничтожить рисунокъ. Однакожъ съ помощью Гильды Мириамъ разглядѣла крылатую фигуру съ обнаженнымъ мечомъ и дракона или демона, распростертаго у ея ногъ.

— Я убѣждена, сказала Гильда тихо, что это работа Гвидо Рени. Если такъ, то должно быть это оригинальный эскизъ его картины, находящейся въ церкви капуциновъ,—Михаилъ архангелъ, поставившій ногу на демона. Общее расположеніе и концепція одинаковы; разница только въ томъ, что здѣсь лицо демона болѣе en-face и грозить архангелу, который отъ него отворачивается.

— Неудивительно! отвѣчала Мириамъ. Это совершенно согласно съ изысканностью и вообще съ характеромъ Михаила, какимъ его представилъ Гвидо. Онъ ни-когда не въ состояніи былъ бы взглянуть прямо въ лицо демона.

— Мириамъ! вскричала Гильда тономъ упрека. Мнѣ очень грустно слышать, съ какимъ презрѣніемъ вы отзываетесь о прекрасномъ, божественномъ образѣ.

— Извините, милая Гильда! вскричала Мириамъ. Вы эти вещи разсматриваете болѣе съ религіозной точки зрѣнія. Я согласна, что архангелъ Гвидо прекрасная картина, но на меня она никогда не произвела такого впечатлѣнія, какъ на васъ.

— Оставимъ это, отвѣчала Гильда. Я хотѣла обратить ваше вниманіе на лицо демона; онъ вовсе не похожъ на демона оконченной картины. Вы знаете, Гвидо утверждалъ, что сходство его съ кардиналомъ Памфили или случайное, или воображаемое. Но вотъ здѣсь это лицо, какъ было задумано съ самаго начала.

— И согласитесь, что здѣсь демонъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ на оконченной картинѣ, сказалъ Киніонъ, взявъ рисунокъ изъ рукъ Гильды. Какая необыкновенная сила въ этомъ страшномъ безобразіи, и даю

слово, прибавилъ онъ послѣ паузы, это не невозможное лицо, я видѣлъ гдѣ-то такую голову на плечахъ живаго человѣка.

— И я тоже видѣла, сказала Гильда. Это поразило меня съ перваго взгляда.

— Донателло, сказалъ Квинионъ, посмотрите на это лицо.

Донателло, какъ вѣроятно догадывается читатель, не принималъ большого участія въ искусствѣ и почти никогда не осмѣливался высказывать своего мнѣнія; но теперь поглядѣвъ съ минуту на картину, онъ бросилъ ее съ выраженіемъ отвращенія и ненависти.

— Я знаю это лицо! прошепталъ онъ. Это модель Мириамъ!

Странное сходство демона съ живымъ человѣкомъ замѣтили и Гильда и Квинионъ, но увѣрились въ немъ окончательно, когда Донателло подтвердилъ вѣрность ихъ замѣчанія. Что могло быть причиною этого сходства—рѣшить не возможно; можетъ быть, Гвидо, сляясь представить въ образѣ идею зла, бессознательно намекнулъ на чело-вѣческое лицо; или, можетъ быть, онъ нарисовалъ портретъ человѣка, который такъ же преслѣдовалъ его, какъ преслѣдовала Мириамъ ее модель, который посмерти Гвидо укрылся въ древнихъ катакомбахъ и бродилъ тамъ, какъ призракъ, ожидая новой добычи, пока наша артистка не вывела его на свѣтъ.

— Я вовсе не признаю сходства, сказала Мириамъ; я разъ двадцать сама рисовала его лицо и потому могу быть лучшимъ судьей.

Начался споръ по поводу архангела Гвидо, окончившійся тѣмъ, что наши друзья положили на другой день утромъ идти въ церковь капуциновъ и тамъ рѣшить вопросъ. Во всякомъ случаѣ сходство той картины съ грязнымъ очеркомъ, находившимся теперь передъ ними, заслуживало вниманія.

Около десяти часовъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на балконѣ, объявили, что луна поднялась уже высоко, и предложили пойти посмотреть на развалины, которыя особенно эффектны при лунномъ освѣщеніи.

Предложеніе было съ восторгомъ принято молодыми людьми. Они немедленно вышли, слабо освѣщаемые восковыми свѣчами, которыми въ Римѣ необходимо запастись всякому, кому приходится въ ночное время спускаться или подниматься по лѣстницамъ. Вышедъ на улицу, они увидѣли небо, ярко озаренное луною, которая кидала свѣтъ на стѣну противоположнаго палаццо и отбѣняла всѣ его архитектурныя украшенія—карнизы, колонны и рѣшетки темныхъ оконъ, придававшія всему зданію видъ тюрьмы. Починщикъ старой обуви уже закрылъ свою лавку, помещенную въ основаніи дворца; фонарь продавца сигаръ сверкалъ въ тѣни арки; французскій часовой мѣрно ходилъ взадъ и вне-

*

редь вдоль портала и бездомная собака съ громкимъ лаемъ преслѣдовала его, какъ бы оспаривая у него право быть сторожемъ этого мѣста.

Со всѣхъ сторонъ слышался шумъ падающей воды, наводившейся гдѣ-то недалеко, но совершенно невидимой. Такой шумъ можно слышать во многихъ улицахъ и дворцахъ, когда дневной шумъ умолкаетъ, потому что консулы, императоры, паны и великіе люди разныхъ временъ не находили лучшаго средства обезсмертить свое имя, какъ построить вѣчно новый, неразрушимый бассейнъ и наполнить его водою;— потомство могло убѣдиться, что эти постройки прочнѣе чѣмъ мѣдъ и мраморъ.

— Донателло, вы можете взять себѣ въ товарищи когонибудь изъ этихъ юношей, сказала Миріамъ, увидѣвъ его возлѣ себя. Теперь я вовсе не въ такомъ настроеніи, какъ въ тотъ вечеръ, когда мы танцевали въ виллѣ Боргезе.

— Я никогда больше не захочу танцевать, отвѣчалъ Донателло.

— Какой печальный тонъ! вскричала Миріамъ. Вы совершенно испортились въ этомъ мрачномъ Римѣ; но вы опять будете благодарны и счастливы, если скоро воротитесь домой, въ Тоскану. Дайте мнѣ руку; только берегитесь—не шалите. Мы сегодня должны вести себя спокойно и важно.

Общество раздѣлилась на группы; каждый выбралъ себѣ товарища— живописецъ скульптора, скульпторъ живописца, потому что, какъ извѣстно, артисты чувствуютъ болѣе симпатіи къ тѣмъ, которые трудятся въ другой сферѣ, нежели къ своимъ собратамъ. Киніонъ охотно предложилъ бы свою руку Гилладѣ и держался бы нѣсколько въ сторонѣ отъ остальнаго общества; но она шла возлѣ Миріамъ и, казалось хотѣла остаться одна.

Они скоро прошли узкую улицу, выходящую на площадь, гдѣ въ лунномъ свѣтѣ сверкалъ величественнѣйшій изъ римскихъ фонтановъ. Шумъ его, чтобъ не сказать ревъ, слышенъ былъ гуляющимъ до тѣхъ поръ, пока они оставались на открытомъ воздухѣ. Это фонтанъ Треви, источникъ котораго находится далеко за стѣнами города, а вода спрывается оттуда по подземнымъ водопроводамъ.

— Я напьюсь воды изъ этого фонтана, сказала Миріамъ. Черезъ нѣсколько дней я уѣду изъ Рима, а говорятъ, что одинъ глотокъ воды изъ фонтана Треви передъ отъѣздомъ обезпечиваетъ возвращенію, казія бы ни встрѣтились препятствія. Вы также напьетесь, Донателло?

— Сильорина, я пью, что вы пьете, отвѣчалъ Донателло.

Вся компанія подошла къ фонтану; одни пили воду, другіе разсматривали мраморную группу, довольно недѣльное произведеніе какого-то скульптора школы Бернини. Впрочемъ, теперь при лунномъ свѣтѣ

весь этот фронтонъ съ нишами, и выглядывающими изъ нихъ аллегорическими фигурами, Нептуномъ и тритонами у основания, казался несравненно лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Чтобы сдѣлали изъ такой страшной силы воды у насъ въ Америкѣ? сказалъ кто-то изъ артистовъ, — ее вставили-бы вращать колеса машинъ, хлопчато-бумажной фабрики — я увѣренъ.

— Народъ сломалъ бы эти божества, сказалъ Кинионъ, и вѣроятно поставилъ бы тридцать одну фигуру — изображающія штаты и серебряные потоки, исходящія изъ каждой изъ нихъ, соединялись бы въ огромномъ резервуарѣ общаго благосостояннн націи.

— Или, еслибы они захотѣли придать оттѣнокъ сатиры, замѣтилъ какой-то англійскій художникъ, то могли бы заставить одну фигуру смывать пятна на національномъ флагѣ. Римскія прачки могли бы служить отличными моделями.

— Мнѣ часто хотѣлось взглянуть на этотъ фонтанъ при лунномъ свѣтѣ, сказала Мириамъ, потому что здѣсь было свиданіе Коринны съ лордомъ Невиллемъ послѣ разлуки. Подойдите кто нибудь, я посмотрю, можно-ли различать лица въ водѣ.

Опершись на край бассейна, она услышала чьи-то тихіе шаги и замѣтила въ водѣ, что кто-то смотритъ изъ-за ея плеча. Свѣтъ луны освѣщала сзади артистку и, падая на фронтонъ, освѣщала всѣ статуи, скалы, и дробился въ постоянно волнующейся поверхности воды. Надо замѣтить, что Коринна узнала Невилля по отраженію его лица въ водѣ; но Мириамъ собственная тѣнь мѣшала различить лица.

— Три тѣни! вскричала она. Три отдѣльныя тѣни и всѣ такія темныя и тяжелыя, что утонули въ водѣ. Онѣ всѣ рядомъ лежатъ на днѣ бассейна. Одну я узнаю: съ правой стороны Донателло, — я узнала его по волосамъ и по очертанію головы. Но я не могу различить фигуры, которая съ лѣвой стороны; какая-то темная масса, неопредѣленная, какъ предназначено бѣдствія... Кто же это можетъ быть?... Ахъ!

Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди, когда она, обернувшись назадъ, увидѣла странную фигуру, преслѣдовавшую ее, хорошо знакомую всему обществу артистовъ. Общій взрывъ смѣха послѣдовалъ за восклицаніемъ Мириамъ; между тѣмъ фигура наклонилась къ ней и произнесла нѣсколько словъ, которыхъ нельзя было слышать, за шумомъ воды; однакожь, судя по жестамъ, можно было заключить, что она приглашала Маріамъ омочить руки въ водѣ.

— Онь, должно-быть, не Итальянецъ, по крайней мѣрѣ не Римлянинъ, замѣтилъ кто-то изъ художниковъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ такъ заботливо мылъ руки. Посмотрите, онъ

треть ихъ, какъ будто бы хотѣлъ смыть ятна и грязь, нанесенныя цѣлымъ тысячелѣтїемъ.

Дѣйствительно, омочивъ руки въ водѣ, онъ теръ ихъ съ необыкновеннымъ усердїемъ, потомъ смотрѣлъ въ воду, какъ будто желая удостовѣриться, не замѣтны-ли во всемъ бассейнѣ слѣды его умовенїа. Марїамъ съ ужасомъ глядѣла на него нѣсколько мгновенїй, потомъ, овладѣвъ собою, почерпнула горестью воды и, слѣдуя старинной формѣ заклятїй, брызнула ею въ лицо своего преслѣдователя.

— Во имя всѣхъ святыхъ, вскричала она, исчезни, демонъ, и оставь меня навсегда!

— Этого недостаточно, сказалъ кто-то изъ артистовъ, въ фонтанѣ не святая вода! Дѣйствительно, заклятїе не произвело никакого дѣйствїа на демона. Онъ умылъ еще виски, промылъ глаза, посмотрѣлъ пристально въ воду и опять жестами пригласилъ Марїамъ послѣдовать его примѣру. Зрители громко смѣялись, но въ смѣхѣ ихъ слышалась принужденность, потому что въ фигурѣ точно было что-то отталкивающее и отвратительное.

Въ эту минуту Марїамъ почувствовала, что кто-то сильно схватилъ ее за руку; она обернулась и увидѣла Донателло, лицо котораго было искажено яростью хищнаго звѣря.

— Позвольте мнѣ утопить его, прошепталъ онъ. Вы сейчасъ услышите, какъ онъ захлебнется.

— Перестаньте, успокойтесь, Донателло! сказала Марїамъ ласково, видя, что вся душа ея спутника-была взволнована неестественнымъ гнѣвомъ и ужасомъ. Оставьте его въ покоѣ. Онъ сумасшедшїй, и мы сами будемъ казаться сумасшедшими, если станемъ тревожиться его странностями. Оставимъ его, пусть онъ себѣ моется, если ему это нравится; что намъ до этого? Ну, успокойтесь же, глупый мальчикъ!

Тонъ и жесты ея были таковы, какъ будто бы она умирала разозлившуюся вѣрную собаку; она погладила его по головѣ, потомъ дотронулась до его щеки своею нѣжною рукою.

— Ахъ, синьорина! тяжело вздохнувъ, сказалъ Донателло, который успѣлъ нѣсколько успокоиться когда они пошли дальше, продолжая держаться въ сторонѣ отъ остальнаго общества. Могу-ли я быть теперь такимъ, какимъ вы меня въ первый разъ видѣли? Мнѣ кажется, я очень измѣнился въ теченїе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и особенно въ послѣднїе дни. Радость исчезла навсегда, все прошло! все прошло! Посмотрите, какъ горятъ мои руки, а еслибы вы знали, какъ горитъ мое сердце!

— Мой бѣдный Донателло! вы больны! сказала она тономъ глубокой симпатїи и состраданїа. Это Римъ отнялъ у васъ вашу прежнюю счастливую, веселую жизнь. Возвращайтесь, мой другъ, домой; тамъ вы

опять будете счастливы, какъ прежде. Нашли-ли вы здѣсь что нибудь, чѣмъ бы могли наслаждаться? скажите мнѣ правду.

— Да, отвѣчалъ Донателло.

— Что? ради Бога скажите! живо произнесла Маріамъ.

— Жгучую боль въ сердцѣ, отвѣчалъ Донателло, потому что вы причиною ея.

Въ это время они находились уже довольно далеко отъ фонтана Треви. О сценѣ, происшедшей у бассейна, почти никто не говорилъ, потому что всѣ считали преслѣдователя Маріамъ сумасшедшимъ человекомъ и едва ли были удивлены странностью его поведенія.

Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, общество прошло черезъ площадь Апостоловъ и наконецъ достигло форума Траяна. На всемъ пространствѣ, гдѣ нѣкогда былъ Римъ, время особенно рѣзко обнаружило свою дѣятельность — оно употребило тутъ усилія, чтобъ похоронить древній городъ и въ теченіи восемнадцати столѣтій закапывало все глубже и глубже могилу. Ту же судьбу испытывалъ и форумъ Траяна, пока Французы въ отсутствіи папы не начали раскапывать землю вокругъ гигантской колонны и не открыли ея основанія, украшеннаго барельефами древнихъ императоровъ. На площади предъ нимъ возвышается каменная роща, состоящая изъ полуразвалившихся, неровныхъ столбовъ исчезнувшей базилики, еще сохраняющихъ прежнее величіе и, кажется, уже неспособныхъ къ дальнѣйшему разрушенію. Въ концѣ площади находится громадный гранитный столбъ. Это самый положительный свидѣтель прошлаго; ни исторія, ни эпопея, ни сила мысли не могутъ сдѣлать существованіе древняго Рима столь ощутительнымъ для самаго отдаленнаго потомства, какъ этотъ громадный остатокъ того, что было создано когда-то великимъ народомъ.

— Посмотрите, сказалъ Квиніонъ, на этомъ столбѣ сохранилась еще шлифовка. Теперь ужъ довольно поздно, а я чувствую жаръ полуденнаго солнца; этотъ столбъ кажется вѣчень. Полировка, выдержавшая слишкомъ полторы тысячи лѣтъ, жаръ, сохраняющійся до полуночи, — это почти невѣроятно.

— Въ этомъ столбѣ можно найти утѣшеніе, сказала Маріамъ; онъ напоминаетъ, что всѣ человѣческія бѣдствія преходящи.

— Также, какъ радости, и счастье, и все прекрасное, возразила Гильда. Мнѣ неприятно думать, что этотъ камень, только потому, что онъ массивный, останется, Богъ знаетъ, какъ долго, между тѣмъ какъ картина, которая заключаетъ въ себѣ душу и должна быть бессмертна, исчезаетъ.

— О милая Гильда, сказала Маріамъ, утѣшьтеесь общимъ заключеніемъ, которое вывести можно изъ всего на свѣтѣ и совершенно

справедливымъ во всѣхъ отлошеніяхъ — «все пройдетъ!» — и это когданибудь исчезнетъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ внезапнымъ крикомъ нѣсколькихъ артистовъ, остававшихся въ сторонѣ и разговаривавшихъ между собою.

— Траянъ! Траянъ! кричали они.

— Вы хотите оглушить насъ своимъ крикомъ, сказала Миріанъ, смѣясь; что съ вами?

Вся площадь огласилась крикомъ — Траянъ! и эхо повторяло это крикъ со всѣхъ сторонъ помѣскольку разъ.

— Мы пользуемся случаемъ попробовать свои голоса, отвѣчалъ одинъ изъ артистовъ; а сверхъ того надѣмся вызвать Траяна; пусть онъ посмотритъ на свою колонну, онъ при жизни ее не видѣлъ, — вѣдь ваша модель бродитъ еще по Риму, а онъ жилъ и грѣшилъ раньше Траяна; почему же не явится и Траянъ?

— Я не думаю, чтобъ умершимъ императорамъ могли доставить удовольствіе ихъ колонны, замѣтилъ Киніонъ. Всѣ эти прекрасныя барельефы, на которыхъ представлены кровавыя подвиги Траяна, едва ли понравились бы ему; они вмѣстѣ съ нимъ явятся на страшный судъ и скажутъ, что онъ дѣлалъ при жизни. Еслибы нитъ пришлось ставить памятникъ какому нибудь герою, я подумалъ-бы, что изобразить на немъ дѣла.

— Вотъ и проповѣдь! сказала Гильда, смѣясь надъ нравственною рѣчью Киніона. Впрочемъ, эти камни въ самомъ дѣлѣ могутъ внушить мысль, годную для проповѣди.

Все общество въ самомъ веселомъ настроеніи духа отправилось дагѣе взглянуть на массивныя остатки храма Марса гдѣ въ настоящее время помѣщается женскій монастырь. По дорогѣ они остановились на минуту у портика храма Минервы, богатѣйшаго и прекраснѣйшаго произведенія древняго зодчества, но сильно пострадавшаго отъ времени и почти до половины скрывающагося въ наносной почвѣ. Въ этомъ зданіи на мѣстѣ древней богини пріютился булочникъ.

— Ужъ булочникъ вынулъ изъ печи свои булки, замѣтилъ Киніонъ. Слышите, какой сильный запахъ? Я думаю, Минерва, въ отмщеніе за такое поруганіе ея храма, подлила бы ему въ тѣсто уксусу, еслибы не знала, что новые Римляне сами љютъ его.

Они поворотили въ Via Alessandria и, достигнувъ храма Міра, прошли подъ его высокими массивными арками на длинную площадь, огороженную плетнемъ. На этомъ мѣстѣ, итѣющемъ въ настоящее время деревенскую наружность, въ древности вѣроятно была одна изъ великолѣпнѣйшихъ улицъ. На всемъ этомъ пространствѣ, поросшемъ травой, лежатъ груды развалинъ, и видѣтъ обнаженный слѣдъ обширнаго

храма, построеннаго Адрианомъ. Оно оканчивается довольно крутымъ спускомъ, у подножія котораго разстилается равнина, загроможденная развалинами Колизея.

ГЛАВА IX.

Въ Колизеѣ и на краю пронасти.

У входа въ эту величественную развалину, какъ обыкновенно въ лунные вечера, стояло нѣсколько экипажей; но внутри почти никого не было видно. Французскій часовой, стоявшій у главной арки, внимательно осмотрѣлъ группу новыхъ посѣтителей, однако не помѣшалъ имъ идти дальше. Вся внутренность развалины была залита луннымъ свѣтомъ, въ которомъ даже слишкомъ рѣзко обрисовывались арки. Величественныя воспоминанія помогаютъ воображенію создать постройку болѣе громадную, чѣмъ Колизей, и разрушить ее въ болѣе живописныя развалины. Знаменитое описаніе Байрона лучше дѣйствительности. Онъ осмотрѣлъ на сцену сквозь чарующую призму протекшихъ столѣтій и освѣтилъ ее свѣтомъ звѣздъ, вмѣсто того, чтобъ представить ее въ яркомъ свѣтѣ полной луны.

Одни изъ членовъ нашего эстетическаго общества усѣлись на лежащую колонну, другіе на массивную глыбу мрамора, нѣкогда, можетъ быть, служившую подножьемъ жертвенника, иныя на ступенькахъ христіанскаго алтаря. Хотя всѣ они были Готы и варвары, однакожь болтали между собою такъ весело, какъ будто бы принадлежали къ племени, населяющему нынѣшнюю Италію. Здѣсь, гдѣ столько гладіаторовъ и христіанскихъ мучениковъ было истерзано дикими звѣрями, древнее населеніе Рима находило много удовольствія и веселья. И теперь нѣсколько человекъ, сидя у подножья чернаго креста, возвышающагося въ центрѣ Колизея, пѣли веселыя пѣсни. Всѣ преступленія, совершенныя на этомъ мѣстѣ, вся пролитая кровь, доставила ему особенную святость. Недаромъ римская церковь обѣщаетъ отпущеніе грѣховъ тому, кто напечатлѣетъ поцѣлуй на черномъ крестѣ. Кругомъ по всему пространству Колизея воздвигнуты алтаря, изъ которыхъ каждый напоминаетъ какое нибудь обстоятельство страданій Спасителя. Пилигримы ползаютъ на колѣнахъ отъ одного алтаря до другаго, и у каждаго склоняясь, терпѣливо читаютъ свои молитвы.

— Какъ все это прекрасно! сказала Гильда, вздохнувъ отъ удовольствія.

— Да, отвѣчалъ Киніонъ, сидѣвшій подлѣ нея на колоннѣ. Колизей мнѣ кажется теперь, какъ мы его видимъ, лучше, чѣмъ въ то время, когда здѣсь собиралось восемьдесятъ тысячъ народа смотрѣть, какъ львы и тигры разрывали людей. Колизей и былъ построенъ для насъ и надлежащее употребленіе изъ него сдѣлали только спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ его окончанія.

— Едва-ли императоръ Веспасіанъ имѣлъ насъ въ виду, сказала Гильда; но я все-таки ему очень благодарна за эту постройку.

— Но я думаю, его не такъ благодарятъ тѣ, чѣмъ инстинктамъ онъ потворствовалъ, возразилъ Киніонъ. Представьте себѣ, что здѣсь по ночамъ собираются восемьдесятъ тысячъ духовъ, терзаемыхъ древними воспоминаніями, что они опять тѣснятся въ этихъ аркахъ и каются въ нечеловѣческомъ наслажденіи, какое они здѣсь нѣкогда испытывали.

— Вы населяете эту мирную сцену готическими ужасами, сказала Гильда.

— У меня есть основаніе предполагать въ Колизей сборище привидѣній, отвѣчалъ скульпторъ. Вы помните дѣйствительную сцену изъ біографіи Бенвенуто-Челлини, въ которой знакомый ему некромавъ очертилъ магическій кругъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь черный крестъ, и вызвалъ міриады демоновъ! Бенвенуто видѣлъ собственными глазами гигантовъ, пигмеевъ и другихъ чудовищъ, прыгавшихъ и плясавшихъ на стѣнахъ. Эти привидѣнія были Римляне, пощившіе при жизни Колизей.

— Я и теперь вижу привидѣнія! сказала Гильда не совсѣмъ спокойно. Посмотрите на этого пилигрима; онъ ползеть на колѣняхъ отъ одного образа къ другому и, кажется, очень усердно молится. Когда онъ повернулся въ эту сторону и свѣтъ упалъ ему въ лицо—я узнала его.

— Я тоже узнаю его, сказалъ Киніонъ. Бѣдная Миріамъ! Думаете вы, что она его видитъ?

Они осмотрѣлись кругомъ и замѣтили, что Миріамъ не было. Она незамѣтно отдѣлилась отъ общества и ушла въ темную арку, куда не проникалъ лунный свѣтъ.

Донателло, который сторожилъ ее, какъ вѣрная собака, прокрался за нею и сдѣлался невиннымъ свидѣтелемъ сцены, ужасной въ своемъ родѣ. Не зная объ его присутствіи и полагая, что она одна, Миріамъ, эта прекрасная дѣвушка, начала дѣлать самые странные, дикіе жесты, скрежетать зубами и топтать ногами, какъ будто-бы она хотѣла скрыть отъ остальнаго общества припадокъ помѣшательства. Но извѣстно, что многія лица подъ вліяніемъ сильнаго напряженія

ищутъ успокоенія своихъ душевныхъ страданій въ болѣе или менѣе дикомъ, вѣшнемъ проявленіи ихъ; они часто кричатъ, если это возможно. Въ такія минуты ихъ можно почитать сумасшедшими.

— Синьорина! сжальтесь надо мною! вскричалъ Донателло, приблизившись къ ней. Это слишкомъ страшно!

— Какъ вы смѣли идти за мною? вскрикнула Мириамъ, вздрогнувъ; за такое оскорбленіе убиваютъ!...

— Убейте, если вамъ угодно, или если нужно, отвѣчалъ Донателло покорно, я не буду противиться смерти.

— Донателло, сказала Мириамъ, приблизившись къ нему; она казалась уже покойнѣе, но голосъ ея дрожалъ. Донателло, если вы любите себя, если вы хотите быть счастливы, какъ прежде, оставьте меня! — Она печально посмозрѣла на него, но не двигалась. — Я говорю вамъ, — продолжала она, послѣ паузы, — надо мною виситъ ужасное бѣдствіе — я это знаю, я вижу его, чувствую въ воздухѣ. Оно обрушится на меня и задавитъ васъ, если вы не оставите меня! Ступайте же и благодарите Бога за спасеніе. Ступайте, или вы погибли!

На лицѣ Донателло выразилось такое высокое и глубокое чувство, какого въ немъ и предположить не могла Мириамъ.

— Я никогда не оставлю васъ, сказалъ онъ; вы не можете прогнать меня отъ себя.

— Бѣдный Донателло! вскричала Мириамъ. Кромѣ васъ, никто не добивается раздѣлить мою судьбу, никто не идетъ за мною; возлѣ меня нѣтъ никого, кромѣ васъ!... Да, они называютъ меня прекрасной, продолжала она, обращаясь не столько къ Донателло, сколько къ себѣ самой; — и я привыкла думать, что весь міръ будетъ у моихъ ногъ, когда меня постигнетъ бѣда! Теперь, да, теперь наступила эта бѣда, и что же? Моя красота, мои дарованія привлекли ко мнѣ одного простодушнаго мальчика, котораго они называютъ полуминимъ, котораго они считаютъ способнымъ только наслаждаться жизнью. — Я принимаю его помощь — завтра, завтра я все расскажу ему, все!... Но развѣ это не преступленіе — смутить его чистую, благородную душу такимъ ужаснымъ рассказомъ и передать ему свою муку?!..

Она протянула къ нему руку и, когда онъ прижалъ ее къ губамъ, печально улыбнулась. Выходя изъ темной арки, они замѣтили стоящаго на колѣняхъ пилигрима, достигшаго уже тѣхъ ступеней, на которыхъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ сидѣла Мириамъ. Здѣсь онъ остановился и началъ усердно молиться. Но Квиніонъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ него, замѣтилъ — и это показалось ему очень страннымъ, — что въ лицѣ этого человѣка, равно какъ и въ дѣйствительной его

жизни, не видно было признаков раскаянія, хотя онъ и совершалъ это калѣбнѣепоклоненное путешествіе, и даже въ то время, когда онъ шевелилъ губами, произнося, по всей вѣроятности, слова молитвы, глаза его блуждали, и Мириамъ вскорѣ почувствовала, что онъ ее замѣтилъ.

— Надо полагать, что онъ привырный католикъ, тихо сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ. Судя по этому, едва-ли можно принять его за того челоуѣка, котораго видѣли въ катакомбахъ.

— Его обратили католическіе богословы, отвѣчалъ другой; они ужъ тысяча-пятьсотъ лѣтъ убѣждаютъ его.

Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія пошла дальше. Выйдя изъ Колизея, они оставили влѣво отъ себя арку Константина, а за нею безобразныя развалины дворца дезарей, части котораго возобновлены и обращены въ монастыри и новыя виллы; потомъ повернули къ городу и прошли черезъ арку Тита. Луна сіяла такъ ярко, что освѣщала внутри высѣченный изъ мрамора еврейскій подсвѣчникъ о семи вѣтвяхъ, оригиналъ котораго можетъ быть и теперь еще лежить на днѣ Тибра.

По мѣрѣ того, какъ артисты подвигались впередъ, влѣ все чаще и чаще попадались навстрѣчу пары или группы гуляющихъ. Въ лунные вечера Римъ оживаетъ: со всѣхъ сторонъ слышатся пѣсни, шумъ и сливаются съ вашими сновидѣніями, если вы заблаговременно улеглись спать; но гораздо лучше быть въ то время на улицѣ, потому что томительный жаръ римской атмосферы къ вечеру уменьшается.

Наконецъ они достигли форума и скоро приблизились къ краю пропасти.

— Отойдемъ отсюда, сказалъ Книиоузъ, крѣпко упершись ногой объ край пропасти; это дѣйствительно, что называется стоять на краю пропасти. Въ нее когда-то бросился Курцій со своимъ конемъ. Представьте себѣ страшное отверстіе, недосыгаемую для глаза глубину, выглядывающія изъ нея чудовища съ отвратительными физиономіями и кругомъ толпу испуганнаго народа. Въ этой картинѣ смыслъ гораздо глубже, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Здѣсь собрались всѣ пророческія видѣнія—всѣ будущія бѣдствія Рима—тѣни Готтовъ, Галловъ и даже нынѣшнихъ французскихъ солдатъ. Я бы много далъ, чтобы взглянуть въ такую пропасть.

— Я думаю, что всякій челоуѣкъ, сказала Мириамъ, въ минуты горя и отчаянія смотритъ въ такую же пропасть.

— Что же тамъ? спросила Гильда. Я никогда еще туда не заглядывала.

— Погодите, откроется она и для васъ, отвѣчала Мириамъ. Та-

кая пропасть не что иное, какъ только одна изъ безчисленныхъ пропастей, разбросанныхъ повсюду подъ нашими ногами. Прочное человеческое счастье состоитъ въ томъ, что тонкая скорлупа, покрывающая эти пропасти въ состояніи служить водосточными для тѣхъ сценъ, которыя мы разыгрываемъ въ жизни. Но чтобы открыть пропасть, нужно землетрясеніе!—стоитъ ступить одной тяжелой ногой— и все готово. Я нахожу, что героизмъ Курція глупый и совершенно ненужный поступокъ. Чтожъ изъ того, что онъ бросился туда? За нимъ туда же ушелъ весь Римъ—дворцы цезарей, храмы боговъ, статуи великихъ людей—все провалилось туда! Эти побѣдоносныя арміи и триумфаторы, съ торжественною музыкою возвращавшіеся съ поля битвы, куда они шли?—все туда же! Все бросалось за этимъ несчастнымъ, глупымъ Курціемъ, который думалъ, что спасетъ ихъ.

— Вамъ взглядъ на судьбу человеческую меня отецъ печалитъ, Мириамъ, сказала Гильда. Мнѣ кажется, что подъ нашими ногами нѣтъ никакихъ пропастей, кромѣ тѣхъ, которыя мы сами себѣ рошимъ. Если такая пропасть открывается, намъ остается наполнить ее добрыми дѣлами и тогда мы безопасно можемъ идти дальше. Эту пропасть открыли преступленія Рима; ее наполнили героическое самоотверженіе и патриотизмъ—высшія добродѣтели, по понятіямъ Римлянъ. Всякое зло снова открывало ее, и такъ какъ въ Римѣ было зла больше, нежели добра, то она поглотила все государство.

— И все пришло къ тому же концу, возразила Мириамъ настойчиво.

— Конечно,—вѣшался Киніонъ, воображенію котораго совершенно полно и цѣло представилась картина, нарисованная Гильдою,—но, конечно, вся кровь, пролитая Римлянами на поляхъ сраженій, въ Колизей, на улицахъ,—всѣ эти политическія и неополитическія убійства—кровь Цезаря и Виргиніи подымаютъ почву, на которой Римъ стоялъ, и она провалилась. Виргинію отецъ закололъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Значитъ, это мѣсто освящено на-вѣки, сказала Гильда.

— Вы приписываете кровопролитію благотворную силу? спросила Мириамъ. Нѣтъ, не возражайте, я говорила вамъ правильно.

Отъ пропасти они возвратились назадъ, прошли форумъ, и Via Sacra, потомъ между арками храма Мира и дворца цезарей, гдѣ слышались многочисленные голоса гуляющихъ. Разнообразныя мелодіи раздавались въ воздухѣ и разтосились далеко. Хорошій примѣръ ободрилъ нашихъ артистовъ, и они запѣли хоральную пѣню «Hail, Columbia»—звуки которой,—мы думаемъ, назались нѣсколько дикими въ этой классической мѣстности. Мириамъ сначала молчала, можетъ быть па-

тому, что не знала мелодіи и словъ; но наконецъ и она запѣла; голосъ ея сперва звучалъ тихо, потомъ постепенно возвышался и наконецъ покрылъ весь хоръ. Голосъ ея былъ чистъ и силенъ, но въ немъ звучала нота, обнаруживавшая сильное душевное волненіе. Она долго боролась съ нимъ, но не могла побѣдить. Эти громкіе звуки и высокія ноты, казалось, были воплями, исходящими изъ глубины ея больного сердца.

Съ площади Campidoglio они поднялись на вершину капитолійскаго холма и остановились предъ конною статуею Марка Аврелія. Луна изливала на нее такой яркій свѣтъ, что можно было различить складки императорской тоги.

— Скульпторъ зналъ, каковъ долженъ быть монархъ, сказалъ Киніонъ; и зналъ человеческое сердце, которое требуетъ истиннаго, добраго правителя, съ какимъ бы титуломъ онъ ни былъ.

— О, еслибы былъ на свѣтѣ хоть одинъ такой человѣкъ! воскликнула Мириамъ, хоть одинъ въ цѣломъ мірѣ!—какъ скоро и легко забавлялись бы мы отъ своихъ страданій и несчастій. Мы всѣ могли бы прибѣгать къ нему въ горѣ, даже бѣдная женщина съ своимъ большимъ сердцемъ не была бы имъ отвергнута; у его ногъ она могла бы оставить свои муки и навѣки отъ нихъ освободиться. Истинный правитель народа не долженъ отворачиваться и отъ частныхъ бѣдствій.

— Какое понятіе объ обязанностяхъ правителя! сказалъ Киніонъ, невольно улыбувшись. Это совершенно женская мысль. Я увѣренъ, Гильда раздѣляетъ ее?

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно. Я никогда не стала бы искать помощи у земныхъ царей.

— Гильда! Гильда! проговорила Мириамъ тихо; какъ вы счастливы! Я съ радостью отдала бы всю мою жизнь за одну минуту такой вѣры въ Бога. Вы и не подозреваете, какъ я въ ней нуждаюсь. Вы въ-самомъ-дѣлѣ благодарите его за то, что онъ смотритъ и печется о насъ?

— Мириамъ, вы пугаете меня!

— Тихе, тихе! чтобъ они не услышали насъ! прошептала Мириамъ. Я васъ пугаю? вы говорите; чѣмъ? скажите, ради Бога. Развѣ въ моемъ поведеніи вы находите что нибудь странное?

— Нѣтъ, только въ эту минуту, отвѣчала Гильда, потому что вы, кажется, сомнѣваетесь въ Божьемъ провидѣніи.

— Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, сказала Мириамъ; теперь я не могу.

Во время этого разговора общество подошло къ прекрасной лѣстницѣ, спускающейся съ капитолійскаго холма къ нижнему Риму, гдѣ

находится узкій и довольно длинный проходъ. Сюда повернули теперь наши артисты. Дорога постепенно спускалась внизъ подъ стѣнами дворца, потомъ подъ воротами и окончилась небольшимъ мощенымъ дворомъ, окруженнымъ невысокимъ парапетомъ.

Это мѣсто почему-то показалось имъ особенно пустыннымъ. Съ одной стороны возвышалась стѣна дворца, въ которой луна освѣщала обнаженныя закрытыя ставнями окна. Ни одинъ человѣческій глазъ не выглядывалъ изъ нихъ, какъ будто въ этомъ пустынномъ дворцѣ не было живаго существа. На всемъ дворѣ ничего не было видно, кромѣ низкаго парепета, построеннаго, повидимому, на краю пропасти. Съ высоты его артисты видѣли массу крышъ, громоздящихся на всемъ пространствѣ между ними и линією холмовъ, лежащихъ за Тибромъ и обозначающихъ издали направленіе рѣки. Вправо, облитый луннымъ свѣтомъ, возвышался куполъ св. Петра, а далѣе другіе меньшіе куполы.

— Какой прекрасный видъ! вскричала Гильда. Я никогда еще не видѣла Рима такъ хорошо, и именно съ этого пункта.

— Съ этого пункта должна открываться самая лучшая перспектива, замѣтилъ скульпторъ, потому что съ него многіе знаменитые Римляне въ послѣдній разъ смотрѣли на свой родной городъ и на все земное. Мы стоимъ на Тарпейской скалѣ. Посмотрите внизъ—какой нибудь измѣнникъ нашелъ бы и теперь, что это довольно высоко, несмотря на тридцать футовъ наносной почвы.

Всѣ нагнулись внизъ и увидѣли, что скала падала до самаго низу также отвѣсно какъ стѣны находившагося позади нихъ дворца. Крыши бѣдныхъ домовъ, построенныхъ у подошвы и на сторонахъ скалы, не достигали и до половины ея высоты. Но однимъ угломъ она упиралась въ гладкую мощеную площадь.

— Мнѣ эта сторона больше всѣхъ нравится, сказалъ Квиніонъ; это, вѣроятно, и было то самое мѣсто, откуда древніе Римляне заставляли скакать своихъ политическихъ преступниковъ; — оно соединяется съ высотой, на которой находился сенатъ и храмъ Юпитера — эмблемы ихъ политическихъ и религиозныхъ учреждений. Этотъ видъ и въ наше время можетъ напомнить политическимъ людямъ, какъ быстръ переходъ отъ величія къ ничтожеству.

— Пойдемте, пойдемте! кричало нѣсколько голосовъ. Ужъ полночь! Мы буквально спимъ на краю пропасти. Пора спать, поздно философствовать!

— Да, пора домой, сказала Гильда.

Скульпторъ надѣялся, что будетъ имѣть удовольствіе проводить Гильду до входа въ ея башню; поэтому, когда общество пустилось въ

обратный путь, онъ предложилъ ей руку. Она сначала приняла ее, но черезъ нѣсколько времени, замѣтивъ, что Миріамъ осталась позади, сказала:

— Я должна воротиться назадъ; но, пожалуйста, не идите за мною. Я нѣсколько разъ въ теченіе вечера замѣчала, что у Миріамъ есть что-то на душѣ, какая-то печаль или забота; можетъ быть, она поговорить со мною объ этомъ. Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, идите впередъ. Донателло насъ обѣихъ проводить.

Скульпторъ былъ очень опечаленъ и даже нѣсколько рассерженъ такимъ рѣшительнымъ поведеніемъ Гильды; однако повисновался и Гильда ушла одна.

Между тѣмъ, Миріамъ, незамѣтившая ухода всего общества, осталась на краю пропасти.

— Высоко! сказала она, посмотрѣвъ внизъ и вздрогнувъ неволь-но, когда глаза ея разглядѣли подошву утѣса. Да, конечно, да! тогда всему будетъ конецъ!

Въ эту минуту подошелъ къ ней Донателло, который оставался вблизи нея, но почти не былъ ею замѣченъ. Онъ также, какъ Миріамъ, смотрѣлъ внизъ и дрожалъ отъ страха. Казалось, онъ чувствовалъ пагубную судьбу, угрожающую изъ глубины, и все таки смотрѣлъ внизъ и снова быстро отступалъ назадъ еще въ большемъ ужасѣ.

— О чемъ вы думаете, Донателло? спросила Миріамъ.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, серьезно глядя ей въ лицо, — кто были тѣ люди, которыхъ бросали отсюда?

— Это были люди, которые вредили міру, отвѣчала Миріамъ; люди, жизнь которыхъ была тягостна для ихъ ближнихъ; эти люди отравляли воздухъ, которымъ всѣ дышали, потому что хотѣли достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. Съ такими людьми у древнихъ Римлянъ была короткая расправа — ихъ прямо съ торжественной колесницы кидали въ эту пропасть.

— Развѣ это было хорошо? простодушно спросилъ молодой человекъ.

— Да, хорошо, отвѣчала Миріамъ; они спасали невинныхъ людей отъ судьбы, которую заслуживали преступники.

Во время этого короткаго разговора Донателло нѣсколько разъ внимательно посмотрѣлъ въ сторону, какъ смотрятъ собаки, когда замѣчаютъ что нибудь подозрительное, и потомъ обратилъ вниманіе на какой-то предметъ, находившійся вблизи. Миріамъ также осмотрѣлась и кажется только въ эту минуту замѣтила, что даже Гильда ушла и она осталась одна съ Донателло.

Но они не были одни. Въ основаніи дворцовой стѣны луна свѣ-

няла глубокую, пустую нишу, въ которой когда-то была статуя; но теперь эта ниша не была пуста, потому что изъ нея вышла темная фигура и стала приближаться къ Миріамъ. Вѣроятно она имѣла причину бояться его приближенія или, можетъ быть, навѣрно знала, что въ эту минуту долженъ наступить кризисъ ея страданія, потому что ею овладѣло такое нѣмое, холодное отчаяніе, что мысли ея помутнились и дыханіе остановилось. Она упала на колѣна; но выраженіе ея лица показывало, что движеніе это было безсознательно; она не знала, что ей дѣлать и едвали сознавала свое участіе въ этой сценѣ.

Между тѣмъ Гильда, оставивъ скульптора, быстро пошла назадъ въ надеждѣ встрѣтить свою пріятельницу. Издали доносились до ея слуха звуки веселой пѣсни, которую пѣли артисты, спускаясь съ капитольскаго холма.

Калитка небольшого двора отворилась и снова захлопнулась. Гильда вступила на дворъ; но не пошла дальше, потому что ее поразили внезапный шумъ борьбы, прекратившійся въ одно мгновеніе. Вслѣдъ за нимъ послышался громкій ужасный крикъ и тяжелое паденіе чего-то на землю. Потомъ все смолкло. — Такимъ образомъ Гильда была невольною свидѣтельницею случившагося здѣсь происшествія.

Еще разъ калитка отворилась и затворилась — и Миріамъ съ Донателло остались одни. Она ломала руки и дико смотрѣла на молодого человѣка, фигура котораго какъ будто выросла передъ нею, между тѣмъ какъ въ глазахъ его сверкала жестокая энергія: она вдругъ сдѣлала его мужемъ, и мгновенно развила въ немъ сознаніе, котораго не обличала въ немъ прежде ни одна черта характера. Простое, веселое, беззаботное созданіе, какимъ мы знали Донателло, исчезло навсегда.

— Что вы сдѣлали? въ ужасѣ прошептала Миріамъ.

Глаза Донателло попрежнему сверкали и въ лицѣ еще оставалось выраженіе яростнаго гнѣва.

— Я сдѣлалъ то, что нужно было сдѣлать съ измѣнникомъ, отвѣчалъ онъ. Я сдѣлалъ то, о чемъ глаза ваши просили меня, когда я держалъ его надъ пропастью!

Послѣднія слова, какъ ударъ грома, поразили Миріамъ. Такъ-ли это? Дѣйствительно-ли она просила Донателло поступить такъ, какъ онъ поступилъ? — Она не знала. Но, припомнивъ подробности сцены, она не могла отрицать, что сердце ея наполнялось дикою радостью, когда она видѣла своего преслѣдователя на краю гибели. Можетъ быть, въ эту минуту шевельнулось и другое какое нибудь чувство; но каково бы ни было ея душевное движеніе, оно сверкало въ ея лицѣ въ то мгновеніе, когда Донателло сбросилъ свою жертву со скалы и

когда послышалось паденіе. Но вслѣдъ зѣтѣмъ ею овладѣлъ невыразимый ужасъ.

— И мои глаза просили васъ объ этомъ? повторила она.

Они оба нагнулись черезъ парапетъ и смотрѣли внизъ такъ пристально, какъ будто бы упало туда неопѣненное сокровище и его еще можно было поднять. На мостовой лежала темная масса, въ которой едва ли можно было отличить человѣка; только руки были распростерты, какъ будто бы хотѣли обхватить маленькіе квадратные камни. Мириамъ долго смотрѣла на безжизненную массу, — но не замѣтила ни малѣйшаго движенія.

— Вы убили его, Донателло! Онъ совсѣмъ мертвъ! Мертвъ, какъ камень! Можетъ-ли это быть!

— Развѣ вы не думали, что онъ умретъ? сурово спросилъ Донателло. Взвѣшивать дѣло, конечно, было некогда; его судъ продолжался одно мгновеніе и приговоръ заключался въ вашемъ взглядѣ, которыми вы отвѣчали на мой взглядъ. Если вы будете говорить, что я убилъ его противъ вашего желанія, или что онъ умеръ безъ вашего согласія — черезъ минуту вы увидите меня тамъ же, возлѣ него.

— О, никогда! вскричала Мириамъ. Мой добрый, единственный другъ! никогда, никогда!

Она оборотилась къ нему — преступная обогрѣнная кровью женщина, — оборотилась къ своему товарищу, такому же преступнику, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ еще невинному, и крѣпко прижала его къ своей груди. Въ этомъ объятіи соединились ихъ сердца, уже соединенныя общимъ чувствомъ ужаса и страданія.

— Да, Донателло, вы говорите правду, сказала она. Мое сердце согласилось съ вами. Мы оба его убили. Это дѣло связало насъ на вѣки, какъ кольцо звѣи.

Они еще разъ посмотрѣли внизъ, чтобъ убѣдиться, тамъ-ли ихъ жертва; — все дѣло казалось имъ сновидѣніемъ. Потомъ отвернулись отъ роковой пропасти и ушли со двора. Дѣло, совершенное молодымъ человѣкомъ и принятое Мириамъ соединило ихъ души страшною неотрашимую силою. Союзъ ихъ былъ тѣснѣе всякаго человѣческаго союза; въ первыя минуты новая симпатія уничтожила всякія другія узы. Они достигли лѣстницы, спускающейся отъ Капитолія, гдѣ вдали еще слышны были громкія пѣсни и смѣхъ, среди которыхъ едва слышались ихъ собственные голоса. Но теперь не узнали бы ихъ голосовъ — они какъ-то странно звучали; и сами они чувствовали, что не могли бы смѣшаться съ этою толпою: преступленіе отдѣлило ихъ отъ другихъ людей. Но за-то тѣмъ тѣснѣе былъ ихъ союзъ въ этомъ нравствен-

номъ одиночествѣ; онъ заключалъ въ себѣ все, что связываетъ людей и привлекаетъ другъ къ другу.

— О, Донателло! вскричала Мириамъ; и въ это восклицаніе она перелила всю свою душу. — О, другъ мой, чувствуете-ли вы, какъ тѣсно соединены наши сердца?

— Да, я чувствую, отвѣчалъ онъ. Мы живемъ теперь одною жизнью.

— А вчера еще, продолжала Мириамъ, — нѣтъ, не вчера, нѣсколько минутъ тому назадъ я была одна, совершенно одна. Ни друга, ни сестры, никого, къ кому было бы привязано мое сердце. Одна минута — и все переѣнилось! Нѣтъ больше одиночества!

— Да, Мириамъ, нѣтъ одиночества! сказалъ Донателло.

— Нѣтъ, мой прекрасный! отвѣчала Мириамъ, глядя ему въ лицо, одушевленное страстью и принявшее почти геройское выраженіе. Нѣтъ, мой невинный! Вѣдь мы не сдѣлали ничего дурнаго. Одну жалкую, недостойную жизнь нужно было привести въ жертву, чтобъ соединить двѣ другія жизни на вѣки.

— На вѣки, Мириамъ! На вѣки соединены его кровью! сказалъ Донателло и самъ содрогнулся отъ своихъ словъ. Можетъ быть, онѣ представили его простому воображенію всю гнусность союза, скрѣпленнаго преступленіемъ, о чемъ онъ никогда еще не думалъ.

— Забудьте это! забудьте! сказала Мириамъ, которая не могла не замѣтить, что въ душу Донателло стало проникать неизъяснимое мученіе. Дѣло сдѣлано — его ужъ нѣтъ больше!

Они проходили по улицамъ Рима, какъ между величественными тѣнями преступниковъ, витающихъ надъ этимъ облитомъ кровью городомъ.

— Вотъ и здѣсь совершились великія дѣла, сказала Мириамъ, когда они вступили на помпеевскій форумъ, такія же кровавыя дѣла, какъ наше! Кто знаетъ, можетъ быть, мы встрѣтимъ здѣсь печальныя тѣни убійцъ Цезаря.

— Теперь они сдѣлались нашими братьями? спросилъ Донателло.

— Да, всѣ они, и многіе другіе, неизвѣстные міру, сдѣлались нашими братьями и сестрами, отвѣчала она.

Теперь она въ свою очередь вздрогнула; куда дѣвалось минутное, обманчивое спокойствіе, послѣ совершеннаго преступленія? Мириамъ почувствовала теперь, что она сама и влюбленный въ нее Донателло составляли не чету счастливыхъ влюбленныхъ, но чету неразрывно связанную преступленіемъ, что при каждомъ взглядѣ другъ на друга они должны содрагаться.

— Только не теперь! твердила она про-себя. Только не сегодня! Сегодня нѣтъ никакихъ угрозеній!

Погруженная въ свои мысли — увь! тяжелыя, мрачныя мысли! — они шли безъ цѣли, поворачивали то вправо, то влѣво и очутились наконецъ въ концѣ той улицы, гдѣ находилась башня Гильды. Въ окнѣ у нея свѣтился огонь, какъ будто передъ образомъ Мадонны. Миріамъ остановила Донателло, взявъ его за руку. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ башни, они видѣли, какъ отворилось верхнее окно, какъ Гильда наклонилась впередъ и подняла руки къ небу.

— Доброе, чистое дитя! Смотрите, Донателло, она молится! сказала Миріамъ голосомъ, въ которомъ слышна была неподдѣльная радость. Еще разъ изъ глубины ея души поднялось, какъ черная туча, сознаніе ея преступленія и она громкимъ голосомъ воскликнула: Молись за насъ, Гильда! Намъ нужна твоя молитва!

Услышала-ли Гильда это восклицаніе, узнала-ли она голосъ, им не можемъ сказать; но окно тотчасъ же закрылось и Гильда исчезла за нимъ. Движеніе это мучительно отозвалось въ сердцѣ Миріамъ — она поняла, что ея осужденную душу отвергло небо.

ГЛАВА X.

Капуцинъ.

Церковь капуциновъ, гдѣ наши знакомые согласились встрѣтиться на другой день, находится недалеко отъ площади Барберини. Туда въ назначенный часъ слѣдующаго утра послѣ описанной сцены пошли Миріамъ и Донателло. Никогда обыкновенныя человѣческія занятія не кажутся такъ ничтожны и жизнь такимъ пустымъ, бессмысленнымъ общимъ мѣстомъ, какъ въ то время, когда человѣкъ носитъ въ душѣ своей тайну, открытіе которой сдѣлало бы его чудовищнымъ въ глазахъ всего свѣта. Какъ скучны и утомительны кажутся всѣ эти обыкновенные предметы въ сравненіи съ такимъ великимъ событіемъ! Какъ болѣзненно коетъ и трепещетъ на другое утро духъ человѣка, столь рѣшительный и смѣлый наканунѣ! Какой ужасный холодъ овладѣваетъ его сердцемъ, когда горячка и дикій порывъ страсти проходятъ!

Приблизившись къ церкви, Мириамъ и Донателло нашли тамъ только Киниона, ожидавшаго ихъ на ступеняхъ. Гильда еще не являлась, хотя и общала быть тамъ же. Увидѣвъ скульптора, Мириамъ сдѣлала надъ собою усиліе и была такъ естественна, что самый тонкій наблюдатель не замѣтилъ бы въ ея поведеніи ничего искусственнаго. Она съ видимымъ участіемъ говорила объ отсутствіи Гильды и даже наскучила ему намеками на привязанность, которая никогда не была открыто признана; такъ какъ все это говорилось въ присутствіи Донателло, то Кинионъ подумалъ, что Мириамъ переступила границы деликатности. Но мнѣніе это было несправедливо, потому что Мириамъ едва ли могла отвѣчать за свое тщетное усиліе быть веселой.

— Видѣли-ли вы ее, послѣ того, какъ мы разстались? спросила Мириамъ, все еще неперестававшая говорить о Гильдѣ. На возвратномъ пути я ее упустила изъ виду.

— Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее, когда она возвратилась къ вамъ на дворъ палаццо Каффарели, отвѣчалъ скульпторъ.

— Не можетъ быть! вскричала Мириамъ.

— Такъ вы ее не видѣли? спросилъ Кинионъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, хотя я шла вслѣдъ за всѣмъ обществомъ, отвѣчала Мириамъ. Но мнѣ кажется, что за нее нѣтъ причины опасаться. Я всегда была увѣрена, что Гильда также безопасна на улицахъ Рима, какъ ея бѣлые голуби, которые безвредно летаютъ подъ ногами лошадей.

— Я въ этомъ также увѣренъ, возразилъ скульпторъ; но мнѣ хотѣлось бы знать навѣрное, что она возвратилась въ свою башню.

— Это нетрудно, отвѣчала Мириамъ. Вчера вечеромъ, возвращаясь домой, я видѣла ее у отвореннаго окна.

— Вы, кажется, не въ духѣ, Донателло, замѣтилъ Кинионъ. Эта скучная городская атмосфера васъ должно быть ужъ очень утомила; но вы поправитесь и попрежнему будете веселы, возвратясь домой. Я не забылъ вашего приглашенія провести лѣто у васъ въ замкѣ. Намъ обоимъ будетъ веселѣе въ горахъ.

— Можетъ быть, сказалъ Донателло мрачно; когда я былъ ребенкомъ, старый домъ мнѣ казался веселымъ; но сколько я помню, онъ теперь довольно угрюмъ и скученъ.

Скульпторъ внимательно смотрѣлъ на Донателло и очень удивился, что въ лицѣ его совершенно пропали и прежнее выраженіе беззаботности и тѣ черты, которыя обличали въ немъ нѣкоторыя животныя наклонности. Вся его юношеская веселость и простота правовъ исчезли.

— Вы кажется нездоровы, Донателло? спросилъ Кинионъ.

— Я? Можетъ быть, отвѣчалъ Донателло равнодушно. Я никогда не былъ болѣнъ и не знаю, что это значить.

— Не смущайте его больше, прошптала Миріамъ, дернувъ за рукавъ скульптора. Онъ въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то разстроенъ. Въ этомъ мрачномъ городѣ никто не можетъ быть постоянно веселъ; а тѣмъ болѣе такое впечатлительное созданіе.

Весь этотъ разговоръ произошелъ при входѣ въ церковь капуциновъ; произнося послѣднія слова, Миріамъ отдернула занавѣсь, закрывающій дверь каждой церкви въ Италіи.

— Гильда, должно быть, забыла о нашемъ свиданіи, замѣтила она; или, можетъ быть, проспала. Намъ нечего ее ждать.

Они вошли въ церковь. Внутреннее пространство ея не очень обширно; но архитектура ея весьма хороша; потолокъ выведенъ сводами, на столбахъ раздѣляющихъ рядъ капеллъ, гдѣ находились раки, загроможденныя разнаго рода приношеніями; картины алтаря были завѣшаны, хотя и не произведенія знаменитыхъ художниковъ; предъ ними постоянно горѣли свѣчи. Полъ въ церкви мраморный и уже значительно пострадавшій отъ времени. Вдоль стѣнъ тянется рядъ гробницъ, украшенныхъ фигурами и портретами въ барельефахъ съ эпитафіями на латинскомъ языкѣ.

Первый предметъ, привлекшій вниманіе вошедшихъ посѣтителей, была дѣйствительная или, какъ можно было подозрѣвать, очень искусно сдѣланная изъ воску фигура умершаго монаха, приличнымъ образомъ драпированная. Она лежала на довольно низкихъ носилкахъ; съ каждой стороны стояло по три свѣчи и по одной въ ногахъ и въ головахъ. Звуки органа совершенно гармонировали съ характеромъ зрѣлища. Изъ-подъ полу церкви слышится низкій хриплый голось, какъ будто выходящій изъ могилы; онъ пѣлъ *De Profundis*. Звуки отражались въ сводахъ и разносились по всему пространству церкви, вдоль гробницъ съ ихъ статуями и эпитафіями.

— Нужно посмотрѣть этого монаха, сказалъ скульпторъ. Иногда въ мертвыхъ лицахъ я замѣчалъ такія черты, какихъ удавалось видѣть въ живыхъ.

— Да, я могу себѣ представить, отвѣчала Миріамъ. Но прежде посмотримъ картину Гвидо. Теперь она должна быть хорошо освѣщена.

Они вошли въ первую часовню направо отъ входа и увидѣли тамъ не картину, а закрывавшій ее занавѣсь. Священники въ Италіи имѣютъ обыкновеніе закрывать картины знаменитыхъ художниковъ и открываютъ ихъ очень рѣдко, оставляя однакожъ право смотрѣть на нихъ только протестантамъ, которые почитаютъ въ этихъ картинахъ только эстетическое достоинство. Нужно было отыскать кистера, который вскорѣ явился и

открылъ юношу архангела, поставившаго ногу на голову лавшаго передъ нимъ чудовища. То было изображеніе великихъ будущихъ событий,—изображеніе торжества добра надъ зломъ.

— Гдѣ бы могла быть Гильда? сказалъ Кивіонъ; такая неточность вовсе не въ ея характерѣ; а сегодня мы собрались здѣсь только для нея; вѣдь мы были согласны.

— Да, но мы ошибались, а Гильда была права, какъ видите, возразила Миріамъ, обращая вниманіе скульптора на тотъ пунктъ, который наканунѣ былъ предметомъ спора. Если она изучила какую нибудь картину, то, повѣрите, въ ея мнѣніи трудно найти ошибку.

— И она немного картинъ такъ изучила и немногими восхищается такъ, какъ эту, замѣтилъ скульпторъ. И неудивительно: это едва ли не одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній въ мірѣ. Какое выраженіе небесной строгости въ лицѣ архангела! Въ немъ вы видите и скорбь, и замѣшательство, и отвращеніе, неизбѣжныя во всякой борьбѣ съ грѣхомъ, хотя бы побѣда надъ нимъ была ужъ обезпечена; но надъ всѣми этими земными чувствами господствуетъ божественное спокойствіе, выражающееся во всей фигурѣ.

— Я никогда не могла находить эту картину въ такой степени прекрасной, какъ находить ее Гильда, ни съ нравственной, ни съ эстетической точки зрѣнія, сказала Миріамъ. Еслибы ей труднѣе было быть доброй, еслибы у нея не была такая чистая душа, она не находила бы и половины тѣхъ достоинствъ, какія теперь видитъ. Я сегодня яснѣе, чѣмъ когда либо вижу недостатки этой картины.

— Какіе же? спросилъ Кивіонъ.

— Во-первыхъ, этотъ прекрасный юноша съ сложенными крыльями, съ блестящимъ мечомъ и сіяющимъ вооруженіемъ, надѣлъ слишкомъ изысканную и яркую туннику; во-вторыхъ, онъ съ какою-то полунасмѣшливою деликатностью поставилъ свою прекрасно обутую ножку на голову врага. Но развѣ такой видъ имѣетъ добродѣтель въ борьбѣ со зломъ? Нѣтъ! никогда! Я лучше Гвидо знаю, какъ бы слѣдовало поставить ангела. Нужно было бы выпилать по крайней мѣрѣ третью часть перьевъ; крылья должны быть распростерты также напряженно, какъ у самого сатаны. Мечъ долженъ быть до половины въ крови, вооруженіе изломано, платье изорвано, грудь окровавлена; по грозному лицу должна течь кровь. Онъ долженъ придавить ногою чудовище такимъ образомъ, чтобы видно было, что въ этомъ движеніи вся его душа, что онъ сомнѣвается еще въ исходѣ борьбы, что не знаетъ, побѣдитъ-ли онъ, или будетъ побѣжденъ. Но несмотря на грозный видъ и невыразимый ужасъ, въ глазахъ Михаила должно просвѣчи-

ваться нѣчто высокое, благородное. Тогда бы эта борьба не была дѣтскою игрою, какою она кажется герою Гвидову.

— Ради Бога, Мириамъ, вскричалъ Кшиионъ, нѣсколько удивленный живостью и энергіею, звучавшими въ голосъ артистки, — напишите картину по этому плану. Я увѣренъ, это будетъ превосходное, образцовое произведеніе.

— Въ картинѣ должна быть истина, возразила Мириамъ; и я боюсь, что побѣда осталась бы на сторонѣ чудовища. Представьте себѣ такого же демона съ свирѣпымъ взглядомъ, съ дымящеюся пастью, наступившаго на ангела, ухватившагося когтями за бѣлое крыло и поражающаго его своимъ гигантскимъ хвостомъ! Вотъ опасность, предстоящая бѣдной душѣ, вступающей въ борьбу съ врагомъ Михаила.

Мириамъ замѣтила только теперь, что душевное безпокойство сообщило ей излишнюю живость; она замолчала и отвернулась отъ картины, не сказавъ болѣе ни слова. Между тѣмъ Донателло, находившійся подлѣ нея, чо неслышавшій ея словъ, сохранялъ прежній видъ душевнаго разстройства и постоянно бросалъ удивленные вопросительные взгляды на трупъ монаха, какъ будто ни на что другое и смотреть не могъ.

— Въ чемъ дѣло, Донателло? прошептала Мириамъ. Вы очень взволнованы, мой другъ! Что тамъ?

— Я не могу вынести этого ужаснаго пѣнья, отвѣчалъ Дователло. И этотъ мертвый монахъ! онъ давитъ мнѣ грудь!

— Будьте смѣлѣе! проговорила она тихо. Мы подойдемъ къ нему ближе. Единственное средство уничтожить страхъ — прямо взглянуть ему въ лицо. Не бойтесь, мой добрый другъ! Положитесь на меня, у меня достаточно твердости. Будьте смѣлѣе и все будетъ хорошо.

Донателло остановился на минуту, но потомъ приблизился къ Мириамъ, и она подвела его къ носилкамъ. Скульпторъ последовалъ за ними. Нѣсколько человекъ — большею частію женщинъ и дѣтей — стояло вокругъ покойника, и когда наши друзья приблизились, одна мать, стоявшая на колѣнахъ, заставила маленькаго мальчика также стать на колѣна и поцѣловать четки и распятіе. Вѣроятно въ смерти монаха былъ нѣкоторый примѣнакъ святости; во всякомъ случаѣ смерть не лишила его почтенной наружности духовнаго отца. Онъ былъ одѣтъ въ капуцинскую рясу, капюшонъ которой прикрывалъ его голову и часть лба, такъ однакожь, что все лицо и борода были совершенно открыты. Четки и крестъ висѣли у пояса, руки были сложены на груди, а ноги, выходившія изъ-подъ рясы (онъ былъ голы, какъ обыкновенно у капуциновъ), казались такими же восковыми, какъ лицо, и были связаны у щиколотокъ черною лентою. Вѣки не были совершенно за-

крыты и изъ-подъ нихъ выглядывала часть зрачка, какъ будто бы умершій монахъ бросалъ украдкою взглядъ на окружавшихъ, чтобъ убѣдиться, производить-ли на нихъ должное впечатлѣніе торжественность его похоронъ. Густыя брови придавали особенную строгость его взгляду.

Мириамъ прошла между двумя подсвѣчниками и остановилась у самыхъ носилокъ.

— Боже мой! прошептала она. Что это?

Она схватила руку Донателло, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ въ ней судорожное содроганіе, произведенное внезапнымъ трепетомъ сердца. Его рука была холодна, какъ ледъ, и безчувственно лежала въ ея рукѣ. Не удивительно, что кровь въ ихъ жилахъ застыла, что сердца ихъ то бились съ ужасною силою, то вдругъ замирали! Умершій монахъ, смотрѣвшій на нихъ своими полузакрытыми глазами, былъ тотъ самый человѣкъ, котораго Донателло вчера вечеромъ бросилъ въ пропасть.

Скульпторъ, стоявшій въ ногахъ, не видѣлъ еще лица монаха.

— Эти голыя ноги производятъ на меня странное впечатлѣніе, сказалъ онъ, и уже готовился было развить свою мысль, но оглянулся и увидѣлъ, что ни Мириамъ, ни Донателло возлѣ него не было.

— Га! воскликнулъ онъ невольно, приблизившись къ головѣ монаха и увидѣвъ его лицо.

Онъ взглянулъ на Мириамъ и замѣтилъ, что она была поражена ужасомъ и глаза ея дико смотрѣли. Мы однакожь не можемъ сказать, чтобъ въ умѣ его явилось какое нибудь определенное подозрѣніе или даже тѣнь мысли, что на ней, можетъ, хотя до нѣкоторой степени, лежитъ отвѣтственность за внезапную смерть этого человѣка. Самое сходство между умершимъ капуциномъ и человѣкомъ, преслѣдовавшимъ Мириамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, казалось ему очень страннымъ и дикимъ. Но Квиніонъ, вслѣдствіе врожденной способности къ пластическому искусству, очень живо и вѣрно помнилъ черты видѣнныхъ имъ предметовъ и лицъ. Въ то же время послышался ему шопотъ: «тише!» Не задавая себѣ вопроса, откуда и что онъ знаетъ, Квиніонъ рѣшился молчать о сдѣланномъ имъ открытіи и предоставить самой Мириамъ объяснить тайну; если же она будетъ молчать, загадка останется неразрѣшенною.

Въ эту минуту случилось такое странное обстоятельство, что мы не рѣшились бы упоминать о немъ, еслибы оно не было слишкомъ дѣйствительно и очевидно. Стоя у носилокъ, друзья наши увидѣли, что изъ ноздрей умершаго потекла маленькая струя крови, которая скатилась къ подбородку и потерялась въ его густой бородѣ.

— Какъ это странно! вскричалъ Квиніонъ. Монахъ умеръ отъ апоплексическаго удара или отъ другой какой нибудь скоростязной болѣзни, а кровь въ немъ еще не застыла.

— И вы находите это достаточнымъ объясненіемъ? спросила Мириамъ съ улыбкою, отъ которой скульпторъ невольно отвернулся. Это васъ удовлетворяетъ?

— Какъ? спросилъ онъ.

— Вы развѣ не знаете стариннаго повѣрья о крови, выходящей изъ мертваго тѣла? возразила Мириамъ. Можете-ли вы сказать, что убійца этого монаха или просто привилегированный убійца — его докторъ — въ эту минуту вошелъ въ церковь?

— Я не могу шутя говорить о такихъ предметахъ, сказалъ Квиніонъ. Это слишкомъ безобразно.

— Да, правда, слишкомъ безобразно и ужасно! отвѣчала Мириамъ, посмотрѣвъ на скульптора тѣмъ долгимъ смущеннымъ взглядомъ, который такъ часто обличаетъ страданіе сердца. — Пойдите отсюда! пойдемъ, Донателло! Подъ открытымъ небомъ вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ этой мрачной церкви.

Но когда они отвернулись отъ носилокъ и прошли нѣсколько шаговъ, Мириамъ представило, что поразившее ее сходство лицъ было воображаемое и что оно исчезнетъ, лишь только она пристальнѣе всмотрится въ черты умершаго. Она рѣшилась еще разъ взглянуть на него.

— Подождите меня минуту, сказала она своимъ спутникамъ, одну минуту только.

Она возвратилась къ покойнику. Да, это то самое лицо, которое было такъ хорошо ей знакомо раньше, чѣмъ полагали самые близкіе ея друзья; то была фигура того самаго злаго духа, который отравилъ ея юность и принудилъ ее къ преступленію. Но было-ли то величіе смерти, или дѣйствительно въ характерѣ умершаго было нечто возвышенное и благородное, только Мириамъ была поражена не обычнымъ ужасомъ, внушаемымъ смертью, а какимъ-то другимъ не совсемъ определеннымъ чувствомъ, которое овладѣло ею, когда она прочла въ полуоткрытомъ взглядѣ строгій, спокойный упрекъ.

— Точно-ли это ты? прошептала она. Ты не имѣешь права грозить мнѣ! Но ты-ли это? или это только призракъ?

Она наклонилась надъ умершимъ монахомъ, такъ, что роскошныя кудри ея коснулись его лица, и рукъ.

— Да, это ты! сказала она. Вотъ и рубецъ, который я такъ хорошо знаю. Ты не призракъ, я могу дотронуться до тебя.

Вся эта сцена и предшествующая развили въ Мириамъ необыкновенную твердость, она ужъ не дрожала болѣе; она спокойно и строго

смотрѣла на своего неподвижнаго врага, стараясь какъ будто уловить взглядъ обвиненія и упрёка изъ подъ его полуоткрытыхъ вѣкъ.

— Нѣтъ, тебѣ нечего грозить мнѣ! сказала она. Мы явимся вмѣстѣ на страшномъ судѣ! Я не боюсь встрѣтить тебя ни здѣсь, ни тамъ!... Прощай, до будущаго свиданія!

Сдѣлавъ гордый жестъ рукою, Мириамъ пошла къ своимъ друзьямъ, ожидавшимъ ее у церковной двери. Когда они хотѣли уйти, имъ попался навстрѣчу кистеръ и предложилъ посмотреть монастырскій склепъ, гдѣ умершія члены братства покоятся въ святой землѣ, привезенной изъ Іерусалима.

— И этого монаха тоже тамъ похоронять? спросила Мириамъ.

— Брата Антоніо? воскликнулъ служка. Конечно. Могила его уже готова; не угодно-ли вамъ посмотреть, синьорина?

— Хорошо! отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ извините меня, сказалъ Киніонъ; я васъ оставляю. Съ меня довольно и одного мертвеца; у меня неостанетъ смѣлости смотрѣть на цѣлое кладбище.

По взгляду Донателло легко было узнать, что онъ, подобно скульптору, хотѣлъ тоже уклониться отъ посѣщенія знаменитаго кладбища капуциновъ. Поэтому Мириамъ одна пошла за ключаремъ. Склепъ находится подъ церковью, но наровнѣ съ поверхностью земли и освѣщенъ рядомъ оконъ съ желѣзными рѣшетками безъ стеколъ. Длинный корридоръ, тянувшійся вдоль оконъ, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ расширяется въ широкія и высокія часовни, полъ которыхъ состоитъ изъ земли, привезенной изъ Іерусалима. Но такъ какъ это кладбище относительно невелико, то обыкновенно изъ древнѣйшихъ могилъ вынимаютъ скелеты и кладутъ на ихъ мѣсто новые трупы, чтобы такимъ образомъ доставить всѣмъ драгоценную привилегію лежать въ святой почвѣ. Непогребенные или, вѣрнѣе, вынутые изъ могилъ скелеты составляютъ особенно интересный предметъ на этомъ кладбищѣ. Выведенныя въ арки и своды стѣны поддерживаются массивными столбами, составленными изъ костей и череповъ. Вершины арокъ украшены цѣлыми скелетами, которые имѣютъ такой видъ, какъ будто бы были вырѣзаны на барельефѣ. Невозможно описать всего безобразія и странности этого зрѣлища, не лишеннаго своего рода артистическаго достоинства, равно какъ нельзя опредѣлить числа монаховъ, въ теченіе многихъ столѣтій доставлявшихъ матеріалъ для этой постройки. На нѣкоторыхъ черепахахъ сдѣланы надписи, извѣщающія, что такой-то монахъ умеръ такого-то числа, мѣсяца и года; но несравненно большее число вошли безразлично въ эту постройку, какъ обыкновенные трофеи общей побѣды

смерти. Въ стѣнахъ подѣланы ниши, гдѣ стоятъ и сидятъ скелеты, одѣтые въ темныя рясы, какія носили при жизни, съ ярлыками, на которыхъ означено время смерти. Ихъ черепы, или уже совершенно голые, или еще покрытые пожелтѣвшею кожею и волосами, знакомыми съ сыростью земли, выглядываютъ изъ нишъ, отталкивая отъ себя взоръ посѣтителя. У одного почтеннаго отца челюсти раскрыты, какъ будто бы онъ умеръ въ припадкѣ ужаса и нравственныхъ мученій, вопль которыхъ, кажется, слышится и теперь еще. Вообще кладбище капуциновъ не внушаетъ человѣку идеи объ его безсмертіи, и можно ли чувствовать себя безсмертнымъ тамъ, гдѣ всѣ алтари въ часовняхъ составлены изъ кучи человѣческихъ костей. Вышедъ оттуда, поневолѣ доблагодаришь Бога за голубое, чистое небо.

Мириамъ печально шла за ключаремъ по корридору, пока наконецъ не достигла свѣжей могилы, вырытой въ послѣдней часовнѣ.

— Это для того, который лежитъ теперь въ церкви? спросила она.

— Такъ точно, синьорина; тутъ будетъ мѣсто вѣчнаго покоя брата Антоніа, который умеръ въ прошлую ночь, отвѣчалъ ключарь. Вотъ видите, въ этой ниши сидитъ братъ — онъ былъ похороненъ здѣсь тридцать лѣтъ тому назадъ; его теперь вынули отсюда, чтобы очистить мѣсто брату Антоніо.

— Миѣ кажется, очень грустно думать, замѣтила Мириамъ, что вы, бѣдные монахи, не можете даже могилы своей назвать своею. Вы должны лежать въ нихъ съ постоянною мыслью, что васъ побезпокоятъ; какъ человѣкъ, который, ложась спать, знаетъ, что его въ полночь разбудятъ. Но нельзя-ли купить для брата Антоніо право навсегда остаться въ этой могилѣ?

— Никакимъ образомъ, синьорина; да это и ненужно. Пролежать четверть столѣтія въ іерусалимской землѣ лучше, чѣмъ тысяча лѣтъ въ другой землѣ. Наши братья находятъ здѣсь совершенный покой. Никогда отсюда не выходилъ никакой духъ.

— Это хорошо, отвѣчала Мириамъ; вѣроятно и тотъ, котораго вы теперь положите, не будетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Выходя изъ склепа, она положила въ руку ключаря деньги, отчего глаза его расширились и заблестали, и просила служить панихиды за упокой души брата Антоніо.

ГЛАВА XII.

САДЪ МЕДИЧИ И СВИДАНИЕ АРТИСТОКЪ.

— Донателло, мой милый другъ, сказала Мириамъ, когда они проходили черезъ площадь Барберини,—что съ вами? Вы дрожите, какъ въ лихорадкѣ.

— Да, отвѣчалъ Донателло; — у меня разрывается сердце.

Собравшись съ мыслями, она повела молодого человѣка въ садъ виллы Медичи, въ надеждѣ, что спокойная тѣнь и солнечный свѣтъ оживятъ его. Въ этихъ садахъ посѣтитель находитъ длинныя, зеленыя аллеи, покрытыя густою тѣнью остролиственниковъ и на каждомъ перекресткѣ, покрытыя мхомъ, каменныя скамьи и мраморныя статуи, которыя отчаянно смотрятъ на него, сожалья, вѣроятно, о своихъ утраченныхъ носачъ. Въ болѣе открытыхъ мѣстахъ, предъ фасадомъ дворца, украшеннаго изваяніями, видите фонтаны и цвѣтники, наполненные въ извѣстное время года огромнымъ количествомъ розъ.

Но Донателло не восхищался ничѣмъ. Онъ молча ходилъ, погруженный въ апатію, и странно полуоткрытыми, дикими глазами смотрѣлъ на Мириамъ, когда она старалась ободрить его и освободить его сердце отъ тяжкаго бремени.

Она посадила его возлѣ себя на скамью, находившуюся на перекресткѣ двухъ аллей, такъ что они могли видѣть все протяженіе обѣихъ дорогъ.

— Мой милый другъ, сказала она, взявъ его руку, чѣмъ мнѣ васъ успокоить?

— Ничѣмъ! отвѣчалъ Донателло мрачно. — Меня ничто никогда не успокоитъ.

— Я признаю свое преступленіе, продолжала Мириамъ; если только было оно; я знаю, что мнѣ дѣлать; но вы, прекраснѣйшее; добрѣйшее созданіе въ мірѣ, до котораго не смѣла прикасаться никакая забота, — что вы станете дѣлать съ вашимъ горемъ или преступленіемъ?

— Они пришли ко мнѣ, какъ и къ другимъ людямъ, сказалъ онъ сосредоточенно. Для нихъ я и родился.

— Нѣтъ, нѣтъ! они пришли со мною! возразила Мириамъ. На мнѣ лежитъ отвѣтственность за нихъ!... Зачѣмъ я родилась! зачѣмъ намъ

было встрѣчаться!... Почему я не оттолкнула васъ, когда я знала, что мое несчастье обрушится на васъ!

Донателло нетерпѣливо двигался, обличая всею своею наружностью совершенное уныніе и упадокъ духа. У ногъ его появилась темная ящерица съ двумя хвостами; — онъ вскочилъ въ испугѣ, но скоро успокоился и снова сѣлъ возлѣ Мириамъ, которая тщетно пыталась перелить въ его сердце свою симпатію и твердость.

— Здѣсь тяжело, ужасно тяжело! сказалъ молодой человѣкъ, положивъ на грудь руку, которую держала Мириамъ въ своей рукѣ; когда ея рука прикоснулась къ груди Донателло, ей показалось, что онъ почти непримѣтно дрожалъ.

— Успокойтесь, мой добрый, мой милый другъ, говорила она. Оставьте мнѣ всю эту тяжесть; — я въ состояніи снести ее, потому что я женщина, потому что я васъ люблю!... Я люблю васъ, Донателло! Развѣ ужъ и въ этомъ нѣтъ для васъ утѣшенія? Взгляните на меня! Вамъ было прежде пріятно смотрѣть на меня. Посмотрите мнѣ въ глаза, посмотрите въ мою душу! Смотрите въ самую глубь — вы найдете тамъ только любовь къ вамъ!

Донателло молчалъ.

— Говорите, ради всего-святаго, говорите! воскликнула Мириамъ. Общайтесь мнѣ быть счастливымъ, какъ прежде!

— Счастливымъ? повторилъ онъ. Ахъ, никогда, никогда!

— Никогда? Это ужасное слово! сказала Мириамъ. Это ужасное слово для женщины, которая любитъ васъ и знаетъ, что она причиною вашего страданія! Если вы любите меня, вы не будете повторять этого слова. Вѣдь вы любите меня?

— Да, отвѣчалъ Донателло прѣжнимъ тономъ.

Мириамъ выпустила руку молодаго человѣка, но оставила свою руку возлѣ его руки и ожидала съ минутою, не сдѣлаетъ-ли онъ движенія, чтобъ удержать ее. Отъ этого ничтожнаго маневра все зависѣло. Но Донателло быстро повернулся въ другую сторону и, тяжело вздохнувъ, закрылъ глаза руками. — Въ воздухѣ была разлита живительная теплота южной весны; но когда Мириамъ увидѣла это невольное движеніе и услышала тяжелый вздохъ, по всему ея тѣлу пробѣжала такая дрожь, какъ будто бы на нее дохнулъ декабрскій вѣтеръ Аппенинъ.

— Онъ гораздо несчастнѣе, чѣмъ я воображала, подумала она, и въ душѣ ея шевельнулось глубокое чувство состраданія. Я очень ошиблась! Это дѣло могло дать ему блаженство, еслибы къ нему понудила его любовь настолько сильная, чтобъ пережить страшный мо-

ментъ; она оправдала бы его и заглушила бы упреки совѣсти. Но этого не было! онъ, можетъ быть, безотчетно сдѣлался убійцею, изъ ребяческаго побужденія. Несчастный! Жаль мнѣ его!

Она встала съ своего мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась предъ молодымъ человѣкомъ, устремивъ на него взглядъ, въ которомъ проглядывала ея страждущая душа.

— Донателло, сказала она печальнымъ, но твердымъ голосомъ, мы должны разстаться. — Да, оставьте меня. Возвратитесь въ вашъ замокъ; тамъ вы успокоитесь и все, что было, будетъ представляться вамъ только тяжелымъ сномъ, а не дѣйствительностью. Во снѣ совѣсть молчитъ, и мы часто рѣшаемся на такія преступленія, на которыя не рѣшились бы въ минуты полного самосознанія. Вчерашнее дѣло — сонъ. Поѣзжайте домой и забудьте его!

— Ахъ, это ужасное лицо! сказалъ Донателло, закрывая глаза руками. И вы называете его сномъ!

— Да, потому что вы видите его вашимъ воображеніемъ, отвѣчала Мириамъ. Это не дѣйствительность; въ дѣйствительности вы можете теперь видѣть только мое лицо, — когда-то вы находили его прекраснымъ, — теперь оно потеряло свою красоту, но сохранило только несчастную силу приводить вамъ на память прошлое, возбуждать угрызения совѣсти и муки, которыя омрачили всю вашу жизнь — потому намъ надобно разстаться. Уѣзжайте отсюда и забудьте меня.

— Васъ забыть, Мириамъ! сказалъ Донателло, какъ бы опомнившись. О, еслибы только я могъ припоминать васъ, смотрѣть на васъ и не видѣть этого страшнаго лица, которое смотреть на меня изъ-за вашихъ плечъ, — это было бы для меня утѣшеніемъ, если не радостью!

— Но такъ какъ это лицо въ вашихъ глазахъ неразлучно съ моимъ, возразила Мириамъ, то намъ нужно разстаться. Прощайте! Но если когда нибудь — въ горѣ, въ бѣдности, въ несчастіи, — вы увидите, что нужно пожертвовать всей жизнью, чтобъ хоть не много облегчить васъ, позовите меня. — Вы дорого купили меня и нашли, что я такой цѣны не стою. Бросьте меня, можетъ быть, вы никогда не будете нуждаться во мнѣ. Но я явлюсь къ вамъ по первому вашему слову.

Она остановилась и съ минуту ждала отвѣта. Но Донателло, вперивъ глаза въ землю, молчалъ.

— Никогда я не услышу такого слова, сказала Мириамъ. — Такъ прощайте, прощайте навсегда!

— Прощайте, сказалъ Донателло.

Онъ едва въ состояніи былъ произнести это слово; такъ онъ былъ

погруженъ въ новыя для него мысли, блуждавшія въ его умѣ подобно чернымъ тучамъ; сквозь нихъ онъ смотрѣлъ и на Миріамъ, которая превращалась въ призракъ, а голосъ ея въ отдаленное едва внятное эхо.

Она отвернулась отъ него и пошла. Какъ ни тосковало по немъ ея сердце, но она не профанировала этой тяжелой разлуки ни однимъ объятіемъ, ни даже пожатіемъ руки. Послѣ взрыва такой могущественной любви, наступившаго вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, они разстались, повидимому, такъ холодно, какъ будто ихъ знакомство продолжалось не болѣе часу.

Когда Миріамъ ушла, Донателло легъ на скамью, закрылъ глаза щяплюю и впалъ въ безчувствіе, какого никогда еще не испытывалъ. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя и тоже вышелъ изъ саду. Повременамъ въ ушахъ его раздавался крикъ, и онъ вздрагивалъ; то отступалъ нѣсколько шаговъ, какъ будто страшное лицо ужъ слишкомъ близко подступало къ нему. Въ такомъ состояніи, пораженный новизною преступленія и нравственной муки, онъ утратилъ тѣ свойства и наклонности, которыя дали поводъ тремъ его друзьямъ признать въ немъ дѣйствительнаго фавна Праксителя.

Уходя изъ саду, Миріамъ чувствовала себя въ положеніи чловѣка заблудившагося и неимѣющаго особенной причины идти въ ту или другую сторону. Долго она бродила по городу и наконецъ остановилась въ концѣ той улицы, гдѣ возвышалась башня Гильды. Люди часто въ минуты самаго глубокаго отчаянія занимаются пустыми вещами; потому неудивительно, что Миріамъ пришло въ голову зайти къ Гильдѣ спросить, почему она не пришла въ церковь капуциновъ. Мы должны замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ ее влекло одно любопытство; но она вспомнила, — и сердце ея вздрогнуло при этомъ воспоминаніи — что говорилъ ей Киніонъ о Гильдѣ. Еслибы ей предстоялъ выборъ между безчестіемъ предъ лицомъ цѣлаго свѣта и преступностью въ глазахъ одной Гильды, она, не колеблясь, выбрала бы первое, съ условіемъ остаться чистою въ глазахъ своего друга. Желаніе удостовѣриться, точно-ли Гильда была свидѣтельницею вчерашней сцены, влекло ее къ башнѣ, между тѣмъ какъ мысль, что предположеніе ея справедливо, замедляла ея шаги и повергала въ уныніе.

Подходя къ башнѣ, она увидѣла ту же сцену, которая заняла ее, когда она въ послѣдній разъ посѣтила Гильду. Она опять увидѣла голубей — одни хлопотали на мостовой, другіе сидѣли на головахъ, плечахъ и трубахъ ангеловъ, украшавшихъ фронтоны церкви, и на окнахъ Гильды. Миріамъ посмотрѣла вверхъ — всѣ окна были закрыты бѣлыми шторами, за исключеніемъ одного, въ которомъ она вчера вечеромъ видѣла Гильду. Миріамъ остановилась.

— Тише! проманила она, глубоко вдохнувъ и прижавъ руку къ сердцу. — Неужели у меня неостанетъ силы перенести этого, испытанія, когда я перенесла столько ужасовъ!

Какъ ни основательнымъ были ея опасенія, однакожь она не возвращалась назадъ. А можетъ быть, Гильда ничего не знаетъ, невольно думала она; — можетъ быть, она встрѣтитъ ее, какъ всегда, съ ясною улыбкою и тогда ея спокойствіе смиритъ хоть на минуту ея страданіе. Но въ состояніи ли будетъ Мириамъ — преступница какъ прежде поцѣловать свою подругу, пожать ея руку?

— Нѣтъ этого никогда не будетъ! сказала она почти вслухъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Достигнувъ верхней площадки, Мириамъ остановилась въ размышленіи.

Между тѣмъ Гильда сидѣла въ своей рабочей комнатѣ безъ всякаго опредѣленнаго занятія и даже безъ всякой опредѣленной мысли. Еслибы кто нибудь заглянулъ въ эту комнату, то увидѣлъ бы на постели отпечатокъ ея фигуры, показывавшій, что въ прошлую ночь она не раздѣвалась; но подушка была измята и на нее въ эту ночь упала не одна слеза. Гильда знала, что въ свѣтѣ много зла; но она знала это только въ теоріи, которая казалась ей неосуществимою въ дѣйствительности. Теперь она увидѣла осуществленіе его, увидѣла новое паденіе Адама и изгнаніе его изъ рая.

Кресло, на которомъ она сидѣла, стояло возлѣ станка, съ котораго еще не была снята картина Беатриче Ченчи, такъ что оба лица отражались въ зеркалѣ, висѣвшемъ на противоположной стѣнѣ. Поднявъ глаза, Гильда увидѣла это отраженіе, и ей показалось, что въ ея лицѣ такое же выраженіе, какъ въ лицѣ Беатриче.

— Неужели и я преступна! подумала она и закрыла лицо руками. Хотя Гильда не была преступна, но въ эту минуту она дѣйствительно походила на Беатриче — сознаніе преступности Мириамъ омрачило ея чистую душу, точно такъ же, какъ сознаніе преступленій отца набросило тѣнь на несчастную Беатриче.

Гильда подвинула стулъ въ сторону, такъ что лицо Беатриче скрылось, и погрузилась въ задумчивость. Долго она сидѣла такимъ образомъ, почти не двигаясь и не останавливая вниманіи ни на чемъ исключительно; наконецъ уже послѣ полудня услышала шаги Мириамъ на лѣстницѣ. Первое ея движеніе было — запереть дверь; но подумавъ немного, она увидѣла, что такой поступокъ казался бы низкою трусостью; а сверхъ того Мириамъ, которая еще вчера была самымъ близкимъ и единственнымъ другомъ, имѣетъ право на свиданіе.

Она слышала потомъ, что шаги затихли у двери. Мы не знаемъ,

на что рѣшилась Мириамъ, которую занимала мысль, какую манеру обращенія принять ей въ отношеніи къ своей подругѣ. Наконецъ она отворила дверь и вошла.

— Гильда! милая, дорогая Гильда! воскликнула она, бросившись къ ней съ распростертыми объятіями.

Гильда стояла по срединѣ комнаты и на это восклицаніе отвѣчала такимъ жестомъ, что Мириамъ въ одно мгновеніе поняла, что между ею и ея подругою разверзлась пропасть. Онѣ стояли на противоположныхъ сторонахъ ея и чувствовали невозможность приблизиться другъ къ другу. — На лицѣ Мириамъ выразилось глубокое отчаяніе — она сдѣлала одинъ или два шага впередъ.

— Не подходите, Мириамъ! сказала Гильда дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалась грусть и сожалѣніе.

— Что же произошло между нами, Гильда? спросила Мириамъ. — Развѣ мы больше не друзья?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Гильда.

— По крайней мѣрѣ мы были друзьями, продолжала Мириамъ. Я васъ любила, глубоко, искренно любила, какъ сестру, больше, чѣмъ сестру. Отчего вы не хотите прикоснуться къ моей рукѣ? Развѣ я не такая же, какъ вчера?

— Нѣтъ, Мириамъ, нѣтъ, вы переѣбились!

— Да, но для васъ я та же! отвѣчала Мириамъ; если вы дотронетесь до моей руки, вы увидите, что она способна къ такому же искреннему пожатію, какъ всегда. Но вы смотрите на меня такъ, что каждый вашъ взглядъ выталкиваетъ меня изъ ряда людей.

— Не я, Мириамъ; не я это дѣлаю!

— Вы, и только вы! отвѣчала Мириамъ. Сегодня я такая же женщина, какою была вчера, съ тою же душею, съ тою же искреннею любовью, какою вы всегда видѣли во мнѣ. Вы не можете отрицать этого, Гильда. Но вѣрьте мнѣ, что, когда человѣкъ избираетъ во всемъ свѣтѣ единственнаго друга, то только вѣроломство можетъ измѣнить ихъ отношенія и оправдать разрывъ. Развѣ я обманула васъ? — Если да, выгоните меня! Когда я оскорбила васъ лично, забудьте меня, если можете. Но если я согрѣшила противъ Бога и человѣка, вы можете остаться моимъ другомъ, потому что я въ васъ нуждаюсь.

— Да, Мириамъ, еслибы я была ангелъ небесный, неспособный ко злу, котораго ни что запятнать не можетъ, я осталась бы вѣдь васъ, я неотступно слѣдовала бы за вами и хранила бы васъ отъ всякаго бѣдствія! Но я бѣдная, одинокая женщина; слабая, какъ всѣ; вашъ магнетизмъ слишкомъ силенъ для меня; потому, Мириамъ, я рѣ-

шила съ послѣдовать, пока еще не поздно, внушенію моего сердца; оно требуетъ, чтобъ я избѣгаю васъ.

— Но это ужасно, Гильда! произнесла Мириамъ, приложивъ руку ко лбу и опустивъ глаза въ землю. Она была блѣдна, какъ смерть. — Да, сказала она, послѣ паузы: я всегда говорила, что вы безжалостны; я чувствовала это даже тогда, когда всё меня любили. Вы не знаете грѣха, на васъ нѣтъ ихъ, и потому вы такъ немилосердны. Вамъ нужно согрѣшить для того, чтобы смягчиться.

— Прости меня Богъ, если я сказала хоть одно ненужное жестокое слово! вскричала Гильда.

— Оставьте ихъ, отвѣчала Мириамъ. Я прощаю ихъ вамъ. Но прежде чѣмъ мы разстанемся на вѣки, скажите, что вы видѣли или что вы обо мнѣ узнали въ то время, какъ мы не видѣлись?

— Ужасныя вещи, Мириамъ, отвѣчала Гильда, еще болѣе поблѣднѣвъ.

— Чтожь? вы все это видите въ моихъ глазахъ? спросила Мириамъ, замѣтивъ волненіе Гильды. Не могу понять, зачѣмъ судьба послала свидѣтеля, когда мы думали, что мы совершенно одни. Тамъ это видѣлъ весь Римъ? или по крайней мѣрѣ все общество художниковъ? Или вы видите на мнѣ кровавыя пятна, слышите отъ меня запахъ трупъ? Говорятъ, что чудовищное безобразіе дьявола покрыло тѣ созданія, которыя были когда-то чистыми ангелами. Развѣ и со мною то же случилось... Говорите, ради нашей прошлой, дружбы, говорите, Гильда, что вы знаете.

Гильда была испугана тономъ этой рѣчи и волненіемъ, котораго Мириамъ не могла и повидимому не старалась подавить. Она, сама того не замѣчая, подчинилась ей, стала рассказывать, что видѣла вечеромъ.

— Когда все общество пошло въ городъ, начала Гильда, я возвратилась назадъ съ намѣреніемъ поговорить съ вами, потому что, какъ мнѣ казалось, вы вчера были взволнованы и разстроены. Дверь, ведущая во дворъ, была заперта; но мнѣ удалось открыть ее, и я увидѣла васъ, Донателло и третье лицо, которое прежде еще я замѣтила въ тѣни, въ нишѣ. Этотъ человекъ приблизился къ вамъ, и вы бросились передъ нимъ на колѣна. Я видѣла потомъ, какъ Донателло кинулся на него. Я хотѣла-было закричать, но не могла; хотѣла побѣжать къ вамъ, но мои ноги, казалось, вросли въ землю. Все это случилось въ одно мгновеніе. Я замѣтила хорошо, что вы бросили на Донателло взглядъ — взглядъ....

— Да, да, Гильда! вскричала Мириамъ съ необыкновенною живостью. Не останавливайтесь! Говорите: взглядъ....

— Этотъ взглядъ открылъ ваше сердце, продолжала Гильда. Въ немъ выражалась ненависть, месть и просьба о помощи.

— А! Донателло правъ, проговорила Мириамъ. Я кростила его! Дальше, дальше, Гильда....

— Все это, я говорю, произошло въ одно мгновеніе, и однакожъ мнѣ показалось, что Донателло замедлилъ немного; онъ поглядѣлъ.... Ахъ, Мириамъ, пощадите меня! Неужели я должна вамъ все разсказать?

— Нѣтъ, довольно, отвѣчала Мириамъ, поминувъ головою, какъ будто выслушала свой смертный приговоръ. Теперь довольно! Вы удовлетворили меня; теперь я могу быть спокойна! Благодарю васъ, Гильда.

Она хотѣла-было уйти, но возвратилась отъ двери.

— Это слишкомъ страшная тайна для такой нѣжной натуры, какъ вы, сказала она; что вы думаете дѣлать, бѣдное дитя?

— Помогите мнѣ, Боже, унести ее въ землю! сказала Гильда и залилась слезами. — Это, кажется, преступленіе знать такія вещи и молчать о нихъ, проговорила она послѣ долгой паузы. — О, отчего у меня нѣтъ матери! Я поѣхала бы къ ней, чтобы разсказать эту тайну, она научила бы меня.... Но я одна! одна! Мириамъ, вы были моимъ единственнымъ, лучшимъ другомъ, скажите, что мнѣ дѣлать?

Такое обращеніе бѣдной дѣвушки къ преступной женщинѣ, которую она отталкивала отъ себя, было конечно довольно странно; но оно нѣсколько успокоило Мириамъ, доказавъ ей, что отношенія, существовавшія между нею и Гильдою, еще несомнѣнно уничтожились.

— Чтобъ очистить свою душу, отвѣчала Мириамъ, вамъ стоитъ только объявить эту тайну всѣмъ, сдѣлать ее оффиціально извѣстною, не обращая вниманія на послѣдствія. Но я не думаю, чтобъ это успокоило васъ, потому что, потребовавъ меня къ суду, вы исполните только внѣшнюю формальность. Притомъ никакой судья на землѣ не осудитъ меня справедливо, и вы, можетъ быть, всю жизнь терзались бы сознаніемъ несправедливости. Что же вамъ остается дѣлать? Забыть все! Но я не смѣю требовать, чтобъ вы хранили отъ всѣхъ эту тайну; передайте ее кому хотите, если только это можетъ облегчить вашу душу. У васъ развѣ нѣтъ друга, который замѣнилъ бы меня?

— Никого, отвѣчала Гильда печально.

— А Кинионъ! возразила Мириамъ.

— Онъ не можетъ быть моимъ другомъ; потому что.... потому что, какъ мнѣ кажется, онъ добивается больше, чѣмъ дружбы.

— Не бойтесь этого, сказала Мириамъ съ улыбкою, покачавъ головою. Эта исторія испугаетъ его любовь, и даже удалитъ его отъ

васъ, если вы того захотите. Расскажите ему все, и поступите такъ, какъ онъ посовѣтуетъ вамъ. Больше я ничего не могу сказать.

— У меня не было и тѣни мысли требовать васъ къ суду, сказала Гильда. И какъ вы могли думать объ этомъ? Но я знаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ остается молчать объ этомъ ужасномъ дѣлѣ и умереть отъ него, если Богъ не пошлетъ мнѣ помощи. Ахъ, Мириамъ, Мириамъ! Вы не знаете, какія я испытываю муки! Ваше дѣло омрачило все небо!

Она отвернулась отъ своего погибшаго друга и упала на колѣна, не въ состояніи будучи произнести ни слова. Мириамъ, стоя у порога, долго смотрѣла на нее, безмолвно прощаясь съ этимъ чистымъ созданіемъ, котораго лишила покоя и счастья своимъ преступленіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

В а с и

9 24